К. ВАЛИШЕВСКІЙ.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССІИ.

ИВАНЪ ГРОЗНЫЙ

(1530—1584).

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

МОСКВА.
Типографія „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА“ 3-я Тверск.-Ямская, 34.
1912.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Новая Россія въ преобразованіяхъ Петра Великаго и Екатерины Великой является уже вооруженной съ ногъ до головы для всѣхъ завоеваній моральныхъ или матеріальныхъ, приведенныхъ въ исполненіе въ то время или послѣ.

Извѣстно, что въ своемъ твореніи Петръ Великій имѣлъ предшественниковъ и явился продолжателемъ.

Чьимъ? Непосредственные его предшественники—первые Романовы—правители государства, лишеннаго всякаго сношенія съ Европой, закрытаго для постороннихъ вліяній, и не имѣющаго возможности собственными силами достигнуть хотя первоначальной цивилизаціи. Восходя далѣе, къ послѣднимъ годамъ 16-го вѣка, мы встрѣчаемъ „Смутное Время“, т. е. безпорядокъ и анархію, варварство и мракъ. Между тѣмъ, разсматривая ближе, можно замѣтить, что внезапный свѣтъ цивилизаціи, озарившій Россію въ 18 вѣкѣ, не есть ея разсвѣтъ. Для восходящаго солнца этотъ свѣтъ имѣетъ слишкомъ много блеска. Петръ Великій не ошибся, и мракъ изъ котораго явился его блестящій геній, былъ только лишь временнымъ затмѣніемъ.

Внѣшнее и внутреннее развитіе великой Имперіи совершалось въ такомъ порядкѣ, какой имѣетъ система снѣжныхъ лавинъ.

Послѣ долгаго промежуточнаго времени внезапное перемѣщеніе центра тяжести обозначаетъ стремленіе впередъ, съ нѣкоторыми остановками болѣе или менѣе продолжительнаго характера.

Подобное явленіе повторялось уже нѣсколько разъ и, повидимому, должно появиться еще. Причина его и объ-

ясненіе очень естественны: совершая великую задачу, предназначенную судьбой, народъ неизбѣжно долженъ былъ встрѣчать препятствія и увеличить свои усилія.

Въ это время и въ слѣдующее двадцатилѣтіе прогрессъ народа задерживается во внутреннихъ дѣлахъ, а во внѣшнихъ останавливается на пути, по которому слѣдовалъ прежде. Это оттого, что дѣятельность его была направлена въ другую сторону: къ завоеваніямъ новыхъ владѣній, долженствующихъ еще расширить его границы до китайскихъ морей съ одной стороны и до Персидскаго залива съ другой. Оставленныя имъ задачи тѣмъ не менѣе зрѣютъ медленно, но вѣрно, и берегитесь лавинъ!

Предшественникъ, послѣдователемъ котораго считалъ себя Петръ Великій, былъ современникомъ послѣдняго Валуа, и вотъ къ этому-то времени надо обращаться, чтобы раскрыть политическія и интеллектуальныя начала реформатора. Трудная задача, но лишь такимъ путемъ можно придти къ пониманію окончательныхъ результатовъ. Вотъ почему я предоставляю читателямъ этотъ томъ. Безъ сомнѣнія, меня упрекнутъ, почему я не съ этого началъ, но въ исторіи, какъ и въ анатоміи, нельзя начинать сначала, съ зародыша и клѣтки, т. ч. въ дѣйствительности я только слѣдую научному методу.

И такъ, съ 16-го до 18-го вѣка Россія жила почти внѣ всякаго общенія съ Европой и ея цивилизаціей. Но прежде она уже дѣлала усилія, чтобы выйти изъ этого замкнутаго состоянія, и то дѣло, которое вызвало сочувствіе Вольтера, зародилось такимъ образомъ въ то время, когда во Франціи царствовали Карлъ 9-ый и Генрихъ 3-й. Съ этого времени огромная и варварская Московія начала входить въ соприкосновеніе со своими западными сосѣдями. Но дорога была заграждена Польшей и Швеціей; понадобилось болѣе вѣка, чтобы устранить эти препятствія.

И, если бы не было Баторія, — стрѣлка часовъ исторіи сдѣлала бы свой оборотъ на сто лѣтъ ранѣе. Снаружи пріобрѣтеніе береговъ Балтійскаго моря, уничтоженіе остатковъ власти татаръ, завоеваніе Сибири и открытіе политическихъ и коммерческихъ сношеній совсѣми государ-

ствами Европы; внутри—введеніе началъ европейской культуры и реорганизація государства на тѣхъ началахъ, которыя мы видимъ теперь, все, что Петръ и Екатерина совершили, было задумано, начато и отчасти приведено въ исполненіе въ это первое утро цивилизаціи, за которымъ слишкомъ скоро нависли вечерніе сумерки.

Кто же это совершилъ?—Человѣкъ про котораго Кюстинъ пишетъ, что онъ перешелъ всѣ границы зла, дозволенные, такъ сказать, въ той сферѣ Богомъ его созданію, преступникъ, лицо котораго кошмаръ и имя Ужасъ; соперникъ Нерона и Калигулы—Грозный! Это самый любопытный примѣръ аберраціи въ области не только легенды, но и исторической критики.

И прежде всего это имя—Грозный (ужасный), которое я долженъ былъ написать на обложкѣ моего тома, чтобы обозначить о комъ рѣчь,—не точное имя. Русскіе нынѣшняго времени не замѣчаютъ этой неточности, допущенной при переводахъ на иностранные языки. Нѣмцы не могутъ рѣшить, какъ лучше перевести слово „Грозный",—словомъ der Schreckliche или der Grausame. Обѣ версіи не точны, но вторая—хуже. Никогда Москвичи не называли такъ Ивана 4-го въ его время. Для нихъ онъ былъ „*Грозный*". Однако, обратите вниманіе на слѣдующее: во время полемики Грознаго съ Баторіемъ послѣдній упрекнулъ своего соперника въ томъ, что онъ окружаетъ себя рындами, вооруженными сѣкирой, во время пріема пословъ. Грозный ему отвѣтилъ: „Это чинъ государскій, да и *гроза*", т. е. этого требуетъ мой рангъ и уваженіе, которое я долженъ внушать. Никогда „*гроза*" не имѣла другого смысла.

Обратитесь къ „Домострою" — знаменитому домашнему уставу Москвичей того времени, въ главѣ, гдѣ говорится объ обязанностяхъ отца семьи, отъ него требуется быть „Грознымъ", т. е. внушающимъ уваженіе и уважаемымъ. Но что значатъ тогда убійства, эшафоты, уничтоженіе человѣческихъ жизней, о чемъ говорятъ современники? Знаете ли вы въ 16 вѣкѣ какое либо государство Европы, одна глава исторіи котораго представляла бы идиллію? Въ Поль-

шѣ, быть можетъ, гдѣ шляхта, съ послѣдними ягеллонами, начинала гибельные опыты noli me tangere?

Баторій тамъ привелъ все въ порядокъ на нѣкоторое время. Но въ эти времена Московія и Польша были антиподами, и если одна имѣла успѣхъ, а другая нѣтъ,—это только потому, что не разбирали средствъ. Обратите ваши взоры на гигантскую равнину, гдѣ работалъ этотъ народъ, между Ураломъ и Карпатами, между Чернымъ и Бѣлымъ морями, и вы увидите, что не лаской, нѣжностью и благостью можно было смѣшать, перетереть и слить въ нераздѣльное цѣлое 20 различныхъ расъ, составляющихъ теперь Россію.

Возможно, что при этой работѣ Иванъ 4-ый былъ болѣе жестокъ, чѣмъ нравы его вѣка. Мы объ этомъ еще поговоримъ послѣ. Но въ легендахъ и исторической критикѣ эпитетъ „Грозный“ сталъ синонимомъ жестокости безъ смысла и безъ оправданія, чисто варварскаго происхожденія, доведенной до крайностей въ своихъ проявленіяхъ, и для того, кто знаетъ могущество словъ, послѣдствія не оставляютъ сомнѣнія: слово наложило ложное понятіе на вещи.

Конечно, представленіе объ этомъ лицѣ и его сподвижникахъ не можетъ быть отдѣлено отъ нѣкоторыхъ ужасныхъ сценъ, и вамъ надо приготовить ваши нервы къ тяжелымъ испытаніямъ; но сквозь эти зловѣщія видѣнія вы, тѣмъ не менѣе, замѣтите то, что я назвалъ восходомъ солнца.

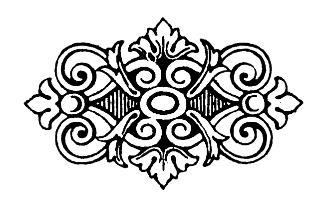
Въ послѣднемъ изъ царствовавшихъ Рюриковичей (не считая Ѳеодора, бывшаго только тѣнью) одинъ изъ вождей школы славянофиловъ—Кавелинъ уже отмѣтилъ центральную фигуру исторіи своей страны. Съ того времени попытки реабилитаціи этой фигуры умножилися и доходили до крайностей.

Постараюсь разобраться въ этихъ противоположныхъ значеніяхъ и занять сторону истины. Я не считалъ возможнымъ предпринять это изученіе, не обозрѣвъ сначала географическихъ, политическихъ и соціальныхъ условій, а также интеллектуальнаго состоянія и нравовъ страны, куда

историкъ не можетъ еще иначе проникнуть, какъ въ роли изслѣдователя. Первыя четыре главы этого тома будутъ посвящены такому обозрѣнію. За растянутость и подробности меня извинятъ: иначе я рисковалъ быть не понятымъ, и говорилъ бы загадками. Этотъ ключъ необходимъ для большинства моихъ читателей.

Я мало пользовался неизданными документами. Тѣ документы, которые оказались мнѣ полезными, въ большинствѣ случаевъ уже опубликованы, частью же совершенно недоступны. Что касается литературы по этому вопросу, то она очень обширна. И я не буду указывать на нее, чтобы излишне не увеличивать произведенія. Я долженъ прибавить, что литературный источникъ представляетъ еще сырой необработанный матеріалъ. Историку нужно еще поработать, чтобы создать стройное цѣлое.

Пусть мой другъ I. Щукинъ, богатая библіотека котораго и безконечная любезность дали мнѣ возможность совершить мою задачу, приметъ выраженіе моей глубокой благодарности.



ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

РОССІЯ XVI ВѢКА.

Глава I.

Страна и населеніе.

I. Древняя и новая Россія.—II. Территорія.—III. Общественные классы. Аристократія.—IV. Политическій и общественный строй. Происхожденіе абсолютизма.—V. Крестьяне.—VI. Несвободное населеніе.—VII. Городское населеніе.—VIII. Церковь.

I.

Древняя и новая Россія.

„Налетѣлъ на меня многокрылый орелъ съ когтями льва и унесъ у меня три кедра ливанскихъ: мою красоту, богатство, моихъ дѣтей. Земля наша опустошена, городъ нашъ разрушенъ, рынки уничтожены. Наши братья увезены туда, гдѣ не бывали никогда ни наши отцы, ни дѣды, ни прародители“...

Такъ устами одного изъ своихъ лѣтописцевъ свободный, съ республиканскимъ устройствомъ городъ Псковъ, присоединенный въ 1510 году къ новой московской державѣ, оплакивалъ свою потерянную независимость, свои уничтоженныя привилегіи и своихъ сыновей, приговоренныхъ къ изгнанію. Отецъ Ивана Грознаго Василій Ивановичъ, побывавъ во Псковѣ, на обратномъ пути оттуда увезъ мощный колоколъ, въ теченіе вѣковъ сзывавшій жителей на вѣче; сотни семействъ мѣстныхъ жителей переселилъ во внутреннія области своихъ владѣній, а на ихъ мѣсто переселилъ москвитянъ и провозгласилъ присоединеніе республики къ своему государству.

Это было повтореніе историческаго событія, имѣвшаго незадолго до того въ Западной Европѣ. Точно такъ же Карлъ Смѣлый ниспровергъ въ Льежѣ знаменитый perron,

древнюю бронзовую колонну, у подножія которой въ теченіе минувшихъ вѣковъ народъ собирался для принятія законовъ и исполненія разныхъ другихъ актовъ государственной жизни.

А по сосѣдству съ Карломъ Смѣлымъ боролся Людовикъ XI съ Бургундіей, Бретанью, Гіенной, находившимися въ вассальной зависимости отъ него, стараясь присоединить и удержать за собой эти жемчужины Французской короны.

Это былъ рѣшительный моментъ, когда слагались крупныя государственныя образованія. Этотъ историческій процессъ сопровождался болѣзненнымъ кризисомъ. Но здѣсь, въ этомъ отдаленномъ сѣверо-востокѣ, задача „собирателей русской земли", какъ ихъ называютъ, была особенно трудна. Дѣло заключалось не въ простомъ сліяніи областей, соединенныхъ уже и безъ того близкимъ сходствомъ, общностью традицій, очевиднымъ единствомъ интересовъ. Представьте себѣ, что Франція завоевана въ XV вѣкѣ Англичанами и какой-нибудь князь бургундскій пытается создать монархію, и даже не въ Дижонѣ, а гдѣ нибудь въ Германіи, Швейцаріи или Италіи, и это новое государство должно собрать обломки разорваннаго, разрозненнаго французскаго отечества. Таково приблизительно было положеніе, изъ котораго, благодаря трудамъ и непрерывнымъ усиліямъ „собирателей", въ началѣ шестнадцатаго вѣка вышелъ новый міръ: Русь Ивановъ и Васильевъ.

Какова же была эта Русь? Конечно, это была не та Русь, по которой вы несетесь теперь въ спальномъ вагонѣ изъ Кіева въ Петербургъ или изъ Варшавы въ Иркутскъ.

Кіевской Руси въ это время уже не было. Петербургская же еще не сложилась. Изъ того, что въ десятомъ и одиннадцатомъ вѣкѣ составляло владѣнія Ярославовъ и Владиміровъ, государь Московскій XVI вѣка не сохранилъ за собой и пяди земли. Хотя Московскіе государи и называютъ себя великимъ княземъ или царемъ „всея Руси", но право на этотъ титулъ у нихъ было такимъ же, какъ и право ихъ современниковъ англійскихъ королей, по которому они себѣ присваивали гербъ и корону Франціи къ своей отчизнѣ. Кіевская Русь въ то время составляла часть польскихъ владѣній, Могилевская область — литовскихъ, Червоная, Бѣлая и Малая Русь цѣликомъ принадлежали сосѣдямъ. Москва была не что иное, какъ колонія, основанная русскими въ чужой, финской землѣ.

Съ XI по XIII в. Кіевское княжество терзала братоубійственная борьба, происходившая между потомками Владиміра Мономаха. Въ XIII столѣтіи подверглось нашествію

татаръ. Въ слѣдующемъ XIV столѣтіи послѣ польско-литовскихъ завоеваній отъ кіевскаго княжества не осталось ничего. Въ это бурное время одинъ изъ наслѣдниковъ Мономаха—Юрій Долгорукій сталъ во главѣ русскихъ колонистовъ, искавшихъ новыхъ мѣстъ.

Онъ направился на сѣверо-востокъ чрезъ лѣсныя пространства, отдѣлявшія бассейны Днѣпра и Волги, и на своемъ пути покорялъ встрѣчавшіяся финскія племена. Въ этой покоренной странѣ въ 1147 году и была основана Москва. На первыхъ порахъ этотъ новый городъ былъ лишь походнымъ лагеремъ переселенцевъ,

Татарское нашествіе застало Москву еще совершенно неустроенной. Она должна была подчиниться чужимъ законамъ и правамъ. Болѣе двухъ вѣковъ послѣ пораженія русскихъ на Калкѣ (въ 1 224 г.) страну давила тяжесть опустошительной азіатской стихіи.

Лишь въ концѣ XIV вѣка, когда обнаружилось постепенное разложеніе монгольскаго царства, московскіе князья почувствовали достаточно силъ для того, чтобы свергнуть съ себя тяжелое иго. Въ то же время они начали стремиться присоединить къ своимъ владѣніямъ другія сосѣднія колоніи и ближайшія, отпавшія отъ нихъ части древней Руси. Такъ создали они себѣ новую державу, а для Руси—новый центръ. Съ 1478 года находился подъ ихъ властью Новгородъ, а въ скоромъ времени также Тверь, Ростовъ, Ярославль. Иванъ III, справедливо прозванный Великимъ, присоединилъ новыя области, лежащія за предѣлами древней Руси, и раздвинулъ границы своего государства на сѣверъ до Финляндіи, Бѣлаго моря и Ледовитаго океана, на востокъ до Урала. Его сынъ Василій прибавилъ къ этому на югѣ Рязань и Новгородъ Сѣверскій.

Составляло ли все это *одно государство* въ историческомъ смыслѣ этого слова? На этотъ вопросъ приходится отвѣтить отрицательно — единства между составными частями слагавшагося государства еще не было.

II.

Территорія.

При своемъ вступленіи на престолъ въ 1533 году Иванъ IV наслѣдуетъ уже значительныя владѣнія, но даже въ географическомъ отношеніи они были лишены единства. Повсюду замѣчается боевое настроеніе населенія и выступаютъ безпорядки насильственнаго присоединенія земель.

Всѣ эти присоединенія представляются въ видѣ какой-то безпорядочной кучи военной добычи. Вокругъ новаго центра—Москвы группируются области, постепенно расширяющіяся. Большая часть изъ нихъ не имѣетъ установленныхъ границъ и даже приблизительныхъ очертаній, такъ что при указаніи ихъ приходится пользоваться только топографическими данными.

На сѣверо-востокѣ находились земли нынѣшней Архангельской губерніи, Вологодской и Олонецкой; на сѣверозападѣ — Новгородской и Псковской; на западѣ и юго-западѣ московскому государству принадлежала область Днѣпра съ современной Смоленской губерніей и западная часть теперешней Калужской губерніи, часть Черниговской губерніи и западные уѣзды Орловской и Курской губерній. На югѣ были степи совершенно безъ установленныхъ южныхъ границъ и съ сѣверной границей, проходившей по 55° сѣвернаго параллельнаго круга, т.-е. совпадала съ сѣверной границей теперешнихъ губерній Калужской, Тульской, Рязанской, Тамбовской, Пензенской и Симбирской. Наконецъ на востокѣ владѣнія московскаго государства составлялъ бассейнъ Камы съ ея притоками—Вяткой, Чусовой и Бѣлой.

Нужно отмѣтить довольно характерную особенность: Новгородъ и Псковъ со своими областями составляютъ важную часть.

Здѣсь сосредоточивается промышленность и торговля страны. Экономически новое государство живетъ этими областями и даже зависитъ отъ нихъ. Но промышленность была убога, болѣе оживленно шла торговля, но и она ограничивалась скромными размѣрами. Живя рыбной ловлей, населеніе этой болотистой, съ обширными пустырями, страны мало занималось землedѣліемъ.

При такихъ условіяхъ торговля привлекала значительную часть населенія и служила для него главнымъ источникомъ существованія.

Товары направлялись отъ береговъ Балтійскаго моря внутрь страны; по тѣмъ же путямъ въ обратномъ направленіи шли мѣстные продукты. На пространствѣ 282.127 квадратныхъ верстъ во всей странѣ насчитывалось только 14 городовъ. Причемъ большая часть изъ нихъ представляли собой небольшіе укрѣпленные пункты-острожки. На обширной же территоріи въ 171.119 квадр. верстъ Бѣжецкой и Олонецкой пятины вовсе отсутствовала городская осѣдлость. Встрѣчались лишь поселки съ рынками, гдѣ производились торговыя операціи.

Новгородъ съ своими 5300 жилыхъ домовъ до второй половины XVI вѣка занимаетъ первенствующее положеніе среди русскихъ городовъ, за исключеніемъ Москвы. Въ одномъ Псковѣ, и только въ предѣлахъ городскихъ стѣнъ, не считая пригородовъ, по даннымъ того времени насчитывалось 1300 лавокъ и конторъ. Но тѣ же документы отмѣчаютъ одно явленіе, рѣзко выступающее въ русской жизни XVI вѣка: городской торговый классъ населенія быстро уничтожается, его вытѣсняютъ и замѣняютъ военные элементы. Въ Гдовѣ, гдѣ торгово - промышленный элементъ болѣе сохранился, чѣмъ въ другихъ городахъ, списки 1580-1585 г. отмѣчаютъ только 14 душъ представителей этой категоріи населенія.

Исчезновеніе торгово-промышленнаго класса было слѣдствіемъ насильственнаго присоединенія областей московскими князьями. Имущество населенія покоренныхъ областей конфисковалось массами, конфискованныя предпріятія часто передавались въ другія руки. Это быстро измѣнило физіономію страны до состава общественныхъ элементовъ и отношеній между ними включительно. Новые пришельцы были военными людьми, и въ своемъ завоевательномъ движеніи и во внѣшнемъ ростѣ Москва сохранила свой первоначальный характеръ—характеръ военной колоніи въ покоренной странѣ.

Иначе не могло и быть. Новое государство, какъ и всѣ области его, представляетъ какъ бы сплошное поле битвы. Границы его съ одной стороны недостаточно установлены, съ другой — являются предметомъ постоянныхъ споровъ. Изъ крѣпостей, защищающихъ его съ сѣверо-запада, Смоленскъ пріобрѣтенъ лишь въ 1514 году, но все еще оставался номинальнымъ центромъ литовско-польскаго воеводства. Что касается Великихъ Лукъ, то ихъ скоро отниметъ у Ивана Стефанъ Баторій. На сѣверо-востокѣ колонизація продолжаетъ распространяться вдоль береговъ Бѣлаго моря, по рѣкѣ Онегѣ и отъ сѣверной Двины до Урала. Но и здѣсь, въ такъ называемомъ *Поморьѣ*, владѣнія пришельцевъ ограничиваются морскими и рѣчными берегами. Съ экономической точки зрѣнія главная роль здѣсь принадлежитъ монастырямъ, являющимися не столько разсадниками благочестія, какъ центрами военной оккупаціи. Напримѣръ, Соловецкій монастырь на Бѣломъ морѣ имѣлъ соляныя варницы и богатыя рыбныя ловли и содержалъ свою полицію и даже небольшое войско. Далѣе на востокъ отъ Двины заселеніе только начиналось. Населеніе разсѣяно по бѣднымъ рыбачьимъ поселкамъ. Единственнымъ центромъ съ полугодовой ярмаркой здѣсь была Лампожня на Мезени.

А по ту сторону Мезени тянулись уже совершенно пустынныя мѣста.

Слѣдуетъ отмѣтить любопытную подробность.

Укрѣпленные пункты опоясывали государство, Москва же сохраняла свой прежній характеръ временной военной стоянки и не была достаточно прикрыта. Хотя *Кремль* былъ обнесенъ зубчатой стѣной съ башнями, но въ немъ находились только княжескіе дворцы, жилища нѣкоторыхъ бояръ, нѣсколько церквей и монастырей, жизнь же столицы шла внѣ этихъ стѣнъ. Городъ съ его деревянными домами, лавками, рынками, каменнымъ *гостиннымъ дворомъ*, выстроеннымъ по образцу Левантскаго базара, раскинулся далеко во всѣ стороны отъ Кремля. Торговая дѣятельность шла въ обширныхъ пригородахъ, совершенно открытыхъ или защищенныхъ простымъ деревяннымъ заборомъ. Дома и лавки посадовъ, широко разбросанныхъ вокругъ и сливавшихся съ окружающими полями, чередовались со вспаханными нивами и зелеными лугами.

Торговая жизнь продолжалась также и въ обширныхъ слободахъ, настоящихъ уже селахъ, окруженныхъ полями, садами, рощами. По сосѣдству виднѣлись бѣлыя стѣны оградъ и золоченые купола монастырскихъ церквей. Этотъ пестрый полугородской, полудеревенскій видъ уходилъ далеко и терялся съ глазъ у черты горизонта. Эта была настоящая столица государства, которое только выступало на путь историческаго развитія.

Способъ обозначенія провинцій новаго государства, находившагося еще въ состояніи образованія, соотвѣтствовалъ ихъ переходному характеру.

Тогда говорили: *„заокскіе, закамскіе города“*, подразумѣвая подъ названіемъ *городъ* всю тертриорію, прилегавшую къ извѣстному центральному пункту. Даже центральную область, ядро слагавшагося государства, называли *„замосковными городами“*. Напримѣръ, Нижній-Новгородъ, недавно пріобрѣтенный московскими князьями отъ младшей линіи Мономаховичей, то имѣлъ значеніе центральнаго пункта, то относился вмѣстѣ съ Арзамасомъ и Муромомъ къ окраинѣ.

Между тѣмъ для зарождавшейся на сѣверо-востокѣ новой Руси онъ былъ какъ бы вторымъ Кіевомъ. Здѣсь тѣ же удобства и красота положенія. Когда англичанинъ Дженкинсъ въ 1558 году отправлялся отсюда съ цѣлой флотиліей галеръ на Дальній Востокъ, казалось, старое время воскресло и кіевскіе князья собираются пуститься по Днѣпру и совершить свой „путь въ Греки“. Но всѣ окрестныя области до сосѣдняго бассейна Клязьмы были опустошены московскимъ завоеваніемъ.

Страну усѣяли развалины. Только Владиміръ сохранилъ кое-какіе остатки былого величія. Сельское населеніе все же было привязано къ землѣ и не покидало ее, но въ городахъ никого не оставалось, кромѣ военныхъ отрядовъ. Это общее явленіе въ новомъ московскомъ государствѣ. То же самое замѣчалось даже въ собственно московскихъ областяхъ и обнаруживалось уже въ какихъ-нибудь 100—150 верстахъ отъ Москвы. На указанномъ разстояніи къ сѣверу тянется широкій поясъ, гдѣ военныя занятія постоянно совмѣщаются съ мирными. Города Тверь, Ржевъ, Зубцовъ, Старица являются здѣсь стратегическими пунктами. Къ югу на верховьяхъ р. Москвы и на Окѣ расположены города Серпуховъ, Кашира, Коломна, защищавшіе переходъ чрезъ эти двѣ рѣки отъ угрожавшихъ постоянно набѣговъ степняковъ.

Далѣе же за этой чертой тянулось другое пустынное, незаселенное пространство, такъ называемое *дикое поле*, куда колонизаціонное движеніе направилось только лишь во второй половинѣ XVI вѣка.

Таково было владѣніе, къ которому въ царствованіе Ивана IV были присоединены вмѣстѣ съ Казанью, Астраханью и ихъ областями земли по нижнему, среднему теченію Волги, по Камѣ, Вяткѣ и по прибрежью Каспійскаго моря.

Къ этимъ пріобрѣтеніямъ послѣ была присоединена загадочная область Казатчины, разположенная между Волгой, Дономъ, сѣверной частью Донца, низовьями Днѣпра и представлявшая собой какъ бы обширный резервуаръ, куда стекались постоянно изъ Польши и Московскаго государства элементы, неполадившіе съ закономъ и порядками своего отечества.

Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ государствѣ одни и тѣ же политическіе и соціальные законы выбрасывали наружу элементы общественнаго распада, для которыхъ слишкомъ тѣсны были нормальныя рамки существованія благодаря тремъ вѣчнымъ силамъ, какъ создающимъ, такъ и разрушающимъ общественный порядокъ. Это—духъ мятежа духъ предпріимчивости, духъ свободы.

Что касается общей численности населенія московскаго государства того времени, мы не имѣемъ никакихъ данныхъ, чтобы опредѣлить ее хотя приблизительно. Даже свѣдѣнія, касающіяся одной только столицы, настолько расходятся, что нѣтъ возможности сдѣлать точный выводъ изъ нихъ.

Въ 1520 году число домовъ въ ней исчислялось 41.500. Это даетъ возможность предположить, что населеніе равня-

лось по меньшей мѣрѣ 100.000 душъ. Шестьдесятъ лѣтъ спустя послѣ этого посланный папой въ Москву легатъ Посевинъ считаетъ болѣе вѣроятнымъ числомъ населенія 30.000 Правда, въ этотъ промежутокъ времени Москва подверглась нашествію татаръ, разрушившихъ ее до основанія. Но такой участи подверглось большинство городовъ этого государства, гдѣ военныя схватки все еще продолжали вспыхивать отъ времени до времени, неся съ собой разрушеніе и измѣняя физіономію края.

Съ этнографической точки зрѣнія девять десятыхъ страны имѣли только то русское населеніе, которое оставила здѣсь прокатившаяся волна недавняго колонизаціоннаго движенія. Не было необходимости въ то время „скресь" русскаго, чтобы найти татарина и особенно финна. Основой населенія вездѣ являлось финское племя.

Завоеванія Грознаго и его преемниковъ произвели большія измѣненія въ составѣ государства. Слѣды этихъ измѣненій мы можемъ видѣть до сихъ поръ на картѣ Кеппена. Но документальныхъ данныхъ, по которымъ можно было бы опредѣлить роль различныхъ этнографическихъ элементовъ въ государственной жизни изучаемой нами эпохи, мы не имѣемъ. Эта роль обозначается немного яснѣе лишь въ интеллектуальной и моральной жизни страны, о чемъ рѣчь будетъ впереди; въ политическомъ же отношеніи она совершенно ничтожна. Московское господство сгладило всякіе слѣды племенныхъ треній путемъ удаленія и поглощенія чуждыхъ элементовъ.

Въ соціальномъ отношеніи разнообразіе этнографическаго состава не проявляется по другимъ причинамъ. О московскомъ государствѣ XVI вѣка нельзя было сказать, что въ немъ два общества, или больше, живутъ въ союзѣ или во враждѣ, такъ какъ тогда вовсе еще не существовало обособленныхъ общественныхъ группъ.

III.

Общественные классы.—Аристократія.

Среди особенностей, рѣзко отличавшихъ русское государство отъ Западной Европы, извѣстная школа историческаго и политическаго направленія мысли отвѣчаетъ и подчеркиваетъ отсутствіе классовыхъ дѣленій. Другія черты различія заключались въ отсутствіи въ русскомъ государствѣ феодализма съ позднѣйшимъ его порожденіемъ—рыцарствомъ и его пережитками. Церковь здѣсь не имѣетъ

той свѣтской власти, какой она вооружена на Западѣ и пользуется ею для борьбы съ государствомъ.

Но всѣ эти черты сводятся къ одному, указанному уже, началу — отсутствію классовыхъ дѣленій въ русскомъ обществѣ.

Подобное явленіе дѣйствительно существуетъ, но оно слишкомъ сложно и въ своемъ проявленіи и въ причинахъ, обусловливающихъ его. Очевидно, что въ этой странѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, были сначала богатые и бѣдные, потомъ земледѣльцы и торговцы, городскіе и сельскіе жители,—все это различные соціальные элементы. Правда, элементы эти не успѣли еще сложиться въ организованныя группы. Я постараюсь это пояснить.

Жизнь Ивана IV прошла въ борьбѣ съ боярами, представлявшими собой аристократію. Кромѣ бояръ, были и другія аристократическія группы. Рядомъ съ боярами стояли потомки древнихъ удѣльныхъ князей. Одни изъ нихъ происходили отъ Рюрика, перваго русскаго князя, другіе— отъ перваго князя литовскаго Гедимина. Занимая первенствующее положеніе въ областномъ управленіи, они добивались господствующаго положенія.

Нѣкоторые изъ нихъ происходили отъ старшей вѣтви той династіи, изъ которой происходили и московскіе князья, но по младшей линіи. Держась кое-гдѣ на остаткахъ своихъ вотчинъ, они могли громко заявлять свои претензіи и не упускали случая сдѣлать это. Они пользовались нѣкоторыми правами и привилегіями, вытекавшими изъ ихъ прошлаго положенія независимыхъ государей. Свои права и привилегіи они ожесточенно защищали.

Однако прочтите Судебникъ 1497 года, изданный дѣдомъ Грознаго Иваномъ III. Въ немъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда всѣхъ этихъ правъ и привилегій. Все населеніе, за исключеніемъ духовенства, раздѣляется на двѣ категоріи, гдѣ нѣтъ ни малѣйшихъ признаковъ соціальнаго дѣленія и различія, созданнаго историческими условіями. Судебникъ знаетъ только *„служилыхъ“* и *„неслужилыхъ людей“*,— вотъ и все! Законодатель такимъ образомъ свелъ на „нѣтъ“ историческое прошлое, деспотически распоряжаясь покорной массой населенія, онъ и раздѣлилъ его на эти двѣ категоріи, соотвѣтствовавшія потребностямъ государственнаго строя.

Въ войскѣ не было ни князей, ни мужиковъ, ни торговцевъ, ни земледѣльцевъ: были солдаты, дядьки, офицера. Военноплѣнныхъ обозначаютъ только нумерами по порядку. Населеніе московскаго государства было какъ бы въ военномъ плѣну. *Служилые*—солдаты, помогающіе государю „соби-

рать русскую землю". *Неслужилые*—работники, несущіе тяжелую повинность доставлять пропитаніе арміи во время похода. Мѣсто, званіе, занятіе каждаго были точно опредѣлены служебнымъ листомъ.

Всѣ въ рядъ: таковъ приказъ.

Никакихъ исключеній для аристократіи.

Въ первой категоріи служилыхъ находятся бояре, князья, старшіе придворные чины и важнѣйшія должностныя лица. Если они и различались между собой, то только по началу административной подчиненности.

И рядомъ съ ними стоятъ низшіе слуги военнаго и гражданскаго вѣдомства: кузнецы, пушкари, столяры и простые воины. Купцы и земледѣльцы относятся къ другой категоріи и также безразлично смѣшиваются и подчиняются одному порядку, возлагающему на нихъ податное бремя. Служилые перваго ранга пользуются нѣкоторыми преимуществами: они занимаютъ важнѣйшія должности, владѣютъ землей; на судѣ ихъ свидѣтельству придается больше значенія. Въ случаѣ обиды виновный уплачиваетъ тройную пеню въ сравненіи съ той, какая полагалась, напримѣръ, за обиду дьяка. Но тотъ же самый принципъ расцѣнки штрафовъ за преступленія противъ чести распространяется и на всѣ ранги, приспособляясь къ степенямъ и служебному положенію.

Остается выяснить, какъ удалось провесть въ жизнь эту искусственную группировку и деспотическую классификацію общественныхъ элементовъ. Очевидно, общественныя группы были слабо организованы, такъ какъ правительство безъ затрудненія разрывало естественную связь между ними и втискивало ихъ въ произвольно созданныя рамки. Отсутствіе сплоченности у московской аристократіи при этомъ выступаетъ очень ясно. Въ московскомъ государствѣ, какъ и на Западѣ, ядро аристократіи составляли придворные элементы. Филологи до сихъ поръ не пришли къ соглашенію относительно происхожденія слова „бояринъ". Одни производятъ его отъ *бой,* другіе—отъ *бол, болій, большій.* Сначала слово *бояринъ* обозначало названіе *дружинниковъ,* которыхъ можно сопоставить съ франкскими *антрустіонами,* англо-саксонскими *тенами* или министеріалами феодальной Германіи. Но на Западѣ взаимоотношенія между государемъ и его вассалами пріобрѣли устойчивый характеръ, благодаря феодальному строю землевладѣнія, различію общественно-политическихъ функцій; тамъ все это закрѣплялось и освящалось закономъ, привычкой, обычаемъ.

Но въ московскомъ государствѣ тѣ же взаимоотношенія имѣли расплывчатый, неопредѣленный характеръ, въ зависимости отъ общей неустойчивости среды.

Самъ князь долгое время здѣсь былъ въ нѣкоторомъ родѣ кочевникомъ. Дружина же его могла или слѣдовать за нимъ, или оставить его. Князь могъ отослать отъ себя своихъ сподвижниковъ и они могли его оставить. Никакихъ обязательствъ на этотъ счетъ не было. Напримѣръ, въ 1149 году волынскій князь отправился походомъ противъ кіевскаго князя. Дружина ему измѣнила, оставила его и онъ потерпѣлъ пораженіе. Принужденія на вѣрную службу тогда не существовало. Когда русская земля раздробилась на множество княжествъ, бояре свободно переходили отъ одного князя къ другому, одни изъ-за личныхъ интересовъ, другіе—просто по капризу. При этомъ они не теряли никакихъ правъ, такъ какъ подобные переходы не считались измѣной. Переходившіе сохраняли за собой земельныя владѣнія и часто отдавали ихъ подъ покровительство новаго князя.

Когда Москва выступила на историческую сцену, она не замедлила воспользоваться этимъ обычаемъ. Она видѣла въ немъ превосходное орудіе для своей политики объединенія, средство вызвать ослабленіе сосѣднихъ княжествъ и усилиться за ихъ счетъ. Ставши центромъ національнаго притяженія, не имѣя равныхъ себѣ соперниковъ среди сосѣднихъ княжествъ, она ничѣмъ не рисковала при такой политикѣ: всѣ стекались къ ней и никто не думалъ уходить отсюда куда-нибудь въ другое княжество. Мало-по-малу солнце Москвы притянуло къ себѣ и поглотило осколки мелкихъ свѣтилъ, которыя его окружали.

Такъ изъ того, что было выброшено другими, въ рукахъ Московскихъ князей образовался слишкомъ мягкій, податливый матеріалъ, изъ котораго можно было лѣпить, что угодно.

Окружавшіе теперь московскаго князя бояре не были больше его сотоварищами, раздѣлявшими съ нимъ вмѣстѣ опасности и побѣды, они были побѣжденными, какъ бы плѣнниками, оторванными отъ родной почвы.

Вся аристократія новой сѣверо-восточной Руси, не исключая и той части ея, которая попрежнему сидѣла на родовыхъ помѣстьяхъ, не имѣла въ себѣ достаточной прочности. Для образованія наслѣдственной давности прошло слишкомъ мало времени, чтобы на нее могла опираться аристократія. Въ феодальныхъ государствахъ въ создавшихся отношеніяхъ между сувереномъ и сеньоромъ, сеньоромъ и сельскимъ населеніемъ была полная аналогія и

можно сказать, что вассалитетъ и серважъ взаимно другъ друга дополняли. Московская же арестократія была въ другихъ условіяхъ. Она терялась среди свободнаго населенія, которое въ лучшемъ случаѣ соглашалось работать на крупныхъ землевладѣльцевъ задѣльно, да и то вѣчно торговалось, вступало въ споры.

Какъ бы то ни было, Москва распоряжалась по-своему этимъ зыбкимъ матеріаломъ и даже придала ему извѣстную устойчивость въ военной организаціи.

IV.

Политическій и общественный строй.—Происхожденіе абсолютизма.

Относительно происхожденія и характера московской государственной власти существуетъ нѣсколько различныхъ взглядовъ. Историческая школа, о которой я уже упоминалъ выше, считаетъ ее органическимъ явленіемъ, обусловливаемымъ характеромъ этой вѣтви славянской семьи, которую судьба перенесла съ родной почвы на далекую чужбину. По взгляду этой школы, только этотъ строй, въ которомъ проявлялся духъ русской народности, соотвѣтствовалъ особенностямъ націи въ области государственнаго устройства и обезпечивалъ жизненность созданныхъ ею политическихъ учрежденій. Другія славянскія государства, организованныя на иныхъ началахъ, иногда были въ блестящемъ состояніи, но оно было кратковременнымъ, благодаря слабости центральной власти, которая не могла препятствовать быстрому росту и усиленію аристократіи.

Но откуда же явилось у славянской колоніи сѣверо-востока расположеніе къ этому именно политическому строю и способность подчиняться ему?

Забѣлинъ объясняетъ развитіе самодержавія въ московскомъ государствѣ вліяніемъ Восточной церкви; въ ученіи ея принципъ неограниченной патріархальной власти получаетъ полное развитіе и освященіе. Нѣкоторые же другіе историки указываютъ на вліяніе финскаго элемента. Но приведенные взгляды историковъ нельзя считать болѣе или менѣе удачно разрѣшающими вопросъ. Всѣ они не выдерживаютъ критики.

Вліяніе церкви было такимъ сильнымъ и даже болѣе энергичнымъ въ кіевскій періодъ древней Руси, и между тѣмъ не видимъ здѣсь того сильнаго единоличнаго самодержавія, какое развивается въ московскомъ государствѣ къ концу

XV вѣка. Въ византійскихъ хронографахъ, въ историческихъ данныхъ Прокопія, Императора Льва, Дитмара Мерзебургскаго мы встрѣчаемъ указаніе, что у славянъ существовали народныя собранія и обладали или полнотой власти, или хотя нѣкоторыми ея прерогативами. Русскіе славяне не представляли собой исключенія.

По видѣтельству Нестора, они даже совсѣмъ обходились безъ княжеской власти.

Позднѣе, въ одинадцатомъ вѣкѣ, мы находимъ тѣ же самыя демократическія учрежденія въ Кіевѣ, Новгородѣ, Смоленскѣ и Полоцкѣ. Вѣча (*вѣча* производное слово отъ глагола *вѣщати*) функціонируютъ на всемъ пространствѣ русской земли, хотя компетенція ихъ и не вездѣ одинакова. Въ однихъ мѣстахъ имъ принадлежитъ вся верховная власть; въ другихъ они пользуются только правомъ избранія князя. Болѣе или менѣе широкое участіе ихъ въ политическихъ функціяхъ власти существовало вездѣ. Сохраненіе ихъ правъ обезпечивалось договорами—*рядами* съ князьями и грамотами послѣднихъ.

Самодержавіе въ своей первоначальной формѣ не было синонимомъ абсолютной власти. Московскій *самодержецъ*—это двойникъ византійскаго autocrat'a, но власть византійскаго самодержавнаго императора раздѣлялась между нимъ и духовенствомъ. Московское духовенство также долго считало *самодержавіе* символомъ независимости отъ иностранныхъ государствъ. Если не народныя, то по крайней мѣрѣ права церкви здѣсь оставались еще нетронутыми. Тѣмъ не менѣе названіе *самодержавный* могло повесть къ опасному смѣшенію понятій, что и случилось сначала на сѣверо-востокѣ страны, гдѣ князья Суздальскіе и Рязанскіе силой установили династическое наслѣдованіе престола на основаніи первородства. Такимъ образомъ былъ нанесенъ ударъ народоправству (суверенитету народа), и нужно сказать, что еще до появленія татаръ на Руси принципъ народовластія сильно пострадалъ. Оно сохранилось только кое-гдѣ въ видѣ исключенія. Въ полной неприкосновенности оно осталось только въ Новгородѣ и Псковѣ почти до конца XV вѣка; въ другихъ же мѣстахъ оно было или совсѣмъ уничтожено, или подверглось существеннымъ ограниченіямъ еще въ началѣ XIII вѣка.

Монгольское владычество оказало на усиленіе московскаго самодержавія не больше вліянія, чѣмъ Византія. Правда, въ отношеніяхъ между правителемъ и подданными оно внесло существенныя измѣненія. Раньше положеніе князя зависило отъ народа, теперь оно обусловливалось капризомъ новаго владыки-хана. Теперь путешествіе на

берега нижней Волги съ богатыми подарками имѣло больше значенія, чѣмъ народное избраніе. Князь возвращался изъ путешествія съ ярлыкомъ, избавлявшимъ его отъ необходимости искать другой способъ достиженія власти. Флорентійская унія и паденіе Константинополя оказали вліяніе въ томъ же направленіи. До конца XIV вѣка церковь знала только одного царя. Это былъ императоръ византійскій. Московское духовенство поминало его въ молитвахъ при богослуженіи *„императоромъ русскимъ“* и *„государемъ всего міра“*. Послѣ указанныхъ событій нужно было перенесть этотъ титулъ на кого-нибудь, и естественно московскіе князья получили его.

Всѣ эти случайности играли, можно сказать, второстепенную роль и не имѣли рѣшительнаго вліянія на ходъ вещей. Что же касается вліянія на организацію русской государственной власти финскаго элемента, то отсутствіе его очевидно. Правда, бываютъ случаи, когда покоренные передаютъ побѣдителямъ свои порядки и нравы, но это возможно только лишь въ томъ случаѣ, когда побѣжденные стоятъ въ культурномъ отношеніи выше своихъ побѣдителей. Подобное предположеніе вполнѣ допустимо. Но нужно принять во вниманіе, что русскіе колонисты тринадцатаго и четырнадцатаго вѣка, хотя и были варварами, все-таки стояли выше въ культурномъ отношеніи тѣхъ финскихъ племенъ, съ которыми имъ приходилось сталкиваться во вновь заселяемой странѣ. Не одной же вѣдь только численностью покоряли они ихъ.

Ключъ къ разрѣшенію загадки, на мой взглядъ, заключается во взаимодѣйствіи двухъ, отмѣченныхъ уже, явленій: отсутствіи расчлененія въ русскомъ обществѣ и его военномъ переустройствѣ, какому оно подверглось, благодаря обстоятельствамъ, сопровождавшимъ его первоначальное образованіе и развитіе въ новомъ сѣверо-восточномъ государствѣ. Русская колонизація долго продолжалась въ чужой странѣ; переселенцы были окружены врагами. Князь былъ начальникомъ войска и естественно пользовался своимъ выгоднымъ положеніемъ, чтобы уменьшить и безъ того незначительную связь между общественными элементами. Послѣдніе своей слабостью сами помогали усиленію его всемогущества.

Но подобныя явленія наблюдались и при образованіи другихъ государствъ. Особенностью процесса развитія русскаго государства было то, что оно одвовременно переходило и къ формамъ высшей цивилизаціи. Это исключительная черта въ развитіи русскаго общества. Долго находилось оно вдали отъ европейской жизни. Затѣмъ ему при-

шлось быстро усваивать плоды культурныхъ завоеваній, даже такіе, которые находились въ полномъ противорѣчіи съ его роднымъ отсталымъ политическимъ и соціальнымъ строемъ. Все это совершалось внезапно, даже вопреки требованіямъ нормальнаго прогресса. Просвѣтительное движеніе, питавшееся чужими плодами, въ нѣкоторомъ родѣ способствовало само по себѣ развитію абсолютизма, давая единоличной власти такія средства, какихъ не сыскать въ варварскомъ обществѣ. Иванъ IV былъ человѣкъ просвѣщенный и поэтому онъ былъ опаснѣе Людовика XI. Иванъ будетъ воздѣйствовать на души своихъ подданныхъ, чтобы засадить ихъ за желѣзную рѣшетку своей тюрьмы, гдѣ связанная Россіи должна будетъ мучиться въ продолженіи цѣлаго вѣка.

Легко прослѣдить, какъ создалась эта темница. Москва старалась привлечь къ себѣ какъ можно больше людей изъ сосѣднихъ княжествъ; когда же въ ней оказалось значительное число послушныхъ и исполнительныхъ слугъ изъ такихъ пришельцевъ, государи московскіе поспѣшили прекратить свободные переходы, которыми они прежде пользовались въ своихъ интересахъ. Съ другой стороны, сосѣди ихъ теперь имъ только помогли достигнуть намѣченной цѣли. Въ своихъ интересахъ они уже успѣли сдѣлать коекакія ограниченія въ этомъ родѣ. Рѣшительный шагъ въ этомъ направленіи сдѣлало мнимо либеральное, республиканское правительство. За республиками вообще не мало числится подобныхъ ошибокъ; я некасаюсь современности. Въ 1368 году Новгородъ запретилъ гражданамъ уходить съ его территоріи подъ страхомъ лишенія правъ собственности на всякое имущество, какое можетъ тамъ остаться. Москвѣ ничего не оставалось сдѣлать, какъ только послѣдовать этому примѣру. Самый принципъ пока еще щадили. Но при Иванѣ III начали сажать въ тюрму тѣхъ изъ его „слугъ“, кто казался недостаточно надежнымъ. Чтобы вернуть себѣ свободу, подвергающійся подозрѣнію могъ и не отказываться отъ своего права, правительство дѣлало видъ, что само его охраняетъ, и онъ только давалъ обязательство, что впредь не воспользуется имъ; иногда же отъ него требовалось поручительство.

Я останавливаюсь на этихъ деталяхъ, потому что дальнѣйшій ходъ исторіи націи можетъ показаться совершенно непонятнымъ. Иванъ IV широко пользовался разнаго рода прецедентами. Онъ даже установилъ для служилыхъ людей нѣчто вродѣ круговой поруки въ вѣрности ему.

Князья и бояре были прикрѣплены такимъ образомъ къ мѣсту и ограничены тѣсными рамками, но тѣмъ не менѣе

все еще сохраняли нѣкоторую политическую и соціальную автономію, основанную на знатности ихъ происхожденія и на владѣніи старинными вотчинами или хотя остатками вотчинъ и удѣльныхъ земель. Здѣсь они сохраняли еще нѣкоторыя верховныя права и многія привилегіи. Московское правительство пользовалось средствомъ двухъ родовъ, чтобы уничтожить ихъ.

Во главѣ новой іерархіи не ставились потомки Рюрика и Гедимина, предпочтеніе отдавалось простымъ „*слугамъ*" государя, помогавшимъ раньше собирать русскую землю. Незнатное происхожденіе, хотя бы отъ простого конюшаго царскаго двора, не составляло препятствія къ занятію высокаго поста. Въ этой новой, только зарождавшейся служебной аристократіи отсутствовалъ кастовый, корпоративный духъ, что облегчало задачу правительства. Другое, болѣе дѣйствительное средство, къ которому прибѣгало правительство—это конфискація земельныхъ владѣній. Эта система здѣсь, среди разлагавшихся древнихъ княжествъ, примѣнялась слишкомъ широко и энергично и способствовала накопленію въ рукахъ правительства огромной массы земель. Московское правительство начало раздавать эти земли, но съ такимъ разсчетомъ, чтобы новое *служилое* землевладѣніе не имѣло ничего общаго по своему характеру съ древнимъ. Это были и не удѣлы, и не вотчины, а простыя помѣстья, какъ показываетъ само названіе земли, дававшіеся въ видѣ вознагражденія за службу соотвѣтственно занимаемому мѣсту. Помѣстья были въ пожизненномъ владѣніи и по наслѣдству передавались только лишь въ томъ случаѣ, когда наслѣдникъ-помѣщикъ принималъ на себя всѣ служебныя обязанности своего предшественника, Помѣстья, какъ и вотчины, были свободны отъ налоговъ, но зато на нихъ лежала наиболѣе тяжелая повинность, именно—государственная служба. Это нѣчто аналогичное съ феодальными держаніями Западной Европы, но съ существеннымъ отличіемъ отъ него. Тогда, какъ на Западѣ ленъ давался за добровольную службу, въ московскомъ государствѣ помѣстье давалось за службу и безъ того обязательную. Въ итогѣ здѣсь не создалось корпоративной аристократіи. Платить жалованье натурой было выгодно для правительства и въ томъ отношеніи, что постепенно сглаживалась разница между древнимъ удѣльнымъ или вотчиннымъ владѣніемъ и новымъ его типомъ—помѣстнымъ. При такомъ порядкѣ вещей вотчинникъ и помѣщикъ сливались въ одну массу.

При временномъ, измѣнчивомъ характерѣ помѣстнаго землевладѣнія размѣры его были довольно ограничены.

Иногда величина помѣстья не превышала тридцати десятинъ. Кромѣ того, часто надѣленіе даже такими скромными помѣстьями отсрочивалось, затягивалось или же было чисто фиктивнымъ. Въ 1570 году 168 душъ *„дѣтей боярскихъ"* (такъ назывались лица, которыя не унаслѣдовали отъ своихъ знатныхъ предковъ почетнаго титула, связаннаго съ опредѣленнымъ служебнымъ мѣстомъ) были записаны на службу въ Путивль и Рыльскъ. 99 изъ нихъ, за неимѣніемъ свободныхъ помѣстій, не получили ничего. Въ то же время и по той же причинѣ одному изъ такихъ *„бумажныхъ помѣщиковъ"* не хватило 74 десятинъ изъ пожалованныхъ ему 80 и такимъ образомъ онъ получилъ всего лишь 6.

Благодаря этому, служилые люди по образу жизни, по домашней обстановкѣ, одеждѣ, пищѣ очень мало отличались отъ простыхъ крестьянъ; иногда матеріальныя средства ихъ были хуже, чѣмъ послѣднихъ. Что касается высшей знати, то она занимаетъ важнѣйшія должности и получаетъ соотвѣтственное жалованье, живетъ она въ деревянныхъ, выстроенныхъ по одному образцу, домахъ. Многочисленныя пристройки, крылечки, теремки, затѣйливыя крыши, службы придавали имъ внушительный видъ. Внутри же эти покои раздѣлялись на нѣсколько избъ, съ деревянными полами, которые ежедневно выскабливаются и выметаются. Снаружи при входѣ лежала куча сѣна для вытиранія ногъ. Въ горницѣ на видномъ мѣстѣ стояла посуда, чаще оловянная, чѣмъ сребряная. Ничто не говорило о блестящей роскоши.

Разница между боярами и простолюдинами заключалась въ томъ, что первые считали нужнымъ окружать себя большимъ числомъ слугъ: поваровъ, пекарей, садовниковъ, портныхъ и разнаго рода другихъ работниковъ. Тутъ же встрѣчаются и дворовые люди, положеніе которыхъ какъ-будто выше положенія другихъ слугъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно не завидно. Обязанности ихъ заключались въ томъ, что они должны были постоянно сопровождать своего хозяина пѣшкомъ или на лошади, находиться при немъ въ дорогѣ и дома во время дѣловыхъ занятій и забавъ. Я чуть было не позабылъ о приказчикѣ, самомъ необходимымъ для помѣщика изъ всѣхъ его слугъ. Хотя бы имѣніе помѣщика состояло всего только изъ нѣсколькихъ десятинъ, онъ не можетъ обойтись безъ alter ego, тѣмъ болѣе, что для него нѣтъ возможности самому заниматься обработкой земли, которая доставляетъ ему средства къ жизни. Даже если бы онъ и захотѣлъ своими руками обрабатывать землю, это было невозможно для него, такъ какъ съ ранняго дѣтства и до глубокой старости все время его было занято во-

енной или гражданской службой своему государю. Служилый человѣкъ долженъ былъ быть мастеромъ на всѣ руки. Вотъ его призываютъ на войну. Онъ беретъ съ собой мѣшочекъ пшена, нѣсколько фунтовъ соленой свинины, немного соли, смѣшанной съ перцемъ, если только его средства позволяютъ ему пріобрѣсть эту, вообще высокоцѣнимую и относящуюся уже къ предмету роскоши, приправу. Вмѣстѣ съ провизіей онъ беретъ съ собой топорикъ, трутъ, мѣдный котелокъ — и онъ вполнѣ снаряженъ. Въ походѣ онъ обойдется безъ своего приказчика. По возвращеніи на родину, онъ найдетъ, быть можетъ, свое имѣніе опустошеннымъ или, по крайней мѣрѣ, обворованнымъ его же приказчикомъ, и будетъ подбирать апельсиновыя корки и объѣдки тыквы, выброшенные на дорогу изъ кареты какимъ-нибудь проѣзжимъ иностранцемъ, какъ описываетъ Герберштейнъ, но онъ не выйдетъ изъ своего дома, хотя бы для того чтобы постучать въ сосѣднюю дверь, безъ своей лошади и нѣсколькихъ слугъ.

Таково положеніе служилаго человѣка. Нерѣдко онъ желалъ бы разстаться съ нимъ и слиться съ другой категоріей людей „неслужилыхъ", которые не несутъ такихъ тяжелыхъ повинностей, какъ онъ, и живутъ гораздо лучше его. Ничто бы его и не удержало, если бы не эта служба, съ которой онъ связанъ неразрывной цѣпью. Понятія о корпоративной чести отсутствовали. Въ дѣйствительности демаркаціонная линія между служилыми людьми проводилась только лишь служебнымъ спискомъ. Кто-нибудь изъ „боярскихъ дѣтей" имѣетъ братьевъ, которые по какому-либо случаю не попали въ служебные списки, живутъ, какъ простые крестьяне и довольны своей судьбой. Случалось, что кто-нибудь изъ тѣхъ же „боярскихъ дѣтей" поступалъ къ кому-нибудь изъ знати въ качествѣ простого портного.

Даже на вершинѣ новой служебной іерархіи замѣчается отсутствіе чувства солидарности, завѣщаннаго аристократическими связями прошлаго или выработаннаго общностью новыхъ служебныхъ обязанностей и положеній. Оно постепенно измѣняется и исчезаетъ среди вѣчнаго произвола и постоянной перетасовки; люди перебрасываются съ одного мѣста на другое и изъ одного состоянія переходятъ въ другое, съ низшей ступени служебной лѣстницы на высшую, изъ послѣдняго ранга въ первый и наоборотъ.

Происхожденію и служебнымъ степенямъ значенія не придавалось. Всѣ смѣшивались, и сегодняшній псарь завтра могъ оказаться равнымъ съ самымъ знатнымъ бояриномъ. Смѣшиваясь съ этой толпой „слугъ" низшаго происхожденія и не чувствуя ни кровныхъ связей, ни общихъ тради-

цій и интересовъ съ ними, потомки Рюрика и Гедимина скоро сами утрачиваютъ если не гордость и воспоминаніе о своемъ происхожденіи, то, по крайней мѣрѣ, стремленіе защищать, возвышать и высоко цѣнить свою новую службу, раздѣляемую съ такими товарищами.

Такъ совершающійся процессъ развитія повторяется и въ другихъ слояхъ этого общества, лишеннаго единства. Ходъ его еще яснѣе замѣтенъ въ судьбѣ другого класса—крестьянъ.

V.

Крестьяне.

То, о чемъ я собираюсь говорить здѣсь, представляетъ собой печальное явленіе.

Ребенкомъ я еще видѣлъ послѣдніе дни режима, исчезнувшаго въ Россіи полвѣка тому назадъ. Актъ освобожденія крестьянъ въ 1861 году казался тогда запоздавшимъ актомъ справедливости и политическаго благоразумія. Въ дѣйствительности же онъ былъ преждевременнымъ и поспѣшнымъ, такъ какъ уничтожаемый имъ порядокъ вещей существовалъ всего лишь два съ половиной вѣка.

Въ противоположность тому, что совершалось во всѣхъ другихъ государствахъ Европы, въ Россіи крѣпостное право явилось не пережиткомъ варварскихъ временъ, а явленіемъ, возникшимъ на почвѣ новыхъ отношеній при переходѣ государства къ европейской цивилизаціи. Въ нѣкоторомъ смыслѣ оно парадоксальное слѣдствіе новой фазы національнаго развитія русской жизни.

Парадоксъ этотъ —несомнѣнный фактъ. Къ концу шестнадцатаго вѣка, когда во всѣхъ европейскихъ государствахъ, не исключая и сосѣдней Россіи Польши, связи между крестьянамн и владѣльцами земли разрывались или, по крайней мѣрѣ, ослабѣвали, когда подъ бляніемъ новыхъ соціально-экономическихъ законовъ рушился феодальный міръ, — въ Россіи въ это время напротивъ выковывались цѣпи, которыя здѣсь раньше вовсе и не существовали.

До этого времени главная масса крестьянъ занимала покоренныя или колонизированныя земли и была, по крайней мѣрѣ, формально свободна. Можно сказать, что положеніе ихъ даже нѣсколько улучшилось по сравненію съ прежнимъ. Прежде ихъ называли *смердами*, что служило обозначеніемъ презрѣнія къ нимъ и было позорнымъ (*смердитъ*—непріятно пахнетъ). Теперь же они получили другое

общее названіе, указывающее на ростъ ихъ соціальнаго достоинства, а также свидѣтельствующее и объ отсутствіи корпоративнаго обособленія, что является характернымъ признакомъ отношеній того времени между общественными элементами этой страны. Живутъ ли они въ деревнѣ или въ городѣ, обрабатываютъ землю или посвящаютъ себя другимъ занятіямъ, ихъ называютъ *крестьянами*, т.-е. *христіанами*.

Они образуютъ главную массу земледѣльческихъ и промышленныхъ рабочихъ. Обрабатывалъ ли крестьянинъ землю собственную или же такую, которая принадлежитъ ему только частью, онъ лично и его трудъ оставались свободными. Въ первомъ случаѣ онъ располагалъ землей совершенно свободно, лишь бы уплачивалъ причитающіеся съ него налоги въ пользу государства или общины, отъ которой онъ зависелъ. Во второмъ случаѣ онъ являлся фермеромъ или арендаторомъ и уплачивалъ за пользованіе земельнымъ участкомъ владѣльцу извѣстную сумму, согласно договору. Условія и арендная плата были не вездѣ одинаковы и зависели отъ мѣстныхъ обычаевъ, качества и дѣйствительной стоимости земли, а также и отъ юридическихъ свойствъ занимаемой земли.

Одни нзъ земель назывались *бѣлыми*, т. е. свободными отъ государственныхъ налоговъ, другія *черными*. На послѣднихъ лежало податное бремя. Къ первымъ принадлежали вотчины и помѣстья, ко вторымъ относились земли дворцовыя и крестьянскія. Земельныя владѣнія церкви относились то къ одной, то къ другой категоріи, въ зависимости отъ условій, создаваемыхъ для духовенства, и отъ того, къ какому разряду относились пріобрѣтаемыя имъ участки.

Арендные или оброчные договоры заключались на три года и на болѣе продолжительное время, въ зависимости отъ сѣвооборота. Договоры такіе были очень часты вездѣ на сѣверѣ и въ центрѣ края. Лица, пріобрѣтшія право пользоваться землей, въ большинствѣ случаевъ пользовались значительной свободой дѣйствія. Другіе же договоры создавали для землевладѣльца повинности, напоминающія обязательства англійскаго Sveman'a. Онъ долженъ былъ рубить лѣсъ для помѣщика и перевозить въ его усадьбу, иногда уплачивалъ при выдачѣ замужъ дочерей нѣкоторую сумму, по образцу французскаго formariage'a. Обычай требовалъ также, чтобы каждый изъ держателей земель дѣлалъ нѣкоторые подарки ея владѣльцу къ Рождеству, Пасхѣ и другимъ праздникамъ.

Всѣ эти спеціальныя повинности носили названіе барщины, издѣлья или еще боярщины. Въ нихъ можно видѣть зародышъ будущихъ, увы, уже рабскихъ отношеній. Барщина и другія повинности имѣли въ то время нѣкоторое основаніе въ томъ, что крестьянинъ часто получалъ отъ помѣщика ссуды деньгами, земледѣльческими орудіями и сѣменами. Все взятое онъ долженъ былъ возвратить вмѣстѣ съ процентами.

Цѣны на пользованіе землей были очень различны, и трудно установить ихъ размѣры. Въ центральныхъ областяхъ плата за *обжу* или *вытъ* (пятьдесятъ десятинъ)—достигала въ срединѣ шестнадцатаго вѣка 1—2-х рублей. Но часто денежная плата замѣнялась отработкой. Держатель, напримѣръ, *обжи* долженъ былъ за нее обработать владѣльцу одну или полторы десятины. Остается установить относительную цѣну рубля въ эту эпоху.

По сопоставленію цѣнъ на хлѣбъ, онъ равнялся почти 100 современнымъ нашимъ рублямъ. Но это опредѣленіе слишкомъ проблематично.

На *черныхъ* земляхъ, принадлежавшихъ государству, плата за землю замѣнялась налогами и повинностями, вполнѣ соотвѣтствовавшими ей, но вообще менѣе тяжелыми. На *бѣлыхъ* и *черныхъ* земляхъ, принадлежащихъ церкви и особенно монастырямъ, условія землепользованія обыкновенно были болѣе легкими.

Крестьянинъ, на чьей бы землѣ онъ ни сидѣлъ, могъ свободно оставить ее, лишь бы только покончить разсчетъ съ ея владѣльцемъ. Точно также послѣдній могъ передать ее другому крестьянину по окончаніи контракта. Подобныя явленія встрѣчались сплошь и рядомъ. Чрезвычайная подвижность населенія издавна была характерной чертой русскаго государства; въ это время она даже нѣсколько усилилась къ этому. Но уже съ XIV вѣка эта обоюдная свобода, благодаря экономической необходимости, подверглась ограниченію. Сначала установился обычай, что помѣщикъ не могъ воспользоваться своимъ правомъ во время жатвы, когда у крестьянина также не могло явиться мысли воспользоваться своимъ. Иванъ III установилъ бо́льшую опредѣленность въ отношеніяхъ между владѣльцемъ и крестьяниномъ. Время и двухнедѣльный срокъ для взаимныхъ разсчетовъ были пріурочены къ Юрьеву дню (17 ноября). Съ этого времени крестьяне при переходѣ начинаютъ уплачивать владѣльцу земли такъ называемое *пожилое* въ размѣрѣ отъ 65 копѣекъ и до рубля шести коп., въ зависимости отъ цѣнности участка. Таковъ былъ законъ. На практикѣ онъ, конечно, часто нарушался. Рабочихъ рукъ было

мало, и ихъ разыскивали повсюду. Какъ князья переманивали другъ отъ друга себѣ „слугъ“, такъ и помѣщики переманивали крестьянъ. Часто это производилось насильственнымъ способомъ и называлось *свозомъ.* Нерѣдко крестьянина удерживали на прежнемъ мѣстѣ подъ предлогомъ неуплаты какихъ-нибудь повинностей. Но, несмотря на эти стѣсненія и ограниченія, свобода оставалась свободой.

Положеніе крестьянина, безъ сомнѣнія, было тяжело. Онъ выполнялъ повинности передъ помѣщикомъ и общиной, вносилъ подати на судопроизводство. Причемъ плата за пользованіе землей все увеличивалась. Въ своей книгѣ о русскомъ сельскомъ хозяйствѣ въ XVI вѣкѣ Рожковъ разсчиталъ, что въ сѣверныхъ областяхъ около половины крестьянскаго урожая поступало въ пользу помѣщика. Остальной же части едва хватало на полгода, чтобы прокормиться крестьянину съ своей семьей. Разведеніе скота или какой-нибудь мелкій промыселъ помогали только коекакъ сводить концы съ концами. Крестьянинъ былъ очень бѣденъ, но онъ, какъ древній англо-саксонскій ceorl или германскій Markgenosse, въ юридическомъ и административномъ отношеніи былъ равнымъ до нѣкоторой степени съ бояриномъ, купцомъ и духовенствомъ. Судебныя учрежденія были общими какъ для него, такъ и для лицъ другихъ сословій. Причемъ въ тяжбѣ съ лицами иного сословія, подчинившимися особой юрисдикціи, крестьянинъ, наравнѣ съ другими, могъ требовать для себя того суда, которому онъ подлежалъ по закону. Къ тому же крестьянинъ пользовался нѣкоторой долей самоуправленія въ средѣ сельской или городской общины, которая еще въ недавнее время служила предметомъ испытанія проницательности историковъ. Я еще вернусь къ этому вопросу при болѣе основательномъ разсмотрѣніи подробностей организаціи государства.

Какъ я уже упоминалъ, не всѣ крестьяне занимались земледѣліемъ. Въ документахъ этого времени часто встрѣчается раздѣленіе крестьянъ на *пахатныхъ* и *деревенскихъ.* Чтоже представляли собой эти *деревенскіе* крестьяне? Документы относятъ къ этой категоріи мельниковъ, портныхъ, сапожниковъ. Здѣсь еще разъ выступаетъ отсутствіе корпоративной организаціи, смѣшеніе соціальныхъ элементовъ; исключеніе составляетъ только церковь.

Итакъ, въ деревняхъ есть крестьяне, не занимающіеся обработкой земли, а въ городахъ встрѣчаются крестьяне-земледѣльцы. Въ деревняхъ крестьяне изъ первой категоріи часто примыкаютъ къ загадочному разряду *бобылей,* хотя это нѣкоторыми оспаривается. (См. по этому вопросу

книгу Дьяконова „Очерки по исторіи сельскаго населенія въ Россіи“, 1889 г. стр. 209 и Сергѣевича „Русскія юридическія древности“, 1903 г. III т., 133 и слѣд. стр.). Бобыли— это крестьяне безъ земли. Иногда они обрабатываютъ землю, но въ качествѣ батраковъ. Большею же частью это ремесленники, но еще чаще просто бродяги, смѣшивающіеся съ другими разнаго рода общественными отбросами— казаками, скоморохами, нищими и даже разбойниками. Въ несеніи налоговаго бремени бобыли принимали участіе, и было бы крупной ошибкой считать, что въ этомъ отношеніи они составляли исключеніе и отличались отъ *тяглыхъ* (отъ слова тянуть, т. е. несть податныя повинности).

Земли иногда еще освобождались отъ налоговъ особыми грамотами на время или на всегда, но это составляло исключеніе. *Тянуть* же *тягло*—было общимъ правиломъ даннаго времени. Платили вездѣ и за все. Съ бобылей также взимались платежи и повинности съ дома и съ ремесла, которымъ они занимались. Не платили они налоговъ за землю, которую иногда обрабатывали, но это потому, что занимались этимъ дѣломъ въ пользу другихъ. Это единственное различіе между бобылями и обыкновенными крестьянами-землевладѣльцами.

Въ бобыли можно быяо попасть или по несчастію, или по доброй волѣ. Но ничто не удерживало въ этомъ незавидномъ положеніи, и съ нимъ легко было разстаться, лишь бы нашлись средства, чтобы вернуться къ тому положенію, въ какомъ находились остальные крестьяне. Въ XVI вѣкѣ количество бобылей среди сельскаго населенія колеблется отъ 2,4% до 41,6%. Цифры болѣе низкія относятся къ монастырскимъ владѣніямъ. Въ слѣдующемъ вѣкѣ это отношеніе измѣнилось благодаря вліянію смуты, терзавшей наслѣдіе Грознаго. Населеніе сдѣлалось еще болѣе подвижнымъ, и одни только монастыри болѣе или менѣе удерживаютъ рабочія руки, привлекая изъ селъ и деревень массу бобылей и другихъ земледѣльческихъ элементовъ, такъ называемыхъ *монастырскихъ дѣтенышей*. Они не платили податей, но все-таки были лично совершенно свободными.

Существовало ли тогда рабство въ русскомъ государствѣ, которое до половины XIX вѣка являлось послѣднимъ оплотомъ крѣпостного права въ Европѣ? На этотъ вопросъ приходится отвѣтить утвердительно. Но въ XVI вѣкѣ несвободный элементъ составлялъ едва замѣнную часть населенія.

VI.

Несвободное населеніе.

Даже въ позднѣйшее время обращеніе военноплѣннаго въ рабство признавалось на Руси естественнымъ правомъ побѣдителя. Кромѣ того, рабство имѣло еще и другіе источники, какъ-то: выходъ замужъ за раба и рожденіе отъ такого брака, несостоятельность должника, выполненіе нѣкоторыхъ обязанностей по домашней службѣ и добровольное согласіе стать рабомъ. До XIV вѣка должность *тіуна* (княжескаго ключника) была связана неразрывно съ лишеніемъ личной свободы. Несостоятельный должникъ до XVII вѣка становился рабомъ своего кредитора до тѣхъ поръ, пока не погашался полностью долгъ. Въ XVI вѣкѣ къ этимъ источникамъ рабства присоединился еще одинъ—новаго происхожденія, такъ называемая *кабала*. Это арабское слово обозначаетъ такой договоръ, когда занимавшій деньги, обязывался уплатить ихъ съ процентами посредствомъ отработка. Самъ по себѣ такой договоръ не влечетъ за собой потери свободы, такъ оно и было въ Германіи и южной Италіи. *Кабальный* могъ освободиться, расплатившись. Но въ Россіи кабальная зависимость влекла за собой потерю личной свободы, рабство. Вся исторія сложившагося здѣсь рабства полна примѣрами такихъ фактовъ.

Законы Ивана Грознаго перечисляютъ четыре категоріи рабовъ: полные *холопы*, такіе, которые обращены въ безусловное рабство, распространяющееся и на ихъ потомство; *холопы старые*, т. е. утерявшіе свободу въ силу давности по какимъ-либо условіямъ, *холопы кабальные* и, наконецъ, *докладные*, утратившіе свободу по *докладу*—особой формы договору, свободно заключенному. Констатируя положеніе, созданное прошлымъ, законодатель старается смягчить это завѣщаніе варварскихъ временъ, стремится ограничить условія перехода во многихъ случаяхъ. Вступивъ въ общеніе съ западнымъ міромъ, Россія, казалось, склонна была вмѣстѣ съ другими плодами цивилизаціи усвоить и свободу. Мы не имѣемъ документальныхъ данныхъ и не можемъ представить точныхъ цифръ, но, основываясь на косвенныхъ указаніяхъ, приходимъ къ заключенію, что вопросъ объ избавленіи отъ рабской зависимости касался самой незначительной части трудового населенія.

Эта была эпоха, за которой послѣдовало всеобщее порабощеніе народа. Какъ же это случилось? Почему про-

изошло такое странное извращеніе въ ходѣ развитія уже опредѣлившихся отношеній?

До послѣдняго времени вся тяжесть отвѣтственности за введеніе на Руси крѣпостного права, по общему мнѣнію, должна была пасть на правительство конца XVI вѣка. По наиболѣе распространенному взгляду, оно одно по своему почину и собственными средствами произвело глубокій и печальный переворотъ въ юридическомъ и соціальномъ положеніи трудящихся массъ. Теперь этотъ ошибочный взглядъ оставленъ. Крѣпостное право здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, явилось продуктомъ времени и особеннаго политическаго и экономическаго состоянія государства. Нѣтъ надобности для объясненія этого факта прибѣгать къ туманнымъ построеніямъ славянофильской доктрины.

По мнѣнію Кавелина (Сочиненія, I, 630), крѣпостное право есть естественное, логически неизбѣжное слѣдствіе всей организаціи русскаго государства, основанной на принципѣ патріархальной власти. Съ этой точки зрѣнія оно носитъ скорѣе характеръ благодѣянія. Встрѣчавшіеся иногда случаи жестокаго обращенія обусловливались всеобщей грубостью нравовъ, но никакъ не принципомъ.

Власть одного человѣка надъ другимъ представляла собой только видъ опеки и основывалась не на силѣ господина, а на слабости опекаемаго, нуждавшагося въ опорѣ, защитѣ и руководительствѣ. Но эта гипотеза не объясняетъ намъ, почему именно въ періодъ государственнаго развитія замѣчается увеличеніе массы соціально обездоленныхъ и ухудшенія ихъ тяжелаго положенія, когда, казалось бы, личная зависимость должна была если и не уничтожится, то, по крайней мѣрѣ, ослабѣть. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, какъ рисуютъ ее историческіе факты, мы видимъ другую картину. Въ исторіи русскаго населенія XVI вѣка замѣчаются два крупныя явленія: это быстрое исчезновеніе крестьянъ-собственниковъ и внезапное обѣдненіе всего вообще крестьянскаго населенія.

И вотъ послѣдствія: съ одной стороны, масса трудящихся—земледѣльцевъ и другихъ, не находя больше средствъ къ пропитанію, рѣшаются отказаться отъ своей свободы, чтобы не умереть съ голоду. Съ другой—огромное количество крестьянъ, сидящихъ на чужой землѣ, не въ состояніи уже расплатиться съ владѣльцами и такимъ образомъ теряютъ существенное право, отъ котораго зависитъ ихъ свобода, право перехода къ другому помѣщику по истеченіи договорнаго срока. Одни, утративъ кормившую ихъ землю, должны были или просить милостыню, или

идти въ холопы. Другіе не въ состояніи возвратить владѣльцу занимаемыхъ ими участковъ земли полученную отъ него въ той или иной формѣ ссуду. Въ большинствѣ случаевъ крестьянинъ при вступленіи въ пользованіе участкомъ земли получалъ ссуду, равнявшуюся 3 рублямъ. По истеченіи 10 лѣтъ онъ обязывался возвратить вмѣсто 3 руб. 30 руб. и, кромѣ того, уплатить 56 к. или 1 р. 06 коп. *пожилого.* Это составляло около 300 руб. на наши деньги.

Въ большинствѣ случаевъ сдѣлать единовременно уплату такой крупной суммы не было никакой возможности. Такъ создавалось препятствіе къ переходу къ другому владѣльцу. Непрерывно растущій долгъ, *серебро*, какъ его называли, обращался въ обязательство, прикрѣплявшее крестьянина къ землѣ. Въ концѣ концовъ эти *серебряники* сливались съ простыми рабами—*холопами докладными* и *кабальными.* Точно такова же была исторія несостоятельныхъ арендаторовъ, сидѣвшихъ на римскомъ ager publicus, какъ изображаетъ въ своихъ изсѣдованіяхъ Фюстель де Куланжъ.

Формально признавалась личная свобода большей части крестьянъ, но она на практикѣ съ половины XVI вѣка сдѣлалась привилегіей землавладѣльцевъ и все болѣе и болѣе уменьшающейся группы незадолженныхъ крестьянъ, сидѣвшихъ на чужой землѣ.

Что же послужило причиной этого общаго обѣдненія земледѣльческаго класса? Не трудно угадать. Военное положеніе обходилось слишкомъ дорого. Я уже указывалъ, какую боевую организацію создало московское государство. Непрерывно увеличивая свои военныя силы, оно должно было соотвѣтственно увеличивать и расходы.

Приходилось прежде всего платить вознагражденіе „служилымъ людямъ“, которые все въ большемъ и большемъ количествѣ призывались подъ знамена. Затѣмъ, стремясь преобразовать свое военное устройство по образцу западноевропейскихъ государствъ, правительство должно было дѣлать расходы на новое иностранное вооруженіе, экипировку и уплату жалованья иностранцамъ, набиравшимся въ русскія войска изъ разныхъ европейскихъ странъ. Откуда же было брать средства для этого?

Единственнымъ источникомъ обложенія, единственнымъ доступнымъ для пользованія богатствомъ края была земля. На нее-то и легли всѣ эти новыя тяготы. Что бы надѣлить *служилыхъ* помѣстьями, правительство уменьшало владѣнія крестьянъ; чтобы наградить иностранныхъ мастеровъ, оно облагало податями помѣщиковъ, которые старались выжимать побольше съ крестьянъ, сидѣвшихъ на ихъ землѣ. Земля отвѣчала за все, покрывала всѣ расходы. Она стала

какъ бы государственной монетой, на которую размѣнивались трудъ, служба военная и гражданская и всякаго рода повинности. И земля не сопротивлялась. Никогда, даже находясь въ рукахъ вотчинниковъ, она здѣсь не считалась предметомъ полной, неприкосновенной собственности. Очень рано установился взглядъ, что земля является въ сущности достояніемъ государства. Переходъ ея въ частныя руки допускался въ извѣстныхъ предѣлахъ, но верховное право на нее сохранялось за государственной властью. Сами землевладѣльцы оказывались въ полной зависимости отъ государя. При отсутствіи корпоративной организованности, что я уже раньше отмѣчалъ, они не въ состояніи были оказывать ему серьезное сопротивленіе и защищать свои интересы.

Такъ своей слабостью или покорностью они способствовали развитію системы, отъ которой сами же страдали. Болѣе же строптивымъ оставалось одно средство—бѣгство за предѣлы досягаемости. Это характерная черта русскаго человѣка—скрыться, уйти прочь, но только не бороться съ невыносимыми условіями. Мы еще увидимъ, какъ проявилась въ исторіи эта черта. Крестьяне прибѣгали къ вышеуказанному способу защиты въ количествѣ еще болѣе значительномъ, чѣмъ помѣщики. Для нихъ бѣжать было и легче. За помѣщиками и вотчинниками болѣе слѣдили. Отправляясь въ сосѣднюю Польшу искать себѣ счастья, они подвергались большимъ случайностямъ и серьезному риску. Крестьянину стоило только перейти юго-восточную, слабо охраняемую, границу, а тамъ за нею тянулись безконечныя пространства, гдѣ его гостепріимно встрѣчала свободная отъ всякихъ налоговъ и повинностей дѣвственная земля.

Въ XVI вѣкѣ, съ самаго начала его, земледѣльческое населеніе русскаго государства бѣжитъ, оставляя землю необработанной. Явленіе это становится общимъ и принимаетъ размѣры настоящаго національнаго бѣдствія. Государство чувствуетъ, что это подрываетъ его основы и считаетъ нужнымъ вмѣшаться. Оно обращается сначала къ болѣе угнетеннымъ. Опредѣленныхъ плановъ пока еще не замѣчается, но уже съ половины XVI вѣка проведенъ рядъ мѣръ, если и не въ законодательномъ, то въ административномъ порядкѣ и путемъ цѣлаго ряда судебныхъ рѣшеній. Мѣры эти имѣли цѣлью сдѣлать неподвижнымъ налогъ и такимъ образомъ удержать населеніе на *черныхъ* дворцовыхъ земляхъ. Сидѣвшіе на чужой землѣ были еще свободны оставить свой участокъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы въ другомъ мѣстѣ, куда они перейдутъ, несли такое же, какъ и прежде, или высшее *тягло*. Затѣмъ очередь до-

шла до *бѣлыхъ* земель, находившихся во владѣніи служилыхъ людей. Крестьяне убѣгали и разоряли помѣщика, а разоренный помѣщикъ оставлялъ государство въ убыткѣ.

Правительство, не прибѣгая пока къ общимъ мѣрамъ, старалось упрочить положеніе помѣщиковъ и обезпечить себѣ регулярность ихъ службы путемъ частныхъ мѣстныхъ распоряженій. Помѣщику, напримѣръ, въ видѣ исключенія предоставлялось право задерживать поселившихся на его земляхъ крестьянъ, а также разыскивать и возвращать ихъ къ себѣ въ случаѣ бѣгства.

Такова вообще была политика Москвы: сначала ставить только вѣхи будущей рѣшительной, коренной реформы.

Двѣ грамоты, данныя братьямъ Строгановымъ въ половинѣ XVI вѣка, ознаменовали собой рѣшительный шагъ правительства на этомъ пути. Въ грамотахъ было сказано, что Строгановы обязаны ловить и возвращать на мѣсто бѣглыхъ крестьянъ, если они оказались въ обширныхъ областяхъ, отданныхъ имъ для колонизаціи. Сюда, въ отдаленныя, дикія степи направлялось изъ центра населеніе, разрушая такимъ образомъ экономическое благосостояніе государства и его военную силу. Нѣкоторые полагали, что съ половины XVI вѣка общимъ мѣропріятіемъ былъ запрещенъ свободный переходъ только для извѣстной категоріи крестьянъ —такъ называемыхъ *старожильцевъ*, т.-е. земледѣльцевъ, уже давно сидѣвшихъ на занимаемыхъ ими участкахъ.

Однако, вопреки мнѣнію *Дьяконова* и другихъ историковъ, *Сергѣевичъ* рѣшительно опровергъ эту гипотезу (Русскія юридическія древности“, III, 460 стр. и дальше). Вопросъ о рабочихъ рукахъ и о поземельномъ обложеніи сыгралъ здѣсь рѣшающую роль. Онъ породилъ то чудовище, которое носило имя *крѣпостного права*. Одно рабство имѣло слѣдствіемъ другое: служилый человѣкъ, запертый въ желѣзной клѣткѣ, втолкнулъ въ нее крестьянина, за которымъ въ свою очередь туда послѣдовали купецъ и духовенство. Мы уже видѣли, что городское населеніе ничѣмъ не отличалось отъ сельскаго. Въ этомъ заключалась цѣлая пропасть, отдѣлявшая Россію XVI вѣка отъ другихъ европейскихъ государствъ.

VII.

Городское населеніе.

На западѣ успѣхи торговли и промышленности привели къ организаціи городского населенія въ корпораціи, вооу-

женныя для борьбы съ феодализмомъ. Въ средѣ этихъ группъ, благодаря солидарности ихъ членовъ между собой, выработался тотъ духъ свободы, который царилъ надъ всѣмъ устройствомъ самоуправляющихся общинъ; развилась матеріальная и умственная дѣятельность, откуда вышли высшія формы экономической жизни: накопленіе капитала, учрежденіе кредита и высшія формы умственной жизни: наука, искусство, общественность.

Россія не знала ничего подобнаго и, быть можетъ, именно отсутствіе этихъ центровъ жизни и общественной позиціи способствовало образованію, и укрѣпленію введеннаго въ государствѣ деспотическаго строя.

Торговля оставалась ограниченной, промышленность едва существовала, и городъ здѣсь не являлся естественнымъ слѣдствіемъ ихъ развитія. Долгое время городъ, какъ показываетъ само названіе (*городъ*, *огороженное*, укрѣпленное мѣсто), имѣлъ совершенно иное назначеніе. Въ самомъ дѣлѣ, какъ мы видѣли, въ Москвѣ промышленная и торговая жизнь кипѣла внѣ городскихъ стѣнъ, въ *посадахъ* и *слободахъ*, населенныхъ множествомъ ремесленниковъ. Послѣдніе и по своему положенію, и по правамъ сливались съ жившими здѣсь же съ ними и не уступавшими имъ по численности земледѣльцами. Только въ XVI вѣкѣ государство рѣшило установить различіе чисто фискальное, сводившееся не къ различію между двумя категоріями населенія, а между двумя мѣстами жительства: горожане должны были платить больше, чѣмъ поселяне. Реформа, очевидно, не имѣла своей цѣлью установить между плательщиками какую-либо органическую связь. Единственной задачей правительства здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, было создать высшій окладъ налоговъ и сдѣлать его неподвижнымъ. Политико-экономическія идеи правительства были слабы и ошибочно далеки отъ того, чтобы способствовать увеличенію этого источника доходовъ; оно его, напротивъ, парализовало, повышая налоги. Оно ставило на каждомъ перекресткѣ таможеннаго надсмотрщика и на каждомъ углу улицы сборщика, монополизировало для выгоднѣйшей эксплоатаціи всѣ отрасли промышленности и торговли, начиная съ продажи ржи, овса, вообще зерновыхъ продуктовъ, приготовленія пива, кваса и друг. напитковъ.

И нигдѣ никто здѣсь не защищается, не замѣчается ни малѣйшаго слѣда борьбы противъ этого постепеннаго захвата. Случай со Псковомъ и Новгородомъ чисто политическаго характера. Между тѣмъ элементы оппозиціи были. Съ самыхъ отдаленныхъ временъ торговля была въ чести въ странѣ и считалась благороднымъ занятіемъ. Предпрія-

тія варяговъ, какъ и древнихъ славянскихъ князей, имѣли одновременно военный и торговый характеръ. Герои національныхъ былинъ—Садко, Соловей Будиміровичъ, Чурила Пленковичъ, Васька Буслаевъ—воплотили этотъ двойственный типъ торговаго дѣльца и отважнаго авантюриста. Оппозиціонные элементы были, но недоставало корпоративнаго духа. *Купецъ*, розничный торговецъ и *гость* — оптовый, оба занимаются коммерціей, но однако они также склонны и къ другимъ занятіямъ и часто предаются имъ.

Съ другой стороны, профессіональная спеціальность, которой они обязаны своимъ именемъ, не ограничивается только ими. Торговлей съ увлеченіемъ занимаются всѣ: крестьяне, монахи, военные, важные сановники—занимаются до того времени, когда государство, подъ давленіемъ одной и той же заботы, не раздѣлитъ функцій, чтобы лучше разложить и закрѣпить повинности. Это будетъ дѣломъ XVII вѣка. Но и тогда будетъ еще только однимъ полкомъ больше въ великой арміи, больше узниковъ въ великой темницѣ, а корпораціи все-таки не будетъ; они создадутся позже указами Петра Великаго и Екатерины II. До нихъ исторія не создастъ ихъ. Такимъ образомъ разобщенные соціальные элементы послѣ паденія Пскова и Новгорода, поглощенныхъ великой военной державой, лишились единственныхъ центровъ, гдѣ могли достигнуть болѣе или менѣе значительнаго сплоченія. Эти элементы подверглись общей участи закрѣпощенія, такъ какъ были безсильны выполнить ту роль, какую городскія общины Запада блестяще выполнили въ высшемъ культурномъ движеніи.

Оставалась церковь. Я сейчасъ покажу, почему и она, подъ дѣйствіемъ тѣхъ же причинъ не могла идти по слѣдамъ своей западной соперницы.

VIII.

Церковь.

Благодаря обаянію, вытекающему изъ дѣятельности церкви въ странѣ сильной вѣры, и тому, что она была единственной хранительницей и разсадницей знанія и, кромѣ того, обладала большими матеріальными средствами, ей удалось достигнуть значительнаго могущества. Заключая въ себѣ въ началѣ XVI вѣка десять епархій: Московскую, Новгородскую, Ростовскую, Вологодскую, Суздальскую, Рязанскую, Смоленскую, Коломенскую, Зарайскую и Пермскую, она пользовалась въ своемъ вѣдомствѣ обширной

юрисдикціей. Агентами ея въ данной сферѣ дѣятельности являлись церковныя должностныя лица, а также и уполномоченныя свѣтскія—*бояре*, епископскіе дьяки, намѣстники, судьи. Отправленіе суда въ то время было связано съ обложеніемъ тяжущихся сторонъ извѣстными пошлинами: по образцу свѣтскаго суда и церковный эксплоатировалъ населеніе. Порядокъ этотъ основывался на частноправовомъ взглядѣ на государство. Онъ давалъ церкви возможность усилить свои средства, но не увеличивалъ ея моральнаго авторитета. Правда, порядокъ этотъ должна была затронуть реформа, создававшая въ XVI вѣкѣ разные административные центры изъ самоуправляющихся общинъ. По примѣру того, что совершалось въ области управленія гражданскаго, были введены выборные и присяжные старосты также и во всѣхъ областяхъ церковнаго вѣдомства; въ то же время церковное судопроизводство оставалось отдѣленнымъ отъ гражданскаго. Но это начинаніе имѣло кратковременный характеръ. Государство испробовало его совершенно случайно, подчинившись либеральнымъ вѣяніямъ, шедшимъ съ Запада. Но оно, какъ мы увидимъ, скоро вернулось на путь своего деспотизма, и церковь, подчинявшаяся одному порядку, послѣдовала за правительствомъ и при другомъ. Она постепенно сливалась съ соперничавшей властью государства, пока не произошло почти полнаго совпаденія ихъ органовъ, функцій и вѣдомствъ. Между тѣмъ церковь не лишена была средствъ, чтобы отстоять и сохранить свою независимость. Вплоть до управленія имуществомъ, ея прерогативы были равны царскимъ. Церковныя земли, съ точки зрѣнія административной и судебной, были совершенно независимы отъ правительственной власти. Исключеніе составляли только нѣкоторыя уголовныя дѣла—воровство, убійство, разбой. А земли ея были слишкомъ обширны. Неравномѣрно распредѣленныя, но постепенно возраставшія богатства духовенства бѣлаго и чернаго, послѣдняго въ особенности, превосходили богатства всѣхъ другихъ классовъ. Разсѣянныя въ пятнадцати епархіяхъ митрополичьи владѣнія приносили въ концѣ XVI вѣка до 3000 рублей дохода.

Епископъ Новгородскій былъ еще богаче: ежегодный доходъ его равнялся 10—12 тысячамъ рублей. Другія епископства были также щедро и всегда болѣе чѣмъ достаточно надѣлены. Приходское духовенство находилось въ менѣе выгодныхъ условіяхъ. Оно пользовалось скромными земельными надѣлами, которые иногда не превышали 3 десятинъ и рѣдко достигали 30 десятинъ. Кромѣ того, получало денежныя поддержки—*руги* отъ 12 копѣекъ до 19 руб-

лей. Разсчитывать на щедрость вѣрующихъ не приходилось, такъ какъ жертвованія направлялись преимущественно въ монастыри. По меньшей мѣрѣ, раза четыре въ годъ священникъ обходилъ свой приходъ съ крестомъ и святой водой. Но даже съ дохода, который добывался такимъ нищенскимъ способомъ, епископъ удерживалъ себѣ десятую часть.

Большая часть общественнаго богатства находилась въ рукахъ чернаго духовенства. Оно владѣло громадными пространствами земли. Къ доходамъ присоединилась еще дань національнаго благочестія, часто чрезвычайно огромная. Отъ одного Ивана IV Троицкій монастырь за 30 лѣтъ получилъ не менѣе 25000 рублей, что по минимальному разсчету должно составлять около милліона рублей на наши деньги. Находившійся въ менѣе благопріятныхъ условіяхъ Кирилло-Бѣлоозерскій монастырь получилъ въ теченіе того же времени 18.493 рубля, не считая даровъ натурой. Напримѣръ, въ 1570 году ему было пожертвовано 100 пудовъ меду, въ слѣдующемъ—10 лошадей и отъ времени до времени другіе предметы — иконы, цѣнная церковная утварь. Одно присланное священное облаченіе было оцѣнено въ 6000 рублей.

Обширныя монастырскія владѣнія въ большинствѣ случаевъ освобождались отъ налоговъ и повинностей. Духовенство пользовалось свободой взимать таковые въ свою пользу. Оно привлекало и удерживало у себя множество рабочихъ рукъ. Къ доходамъ съ земли, которая обрабатывалась лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, и къ богатствамъ колонизированныхъ мѣстъ, увеличивавшихъ владѣнія, монахи присоединяли различные промысла. У нихъ скоплялись деньги страны. Выгодно помѣщая ихъ, они становились крупными капиталистами, почти единственными коммерсантами, а какъ землевладѣльцы они не имѣли конкурентовъ. Обладая лучшими землями въ 25 уѣздахъ, Троицкая Лавра имѣла 106600 крестьянъ, и доходъ ея равнялся 00000 рубл. въ годъ; на наши деньги около 2.400.000 рублей. Въ своихъ изслѣдованіяхъ Иконниковъ устанавливаетъ величину дохода всѣхъ великорусскихъ монастырскихъ общинъ въ 824.593 рубля. Доходъ этотъ получался съ 3.858.396 десятинъ земли, обрабатывавшейся 660.185 крестьянами. Къ этой цифрѣ нужно прибавить еще доходъ съ земель, обрабатывавшихся непосредственно самими монастырями.

Вычисленія эти только приблизительны. Однако всѣ документы, имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи, свидѣтель-

ствуютъ о громадныхъ и несоотвѣтствующихъ общему состоянію страны богатствахъ монастырей.

Было бы однако большой несправедливостью утверждать, какъ это дѣлали въ то время, что духовенство, бѣлое и черное, употребляетъ свои матеріальныя средства и моральное вліяніе только для своихъ выгодъ. Очень долгое время здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, нравственное сознаніе народа находило себѣ поддержку только въ средѣ этой національной церкви и свое выраженіе—въ ея ученіи. По крайней мѣрѣ до половины шестнадцатаго вѣка духовная власть представителей церкви и особенно митрополита служила благодѣтельнымъ противовѣсомъ всемогуществу государства. Изъ правъ, присвоенныхъ высшему духовенству, заступничество за жертвъ произвола и насилія должно быть вписано золотыми буквами въ исторію страны. Кромѣ того, церковь и бѣлое духовенство были дѣятельными сотрудниками и, съ нѣкоторой точки зрѣнія, главными работниками въ великомъ дѣлѣ національнаго объединенія, къ которому стремилась Москва. Это требуетъ поясненія. У первыхъ „собирателей земли русской" идея единства была еще полусознательной.

Въ своемъ завѣщаніи сынъ Калиты Симеонъ Гордый (1341—1353) настойчиво рекомендуетъ своему сыну идти по намѣченному имъ пути, „чтобы память о нашихъ отцахъ и о насъ не изгладилась и чтобы не потухъ свѣтильникъ"... Однако не гордая мечта переустройства великой родины, а другія заботы вызывали вѣковыя усилія этихъ темныхъ князей. Они прикупаютъ деревню къ деревнѣ, прибавляютъ владѣніе къ владѣнію, накопляютъ въ своихъ сундукахъ золото, серебро, драгоцѣнные камни, жемчуги, обсчитываютъ своего господина, татарскаго хана, при уплатѣ ему дани, разоряютъ и убиваютъ своихъ братьевъ-князей. Если же кому-нибудь изъ нихъ придется высказать свою затаенную мысль, объясняющую причину этой упорной работы, онъ просто скажетъ, что это все дѣлается ради того момента, „когда насъ Богъ избавитъ отъ Орды"... То, чего они желали, была прежде всего свобода, возможность не гнуть больше спины подъ сапогомъ иноземнаго завоевателя и не слизывать съ шеи коня капель кумыса, который прольетъ ханъ изъ кубка, поданнаго ему ими же. Имъ еще приходится это испытывать. И они хотятъ выйти изъ этой зависимости. И когда это случится, они снова примутся накоплять новыя богатства, будутъ совершать новыя насилія и грабежи съ единственной цѣлью пріобрѣсть нѣсколько десятинъ и наполнить сокровищами нѣсколько лишнихъ сундуковъ.

Однако идея національнаго единства мало-по-малу проникаетъ въ упрямыя головы этихъ фанатическихъ скопидомовъ. Она родилась и выросла рядомъ съ ними. Гораздо раньше, чѣмъ какой-либо московскій князь подумалъ сдѣлаться политическимъ представителемъ объединенной Руси, митрополитъ московскій сталъ ея религіознымъ представителемъ. Такова была сила вещей.

Славянскій Востокъ составлялъ какъ бы одну епархію, зависѣвшую отъ константинопольскаго патріарха. Такимъ образомъ онъ имѣлъ главный центръ объединенія, общій очагъ. Этотъ центръ долгое время былъ кочующимъ, какъ и всѣ другіе. Но уже современникъ Калиты (1325—1341) митрополитъ Петръ рѣшился принять титулъ митрополита *всея Руси*, и тогда же князья, отстаивавшіе другъ передъ другомъ первенство Москвы, Рязани, Суздаля, Твери, заспорили изъ-за того, чья столица будетъ мѣстомъ пребыванія митрополита и съ нимъ пріобрѣтетъ видимый знакъ превосходства. Михаилъ Ярославичъ Тверской сначала взялъ верхъ и началъ называть себя княземъ *всея Руси*. Но Калита скоро побѣдилъ, и преобладаніе Москвы было утверждено за полтора вѣка до Ивана Великаго. Полтора вѣка спустя религіозное единство распалось, благодаря образованію по сосѣдству въ польско-литовскомъ государствѣ новаго духовнаго центра. Флорентійская унія завершила разобщеніе между этими двумя центрами. Но уже въ то время политическое единство, выросшее и окрѣпшее въ Москвѣ, пріобрѣло шансы стать прочнымъ и продолжительнымъ. Монастыри съ своей стороны внесли часть дани въ дѣло колонизаціи, которому новая Русь также въ нѣкоторой степени была обязана своимъ возникновеніемъ.

Движеніе монастырской колонизаціи шло главнымъ образомъ въ противоположномъ направленіи съ тѣмъ, которое совершали обыкновенные колонисты, побуждаемые исключительно практическими соображеніями. Тогда какъ послѣдніе направлялись въ богатыя южныя земли, монахи, воодушевляемые высшими идеалами, направлялись на сѣверо-востокъ, въ пустынныя мѣста и непроходимые лѣса. Безъ нихъ сюда долго бы еще не проникли и предпріимчивые міряне. Тамъ они входили въ соприкосновеніе съ финскимъ населеніемъ, еще поклонявшимся идоламъ, и выполняли двоякую задачу: разрабатывали дѣвственныя земли и просвѣщали души язычниковъ. Они все подвигались и подвигались впередъ. Таковъ Трифонъ, современникъ Ивана Грознаго. Онъ со своимъ товарищемъ Феодонитомъ на берегу рѣки Печенги научилъ искусству обрабатывать землю и просвѣтилъ истиной вѣры лапландскія племена, которыя

встрѣтили сначала враждебно благочестивыхъ отшельниковъ, а потомъ стали послушны имъ.

На востокѣ, со стороны татарской границы религіозная проповѣдь также опередила завоеванія. Возникшія здѣсь монастырскія учрежденія задолго до взятія Казани, еще въ четырнадцатомъ вѣкѣ, перешли за р. Суру, а потомъ продолжались и дальше, помогая, а иногда и защищая прогрессъ національнаго движенія. Располагая большими средствами, часто хорошо укрѣпленные, монастыри были поддержкой для арміи во время военной кампаніи. Монастырь Святаго Кирилла съ своими валами, снабженными артиллеріей и 38 массивными башнями, въ стратегическомъ отношеніи превосходилъ Новгородъ.

Наконецъ, если стеченіе вѣрующихъ въ эти излюбленныя мѣста паломничества давали поводъ къ непростительному торгашеству на ярмаркахъ, совпадавшихъ съ приходскими праздниками, если обыкновеніе давать частнымъ лицамъ взаймы деньги и брать съ нихъ не менѣе 10%, если все это вызывало ожесточенные споры, то все же существовала до XVIII вѣка традиція, требовавшая, чтобы эти богатства, собранныя въ однѣхъ рукахъ, являлись въ нѣкоторомъ родѣ запасомъ, къ которому государство могло бы прибѣгнуть въ годину испытаній. Подобно сокровищамъ, накопленнымъ египетскими жрецами въ знаменитомъ Лабиринтѣ, не были оберегаемы такъ строго, чтобы въ нихъ не видѣли въ нѣкоторомъ родѣ общаго достоянія. Обычай также требовалъ, чтобы монастыри никому не отказывали ни въ пищѣ, ни во временномъ пристанищѣ. Князья и бояре сами пользовались этимъ, заѣзжая по пути въ Господни обители и, подкрѣпившись въ нихъ, брали еще съ собой запасы въ дорогу. Что же касается бѣдняковъ, то они смотрѣли на обители, какъ на нѣчто принадлежащее имъ. И монастыри оправдывали подобныя претензіи. Въ Волоколамскомъ монастырѣ въ одинъ неурожайный годъ однажды роздали хлѣба 7000 человѣкъ и въ теченіи мѣсяца кормили 4—5 тысячъ голодавшихъ. Это было при Василіи Ивановичѣ, отцѣ Грознаго. Игуменъ Іосифъ въ этотъ годъ продалъ скотъ и даже монастырскія облаченія. Монахи отказались даже отъ кваса и ограничивались самой необходимой суровой пищей. Съ этого же времени стали основываться при монастыряхъ гостепріимницы и больницы.

Чего же недоставало этимъ подвижникамъ, чтобы еще больше возвысить ихъ значеніе, чтобы, какъ на Западѣ, основать въ своихъ обителяхъ и при церквахъ очаги высшей культуры и элементарнаго образованія, чтобы стать не только религіозными просвѣтителями, но и воспитате-

лями, насадителями цивилизаціи среди своего народа? Чего не было у этихъ, часто героическихъ, священниковъ, изъ которыхъ одни ходятъ отъ дверей къ дверямъ, собирая подаянія для тысячъ обездоленныхъ, другіе выдерживаютъ борьбу со стихіями въ суровомъ сѣверномъ краѣ или идутъ къ трону смягчать страшный царскій гнѣвъ? Исторія давно отвѣтила: имъ недоставало образованія.

Изъ 23 митрополитовъ, бывшихъ на Руси до монгольскаго нашествія, 17 было грековъ, и еще долго послѣ этого греческій и болгарскій элементъ преобладалъ въ составѣ духовенства какъ бѣлаго, такъ и чернаго. Даже послѣ того какъ русскіе митрополиты перестали быть поставляемы въ Константинополѣ, т.-е, сразу же послѣ Флорентійской уніи, они все еще продолжали искать тамъ утвержденія въ своемъ санѣ.

Частыя появленія на Руси восточныхъ монаховъ за сборомъ милостыни и частыя путешествія русскихъ паломниковъ къ обителямъ Аѳонской горы и другимъ сосѣднимъ святынямъ —все это поддерживало непрерывныя сношенія между обѣими церквами. Религіозная жизнь страны, такимъ образомъ, постоянно обращалась къ своему первоисточнику. Исторія доказала, что это былъ источникъ, изъ котораго и Западная Европа нѣкогда утоляла свою духовную жажду. Я покажу дальше, что Русь XVI вѣка могла пріобрѣтать оттуда, какіе элементы культурнаго и нравственнаго развитія могла черпать тамъ. Я остановлюсь здѣсь только на одномъ фактѣ.

Съ 1420 по 1500 годъ въ странѣ возникло 150 новыхъ монастырей и съ 1500 по 1588 г. еще 65. Хотя англійскій путешественникъ Флетчеръ и преувеличилъ, называя Россію шестнадцатаго вѣка „страной монастырей“, но несомнѣнно. что этого рода учрежденія достигли въ эту эпоху сравнительно большихъ размѣровъ. Крайняя свобода, которая царила тамъ, одна въ достаточной степени можетъ объяснить это.

Первый пришедшій отшельникъ, имѣвшій средства выстроить какую-нибудь маленькую церковку или молельню изъ дерева, могъ по желанію сдѣлаться игуменомъ, начальникомъ общины. Онъ обращался къ государю, боярамъ или просто богатымъ людямъ, чтобы получить отъ нихъ земли, а благочестіе вѣрующихъ и значеніе, какое вообще придавалось молитвамъ иноковъ, дѣлало остальное. Но всѣ эти учрежденія принимали неизмѣнно уставъ Василія Великаго, какъ Западныя общины долгое время придерживались устава святаго Бенедикта. Это положеніе сохранилось до нашихъ дней. Не есть ли это доказательство ничтожной

интенсивности въ религіозной жизни, застывшей въ одной формѣ?

Жизнь есть движеніе. Съ другой же стороны, мотивы, удерживающіе въ такой косности эти общины, не имѣютъ ничего общаго съ заботами о благочестивомъ созиданіи или о возвышенномъ духовномъ усовершенствованіи. Показавъ само явленіе, я долженъ подойти къ его обратной сторонѣ. Тѣ факты, о которыхъ я буду говорить, общеизвѣстны. Они возбудили почти общее порицаніе даже въ средѣ самой церкви и вызвали реакцію, происхожденіе и характеръ которой я выясню, хотя она и оказалась безсильной и почти безплодной.

Аскеты—идеалисты того времени, такіе, какъ Максимъ Грекъ, Вассіонъ Косой или Нилъ Сорскій закончили свою жизнь въ заточеніи, преданные анаѳемѣ, исключенные изъ числа членовъ религіозной общины. Тотъ самый Феодонитъ, о высокихъ подвигахъ котораго я уже упоминалъ, долженъ былъ умереть въ темницѣ. Вина его заключалась въ томъ, что онъ давалъ своимъ современникамъ слишкомъ высокій примѣръ для подражанія. Большинство его собратій въ клобукахъ было далеко отъ этой возвышенности.

Если они и не ограничивались тѣмъ, что въ праздности, а иногда и въ невоздержности, ѣли плоды своихъ занятій, если они, какъ мы видѣли, порой и удѣляли часть своихъ средствъ бѣднымъ, все же ихъ кругозоръ не выходилъ изъ сферы узкопонимаемой набожности, ограничивающейся внѣшней обрядностью. Очень много архимандритовъ и игуменовъ шли по еще болѣе наклонному пути. Они отдавали монастырскія богатства въ ростъ и приспособляли уставъ къ своимъ сибаритскимъ привычкамъ. Общая жизнь въ монастыряхъ стала рѣдкимъ явленіемъ. Общимъ столомъ пользовались только нѣкоторые изъ братій. Пища ихъ была остатками пышныхъ трапезъ настоятелей, завладѣвшихъ общимъ достояніемъ и широко жившихъ на нихъ со своими застольниками, родными, друзьями, богатыми вельможами, избравшими себѣ мѣстомъ жительства эти роскошныя Ѳиванды Тамъ весело проводили жизнь. Много пили. Съ XVI по XVII вѣкъ, какъ показалъ Прыжовъ въ своей *Исторіи кабаковъ* (1868 г. стр. 53), монастыри были крупными производителями и хранилищами разнаго рода напитковъ. Въ нихъ собирались многочисленныя веселыя компаніи. Женщины часто посѣщали кельи. Иногда тамъ встрѣчались также мальчики. Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ монахи и монахини жили рядомъ.

Преобразовательное теченіе шестнадцатаго вѣка должно было коснуться этого міра, зараженнаго испорченностью

нравовъ, какъ и западныя монастырскія общины той же эпохи. Но здѣсь не было достаточно жизненнаго элемента, чтобы произвесть реформу и дать ей восторжествовать. Начинанія въ этой области скоро остановились и нравственный авторитетъ церкви былъ навсегда поколебленъ. Общественная роль церкви въ это время уменьшилась и значеніе ея сильно ослабѣло, благодаря дѣйствію другихъ причинъ. До татарскаго нашествія раздѣленіе русской земли на маленькія княжества и сохраненіе постоянной связи церкви съ Константинополемъ были гарантіей независимаго положенія ея владыкъ. Но въ это время они рѣшили стать подъ защиту новой власти. Митрополитъ Кириллъ сталъ жить при дворѣ самого хана. Милостивая грамота Мангу Тимура и щедро раздававшіеся его преемниками ярлыки были наградой за это положеніе. Но полученныя такимъ образомъ милости влекли полнѣйшее отреченіе отъ былой независимости, и когда Москва получила наслѣдіе азіатскихъ деспотовъ, привычка духовныхъ владыкъ къ повиновенію уже прочно укрѣпилась. Указы замѣнили собой ярлыки и требовали того же подчиненія.

Съ другой стороны, какъ мной указано выше, церковь, поработавъ надъ созданіемъ національнаго единства, способствовала разрушенію удѣловъ. Раздѣленіе страны дѣйствительно мѣшало проявленію ея власти. Но когда одно политическое предпріятіе преслѣдуется двумя союзниками, они непремѣнно сливаются, и слабая сторона должна подчиниться болѣе сильной. Всемогущество, достигнутое Москвой, освятило этотъ результатъ. Въ то же время разрывъ съ Константинополемъ лишалъ постепенно покоряемую церковь того интернаціональнаго характера и той внѣшней точки опоры, которые опредѣлили судьбу католицизма и служили лучшей гарантіей противъ свѣтскаго деспотизма. Въ XVI вѣкѣ право раздавать духовныя мѣста и церковные доходы было въ рукахъ государя. Такое положеніе вещей не было слѣдствіемъ какого-нибудь *конкордата*. Это было естественное слѣдствіе строя, соединявшаго и смѣшавшаго до нераздѣльности два разряда интересовъ и правъ. Какъ высшій покровитель православія съ конца пятнадцатаго вѣка государь созываетъ здѣсь *Соборы*. На этихъ соборахъ наряду съ вопросами вѣры и обрядностей обсуждаются также и дѣла государственныя. Съ другой стороны, и высшія духовныя лица приглашаются часто въ свѣтскій совѣтъ государя—*Думу* и принимаютъ участіе въ совѣщаніяхъ. Отсюда уже оставался только одинъ шагъ до того, чтобы вмѣстѣ со всѣми другими попасть въ число служилыхъ людей, подчиненныхъ общему закону.

Черное духовенство также не избѣжало этого. Послѣ того какъ нѣкоторые игумены и архимандриты начали участвовать на соборахъ и въ Думѣ, монахи стали часто обращаться къ государю, прося у него защиты противъ произвола епископовъ, подобно тому какъ ихъ братья на Западѣ обращались къ папѣ. Государь охотно отзывался на это до той поры, пока не почувствовалъ себя достаточно сильнымъ, чтобы упростить эти отношенія: онъ сосредоточилъ соотвѣтствующую юрисдикцію въ одномъ изъ своихъ гражданскихъ приказовъ. Изъ того униженія, въ какое судьба ввергла какъ бѣлое, такъ и черное духовенство, оно бы могло подняться добродѣтелью своего служенія. Но для этого нужно было, чтобы интеллектуальная цѣнность и нравственное достоинство, по крайней мѣрѣ, высшаго духовенства, отвѣчали ихъ высокому служебному назначенію и чтобы огонь и свѣтъ пламени священнаго призванія зажегся и горѣлъ на алтаряхъ этой автокефальной церкви такъ же ярко, какъ на Западѣ, гдѣ такіе папы, какъ Левъ X-й и Пій V, придали ей всемірный блескъ. Но Кириллы и Іоны, увы, не могли найти божественной искры подъ пепломъ Византіи.

Во время Ивана III высшее бѣлое духовенство еще боролось. Когда возгорѣлся споръ между великимъ княземъ и митрополитомъ по вопросамъ, касавшимся богослуженія, послѣдній покинулъ свой престолъ, оставилъ храмы безъ освященія и заставилъ такимъ образомъ государя „бить челомъ“ въ покаяніи. Но уже при преемникахъ этого государя, еще недостаточно укрѣпленныхъ въ своей роли всемагущихъ владыкъ, для борьбы съ торжествующимъ деспотизмомъ потребовалось нѣчто большее сознанія оскорбленнаго достоинства. Святой Филиппъ, о мученичествѣ котораго я еще буду говорить, былъ убитъ и своей кровью запечатлѣлъ вѣрность попраннымъ традиціямъ и стремленіе къ независимости. Его голосъ остался безъ отклика. Его примѣръ не нашелъ послѣдователей. Какъ и вся страна, церковь погрузилась во мракъ и безмолвіе. Громадная машина сокрушала умы и характеры своими тяжелыми колесами.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Политическая и соціальная жизнь.

I. Центральная власть.—II. Организація областного управленія.—III. Мѣстничество.—IV. Община.—V. Организація суда и законодательства.—VI. Экономическій строй.—VII. Финансы.

I.

Центральная власть.

Машина была установлена и пущена въ ходъ не сразу. При вступленіи на престолъ Грознаго она уже представляла сложный механизмъ съ многочисленными колесами, которыя, согласно мнѣнію Ключевскаго (Боярская Дума, 1883, 2 изд., стр. 119 и дальше), являлись слѣдами въ нѣкоторомъ родѣ древняго патріархальнаго устройства, приспособленнаго къ скромному быту удѣльныхъ князей. Сергѣевичъ же (Русск. Юрид. древности. II, 434) видитъ въ нихъ опредѣленные политическіе органы. Я не буду здѣсь вступать въ споръ. Это были приказы или, правильнѣе, департаменты. Число ихъ все возрастало: вѣдомства ихъ были распредѣлены очень неправильно. Это зависило отъ того, что образованіе и расширеніе ихъ дѣятельности соотвѣтствовало росту завоеваній и колонизаціи. Одни изъ приказовъ, болѣе древняго происхожденія, вѣдали только нѣкоторыя опредѣленныя дѣла многочисленныхъ провинцій. Таковъ былъ *разрядный приказъ*, вѣдавшій дѣла военныя. Въ другихъ же, напротивъ, сосредоточивались всѣ дѣла какой-нибудь одной недавно пріобрѣтенной области. Таковъ былъ, напр., *Казанскій дворецъ*, учрежденный послѣ взятія города. *Посольскій приказъ*, вѣдавшій иностранныя дѣла, былъ, конечно, одинъ для всего государства. Наконецъ, нѣкоторые, такъ называемые областные приказы — Московскій, Владимірскій, Дмитріевскій, Рязанскій—ограничивались вѣдѣніемъ нѣкоторыхъ дѣлъ въ соотвѣтствующихъ провинціяхъ, соединяя, такимъ образомъ, черты первыхъ двухъ категорій этихъ учрежденій.

Безпорядокъ царилъ вездѣ. Чтобы приводить въ движеніе и управлять всѣми этими колесами, нуженъ былъ центральный рычагъ. Гдѣ же былъ онъ? Въ рукахъ государя? Повидимому, нѣтъ. Во главѣ приказовъ стояла *Боярская Дума,* нѣчто весьма сходное съ *Совѣтомъ* первыхъ капетинговъ или съ curia regia нормандскихъ королей въ Англіи. Здѣсь, какъ и тамъ, это былъ историческій продуктъ, твореніе національнаго объединенія, происходившаго въ XV вѣкѣ въ области Оки и верхней Волги, и слѣдствіемъ военнаго устройства государства. Глава войска, московскій князь, какъ и всѣ предводители, долженъ былъ выслушивать мнѣнія своихъ помощниковъ въ важныхъ дѣлахъ. Боярская Дума по своему происхожденію и была ничѣмъ инымъ, какъ военнымъ совѣтомъ, преобразованнымъ впослѣдствіи, благодаря сложности дѣлъ, разбиравшихся въ ней. Глава вотчины, князь, долженъ былъ считаться съ потомками своихъ древнихъ сподвижниковъ, расмѣстившихся теперь, какъ и онъ, въ своихъ наслѣдственныхъ владѣніяхъ и пользовавшихся тамъ извѣстной долей власти. Военный совѣтъ принялъ въ свое вѣдѣніе дѣла политическаго характера и по своему составу былъ аристократическимъ.

Въ шестнадцатомъ вѣкѣ, семьдесятъ фамилій, изъ которыхъ 40 были княжескими, повидимому, пользовались правомъ участія въ Боярской Думѣ. Но было ли то право? Нѣтъ, это была скорѣе возможность, осуществленіе которой скорѣе зависѣло отъ воли государя. Въ этомъ уже проявлялось ничтожество этого учрежденія, которое, казалось, могло бы ограничить абсолютную власть. Отсутствіе корпоративной организаціи не позволяло Думѣ достигнуть значительной прочности. Большое количество бояръ и князей обыкновенно присутствовало въ Думѣ, но рядомъ съ ними принимаетъ участіе въ засѣданіяхъ еще болѣе многочисленная толпа чиновниковъ—не бояръ и не князей: *окольничіе* (отъ слова *около,* находящіеся около князя), *дворяне,* лица состоящіе при дворѣ и, наконецъ, простые *дьяки.*

Въ дѣйствительности не нужно было происходить изъ знатнаго рода, чтобы быть призваннымъ въ *Думу.* Въ спискѣ 1527 г. мы не находимъ ни Голицына, ни Куракина, ни Воротынскаго, ни Пронскаго, ни Хованскаго, ни Прозоровскаго, ни Рѣпнина, ни Салтыкова. А перечисленныя мною фамиліи были изъ числа знаменитѣйшихъ того времени. Побывать нѣсколько дней въ *Думѣ* еще не значило, что это такъ будетъ продолжаться и дальше. Для одного дѣла изъ занесенныхъ въ списокъ 100 или болѣе членовъ призывалось 20 человѣкъ, для другого такого же—только

восемь. Никакого правила, никакого даже порядка, могшаго замѣнить его. Какъ чинъ, такъ и дѣятельность думскихъ совѣтниковъ зависѣли отъ князя. Между дѣятельностью и чиномъ никакой зависимости не было. Въ этомъ уже можно видѣть зародышъ будущей организаціи чиновничества.

Компетенція Боярской Думы была обширна и даже въ нѣкоторомъ смыслѣ не ограничена. Дума тѣмъ не довольствовалась, что освѣдомляла князя. Вмѣстѣ съ нимъ она осуществляла полноту власти: законодательной, судебной и административной. Она управляла въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова и не только коллективно, но и индивидуально. Послѣ обсужденія какого-нибудь вопроса внѣшней политики *думный дворянинъ* могъ быть посланъ намѣстникомъ въ Вятку, вслѣдъ за тѣмъ получить назначеніе командовать войскомъ въ Сѣвскъ, а между двумя подобнаго рода службами онъ могъ получить приказъ „идти за крестомъ“, вмѣсто князя, въ какой-нибудь торжественной церковной процессіи или же идти къ какому-нибудь знатному лицу съ блюдомъ, которое царь пошлетъ ему милостиво отъ своего стола. Возвратившись послѣ этого снова въ Думу, онъ могъ имѣть случай принимать участіе въ судебномъ разбирательствѣ какого-нибудь процесса, поступившаго туда въ апелляціонномъ порядкѣ. По крайней мѣрѣ одна статья *Судебника* 1497 года упоминаетъ о судебныхъ дѣлахъ подобнаго рода, какъ о подвѣдомственныхъ *Думѣ*.

Для всѣхъ этихъ дѣлъ Думѣ, пожалуй, недостаточно было бы двухъ засѣданій въ день, о которыхъ упоминаютъ лѣтописи: первое лѣтомъ съ 7 ч. утра до часу—двухъ по полудни. Второе начиналось послѣ обѣдни, которую они должны были обязательно выслушать вмѣстѣ съ княземъ, обѣда и отдыха послѣ захода солнца и продолжалось до довольно поздняго ночного времени. Но этотъ обременительный трудъ выпадалъ на долю только нѣсколькихъ думскихъ совѣтниковъ, да и то черезъ большіе промежутки времени. Большею же частью учрежденіе бездѣйствовало. Да и была ли Боярская Дума учрежденіемъ? Это скорѣе фикція раздѣленія власти, а съ XVI вѣка становится дѣйствительно только тѣнью. Работала ли Дума отдѣльно отъ государя или совмѣстно съ нимъ, все еще сохранялась фикція нераздѣльности ихъ дѣйствій во всѣхъ актахъ. Если князя не было въ Думѣ, признавалось, что онъ всегда присутствуетъ въ средѣ собранія. Если же онъ дѣйствовалъ одинъ, считалось, что это дѣлается совмѣстно съ *Думой*. Мнѣ кажется, Сергѣевичъ былъ не правъ, не признавая идеи этого мистическаго единства. Она пережила Бо-

ярскую Думу и снова проявилась въ отношеніяхъ Петра Великаго къ его сенату. Но это была только идея. Несомнѣннымъ фактомъ, особенно съ XVI вѣка, была личная абсолютная власть, осуществляемая государемъ съ помощью другого совѣщательнаго учрежденія, составъ котораго еще болѣе произвольно опредѣлялся и былъ болѣе ограниченъ. Это давало еще большую свободу абсолютизму. Мы говоримъ о Совѣтѣ, собиравшемся обыкновенно въ государевой опочивальнѣ и состоявшемъ изъ двухъ—трехъ бояръ или довѣренныхъ людей, безъ различія происхожденія. Совѣтъ этотъ соотвѣтствовалъ *commune consilium*, существовавшемъ рядомъ съ *magnum consilium* во всѣхъ западно-европейскихъ монархіяхъ. Но здѣсь онъ былъ болѣе измѣнчивъ и подвиженъ и всецѣло зависѣлъ отъ воли и каприза государя.

Съ другой стороны, въ областяхъ власть князя осуществлялась даже безъ какого бы то ни было признака раздѣленія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, судебная власть находится въ рукахъ его прямыхъ агентовъ. Порядокъ этотъ представляетъ либо полную привилегію государя, либо льготу, дарованную населенію спеціальными грамотами (*тарханными*).

Рядомъ съ этимъ за княземъ сохранилось разсмотрѣніе направляемыхъ по старому обычаю на его имя просьбъ. Наплывъ ихъ вызвалъ въ XVI вѣкѣ учрежденіе спеціальнаго, такъ называемаго *челобитнаго приказа*—этого зерна будущей „*Тайной канцеляріи*“.

Такимъ образомъ, государь является настоящимъ и притомъ единственнымъ правителемъ, и его совѣтники, такъ же какъ и его „служилые люди“—только солдаты, которыми онъ командуетъ, пѣшки, передвигаемыя имъ по шахматной доскѣ безъ всякаго съ ихъ стороны сопротивленія и безъ чьего бы то ни было контроля. Въ арміи пріобрѣтаетъ значеніе военный совѣтъ, онъ даже заставляетъ слушаться и считаться съ его рѣшеніями во время неудачныхъ походовъ. Но пусть улыбнется побѣда и возвратится къ вождю сознаніе своего значенія—прощай генеральный штабъ!

Плановъ Наполеона не обсуждаютъ! Москва побѣдила. Она продолжаетъ торжествовать. Наслѣдники Калиты, несомые на крыльяхъ счастья, не желаютъ отвѣчать за прошлое, не желаютъ ни съ кѣмъ считаться и въ будущемъ.

Таково было положеніе въ центрѣ. Тотъ же типъ военной организаціи установился и на окраинахъ.

II.

Организація областного управленія.

Организація областного управленія покоилась на владѣніи землей. Владѣніе землей создавало двухъ родовъ обязанности для собственниковъ: крестьяне платили подати, вотчинники и помѣщики несли службу. Это „служилые люди". Они, кромѣ отправленія гражданскихъ обязанностей, которыя могутъ быть на нихъ возложены, составляютъ войско государя. Оно расквартировывалось въ мирное время на тѣхъ же земляхъ и подлежало немедленной мобилизаціи въ случаѣ войны. Служба начиналась съ 15 лѣтъ, Съ этого возраста сынъ помѣщика получалъ часть отцовскаго имѣнія, а если у отца семья велика, то новый надѣлъ. Со смертью помѣщика имѣніе его раздѣлялось между сыновьями. Дочери получали пожизненно извѣстную часть и лишались ея при выходѣ замужъ. Въ случаѣ недостаточности примѣнялась раздача добавочныхъ участковъ. Разрѣшался обмѣнъ помѣстій, но съ условіемъ, что государство не страдаетъ отъ этого: оно не желало терять ни одного человѣка. Въ раздѣлъ *вотчинъ* между наслѣдниками государство формально не вмѣшивалось, но наблюдало, чтобы каждая доля досталась человѣку послушному, которымъ оно могло бы вполнѣ располагать.

Систему эту, очевидно, легче было примѣнять къ *помѣщикамъ*. Хозяинъ имущества, великій князь, крѣпко держитъ въ своихъ рукахъ помѣщиковъ. Политика Москвы неизмѣнно стремилась къ тому, чтобы замѣнить вотчины помѣстьями, наслѣдственныя владѣнія обратить въ пожизненныя.

На земляхъ, присоединенныхъ къ государству силою оружія, эта замѣна была болѣе легкой и совершилась быстрѣе. Военный законъ способствуетъ этому, разрѣшая массовыя конфискаціи земель и раздачу ихъ. 20 лѣтъ спустя послѣ присоединенія Новгорода документы, помѣченные 1500 годовъ, указываютъ намъ, что въ двухъ уѣздахъ—Ладожскомъ и Орѣшковскомъ—было 106 помѣщиковъ, владѣвшихъ здѣсь половиной всей пахотной земли. Они были большею частью низкаго происхожденія — ремесленники, слуги. Но они тѣмъ болѣе послушны. Юридическимъ предкомъ обыкновеннаго типа земледѣльческаго собственника шестнадцатаго вѣка въ этой мѣстности былъ княжескій псарь, награжденный землею еще въ XIV столѣтіи. Послушаніе было у него въ крови.

Съ другой стороны, тамъ, гдѣ дѣло объединенія совер-

шалось мирнымъ путемъ, вотчинники преобладаютъ. Они менѣе податливы, и на нихъ-то будетъ направленъ свирѣпый натискъ, которымъ Грозный заслужилъ свою кровавую славу.

Восторжествовавшій послѣ кризиса помѣстный порядокъ заключалъ другое неудобство: вслѣдствіе недостатка надѣловъ создался настоящій земледѣльческій пролетаріатъ. Одинъ изъ помѣщиковъ, призванный въ армію, жалуется, что не имѣетъ средствъ пріобрѣсть себѣ лошадь. Другой—въ ожиданіи надѣла исполняетъ обязанности дьячка и не имѣетъ на что пріобрѣсть самое необходимое даже для службы въ пѣхотѣ. Но они оба идутъ въ счетъ, и государь имѣетъ армію, которая ему ничего не стоитъ.

Ему нужна и администрація. Расходы по содержанію администраціи ложились на управляемыхъ. Управлять въ то время значило выполнять судебныя и полицейскія обязанности—и этимъ питаться. Такая система была введена вездѣ. На большинствѣ вотчинныхъ земель въ силу старинныхъ привилегій, а на другихъ въ силу особыхъ грамотъ собственники-военные и даже духовныя лица пользовались правомъ суда и получали въ свою пользу доходъ съ тяжбъ, оплачивавшихся разнаго рода пошлинами. Въ ихъ же распоряженіи поступали и тѣ штрафы, какіе должны были уплатить въ пользу судьи лица, осужденныя за уголовныя преступленія, или же общины, если виновникъ не разыскивался. На земляхъ, не пользовавшихея судебной привилегіей, эти доходы дѣлились между чиновниками, непосредсвенными агентами правительства, и „служилыми людьми“—намѣстниками, волостелями, которымъ правительство передаетъ свои права и доходы. Управлять городомъ или областью значило жить на ихъ счетъ, взимая судебныя издержки. Это называлось *кормленіемъ*; большею частью кормленщики и были правителями. Позднѣе, когда развитіе экономической жизни потребуетъ настоящихъ административныхъ агентовъ, никто и не думаетъ искать ихъ между прежними кормленщиками. Новыя потребности создадутъ новые органы, старые же пока останутся на своихъ мѣстахъ только лишь для того, чтобы кормиться.

Отлично согласуемое съ земельнымъ правомъ вотчинниковъ, являясь скорѣе пожалованіемъ, чѣмъ судебной обязанностью, *кормленіе* относилось скорѣе къ частному, чѣмъ къ публичному праву. Добиваться его могла вдова какого-нибудь боярина или, за ея отсутствіемъ, наслѣдники, вся семья умершаго должностного лица. Кромѣ того, рядомъ съ намѣстникомъ, жившимъ на счетъ области, былъ волостель. Но онъ не зависѣлъ и не подчинялся намѣст-

нику, а былъ скорѣе конкурентомъ его въ своемъ судебномъ округѣ. Волостелямъ, каждому въ отдѣльности, подлежали опредѣленные разряды дѣлъ и лицъ. Одинъ, напримѣръ, производилъ судъ на *черныхъ* земляхъ, его сосѣдъ только на *бѣлыхъ*.

Легко представить, какія злоупотребленія вызывала эта система. Формально судебныя издержки были строго опредѣлены и доходы были ограничены нѣкоторыми предѣлами Но были еще побочные доходы, неизбѣжныя подношенія за нѣкоторыя темныя сдѣлки. При организаціи, лищенной дѣйствительнаго контроля, это было настоящей язвой всего строя.

Никакого правила еще не существовало для набора лицъ администраціи. Государь былъ совершенно свободенъ въ выборѣ, но на практикѣ онъ встрѣчался съ затрудненіемъ найти подходящихъ людей внѣ извѣстнаго общественнаго круга. Политика Москвы стремилась расширить рамки и ввесть въ нихъ новые элементы изъ всѣхъ слоевъ общества, до самыхъ низовъ его. Но эти демократическія стремленія парализовались недостаткомъ умственнаго развитія. Хорошо выдрессированныхъ псарей, которые могли бы прилично фигурировать въ роли намѣстника, было очень мало. Такимъ образомъ социальный элементъ, принципъ наслѣдственности и аристократическій духъ сочетались здѣсь съ элементомъ политическимъ и принципомъ кооптаціи. Въ результатахъ этого получилось явленіе, подобія котораго мы не находимъ ни въ одномъ западно-европейскомъ государствѣ. Это *мѣстничество*, самое названіе котораго почти не извѣстно за предѣлами Россіи. Я постараюсь объяснить его.

III.

Мѣстничество.

Теоретически это право не было закрѣплено никакимъ закономъ, примѣнялось въ силу привычки и обычая. Заключалось оно въ томъ, что каждый *служилый*, назначенный несть службу съ другимъ, соглашался знать *мѣсто* не ниже того, какое онъ или кто-нибудь изъ его предковъ занималъ по отношенію къ сослуживцу или его предкамъ. Напримѣръ, двумъ субъектамъ поручено командованіе частями одного и того же полка. Оба они сыновья бояръ. Но дѣдъ одного изъ нихъ, будучи воеводой, имѣлъ подъ своей командой отца или дѣда другого. Внукъ воеводы имѣетъ

право отказаться отъ службы съ даннымъ ему товарищемъ —это и есть *мѣстничество.*

Ничто не помѣшало бы князю назначить его конюхомъ, да и самъ бы онъ не сталъ противиться, если бы только, убирая конюшню отъ навоза, ему не пришлось встрѣтиться въ той же конюшнѣ за такими же занятіями другого конюха, отецъ котораго былъ только поваренкомъ, тогда какъ его—поваромъ. Но ничто не заставило бы его стать воеводой наряду съ сыномъ поваренка.

Представьте теперь, что разсчеты первенства идутъ по восходящей линіи, по всѣмъ ея степенямъ и вѣтвямъ; вы можете вообразить, какіе сложные случаи могли встрѣчаться и сколько они вызывали споровъ. Политическая жизнь Московскаго государства полна ими, и всемогущество главы государства встрѣчало въ *мѣстничествѣ* серьезное противодѣйствіе.

Погодинъ искалъ происхожденіе мѣстничества въ отношеніяхъ между удѣльными князьями. Теорія эта имѣетъ очень мало сторонниковъ. Въ первыхъ извѣстныхъ намъ мѣстническихъ спорахъ, совпадающихъ съ появленіемъ первыхъ *родословныхъ книгъ,* съ очевидной ясностью выступаетъ болѣе общее родовое начало.

Въ своихъ собственныхъ интересахъ Московское правительство уважало и способствовало развитію этого принципа, служившаго династическимъ основаніемъ. Оно старалось соединить его съ противоположной ему системой служебной іерархіи и въ результатѣ создало *мѣстничество* Правительство сначала торжествовало. Возникая всегда изъ-за мѣстъ, раздававшихся государемъ, споры разрушали начала корпоративнаго единства. Они исключали понятіе чистой аристократіи и укрѣпляли идею *службы.* Впрочемъ, споры сначала заключались въ тѣсномъ кругу частныхъ отношеній и ограничивались пустяками. Бояре спорили изъ-за мѣста за столомъ у своего общаго друга. Жены высшихъ чиновниковъ ссорились изъ-за мѣста въ церкви. Духовенство также считалось *мѣстами*: епископъ отказывался ѣсть съ одного блюда съ менѣе знатнымъ духовнымъ лицомъ. Во время крестныхъ ходовъ монахи ссорились изъ того, кому какое мѣсто занимать въ процессіи. Купцы слѣдовали общему примѣру, и великій драматургъ Островскій отмѣтилъ уже въ наше время пережитки укрѣпившихся такимъ образомъ обычаевъ среди этого класса населенія.

Но пришло время, когда въ день сраженія два предводителя затѣяли мѣстническій споръ въ виду непріятеля. Это было въ Оршѣ въ 1514 г., и битва была проиграна.

Тогда ужъ нужно было принять мѣры. Начали запрещать въ нѣкоторыхъ случаяхъ споры изъ-за мѣстъ, напримѣръ, во время войны, и виновныхъ въ неправильныхъ домогательствахъ подвергали суровымъ наказаніямъ. Но уничтожить самый порядокъ, хотя и не установленный писанными законами, но тѣмъ ожесточеннѣе защищаемый, правительство не рѣшалось. Аристократія употребляла всѣ средства на сохраненіе его. Она выпустила послѣдніе заряды и потеряла послѣднее свое достоинство и гордость. Пока она занималась своей родовой ариѳметикой, власть ускользнула изъ ея рукъ. Дѣйствительно, аристократія долго занимала первыя мѣста, такъ какъ государству некѣмъ было замѣнить ее. Но когда нашлись другіе кандидаты, *мѣстничество* было уже безсильнымъ помѣшать дѣлу демократической нивелировки. Число мѣстъ, раздававшихся государемъ по его усмотрѣнію, увеличивалось, и ихъ занимали новые кандидаты. Такимъ образомъ подрывался въ корнѣ принципъ сословности и корпоративности родовой знати. Правительство вмѣсто нея создавало себѣ другую коллективную организацію, болѣе послушную, болѣе гибкую и безъ которой Россія 16—18 вѣка не была бы, быть можетъ, въ состояніи выполнить свою гигантскую задачу; но это не былъ классъ, а просто какая-то армія чиновниковъ изъ разнородныхъ элементовъ, не связанныхъ никакими общими интересами.

Противопоставляя знатности происхожденія личныя заслуги, новая система выдвинула плодотворный принципъ— принципъ индивидуальныхъ качествъ. Такимъ образомъ было бы ошибочно полагать, какъ это дѣлаетъ Валуевъ и другіе историки, что мѣстничество есть только лишь образецъ китайской косности. Сама по себѣ система не была неподвижной, застывшей въ опредѣленной формѣ. Она измѣнялась и развивалась съ теченіемъ времени. Она выдержала и сама производила разнаго рода давленія. Своимъ пассивнымъ сопротивленіемъ мѣстничество могло бы создать для абсолютизма серьезныя затрудненія, но оно не сумѣло противопоставить ему никакой соціальной или политической силы, которая, парализуя его дѣйствія, могла бы заступить его мѣсто, направить въ желательную сторону и подчинить своему контролю.

Другая сила была, по крайней мѣрѣ въ зародышѣ, въ общинной организаціи, о которой я уже упоминалъ.

IV.

Община.

Изслѣдованія барона Гакстгаузена о русской земельной общинѣ въ ея настоящемъ видѣ, съ самоуправленіемъ и коллективной собственностью, появились въ 1847 г. и были даже для самой Россіи неожиданнымъ и пріятнымъ открытіемъ. Казалось, былъ открытъ новый міръ, подтверждавшій оригинальность и превосходство первобытнаго устройства, которымъ страна могла гордиться передъ лицомъ удивленной Европы. Но позднѣйшія изслѣдованія разрушили создавшуюся такимъ образомъ иллюзію. Они показали, что подобныя учрежденія существовали еще раньше во всѣхъ европейскихъ и внѣ европейскихъ странахъ отъ Ирландіи до Явы и отъ Египта до Индіи. Въ Европѣ различіе между Россіей и ея Западными сосѣдями свелось къ вопросу возраста и цивилизаціи.

Но изслѣдованія и разочарованія на этомъ не остановились. Думали сначала, что русская община сходная съ другими формами первобытнаго устройства, уцѣлѣла здѣсь въ своемъ примитивномъ видѣ, благодаря медленному развитію соціально-экономической жизни. Оказалось же, что она болѣе поздняго происхожденія, вела свое начало не отъ доисторическаго патріархальнаго коммунизма, а явилась результатомъ круговой поруки, чуждой свободнымъ крестьянамъ до шестнадцатаго вѣка, и навязанной потомъ сельскимъ общинамъ крѣпостнымъ правомъ для правильнаго поступленія отъ нихъ налоговъ. Это былъ продуктъ политическаго режима, который восторжествовалъ на Руси въ эпоху Ивана Грознаго. Является ли русская община проявленіемъ національнаго духа? Вовсе нѣтъ. Это созданіе государственнаго порядка.

Такимъ образомъ, согласно взгляду Чичерина (Опыты по исторіи русскаго права, 1858, стр. 4 и слѣд.) и Милюкова (Очерки по исторіи русской культуры, I, 136 и дальше) мы имѣемъ здѣсь поразительный примѣръ обратнаго хода исторіи! Примѣръ этотъ въ нѣкоторомъ отношеніи представляетъ особенность экономическаго и соціальнаго развитія страны.

Но хорошо ли выбранъ примѣръ?

Въ первой половинѣ шестнадцатаго вѣка, какъ мы видѣли, крѣпостная зависимость встрѣчалась на Руси только въ видѣ исключенія. Однако тамъ встрѣчаются общины, объединяющія свободныхъ крестьянъ. Каждый крестьянинъ

даже долженъ былъ принадлежать къ какой-нибудь изъ этихъ общинъ. Внѣ ихъ находились только бродяги. Эти общины представляютъ собой самоуправляющіяся единицы, основанныя на демократическихъ и коммунистическихъ началахъ. Собраніе, гдѣ обсуждаются общія дѣла, состоитъ изъ представителей всѣхъ домовъ, старшихъ членовъ семействъ. Нѣсколько общинъ составляли *волость*. Волость того времени нисколько не походила на то учрежденіе, которое теперь носитъ это имя. Занимая среднее мѣсто между кантономъ и коммуной во Франціи, приближаясь къ американскому township, древняя волость обладала большей компетенціей.

Волостной сходъ имѣлъ право издавать обязательныя для своихъ членовъ постановленія, выбиралъ головъ и общинныхъ старостъ. Онъ распредѣлялъ прямыя подати, наложенныя правительствомъ на землю и промысла, избиралъ лицъ, которыя должны были присутствовать на судѣ и играть тамъ роль средневѣковыхъ нѣмецкихъ Schöffen или древнешведскихъ Nemd; наконецъ, чрезъ свободно избираемыхъ должностныхъ лицъ выполняетъ полицейскія обязанности и защищаетъ предъ правительствомъ общинные интересы.

Таково положеніе вещей можно возстановить по слѣдамъ сохранившихся на принадлежавшихъ свободнымъ крестьянамъ черныхъ земляхъ.

Нельзя сказать, существовалъ ли онъ на другихъ земляхъ, гдѣ осуществляли свою власть кормленщики. Съ другой стороны, удалось установить, что на тѣхъ же земляхъ въ XV и XVI вѣкѣ существовала въ зачаточной формѣ коллективная собственность или такого же рода владѣніе.

Въ памятникахъ той эпохи встрѣчаются упоминанія о *сосѣдяхъ, складникахъ* (отъ складать) и *сябрахъ*, въ которыхъ нетрудно угадать крестьянъ, соединившихся для обработки опредѣленнаго участка земли. Истолковывая иначе названія и образъ жизни этихъ землевладѣльцевъ, соединенныхъ будто бы только общностью повинностей, Сергѣевичъ (Русск. Юрид. древности, 1903, III, стр. 61 и слѣд., 119 и дальше) допускаетъ другія формы общиннаго землевладѣнія. На земляхъ высшаго духовенства и монастырей, исторія которыхъ намъ болѣе извѣстна, пользованіе нѣкоторыми участками было общимъ для ихъ держателей.

Надѣлъ каждой семьи, *вытъ* или соха (соотв. англійск. virgate), не представлялъ собой опредѣленнаго, установленной мѣры участка; это скорѣе было право занимать и обрабатывать нѣсколько, напр., 5 десятинъ въ каждомъ изъ

трехъ полей. Въ одномъ изъ владѣній Троицкаго монастыря (Сергѣевичъ, ibid. стр. 440) встрѣчается, какъ единственное исключеніе, общая обработка участковъ, которыми надѣлены крестьяне.

Наконецъ, на земляхъ, конфискованныхъ дѣдомъ Ивана Грознаго послѣ присоединенія Новгорода, т. е. на земляхъ, отнятыхъ у бояръ и переданныхъ оброчнымъ крестьянамъ, замѣчается зарожденіе и даже нѣкоторое развитіе общиннаго пользованія лугами, озерами, лѣсами. Но все это было явленіемъ мѣстнымъ, рудиментарнымъ и совершенно новымъ и далекимъ отъ полной и общей формы коллективизма современнаго русскаго *міра*, съ періодическими передѣлами, схожаго съ run-rig въ Англіи или Ирландіи, *Міръ* тогда находился только лишь въ зачаточномъ состояніи; происхожденіе и характеръ развитія этого зародыша не можетъ быть указанъ съ точностью и до настоящаго времени.

Развитіе его началось въ XV вѣкѣ и продолжалось въ XVI. Въ это время русская община не была остаткомъ патріархальной организаціи первыхъ временъ, разрушенной нормандскимъ завоеваніемъ или даже гораздо раньше, какъ полагаютъ нѣкоторые историки, благодаря смѣшенію славянской расы съ чуждымъ ей финскимъ элементомъ. Но были ли Фины въ древней южной Руси—это неизвѣстно. Является ли эта реставрированная община возрожденіемъ древняго коммунальнаго строя, обусловленнымъ постоянствомъ нѣкоторыхъ соціальныхъ привычекъ, или же она представляетъ совершенно новый продуктъ самостоятельнаго процесса, въ которомъ славянофилы видятъ выраженіе особой склонности русскаго національнаго характера къ жизни обществомъ, ассоціаціей — это темные вопросы, и требованія національнаго самолюбія едва ли могутъ внесть въ нихъ ясность. Упомянутая склонность не можетъ быть отрицаема. О ней свидѣтельствуютъ *артели*. Но въ Германіи и въ особенности въ Англіи соціальный духъ проявилъ безконечно больше энергіи въ средѣ общинныхъ группировокъ, сопротивленія которыхъ не могла преодолѣть даже современная централизація. Я склоненъ полагать, что здѣсь смѣшиваются два начала—историческій атавизмъ и природныя наклонности, сочетающіяся въ жизни населенія, долго находившагося въ неорганизованномъ состояніи. На порогѣ новой эпохи они сообщаютъ особую форму этому рудиментарному общественному организму.

Русская община XV вѣка не имѣла ничего *родового*. Она открыта для каждаго. Всякій крестьянинъ можетъ войти въ нее, принявъ на себя часть общихъ повинностей. Рус-

ская община представляетъ чистый типъ общины *договорнаго* характера и этимъ отличается отъ старинныхъ формъ, сохранившихся въ своемъ первоначальномъ видѣ среди другикъ славянскихъ племенъ. Но нѣкоторая административная автономія приближаетъ ее къ этому прототипу. Однако характеръ и предѣлы этой автономіи служатъ еще предметомъ спора. Принимала ли община XV вѣка участіе въ судопроизводствѣ и въ какой мѣрѣ? Вопросъ остается открытымъ. Но тѣмъ не менѣе извѣстно, что судебная организація того времени, когда примѣнялась указанная выше мной система кормленія, не оставляла мѣста другой какой бы то ни было подобной себѣ власти. Владѣніе принадлежало „*служилымъ людямъ*". Охота запрещена. Подсудное населеніе на самомъ дѣлѣ было дичью.

Но въ слѣдующемъ вѣкѣ картина мѣняется. Общинная автономія быстро расширяется. Она стремится захватить всю область мѣстнаго управленія со всѣми ея правами. Что же случилось? Оказалось, что служилые люди стояли не на высотѣ своей задачи. Эксплоатируя области, они ихъ разорили. Своей бездѣятельностью и безпорядочностью они не только принесли тяжелый ущербъ частнымъ интересамъ, о которыхъ само государство не заботилось, но и испортили то, что лежало на ихъ попеченіи: они уничтожили или истощили источники государственныхъ доходовъ. Тогда, колеблясь еще между двумя полюсами собственнаго развивающагося политическаго строя—между абсолютизмомъ и либеральнымъ теченіемъ, правительство рѣшило уничтожить установленныя имъ самимъ привилегіи, которыя не оправдали его ожиданій. Оно передаетъ другимъ тѣ обязанности, которыя, къ его сожалѣнію, были такъ неудачно довѣрены, и обращается къ тѣмъ самымъ элементамъ общиннаго устройства, которые долго были въ пренебреженіи и даже подвергались нападкамъ. Грамоты, раздаваемыя все охотнѣе, облекаютъ старостъ и присяжныхъ властью, которая сначала ограничиваетъ, а потомъ и совсѣмъ вытѣсняетъ власть государевыхъ намѣстниковъ и волостелей. Но государство не отступаетъ ради этого отъ своей основной программы. Оно не вполнѣ отказывается отъ своего деспотизма. Оно ищетъ компромисса между этимъ принципомъ и духомъ учрежденій, вызванныхъ къ новой роли. И оно его находитъ—даетъ власть и отнимаетъ этимъ независимость. Выборныя лица, полномочія которыхъ расширены, все же будутъ еще чиновниками, его людьми, а община, выросшая, возвысившаяся, будетъ государственнымъ учрежденіемъ. Мы прослѣдимъ эту фазу до слѣдующей ступени развитія, когда, подъ вліяніемъ крѣпостного права, община приметъ

еще новую форму: это уже будетъ самоуправленіе каторги, коллективизмъ цѣпи, сковывающій людей попарно.

Чтобы понять эти постепенныя превращенія, необходимо изучить ближе, хотя бы въ общихъ чертахъ, дѣйствіе отдѣльныхъ колесъ машины, испытавшей на себѣ вліяніе противодѣйствій.

V.

Организація суда и законодательство.

До половины XVI вѣка на отправленіе судебныхъ обязанностей смотрѣли, какъ на пожалованіе, на доходную статью. Фискальные агенты и уполномоченные правительства на земляхъ *черныхъ*, владѣльцы на земляхъ *бѣлыхъ* кормятся и кормятъ другихъ изъ этого источника. Судебные приговоры являются предлогомъ для взысканія установленныхъ пошлинъ. Преслѣдованіе преступленій есть главнымъ образомъ финансовая операція. Если же вѣдѣніе нѣкоторыхъ случаевъ преступленій—убійства, разбой—сохранилось за государствомъ, то причиной является доходность этихъ дѣлъ, они приносятъ больше выгоды, и правительство сохраняетъ себѣ лучшіе куски.

Со времени *Русской Правды*, первая редакція которой относится къ 955 или 962 г., законодательство оставалось неподвижнымъ. Въ *Судебникѣ* 1497 г. уголовные законы занимаютъ первое мѣсто. Въ вопросахъ гражданскаго права законодатель ссылается большею частью на обычаи. Онъ едва касается отношеній семейственныхъ и договорныхъ; другія же юридическія отношенія совершенно обходитъ молчаніемъ. Что касается политическихъ правъ, то онъ говоритъ о нихъ очень мало или почти ничего. Государство проявляетъ заботу о простомъ народѣ. Но опека его ограничивается запрещеніемъ лишать человѣка свободы безъ согласія Государя. Законодатель занимался особенно организаціей судебныхъ функцій. Организація же эта для него сводится къ разсчету и распредѣленію судебныхъ пошлинъ и штрафовъ. *Судебникъ* 1497 года представляетъ собой не что иное, какъ уголовный уставъ, уставъ и приходную книгу.

Въ изобиліи и строгости наказаній за уголовныя преступленія ясно чувствуется вліяніе татаръ, такъ какъ *Русская Правда* была значительно мягче. Она была либеральна въ нѣкоторомъ отношеніи и представляла во многихъ случаяхъ виновному право выкупа. Новый уставъ не знаетъ

этой привилегіи. Выраженія *„бити кнуты“*, *„бити батоги“* встрѣчаются чуть ли не въ каждомъ параграфѣ. Въ примѣненіи наказаній и во всемъ законодательствѣ проведена идея равенства, соотвѣтствующая демократическимъ тенденціямъ, но надъ нею господствуетъ противоположный принципъ обычнаго права, съ византійскимъ отпечаткомъ, наложеннымъ на него церковью. Судебная практика пользовалась также источниками греческаго гражданскаго законодательства; законами Константина Великаго, Юстиніана, Льва Философа, эклогами Льва Исавра и Константина Копронима. Хотя суды были одни и тѣ же какъ для крестьянина, такъ и для всѣхъ другихъ, однако крестьянина вѣшали, а боярина за такое же преступленіе только заключали въ тюрьму или сѣкли. Обвиняемаго обыкновенно подвергали пыткѣ, чтобы получить признаніе въ преступленіи. Жгли медленнымъ огнемъ, ломали ребра, вонзали въ тѣло гвозди. Это было въ шестнадцатомъ вѣкѣ.

Но до XVII вѣка, отставая отъ Европы, это самое законодательство удержало примѣненіе судебнаго поединка, также заимствованнаго изъ обычая. Въ Новгородѣ допускался поединокъ даже между женщинами, обвинявшими въ чемъ либо другъ друга; въ Псковѣ же этотъ обычай принялъ болѣе утонченную форму, и женщины, наравнѣ со стариками, слабыми и монахами, могли выставлять вмѣсто себя замѣстителей. Въ этомъ же смыслѣ и судебникъ Ивана IV запимался уравненіемъ силъ спорящихъ. Но въ это время судебный поединокъ измѣнилъ уже свой характеръ. Долго онъ былъ здѣсь чисто житейскимъ средствомъ, ему не придавали большого значенія и ставили на третье мѣсто въ рядѣ доказательствъ правоты. Въ знакъ недовѣрія и осужденія поединка къ нему прибавляли въ качествѣ вспомогательнаго средства присягу и вынутіе жребія. Прежде чѣмъ вступить въ сраженіе, приносили присягу. Присяга же давалась по жребію. Идея божескаго вмѣшательства существовала здѣсь въ скрытомъ видѣ.

Теперь она выдвинулась на первое мѣсто. Поединокъ сталъ Божьимъ судомъ.

Въ этомъ захотятъ увидѣть новый примѣръ движенія назадъ по пути прогресса, но пусть вспомнятъ, что, хотя ордалія и была запрещена во Франціи въ 829 году эдиктомъ Людовика Кроткаго, парламенту пришлось возобновить запрещеніе въ 1400 году. Ордалія опиралась главнымъ образомъ на идею небеснаго вмѣшательства, которая на Руси только позднѣе присоединилась къ принципу простой борьбы—завѣщанія минувшаго варварства, когда каждый защищалъ самъ себя и рѣшенія всѣхъ споровъ зави-

сели отъ личной силы противниковъ. Вотъ почему церковь не поддерживала примѣненія поединка, какъ это она дѣлала съ другими формами суда Божія. Напротивъ, она боролась съ этимъ обычаемъ и старалась придать ему религіозную окраску. Она способствовала также выдѣленію изъ него второстепенныхъ моментовъ—присяги и жребія. Въ концѣ концовъ они сдѣлались самостоятельными средствами доказательства правоты. Въ церковныхъ дѣлахъ жребій и присяга скоро вошли во всеобщее употребленіе. Приговоръ вынимали, какъ лотерейный билетъ. Въ общихъ гражданскихъ судахъ также прибѣгали къ этимъ средствамъ до конца XVI вѣка. Англійскій коммерческій агентъ Генри Ленъ оставилъ любопытную замѣтку по поводу одного процесса, въ которомъ онъ былъ заинтересованнымъ лицомъ въ 1560 году.

Дѣло шло о 600 руб., которые требовалъ съ Лена одинъ костромской купецъ. Споръ долженъ былъ рѣшиться поединкомъ. Ленъ подыскалъ для себя сильнаго бойца, своего соотечественника, также состоявшаго на службѣ у англійской торговой фирмы, основанной въ Россіи. Второй англичанинъ назывался Романомъ Бестомъ. Онъ былъ родоначальникомъ знатнаго русскаго рода Бестужевыхъ. Но костромичъ отвелъ опаснаго для него противника. Тогда прибѣгли къ жребію. Въ присутствіи двухъ важныхъ чиновниковъ, игравшихъ роль посредниковъ, и многочисленнаго собранія обѣимъ сторонамъ было предложено помириться. Никто не отказался отъ своихъ претензій. Тогда судьи засучили рукава, скатали изъ воска два шарика. Одинъ изъ судей позвалъ изъ толпы присутствующихъ зрителей: „Эй ты, въ такой-то одеждѣ и шапкѣ, подойди сюда!“ Человѣкъ подошелъ и протянулъ свою шапку, куда были опущены оба шарика. Выбранный такимъ же способомъ другой человѣкъ вынулъ ихъ изъ шапки одинъ за другимъ. Вынутый первымъ былъ выигрывающимъ. Англичанинъ оказался правъ. Собраніе разразилось кликами, убѣдившись, такимъ образомъ, въ правотѣ дѣла и въ честности англійскихъ купцовъ вообще.

Легко понять причину того, что государство не вѣрило этого рода доказательствамъ въ тѣхъ дѣлахъ, въ которыхъ оно само было заинтересовано. Оно изобрѣло другія, изъ которыхъ *повальный обыскъ*, родъ свидѣтельской анкеты, былъ въ большомъ употребленіи, особенно при Иванѣ Грозномъ. Считалось неопровержимымъ положеніемъ: гласъ народа—гласъ Божій, и поэтому требовалось большое количество показаній. Лжесвидѣтели строго наказывались, ихъ били безпощадно кнутомъ. Но для дѣлъ частныхъ лицъ

этотъ способъ не примѣнялся. Что же касается письменныхъ доказательствъ, то они появляются только лишь въ концѣ XVI вѣка.

Приведеніе въ исполненіе приговора по гражданскимъ дѣламъ имѣло странную форму. Несостоятельный должникъ выдавался кредитору *головою*. Это значило, что онъ становился вещью, рабомъ послѣдняго до уплаты ему долга. Самостоятельный, но отказывающійся платить, подвергался *правежу*. Онъ заключался въ томъ, что упорствующаго приводили къ мѣсту суда и заставляли бить его по ногамъ съ утра до вечера. Суровость и сила наказанія были различны и зависили отъ подарковъ, которые предлагали обѣ стороны палачамъ. Поэтому нѣкоторые возвращались съ *правежа* безъ особаго вреда, другихъ же увѣчили. Продолжительность правежа, сначала неопредѣленная, была установлена между 1555 и 1628 г. въ одинъ мѣсяцъ для суммы въ 100 рублей. По истеченіи этого срока дебиторъ выдавался *головой* кредитору. Знатные люди пользовались привилегіей избавиться отъ правежа. Они или выставляли вмѣсто себя кого-нибудь другого, или же и вовсе не являлись.

Чрезвычайная продажность судей служила серьезнымъ препятствіемъ для осуществленія судебнаго равенства. Ко взяточничеству тогда относились съ большой терпимостью, хотя формально взятки были строго воспрещены. Но обычай требовалъ, чтобы являвшіеся на судъ клали передъ образами пожертвованія „на свѣчи". Къ Пасхѣ же всѣ должностныя лица имѣли право принимать „красныя яички", обыкновенно съ нѣсколькими монетами въ придачу. Василій, отецъ Ивана Грознаго, узналъ, что одинъ судья, получивъ отъ одной изъ тяжущихся сторонъ больше денегъ, а отъ другой меньше, рѣшилъ дѣло въ пользу первой, болѣе щедрой. На допросѣ судья сознался и въ оправданіе себѣ сказалъ: „Я больше вѣрю богатому, чѣмъ бѣдному, у него меньше интереса обманывать меня". Василій улыбнулся и помиловалъ его.

Будемъ же и мы въ свою очередь снисходительны къ обществу, гдѣ борьба за существованіе была доведена до крайности въ средѣ всѣхъ классовъ, благодаря условіямъ того времени. Постараемся ознакомиться съ тѣмъ экономическимъ строемъ, въ которомъ возникъ и существовалъ *правежъ*.

VI.

Экономическій строй.

За исключеніемъ уже указанныхъ торговыхъ и промышленныхъ центровъ, Россія шестнадцатаго вѣка была, какъ и теперь, страной земледѣлія. Но обработка земли оставалась въ первой фазѣ развитія и совершалась примитивными способами. Изъ частей болѣе продуктивныхъ съ этой точки зрѣнія считались къ сѣверу отъ Москвы Ярославская земля а къ югу-востоку берега Оки отъ Рязани до Нижняго-Новгорода. Если вѣрить Герберштейну, земли по берегамъ Оки давали урожай, отъ самъ-двадцать до самъ-тридцать. Кромѣ того, берега Сѣверной Двины, утучняемые весенними разливами, представляли очень плодородныя земли, несмотря на суровость климата. Однако пшеницы сѣяли мало. Распространенными хлѣбами были рожь, овесъ, гречиха. Они служили главнымъ образомъ для внутренняго потребленія. Нѣкоторая же часть направлялась на Западъ чрезъ Нарвскій портъ, а позже чрезъ Архангельскъ и сухимъ путемъ чрезъ Польшу. Но торговля эта не могла быть обширной. У Европы тогда не было современныхъ потребностей. Правительство парализовало эту отрасль, монополизировавъ ее, какъ и другія. Наконецъ, вывозъ хлѣба въ большомъ количествѣ считался вреднымъ, могущимъ разорить страну. Съ другой стороны, цѣны были очень непостоянны. Въ зависимости отъ урожая, удаленности мѣста производства, отъ войнъ и другихъ кризисовъ, постигавшихъ страну, онѣ то возрастали, то уменьшались разъ въ десять. Этимъ затруднялся сбытъ русскаго зерна на рынкѣ Запада. Но цѣны обыкновенно были очень низкія.

Я здѣсь долженъ сдѣлать отступленіе, чтобы объяснить русскую монетную систему. Единицей, какъ и теперь, былъ *рубль* (отъ *рубить*), содержащій въ себѣ 100 копѣекъ. Онъ номинально равнялся по вѣсу 16 золотникамъ серебра, т.-е. содержалъ благороднаго металла въ семь разъ больше, чѣмъ теперь, и англійскими купцами считался равнымъ 16 шиллингамъ и 8 пенсамъ. Но уже съ начала XVI вѣка цѣна рубля стала постепенно падать, благодаря московской политикѣ. Тогда уже было положено начало системы, слѣдствія которой мы видѣли теперь, когда цѣна той же единицы стала равной 2 шиллингамъ и нѣсколькимъ пенсамъ. Копѣйки первоначально назывались *деньгами* (отъ татарскаго *динъ*—серебро). Современное названіе было принято только въ XVI вѣкѣ, когда на этой мелкой монетѣ появилось

изображеніе воина, вооруженнаго копьемъ. Еще при отцѣ Ивана Грознаго рубль считали равнымъ 250 деньгамъ, а во время малолѣтства Ивана подъ давленіемъ финансовыхъ нуждъ—даже 300. Рубли тогда были двухъ видовъ—новгородскіе и московскіе. Первые сохранили свой старинный вѣсъ и стоили въ два раза дороже московскихъ. Отсюда происходило большое затрудненіе при опредѣленіи дѣйствительныхъ цѣнъ предметовъ потребленія того времени.

Мелкими монетами были серебряныя: *алтыны* (отъ татарскаго слова *алтъ* — шесть) — монета въ 6 копѣекъ, *гривны* (20 коп.), *полтины* или полъ - рубля, мѣдныя *полуденьги* или *пули*, *полушки* (полъ-копѣйки). Серебряная *деньга*, монета неправильной, слегка овальной формы, была заимствована у татаръ, какъ и ея имя. Величина ея была очень незначительна, и она легко терялась. Купцы, производя свои разсчеты, обыкновенно набирали ихъ въ ротъ до пятидесяти штукъ. По свидѣтельству иностранныхъ путешественниковъ—Герберштейна и Флетчера, лѣтописей того времени, и согласно вычисленіямъ Рожкова, цѣна четверти (четверть тогда была въ два раза меньше современной) ржи въ началѣ XVI вѣка измѣнялась отъ 10 до 69 коп. Цѣны другихъ продуктовъ подвергались такимъ же колебаніямъ. Отношеніе среднихъ цѣнъ того времени къ современнымъ цѣнамъ на одни и тѣ же продукты равняется 93, 9. Слѣдовательно покупная сила рубля въ то время была почти въ 94 раза больше, чѣмъ теперь и, слѣдовательно, онъ стоилъ почти въ 94 раза больше, чѣмъ современный рубль. Но къ концу XVI вѣка это отношеніе падаетъ до 20 — 24 и не можетъ быть установлено съ точностью.

Цѣна на трудъ зависѣла отъ цѣны на хлѣбъ. И мы встрѣчаемъ такіе факты: въ 1598 г. крестьяне берутъ подрядъ срубить лѣсъ, обтесать и доставить его на мѣсто для постройки моста за полторы деньги. *Обжа*, т.-е. пространство земли, которое одинъ человѣкъ могъ обработать съ помощью одной лошади, продавалась въ 1573 г. за 8—10 рубл. Домъ стоилъ 3 рубля. За 4 рубли и 16 алтынъ можно было купить 4 коровы и 20 штукъ овецъ, лошадь—за 3 рубля. Въ обработкѣ земли примѣнялась трехпольная система: рожь, овесъ и паръ. Владѣя обжей, крестьянинъ сѣялъ отъ $2^1/_2$ до $3^1/_2$ четвертей ржи и столько же овса. При хорошемъ урожаѣ онъ получалъ дохода до 3 рублей въ годъ. На эти средства онъ долженъ былъ прокормиться и одѣться. Одежда ему стоила полтина, не считая пояса и рукавицъ, необходимыхъ въ большіе холода. Онъ долженъ былъ платить налоги отъ 75 коп до рубля, согласно исчисленію, установленному на 1555 годъ.

Это относится къ *чернымъ* землямъ, населеннымъ свободными крестьянами. На *бѣлыхъ* земляхъ ссуды, выдававшіеся владѣльцами крестьянамъ на расходы по первому обзаведенію хозяйствомъ, помощь во время голода или падежа скота, дѣлали условія для земледѣльцевъ болѣе сносными, но это лишало ихъ свободы. На общинныхъ земляхъ при поселеніи крестьяне обыкновенно освобождались отъ уплаты налоговъ на срокъ отъ 4 до 8 лѣтъ, но ни на что другое они разсчитывать больше не могли. Монастырскія владѣнія слыли раемъ, и я уже указалъ почему. Однако, если монахи, сами не очень обремененные, могли быть также и менѣе требовательны, слово *страда* (отъ страдать), примѣняемое обыкновенно къ работѣ на этихъ собственниковъ, показываетъ, что это за рай былъ.

Я уже указывалъ на причину, затруднявшую развитіе промышленности. Знаменитый „Домострой", составленный попомъ Сильвестромъ въ царствованіе Ивана Грознаго, даетъ любопытное освѣщеніе этого вопроса. Промышленная дѣятельность по Домострою носитъ характеръ патріархальный. Подъ крышей боярина того времени мы видимъ цѣлую группу мастерскихъ, снабжающихъ домъ всѣми необходимыми предметами внутренняго потребленія. Для развитія самостоятельнаго мастерства не было мѣста.

Плотничье и столярное ремесло, судостроеніе, выдѣлка мелкой домашней утвари и разныхъ другихъ предметовъ изъ дерева — занятіе такъ сильно развившееся въ наше время въ особой, такъ называемой *кустарной*, промышленности, было однако извѣстно и распространено въ странѣ съ древнихъ временъ. Въ Козмодемьяновскѣ, близъ Нижняго-Новгорода, возникло извѣстное производство сундуковъ. Холмогоры славились издѣліями изъ красной и тюленей кожи. Вяземскія сани и калужскія деревянныя ложки пользовались большой извѣстностью. Но все это были предметы малоцѣнные. Холмогорскіе сундуки служили для перевозки товаровъ, направлявшихся въ Москву, и затѣмъ продавались по дешевой цѣнѣ. Сотня калужскихъ ложекъ стоила 20 алтынъ, а вяземскія сани имѣли за полтину.

Торговля, сравнительно болѣе развитая, не имѣла для себя достаточно пищи. Предметы вывоза ограничивались почти исключительно сырьемъ и едва обработанными матеріалами. Первое мѣсто занимали мѣха: ихъ продавали въ Европу и Азію почти на 500.000 рублей въ годъ. Лучшіе соболи шли изъ Обдорской земли (теперешняя Тобольская губ.), мѣха бѣлыхъ медвѣдей—съ береговъ Печоры, бобры —съ Кольскаго полуострова. Красивый мѣхъ соболя платился до 30 золотыхъ флориновъ. Опушка боярской шапки

изъ чернобурой лисицы стоила 15. Но горностаевыя шкурки были тогда дешевы: по 3—4 деньги за штуку. Воскъ занималъ второе мѣсто среди предметовъ внѣшней торговли. Его вывозили до 50.000 пудовъ въ годъ. Затѣмъ шло сало изъ земель Смоленской, Ярославской, Угличской, Новгородской, Вологодской и Тверской. Добывалось его громадное количество отъ 30 до 40 тысячъ пудовъ въ годъ. Внутреннее потребленіе этого продукта было довольно незначительно, потому что богатые пользовались для освѣщенія восковыми свѣчами, а простой народъ—лучиной изъ смолистаго дерева. Медъ, въ изобиліи доставлявшійся землями Рязанской и Муромской, позже Казанской, служилъ главнымъ образомъ для приготовленія любимаго національнаго напитка. Но все-таки часть его шла и за границу. Псковъ и Новгородъ вывозили его до 10.000 пудовъ ежегодно. Лосиныя кожи, которыя хвалитъ Флетчеръ, покупались также иностранцами. Самые крупные лоси водились въ лѣсахъ близъ Ростова, Вычегды, Новгорода, Мурома и Перми. Быки, слишкомъ мелкіе, были малоцѣннымъ товаромъ. Окрестности Архангельска доставляли для внѣшняго потребленія тюленій жиръ. Рыбные промысла, устроенные въ Ярославлѣ, на Бѣлоозерѣ, въ Нижнемъ Новгородѣ, въ Астрахани послѣ ея завоеванія,—доставляли въ изобиліи рыбу и икру. Уже тогда эти продукты охотно закупались голландскими, французскими и англійскими купцами и шли даже въ Италію и Испанію. Матвѣй Мѣховскій въ своемъ трактатѣ о Сарматахъ, появившимся въ 1521 году, говоритъ о ловлѣ китовъ на Бѣломъ морѣ. Однако было бы ошибочно думать, что эта отрасль промышленности достигла тогда значительныхъ размѣровъ. Даже гораздо позже попытки развить ее не увѣнчались успѣхомъ. Дѣло, вѣроятно, окончилось, какъ предполагаетъ Замысловскій, использованіемъ нѣсколькихъ китовъ, выброшенныхъ моремъ. Нѣкоторые виды птицъ служили предметомъ постояннаго спроса на заграничные рынки. Псковскій ленъ и конопля изъ Смоленска, Дорогобужа и Вязьмы находили сбытъ за границей, равно какъ и соль, добывавшаяся въ Старой Руссѣ, а также деготь изъ Смоленска и Двинска.

Персія покупала моржевыя клыки для промышленныхъ цѣлей, а также для изготовленія извѣстнаго тогда противоядія.

Добывавшаяся въ большомъ количествѣ на берегахъ Двины и въ Кареліи слюда замѣняла стекло въ странѣ и вывозилась наравнѣ съ другими минеральными продуктами: селитрой, приготовлявшейся въ Угличѣ, Ярославлѣ и Устю-

гѣ, сѣрой изъ самарскихъ озеръ, желѣзомъ изъ рудниковъ Кареліи и окрестностей Каргополя и Устюжны. Приготовлявшіеся большею частью для внутренняго потребленія нѣкоторые предметы находили и внѣшній сбытъ, у татаръ. Они покупали сѣдла, уздечки, полотна, сукна, одежу и взамѣнъ присылали азіатскихъ лошадей. Европейскіе купцы привозили серебро въ слиткахъ, золото для шитья, мѣдь, сукна, зеркала, кружева, ножи, иголки, кошельки, вина и фрукты. Азіатскіе же купцы продавали шелковыя матеріи, парчу, ковры, жемчуги и драгоцѣнные камни. Какъ тѣ, такъ и другіе должны были сначала везти свои товары въ Москву, гдѣ государь выбиралъ, что ему нужно, а остальное уже разрѣшалъ продавать кому угодно. Дочь Петра Великаго еще пользовалась этой привилегіей по отношенію къ торговцамъ модными французскими товарами.

Купцы съѣзжались при сліяніи Мологи и Волги. Тамъ нѣкогда возникъ маленькій городъ—*Холопій городокъ*, отъ котораго осталась только церковь. По преданію, онъ былъ основанъ новгородскими невольниками, убѣжавшими сюда отъ гнѣва своихъ господъ, тяжело ими оскорбленныхъ во время отсутствія, показавшагося слишкомъ долгимъ для добродѣтели ихъ женъ, остававшихся дома. Въ этомъ городкѣ собиралась знаменитѣйшая въ то время на Руси ярмарка. Она продолжалась 4 мѣсяца. Въ обширномъ лиманѣ Мологи скоплялось столько судовъ, что можно было по нимъ перейти съ одного берега на другой. Нѣмецкіе, польскіе, литовскіе, греческіе, итальянскіе, персидскіе купцы толпились на берегу, размѣщая свои товары на обширномъ лугу, окруженномъ временными постоялыми дворами и кабаками. Ихъ насчитывали здѣсь иногда до семидесяти. Обмѣнъ былъ настолько значителенъ, что государю поступало ежегодно до 180 пудовъ серебра. Однако обмѣнъ совершался почти исключительно натурой, безъ употребленія денегъ. Деньги—вообще въ то время очень рѣдкая вещь-скоплялись въ рукахъ не менѣе рѣдкихъ капиталистовъ и главнымъ образомъ въ рукахъ князя.

Только ярмарка въ Лампожнѣ, о которой я уже упоминалъ, могла равняться съ рынкомъ Холопьяго городка по оживленности и обороту по торговлѣ мѣхами съ самоѣдами. За желѣзный топоръ эти дикари давали столько собольихъ шкурокъ, сколько ихъ можно было связанными вмѣстѣ протянуть чрезъ отверстіе, куда вставляется ручка топора.

Литовскіе купцы собирались еще на берегу Днѣпра, близъ монастыря св. Троицы, въ Смоленской землѣ.

Торговля съ иностранцами оказывалась въ общемъ итогѣ убыточной для русскихъ, такъ какъ мѣстные продукты шли по очень низкой цѣнѣ, а иностранные напротивъ покупались по очень высокой. Аршинъ бархата, атласу стоилъ рубль. Кусокъ тонкаго англійскаго сукна—30 рублей, бочка французскаго вина—4 рубля. Золотая монета служила также предметомъ ввоза и облагалась пошлинами, какъ и всѣ другіе товары. Своя чеканка не удовлетворяла потребностямъ страны. Ловкіе и предпріимчивые русскіе купцы того времени пользовались дурной репутаціей. Иностранцы отмѣчаютъ ихъ лукавство и недобросовѣстность.

Исключеніе составляютъ псковскіе и новгородскіе купцы, но и они уже не пользуются былой славой честныхъ дѣльцовъ. Мѣстная поговорка „показывать товаръ лицомъ", получила очень широкое примѣненіе, точно такъ же какъ и привычка запрашивать за вещи чуть ли не въ десять разъ больше противъ ихъ дѣйствительной стоимости, если покупатель былъ богатъ или наивенъ. Оптовые торговцы часто брали съ собой опытныхъ людей, но послѣдніе обыкновенно старались появиться съ обѣихъ сторонъ. Иностранцы замѣчали, что чѣмъ больше божится купецъ, тѣмъ больше шансовъ быть обворованнымъ имъ. Обмануть качествомъ и мѣрой товара, продать поддѣлку, подмѣнить при покупкѣ одинъ предметъ другимъ —было обычнымъ дѣломъ въ русской торговой практикѣ того времени.

Иностранные коммерсанты пользовались большими успѣхами. Съ XV вѣка нѣкоторые англійскіе, фламандскіе, голландскіе торговые дома, основавшіеся въ Россіи для ввоза и вывоза, пріобрѣли нѣкоторыя привиллегіи и пользовались ими до тѣхъ поръ, когда возникла настоящая монополія англійскихъ купцовъ. Это объясняется до нѣкоторой степени вкоренившимися въ русской торговлѣ пороками, хотя нельзя сказать, чтобы и иностранцы были вполнѣ свободны отъ нихъ. Герберштейнъ сознается, что нерѣдко продавались ими тѣ предметы, которые стоили 1—2 червонца, за 12.

Русскіе были невѣжественны и подвергались также часто обману, какъ и сами являлись обманщиками; эксплоатируемые, но незащищаемые государствомъ, они смотрѣли на торговлю, какъ на войну, гдѣ всякія средства законны и даже необходимы. Иностранцы, считавшіе ихъ поступки нечестными, сами имъ подражали. Налоги, взваленные на промышленность жадностью правительства, и разныя препятствія, создаваемыя его неумѣньемъ, все увеличивались. Государство было подѣлено на небольшія торговыя области, простиравшіяся на 10—20 верстъ отъ какого-нибудь центра—города или деревни. Въ каждой изъ такихъ областей тор-

говля должна была происходить въ центральномъ пунктѣ, чтобы легче было собирать пошлины. Безчисленныя высокія пошлины увеличивались еще системой внутреннихъ преградъ, дававшей просторъ злоупотребленіямъ и вымогательствамъ. Прежде чѣмъ достигнуть рынка, товаръ долженъ былъ пройти рядъ фискальныхъ преградъ: дорожныя заставы, таможни при въѣздѣ въ каждый городъ и при переправѣ чрезъ рѣки. Кромѣ того, если городъ стоялъ на берегу рѣки, нужно было платить пошлины при нагрузкѣ и разгрузкѣ товаровъ. Если на городской площади былъ *гостинный дворъ*, купецъ долженъ былъ останавливаться тамъ и платить за въѣздъ и за выѣздъ. Платили при помѣщеніи товаровъ въ склады, и за каждый проданный оттуда предметъ. Если продавалась лошадь, то уплачивали пошлину за тавро и за запись, если пудъ соли — пошлину за вѣсъ.

Представьте, что крестьянинъ прибылъ на рынокъ съ произведеніями своего убогаго хозяйства. Чтобы выручить 1 рубль, ему нужно продать лошадь или двѣ коровы, или 20 штукъ гусей, или 10 штукъ овецъ, или нѣсколько десятковъ четвертей ржи, или четверо саней. Онъ уже по дорогѣ истратилъ отъ 8 до 10 денегъ, что составляетъ больше его дневного заработка. Если же онъ продаетъ лошадь, ему придется еще истратить 15 денегъ. Впрочемъ система эта не представляла особенности русскаго государства. Она была общимъ явленіемъ той эпохи, когда во Франціи еще сохранились слѣды феодальной фискальной системы, не менѣе требовательной и стѣснительной, когда древній *telonium* обратившійся въ *tonlieu* и древній *vinagrum* ставшій *vientrage*, обиралъ купцовъ при проѣздѣ чрезъ каждую землю. Въ 1567 году насчитывали отъ 100 до 150 таможенныхъ заставъ по теченію одной только Луары. Съ ящика какихъ-нибудь галантерейныхъ товаровъ, отправлявшихся изъ Парижа въ Руанъ, съ уплаченнымъ ярмарочнымъ сборомъ, взимали пошлины въ Севрѣ, въ Нейли, въ Сенъ-Дени, въ Шату, въ Пекѣ, въ Мезонѣ, въ Конфланѣ, въ Пуаси, въ Тріелѣ, въ Мёланѣ, въ Манто, въ Рошъ-Гюйонѣ, въ Ворронѣ, въ Андели, въ Понъ-де-Ларинъ, на Руанскомъ мосту и, если товаръ предназначался въ Англію, то взимали въ томъ же Руанѣ еще такъ наз. „Droits de vicomté“, „Droits de rêve“ и „haut passage“. Къ этому нужно еще прибавить расходы за разрѣшеніе нагружать, фрахтъ, плату лоцману.

Однако во Франціи уже Людовикъ XI старался уменьшить число этихъ поборовъ, бывшихъ во время анархіи Столѣтней войны. Сама-то система пошлинъ во Франціи была въ нѣкоторомъ смыслѣ плодомъ анархіи. Въ Россіи же

она явилась слѣдствіемъ развивавшагося здѣсь особаго строя и осложнялась съ увеличеніемъ нуждъ государства. Кромѣ того торговля была обременена здѣсь дополнительными правилами, вытекавшими изъ первобытныхъ экономическихъ взглядовъ. Какой-нибудь литовскій купецъ, обмѣнявъ въ Москвѣ сукно на воскъ и нѣсколько серебряныхъ бездѣлушекъ въ придачу къ нему, могъ увидѣть свой товаръ конфискованнымъ, такъ какъ торговля драгоцѣнностями запрещалась.

Кромѣ того торговля страдала еще отъ общаго несчастія всѣхъ городскихъ поселеній того времени. Городскія строенія и мостовая, если она гдѣ встрѣчалась,—все было изъ дерева и, по меньшей мѣрѣ разъ въ 10 лѣтъ подвергалось полному опустошенію отъ пожара. Послѣ пожара въ Новгородѣ, уничтожившаго въ 1541 году весь славянскій конецъ, 908 домовъ, въ 1554 г. жертвой его сдѣлались 1500 домовъ. Одна изъ лѣтописей этого города, вторая, представляетъ собой простой перечень этихъ періодическихъ несчастій. Никакихъ мѣръ противъ этого бѣдствія не предпринималось. Только въ 1560 году догадались помѣстить недалеко отъ печей кадки, наполненныя водой, и большіе крючья, какіе можно замѣтить и до сихъ поръ въ русскихъ деревняхъ у избъ, находящихся въ постоянной опасности отъ огня. Въ 1570 г. къ этимъ мѣрамъ прибавилось запрещеніе лѣтомъ топить бани и разрѣшалось печь хлѣбъ не иначе, какъ въ печахъ, помѣщающихся внѣ дома. Прибавьте къ этому плохое состояніе дорогъ въ странѣ, которая и теперь за неимѣніемъ подходящаго матеріала вынуждена обходиться безъ шоссе. Изъ Порта Святого Николая на Бѣломъ море, куда впервые пристали англичане, и до Вологды, гдѣ они основали первую свою контору, было 14 сутокъ ѣзды воднымъ путемъ, а сухимъ 8 сутокъ въ зимнее время. Лѣтомъ же къ сухопутному сообщенію долгое время не прибѣгали. Отъ Вологды до Ярослава считали два дня пути и 30 отъ Ярослава до Астрахани по водѣ. Изъ Новгорода въ Нарву важный по внѣшней торговлѣ путь представлялъ собой проселочныя дороги, проходившія чрезъ лѣса и болота. Гостинницъ не было. Деревни попадались рѣдко. Между Новгородомъ и Москвой тянулось пустынное пространство и изъ Москвы въ Вильну лѣтомъ можно было добраться съ большимъ трудомъ. Единственной дорогой, болѣе или менѣе проходимой во всѣ времена года и сравнительно удобной, была дорога, проходившая по довольно населеннымъ мѣстамъ между Псковомъ и Ригой на западной границе. Поэтому большіе транспорты совершались лѣтомъ по воднымъ путямъ, а зимой по сан-

нымъ. Въ то время не рѣдкостью было встрѣтить 700 или 800 саней, наполненныхъ зерномъ или рыбой. Отправлялись тогда въ дорогу обыкновенно большими партіями, боясь вооруженныхъ нападеній, что нерѣдко случалось.

Опасность встрѣчалась вездѣ: татары на востокѣ дѣлали постоянные набѣги, убивали и грабили путниковъ, козаки на югѣ, а бродяги вездѣ. На Волгѣ шайки разбойниковъ были настолько многочисленны, что изъ года въ годъ приходилось высылать противъ нихъ военные отряды для укрощенія ихъ дерзости.

Иностранные путешественники отмѣтили одно явленіе, ярко выдѣляющееся изъ ряда того, о чемъ я только что разсказывалъ,—это превосходная организація почтъ. Изъ Новгорода въ Москву, когда была хорошая дорога, т. е., зимой, 542 версты дѣлали въ трое сутокъ, уплачивая по 6 коп. за разстоянія въ 20 верстъ. На станціяхъ можно было всегда найти сколько угодно лошадей. Въ дорогѣ загнанную лошадь быстро замѣняли другой. Ее бросали, а брали новую въ первой попавшейся деревнѣ или у перваго встрѣчнаго. Царская служба! Достаточно было имѣть подорожную, выданную надлежащей властью, чтобы пользоваться подобными услугами. Лѣтомъ, правда, картина измѣнялась. Лошади были или на пастбищѣ или заняты полевыми работами. Часы проходили, пока можно было добиться нужной запряжки. Но тогда пользовались преимущественно водными путями, гдѣ были лодки и гребцы на той же службѣ.

Это было наслѣдіемъ татарскаго завоеванія, поразительные успѣхи котораго обусловливались чрезвычайной быстротой и совершенствомъ средствъ передвиженія. Не нужно забывать, что во Франціи организація почтъ относится только къ 1464 г., когда онѣ были учреждены эдиктомъ Людовика XI, и то пока еще только съ исключительной политической цѣлью—для королевскихъ курьеровъ. Россія всегда была страной поразительныхъ неожиданностей.

Но это единственное преимущество не искупало другихъ недостатковъ, парализовавшихъ въ XVI вѣкѣ развитіе экономической жизни. Въ 1553 г. въ Псковѣ на кладбищѣ было похоронено 25000 труповъ, не считая тѣхъ, которые въ большомъ количествѣ сгнили въ поляхъ за городомъ. Народъ гибъ здѣсь отъ чумы—такого же періодическаго бича, какъ и пожары. Въ 1565 г. весной чума была въ Лукахъ и Торопцѣ, а осенью въ Смоленскѣ и Полоцкѣ. На слѣдующій годъ она опустошаетъ Новгородъ, Старую Руссу, еще разъ Псковъ, Можайскъ и даже Москву. Передъ чумой или одновременно съ ней, какъ было въ

1570 году, бывалъ голодъ. И средства мнимой борьбы съ этими несчастьями были также жестоки, какъ и они сами. Въ 1551 г. изъ Новгорода выгоняли псковскихъ купцовъ, которыхъ считали зараженными, и тѣхъ изъ нихъ, кто сопротивлялся, сжигали. Сжигали также и священниковъ, рѣшавшихся посѣщать больныхъ.

Въ дѣйствительности голодъ былъ здѣсь нормальнымъ явленіемъ. Англичанинъ Джекинсъ, ловкій коммерсантъ и вмѣстѣ съ тѣмъ проницательный наблюдатель, говоритъ о двадцати четырехъ человѣкахъ, умершихъ на его глазахъ въ небольшой промежутокъ времени отъ недостатка пищевыхъ средствъ. Питались они хлѣбомъ изъ высушенной и смолотой мякины. Такой хлѣбъ составлялъ въ зимнее время пищу огромнаго большинства населенія, привыкшаго лѣтомъ ѣсть траву, коренья, древесную кору. Иностранецъ отмѣчаетъ при этомъ безчеловѣчность людей въ этомъ краѣ. Они оставались равнодушными при видѣ себѣ подобныхъ, падавшихъ и умиравшихъ на улицѣ отъ истощенія. Эта черта замѣчается вездѣ, гдѣ нищета, сдѣлавшись обычнымъ явленіемъ, притупляетъ чувство и ожесточаетъ сердца. Въ XVI вѣкѣ богатство или даже простое довольство въ этой странѣ явленіе исключительное. На ряду съ монастырями только Строгановы обладали значительнымъ состояніемъ.

Флетчеръ опредѣляетъ его въ 300.000 рублей деньгами, не считая огромныхъ земельныхъ владѣній. Обработанныя поля простирались отъ Вычегды до границъ Сибири. Въ промышленныхъ предпріятіяхъ насчитывалось до 10.000 рабочихъ по найму и 5000 крѣпостныхъ. Строгановы платили въ государственную казну 23000 рублей налоговъ. Но правительство чуть не разоряетъ ихъ, требуя все больше. Эта именно система и разоряла многихъ и въ результатѣ такимъ образомъ сдѣлала то, изъ чего Строгановы составляли исключеніе.

Правительство и церковь, двуликій Ваалъ. Они пожираютъ все, сосутъ національное богатство, истощая источники дохода: правительство своими чрезмѣрными поборами, церковь высокими ростовщическими процентами по ссудамъ. Всѣ въ долгу у монастырей и болѣе бѣдные уплачиваютъ проценты своимъ трудомъ, который такимъ образомъ является потеряннымъ для общей экономіи и для накопленія національнаго богатства. Формула, по которой мужъ и жена, а иногда и вся семья съ дѣтьми обязываются *„за ростъ служити въ двое по вся дни“*, дѣлается общеупотребительной въ долговыхъ обязательствахъ, число ко-

торыхъ все возрастало. Выше уже отмѣченная рѣдкость монеты служитъ показателемъ общей бѣдности.

По свидѣтельству Гуаньино бѣличьи шкурки служили орудіемъ обмѣна до конца вѣка, да и Петръ Великій еще уплачивалъ жалованье своимъ чиновникамъ такимъ же способомъ. Однако въ XVI вѣкѣ чеканка монеты оставалась еще свободной и государство слѣдило только за вѣсомъ и пробой. Нѣкоторые чеканщики получили даже право класть свое имя на монетахъ. Очень распространенными также были серебряные слитки и примитивныя новгородскія монеты, снимки которыхъ даетъ намъ Шадруа въ своемъ трудѣ (Apereu sur monnaies russes, 1836). Онѣ были ни чѣмъ инымъ, какъ слитками. Привычка смотрѣть на золото и серебро, какъ на товаръ, на долго укрѣпилось въ умахъ. Но благородныхъ металловъ не достаточно было. Хотя можно сказать,въ противоположность утвержденія Павла Іовіуса, рудники въ Россіи были. Уже Иванъ III въ 1482 г. просилъ венгерскаго короля Матвѣя Коровина прислать ему нѣсколько инженеровъ для эксплуатаціи рудниковъ. Въ 1391 г. серебряныя розсыпи были открыты на берегахъ Цыльми, притока Печоры. Однако добыча серебра оставалась незначительной и Россія въ этомъ отношеніи чувствовала себя въ зависимости отъ иностранцевъ. Что касается золота, то въ обращеніи были только иностранныя монеты— венгерскіе, голландскіе, польскіе, флорентинскіе червонцы, англійскіе shitts—nobles и roses—nobles. Изъ серебряныхъ —обращались въ большомъ количествѣ голландскіе флорины, нѣмецкіе талеры, называемые здѣсь обыкновенно *ефимками,* и англійскіе шиллинги. Количество золотой монеты, находившейся въ обращеніи, было такъ ничтожно, что всякое событіе, повышавшее на нее спросъ, какъ напр., свадьбы или крестины въ царской семьѣ, отправка пословъ заграницу,—увеличивало цѣну ея вдвое. По существовавшему обычаю государь по случаю свадьбы и крестинъ получалъ въ подарокъ отъ бояръ и сословныхъ представителей червонцы. Послы нуждались въ золотѣ даже для представительства въ Польшѣ.

Государь всегда имѣлъ много денегъ въ своихъ подвалахъ. Онъ былъ очень богатымъ владыкой весьма бѣдной страны и поражалъ всѣхъ, даже западъ, своимъ богатствомъ, но размѣры и способъ пріобрѣтенія его нельзя точно опредѣлить. Поэтому я ограничусь только краткими указаніями на этотъ счетъ.

VII.

Финансы.

Мы не имѣемъ никакихъ точныхъ данныхъ относительно бюджета Московскаго государства до конца XVI вѣка. При сынѣ Ивана IV, въ концѣ вѣка, Флетчеръ опредѣляетъ доходъ государства въ 1.400.000 рублей—600.000 прямыхъ налоговъ и 800.000 косвенныхъ. Судя по документамъ, относящимся къ царствованію Алексѣя, эти цифры кажутся близкими къ дѣйствительности и указываютъ, что приходъ при Иванѣ Грозномъ въ среднемъ равнялся 1.200.000 руб. Въ то время въ Англіи прямыхъ налоговъ не существовало. Налоги же на предметы потребленія приносили 140.000 кронъ, и весь доходъ Генриха VII не превосходилъ милліона кронъ. Рубль тогда считался равнымъ 16 шиллингамъ и 8 пенсамъ. Такимъ образомъ Иванъ IV взималъ со своего народа больше того, что взималъ со своего Генрихъ VIII, въ 4 раза.

На самомъ же дѣлѣ Иванъ получалъ гораздо больше. Важнымъ источникомъ дохода московскаго государя была земля, раздававшаяся „служилымъ людямъ". Ею оплачивались самыя существенныя потребности государства—армія и администрація. Такимъ образомъ государь этотъ копилъ денежныя средства. Хотя военные припасы и жалованье нѣкоторымъ отрядамъ, уже тогда составлявшимъ ядро регулярной арміи, требовали значительныхъ расходовъ. По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, на это уходило три четверти дохода. Но оставшаяся четверть все-таки могла быть отложенной. Въ самомъ дѣлѣ, для содержанія своего двора великій князь, какъ и всѣ другіе европейскіе государи, могъ пользоваться доходами со своей личной вотчины. Ему принадлежали 36 городовъ съ селами и деревнями, прилегавшими къ нимъ. Отсюда доставляли ему, кромѣ денегъ, хлѣбъ, скотъ, рыбу, медъ, сѣно. Все это не могло быть потреблено дворомъ, какъ бы великъ онъ ни былъ, и служило предметомъ довольно значительной торговли. Иванъ IV изъ этого источника побочныхъ доходовъ получалъ 60.000 руб., а его преемникъ, болѣе экономный, до 230.000 р.

Указанный порядокъ въ общихъ чертахъ сохранился до нашихъ дней. Онъ составлялъ неотъемную часть строя, выдержавшаго вѣковое исытаніе. Странѣ, достаточно покорной для того, чтобы приспособиться къ нему, онъ доставилъ, если и не благосостояніе, то по крайней мѣрѣ величіе и матеріальное могущество, громадную силу кон-

центраціи и роста. Остается выяснить причину этой покорности. Это намъ, быть можетъ, удастся, если мы проникнемъ въ духовную жизнь народа, успѣвшаго совершить столько великаго съ такими средствами.

ГЛАВА III.

Умственная жизнь.

I. Причины слабости. — Умственныя теченія. — III. Литература. — IV. Искусство. — V. Преобразовательное движеніе.

I.

Причины слабости.

Монголовъ, наводнившихъ Русь въ XIII вѣкѣ, обыкновенно обвиняютъ въ преступленіи противъ цивилизаціи. Они будто бы явились причиной разрыва сношеній этого государства съ Западомъ и произвели быструю остановку въ культурномъ его развитіи. Я также долго раздѣлялъ общее заблужденіе и безъ смущенія сознаюсь: все говоритъ въ пользу этого взгляда, а исторія нашествія такъ темна! Свидѣтельство противоположнаго характера меня сначала поразило. Но тѣмъ не менѣе оно достаточно убѣдительно, такъ какъ исходитъ отъ одного изъ высшихъ представителей національной церкви. А вѣдь извѣстно, что до XVIII вѣка умственная жизнь страны концентрировалась въ этомъ очагѣ просвѣщенія.

„Судя по состоянію и успѣхамъ развитія просвѣщенія въ теченіи двухъ съ половиной вѣковъ, предшествовавшихъ татарскому завоеванію“, пишетъ архіепископъ Макарій въ своей Исторіи Русской церкви (V т., 258), „мы не думаемъ, чтобы эти успѣхи были болѣе быстрыми и въ слѣдующіе два вѣка, если бы даже монголы и не посѣтили насъ... Эти азіаты нисколько не мѣшали духовенству, особенно въ монастыряхъ, заниматься наукой. Но русскіе сами въ то время, кажется, не имѣли никакого влеченія къ высшимъ духовнымъ потребностямъ. Слѣдуя примѣру своихъ предковъ, они ограничивались умѣньемъ свободно читать и понимать священное писаніе“...

Новѣйшія изслѣдованія разрушили иллюзію, что съ татарскимъ нашествіемъ нахлынула на европейскую культуру волна варварства. Соратники Батыя и его полководца Суботая вовсе не были такими страшными варварами, какъ

ихъ представляютъ. Это превосходно показалъ Каенъ въ своей книгѣ, являющейся въ нѣкоторомъ родѣ настоящимъ открытіемъ (Jntroduction à l'histoire de l'Asie, 1896, стр. 343 и слѣд.). Татары были перворазрядными полководцами и чудесными организаторами, достойными представителями той цивилизаціи, которая чрезъ какое-нибудь столѣтіе въ г. Самаркандѣ привела въ восхищеніе пословъ Генриха Кастильскаго (1405) и распространила по всей Европѣ употребительныя астрономическія таблицы, составленныя Улугъ-Бекомъ.

Разрушителями татары были только въ случаяхъ военной необходимости и притѣснителями являлись только тамъ, гдѣ дѣло шло о ихъ фискальныхъ интересахъ. По своей численности они не могли наводнить страну. Легенда о нахлынувшемъ потокѣ—не что иное, какъ мелодраматическая выдумка: Суботай вездѣ побѣждалъ съ небольшимъ, но хорошо вооруженнымъ, очень подвижнымъ, подъ превосходной командой, войскомъ.

Вѣроятнѣе всего, что они повсюду находили развалины, разлагающееся государство и страну, уже отдѣлившуюся отъ Европы и жившую въ политическомъ и умственномъ отношеніи почти въ полной изолированности. Ярославъ (1019—1054), выдалъ замужъ свою сестру за польскаго короля Казимира, одну изъ своихъ дочерей за короля венгерскаго, другую за норвежскаго и третью за Генриха I французскаго,—браки такого рода не продолжали традиціи великаго кіевскаго князя среди его наслѣдниковъ, споривших изъ-за удѣловъ. И уже въ 1169 году Кіевъ былъ разрушенъ другими варварами, которые пришли не изъ Азіи. Удѣльные князья старались овладѣть огнемъ и мечомъ древней столицей Кіевомъ. Расчлененная и опустошенная своими же дѣтьми Русь была еще въ духовномъ общеніи съ Византіей, была привязана къ трупу; она была связана съ греческой наукой, но осужденіе античной культуры, закрытіе древнихъ школъ, введеніе восточныхъ идей, лишали ее свободы изслѣдованія, существеннаго условія прогресса. Современники Фотія († 891) приписывали знанія патріарха колдовству одного пажа еврея, точно такъ же какъ науку архіепископа Өеодора Левъ Грамматикъ смѣшивалъ съ вызываніемъ тѣней умершихъ. Исторіографія ограничивалась собираніемъ легендъ. Преподаваніе философіи было запрещено. Вся умственная жизнь сводилась къ религіозной полемикѣ, находившейся въ фазѣ упадка. Съ XII вѣка восточные монастыри не въ силахъ уже использовать научные матеріалы, которыми они располагаютъ.

Умственное одиночество Православной Руси было пря-

мымъ слѣдствіемъ ея родства съ этой византійской *Alma mater*. Изъ двухъ сотъ сорока русскихъ писателей, появившихся до конца XVII вѣка, не считая юго-западныхъ католиковъ, сто девяносто были монахи, двадцать изъ числа бѣлаго духовенства и тридцать другихъ были авторами трудовъ, посвященныхъ главнымъ образомъ религіознымъ вопросамъ. Литература и наука были такимъ образомъ почти исключительно церковными. Уже въ XIII вѣкѣ церковь представляетъ закрытый, непроницаемый міръ. Православіе запрещало всякое общеніе съ иновѣрцами. Обычай требовалъ отъ русскихъ государей мыть руки послѣ аудіенціи, данной иностраннымъ посламъ, что такъ оскорбило папскаго легата Поссевино при дворѣ Грознаго. Присоединеніе къ флорентійской уніи митрополита Исидора, ставленника Византіи, и взятіе турками Константинополя еще болѣе увеличили это духовное одиночество Руси. Теперь самъ Востокъ вызывалъ подозрѣнія, а торжество ислама казалось заслуженнымъ наказаніемъ. Въ эту эпоху возникаетъ и распространяется преданіе о пребываніи на Руси ап. Андрея, что свидѣтельствовало въ пользу древности и независимости мѣстнаго православія. Возникла идея національной вѣры, соотвѣтствующей самобытнымъ чертамъ славянскаго духа.

Однако національная церковь не только не сіяла новымъ блескомъ, но напротивъ, все больше и больше погружалась во мракъ. Къ концу XV вѣка не осталось и слѣда школъ, существованіе которыхъ при древнихъ монастыряхъ подтверждается многими источниками.

Въ началѣ слѣдующаго вѣка архіепископъ Новгородскій, святой Геннадій, съ грустью отмѣчаетъ, что лица, рукоположенныя имъ во священники, не умѣютъ ни читать, ни писать. Устное поученіе также отсутствовало, каѳедры безмолствовали и, по свидѣтельству иностранныхъ путешественниковъ, съ трудомъ можно было найти одного между десятью жителями, кто бы зналъ наизусть „отче нашъ". Вѣкомъ позже, въ 1620 г., одинъ ученый шведъ Ботвидъ серьезно обсуждалъ вопросъ о томъ, христіане ли русскіе.

Монастыри продолжаютъ собирать книги. Нѣкоторые имѣли даже библіотекарей. Но чтеніе стало спеціальнымъ занятіемъ маленькой группы избранниковъ. Оно само уже становится наукой и мало-по-малу вся ученость заключалась въ немъ. Читать какъ можно больше и даже заучивать наизусть прочитанное—развѣ это не все, что только можно сдѣлать? Ученый—это *книжникъ*, человѣкъ, знающій много книгъ. Но какихъ книгъ? Въ монастырскихъ библіотекахъ почетное мѣсто занимали апокрифическія сочиненія,

такія, какъ *Завѣщаніе Моисея. Видѣніе Исаака.* И эти сочиненія пользуются уваженіемъ наравнѣ съ каноническими. Максимъ Грекъ, призванный съ Востока въ началѣ XVI вѣка для исправленія церковныхъ книгъ, первый возсталъ противъ убѣжденія, что солнце не заходило въ продолженіи цѣлой недѣли послѣ воскресенія Христа, и противъ повѣрья, что на берегу Іордана ехидна сторожитъ завѣщаніе Адама. Мы имѣемъ каталогъ библіотеки Троице-Сергіевой лавры въ XVII вѣкѣ. Древняя литература состоитъ изъ 411 рукописей. Это почти столько же, сколько было въ Glastonbury въ XIII вѣкѣ. Но какая разница въ составѣ! Въ Glastonbury на первомъ мѣстѣ стоятъ классики, историки и поэты. Въ Троицкой библіотекѣ мы насчитываемъ 101 библію, 46 книгъ богослужебныхъ, 58 сборниковъ поученій Отцовъ Церкви, 17 книгъ по церковному праву и только одинъ философскій трудъ. Остальная же, большая, часть состоитъ изъ аскетическихъ произведеній. До семнадцатаго вѣка древніе греческіе и латинскіе писатели оставались неизвѣстными для русскихъ читателей. Изъ числа свѣтскихъ произведеній любимыми для чтенія были хроники. И какія еще хроники! Малалы, съ цитатами изъ стиховъ Орфея, и еще болѣе распространенная хроника Георгія Амартолы съ подробнымъ описаніемъ одежды нѣкоего іудейскаго священника, шедшаго навстрѣчу Александру Великому. Въ области географіи и космографіи авторитетами были Георгій Писидъ и Косма Индикоплестъ. Его заключенія о размѣрахъ земли, выведенныя изъ формы Моисеевой скиніи, не встрѣчали никакого недовѣрія. Поученія, пересыпанныя цитатами изъ апокрифическихъ произведеній, идеи Птоломея и Аристотеля, бредни Манихейцевъ и гностиковъ — все у него смѣшивается и распространяются самыя нелѣпыя понятія. Въ философіи русскіе держались Ивана Дамаскина и его теоріи науки, сведенной къ одной любви къ Богу. Но до XVIII вѣка съ произведеніями умозрительными Василія Великаго, Діонисія Ареопагита самое видное мѣсто занимаетъ *Пчела*, представляющая собой несвязную компиляцію изъ текстовъ священнаго писанія, извлеченій изъ Отцовъ церкви, отдѣльныхъ мыслей, заимствованныхъ у Аристотеля, Сократа, Эпикура, Діодора, Катона.

Подъ вліяніемъ такимъ образомъ пріобрѣтенныхъ познаній предсказаніе затмѣній луны считается колдовствомъ. Книги *математическія*—подъ этимъ названіемъ подразумѣвались ариѳметика, астрономія, географія, музыка,—были запрещены, какъ неблагочестивыя. Горизонтъ *книжника* былъ слишкомъ узокъ. Къ нему не проникалъ свѣтъ европей-

ской науки. Онъ топчется на одномъ мѣстѣ, вдали отъ движенія, уносящаго впередъ Западъ.

Правда, въ XVI вѣкѣ лучъ солнца и дыханіе жизни проникаютъ въ эту темницу вмѣстѣ съ албанскимъ монахомъ, учившимся въ Греціи и Италіи, бывшимъ уже въ нѣкоторомъ родѣ европейцемъ. Хотя онъ и ограничилъ свою литературную и научную дѣятельность вопросами вѣры и морали, но онъ все же принесъ на подошвахъ своихъ башмаковъ немного пыли изъ Милана, Флоренціи, Венеціи, Феррары и особенно изъ Падуи. Происходившая тогда тамъ борьба между сторонниками Платона и послѣдователями Аристотеля, теченіе, ведшее образованный кругъ людей къ подражанію языческимъ нравамъ и къ нападкамъ на средневѣковую теологію, не могла не затронуть и Максима Грека. Онъ былъ знакомъ въ Венеціи съ знаменитымъ типографомъ Альдомъ Мануціемъ, а во Флоренціи прикасался къ еще горячему пеплу отъ костра Саванаролы. Онъ имѣлъ ясное представленіе о важномъ научномъ значеніи Парижа. Но все это не мѣшаетъ ему быть лишеннымъ того критическаго смысла, который является главнымъ двигателемъ интеллектуальной жизни Запада. Онъ былъ проникнутъ абсолютнымъ недовѣріемъ къ свѣтской наукѣ и осуждаетъ появившійся въ то время русскій переводъ *Луцидарія*, знаменитаго произведенія XII вѣка, приписываемаго св. Ансельму Кентерберійскому или Гонорію Отенскому. Въ этомъ произведеніи трактовались сравнительно разумно нѣкоторые вопросы изъ области космографіи и физики. Онъ не хочетъ допустить эту книгу въ библіотеку, откуда изгнаны греческіе и латинскіе классики. Образовалась легенда вокругъ этихъ классиковъ. Они будто бы вмѣстѣ съ большимъ количествомъ другихъ свѣтскихъ произведеній и нѣсколькими еврейскими рукописями хранились съ XV вѣка въ самомъ Московскомъ Кремлѣ. На существованіе этой библіотеки русскому обществу указали изслѣдованія двухъ иностранныхъ ученыхъ Клоссіуса (1834) и Тремера (1891). Вопросъ объ этой библіотекѣ еще недавно (1894) вызывалъ въ печати споры. Были даже произведены раскопки на мѣстѣ стараго дворца. Они дали отрицательные результаты. Ніенштедтъ, Ливонскій лѣтописецъ, былъ первымъ авторомъ разсказа, гдѣ есть упоминаніе объ этой библіотекѣ. Затѣмъ профессоръ Дерптскаго университета Добѣловъ составилъ въ 1820 г. каталогъ этой библіотеки. Каталогъ безслѣдно исчезъ. Были ли они мистификаторами, или же введенными въ обманъ, ясно, что легенда не имѣетъ реальнаго основанія. Впрочемъ, еще гораздо раньше подобная басня приписывала московскимъ государямъ обладаніе зна-

чительнымъ количествомъ византійскихъ рукописей, которыя императоръ Іоаннъ помѣстилъ въ безопасное мѣсто предъ взятіемъ Константинополя турками. Кардиналъ Санъ-Джіорджіо поручилъ въ 1600 г. греку Петру Аркудіусу, прикомандировавъ его къ польскому посольству, провѣрить этотъ слухъ, и оказалось, что онъ былъ ложнымъ. Правда, Иванъ IV и его предшественники владѣли нѣсколькими книгами и рукописями, но до конца XV вѣка въ числѣ ихъ извѣстна только одна книга на иностранномъ языкѣ— это нѣмецкій гербарій, и она совершенно терялась среди книгъ богослужебныхъ, кормчихъ, хроникъ и трактатовъ по астрологіи.

Подъ двойственнымъ вліяніемъ самобытнаго византизма и матеріализма, присущаго каждому обществу, переживающему первыя фазы своего развитія, умственная жизнь здѣсь раздѣлялась между двумя противоположными теченіями, которыя иногда сочетались самымъ причудливымъ образомъ. И вотъ мы видимъ то аскетизмъ безъ всякаго идеала, то грубый сенсуализмъ, однимъ словомъ, двойной путь въ бездну небытія.

II.

Умственныя теченія.

Изъ первобытной и безплодной независимости дикарей, русскіе сразу попали подъ иго суровой и по-своему неменѣе дикой морали, преслѣдовавшей свободу знанія, свободу творчества и даже свободу существованія. Всѣ живыя силы, которымъ человѣчество обязано было своей облагороженностью, были осуждены и прокляты этимъ ученіемъ. Предавался проклятію міръ свободной науки, какъ очагъ ереси и невѣрія. Проклинался міръ свободнаго творчества, какъ элементъ развращенности. Проклиналась даже сама жизнь свободная, съ ея радостями, счастьемъ, мірскими удовольствіями, какъ нѣчто позорное. И вотъ замолкли баяны при дворахъ князей. Въ лѣтописяхъ воодушевленный тонъ и поэтическіе обороты, свойственные писателямъ XI и XII вѣка, уступили мѣсто сухому дидактическому повѣствованію, изгонявшему эпическій элементъ даже изъ тѣхъ документовъ, которыми оно пользовалось. Даже простая бесѣда, если она отклонялась отъ религіозныхъ разсужденій, подвергалась анаѳемѣ. Воздержаніе во всѣхъ видахъ стало главнымъ правиломъ жизни. Въ нѣкоторыхъ семьяхъ пріучаютъ дѣтей съ ранняго возраста обходиться

безъ молока. Въ два года они уже должны соблюдать всѣ посты. Употребленіе въ пищу мяса разрѣшалось только три раза въ недѣлю. Сношенія между супругами запрещались въ три дня каждой недѣли и во всѣ праздничные дни и въ теченіи всѣхъ постовъ. Русскимъ компиляторамъ византійскихъ писателей хорошо извѣстны слова Катона: „Мы управляемъ міромъ, а женщины нами“.

Пчела ставитъ это изреченіе на видное мѣсто, какъ и слова Демокрита, мужа крошечной женщины: „Я взялъ наименьшее зло!“ Проникаясь тѣмъ же принципомъ, церковь считаетъ женщину главнымъ орудіемъ дьявола въ его деморализаціонной работѣ. Она проклинаетъ женщину, а вмѣстѣ съ ней и всѣ искусства, такъ какъ вдохновительницей ихъ всегда и всюду была женщина.

Въ религіозной жизни эта тенденція заканчивалась безсмысленнымъ формализмомъ тѣхъ церковныхъ учителей, которые видѣли вѣчныя истины, непоколебимые догматы, даже въ манерѣ одѣваться и носить бороду.

Послѣ Флорентійской уніи и признанія національной церкви единственной хранительницей священныхъ преданій форма стала скиніей, ковчегомъ, гдѣ хранилась вѣра. Внѣ его одинъ только латинскій раціонализмъ, безразлично, католическій или протестанскій; какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ источникъ безбожія и ереси. Умствованія запрещались. Изгоняя этотъ существенный факторъ прогресса, Москва въ интеллектуальномъ отношеніи становится ниже Византіи, гдѣ догматическіе споры всегда сохраняли за собой право существованія. На Руси съ XII вѣка подвергаются обсужденію только вопросы такого содержанія: „Можетъ ли священникъ, не спавшій ночью послѣ ѣды, совершать утромъ литургію?—Можетъ ли служить, если въ его облаченіи гдѣ-нибудь вставленъ женскій платокъ?“ Даже проповѣди, на сколько они сохранились, касаются только вопросовъ обрядности: „Слѣдуетъ ли ходить во время богослуженія противъ солнца или посолонь?—Креститься двумя или тремя перстами?“ Первый церковный соборъ, созванный Иваномъ IV, занимался этимъ вопросомъ и предалъ отлученію тѣхъ, кто крестится двумя перстами.

Вѣра, отождествляемая съ обрядностью, сводитъ благочестіе къ исполненію внѣшнихъ формъ, къ соблюденію постовъ, къ долгому стоянію въ церкви. Исповѣданіе, какъ внутренній религіозный актъ, отступаетъ на второе мѣсто. Наиболѣе набожные говѣютъ только одинъ разъ въ годъ. Самые точные и исполнительные считаютъ, что признаться на исповѣди можно только въ части своихъ грѣховъ. Цере-

моніи замѣнили все. Онѣ становятся все пышнѣе и пріобрѣтаютъ все болѣе и болѣе театральный характеръ: такова процессія въ Вербное воскресенье, когда митрополитъ садился на осла, объѣзжалъ церкви, благословляя народъ. разстилавшій свои одежды подъ копыта символическаго животнаго. Таково было изображеніе трехъ еврейскихъ отроковъ, брошенныхъ въ огненную пещь. Амвонъ замѣнялся большой печью и въ нее вводили съ сложными обрядами трехъ юношей, одѣтыхъ въ бѣлое. Не доходило только лишь до того, чтобы ихъ сжечь на самомъ дѣлѣ.

Религіозное чувство оставалось очень интенсивнымъ, но оно блуждало по ложнымъ путямъ, утопало въ непроходимыхъ дебряхъ. Въ то время, какъ Домострой совѣтовалъ 600 разъ въ день прочитывать такую-то молитву, чтобы чрезъ три года въ молящагося вселилась святая Троица, спорили о томъ, можно ли безъ грѣха переступить порогъ дома, гдѣ находится роженица, и считать ли нечистымъ молоко только что отелившейся коровы. Такъ чувственность ловила благочестивыя души на невѣрныхъ путяхъ. Суевѣріе разставляло для нихъ другія сѣти. Въ этой безконечно растянутой сферѣ церемоній чувствовался еще полуязыческій финскій элементъ. На сѣверѣ удерживались почти до XVIII вѣка вѣрованія и привычки древняго культа, такъ какъ населеніе тамъ было менѣе податливо для подчиненія славянамъ и въ умственномъ отношеніи мало доступно христіанскому вліянію. Успѣхи того и другого долго здѣсь обозначались разсѣянными на громадныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга островками колоній. Еще недавно карта Кеппена обнаружила въ доброй половинѣ населенія преобладаніе чертъ, характерныхъ для чуди. Это племя чрезвычайно суевѣрно. Природа здѣсь всегда угнетала человѣка. Непроходимые лѣса, громадныя скалы или непрерывныя озера и болота: такой пейзажъ внушаетъ ужасъ. Слухъ наполненъ шумомъ низвергающихся водъ или вѣчнымъ ревомъ свирѣпаго вѣтра. Сѣверное сіяніе бросаетъ въ глаза свѣтъ страшныхъ пожаровъ. Блуждающіе огни надъ стоячими водами поражаютъ воображеніе. Кровожадныя и ядовитыя животныя-медвѣди и змѣи грозятъ смертью на каждомъ шагу. Изо всего этого фины создали себѣ религію, которая является содроганіемъ ужаса. Ихъ боги скорѣе дѣти Аримана, чѣмъ Ормузда. Въ каждомъ камнѣ, въ каждомъ деревѣ живетъ злой духъ, И нѣтъ противъ этихъ духовъ дуугого средства, кромѣ заклинанія.

Молитва и колдовство, священникъ и заклинатель—одно и тоже. Искусственное подражаніе шуму природы успока-

иваетъ вѣчно озлобленныхъ духовъ: въ этомъ суть вѣры, распространенной на огромномъ континентѣ отъ Урала до Японскихъ и Китайскихъ морей и отъ мрачныхъ береговъ Ледовитаго океана до угрюмыхъ вершинъ Гиммалайскихъ горъ. Богослуженіе здѣсь состоитъ въ подражаніи движенію и шуму бѣшеныхъ стихій.

Барабаны, гончи, колокольчики производятъ какое-то неистовство. Жрецъ-колдунъ, *шаманъ*, у Остяковъ, прыгаетъ вокругъ огня, ударяя въ барабанъ. Присутствующіе стараются криками покрыть шумъ, производимый имъ. Это продолжается до тѣхъ поръ, когда жрецъ закружится и придетъ въ изступленіе. Тогда его схватываютъ два человѣка, набрасываютъ ему на шею веревку и едва не задушиваютъ его. Оглушительный шумъ, видъ пламени, конвульсіи тѣла и сожиманіе глотки довершаютъ состояніе экстаза, во время котораго снисходитъ духъ на этого галлюцинирующаго пророка.

Эти обрядности несомнѣнно выражали безсознательное стремленіе человѣческаго духа къ побѣдѣ надъ природой и утвержденію своего превосходства надъ нею. Но развитіе въ этой области оставалось здѣсь въ своей первой фазѣ. И сѣверная Русь долго не шла дальше азбуки духовной эмансипаціи, дальше первобытныхъ религіозныхъ обрядовъ. Еще въ XV вѣкѣ финскія племена Водской Пядины (современная Петербургская губернія), поклонялись деревьямъ и камнямъ и приносили имъ жертвы. Міръ казался имъ населеннымъ фантастическими существами, какъ, напр., гадюка съ крыльями, птичьей головой и хоботомъ, могущимъ распространить гибель на всю землю, десятиголовый драконъ, растеніе, похожее на овцу и приносящее ягнятъ. Русскіе того времени показывали иностранцамъ даже шапки, отдѣланныя мѣхомъ этихъ чудовищъ!

Православное духовенство иногда боролось съ этими суевѣріями, иногда же и само покровительствовало имъ. Нѣкоторые члены его писали колдовскія книги, удачно вводили ихъ въ церковную литературу, извлекая такимъ путемъ большую выгоду для себя. Вызыватели духовъ встрѣчались даже въ монастыряхъ. Въ концѣ вѣка въ свитѣ Грознаго находятся колдуны.

Въ самыхъ набожныхъ семьяхъ языческія божества еще сохраняютъ свое мѣсто у очага, между прочимъ *родъ* и *рожаницы*, отъ которыхъ зависѣло рожденіе и смерть человѣка. Имъ приносились жертвы. И изъ этихъ жертвоприношеній *кутья*, блюдо, изготовляемое для поминокъ, была заимствована церковью.

Подъ вліяніемъ тѣхъ же суевѣрій малѣйшія житейскія

событія пріобрѣтали мистическій и пророческій смыслъ: трескъ въ стѣнахъ, шумъ въ ушахъ, чешутся пальцы—это предвѣщаетъ дорогу; крикъ утокъ, дрожаніе вѣкъ—къ близкому пожару. Подъ общимъ названіемъ *Рафли* подразумѣвалась цѣлая литература, содержавшая объясненіе этихъ примѣтъ, а также и толкованіе сновъ, которымъ придавалось большое значеніе. Беременныя женщины давали хлѣба медвѣдямъ, которыхъ во множествѣ водили такъ назыв. *скамороxи*, и по ворчанью этихъ звѣрей опредѣляли, какого пола будетъ у нихъ ребенокъ. Скоморохи были колдунами и снотолкователями, жрецами полухристіанскаго, полуязыческаго культа, между которыми дѣлилась вѣра населенія. Они пользовались такимъ почетомъ и уваженіемъ народа, что церковь была безсильна сокрушить ихъ престижъ. Они избавляли человѣка отъ гнѣва высшаго существа тѣмъ, что давали ему носить подъ лѣвой мышкой правый глазъ орла, завернутый въ платокъ. Они брали немного земли изъ-подъ ноги человѣка, отъ котораго нужно было избавиться, и этотъ человѣкъ былъ уже обреченъ на гибель: стоило бросить землю въ огонь, и онъ съ того же момента начиналъ сохнуть. Не забывались при этомъ и ангелы, призывавшіеся въ началѣ всякой работы, св. Никита, изгонявшій демоновъ изъ дома, когда къ нему обращались съ просьбой о помощи. Язычество и христіанство, религія и суевѣріе переплетались, смѣшивались и сливались другъ съ другомъ. Въ ночныхъ собраніяхъ, которыми сопровождались нѣкоторые праздники,—какъ, напр., канунъ Иванова дня, Рождества, Крещенія, Новаго года—Богу и дьяволу воздавался одинаковый почетъ. Въ субботу наканунѣ Тройцы плясали съ жалобнымъ воемъ на кладбищахъ. Въ великій четвергъ сжигали солому, чтобы вызвать мертвыхъ, и брали изъ-за церковнаго престола щепотку соли, какъ вѣрное средство противъ нѣкоторыхъ болѣзней.

Въ XVI вѣкѣ суевѣріе было распространено по всей Европѣ, даже при самыхъ изысканныхъ дворахъ и въ самомъ Ватиканѣ. Не говоримъ о совѣщаніяхъ по важнымъ вопросамъ Павла III съ астрологами, считавшимися за представителей науки. Но развѣ паденіе совы не возвѣстило близкаго конца Александру VI? Но на Руси это время совпало съ полнымъ расцвѣтомъ такихъ же вѣрованій, составлявшихъ основаніе умственной жизни, лишенной существенной пищи. Литература ими жила долго, до самаго начала новаго времени, и жажда читателей почти ничѣмъ другимъ не утолялась.

III.

Литература.

Писатели XIV и XV вѣка ограничивались большею частью механическими компиляціями. Мертворожденныя произведенія! Ни одной свѣжей бытовой черты, даже въ житіяхъ мѣстныхъ святыхъ. Лѣтописи по стилю приближались къ оффиціальному протоколу. Самый замѣчательный изъ этихъ соорниковъ *Степенная книга* митрополита Макарія. Этотъ трудъ возвышается надъ общимъ уровнемъ благодаря тому, что авторъ пытается въ немъ установить связь между фактами дѣйствительности и родословной государей. Степенная книга — произведеніе съ политической тенденціей, но этимъ самымъ она отличается отъ общей банальности. Вотъ откуда Грозный почерпнетъ идею происхожденія отъ Кесаря Августа! Степенная книга—трудъ религіозный, старающійся доказать божественное вмѣшательство во всѣ земныя событія. Впрочемъ, написавшее ее лицо было, какъ мы сейчасъ увидимъ, то же только компиляторомъ, но болѣе широкаго пошиба.

Какъ по формѣ, такъ и по содержанію, литература этого періода стоитъ гораздо ниже литературы кіевскаго періода. Вмѣстѣ съ поэзіей, естественностью и простотой исчезли свѣжесть и прелесть ея. Нѣтъ ничего самобытнаго! Разсчетъ замѣнилъ вдохновеніе; стремленіе къ красотѣ проявляется рѣдко и неспособно подняться до искусства, превращаясь въ искусственность. Ни одной строчки, гдѣ бы трепетало волненіе и глубина чувства искупляла поверхностность мысли. Ни одной поэмы. И это въ эпоху Чосера и Виллона, Петрарки и Боккачіо. Ни одного научнаго или философскаго очерка—и это въ эпоху предъ появленіемъ въ Италіи Галилея, въ Англіи Бекона, во Франціи Монтеня, предъ началомъ вѣка Шекспира, Сервантеса, Джіордано Бруно, Декарта, Роберта Этьена и Дюканжа. Даже въ сосѣдней Польшѣ, стремившейся уже по наклонной плоскости къ упадку, XVI вѣкъ имѣетъ цѣлую плеяду мыслителей и художниковъ, свою необыкновенно богатую политическую литературу, геніальнаго писателя Режа. Языкъ здѣсь уже сформированъ. Стиль доходитъ до совершенства въ проповѣдяхъ Скарги. Скоро Баторій будетъ возить съ собой типографію даже въ походахъ, которые заведутъ его въ самое сердце Московіи. Въ Московіи же въ это время типографское искусство, какъ и всѣ другія, еще только нарождалось. Печатаютъ или скоро будутъ печатать, но печатники находятся въ Краковѣ, Венеціи, Тюбингенѣ, Прагѣ, Вильнѣ.

Когда они появятся въ Москвѣ, ихъ будутъ преслѣдовать и захотятъ убить, а дома ихъ сожгутъ. Съ другой стороны, что они будутъ печатать? Часословы, псалтири, Библію! До конца XVI вѣка этотъ репертуаръ почти не измѣнился. Единственными произведеніями, гдѣ проявится кое-какая самостоятельность и независимость мысли, будутъ: Правила истинной вѣры (Тюбингенъ, 1562), краткія поученія на воскресные и праздничные дни (ibid, 1562), Оправданіе человѣка предъ Господомъ (Несвѣжъ въ Литвѣ, 1562).

Народная поэзія существуетъ, но за исключеніемъ историческихъ пѣсенъ, гдѣ скоро отразится могучая личность Грознаго, давшаго народному творчеству новый толчокъ; она питается наслѣдіемъ древней Кіевской Руси.

Вся литературная дѣятельность послѣ паденія древней Руси, выразилась въ первой половинѣ XVI вѣка въ двухъ основныхъ произведеніяхъ, заключавшихъ въ себѣ сумму пріобрѣтенныхъ знаній, ходячихъ идей, всего умственнаго достоянія народа. Одинъ изъ этихъ трудовъ оконченъ въ 1552 г., но начатъ онъ еще въ 1529 г.—это цѣлая энциклопедія; другой, восходящій по своему содержанію и понятіямъ къ далекому прошлому, имѣлъ форму руководства для домашняго обихода. Это знаменитый *Домострой. Четьи-Минеи* митрополита Макарія являются противоположностью ему. *Четьи-Минеи* или *Мѣсячное чтеніе* представляютъ собой сборники житій святыхъ, родъ произведеній, очень распространенныхъ уже въ XV вѣкѣ.

Цѣлью обыкновенныхъ миней было предложить на каждый день мѣсяца поучительное чтеніе, относящееся къ жизни святого, указаннаго въ календарѣ. Макарій же задумалъ соединить въ 12 громадныхъ томахъ всю литературу страны. Книги свящ. Писанія съ комментаріями, житія русскихъ святыхъ (*патерики*) и греческихъ (*синаксары*), творенія Отцовъ Церкви, энциклопедическіе сборники болѣе ранней эпохи, въ родѣ *Пчелы*, описаніе путешествій—все было сведено вмѣстѣ. Изъ книгъ священнаго писанія, по ошибкѣ ли переписчика или же благодаря намѣренному пропуску, нѣкоторыхъ нѣтъ на лицо въ этомъ собраніи. Второе предположеніе кажется правдоподобнымъ по отношенію къ *Пѣсни Пѣсней*. Какъ бы то ни было, это произведеніе является для умственной исторіи эпохи незамѣнимымъ документомъ. Та часть, гдѣ содержится жизнеописаніе мѣстныхъ святыхъ, даетъ любопытное указаніе на постоянную работу раціональнаго сознанія. Святые древнихъ миней были мѣстными героями и чудотворцами. Въ Москвѣ не знали новгородскихъ святыхъ, а въ Новгородѣ московскихъ. Макарій соединяетъ ихъ для прославленія и

общаго почитанія всей страны. Политическая работа Москвы укрѣпляется и торжествуетъ на этомъ христіанскомъ Олимнѣ, завладѣвшемъ церквами Кремля и пріобщившемся къ пышности объединенной монархіи.

Митрополитъ, повидимому, только редактировалъ свой сборникъ. Работу производили выбранные имъ сотрудники. Онъ былъ первымъ основателемъ литературной коллегіи, какая извѣстна на Руси. Онъ создалъ вокругъ себя движеніе, надолго пережившее его. Придавая большое значеніе стилю, онъ ввелъ и укрѣпилъ въ литературномъ языкѣ преобладаніе своего церковно славянскаго языка, вытѣснившаго народный разговорный языкъ даже изъ житій святыхъ, первоначально написанныхъ на немъ. Но, какъ и въ произведеніяхъ Максима Грека, у Макарія нечего искать критическаго смысла.

Онъ вовсе не провѣрялъ подлинности текстовъ, нагроможденныхъ въ его энциклопедіи, матеріаловъ и ввелъ въ нее вмѣстѣ съ самыми нелѣпыми выдумками, безусловно фантастическія житія святыхъ, между прочимъ 40 мучениниковъ, канонизированныхъ сразу на соборахъ въ 1547 и 1549 г. Но и здѣсь политика Москвы давала свой тонъ: ей нужны были небеса, сіяющія новымъ блескомъ надъ просторомъ только что объединенныхъ вокругъ главнаго центра областей.

Макарій, впрочемъ, былъ многостороннимъ писателемъ. Кромѣ *Степенной книги*, о которой я уже упоминалъ, и многихъ посланій и поученій, ему еще приписываютъ *Кормчую книгу*, русскій номоканонъ, собраніе всѣхъ каноническихъ правилъ; книга монастырскихъ уставовъ—это тоже компиляція.

Но этотъ писатель былъ также и ораторомъ. Онъ нарушилъ молчаніе, долго сковывавшее уста національной церкви. Двѣ или три изъ сохранившихся его проповѣдей хорошо составлены, написаны просто, выдѣляются этимъ изъ всей предшествовавшей литературы. Онѣ кажутся импровизаціями и являются событіемъ, возвѣщающимъ наступленіе новой эры въ области литературы. Третья проповѣдь, произнесенная предъ Иваномъ Грознымъ послѣ взятія Казани, написана съ наибольшммъ стараніемъ, но менѣе удачно: онъ возвращается къ худшимъ образцамъ прошлаго. Общій недостатокъ художественнаго воспитанія отнималъ у этого, безъ сомнѣнія богато одареннаго, человѣка способность эстетическаго пониманія. Очевидно, желая на этотъ разъ подняться на высоту прославляемаго имъ историческаго событія, онъ падаетъ тяжело и неловко, не достигнувъ цѣли.

Домострой приравнивался къ разнымъ подобнымъ ему произведеніямъ итальянскимъ, французскимъ и даже индійскимъ. Я бы скорѣе сказалъ, что его сравнивать нельзя ни съ чѣмъ. Это въ своемъ родѣ единственное произведеніе. Книга имѣетъ ту особенность, что она не относится ни къ какой эпохѣ и даже ни къ одной опредѣленной средѣ. Это, какъ я уже указывалъ, трудъ компилятивный и ретроспективный. Поэтому въ немъ такъ много отразилось бытовыхъ чертъ.

Основа его, вѣроятно, заимствована попомъ Сильвестромъ изъ болѣе ранней новгородской литературы, такъ какъ книга очень точно отражаетъ нравы этой области. Домашняя жизнь, которую Сильвестръ изображаетъ, это жизнь мѣстной аристократіи, маленькаго міра бояръ—наполовину земельныхъ собственниковъ, наполовину комерсантовъ. Но къ этой мірской части присоединяется однако добавленіе, посвященное религіи и морали. Здѣсь среди заимствованій какъ изъ церковной литературы, такъ и спеціально - нравоучительной, бывшей во большомъ почетѣ въ монастыряхъ, мы встрѣчаемъ меню на постные дни. Весь этотъ собранный матеріалъ проникаетъ и царитъ надъ нимъ московскій духъ. Только одна послѣдняя глава, въ видѣ поученія священника церкви Покрова Пресвятыя Богородицы къ сыну Анѳиму, можетъ быть приписана перу Сильвестра. Однако и здѣсь авторъ резюмируетъ поученія, вытекающія изъ предыдущихъ главъ. Эти правила касаются отношеній къ Богу, къ ближнему, къ государю и слугамъ. Между ними встрѣчаются довольно странныя, какъ, напримѣръ, о задерживаніи дыханія во время прикладыванія къ иконамъ и другія, гдѣ роль женщины въ хозяйствѣ получаетъ особое освѣщеніе: она можетъ присутствовать при богослуженіи только лишь тогда, когда ей позволяютъ домашнія хлопоты и обязанности, возложенныя на нее. А они мало оставляли ей досуга. Глава семьи призывается быть болѣе усерднымъ. Изображеніе его роли непріятно напоминаетъ законодательство того времени. Это какъ бы другой уголовный уставъ. Супругу, отцу, господину рекомендуется въ мѣру примѣнять наказанія, не допуская однако никакихъ послабленій. Нужно избѣгать бить виновныхъ по головѣ и подъ сердце, наносить удары ногами и тупымъ орудіемъ. Впрочемъ, въ этихъ наставленіяхъ встрѣчаются противорѣчія. Такъ, въ одномъ мѣстѣ употребленіе палки запрещается, въ другомъ же сказано: „Если ты его (непослушнаго сына) ударишь жезломъ, онъ отъ этого не умретъ". Это неудобство всѣхъ компиляцій. Какъ бы то ни было, семейныя отношенія между наказывающимъ и нака-

зуемымъ почти ограничиваются распредѣленіемъ ударовъ, которые нужно дать или получить. Для супруги дѣлается нѣкотораго рода исключеніе. Мужъ долженъ увесть ее подальше отъ нескромныхъ взглядовъ и тамъ, снявъ съ нея рубашку (на этомъ пунктѣ Домострой настаиваетъ, и онъ въ самомъ дѣлѣ главный въ книгѣ, гдѣ идея порядка и бережливости занимаетъ важное мѣсто) и безъ гнѣва, взявъ вѣжливо жену за руку, но съ необходимой строгостью, погладить ей плечи своей плеткой. Послѣ же наказанія мужъ долженъ быть обходительнымъ и ласковымъ съ женой, чтобы не пострадали супружескія отношенія.

Эти средства поученій, вѣроятно, примѣнялись очень часто. Дѣйствительно, обязанности наказывающаго сводятся почти исключительно только къ подробнымъ расправамъ. Обязаности же наказуемой, т. е. жены, многочисленны и довольно тягостны. Она первая въ домѣ встаетъ. Помолившись, раздаетъ работу всѣмъ слугамъ.

Давая имъ хорошій примѣръ, она должна быть постоянно занята работой. Отъ нея требовалось хорошее знаніе всѣхъ рукодѣлій: шить, стирать, стряпать. Мужъ и гости не застанутъ ее никогда безъ работы. Она должна воздерживаться отъ шутокъ и смѣха съ окружающими ее женщинами, не вести съ ними пустыхъ разговоровъ, также не отворять дверей сосѣднимъ кумушкамъ, гадалкамъ и даже торговкамъ.

Очевидно, это только идеальное правило, какъ бы опрокинутое изображеніе. Его надо перевернуть, чтобы получить точное изображеніе дѣйствительности. Такое замѣчаніе относится не къ одной страницѣ книги. Оно примѣнимо, напримѣръ, къ параграфу, гдѣ женщинамъ рекомендуется пить только лишь квасъ, также и къ тому, гдѣ говорится, что со слугами нужно обращаться кротко и человѣчно, хорошо одѣвать ихъ и кормить. Но въ то же время передъ нами показывается, какъ въ синематографѣ, силуэтъ слуги, посланнаго съ порученіемъ. Подойдя къ двери дома, куда его послали, онъ оботретъ ноги, высморкается, вѣроятно въ руку, прокашляется, плюнетъ и тогда уже произнесетъ: „Благословенно буди имя Господне". Если ему на это не отвѣтятъ: „Аминь!"—онъ повторитъ это трижды, повышая голосъ, и затѣмъ тихонько постучитъ въ дверь. Когда его допустятъ въ домъ, онъ передастъ, что ему велѣно, стараясь теперь уже не сморкаться, не плевать и не совать пальцевъ въ носъ. Исполнивъ все, онъ поспѣшитъ домой...

Характерной чертой этихъ картинъ, как и комментаріевъ, которыми онѣ сопровождаются, является матеріализмъ, ко-

торымъ проникнута домашняя и общественная жизнь. Воспитаніе дѣтей сведено къ внушенію страха божія и къ обученію ремесламъ. Чрезвычайная важность, придаваемая подробностямъ хозяйства — шитью одежды, употребленію обрѣзковъ матеріи, расположенію копенъ сѣна,—подчеркиваетъ еще опредѣленнѣе этотъ характеръ. Въ главѣ, касающейся общественныхъ отношеній, замѣтно то же самое. Если пригласятъ на свадьбу, не надо пить лишняго и не засиживаться за столомъ. Вотъ въ чемъ вся суть.

Книга немного возвышеннѣе въ концѣ, въ той части, на которую Сильвестръ наложилъ свой личный отпечатокъ.

Но и здѣсь обнаруживается скоро основная двойственность произведенія: съ одной стороны аскетизмъ, съ другой—чувственность. Міряниномъ ли тотъ сынъ, которому авторъ предлагаетъ образецъ христіанской жизни? Сначала можно въ этомъ усомниться. Не спать въ часы заутрени и не забывать времени обѣдни. Пѣть ежедневно утреню, всенощную и часы и не напиваться предъ тѣмъ, какъ идти къ вечернѣ—все это требовалось обыкновенно отъ монаха шеснадцатаго вѣка. Но нѣтъ! Человѣкъ, отъ котораго этого требуютъ, имѣетъ свой домъ, куда ему рекомендуется почаще приглашать священника для совершенія молебновъ. Онъ ходитъ на рынокъ, гдѣ долженъ давать щедрую милостыню, не забывая при этомъ и своихъ интересовъ. Смѣшеніе божественнаго съ мірскимъ, правилъ высокой добродѣтели, доведенной до крайней суровости, и уроковъ практической мудрости, граничащей съ цинизмомъ, проникаетъ всю книгу съ начала до конца. Искренно любить всѣхъ, никого не осуждать, не дѣлать другимъ того, чего себѣ не желаешь, держать двери своего дома широко открытыми для бѣдныхъ, страждущихъ, для всѣхъ несчастныхъ, прощать обиды, переносить безъ жалобъ дурное обращеніе, приходить на помощь даже своимъ врагамъ, наконецъ, сохранять чистоту своей плоти, если нужно, умерщвлять ее, и вмѣстѣ съ этимъ, въ случаѣ спора, обвинять своихъ слугъ, даже если они и правы, и даже бить ихъ, чтобы избѣжать ссоры, стараться угождать всѣмъ и въ постъ не забывать приготовлять хорошія постныя блюда.

Ясно, что написавшій все это усвоилъ только форму, не понявъ духа христіанств. Онъ увидѣлъ въ немъ только руководство оппортюнистической философіи. Будучи усерднымъ читателемъ Библіи, онъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ дальше Ветхаго Завѣта не пошелъ. Онъ скорѣе фарисей, чѣмъ ученикъ Христа, такъ какъ ставитъ свою собственную жизнь образцомъ христіанской. И онъ даетъ это понять. Онъ говоритъ, что отпустилъ на волю всѣхъ своихъ

холоповъ, воспиталъ много сиротъ, что его любятъ и уважаютъ слуги за то, что онъ ихъ билъ, когда слѣдовало. Эту главу авторъ могъ бы назвать „*Подражаніе Сильвестру*". Мы увидимъ, что автору, однако, не всегда удавалось всѣмъ угодить.

Во всей книгѣ христіанскій идеалъ — любовь и смиреніе — сочетается съ библейскимъ, гдѣ семейная власть является движущей силой въ частной и общественной жизни. Въ этомъ смыслѣ *Домострой* даетъ намъ точное понятіе общества, гдѣ семья является не только центромъ, но и единственнымъ очагомъ общественной жизни. Глава дома представляетъ въ своемъ лицѣ всю семью. Онъ не только господинъ, которому всѣ должны повиноваться, онъ является существомъ, въ которомъ все сосредоточено и отъ него все зависитъ. И это дѣйствительно было такъ даже еще въ XVI вѣкѣ и не только въ Новгородѣ, но и въ Москвѣ. Будучи картиной нравовъ въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, *Домострой* въ то же время и кодексъ. Власть главы семейства онъ дѣлаетъ непоколебимымъ правиломъ, но оно было неустойчиво и хрупко, и самодержавный духъ Москвы безъ труда справился съ нимъ.

Вопреки своему новгородскому происхожденію, *Домострой* является чисто московскимъ произведеніемъ. Сходныя черты можно найти въ *поученіи* Владиміра Мономаха (XII в.) въ *Dottrine dello schiavo di Bari* (XIII в.), въ трактатѣ, составленномъ для Филиппа Красиваго Эгидіо Колонна, въ *Regimento delle donne* Франческо Барберини (XIV в.), въ парижскомъ *Ménagier* (около 1393 г.), въ нѣкоторыхъ чешскихъ произведеніяхъ XIV и XV вѣка и даже въ *Jndiche Hausregeln*, изданныхъ Фр. Штенглеромъ. Человѣчество нѣкоторымъ образомъ повторяетъ само себя въ теченіи времени на различныхъ ступеняхъ развитія и подъ различными широтами. Но мы здѣсь въ совершенно особомъ мірѣ. Напрасно мы будемъ искать въ немъ нѣжныхъ и сантиментальныхъ отношеній между супругами, изображаемыхъ итальянскими писателями, или роскоши стола, тщательно описанной парижскимъ повѣствователемъ.

Хронологически наиболѣе близкій къ Домострою *Cortegiano* Бальтазаро Кастиліо не вводитъ насъ въ общество, гдѣ даже у ремесленниковъ жизнь принимаетъ изящную форму. Цѣлая пропасть отдѣляетъ одну бытовую картину отъ другой. Какъ правильно замѣтилъ Пыпинъ (Исторія русской литературы II, 211), есть только одна нить, связующая московское произведеніе съ литературными памятниками другихъ странъ, это вліяніе греческой литературы, наложившей свой отпечатокъ на всю русскую умственную

жизнь той эпохи, она дала матеріалъ или вдохновляющую идею большинству современныхъ Сильвестру писателей.

Любопытно то, какое впечатлѣніе произвела эта давно забытая и воскресшая въ 1849 г. книга на одного изъ вождей славянофиловъ. Иванъ Аксаковъ сначала возмутился. Какъ могла быть задумана и написана въ русской землѣ книга, столь противорѣчащая національному духу! „Я прогналъ бы на край свѣта наставника, который сталъ бы мнѣ давать подобные уроки!“ Но поразмысливъ, онъ вспомнилъ нравы, которые ему приходилось наблюдать среди московскаго купечества. И что же? Они жили еще по Домострою. И это открытіе тотчасъ же приводитъ къ другому. Аксаковъ вспоминаетъ нѣкоторые главы сочиненія Татищева о сельскомъ управленіи (1742) и о томъ, какъ онъ возмущался, думая, что видитъ въ нихъ доказательство нѣмецкаго вліянія на нравы страны. „Какъ глубоко проникло оно въ нашу жизнь“, думалъ онъ. И вотъ Домострой открылъ ему глаза: черты, такъ оскорбившія его, были уже отмѣчены въ этомъ произведеніи. Я ничего не сказалъ о стилѣ Сильвестровой книги. О немъ нечего и сказать. Авторъ вовсе не былъ художникомъ. Да и существовало ли тогда художество на Руси?

IV.

Искусство.

Свѣтс кую литературу XVI вѣка представляетъ только переписка Ивана IV съ Курбскимъ. Литература, какъ и искусство, сохраняла до этой эпохи чисто религіозный характеръ.

Главными памятниками его были церкви, украшенія книгъ и иконы. Какую цѣнность имѣли эти произведенія и въ какой мѣрѣ они отражали національный духъ?

Нельзя отрицать художественныхъ дарованій русскаго народа. Съ тѣхъ поръ онъ уже успѣлъ доказать ихъ. Я не придаю ни народному эпосу, ни кустарной промышленности того значенія, какое за ними признаютъ русскіе и нѣкоторые иностранные писатели, видя въ этомъ признакъ особаго призванія. Пусть это такъ. Но, если вглядѣться хорошенько, то характерной чертой и этой народной поэзіи, и орнамента, которые считаются оригинальными, окажется подражательность. Скудость, если не полное отсутствіе содержанія, заимствованнаго изъ жизни и окружающей природы. Платокъ, вышитый простой женщиной въ окрестно-

стяхъ Твери, отличается изяществомъ рисунка. Но этотъ рисунокъ персидскаго происхожденія. Деревянная чаша имѣетъ граціозную форму, но въ глубинѣ ея видна Индія. Не смотря на всѣ опроверженія, Стасовъ. мнѣ кажется, неопровержимо доказалъ экзотическое происхожденіе русскихъ былинъ. Впрочемъ искусство имѣетъ много степеней, и это подражаніе есть уже шагъ впередъ. Теперь въ странѣ Сильвестра можно открыть признаки вполнѣ самобытнаго вдохновенія, но можно ли было ихъ найти въ XVI вѣкѣ и раньше?

Въ русской архитектурѣ XI—XVI в. ясно различаются два стиля. И тотъ, и другой византійскаго происхожденія. Но одинъ, на югѣ, остается преобладающимъ, почти безъ измѣненій. Другой же, на сѣверѣ — въ Новгородѣ, Владимірѣ, Суздаль—подвергается измѣненію подъ вліяніемъ германскаго и ломбардскаго начала. Кромѣ того, вездѣ къ этимъ основнымъ элементамъ, опредѣляющимъ общую форму, планъ и конструкцію зданію, присоединяются еще въ деталяхъ черты, заимствованныя со всѣхъ сторонъ азіатскаго и европейскаго горизонта. До XV вѣка преобладаетъ здѣсь Персія и Индія, позже—итальянскій ренесансъ.

Очень трудно прійти къ соглашенію относительно происхожденія, способа распространенія и значительности размѣровъ этихъ заимствованій. Гипотеза о прямомъ перенесеніи восточныхъ и центрально-азіатскихъ типовъ встрѣчаетъ ярыхъ противниковъ. Съ національной ли или религіозной точки зрѣнія, теорія вліянія славянскаго, именно, сербо-болгарскаго искусства показалась имъ болѣе пріемлемой. Нѣмецкіе писатели, и между прочимъ Шнаазе въ своей *Исторіи искусствъ* (III, 351), поддерживали теорію азіатскаго происхожденія русскаго искусства и они видѣли въ этомъ нѣчто унизительное, даже постыдное.

Французскій же писатель Віоле-ле-Дюкъ, напротивъ, считаетъ это похвальнымъ. Безъ сомнѣнія, уже недалеко то время, когда можно будетъ обсуждать эту проблему, не внося въ нее излишняго чувства. Хотя я сомнѣваюсь въ ея разрѣшимости. Россія была одной изъ тѣхъ лабораторій, гдѣ самыя разнообразныя художественныя теченія встрѣчались и смѣшивались, чтобы создать среднюю форму между восточнымъ и западнымъ міромъ.

Впрочемъ, всѣ цивилизаціи были продуктомъ подобнаго сліянія. Художественное развитіе Россіи совершалось въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ умственное. Ея обособленность въ этомъ отношеніи не могла быть такой полной. Первыми строителями ея церквей были большею частью въ XI—XIII вѣкѣ Греки. Но позднѣе, несмотря на

презрѣніе и ненависть, питаемыя къ Западу, не могли обойтись безъ его помощи. Уже въ 1150 году внукъ Мономаха Андрей призываетъ ломбардскихъ архитекторовъ для постройки храма Успенія во Владимірѣ, тогда какъ сынъ его Юрій, женатый на грузинской княжнѣ, имѣлъ въ Суздалѣ армянскихъ мастеровъ. Въ другихъ мѣстахъ стиль нѣкоторыхъ орнаментовъ указываетъ на ученіе персидскихъ художниковъ. Въ XV вѣкѣ на сцену выступаетъ итальянское искусство съ миланцемъ Петромъ Соларіо, флорентинцемъ Арист. Фіоравенти, Маріо, Алевизіо и многими другими.

Какъ и въ какомъ отношеніи комбинировались эти элементы, вѣроятно, трудно будетъ сказать съ точностью какъ теперь, такъ и всегда. Въ области архитектуры Византія, несмотря на свое первенство, должна была уступить мѣсто монгольскому, скандинавскому, романскому или туранскому вліянію. Византійское искусство было само чуждо оригинальности, заимствовало свои мотивы съ крайняго Востока, изъ Персіи, Малой Азіи и даже изъ Рима. Оно стремилось приблизить своихъ русскихъ подражателей къ этимъ источникамъ вдохновенія. Наиболѣе древніе южнорусскіе храмы имѣютъ стройную форму, изящные размѣры, что отличаетъ ихъ отъ чисто византійскихъ построекъ. Если сравнить ихъ съ архитектурными типами той эпохи во Франціи, Англіи, Италіи, Германіи, то онѣ отличаются и отъ нихъ. Въ этихъ русскихъ сооруженіяхъ чувствуется вліяніе какихъ-то другихъ образцовъ, въ нихъ есть, быть можетъ, даже доля самобытности. Кто знаетъ? Вѣдь посолъ Людовика святого нашелъ же при дворѣ хана русскаго архитектора вмѣстѣ съ французскимъ ювелиромъ?

Въ XIII вѣкѣ ясно ощущается вліяніе индо-татарскаго искусства, Появляются выгибы, точно взятые съ тибетскихъ монументовъ, колонны съ выпуклостями, съ тяжелыми капителями.

Первоначальный планъ церквей въ основныхъ чертахъ остался безъ перемѣны, но къ главному куполу, введенному издавна, прибавляются другіе, возвышающіеся въ видѣ башенъ съ луковицеобразными куполами затѣйливой работы, вызолоченной или выкрашенной металлической обшивкой. Они напоминаютъ Эллорскій храмъ. Внутри храмовъ широкіе византійскіе своды изламываются подъ острымъ угломъ; затѣмъ къ куполамъ присоединяются пирамиды съ выступами, такъ несвойственныя византійской архитектурѣ и развитыя въ индійской. Военныя сооруженіи этой эпохи слѣдуютъ по тому же пути. Кремлевскія башни имѣютъ четыреугольное основаніе.

На немъ возвышается куртина, увѣнчанная узкой вышкой. Они замѣтно отличаются отъ болѣе раннихъ образцовъ.

Но Азія ли торжествуетъ въ этихъ метаморфозахъ?

И не ей ли обязаны своимъ происхожденіемъ, какъ думаетъ Віиле-ле-Дюкъ, врата храма св. Исидора въ Ростовѣ (XIV в.), со своими нишами, сводъ которыхъ образуютъ дуги круга и вершины прямого угла, съ полемъ, сплошь усѣяннымъ орнаментами? Не усложнилъ ли этихъ архитектурныхъ формъ романскій стиль, какъ утверждаетъ О. Мартыновъ? Не служила ли Византія посредницей между Азіей и Россіей, какъ юго-западныя славянскія государства между Европой и ближайшими русскими областями. Рядомъ съ листомъ русскаго орнамента, близкаго по мнѣнію Віоле-ле-Дюкъ, къ индусскому типу, Дарсслю удалось указать и на византійскій типъ орнамента, средній между этими двумя образцами, Но передача идей и формъ могла принять другое направленіе и сдѣлать поворотъ еще въ другую сторону. Одинъ литературный памятникъ даетъ поучительный примѣръ въ этомъ отношеніи. „Бова Королевичъ“, очень популярная на Руси сказка, безъ сомнѣнія индусскаго происхожденія. Она принадлежитъ къ циклу Сомадевы—„Океанъ сказокъ“. И однако Бова не герой Сомадевы: это рыцарь *Beuves d'Antone*, герой каролинскаго цикла. Индіи, такимъ образомъ, пришлось пройти чрезъ Западную Европу, чтобы попасть въ Россію. Западному вдохновенію удалось случайно проникнуть въ эту область совершенно иной національной жизни, какъ ни была она изолирована и охраняема отъ иностраннаго вліянія.

Слѣдуетъ обратить вниманіе и на другія области искусства, хотя онѣ и были представлены здѣсь болѣе слабо. Иконопись, вдохновляемая одной изъ греко-восточныхъ школъ, очень многочисленныхъ въ XII в. въ Византіи, Италіи и въ юго-западныхъ славянскихъ земляхъ—Сербіи и Болгаріи, была довольно развита въ XIII—XV вѣкѣ въ Суздалѣ и особенно въ Новгородѣ. Суздальскіе образа исчезли безслѣдно. Что же касается новгородскихъ, то они даютъ довольно ясное представленіе о той самостоятельности, которой достигли художники той эпохи. Совершенно основательно указывалось на изображеніе нѣкоторыхъ типовъ, неизвѣстныхъ византійской иконописи, какъ, наприм., Покровъ Пр. Богородицы, св. Николай, свв. Кириллъ и Меѳодій, Борисъ и Глѣбъ. Кромѣ того, въ русскихъ произведеніяхъ этого рода замѣчается совершенно особая передача нѣкоторыхъ религіозныхъ сюжетовъ и смягченіе выраженія нѣкоторыхъ типовъ. Все это, безъ сомнѣнія, имѣетъ кое-какое значеніе. Со стороны формы эти изображенія также отлича-

ются отъ своихъ восточныхъ образцовъ, но лишь такъ, какъ плохія копіи отъ оригинала. Въ значительно упрощенномъ рисункѣ нѣкоторые русскіе критики желали видѣть стремленіе приблизиться къ природѣ... Я же нахожу въ этомъ признаки неумѣнья. Природа не нуждается въ подобной передачѣ, напоминающей мазню школьниковъ въ ихъ тетрадяхъ.

Та же упрощенность замѣчается и въ украшеніяхъ церковныхъ рукописей до XIII вѣка; въ нихъ отсутствуютъ золотые фоны, что обусловливается, вѣроятно, бѣдностью монастырей. Но въ XIV вѣкѣ значительно отклоненіе въ сторону, отдалившее русскую школу въ этой области отъ византійскихъ традицій и отъ ея освященныхъ обычаемъ формъ,

Безконечное разнообразіе человѣческой и животной жизни врывается въ нее со всѣмъ богатствомъ своихъ мотивовъ, которые напоминаютъ то нарисованные завитки, то вырѣзанные по дереву древніе скандинавскіе переплеты или еще болѣе раннія произведенія: пряжки поясовъ и рѣзныя фибулы эпохи Меровинговъ. Порой они приближаются къ иранскимъ типамъ, не чуждымъ, впрочемъ, стилю романскому и даже византійскому первой эпохи. Это какъ бы возвращеніе къ первоисточнику, такъ какъ фантастическія изображенія звѣрей, насѣкомыхъ, людей и птицъ были извѣстны во времена Геродота между народами, населявшими русскую землю. Но кажется, что даже по отношенію къ Ирану это возрожденіе имѣло своей истолковательницей все ту же Европу, такъ какъ рукописная литература Новгорода, гдѣ оно обнаружилось особенно сильно, почти совсѣмъ не подверглась татарскому вліянію, а напротивъ очень сильному вліянію европейскихъ теченій, шедшихъ черезъ Ригу и ганзейскіе города.

Въ XV вѣкѣ чудовищныя фантазіи болѣе ранняго искусства уступаютъ мѣсто комбинаціямъ однѣхъ линій, симметрическія сплетенія которыхъ переходятъ въ продолговатыя листья. Еще и другое теченіе коснулось національнаго искусства, На этотъ разъ ему невозможно приписать восточное, азіатское происхожденіе. Въ XV вѣкѣ наблюдается цѣлый переворотъ.

Подъ вліяніемъ религіознаго чувства, возбужденнаго борьбой реформаціи съ папствомъ, рѣзче выступаютъ византійскія традиціи. Однако въ тоже время проникновеніе нѣмецкаго протестанскаго духа обнаруживается въ длинномъ, глубоко вырѣзанномъ листѣ, взятомъ у одного вида дикой смоковницы. Онъ то развертывается, то коробится, черный и холодный, среди богатыхъ красокъ восточной палитры.

Безспорно, все это русское. Но дало ли оно искусству форму, вполнѣ соотвѣтствующую національному духу, т. е. если оно и не способно было внушить преклоненіе и вызвать подражапіе ему другихъ народовъ, какъ напр. искусство греческое или даже французское и итальянское въ извѣстную эпоху, то создало ли оно хотя зародышъ, способный къ самостоятельному развитію? Можно было отвѣтить утвердительно, если бы русскіе подражатели, вдохновляясь иноземными образцами, прибавили что-нибудь иноетворческое къ этой слабости исполненія, болѣе или менѣе существенныхъ искаженій и почти всегда плохо придуманныхъ комбинацій. Можно было согласиться съ этимъ, если бы они ввели въ творчество что-нибудь свое: флору и фауну ихъ страны, отблескъ своего неба; если бы съ ассимиляціей экзотическихъ типовъ, они сумѣли вступить въ непосредственное общеніе съ природой и такимъ образомъ выполнить первое и необходимое условіе всякаго самостоятельнаго искусства. Но они только копировали, списывали и искажали. Посмотрите на рѣзное крыльцо избы, вы увидите грубыя, почти неузнаваемыя изображенія львовъ, пантеръ, пальмъ и смоковницъ. И только въ болѣе позднихъ произведеніяхъ искусства обнаруживаются стремленіе выдти на собственную дорогу, и въ робкихъ попыткахъ нѣкоторыхъ модернистовъ художниковъ вы замѣтите силуэты хвойнаго дерева или бѣлый мѣхъ звѣря, рожденнаго подъ сѣвернымъ небомъ. Мы не знаемъ, при какихъ условіяхъ, по какимъ планамъ и какими мастерами были построены тѣ нѣсколько русскихъ церквей XIII и XIV вѣка, стиль которыхъ заслуживаетъ вниманія.

Что касается построекъ свѣтскихъ и церковныхъ XV и XVI вѣка — Успенскій Соборъ въ Москвѣ, Никольскія ворота въ Можайскѣ, знаменитая Грановитая палата, то по отношенію къ нимъ мы стоимъ на прочной исторической почвѣ: на нихъ лежитъ печать итальянскаго архитекурнаго искусства. Построенный въ 1553—1559 г. волнующій и смущающій храмъ Василія Блаженнаго до послѣдняго времени слылъ за произведеніе итальянской архитектуры. Карамзинъ видѣлъ въ немъ „шедевръ готической архитектуры", Мартыновъ „подобіе Эрехтейона въ аѳинскомъ акрополѣ", Теофилъ Готье—„громаднаго присѣвшаго дракона", Куглеръ—„огромную кучу грибовъ", Кюстинъ—„коробку съ вареньемъ". Заблужденіе относительно архитекторовъ этого храма недавно обнаружено. Найдены строительные счета и по нимъ установлены имена двухъ русскихъ— Бармы и Постникова. Надо отдать должное Россіи XVI вѣка и избавить философію искусства отъ одной изъ мудренѣйшихъ

загадокъ. Надо также признать вопреки долго державшемуся убѣжденію, что это удивительное сооруженіе не было въ то время единственнымъ явленіемъ, „памятникомъ, выпущеннымъ въ одномъ экземплярѣ“. Оно связано съ цѣлой системой архитектуры, принципъ которой надо искать въ деревянныхъ постройкахъ, такъ распространенныхъ въ этой странѣ. Типъ ихъ встрѣчается въ разныхъ пунктахъ государства: въ Новомосковскѣ, въ нынѣшней Екатеринославской губерніи, въ Дьяково, близъ самой Москвы.

Парализуя развитіе архитектуры, какъ и ваянія, отсутствіе другихъ матерьяловъ или, по крайней мѣрѣ, трудность получить камень, обусловили этотъ видъ постройки, для которой нѣкоторыя указанія могли быть получены изъ Индіи и отличительной чертой которой является соединеніе и сплетеніе нѣсколькихъ неравныхъ по величинѣ корпусовъ. Новомосковская церковь состоитъ изъ трехъ скрѣпленныхъ зданій, дѣлящихся на девять самостоятельныхъ частей. Строители *Василія Блаженнаго* еще дальше пошли въ этомъ отношеніи. Они удачно соединяли стили византійскій, персидскій, индусскій, итальянскій во множествѣ куполовъ, пирамидъ, колоколенъ...

Было бы, быть можетъ, безразсудно подходить къ этому произведенію съ тѣми понятіями объ искусствѣ, которыя получили вѣковое освященіе на Западѣ; они не могутъ служить общимъ критеріемъ. Готическая архитектура въ свое время вызывала такую же рѣзкую критику, съ какой наша современная эстетика готова наброситься на шедевръ Бармы и Постникова. Но можно констатировать, что созданный такимъ образомъ типъ въ художественномъ отношеніи не получилъ распространенія. У обоихъ строителей по окончаніи работы глаза не были вырваны, какъ гласитъ преданіе, чтобы они не могли больше создать ничего подобнаго. Это повтореніе легенды того же вѣка о создателѣ знаменитыхъ страсбургскихъ часовъ.

Ничего новаго въ этомъ родѣ дѣйствительно создано не было, и эта легенда, какъ и многіе другіе, пріобрѣла извѣстный смыслъ. Предоставленное самому себѣ вдохновеніе двухъ русскихъ мастеровъ привело лишь къ единственной архитектурной фантазіи, и послѣ нихъ никто не сдѣлалъ подобнаго страннаго и безплоднаго усилія; послѣ перваго отпечатка клише было заброшено.

Мнѣ очень непріятно огорчать моихъ русскихъ друзей, но они, право, слишкомъ взыскательны. Въ половинѣ прошлаго столѣтія, по признанію авторитетнѣйшихъ истолкователей, такихъ какъ Чаадаевъ, Герценъ, у нихъ ничего не было: ни національнаго искусства, ни литературы, ни науки.

Теперь же они хотятъ все имѣть заразъ и имѣть съ XII вѣка! Проѣзжая по деревнямъ Владимірской губ., ученые историки искусства Толстой и Кондаковъ, почувствовали, что находятся точно въ какой-то ломбардской области. Это благочестивое заблужденіе. Природа и исторія воспротивились быстрому развитію на Руси искусства; онѣ лишили художника необходимаго матерьяла и главнымъ источникомъ его вдохновенія сдѣлали стоячія воды Византіи. Основная черта русскаго духа—терпѣніе. Современные апологеты русскаго національнаго искусства забываютъ объ этомъ. Это искусство начинаетъ уже черпать изъ другихъ источниковъ. Скоро, безъ сомнѣнія, въ немъ ключомъ забьетъ живая вода, но великая рѣка еще только зарождается, мы стоимъ у ея истоковъ.

Въ лонѣ православной церкви, гдѣ до послѣдняго времени формы умственной дѣятельности стѣснялись, національное искусство выдерживало дѣйствіе двухъ теченій—аскетическаго и чувственнаго. Мрачныя нагроможденія монастырскихъ келій дали цвѣтокъ безстыднаго сладострастія: это и есть церковь Василія Блаженнаго—воплощеніе національнаго духа XVI вѣка.

V.

Преобразовательное движеніе.

Россія XV и XVI вѣка также имѣла свою реформацію. Хотя эта страна была обособлена и закрыта для иностранныхъ вліяній, однако она не могла оставаться совершенно нечувствительной къ нимъ и переживала, правда, совершенно по-своему и въ узкомъ масштабѣ революціонные порывы и потрясенія. Было ли преобразовательное движеніе обязано своимъ происхожденіемъ развитію мысли въ странѣ или постороннему вліянію, оно уже проявляется съ XIV вѣка, главнымъ образомъ, въ Новгородѣ—въ этой колыбели и послѣднемъ оплотѣ свободы. Начало его можно отнесть къ 1376 г. Въ это время здѣсь въ республиканскомъ городѣ были замучены и сброшены съ моста три еретика, основатели секты *стригольниковъ*, получившей такое названіе потому, что одинъ изъ ихъ вожаковъ, по имени Карпъ, занимался стрижкой овецъ. Секта отвергала всякую церковную іерархію, какъ основанную на симоніи. Церковь, распространявшая въ Новгородѣ свою власть даже на сферу экономическихъ интересовъ, легко справилась съ этимъ возмущеніемъ. Но стригольники вновь напомнили о себѣ

во второй половинѣ XV вѣка. Ихъ ученіе нашло себѣ новую пищу въ церковной литературѣ, увеличившейся новыми произведеніями, правда, все еще византійскаго происхожденія, но уже проникнутыми болѣе независимымъ духомъ. Въ нихъ указывалось на нѣкоторыя недостатки религіозной жизни: на излишества аскетическихъ подвиговъ, способныхъ лишить вѣру и благочестіе ихъ духовной сущности, а также на порчу нравовъ среди монашествующихъ. Въ то же время въ страну проникли ученія нѣкоторыхъ византійскихъ ересіарховъ, павликіанъ, богомиловъ, примыкавшихъ къ гностикамъ, манихейцамъ и мессалійцамъ. На этомъ основаніи выросла масса мѣстныхъ ересей, слившихся скоро подъ общимъ названіемъ *жидовствующихъ*. Такое названіе было дано сектантамъ благодаря нѣкоторому внѣшнему сходству ихъ ученія съ ученіемъ евреевъ антиталмудистовъ, или караимовъ, нашедшихъ себѣ пристанище въ Новгородѣ въ 1471 году. Нѣкоторые изъ еретиковъ склонны были признать еврейскую пасху, еврейскій календарь и обрѣзаніе по закону Моисееву. Но общимъ направленіемъ всѣхъ сектъ былъ раціонализмъ, выражавшійся въ отрицаніи Троицы, божественности Христа, будущей жизни и всѣхъ внѣшнихъ обрядностей христіанства. Появленіе сектъ не замедлило оказать православной церкви большую услугу. Оно принудило ее къ нѣкоторой работѣ для борьбы съ этими ея противниками, затѣмъ заставило ее обратить вниманіе на самое себя и предпринять внутреннія реформы. Одно религіозное движеніе вызвало другое. Послѣднее приняло два различныхъ направленія. Исправленіе церковныхъ книгъ, порученное Максиму Греку, указываетъ на заботу церкви устранить нападки, касающіяся догматовъ ея. Но монастырская жизнь вызывала еще болѣе справедливыя нареканія. Двойственность въ религіозномъ мірѣ, которую я старался освѣтить, была зарисована Грознымъ огненными штрихами въ его знаменитыхъ письмахъ. Вотъ отрывокъ извѣстнаго его посланія, написаннаго въ 1575 г., въ Кирилловъ монастырь:

„Воспитанные съ дѣтства въ воздержаніи, вы умираете отъ лишеній. Любя Бога, вы уходите отъ людей, удаляетесь отъ мірскихъ наслажденій, умерщвляете вашу плоть при помощи жесткой власяницы, опоясываете ваши чресла поясомъ, сжимающимъ ваши члены; вы изгнали съ вашего стола питательныя блюда; вы довели себя до того, что только кожа покрываетъ ваши тощія кости. Вы отказались ото всѣхъ мірскихъ заботъ, лишеніемъ питанія вы изсушили вашъ мозгъ, изнурили желудки. Проводя ночи въ молитвахъ, вы смачиваете ваши бороды слезами“... И вотъ

рядомъ съ этимъ ироническимъ изображенiемъ, изнанка картины, обрисованная на соборѣ 1551 г.

„Монахи и инокини постригаются въ монастыри не для того, чтобы спасать свою душу, но чтобы доставлять себѣ прiятныя удовольствiя, шляться постоянно по мiру изъ одного города въ другой... Во всѣхъ монастыряхъ монахи и игумены пьянствуютъ... Въ Москвѣ и во всѣхъ другихъ городахъ они живутъ и расточаютъ средства вмѣстѣ съ мiрянами—мужчинами и женщинами... Архимандриты и игумены избѣгаютъ братскихъ трапезъ, а предаются пиршествамъ въ своихъ покояхъ вмѣстѣ съ гостями... Женщины и дѣвушки проникаютъ туда безпрепятственно. Монахи и отшельники ходятъ по всей странѣ и не стыдятся имѣть при себѣ мальчиковъ".

Зло не ограничивалось только чернымъ духовенствомъ. На томъ же самомъ соборѣ въ 1551 г. говорилось о священникахъ, совершавшихъ богослуженiе одинъ разъ въ 5—6 лѣтъ. Въ церковь они приходили въ пьяномъ видѣ, ссорились между собою и молитвы произносили навыворотъ. Лазицiусъ упоминаетъ о попахъ, которые валялись мертвецки пьяные на площадяхъ, а Герберштейнъ видѣлъ, какъ ихъ за это били всенародно кнутами. Оскорбляемая такимъ образомъ своими служителями, церковь становилась мѣстомъ не для молитвъ, а для свиданiй, обращалась въ клубъ, въ базаръ. Мужчины входили туда, не снимая шапокъ, смѣялись, громко говорили, устраивали свои дѣла и прерывали церковное пѣнiе неприличными словами. Эти черты можно сближать съ тѣми явленiями, какiя обличались Брантомомъ, Раблэ, Кальвиномъ и Лютеромъ. Но на Западѣ были и примѣры другого рода. Жизнь и подвиги св. Франциска и бенедиктинцевъ Сенъ-Мора служили прiятнымъ исключенiемъ. На Руси же до начала XVI в. такихъ исключенiй въ жизни духовенства не было.

И вотъ въ это самое время предъ лучшими умами самихъ монастырскихъ общинъ встала идея о необходимости реформы. Но въ вопросѣ о путяхъ и средствахъ мнѣнiя раздѣлились. Основатель монастыря въ Волоколамскѣ въ 1479 г. Иванъ Санинъ, внукъ литовскаго выходца, въ монашествѣ Iосифъ, назв. Волоцкимъ, видѣлъ спасенiе въ соблюденiи строгихъ монастырскихъ уставовъ. По своему образованiю онъ принадлежалъ къ типу старинныхъ русскихъ книжниковъ, съ полнымъ отсутствiемъ критической мысли и глубокимъ уваженiемъ къ тому, „*что было раньше*". Но это не могло уже удовлетворить всѣхъ. Изъ глубины уединенныхъ отшельническихъ убѣжищъ, объ основанiи на пустынныхъ пространствахъ сѣвера и постепенномъ умно-

женіи которыхъ я уже говорилъ, потянуло другимъ вѣтромъ. Представителемъ новаго теченія явился одинъ изъ членовъ стариннаго боярскаго рода Майковыхъ Нилъ Сорскій, родившійся въ 1433 г. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ прожилъ въ аѳонскомъ монастырѣ, потомъ основалъ обитель близъ Бѣлоозера, по сосѣдству съ монастыремъ св. Кирилла, на рѣкѣ Соркѣ, отъ которой и получилъ свое прозваніе. Его путешествія и обильное чтеніе удачно выбранныхъ произведеній до нѣкоторой степени превратили его изъ *книжника* въ богослова. Онъ сталъ утверждать, что не все то свято, что написано. Онъ отважился оспаривать авторитетъ написаннаго вопреки обычаю большинства его современниковъ. Онъ старался установить происхожденіе и цѣнность документовъ. Наконецъ, въ писаніи онъ искалъ, кромѣ текста, еще нѣчто другое—вдохновеніе. Слѣдуя по этому пути, даже независимо отъ новаго на Руси, а иногда и глубокаго взгляда на религіозную жизнь, онъ долженъ былъ выработать новый идеалъ монастырской жизни. Идеалъ заключался не въ точномъ исполненіи внѣшнихъ обрядовъ, а во внутреннемъ духовномъ перерожденіи. Отсюда стремленіе къ отшельническому образу жизни, принятому здѣсь уже многими братьями, но особенно развившемуся подъ вліяніемъ Нила.

Нилъ Сорскій скоро сгруппировалъ вокругъ себя нѣсколько сотъ послѣдователей. Ихъ называли общимъ именемъ *заволжскихъ старцевъ*. Ихъ ученіе и примѣръ монастырской жизни сыграли значительную роль въ религіозномъ движеніи XVI вѣка. Почти полное отсутствіе устава; полная личная независимость; подчиненіе чисто моральнаго характера. Свободный выборъ матеріальныхъ условій и средствъ къ жизни; единственный опредѣленный въ этомъ отношеніи принципъ—бѣдность. Это и было причиной разрыва между Ниломъ Сорскимъ и Іосифомъ Волоцкимъ съ его школой; это именно и вызвало продолжительный споръ, шумъ котораго наполнялъ первые годы царствованія Грознаго и продолжался еще и послѣ его смерти.

Проблема монастырской собственности стояла между двумя лагерями. Можно догадаться, какое разрѣшеніе далъ ей Нилъ Сорскій. Итакъ, другъ передъ другомъ стали *нестяжатели* и любостяжатели, т.-е. противники и сторонники собственности. Нилъ былъ осужденъ на соборѣ въ 1503 г., впрочемъ онъ только долженъ былъ вернуться въ свою пустынь. Но вопросъ продолжалъ волновать умы и обсуждался въ литературѣ. Идеи отшельника были восприняты и блестяще поддержаны другимъ монахомъ, хотя казалось бы и менѣе подходящимъ для ихъ защиты. Проис-

ходя отъ Гедимина, будучи въ родствѣ съ царствующимъ домомъ, Вассіанъ Косой, въ мірѣ князь Василій Ивановичъ Патрикѣевъ-Косой, оставался даже подъ клобукомъ свѣтскимъ человѣкомъ. Государственный дѣятель и дипломатъ, онъ надѣлъ рясу въ 1499 г. по принужденію, впавъ въ царскую немилость послѣ блестящей карьеры. Прежнія отношенія связывали его съ міромъ свободныхъ мыслителей, чуть ли не еретиковъ, а вынужденное пребываніе его на Бѣлоозерѣ сблизило его съ Ниломъ Сорскимъ. Призванный снова въ Москву на соборъ 1503 г., онъ смѣло сталъ на сторону нестяжателей и проявилъ въ служеніи ихъ дѣлу ловкость и энергію, чего не доставало волоцкому отшельнику. Литературный талантъ, обнаруженный имъ, поставилъ его въ первые ряды малочисленныхъ въ то время публицистовъ на Руси, хотя онъ былъ только лишь истолкователемъ чужихъ идей. По смерти Нила Сорскаго Вассіанъ нашелъ сподвижника въ лицѣ Максима Грека, который былъ приведенъ своей работой по исправленію книгъ къ установленію другихъ причинъ нравственной порчи. Въ пылу полемическихъ споровъ съ мѣстными или иноземными еретиками онъ дошелъ въ этомъ частномъ вопросѣ о собственности до того, что сталъ какъ бы эхомъ гусситовъ. Іосифъ Волоцкій уже послѣдовалъ за Ниломъ Сорскимъ въ могилу (1515), но его сторонники, *Іосифляне*, какъ ихъ называли, прочно держались. На соборѣ въ 1525 г. Максимъ Грекъ въ свою очередь подвергся осужденію. Этому способствовали нѣкоторыя ошибки въ его переводахъ. Методъ его былъ недостаточно научнымъ, русскій языкъ онъ зналъ плохо и легко могъ допустить неточности въ своей работѣ. Въ Волоцкомъ монастырѣ онъ встрѣтился съ Вассіаномъ Косымъ, также осужденнымъ и сосланнымъ сюда (1531 г.). Остатокъ своихъ дней Максимъ Грекъ провелъ въ монастырскомъ заточеніи. „Лобызаемъ ваши цѣпи, но ничего не можемъ сдѣлать для васъ“, писалъ ему митрополитъ Макарій, лучшій дипломатъ, чѣмъ Вассіанъ, и достаточно ловкій для того, чтобы выдержать двусмысленную роль между двумя лагерями.

Но борьба продолжалась и росла. Между осужденными въ 1531 г. находился и Троицкій игуменъ Артемій. Въ ученіи *іосифлянъ* онъ отвергалъ требованіе смерти для еретиковъ и такимъ образомъ приближался къ *заволжскимъ старцамъ*. „Мы не должны судить этихъ несчастныхъ, а только молиться за нихъ“, писалъ одинъ изъ этихъ отшельниковъ. Либеральное вѣяніе неожиданно обнаружилось даже въ этой средѣ. Впрочемъ, Артемій и его ученики соприкасались съ протестантскимъ движеніемъ, быстро распростра-

нявшимся въ Польшѣ. Другіе же противники оффиціальной церкви, скоро узнавшіе всю силу ея преслѣдованія, Матвѣй Башкинъ и Ѳедоръ Косой, склонялись въ сторону современнаго имъ раціонализма, принимая однако нѣкоторыя черты ученія волоцкаго отшельника.

Такимъ образомъ эта русская реформація шла въ различныхъ направленіяхъ. *Заволжскіе старцы*, какъ и „іосифляне" видѣли единственное средство только лишь въ религіозной перестройкѣ. Сектанты же, въ родѣ Артемія, стремились совершить революціонное, разрушительное дѣло. Къ чисто религіознымъ спорамъ примѣшивался и политическій элементъ. Іосифъ Волоцкій былъ консерваторомъ даже въ вопросѣ объ отношеніи Церкви къ государству. По его мнѣнію, государство должно было служить интересамъ Церкви, требуя отъ нея за это абсолютнаго подчиненія. Основывая свое матеріальное благосостояніе на привилегированномъ владѣніи землей, монастыри получали характеръ государственнаго учрежденія, и они становились центромъ и питомникомъ духовной аристократіи. Московское самодержавіе, вѣроятно, до нѣкоторой степени было обязано своимъ утвержденіемъ этой доктринѣ, поддержанной имъ. Заволжскіе старцы придерживались по этому вопросу другихъ мнѣній. Что касается лично Нила Сорскаго, то онъ имъ вовсе не интересовался. Ему этотъ вопросъ былъ совершенно чуждымъ, онъ даже для него не существовалъ съ его чисто христіанской точки зрѣнія. Его моральные принципы мирились со всякой формой политической жизни. Но у Вассіана Патрикѣева была другая забота. Онъ не могъ забыть своего происхожденія и родовитости; подчиненіе политической безграничной и безконтрольной власти возмущало его аристократическую душу. Онъ употреблялъ всѣ свои личныя средства и престижъ, пріобрѣтенный имъ въ своей партіи, на подкрѣпленіе оппозиціи, съ которой самодержавіе боролось до тѣхъ поръ, пока объединенная Москва не сломила ее желѣзной рукой Грознаго.

Всѣ только что указанные мной элементы приняли участіе въ борьбѣ, почему я и старался опредѣлить ихъ характеръ. Побѣда оффиціальной церкви и абсолютизма втоптала въ землю и потопила въ крови благородные зародыши, существованіе которыхъ въ темныхъ глубинахъ національной исторіи обнаруживается въ мрачной и скорбной судьбѣ нѣкоторыхъ мало извѣстныхъ героевъ. Зародыши эти еще подъ землею и едва показываются. Жатва еще далеко. Но въ египетскихъ усыпальницахъ хлѣбныя зерна хранились тысячи лѣтъ и не погибли. Какъ хорошо знать

и какъ утѣшительно думать, что въ глубинѣ, подъ пылью вѣковъ, заложены прошлымъ плодотворныя сѣмена, ожидающія своего часа...

Чтобы выяснить условія, среди которыхъ разыгрывалась драма, на которую я намекалъ. и которая составляетъ главный предметъ этой книги, мнѣ остается указать читателю на одну сторону національной жизни, уже не разъ затронутую мной на предыдущихъ страницахъ, но требующую болѣе подробнаго описанія.

ГЛАВА IV.

Нравы.

I. Внѣшній видъ и моральная сторона.—II. Женщина.—III. Семья.— IV. Общество.

I.

Внѣшній видъ и моральная сторона.

Завоеватели XIII вѣка не мѣшали культурному развитію Руси. Напротивъ, они сами, до нѣкоторой степени, передали ей свою цивилизацію. Взгляните на москвича XVI вѣка: онъ кажется съ ногъ до головы одѣтъ по-самаркандски. *Башмакъ*, *азямъ*, *армякъ*, *зипунъ*, *чебыги*, *кафтанъ*, *очкуръ*, *шлыкъ*, *башлыкъ*, *колпакъ*, *клобукъ*, *тафья*, *темлякъ*—таковы татарскія названія различныхъ предметовъ его одѣянія. Если, поссорившись съ товарищемъ, онъ станетъ ругаться, въ его репертуарѣ неизмѣнно будетъ фигурировать *дуракъ*, а если придется драться, въ дѣло пойдетъ *кулакъ*. Будучи судьей, онъ надѣнетъ на подсудимаго *кандалы* и позоветъ *ката* дать осужденному *кнута*. Будучи правителемъ, онъ собираетъ налоги въ *казну*, охраняемую *карауломъ* и устраиваетъ по дорогамъ станціи, называемыя *ямами*, которые обслуживаются *ямщиками*. Наконецъ, вставъ изъ почтовыхъ саней, онъ заходитъ въ *кабакъ*, замѣнившій собой древнюю русскую *корчму*.

И всѣ эти слова азіатскаго происхожденія. Въ этомъ безъ сомнѣнія есть знаменательное указаніе, хотя и относится только къ внѣшней формѣ. Но гораздо важнѣе то, что извѣстная примѣсь монгольской крови способствовала такой быстрой и покорной ассимиляціи. Въ какой именно мѣрѣ? Опредѣлить трудно. Русскихъ документовъ, касающихся этого вопроса, нѣтъ, а показанія иностранныхъ путешественниковъ противорѣчивы.

„Настоящіе московскіе уроженцы“, пишетъ Вижнеръ, „обыкновенно небольшого роста, но хорошо сложены, крѣп-

ки и сильны, съ очень бѣлымъ лицомъ, зелеными глазами и длинной бородой, короткими ногами и порядочнымъ брюшкомъ". За исключеніемъ послѣдней черты, отмѣченной большинствомъ свидѣтелей, этотъ портретъ очень напоминаетъ описаніе рыжей служанки постоялаго двора. Пеeръ Персонъ, или Петреусъ, напротивъ, имѣлъ случай встрѣчать въ той же странѣ мужчинъ ростомъ въ шесть футовъ и женщинъ, приводившихъ его въ восхищеніе своими *черными* глазами, стройной таліей, тонкой шеей и узкими руками съ длинными пальцами. Эти глаза цвѣта агата были примѣчены также и Джекинсомъ. Что касается вопроса о цвѣтѣ лица, то онъ оказывается спорнымъ. Петреусъ считаетъ его бѣлымъ отъ природы, но очень испорченнымъ косметическими средствами, которыми прекрасныя москвички пользовались безъ всякаго стѣсненія, употребляя ихъ не только для лица и шеи, но и для глазъ и зубовъ, Флетчеръ же приписываетъ употребленіе этихъ средствъ несовершенству естественной окраски.

Чтобы оправдать и тѣхъ и другихъ наблюдателей, нужно добавить, что они плохо приглядѣлись, такъ какъ предметы ихъ наблюденій не давали себя хорошо разсмотрѣть, женщины за стѣнами своихъ теремовъ, а мужчины, по крайней мѣрѣ, изъ высшаго класса, во множествѣ облекавшихъ ихъ одеждъ. Флетчеръ ихъ насчитываетъ поразительное множество. Мужская одежда состояла изъ слѣдующихъ предметовъ: прежде всего *тафья*, маленькая шапочка, покрывавшая совершенно выбритую голову. Волосы отращивались только въ знакъ траура или немилости. Тафья у вельможъ была изъ парчи, украшена жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Поверхъ нея надѣвалась большая шапка, въ видѣ тіары, въ персидскомъ вкусѣ. Шапка отдѣлывалась дорогимъ мѣхомъ чернобурой лисицы. Рубашка безъ воротника оставляла шею открытой, но ее украшало широкое, пальца въ три-четыре, дорогой работы колье. Рубашка дѣлалась изъ красивой матеріи и покрывалась вышивкой. Лѣтомъ она служила домашней одеждой. Зимой же поверхъ нея надѣвали легкую обыкновенно шелковую, застегивавшуюся спереди и спускавшуюся до колѣнъ одежду. Затѣмъ надѣвался *кафтанъ*, длинная узкая одежда, спускавшаяся до щиколотки. Дѣлался онъ иногда изъ парчи. Кафтанъ перетягивался поясомъ, на которомъ висѣли кинжалъ и ложка.

Потомъ надѣвалась вышитая спереди, широкая и еще длиннѣе кафтана *однорядка*, шелковой матеріи, съ мѣховой опушкой. Наконецъ, для выходовъ еще *охабень*...

Я избавлю читателя отъ описанія другихъ разновидно-

стей костюма—*ферязи*, *кунтуша*, дополненіемъ къ которымъ служили высокіе сафьяновые сапоги, также вышитые жемчугомъ и драгоцѣнными камнями.

Нечего и говорить, что женскій гардеробъ былъ еще сложнѣе. Общей чертой являлась роскошь и обиліе одеждъ. Черная или красная шелковая сѣтка на волосахъ лѣтомъ прикрывалась тонкимъ батистовымъ, вышитымъ жемчугомъ платкомъ, завязывавшемся подъ подбородкомъ, зимой шапкой изъ золотой парчи, усѣянной жемчугомъ и дорогими камнями, съ опушкой изъ красиваго мѣха. Широкое платье—*опашня*, обыкновенно пурпуроваго цвѣта, съ длинными до земли рукавами. Затѣмъ невѣроятное множество одеждъ, надѣвавшихся одна на другую—тутъ были и широкія, и узкія, изъ парчи и изъ шелку. Однѣ усѣяны камнями, другія подбиты мѣхомъ. Потомъ еще цѣлый ларецъ браслетовъ, ожерелій, разнаго рода украшеній. Обутая въ башмаки изъ бѣлой, желтой или голубой кожи, также вышитые жамчугомъ, знатная москвичка съ трудомъ могла держаться на ногахъ подъ этой грудой сокровищъ.

Таковъ былъ гардеробъ знати. Одежда же народа была гораздо проще. У мужчинъ рубашка и пара сапогъ лѣтомъ; женщины же изъ скромности надѣвали двѣ рубашки. Зимой одежда изъ бѣлаго или синяго сукна, спускавшаяся ниже колѣнъ и овчинный полушубокъ. Къ этому еще прибавьте крестъ на шеѣ у женщинъ и въ ушахъ серги въ видѣ колецъ изъ какого-нибудь металла, вотъ и все.

Благодаря вліянію аскетическихъ идей, религія и скромность играли важную роль въ установленіи деталей женскаго туалета. Даже излишнее употребленіе косметики можно объяснить стремленіемъ получше спрятать то, чего не слѣдуетъ показывать. Хотя все дѣлалось для Бога, но и дьяволъ не лишался вполнѣ своихъ правъ. Не одинъ только *Домострой* давалъ наставленія выбирать головныя уборы и драгоцѣнные камни—рубины, изумруды, чтобы усилить выраженіе и блескъ лица.

Была ли въ самомъ дѣлѣ эта одежда съ татарскими названіями заимствована отъ татаръ? Любопытно, что Флетчеръ этого даже не подозрѣвалъ, онъ полагалъ, что современные ему русскіе носили одежду греческаго происхожденія. Одежда московскихъ государей, конечно, была скорѣе византійской, чѣмъ самаркандской. Всѣ европейскіе государи въ болѣе древнія времена одѣвались такъ. Безъ сомнѣнія, румяна и бѣлила, пользовавшіяся такимъ почетомъ у московскихъ щеголихъ, были византійскаго происхожденія. Это подарокъ Ольги, жены Игоря. Отправ-

ляясь въ Константинополь въ 955 г., княгиня взяла съ собой многочисленную женскую свиту, которая не теряла даромъ времени на берегахъ Босфора. Для Европы среднихъ вѣковъ Константинополь замѣнялъ современный намъ Парижъ, былъ столицей изящной роскоши. Покрывая зубы чернымъ лакомъ и придавая какимъ-то неизвѣстнымъ намъ способомъ черную окраску даже бѣлку глаза, русскія женщины занимались скорѣе какой-то примитивной татуировкой, нежели подражали въ этомъ дѣлѣ тонкому искусству греко-римскихъ щеголихъ. Но и въ этомъ надо видѣть, безъ сомнѣнія, слѣдствіе того грубаго искаженія, которому искусство во всѣхъ своихъ формахъ подвергалось въ этой странѣ. Кокетство здѣсь какъ бы стремилось проявить идеалъ красоты, изображенной въ народной поэзіи: „Лицо бѣло, какъ снѣгъ, глаза съ поволокой"...

Съ береговъ Босфора спутницы Ольги привезли на Русь если не *кику*, то, по крайней мѣрѣ, ту разновидность этого головного убора, которую потомъ носили московскія государыни вмѣстѣ съ *вясями*, длинными жемчужными нитями, спадавшими съ обѣихъ сторонъ на плечи. Этотъ головной уборъ встрѣчался въ древнихъ греческихъ колоніяхъ на берегу Чернаго моря, и на евангеліи X вѣка, хранящемся въ библіотекѣ Гота, императрица германская Теофанія и сынъ ея Оттонъ III изображены въ костюмахъ, близко напоминающихъ одежду московскихъ бояръ и боярынь XVI вѣка.

Итакъ, названія здѣсь не вполнѣ соотвѣтствуютъ сущности вещей. Это свойство всѣхъ завоеваній: они создаютъ часто иллюзорныя явленія, захватъ ихъ остается эфемернымъ и поворхностнымъ. Что касается русской женщины изучаемой нами эпохи, то объясненіе ея сущности и внѣшняго вида нужно искать въ Византіи. Византійскій аскетизмъ господствуетъ надъ русской женщиной и охватываетъ ее всю. До тѣхъ поръ, пока она еще растетъ, онъ оставляетъ нѣкоторую свободу развиваться ея тѣлу и расцвѣтать ея красотѣ, но какъ только она выйдетъ замужъ, она должна навсегда скрыть отъ чужихъ глазъ свою красоту, принадлежащую теперь всецѣло одному только мужу. Волосы замужней женщины должны быть покрыты и фигура ее закутана множествомъ пышныхъ и широкихъ платьевъ. Поясъ можетъ она надѣвать только на *сорочку*, домашнее платье, въ которомъ она не должна показываться предъ посторонними. Но по странному противорѣчію, обычному въ подобнаго рода понятіяхъ, поясъ считается обязательнымъ при сорочкѣ, и отсутствіе его считается въ высшей степени неприличнымъ. Очень часто свѣтскія приличія смѣшивались съ религіозными условностями. Пышность

одежды соотвѣтствовала тѣлосложенію. Праздность и отсутствіе движенія, общія какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ высшаго класса, способствовали тому, что мужчины становились толстыми, пузатыми, а женщины прежде времени заплывали жиромъ. Черта эта, ассоціируемая съ представленіемъ о роскощной жизни, въ свою очередь становится элементомъ красоты, цѣнимой до сихъ поръ еще среди петербургскихъ кучеровъ и московскихъ купцовъ. Но не относитесь съ презрѣніемъ къ женскимъ прелестямъ, плѣнявшимъ современниковъ Ивана Грознаго. Несмотря на свою чрезмѣрную полноту и на неграціозное накопленіе одежды, москвичка XVI в. занимаетъ почетное мѣсто въ *Gynaeceum* или *Theatrum mulierum* Іоста Аммана (1586 г.): *„Qualem vix similem Gallia culta dabit!“* Съ другой стороны, любовь къ украшеніямъ, культъ личной красоты и забота о ней были въ ту эпоху проявленіемъ эстетическаго чувства у варварскаго еще народа и стремленія къ высшимъ формамъ культурной жизни. Не забывайте, что эти богато одѣтые люди жили въ лачугахъ. Не скрою отъ васъ, что ложка, которую они носили на поясѣ, служила имъ при ѣдѣ горячей жидкой пищи, для остального же они пользовались собственными пальцами. Несмотря на свою блестящую наружность, они оставались и физически и морально грубыми. Но таковъ обычный ходъ цивилизаціи—исходя отъ простого *я*, культивируемаго и облагораживаемаго, человѣкъ постепенно приближается къ болѣе полному общему совершенству.

Перейдемъ къ моральной сторонѣ. Отзывы на этотъ счетъ болѣе согласны. Они не могутъ быть названы похвальными, но иного мы не могли и ожидать. Фикція существованія высокой нравственности на низкой ступени культурнаго развитія исторіей опровергается. Но въ упомянутыхъ свидѣтельствахъ нужно считаться, съ одной стороны, съ ихъ иностраннымъ происхожденіемъ, а съ другой —съ вѣроятнымъ нерасположеніемъ авторовъ. Черты, которыя они главнымъ образомъ отмѣчаютъ — заносчивость, плутовство, недовѣрчивость и недобросовѣстность. Наивные москвичи считаютъ себя выше всѣхъ другихъ людей. Они щедро раздаютъ обѣщанія, которыхъ вовсе и не думаютъ выполнять. Между ними самими абсолютное отсутствіе довѣрія. Отецъ остерегается сына, сынъ не довѣряетъ матери, и безъ залога никто не дастъ въ займы ни одной копѣйки. Это отмѣчаютъ нѣмцы Бухау и Ульфельдъ, шведъ Персонъ и литвинъ Михалонъ. Бѣда въ томъ, что ихъ слова подтверждаются англичанами Флетчеромъ и Дэлекинсомъ: „Можно сказать по справедливости... что отъ мала до ве-

лика, за крайне рѣдкими исключеніями, русскіе не вѣрятъ тому, что имъ говорятъ, и сами не заслуживаютъ ни малѣйшаго довѣрія“. Можно считать эти отзывы наиболѣе справедливыми, такъ какъ они высказаны представителями націи, пользовавшейся въ то время наибольшими привилегіями на Руси. Но они идутъ еще дальше и отмѣчаютъ черту, на которую я уже указывалъ—это жестокость. Флетчеръ, правда, извиняетъ ее, поясняя: „Народъ, съ которымъ обращаются сурово и жестоко правители и высшіе классы, становится самъ жестокимъ съ равными себѣ и особенно съ болѣе слабыми“... Это явленіе, наблюдаемое въ исторіи среди всѣхъ варваровъ, но въ этомъ краѣ въ болѣе сильной степени. Здѣсь даже климатъ мало располагаетъ людей къ мягкости. Напрасно національные историки въ данномъ случаѣ старались свалить всю вину на монгольское нашествіе, которое будто бы испортило нравы, развратило народъ, пріучило его къ насилію и лукавству. Еще за два вѣка до нашествія татаръ старая кіевская Русь была уже въ огнѣ и крови, благодаря мѣстной борьбѣ, продолжавшейся здѣсь до зари новаго времени. Она-то и была орудіемъ растлѣнія нравовъ. Война была жестока по существу. Ея собственные законы противорѣчатъ всѣмъ кодексамъ и евангеліямъ. Ей чужда какая бы то ни была честность. Лукавство становится заслугой, а насиліе добродѣтелью. Не татары внесли въ эту страну вѣковую анархію, а соотвѣтствующій западно-европейскому рыцарству, хотя и не равноцѣнный съ нимъ, разбой, опоэтизированный легендами, воспѣтый національными баянами, воплощенный въ народныхъ герояхъ. Въ одной изъ *былинъ*, выводящихъ на сцену Ивана IV, мы находимъ на ряду съ разсказомъ о разбойникахъ образецъ идей, сложившихся подъ вліяніемъ предшествовавшихъ особыхъ историческихъ условій. Передъ судомъ юноша; ему грозитъ *правежъ*. Мимо проходитъ государь и спрашиваетъ, въ чемъ дѣло. Обвиняемый похитилъ чью-то казну. Юноша объясняетъ. Казна находилась въ рукахъ шайки разбойниковъ. Смѣльчакъ напалъ на нихъ и отбилъ ее, а потомъ пропилъ ее по кабакамъ съ бродягами всего края. Государь не колеблется: герой такого приключенія заслуживаетъ не наказанія, а награды за храбрость и щедрость. Отдается правителямъ приказъ наградить его щедро, и народъ въ восторгѣ. Душевное свойство, проявляющееся здѣсь, не есть специфическій признакъ какой-нибудь азіатской или европейской націи, а прямое слѣдствіе ненормальнаго развитія народа, находящагося на переходной ступени.

Въ шестнадцатомъ вѣкѣ на русскіе нравы, покрывшіеся,

какъ мы видѣли, легкимъ монгольскимъ налетомъ, налагаетъ свой отпечатокъ ближайшій Востокъ—Византія. Но въ это время ея вліяніе вызываетъ энергичную реакцію. Подъ непомѣрно тяжелымъ и стѣснительнымъ гнетомъ аскетизма физическая и моральная природа возстаетъ и возмущается, Она напрягается и рвется наружу, сбрасывая путы въ вихрѣ разнузданныхъ инстинктовъ. Создаются крайности другого характера—отвратительные пороки, развратъ. Женщины забываютъ всякій стыдъ, вырвавшись изъ своихъ теремовъ. Подобныя явленія выдѣляются на фонѣ семейной и общественной жизни. Они привлекаютъ вниманіе наблюдателей и подвергаются общему строгому осужденію, которое слѣдуетъ провѣрить. Русская женщина подверглась ему въ особенности. Она, по свидѣтельству иностранныхъ моралистовъ, чудовище. Слѣдуетъ взглянуть на нее поближе.

II.

Женщина.

Въ образованіи условій, созданныхъ законодательствомъ и обычаемъ и выпавшихъ на долю подруги мужчины, вліяніе расы не имѣло никакого значенія.

Теремъ, какъ теперь извѣстно, не азіатскаго происхожденія. Подъ татарскимъ названіемъ легко узнать грекоримскій гинекей, передѣланный по византійскому образцу. Славянскій міръ вообще не можетъ быть обвиняемъ въ стремленіи поработить женщину, напротивъ, онъ готовъ былъ упрочить за ней привилегированное положеніе. Въ этомъ пунктѣ большинство славянскихъ законовъ не согласуется съ римскими, германскими или скандинавскими: въ нихъ не отводится мѣста опекѣ надъ женщиной родственника-мужчины, она не низводится на степень вещи, которой можно распоряжаться. На Руси, по закону Ярослава, штрафъ за убійство, *головничество*, былъ больше, когда убитой оказывалась женщина. Женщина, какъ и мужчина, пользуется равными юридическими правами до Судебника Ивана IV. Въ 1557 году Иванъ Грозный рѣшилъ посягнуть на этотъ принципъ и объявилъ недѣйствительнымъ правило, по которому женщина могла завѣщать мужу управленіе своимъ состояніемъ. „Что мужъ прикажетъ, то жена и напишетъ“, говорятъ сторонники новаго закона. Но и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ простымъ признаніемъ факта, и съ предосторожностью, сдѣланной скорѣе въ интересахъ женщины, чѣмъ для лишенія ея правъ.

Славянская Ева даже на русской почвѣ до нѣкоторой степени торжествовала. Было ли это, какъ думаетъ ученый историкъ славянскихъ законодательствъ Мацѣевскій, связано съ ея участіемъ въ жертвоприношеніи въ первоначальныхъ славянскихъ общинахъ, или создалось по другимъ причинамъ, фактъ остается фактомъ. Византія наложила на это русское явленіе печать своихъ собственныхъ понятій, заимствованныхъ главнымъ образомъ изъ языческихъ ученій. Константинопольскіе компиляторы хорошо усвоили афоризмъ, приписываемый Солону: „Мудрецъ ежедневно благодаритъ боговъ за то. что они создали его грекомъ, а не варваромъ, человѣкомъ, а не животнымъ, мужчиной, а не женщиной". Они приняли къ свѣдѣнію мысль Аристотеля, что гражданамъ предоставляется полная власть надъ дѣтьми, рабами и женщиной. Они искусно перемѣшали эти мнѣнія съ христіанскими понятіями о происхожденіи грѣха и проклятія.

„Что такое женщина?" читаемъ мы въ одномъ древнемъ поученіи, попавшемъ на Русь съ Востока,—„это сѣть для мужей. Своимъ свѣтлымъ лицомъ и глазами она производитъ чары... Что такое женщина?"—„Гнѣздо ехидны". Ева византійскаго міра—существо „двѣнадцать разъ нечистое" и всегда опасное. Въ нѣкоторые дни нужно избѣгать сидѣть вмѣстѣ съ ней за однимъ столомъ, Даже мясо убитаго ею тогда животнаго бываетъ ядовито. Поэтому въ деревняхъ московскаго государства можно было видѣть въ XVI в. хозяекъ, ищущихъ кого-нибудь, кто бы согласился зарѣзать предназначенную въ супъ курицу. Чѣмъ женщина моложе и красивѣе, тѣмъ она опаснѣе и больше заслуживаетъ проклятія. Поэтому для изготовленія просфоръ берутъ только старыхъ женщинъ.

Чтобы уменьшить зло, чтобы удалить опасность, женщину держатъ взаперти. „Сидитъ она за двадцатью семью замками, заперта на двадцать семь ключей, чтобы вѣтеръ не вѣялъ на нее, чтобы солнце не жгло ея бѣлаго лица, чтобы лихой молодецъ не увидѣлъ ее"... Что касается женщинъ высшаго класса, то перечисленныя въ народной пѣснѣ предосторожности, буквально примѣняются къ нимъ. Помѣщеніе боярыни находится въ глубинѣ дома. Въ него ведетъ особый входъ, ключъ отъ котораго находится у боярина. Это своего рода тюрьма. Сюда не можетъ проникнуть никакой мужчина, хотя бы онъ былъ самымъ близкимъ родственникомъ. Окна женскаго помѣщенія выходятъ во дворъ, обнесенный высокимъ заборомъ и защищенный такимъ образомъ отъ нескромныхъ взглядовъ. Обыкновенно тамъ имѣлась часовня или молельня, гдѣ женщина мо-

лилась. Въ церковь она ходила только въ большіе праздники, и при этомъ ее окружаютъ большими предосторожностями. Она выѣзжаетъ въ закрытомъ экипажѣ, напоминающемъ монастырскую карету. Окна дверецъ въ немъ вмѣсто оконъ затянуты пузыремъ, чрезъ который путешественница видитъ извнутри все, сама же остается невидимой. Ее обыкновенно сопровождаетъ маленькій отрядъ слугъ-полупажей, полушпіоновъ. Большинство изъ нихъ никогда въ жизни не увидятъ лица своей такъ усердно оберегаемой госпожи. Это и самимъ друзьямъ ихъ хозяина удается очень рѣдко. По правилу жена не должна была показываться предъ гостями мужа. Но дѣлалось исключеніе, когда хотѣли оказать особое почтеніе избраннымъ гостямъ. Среди пира происходила церемонія, на которой какъ бы отразились Рыцарскія понятія Запада. По знаку хозяина боярыня спускалась по лѣстницѣ изъ своего терема, одѣтая въ лучшіе свои наряды, съ золотымъ кубкомъ въ рукѣ. Коснувшись его своими губами, она потомъ подавала его каждому гостю. Затѣмъ становилась на почетное мѣсто и принимала отъ нихъ поцѣлуи.

Все это было въ обычаѣ, конечно, только въ высшемъ аристократическомъ общества. Внѣ этого класса теремъ для женщины не казался такимъ необходимымъ, опасность не представлялась такой сильной. Простая женщина была рабочимъ животнымъ. Ей можно было безо всякихъ предосторожностей и опасеній предоставить хлопоты по хозяйству, мыть бѣлье на рѣкѣ и работать въ полѣ. Въ среднемъ классѣ теремъ сохранялъ еще до нѣкоторой степени свой характеръ. Но жены мелкихъ дворянъ, купцовъ и крестьянъ въ большіе праздники толпились на улицахъ у качелей и вертящихся колесъ, доставлявшихъ имъ большое удовольствіе. Дамы высшаго класса имѣли ихъ у себя во внутреннемъ дворѣ. Послѣ качелей женщины собирались на какомъ-нибудь лугу для танцевъ.

Хореографія того времени была, кажется, мало развита и отличалась монотонностью. Плясуньи кружились на одномъ мѣстѣ, притопывали ногами, поводили плечами, шевелили бедрами, качали головой, подмигивая бровями, помахивали платочками. Все это сопровождалось пѣснями и рѣзкой музыкой какого-нибудь скомороха. Персонъ усматривалъ въ этихъ забавахъ кое-какія несовсѣмъ невинныя подробности. Онъ слышалъ также пѣсни на довольно неприличныя темы.

Здѣсь также проявляется неизбѣжное слѣдствіе слишкомъ строгаго религіознаго закона. Церковь запрещала самыя невинныя пляски и разнаго рода увеселенія и удо-

вольствія. Такимъ путемъ старались закрыть дверь передъ дьяволомъ, но онъ влѣзалъ въ окно. Общія бани давали мѣсто большимъ безчинствамъ. Казалось, оба пола были тамъ совершенно разобщены. Но выйдя изъ парового отдѣленія, голые мужчины и женщины, покрытые потомъ, разгоряченные высокой температурой и вѣниками, встрѣчались у выхода; здѣсь они безъ стѣсненія вступали въ дружелюбные разговоры между собою, бросались вмѣстѣ въ рѣку или валялись по снѣгу. Раздавались крики, шутки и прибаутки, характеръ которыхъ не трудно угадать. Аскетическій режимъ находилъ здѣсь свой грязный стокъ.

Только вдова, имѣвшая сыновей, почти всецѣло избавлялась отъ этого режима. Въ семейной, общественной и даже государственной жизни она пользовалась полной независимостью и равными съ мужчиной правами. Напротивъ, если не имѣла мужского потомства, она попадала въ разрядъ сиротъ и убогихъ, опекаемыхъ церковью и совершенно заброшенныхъ обществомъ. Такимъ образомъ исключеніе подтверждало правило. Женщина была существомъ проклятымъ во имя аскетическаго идеала, но она могла возвыситься до него путемъ добродѣтелей, становясь святой. Но этотъ путь, очевидно, былъ для нея чрезвычайно труденъ, такъ какъ *Четьи-Минеи* Макарія содержатъ описаніе жизни только двухъ женщинъ. Русскіе авторы житій святыхъ чуть ли не питали презрѣнія къ этимъ рѣдкимъ избранницамъ, признаннымъ даже Церковью. Слава святой Ольги и Евфросиніи, жившихъ въ X и XII вѣкѣ, нашла своихъ историковъ только лишь въ XV вѣкѣ. А вѣдь онѣ были княгинями!

У тѣхъ, кто не могъ достигнуть подобныхъ вершинъ, былъ еще одинъ исходъ: міръ сверхъестественныхъ силъ, которымъ народное воображеніе приписываетъ такую важную роль въ человѣческой жизни. Стоящая внѣ общества и презираемая какъ жена и мать, женщина, словно колдунья и ворожея, вызывала страхъ и уваженіе къ себѣ. Она стала царицей въ волшебномъ мірѣ суевѣрій. Поэтому въ расколѣ, гдѣ суевѣрію отведено много мѣста, женское начало проявляется снова, пріобрѣтаетъ свои привилегіи и выступаетъ на первый планъ.

III.

Семья.

Въ высшихъ классахъ воспитаніе дѣтей обыкновенно не предоставлялось матери. Церковь налагала свое запреще-

ніе, какъ на материнскую, такъ и на сыновнюю любовь. Оставался бракъ. Но выйти замужъ не значило, что дѣвушка выберетъ юношу, который былъ бы ей по сердцу и которому бы она нравилась. За исключеніемъ вторичнаго брака, свадьба была дѣломъ родителей, обыкновенно вовсе не заботившихся о согласіи дѣтей, тѣмъ болѣе, что въ бракъ вступали часто слишкомъ рано. Достаточнымъ возрастомъ считалось 12 лѣтъ для дѣвушки и 14 для юноши. До вѣнца, до порога спальни супруги могли, или скорѣе даже должны были, оставаться совершенно неизвѣстными другъ другу. Мужъ въ особенности не долженъ былъ видѣть жену до послѣдней минуты. Чтобы избѣжать слишкомъ непріятныхъ неожиданностей, родственница жениха брала роль *смотрительницы*. Ее вводили въ горницу, убранную соотвѣтственно этому случаю. Невѣста помѣщалась за пологомъ, который на время раздвигался. Случалось часто, что невѣсту подмѣнивали. Въ такихъ случаяхъ обманутый мужъ могъ принесть жалобу въ судъ, требовать разслѣдованія дѣла и расторженія брака. Но обыкновенно это достигалось другимъ путемъ: мужъ заставлялъ жену дурнымъ обращеніемъ постригаться въ монахини. Въ исключительномъ случаѣ, когда сватовство считалось лестнымъ для невѣсты, жениху разрѣшалось самому лично производить *смотрины*; но если онъ послѣ этого отступалъ, то этимъ наносилъ сильное оскорбленіе и долженъ былъ за него платить значительную сумму.

Послѣ *смотринъ* производилась другая церемонія—*сговоръ*, во время котораго велись споры и заключались условія. Иногда при этомъ требовалось, чтобы приданное, уплачивавшееся до XVI вѣка женихомъ, было выдано немедленно, откуда и пословица пошла: „Деньги на столъ, невѣста за столъ“. Но невѣста все еще не показывалась. Родные отъ ея имени послѣ сговора подносили жениху кое-какіе мелкіе подарки.

Свадьба сопровождалась сложными обрядами, символически изображавшими вступленіе въ новую жизнь. Они напоминали обряды, совершавшіеся при вступленіи князя на престолъ. Два лица руководили ими. Они назывались *тысяцкимъ* и *ясельникомъ*. Тысяцкіе во времена удѣльной системы и вѣча несли важныя обязанности, на свадьбѣ же они распоряжались толпой парней и дѣвущекъ. *Ясельникъ* долженъ былъ предохранять участниковъ свадебной церемоніи отъ колдовства, такъ какъ этотъ случай считался особенно удобнымъ для дѣятельности злыхъ духовъ и колдуновъ.

Еще наканунѣ всѣ собирались въ домъ жениха. Онъ принималъ поздравленія, устраивалъ пиръ и въ свою оче-

редь посылалъ все еще отсутствующей невѣстѣ болѣе или менѣе великолѣпные подарки: ларчикъ съ кольцами, румяна, лакомства и—символическую плетку. Въ то же время *сваха* приготовляла брачную постель. Она прежде всего обходила весь домъ съ вѣткой рябины въ рукахъ, чтобы отвести порчу. Спальня новобрачныхъ устраивалась въ свѣтлицѣ, находящейся повыше надъ землей, чтобы не напоминала о могилѣ. Ее убирали коврами и мѣхами куницъ. Это считалось признакомъ богатства и комфорта. По угламъ комнаты ставили оловянные сосуды, наполненные жидкимъ медомъ. Наконецъ въ нее вносились съ необыкновенной торжественностью всѣ веобходимые предметы, впереди несли образа Спасителя и Божьей Матери. Постель обыкновенно устраивалась на деревянныхъ лавкахъ. На нихъ прежде всего ржаные снопы, количество которыхъ было различно, соотвѣтствовало званію молодыхъ и носило символическій характеръ. Затѣмъ поверхъ сноповъ стлали ковры, а на нихъ клали одну на другую перины. Въ ногахъ и головахъ ставили кадки съ пшеницей, рожью, ячменемъ и овсомъ. На другой день пиръ у жениха продолжался; для него изготовлялся *каравай.* На этотъ разъ для невѣсты приготовлялось мѣсто рядомъ съ женихомъ въ почетномъ углу за столомъ. Передъ нею стлали одну на другую три скатерти, ставили на нихъ солонку, клали бѣлый *калачъ* и сыръ. Женихъ въ сопровожденіи большого кортежа отправлялся за невѣстой. За нимъ несли *каравай* и свѣчи. Одинъ изъ *дружекъ* несъ *осыпало,* большое блюдо, наполненное хмѣлемъ — знакъ богатства и веселья, куньими мѣхами, шитыми золотомъ платками и деньгами, предназначенными для раздачи присутствующимъ. Подобная же процессія совершалась и у невѣсты, которая оставалась невидимой подъ густымъ покрываломъ. Двѣ подружки несли два блюда, на которыхъ лежалъ головной уборъ невѣсты, платки для подарковъ гостямъ и стоялъ наполненный смѣсью кубокъ меда и вина, употребленіе котораго сейчасъ будетъ объяснено.

Оба кортежа направлялись къ дому молодыхъ, и пиръ начинался молитвами, которыя долго читались попомъ. Обычай требовалъ, чтобы гости только для виду прикоснулись къ первому блюду, пока сваха не подымется со своего мѣста и не попроситъ у родителей разрѣшенія покрыть невѣстѣ голову уборомъ, который носили только замужнія женщины. Зажигались свѣчи, между женихомъ и невѣстой протягивался кусокъ тафты, на обоихъ концахъ которой было вышито по большому кресту. Сваха снимала съ невѣсты свадебное покрывало, погружала въ символическій

кубокъ гребень и проводила имъ по ея волосамъ; потомъ покрывала голову невѣсты сѣткой и *кикой*. Въ этотъ моментъ и въ то время, когда подружки обвѣваютъ куньими мѣхами молодыхъ, они по обычаю, державшемуся въ среднемъ классѣ, должны были прикасаться щеками къ раздѣлявшей ихъ тафтѣ. Передъ ними помѣщалось зеркало, и только теперь они могли разглядѣть черты лица другъ у друга. Въ это время одинъ изъ гостей подходилъ къ нимъ въ вывернутомъ шерстью наверхъ тулупѣ и желалъ имъ столько дѣтей, сколько волосковъ въ его шубѣ.

Затѣмъ слѣдовала раздача платковъ и другихъ предметовъ, бывшихъ на *осыпалѣ*, происходилъ обмѣнъ колецъ въ присутствіи попа и врученіе жениху отцомъ невѣсты эмблемы родительской власти. Это, конечно, была плетка. „Надѣюсь, что мнѣ она и не понадобится“, галантно говорилъ женихъ, но все же затыкалъ ее за поясъ. На этомъ пиръ прерывался. Отправлялись въ церковь. Дорогой пѣли, плясали, несмотря на присутствіе попа, и передъ его гнѣвными глазами скоморохи потѣшали кортежъ. Послѣ вѣнчанія иногда молодая кланялась своему мужу въ ноги и касалась лбомъ его сапога въ знакъ покорности; онъ покровительственнымъ жестомъ покрывалъ свою избранную подругу полой своей одежды. Иногда попъ давалъ новобрачнымъ чашу, они три раза касались ея губами, послѣ чего бросали ее на землю, и каждый изъ нихъ старался первымъ наступить на нее. Если женщинѣ удавалось скорѣе наступить, то это служило предзнаменованіемъ, что она будетъ верховодить въ домѣ. При выходѣ изъ церкви происходили другія символическія церемоніи, напр., показывали видъ, что хотятъ разъединить молодыхъ, державшихся вмѣстѣ. Затѣмъ возвращались къ пиру. Новобрачной полагалось много плакать, къ чему ее располагали подруги жалобными пѣснями. Молодые не должны были прикасаться ни къ одному блюду до тѣхъ поръ, пока передъ гостями не появлялся лебедь, а передъ ними жареная курица.

Это было знакомъ идти въ опочивальню. И здѣсь еще больше, чѣмъ во всѣхъ предшествующихъ подробностяхъ, обнаруживается духъ мѣстнаго мистицизма и грубо-чувственные, наивно-циничные элементы. Первой отправляли въ спальню новобрачныхъ символическую курицу, въ сопровожденіи несшихъ свѣчи, каравай и всѣхъ присутсвующихъ на пиру. Свѣчи втыкали въ кадки, наполненныя зерномъ; молодыхъ проводили въ ихъ свѣтлицу съ новыми церемоніями и возвращались опять за столъ. Сваха въ это время помогала молодымъ раздѣться. Во время этой процедуры жена должна была снять мужу сапогъ въ знакъ

подчиненія. Въ одномъ изъ сапоговъ находилась монета. Если этотъ сапогъ удавалось снять первымъ, это служило хорошимъ признакомъ. Вступая въ отправленіе своихъ обязанностей, мужъ вынималъ изъ-за пояса символическую плетку и пускалъ ее въ ходъ съ принятой въ этомъ случаѣ предосторожностью. Наконецъ, супруги остаются одни, подъ охраной *ясельника*, который ходитъ пѣшкомъ или объѣзжаетъ на лошади вокругъ дома. Пиръ продолжается въ теченіи часа. Затѣмъ одна изъ подружекъ идетъ спрашивать новобрачныхъ. Если мужъ черезъ дверь скажетъ, что онъ здоровъ, то это значитъ, что все совершено ими хорошо. Гости тотчасъ шли въ свѣтлицу молодыхъ, чтобы накормить ихъ.

Курица была главнымъ блюдомъ въ этой ритуальной ѣдѣ, но къ ней прибавлялись и другія кушанья. Тутъ произносили тосты, поздравленія, потомъ укладывали молодыхъ и возвращались снова пировать.

На другой день церемонія продолжалась, совершалось обязательное посѣщеніе бани, послѣ чего молодая жена вручала своей свекрови доказательство своей невинности— брачную рубашку, которая должна была потомъ свято сохраняться. При царскихъ свадьбахъ придворные впервые могли видѣть лицо своей государыни, при этомъ конецъ ея покрывала подымалъ стрѣлой одинъ изъ знатныхъ бояръ. Теперь наступала очередь родныхъ невѣсты устраивать свадебный пиръ. Случалось, что они при этомъ подвергались несмываемому позору. Отецъ мужа подавалъ имъ кубокъ съ отверстіемъ въ донышкѣ, закрытомъ пальцемъ. Когда ему его наполняли виномъ или водкой, онъ отнималъ палецъ и жидкость разливалась. Это показывало, что молодая оказалась не такой, какой должна быть.

Въ продолженіи всѣхъ этихъ свадебныхъ торжествъ, новобрачная произносила только тѣ слова, какія требовались отъ нея по обычаю, она все время хранила молчаніе, что служило признакомъ хорошаго воспитанія. Напротивъ, ея подруги въ такихъ случаяхъ пользовались исключиной свободой, доходили нерѣдко до безумствъ, и самыя скромныя и чистыя изъ нихъ доходили до крайней распущенности. Проходили свадебные дни. Двери терема захлопывались и скрывали за собой судьбу молодой супруги.

Какова была ея судьба, легко себѣ представить. Домострой преувеличилъ суровость домашней обстановки, но она все же напоминаетъ монастырь. Въ чуть зажиточныхъ домахъ *крестовая комната*, увѣшанная вся отъ пола до потолка иконами, нѣсколько разъ въ день служила сборнымъ пунктомъ ихъ обитателей. Большія или маленькія событія

заставляли обращаться къ образамъ, почитавшимися наравнѣ съ мощами и другими священными предметами, какъ, напримѣръ, свѣчи, заженныя небеснымъ огнемъ въ Іерусалимѣ, частица камня. на которомъ стояла нога Христа. Но и по выходѣ изъ *крестовой* въ рукахъ оставались четки. Въ рукахъ затворницъ терема это орудіе молитвеннаго настроенія, обыкновенно художественной работы, освященное въ какомъ-нибудь особо чтимомъ мѣстѣ поклоненія, вродѣ Троицы, Соловковъ, Бѣлоозера,—пріобрѣтало характеръ прообраза ихъ существованія, протекавшаго пусто и однообразно среди чтенія *Отче нашъ*...

По утрамъ всѣ подымались рано, какъ простой народъ, такъ и представители высшихъ классовъ: лѣтомъ съ восходомъ солнца, зимой за нѣсколько часовъ до наступленія дня. Еще въ XVI в. часы считали по восточному: 12 часовъ дневныхъ и 12 ночныхъ. За норму принимали время равноденствія. Первому часу соотвѣтствовалъ нашъ седьмой часъ дня. Церковь распредѣляла свои службы по этому времени, къ ней примѣнялись и всѣ занятія, которыя для людей высшаго класса и состояли почти только въ посѣщеніи богослуженій вплоть до обѣда. Послѣ обѣда полагался обязательный отдыхъ. Даже купцы въ этотъ часъ прекращали свою работу и запирали лавки. Только на одной московской площади, носившей названіе „*вшивой площади*“, въ это время работали цырюльники, расправляясь съ пышными шевелюрами· Этотъ отдыхъ серьезное основаніе: ѣли много, желудки переполняли большимъ количествомъ большею частью неудобоваримой пищи. Лжедимитрій выдалъ свое происхожденіе тѣмъ, что не слѣдовалъ этому національному обычаю.

Молиться, ѣсть, спать—въ этомъ состояла вся жизнь богатой боярыни. У другихъ были заботы по хозяйству и они нопоминаютъ барщину, каторгу. Обреченная на праздность и разслабленная ею боярыня развѣ соберется отъ скуки вышить что-нибудь для церкви. Но скука не была самымъ опаснымъ гостемъ у семейнаго очага, устроеннаго по извѣстному намъ образцу. Сколько было неудачныхъ союзовъ! Какъ великъ былъ страхъ предъ могущими возникнуть осложненіями! Развѣ самъ законъ не изобрѣлъ наказанія дли жены, отравившей мужа, и какого ужаснаго наказанія! Виновную живой закапывали въ землю, оставляя только голову наружи, чтобы продлить мученья. Нѣкоторымъ удавалось избѣжать этого наказанія, принявъ постриженіе. Но въ монастырѣ ихъ заковывали въ цѣпи и помѣщали въ изолированныя кельи.

Но за такіе брачные союзы, въ которыхъ женщина рѣдко

5*

находила любовь, поруганная, оскорбленная, заброшенная, она большею часть мстила любовью же. Какъ внимательно ни присматривали за ней, а все же ей удавалось „посадить мужа подъ лавку“, какъ выражались тогда. Отвращеніе, какое питали къ *нехристямъ*, какъ называли иностранцевъ, не было препятствіемъ къ прелюбодѣянію. Если принять во вниманіе свидѣтельство иностранныхъ путешественниковъ, то понятной будетъ и глава Домостроя, запрещающая входъ въ теремъ нѣкоторымъ подозрительнымъ кумушкамъ. Вызвано это запрещеніе, вѣроятно, слишкомъ частымъ нарушеніемъ строгаго закона. Подобныхъ лицъ, исполнявшихъ роль посредницъ, можно было встрѣтить вездѣ въ мѣстахъ, часто посѣщаемыхъ простолюдниками—у рѣкъ и прудовъ, гдѣ производилась мойка бѣлья, на рынкахъ, у колодцевъ. Онѣ проникали и въ наиболѣе уважаемые дома, гдѣ успѣвали снискать ласку хозяина. Послѣднему, къ слову сказать, обычай не запрещалъ имѣть любовницъ, и ему незачѣмъ было ихъ скрывать, онъ могъ брать ихъ къ себѣ въ услуженіе даже силой, не возбуждая нареканій.

Въ народѣ испорченность нравовъ въ этомъ отношеніи доходило до крайности. Ни малѣйшей воздержанности, отсутствіе стыда. Выходя совершенно голыми изъ бань, женщины на улицахъ задѣвали прохожихъ. Въ слѣдующемъ вѣкѣ Олеарій описываетъ сценку, свидѣтелемъ которой онъ былъ въ Новгородѣ. Среди большого стеченія народа, скопившагося по случаю какого-то религіонаго торжества, появилась изъ кабака пьяная баба. Она свалились на площади въ непристойной позѣ. Какой-то пьяный крестьянинъ бросается на это голое тѣло, какъ похотливое животное. Толпа мужчинъ, женщинъ, дѣтей тѣснится со смѣхомъ вокругъ этой отвратильной пары...

Даже материнство не избавляло женщину отъ печальной судьбы. Ея заботы ограничивались первоначальнымъ попеченіемъ о дѣтяхъ, самый же существенный элементъ—любовь—отсутствовалъ. Любовь къ родителямъ считалась залогомъ долгой и счастливой жизни. О тѣхъ, кто нехорошо отзывался о своихъ родителяхъ, говорили: „Его вороны заклютъ, орлы растерзаютъ“... „Отцовское проклятіе засушитъ, а материнское погубитъ“, говоритъ другая пословица. Но семейный законъ, дававшій отцу безграничную власть: „почитай батюшку, какъ Бога, а матушку, какъ самого себя“,—основывался на страхѣ. Отецъ, котораго дѣти должны были не любить, а почитать, былъ *грозный* носитель плетки. Здѣсь тоже крѣпостное право, лишенное нравственной силы; это спутникъ государственнаго строя.

Подъ семейнымъ кровомъ, прикрывавшимъ часто на-

стоящій адъ, только смерть была окружена ореоломъ искренней и высокой нравственности. Религіозный законъ, слишкомъ требовательный и потому часто нарушаемый въ этотъ моментъ, получалъ полное удовлетвореніе. Умереть среди своего семейства и въ полномъ сознаніи считалось благословеніемъ неба. Благодаря силѣ вѣры, этотъ моментъ не казался страшнымъ. Къ смерти готовились задолго, обдумывали свое завѣщаніе, стараясь внесть въ него побольше добрыхъ дѣлъ: раздачу милостыни, освобожденіе крестьянъ, прощеніе долговъ. Исполненіе своихъ обязательствъ считалось особой заслугой. Все это носило выразительное названіе *строитъ душу*. Часто случалось, что умирающій принималъ постриженіе въ монахи. Также обыкновенно поступали и цари. Если наступало выздоровленіе по принятіи схимы, уходъ въ монастырь считался обязательнымъ. Но и у самаго порога вѣчности, несмотря на христіанскія вѣрованія, языческія традиціи все еще предъявляли свои права и выступали на сцену проникнутыми грубымъ матеріализмомъ. Устраивались поминки, на окно ставилось блюдо, приготовленное изъ муки, или *каша*. Это была, быть можетъ, уже извѣстная намъ *кутья*. Раздавались такого рода причитанія: „Милый ты мой!"—начинала вдова, „зачѣмъ ты меня покинулъ?.. Или я тебѣ не угождала?.. Не наряжалась ли я для тебя по твоему вкусу ?.." А присутствующіе подхватывали: „Зачѣмъ ты умеръ? Или у тебя нечего было ѣсть-пить?.. Или не было у тебя красивой жены ?.."

Семья не была моральной единицей, она являлась скорѣе ассоціаціей интересовъ. Поэтому она являлась очень растяжимой и могла включать въ себя разнородныя группы, Такое явленіе мы, впрочемъ, видимъ и въ Исландіи, Сербіи, даже въ Америкѣ на низшихъ ступеняхъ культурнаго развитія. Сербская *задруга* представляетъ болѣе совершенный типъ такого элементарнаго сожительства въ 10—50 человѣкъ, живущихъ подъ одной крышей, собирающихся ежедневно за однимъ столомъ и подчиняющихся власти одного главы, независимо отъ родственныхъ связей. О такомъ сожительствѣ на Руси упоминаетъ Несторъ и Русская Правда Ярослава. Оно встрѣчается до семнадцатаго вѣка включительно въ областяхъ на сѣверо-западъ отъ Пскова и на юго-западѣ по сосѣдству съ Литвой.

Защитники этого рода ассоціацій видѣли въ нихъ средство облегчить экономическую борьбу. Но въ нихъ парализовался духъ индивидуальной предпріимчивости, и они врядъ ли были способны внесть чистоту и мягкость въ семейныя и половыя отношенія.

Несмотря на отрицательные отзывы всѣхъ современныхъ

наблюдателей, нельзя утверждать, чтобы собственно семейная жизнь, какъ она понималась русскими шестнадцатаго вѣка, не способствовала развитію нѣкоторыхъ семейныхъ добродѣтелей. Наблюдатели останавливали свое вниманіе на явленіяхъ, бросающихся въ глаза. Добродѣтель же расцвѣтала въ тѣни. Характерной чертой въ этомъ отношеніи былъ духъ солидарности, особенно сильно развившійся среди слугъ и челяди, окружавшей хозяина дома. Холопы и вольные слуги образовывали нѣчто вродѣ двора, *дворню*, среди которой хозяинъ разыгрывалъ роль государя, подражая въ церемоніяхъ и распредѣленіи домашнихъ должностей порядкамъ, заведеннымъ при великокняжескихъ палатахъ. Разница была только въ томъ, что *спальники* въ опочивальняхъ замѣнялись *постельницами*. Всю эту дворню обыкновенно плохо кормили, такъ какъ ключникъ извѣстную долю провизіи, отпускавшейся имъ, утаивалъ. Богатая одежда для слугъ употреблялась здѣсь, какъ и въ великокняжескихъ дворахъ, только въ торжественныхъ случаяхъ. Поэтому *дворня* часто старалась поживиться насторонѣ. Шляясь по улицамъ, она браталась съ бродягами и нищими, попрашайничала вмѣстѣ съ ними и обирала ночью прохожихъ, Наказываемые и награждаемые безъ толку слуги не имѣли о справедливости другого представленія, кромѣ того, которое выражалось въ фразѣ: „Если хозяинъ захочетъ поколотить, то вину всегда найдетъ". Но они готовы были умереть за своего господина. Когда бояре заводили споры между собой, ихъ челядь принимала живѣйшее участіе, видѣла въ этомъ дѣло чести, что совершенно сходно съ отношеніемъ служилыхъ людей и государей. Если боярина обкрадывали и даже продавали его собственные слуги, то и онъ часто злоупотреблялъ своей властью и нарушалъ ихъ интересы. Бояринъ, въ свою очередь, не прочь былъ поживиться насчетъ своего государя, порой обманывалъ его и готовъ былъ измѣнить ему при случаѣ, что все-таки не мѣшало ему много выражать безграничную преданность. Грозный всю жизнь свою преслѣдовалъ и каралъ коварство своихъ слугъ, въ то же время находя усердныхъ исполнителей для своихъ предпріятій. У этихъ людей была особая мораль, въ которой чувство добра и зла не имѣло мѣста, совѣсть не играла никакой роли, въ ней царилъ одинъ всепроникающій принципъ—принципъ службы. Этотъ категорическій императивъ, положенный въ основу общественной и политической организаціи и проникнувшій сознаніемъ покорнаго, сильнаго и терпѣливаго народа, и является секретомъ торжества и славы его. Все величіе Россіи построено на этомъ фундаментѣ.

Мы видѣли боярина въ семейной обстановкѣ, теперь посмотримъ на него внѣ ея.

IV.

Общество.

Мы уже знаемъ, что со двора отправлялись только въ каретѣ или верхомъ на лошади. Лошадь такъ же богато убрана, какъ и ея хозяинъ. Сѣдло покрыто сафьяномъ или шитымъ золотомъ бархатомъ, попона изъ дорогой матеріи, уздечка отдѣлана серебромъ, цѣпочки, бубенчики, колокольчики чуть ли не до самыхъ копытъ. Вся лошадь—звонъ и блескъ. Издали шумъ возвѣщаетъ о приближеніи важнаго лица и повелѣваетъ прохожимъ посторониться. Экипажъ обыкновенно представлялъ собой сани, даже лѣтомъ не любили ѣздить на колесахъ: въ саняхъ было больше важности. Длинныя и узкія, эти сани обыкновенно предназначались только для одной персоны. Однако у ногъ господина пристраивались кое-какъ еще двое слугъ, и зимой вмѣстѣ съ нимъ утопали и почти совершенно скрывались въ мѣхахъ. Кучеръ садился верхомъ на запряженную лошадь. Онъ былъ украшенъ перьями или лисьими хвостами. Бояринъ ѣдетъ въ гости. При приближеніи къ дому, который хочетъ онъ почтить своимъ посѣщеніемъ, возникаетъ вопросъ этикета, гдѣ долженъ онъ оставить свою лошадь или выйти изъ саней. Если домъ принадлежитъ человѣку болѣе знатному, чѣмъ гость, то послѣдній долженъ оставить лошадь у воротъ. Въ Кремль могли въѣзжать только нѣкоторыя особенно знатныя лица, но и они не смѣли проѣхать чрезъ весь его дворъ подъ страхомъ наказанія кнутомъ. Когда посѣщали равныхъ себѣ, подъѣзжали къ самому крыльцу, гдѣ гостя встрѣчалъ самъ хозяинъ или кто-нибудь изъ его слугъ, въ зависимости отъ обстоятельствъ и правилъ церемоніала, строго выполнявшагося. Войдя въ домъ, молились на иконы, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, кланялись, касаясь земли пальцами правой руки. Затѣмъ гость подходилъ къ хозяину и обмѣнивался съ нимъ привѣтствіями, которыя измѣнялись отъ простого пожатія руки до колѣнопреклоненія, сообразно различію положенія. Все опредѣлено было правилами до мельчайшихъ подробностей. Даже первыя слова были стереотипны, церемонны и искусственно смиренны: „Бью челомъ моему благодѣтелю... Прости мое скудоуміе“.., Обращаясь къ духовному лицу, не нужно было забывать назвать себя великимъ и окаяннымъ грѣшникомъ, а его ве-

личать учителемъ православія и блюстителемъ свѣта истиннаго. Съ такими же ломаньями принимали угощенья, полагавшіяся по обычаю во всякій часъ дня; прощаясь, начинали откланиваться, прежде всего иконамъ, какъ и при входѣ.

Встрѣчи въ общественныхъ мѣстахъ требовали меньше этикета и церемоній, но онѣ были очень рѣдки. Знатные люди не ходили въ публичныя бани, хотя принято было во всѣхъ классахъ мыться ежедневно или, по крайней мѣрѣ, нѣсколько разъ въ недѣлю. Но даже самые бѣдные дворяне имѣли собственную баню. Если русскій человѣкъ чувствовалъ себя нездоровымъ, онъ выпивалъ рюмку водки, настоянной на перцѣ, и отправлялся въ баню. Это было общее средство противъ всѣхъ болѣзней. Только нѣкоторые вельможи обращались къ помощи медицины, да и то въ рѣдкихъ случаяхъ, такъ какъ въ то время врачей было очень мало на Руси и всѣ они были иностраннаго происхожденія. Первый врачъ, пріѣхавшій въ Россію съ Софьей Палеологъ, женой Ивана III, былъ казненъ за неудавшееся лѣченіе. Этотъ случай былъ плохимъ поощреніемъ для другихъ. Все же при Иванѣ IV составилась группа врачебнаго персонала. Съ нѣмцемъ Елисеемъ Бомеліусомъ соперничали четыре англичанина: Стендишъ, Эльмсъ, Робертсъ и аптекарь Фринсгемъ. Но они всѣ вмѣстѣ не смогли бы заставить русскаго проглотить пилюлю или поставить себѣ клистиръ.

Кромѣ бань, общественная жизнь сосредоточивалась на пирахъ, которые устраивались очень часто и были двухъ родовъ: частныя и коллективныя, устраивавшіяся группами, сообща. Послѣдніе носили названіе *братчины*. Родня и друзья пировали въ большіе праздники или же по случаю семейныхъ событій — свадебъ, крестинъ, похоронъ. При дворѣ пиршества устраивались при вѣнчаніи на царство, при поставленіи новаго митрополита, пріемѣ иностранныхъ пословъ. Вопросъ о мѣстахъ здѣсь пріобрѣталъ огромную важность и вызывалъ споры, нерѣдко оканчивавшіеся кровавыми схватками. Впрочемъ, считалось признакомъ хорошаго тона заставлять просить занять подобающее высшее мѣсто за столомъ. Ѣли обыкновенно вдвоемъ съ одного блюда, куски пищи брали пальцами, кости складывали на тарелки, которыя только для этого и служили и не смѣнялись въ продолженіи всей трапезы. Хозяинъ раздавалъ хлѣбъ и соль и посылалъ болѣе знатнымъ гостямъ лучшіе куски. Количество блюдъ было невообразимо. Пиръ продолжался очень долго. Запахъ чеснока, лука, служившихъ приправой ко многихъ кушаньямъ,

гнилой рыбы и спиртныхъ напитковъ,—скоро пропитывалъ атмосферу. Все это, въ связи съ непристойностями многихъ гостей, дѣлало подобныя торжества невыносимыми для иностранцевъ. Случалось, что даже женщинъ, пировавшихъ отдѣльно, развозили по домамъ въ безчувственномъ состояніи. Если на другой день хозяйка посылала спросить гостью о здоровьѣ, было принято отвѣчать съ намекомъ на широкое гостепріимство: „Вчера я такъ весела была, что и непомню, какъ домой воротилась".

У набожныхъ людей религіозные обряды страннымъ образомъ примѣшивались къ пирушкамъ: духовныя лица, будучи приглашены и посажены на почетное мѣсто, платили за угощеніе молитвами и разными церемоніями—благословеніемъ пищи и напитковъ, кажденіемъ ладана по всему дому. Иногда, какъ, напримѣръ, въ монастыряхъ, на столъ ставили ковчежецъ съ „просфорой Богородицы". Во время пира пѣли церковныя пѣсни. Въ прихожей кормили нищихъ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ сажали за столъ вмѣстѣ съ гостями. Въ другихъ домахъ, напротивъ, пиръ переходилъ въ оргію. Правила терема нарушались. Представители обоихъ половъ собирались вмѣстѣ. Музыканты и скоморохи забавляли публику. Звучали непристойныя пѣсни.

У крестьянъ пирушки носили особое названіе „*пиво*", потому что при этомъ испрашивалось разрѣшеніе приготовлять крѣпкіе напитки: пиво, настойки, медъ, составлявшіе предметъ правительственной монополіи. Разрѣшеніе получали на три дня, а иногда, по случаю большихъ праздниковъ, даже на цѣлую недѣлю. По истеченіи этого срока фискальные агенты опечатывали напитки до слѣдующаго праздника.

Братчины назывались также *ссыпными*. Вѣроятно, раньше взносы дѣлались зерномъ, ссыпавшимся въ кучу. Эти временныя собранія для коллективныхъ попоекъ, происходившихъ подъ предсѣдательствомъ выборнаго старосты, пользовались нѣкоторой юридической автономіей, сохранявшейся за ними до XVII в. Споры между участниками ихъ не подлежали общему судопроизводству. Пословица: „Съ нимъ пива не сваришь" указываетъ на характеръ дѣйствій союза. Здѣсь крестьяне и вельможи встрѣчались на равныхъ правахъ. На этихъ собраніяхъ еще чаще, чѣмъ на частныхъ пирахъ, происходили безпорядки, драки и даже убійства. Поэтому благочестивые люди въ нихъ обыкновенно не принимали участіе. Пили тамъ безъ мѣры. Уже Владиміръ сказалъ: „*Руси веселіе есть пити, не можетъ безъ того быти*". Радость, любовь, симпатія — цѣлая гаммма чувствъ находила свое выраженіе въ винѣ. Напивались до полусмерти,

чтобы засвидѣтельствовать свою дружбу гостю или любезному сотоварищу. Ѣли также до отвала, поглощая щучьи головы съ чеснокомъ, рыбныя похлебки съ шафраномъ, заячьи почки въ молокѣ и съ имбиремъ. Все это было приготовлено со множествомъ пряностей, жгло небо и требовало обильныхъ возліяній. Въ большомъ употребленіи были вина венгерскія и рейнскія, но названія ихъ такъ искажались, что иногда трудно узнать. Напримѣръ, подъ названіемъ *Петерсемена* было извѣстно Peters Simons Wein, рейнское вино, ввозившееся въ Россію голландскимъ купцомъ Петромъ Симономъ. Изъ французскихъ винъ были извѣстны бургундскія, между которыми фигурировала *романея.* Теперь подъ этимъ названіемъ извѣстна въ русскихъ кабакахъ красная настойка водки на ягодахъ. Знали также мальвазію, аликанте и другіе сорта испанскихъ винъ. Для церковныхъ требъ шли только французскія вина. Привозили изъ заграницы водку и уксусъ въ большомъ количествѣ. Обычнымъ напиткомъ народа былъ *квасъ.* Итальянецъ Тетальди говоритъ однако о другомъ распространенномъ напиткѣ, въ составъ котораго входила мука сушенаго овса. Напитокъ этотъ онъ называетъ *толокномъ.* Но въ русскихъ источникахъ о немъ упоминается только какъ о пищевомъ продуктѣ.

Свидѣтельства о томъ, была ли привычка къ неумѣренности очень распространена среди населенія, также разнорѣчивы, какъ и во всемъ остальномъ. По словамъ Дженкина, на Руси царило бы пьянство, если бы даже самъ Иванъ IV ничего не пилъ. Въ запискахъ, изданныхъ въ 1567 г. въ Любекѣ по поводу предполагавшейся отправки пословъ къ русскому двору, мы находимъ указанія совершенно противоположнаго характера. Въ ней рекомендовалось посламъ воздерживаться отъ неумѣренности въ питьѣ, такъ какъ пьянство считается въ Московіи величайшимъ порокомъ. Авторъ записокъ негоціантъ, долго жившій въ Москвѣ (Форетенъ, Балтійскій вопросъ, I, 475). Литовецъ Михалонъ, котораго можно считать вполнѣ безпристрастнымъ, говоритъ то же самое, добавляя впрочемъ, что на Руси кабаки были неизвѣстны, что несоотвѣтствуетъ дѣйствительности. По словамъ Тетальди, въ концѣ царствованія Ивана Грознаго продажа спиртныхъ напитковъ была разрѣшена въ Москвѣ только въ одномъ пригородѣ. О немъ также упоминаютъ Герберштейнъ, Гуаньино и Олеарій. Названіе его было *Наливки.* Посадъ этотъ входитъ теперь въ составъ города; о немъ до сихъ поръ напоминаетъ церковь—*церковь Преображенія на Наливкахъ.* Торговля крѣпкими напитками, по всей вѣроятности, сосредочивалась въ этомъ

мѣстѣ въ опредѣленный моментъ. Между тѣмъ другіе города пользовались полной свободой открывать кабаки, число которыхъ въ интересахъ фиска все увеличивалось. Въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ проявленіяхъ жизни, обнаруживается борьба мірскихъ интересовъ съ стѣснительными правилами морали. Въ результатѣ происходили компромиссы, вводившіе наблюдателей въ заблужденіе.

Церковь, конечно, боролась съ кабаками. Но, судя по ея собственнымъ признаніямъ, ея поученія и проклятія имѣли слабое дѣйствіе. Соборъ 1551 года оставилъ намъ картину нравовъ, отличавшихся распущенностью, въ особенности среди низшихъ классовъ. Нѣкоторыя ночныя игрища, устраивавшіяся въ честь христіанскихъ праздниковъ, сливались съ традиціями языческаго культа. Напр., Ивановъ день или праздникъ Ярилы — славянскаго Пріапа. Устраивавшееся по поводу этихъ праздниковъ пьянство влекло за собою другія безчинства. Мужчины и женщины, парни и дѣвушки проводили ночь въ какомъ-нибудь отдаленномъ мѣстѣ. Они плясали, пѣли и предавались разнымъ излишествамъ. Въ протоколахъ Собора мы читаемъ объ этихъ сборищахъ — „... съ зарей они бѣгутъ, какъ сумасшедшіе, къ рѣкѣ и съ крикомъ бросаются всѣ вмѣстѣ въ воду, а когда раздастся звонъ къ заутрени, они возвращаются домой и падаютъ на постель въ изнеможеніи, какъ мертвые“. Заслуживаетъ вниманія указаніе членовъ Собора и духовныхъ писателей того времени о существованіи содоміи.

Но Церковь, какъ мы уже знаемъ, была слишкомъ требовательна. Она, съ своей стороны, грѣшила чрезмѣрной строгостью и осуждала всѣ формы общественности. Какъ удовольствія, такъ и свѣтское искусство подпадали подъ ея запрещеніе. Она преслѣдовала и скомороховъ. По народной легендѣ, имѣющей религіозную основу, дьяволъ принялъ видъ скомороховъ и бродячихъ фигляровъ, чтобы ввесть бѣдный міръ въ погибель. Но и безъ вмѣшательства дьявола, скоморохи часто производили мошенническія продѣлки. Они были въ пренебреженіи, стояли внѣ закона и вели себя соотвѣтствующимъ образомъ. Для своей безопасности они кочевали группами человѣкъ въ 30—50 и тогда заставляли остерегаться ихъ. Будучи своего рода артистами, они дали начало развлеченіямъ, составляющимъ неотъемлемую часть жизни цивилизованнаго народа. Они разыгрывали комедіи, и народный театръ получилъ свое начало отъ ихъ смѣшныхъ и грубыхъ представленій. Кромѣ нихъ, были еще другіе комедіанты, также упорно преслѣдовавшіеся Церковью,—это были вожаки медвѣдей.

Медвѣдь занималъ важное мѣсто въ московской жизни того времени. Своего рода артистъ, онъ не только былъ выученъ разнымъ продѣлкамъ, но и фигурировалъ какъ главное дѣйствующее лицо въ разныхъ роляхъ комическаго репертуара, очень нравившагося толпѣ. Онъ изображалъ то судью, постановляющаго нелѣпые приговоры и желающаго, чтобы ему подмазали лапу, то обманутаго и избитаго мужа, русскаго Полишинеля Сганареля. Иногда ему случалось выступать и въ трагической роли. Тогда любили физическія упражненія и разнаго рода состязанія, какъ-то: бѣгъ въ запуски, стрѣльбу изъ лука, турниры всадниковъ, подхватывающихъ кольца на копье, кулачный бой и бой дубинами. Но предпочтеніе отдавали травлѣ медвѣдя собаками, борьбу его съ другими животными и въ особенности съ человѣкомъ. Вооруженный рогатиной, человѣкъ старался ударить ею своего опаснаго противника въ грудь въ тотъ моментъ, когда тотъ подымался на заднія лапы. Стоило промахнуться, и медвѣдь растерзалъ бы своего соперника на куски, что часто и случалось. Бойцы обыкновенно выбирались среди царскихъ псарей, но въ спискѣ самыхъ знаменитыхъ изъ нихъ мы находимъ и аристократическія имена. Князь Гундоровъ былъ награжденъ въ 1628 г. кускомъ голубой камки за убитаго имъ въ единоборствѣ медвѣдя. Боярскій сынъ Ѳедоръ Сытинъ былъ растерзанъ въ 1632 г. во время менѣе счастливой борьбы.

Дѣла чести рѣшались также посредствомъ кулачной или палочной драки; пускать въ ходъ мечи въ такихъ случаяхъ было не въ обычаѣ. Этого достаточно, чтобы понять, какъ простъ и дикъ еще былъ народъ въ этой странѣ и какъ далеко еще было только начинавшее формироваться общество отъ сложившихся уже на Западѣ формъ жизни. Ничто не напоминало здѣсь дворцовъ Франціи и Италіи, гдѣ послѣ игры и танцевъ непринужденно бесѣдовали, гдѣ любили гостей, умѣвшихъ пріятно разсказывить анекдоты и пускать остроумныя словечки; гдѣ любовались изящными вещами, хотя еще и не пользовались комфортомъ; гдѣ любили поэтично и ненавидѣли съ умомъ и гдѣ послѣ ссоры убивали другъ друга у порога дома такъ же благородно, какъ умѣли и жить. Тамъ въ расцвѣтѣ новаго искусства выработался образецъ красоты и граціи. На Руси же сложился совершенно противоположный типъ, воплощенный въ странникахъ, такъ называемыхъ *юродивыхъ* или *блаженныхъ,* пользовавшихся любовью народа и снисходительностью духовенства. Это были ясновидцы и чудотворцы самаго грубаго вида. Они пользовались народной довѣрчивостью. Принимая видъ чрезвычайной, сумасбродной суро-

вости, они удачно скрывали свои плутни. Ихъ можно было встрѣтить въ самые сильные холода неодѣтыми съ развѣвающимися волосами. Они показывали видъ, что не нуждаются ни въ пищѣ, ни въ одеждѣ, а между тѣмъ заходили въ лавки и даромъ брали тамъ все, что имъ было нужно. Быть обобраннымъ кѣмъ-нибудь изъ такихъ *Божьихъ людей* считалось счастьемъ, въ нѣкоторомъ родѣ благословеніемъ неба. Они слыли за святыхъ и пользовались правомъ говорить правду въ глаза даже самимъ государямъ. Грозный однажды, вступивъ въ споръ съ однимъ изъ юродивыхъ, спасовалъ предъ его смѣлой рѣчью. Церковь терпѣла ихъ и даже отводила имъ мѣсто въ раю. На торжественныхъ похоронахъ *блаженнаго* Василія, того самаго, во имя котораго выросъ шедевръ Бармы и Постникова на Кремлевской площади, Иванъ несъ на своихъ плечахъ гробъ святого.

Я сказалъ достаточно, чтобы читатель могъ измѣрить пропасть, отдѣлявшую этотъ уголокъ Европы отъ Запада въ тотъ моментъ, когда онъ готовился вступить въ соприкосновеніе съ сосѣдними культурами. Мой дальнѣйшій разсказъ о развитіи русскаго общества послѣ этого будетъ болѣе понятнымъ.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

Юность Ивана.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Первый русскій царь.

I. Рожденіе Грознаго.—II. Правленіе бояръ.—III. Женитьба и вѣнчаніе на царство.—IV, Сильвестръ и Адашевъ.—V. Первый соборъ. Русскій парламентаризмъ.

I.

Рожденіе Грознаго.

Въ день рожденія Ивана IV—25 августа 1530 г, во всей странѣ слышались раскаты грома, сверкала молнія. Уже тогда, когда онъ ребенкомъ впервые зашевелился въ материнской утробѣ, московскія войска, сражавшіяся подъ Казанью, почувствовали въ себѣ необыкновенное мужество и отвагу. Болѣе дѣйствительными и достовѣрными, чѣмъ тѣ чудеса, которыми народное преданіе окружило появленіе на свѣтъ своего государя, были удары, нанесенные въ это время всей цивилизованной Европѣ. Въ то время тамъ появились Виклефъ и Гусъ, Лютеръ и Кальвинъ. По всему христіанскому міру запада, на поляхъ братоубійственныхъ войнъ, на площадяхъ, загроможденныхъ эшафотами, въ опустѣвшихъ храмахъ, при возмутившихся дворахъ католики и протестанты, священники и солдаты, князья и крестьяне старались заглушить военнымъ кличемъ голосъ свободы, раздавшійся съ высоты Вартбурга. Церковь, потрясенная въ самыхъ основаніяхъ, вооружила всѣхъ отъ нищаго монаха до папы на защиту своихъ привилегій. Но въ Римѣ, захваченномъ нѣмецкими войсками, Священная Имперія и Франція оспаривали другъ у друга свѣтскую власть. На сѣверѣ реформа послужила первой ступенью дла новыхъ династій, утвердившихся на тронахъ Швеціи и Норвегіи.

Въ своемъ вѣковомъ одиночествѣ Московія оставалась

чуждой этому движенію. Она его вовсе не знала и только изрѣдко испытывала слабые отзвуки борьбы. Однако время начинало создавать нѣкоторыя узы между Русью и Западомъ. Невѣдомая и презираемая русскими Европа начинала интересоваться своей таинственной сосѣдкой. Съ XV вѣка, когда уже замѣчалось въ Европѣ опасное броженіе, разрушавшее ея единство и внутреннее согласіе, она увидѣла на горизонтѣ новую опасность: шуму поднявшейся противъ папства бури отвѣчалъ извнѣ, какъ эхо, грозный голосъ ислама, готовившагося къ наступленію на христіанскій міръ. Въ страхѣ предъ этой двойной опасностью Римъ и Вѣна, Венеція и Женева искали себѣ помощи и открыли Москву. Итальянскіе дипломаты и левантскіе придворные съ этого времени стараются перекинуть мостъ чрезъ пропасть. Женитьбой на дочери Палеологовъ дѣдъ Ивана IV вступилъ, подъ благословеніемъ намѣстника св. Петра, въ семью европейскихъ государей. Въ 1473 г. Венеціанскій сенатъ напомнилъ московскому государю о его правахъ на наслѣдіе византійскаго титула. Въ 1480 и 1490 г. настоящій наслѣдникъ, Андрей Палеологъ, пытался въ Москвѣ продать свои владѣтельные права. Получивъ отказъ, онъ вступилъ въ переговоры съ Карломъ VIII французскимъ. Но ключъ отъ этого сокровища былъ въ рукахъ Рима; думали, что съ помощью его добудутъ московское войско для борьбы съ турками. Въ 1484 г. Сикстъ IV долженъ былъ успокаивать польскаго короля Казимира, опасавшагося за права своего старшинства въ семьѣ славянскихъ государствъ.

Заботясь болѣе о реальныхъ правахъ, чѣмъ о гипотетическихъ титулахъ, Иванъ III отвѣчалъ пренебрежительнымъ отказомъ. Однако проэктъ великаго славянскаго государства, хотя бы и подъ римскимъ руководствомъ, связывался съ вопросомъ о русскихъ областяхъ, служившихъ предметомъ спора между Московіей и Польшей. Въ этой сферѣ враждебныхъ вліяній и притязаній возникали новыя дипломатическія комбинаціи. Въ нихъ укрѣплялась и принимала опредѣленную форму идея панруссизма. Въ то время, когда Андрей Палеологъ со своимъ предложеніемъ отсылался къ другимъ покупателямъ, фонъ Турну, послу императора, великій князь оказалъ гораздо лучшій пріемъ, Онъ изъявилъ свое согласіе вступить въ союзъ съ Максимиліаномъ, чтобы сообща дѣйствовать противъ ислама. Но сперва онъ желалъ свести общіе историческіе счеты съ Польшей. Не дожидаясь папской буллы, онъ позволилъ своимъ подданнымъ именовать его *царемъ*. По понятіямъ православныхъ, этотъ титулъ соотвѣтствовалъ императорскому

достоинству и былъ равносиленъ заявленію требованій на византійское наслѣдіе. Затѣмъ въ 1493 году собственной властью Иванъ III присвоилъ себѣ титулъ государя всея Руси, что было равносильно заявленію своихъ правъ на Кіевъ и Вильну.

Это самостоятельное рѣшеніе великой восточной проблемы подготовлялось еще гораздо раньше. Первыми додумались до этого юго-западные славяне. Въ XIV в. Душанъ сербскій и Александръ болгарскій выступили съ такими же притязаніями. Они мечтали о завоеваніи Константинополя и начали съ провозглашенія себя царями. Въ манускриптахъ того времени мы находимъ упоминаніе о новомъ Царьградѣ, какимъ долженъ былъ явиться городъ Тырново. Однако Милюковъ справедливо замѣчаетъ, что для осуществленія программы національнаго величія, Россія XVI в. ожидала побужденія извнѣ, со стороны З. Европы, какъ и Россія XVIII в. нуждалась во внѣшнемъ толчкѣ, чтобы воспринять реформу Петра Великаго.

Умирая (1505), Иванъ III оставилъ пять сыновей; между ними онъ и раздѣлилъ свои владѣнія, но вопреки установившемуся обычаю старшему изъ нихъ Василію онъ оставилъ не одну, а двѣ трети: всего 66 городовъ и областей со столицей во главѣ. Женатый первый разъ на боярской дочери Соломонидѣ Юрьевнѣ Сабуровой, Василій не имѣлъ отъ нея дѣтей, что его очень печалило. „Счастливы птицы“, говорилъ онъ часто, глядя на птичье гнѣздо. Волшебство, къ которому прибѣгала его неплодная супруга, оказалось безсильнымъ. Въ 1525 г. боярская дума предложила ему другое средство, которое безъ сомнѣнія соотвѣтствовало его личнымъ видамъ: „Смоковница, не приносящая плода, должна быть выброшена изъ сада“. Только одинъ изъ членовъ боярской думы осмѣлился возвысить голосъ въ защиту священныхъ узъ брака. Это былъ обладатель фамиліи, которой предстояло занять блестящее мѣсто въ рядахъ боярской оппозиціи—Симеонъ Курбскій. Его поддержали изъ среды духовенства сторонники реформы Вассіанъ Патрикѣевъ и Максимъ Грекъ. Но это не помѣшало развязкѣ. Соломонида была заточена въ монастырь, а Василій повелъ къ алтарю дочь литовскаго выходца Елену Глинскую. Онъ былъ очень увлеченъ ею. Вѣроятно, и безплодіе Соломониды было только предлогомъ для развода. Послѣ того, какъ московскіе князья перестали брать себѣ женъ изъ владѣтельныхъ европейскихъ домовъ, установился обычай устраивать нѣчто въ родѣ конкурса мѣстныхъ красавицъ, среди которыхъ они и выбирали со всѣхъ

концовъ государства. Характерно, что при второмъ бракѣ Василія не прибѣгали къ этому обряду.

Красивая, сравнительно заботливо воспитанная, благодаря своему нерусскому происхожденію, Елена соединяла въ себѣ такія чары, какихъ Василій не могъ бы найти ни у одной бы русской. Елена рано осталась сиротой послѣ смерти своего отца Василія Львовича. Выросла она подъ опекой своего дяди Михаила, стараго соратника Альберта Саксонскаго и императора Максимиліана. Этотъ Михаилъ былъ странствующимъ рыцаремъ, въ поискахъ приключеній онъ попалъ въ Италію и даже умудрился принять тамъ католичество. Послѣ женитьбы Василія на Еленѣ въ московскій кремль проникаютъ западно-европейскія идеи. По свидѣтельству Герберштейна, Василій даже сбрилъ себѣ бороду въ угоду своей супругѣ, что было, можно сказать, настоящей революціей.

„Заволжскіе старцы" объявили этотъ бракъ блудодѣяніемъ. Казалось, что и небу не угодно было сдѣлать этотъ союзъ болѣе счастливымъ, чѣмъ первый. Стали ходить слухи, что Соломонида родила сына въ своемъ монастырѣ. Наконецъ молитвы монаха Пафнутія Боровскаго, впослѣдствіи признанаго въ благодарность за услуги, оказанныя царскому дому, святымъ, -были услышаны. Елена произвела на свѣтъ желаннаго наслѣдника. Спустя 3 года, 15 окт. 1533 г., она родила второго сына Юрія и вскорѣ овдовѣла. Иванъ III измѣнилъ старый порядокъ престолонаслѣдія, по которому послѣ смерти князя власть переходила къ его братьямъ. Теперь имъ принадлежало лишь регентство. Нѣтъ основанія полагать, что Василій сдѣлалъ иное распоряженіе. Но Елена не даромъ происходила изъ рода авантюристовъ. Энергичная, честолюбивая, она сумѣла создать сильную партію и воспользовалась ею, чтобы захватить и удержать въ своихъ рукахъ власть.

Но Елена допустила двоякую ошибку. Она, во-первыхъ, не раздѣлила власти со своимъ дядей, который, безъ сомнѣнія, былъ ловкимъ политикомъ. Съ другой стороны, большую часть правительственныхъ полномочій она передала своему фавориту князю Телепневу-Оболенскому, который былъ лишь смутьяномъ. Скоро обнаружилось въ государствѣ броженіе. Елена заточила въ тюрьму своего дядю, а также и Васильева брата Юрія, которые пытались завладѣть государственной властью. Послѣ этого ей пришлось еще бороться съ другимъ своимъ деверемъ, Андреемъ, не желавшимъ довольствоваться своимъ Старицкимъ удѣломъ. Государству грозила междоусобная война. Елена предупредила ее хитростью, поймавъ въ ловушку Андрея. Онъ

также попалъ въ московскую темницу, откуда люди рѣдко выходили. Голодъ и тяжесть оковъ ускорили его кончину. Что касается его сторонниковъ, то они, въ количествѣ 30 душъ, качались на висѣлицахъ, разставленныхъ по дорогѣ изъ Москвы въ Новгородъ. Новгородъ какъ бы поддерживалъ Андрея въ борьбѣ съ Еленой.

Елена держалась еще нѣсколько лѣтъ, въ то же время давая отпоръ внѣшнимъ врагамъ, полякамъ и татарамъ, соединившимся противъ нея съ цѣлью воспользоваться слабостью ея правленія. Въ 1538 г., какъ полагаютъ, внутренніе враги отравили Елену. Иванъ осиротѣлъ. Власть перешла къ боярамъ, и олигархія смѣнилась анархіей.

II.

Правленіе бояръ.

Фаворитъ Елены, князь Телепневъ-Оболенскій, сразу потерялъ среди смуты почву подъ своими ногами. Враги, которыхъ правительница умѣла сдерживать, теперь принялись мстить. Надъ развалинами партіи Елены подымали голову Шуйскіе. Будучи связаны съ престоломъ узами родства, они не удовлетворялись временнымъ господствомъ. Какъ Василій и Иванъ, они происходили отъ Александра Невскаго, при томъ происхожденіе свое вели отъ старшей линіи, между тѣмъ какъ царствующая династія была младшей вѣтвью. Легко понять, какъ далеко простирались ихъ честолюбивые замыслы. Въ какихъ-нибудь восемь дней послѣ смерти Елены они расправились съ фаворитомъ, онъ, какъ и многіе другіе, исчезъ въ подземный темницѣ. Въ его лицѣ Иванъ лишился своего опекуна и даже своей кормилицы Аграфены. Она была сестрой Оболенскаго и должна была раздѣлить участь брата. Василій Васильевичъ Шуйскій и двоюродный братъ его Андрей, только что освободившійся отъ заключенія, столкнулись съ другимъ претендентомъ. Изъ открывшихся темницъ вышли цѣлыя батальоны соискателей власти. Между ними былъ и князь Иванъ Бѣльскій, который не намѣренъ былъ уступать никому въ своихъ притязаніяхъ. Въ противовѣсъ Рюриковичамъ онъ опирался на предка своего Гедимина. Отецъ Бѣльскаго Ѳедоръ женатъ былъ на племянницѣ Ивана III, княжнѣ рязанской. Спасаясь отъ преслѣдованій Елены, братъ его Семенъ бѣжалъ на чужбину. Въ Польшѣ, въ Крыму, даже въ Константинополѣ онъ искалъ тамъ не столько убѣжища, сколько политическаго союза съ цѣлью

вернуть себѣ свои наслѣдственныя владѣнія—Бѣльскъ и Рязань, насильственно присоединенные къ Московской державѣ.

Дѣлу младшихъ Рюриковичей, такимъ образомъ, угрожала опасность въ борьбѣ, которая съ 1538 по 1543 г. сдѣлала Москву мѣстомъ насилій и кровопролитія. Только антагонизмъ между соперничавшими родами Шуйскихъ и Бѣльскихъ и ихъ жестокое взаимоистребленіе спасли самого Ивана и сохранили въ цѣлости его владѣнія. Однако ему въ дѣтствѣ пришлось пережить ужасныя испытанія. Опьяненные торжествомъ побѣды Шуйскіе забывали всякую мѣру. Они расхищали сокровища царя, разыгрывая роль полновластныхъ хозяевъ. Послѣ смерти Василья Васильевича во главѣ Шуйскихъ сталъ Иванъ. Онъ забывалъ уваженіе къ государю. „Бывало въ моемъ присутствіи кладетъ обутыя въ сапоги ноги на постель моего отца", писалъ впослѣдствіи Грозный, вспоминая также, что Шуйскій раньше ходилъ въ ветхой шубенкѣ, а теперь ѣстъ на золотѣ. „Ясно, что онъ этого не получилъ въ наслѣдство отъ своего отца... А мы какой нужды не натерпѣлись, лишаясь даже пищи и одежды!" Даже привязанностей молодого государя не щадили. За кормилицей отъ него удалили въ 1543 г. любимца его, Ѳедора Воронцова. Преслѣдуя его, Шуйскіе ворвались въ одно изъ помѣщеній кремлевскаго дворца. Они били его по лицу и угрожали лютой смертью. Только благодаря заступничеству митрополита, онъ остался живъ, но былъ сосланъ въ Кострому. Впрочемъ даже митрополичья власть была поколеблена. При каждомъ новомъ переворотѣ восторжествованная сторона старалась смѣнить митрополита. Въ 1539 году на мѣсто Даніила Бѣльскіе посадили Іоасафа. Въ 1542 г. Шуйскіе снова взяли верхъ; Иванъ Бѣльскій былъ сосланъ на Бѣлоозеро; его участь долженъ былъ раздѣлить и митрополитъ. Положеніе областей было лучше. Правленіе Шуйскихъ въ особенности отличалось варварствомъ и безпорядками. Намѣстники Шуйскихъ вели себя вездѣ, по свидѣтельству лѣтописцевъ, „какъ лютые звѣри". Исключеніе представлялъ только Новгородъ, гдѣ были сторонники Шуйскихъ. Города пустѣли. Кто могъ, спасался бѣгствомъ. Вызванный еще Василіемъ и поселившійся въ Россіи итальянскій архитекторъ Фрязини бѣжалъ заграницу и какъ разъ въ то время, когда долженъ былъ заняться устройствомъ укрѣпленій въ Себежѣ. Дерптскому епископу онъ объяснялъ свой поступокъ тѣмъ, что бояре дѣлаютъ жизнь въ Московской землѣ совершенно невыносимой. Бѣльскіе показали себя болѣе гуманными и разумными правителями.

Во время ихъ непродолжительнаго господства были сдѣланы нѣкоторыя мѣропріятія, подготовлявшія будущее самоуправленіе общинъ. Но какъ Шуйскіе, такъ и Бѣльскіе пользовались властью не иначе, какъ только злоупотребляя ею.

Въ то время, какъ государство изнывало подъ невыносимымъ гнетомъ боярской тираніи, будущій государь получалъ печальный урокъ отъ окружавшихъ его. Благодаря дѣяніямъ бояръ, духъ насилія въ разныхъ формахъ овладѣвалъ воображеніемъ и чувствами юноши, проникалъ въ его плоть и кровь. Въ атмосферѣ борьбы за власть созрѣвалъ будущій деспотъ—мстительный, чрезвычайно нервный, вспыльчивый и жестокій. Уже въ играхъ и забавахъ съ товарищами, которыхъ, къ слову сказать, ему выбирали другіе, Иванъ проявлялъ безчеловѣчность, царившую, впрочемъ въ той средѣ, которая его окружала. На его глазахъ мучили людей; онъ пока еще не могъ дѣлать этого и ограничивался животными. Большимъ удовольствіемъ для него было бросать изъ высокихъ теремовъ дворца собакъ и смотрѣть на ихъ предсмертныя судороги. Ему не только не мѣшали предаваться подобнымъ забавамъ, но еще даже поощряли. Скоро очередь должна была наступить и для людей.

При такомъ положеніи вещей было безуміемъ со стороны Шуйскихъ или Бѣльскихъ надѣяться надолго сохранить власть при юномъ государѣ. Иванъ былъ уже въ томъ возрастѣ, когда могъ вполнѣ сознательно относиться къ своему положенію. Онъ видѣлъ вокругъ себя людей, которые осмѣливались постоянно оскорблять его; расхищали его сокровища и ссорились изъ-за нихъ между собою. Но во время разныхъ оффиціальныхъ церемоній, устраивавшихся по случаю придворныхъ торжествъ или пріема иностранныхъ пословъ, тѣ же самыя люди рабски пресмыкались предъ нимъ, падая ницъ предъ его трономъ.

Иванъ долженъ былъ скоро изо всего этого сдѣлать свой выводъ. Въ сентябрѣ 1543 года онъ позволилъ еще сослать Воронцова, но уже въ декабрѣ приказалъ своимъ псарямъ схватить самого Андрея Шуйскаго. Слуги повиновались и даже переусердствовали — они задушили боярина вмѣсто того, чтобы отправить его въ темницу. Иванъ рѣшилъ, что это было сдѣлано хорошо. Всѣ поняли, что на Руси произошла перемѣна. Если не измѣнилось правленіе, то измѣнился государь.

Бояре продолжали по своему вершить государственныя дѣла, но они уже не смѣли противорѣчить государю, который раньше Людовика XIV могъ сказать: „Государство—

это я“. Теперь онъ скакалъ по улицамъ, избивалъ народъ, насиловалъ попадавшихся по пути женщинъ. Эти дикіе поступки вызывали аплодисментъ со стороны окружавшихъ его. Вызванный изъ ссылки Θедоръ Воронцовъ также былъ въ его свитѣ, но милости государя обращались на менѣе знатныхъ и даровитыхъ слугъ, которые были и послушнѣе, и легче подчинялись всѣмъ его капризамъ. Среди аристократіи Иванъ со страхомъ угадывалъ новыхъ Шуйскихъ и отдавалъ предпочтеніе псарямъ. Въ маѣ 1546 года, когда царь охотился близъ Коломны, ему внезапно преградилъ путь вооруженный отрядъ. Это были новгородскіе пищальники, явившіеся къ нему съ жалобой на намѣстника. Не понимая ничего въ этихъ дѣлахъ, Иванъ приказалъ прогнать новгородцевъ. Произошла свалка, раздалось даже нѣсколько выстрѣловъ. Юный царь остался невредимъ, но очень перепугался. У Ивана всегда замѣчался недостатокъ физической храбрости. Возможно, что эта черта была у него наслѣдственной. Но, кромѣ того, онъ былъ напуганъ въ дѣтствѣ: съ того времени, вѣроятно, и развилась въ немъ нервная впечатлительность, благодаря которой онъ дрожалъ и терялъ присутствіе духа при малѣйшей опасности. Иванъ спасся, но вообразилъ, что это заговоръ и приказалъ произвести разслѣдованіе. Простой дьякъ Василій Захаровъ, желая попасть въ царскіе любимицы, обратилъ на себя вниманіе тѣмъ, что къ дѣлу примѣшалъ Воронцова съ его родственниками, которые и безъ того уже были въ подозрѣніи и даже въ немилости. Ученикъ сразу превзошелъ своихъ воспитателей. Грозный выступилъ на сцену. Началась непрекращавшаяся потомъ работа палача на плахѣ. Θ. Воронцовъ и одинъ изъ его двоюродныхъ братьевъ сложили головы на плахѣ. Другіе соучастники мнимаго заговора подверглись ссылкѣ.

Захаровъ, быть можетъ, не былъ единственнымъ виновникомъ этой расправы. Среди приближенныхъ Ивана, въ кругу самыхъ близкихъ ему людей, фигурировалъ уже человѣкъ, характеръ и дѣятельность, котораго были превознесены извѣстной исторической школой. Его имя связывалось съ самымъ блестящимъ періодомъ новаго царствованія, его вліянію приписывали сокращеніе казней, рядъ благородныхъ попытокъ и славныхъ дѣлъ Ивана. Какъ и Захаровъ, Алексѣй Адашевъ былъ низкаго происхожденія. Съ 1543 г. онъ принадлежалъ къ числу царскихъ слугъ, былъ „постельникомъ“. Далѣе я постараюсь подробно выяснить характеръ и дѣятельность этого лица.

Въ концѣ того же 1546 г. Иванъ собрался болѣе рѣшительнымъ способомъ укрѣпить свою независимость. 17 де-

кабря по Москвѣ разнеслось извѣстіе, что великій князь рѣшилъ вступить въ бракъ съ одной изъ русскихъ дѣвицъ.

III.

Женитьба и вѣнчаніе на царство.

Безъ сомнѣнія, это рѣшеніе не было такъ неожиданно, какъ обыкновенно его представляютъ. Уже въ 1543 г. было отправлено посольство въ Польшу. Ѳедору Ивановичу Сукину и Истомѣ Стоянову было поручено намекнуть при польскомъ дворѣ, что князь находится въ такомъ возрастѣ, когда являются своевременными заботы о подысканіи ему жены. Дѣлались и другія попытки подобнаго рода, но онѣ не увѣнчались успѣхомъ, и честолюбивый Иванъ послѣ этого отказался отъ рѣшенія вернуться къ традиціямъ Ярослава. Но онъ рѣшилъ, по крайней мѣрѣ, вознаградить себя за эти неудачи. На другой день послѣ объявленія его рѣшенія въ Успенскомъ соборѣ было совершено молебствіе, послѣ котораго Иванъ объявилъ боярамъ, что онъ намѣренъ вѣнчаться на царство не какъ великій князь, а какъ царь. Онъ, такимъ образомъ, желалъ принять титулъ *царя*, который до него не былъ оффиціально признанъ.

Царь и Императоръ у русскихъ того времени были синонимами. Правда, титулъ царя въ то время немного уже утратилъ свое величіе благодаря тому, что многіе татарскіе князья, бывшіе уже большой частью данниками московскаго князя или простыми правителями его областей, также именовали себя царями. Но этотъ титулъ носили и византійскіе императоры, а они вѣдь были государями той великой Восточной имперіи, которую думали снова востановить въ новой столицѣ православнаго міра. Церковная литература оказывала большое содѣйствіе укрѣпленію этого намѣренія. Въ книгахъ на славянскомъ языкѣ безразлично называли царями вмѣстѣ съ іудейскими царями государей ассирійскихъ, египетскихъ, вавилонскихъ, а также римскихъ и византійскихъ императоровъ.

При помощи намековъ и хитроумныхъ выдумокъ читателю навязывалась идея о исторической преемственности, соединяющей московскихъ государей со всѣми этими предшественниками. Это представленіе постепенно проникало въ національное сознаніе. Не московская ли держава и есть именно то шестое царство, о которомъ упоминается въ апокалипсисѣ? И развѣ еще до брака Ивана III на Софіи Палеологъ домъ Рюрика не пріобрѣлъ чрезъ Владиміра Мо-

номаха всѣхъ правъ на наслѣдіе Порфирородныхъ, Константина Великаго и даже самыхъ кесарей римскихъ? Какъ мы видѣли, идея третьяго Рима жила въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ въ славянскомъ мірѣ.

Эта историческая греза искала случая воплотиться въ дѣйствительности. Послѣ паденія сербскаго и болгарскаго царства, она естественно должна была переброситься на сѣверъ. Посланный изъ Константинополя въ Москву (1382) болгаринъ Клиріанъ занять престолъ митрополита, перенесъ туда и фразеологію, выработанную въ Тырновѣ знаменитымъ Ефимомъ. Въ Москвѣ она была легко усвоена. Послѣ паденія Константинополя угнетенные южные Славяне устремили свои взоры въ сторону Москвы, ожидая отъ нея своего спасенія. Сербъ Пахомій влагаетъ въ уста даже самому Іоанну торжественное признаніе царскаго титула за московскими государями. Другіе писатели находили опору для той же самой идеи въ священныхъ преданіяхъ. Прежде всѣ пророчества переносились на Александра болгарскаго. Теперь на его мѣсто нужно было поставить другого государя, для чего не требовалось работы мысли. По греческимъ преданіямъ, Измаила долженъ покорить *свѣтловолосый родъ*. Этотъ свѣтловолосый родъ, называвшійся *русымъ*, легко превратился въ *русскихъ*. Среди легендъ византійскаго происхожденія, распространившихся въ славянскомъ мірѣ, были и такія, которыя проникали и на западъ, то въ нѣмецкой поэмѣ объ Аполоніи Тирскомъ, то въ старыхъ французскихъ романахъ объ Оберонѣ и Гуонѣ Бордосскомъ. Одна изъ распространенныхъ легендъ повѣствовала о томъ, что Порфирородные получили знаки своего царскаго достоинства изъ Вавилона, куда за ними посылалъ Императоръ Левъ; другая говоритъ о пріобрѣтеніи ихъ Владиміромъ Мономахомъ или Владиміромъ святымъ. Въ *Степенной книгѣ* Макарій старается доказать, что Владиміръ, умирая, завѣщалъ эту святыню шестому своему сыну Юрію, чтобы онъ и его потомки хранили ее до того времени, когда на Руси найдется князь, способный ею воспользоваться. Съ XI—XII в. славянскіе генеалогисты выводили домъ болгарскихъ Асѣней отъ одной знатной римской фамиліи. Въ XIV вѣкѣ они точно также старались породнить Нѣманичей сербскихъ съ императоромъ Константиномъ и даже Августомъ. Макарію оставалось только слѣдовать ихъ примѣру, и онъ это сдѣлалъ: въ житіи святой Ольги онъ говоритъ о какомъ то Пруссѣ, братѣ Августа. Отъ этого Прусса происходилъ Рюрикъ.

Иванъ Васильевичъ и старался теперь присвоить себѣ этотъ титулъ, окруженный столькими миѳами, символами,

славными воспоминаніями и честолюбивыми мечтами, и вмѣстѣ съ тѣмъ доступный, осязательный, осуществимый въ дѣйствительной жизни.

Вѣнчаніе на царство происходило 16 января 1547 года. Было сдѣлано все, чтобы придать ему какъ можно больше блеска и торжественности. При огромномъ стеченіи народа, при торжественномъ звонѣ колоколовъ, церковь и тронъ какъ бы сочетались во единомъ этомъ торжествѣ: епископы, священники, монахи возносили къ Богу молитвы и просили его, чтобы онъ укрѣпилъ новаго царя духомъ справедливости и истины, а бояре въ это время осыпали тронъ дождемъ золотыхъ монетъ, что являлось эмблемой изобилія тѣхъ благъ, которыхъ ему желали. Однако этотъ наслѣдникъ греческихъ и римскихъ императоровъ не рѣшился освѣдомить иностранныя державы и о своихъ притязаніяхъ. Онъ помнилъ, какъ неудачны были попытки въ этомъ родѣ его отца и дѣда. Въ 1514 г. Василій попробовалъ было именовать себя, съ согласія посла Снитцпаннера, въ договорѣ съ Максимиліаномъ *кесаремъ*. Но въ Вѣнѣ отказались подписывать этотъ договоръ. На согласіе Польши, какъ и раньше, нельзя было разсчитывать и теперь. Вмѣстѣ съ нѣкоторыми мелкими германскими княжествами бо́льшую сговорчивость проявили только константинопольскіе патріархи, возлагавшіе вмѣстѣ со всей восточной православной церковью свои единственныя и послѣднія надежды на Москву. Но Иванъ пока и здѣсь не выступалъ съ заявленіемъ о своемъ титулѣ и правахъ и только въ 1561 г. послѣ шумныхъ успѣховъ онъ рѣшилъ попытать счастья съ этой стороны. Просьба къ патріарху подкрѣплялась значительными дарами. Патріархъ Іоасафъ призналъ Ивана царемъ и потомкомъ царевны Анны. Онъ даже предложилъ московскому государю еще разъ совершить торжественное коронованіе при участіи особо назначеннаго для этого случая митрополита. Но это оказалось излишнимъ. Но изъ 37 подписей, скрѣплявшихъ грамоту, присланную изъ Константинополя въ Москву, 35 оказались впослѣдствіи подложными. Православная церковь уклонялась отъ рѣшительнаго отвѣта, хотя патріархи Александрійскій и Антіохійскій спѣшили признать совершившійся фактъ, а Іерусалимскій пошелъ даже еще дальше и провозгласилъ новаго царя главою христіанства. Но масса восточнаго духовенства отказывалась слѣдовать ихъ примѣру. И такимъ образомъ въ церковную общину, гдѣ государю какъ бы принадлежало верховенство, его царская власть проникала съ трудомъ, такъ сказать, нагнувшись и даже оступившись на порогѣ. Но русскому народу эти подробности были невѣдомы. По-

эзія былинъ свободно смѣшивала событія и эпохи. Національная гордость и народное воображеніе набрасывали чудесный покровъ на это нѣсколько унизительное начало русскаго *царства* и на его неудачи. Носитель знаковъ царскаго достоинства видѣлъ восточную имперію въ развалинахъ, а православную церковь въ опасности отъ мусульманъ, угрожавшихъ ей отъ Босфора до Волги, и онъ направился къ стѣнамъ Казани, чтобы стать защитникомъ Церкви и побѣдителемъ Ислама. Московскіе художники, украшавшіе символическій царскій тронъ, до настоящаго времени хранящійся въ Успенскомъ соборѣ, прибавили новые, аналогичные прежнимъ, вымыслы. Такимъ образомъ Иванъ оказался, по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ собственной обширной державы въ ореолѣ славы и величія, какого не зналъ ни одинъ изъ его предшественниковъ.

Въ бракѣ Ивану суждено было насладиться счастьемъ, не выпадавшимъ на долю его предковъ. Выборъ невѣсты производился по общему правилу. Благородныя дѣвицы всего государства, происходившія изъ семей служилыхъ людей, были собраны въ Москву. Для пріема ихъ были отведены огромныя палаты съ многочисленными комнатами; въ каждой изъ нихъ было по 12 кроватей. Къ первому браку Василія, по словамъ Франциска да-Колло, было собрано 500 красавицъ, а по свидѣтельству Герберштейна 1500. Эти цифры, по всей вѣроятности, показываютъ только число тѣхъ дѣвицъ, которыя попали въ Москву уже послѣ первыхъ выборовъ въ провинціяхъ. Такой порядокъ существовалъ и въ Византіи. Тамъ правителямъ областей давались поэтому поводу подробныя инструкціи, съ указаніемъ роста и другихъ качествъ дѣвицъ. Когда въ сералѣ собирались кандидатки, туда являлся самъ государь въ сопровожденіи одного изъ старѣйшихъ вельможъ. Проходя по покоямъ, онъ дарилъ каждой изъ красавицъ по платку, вышитому золотомъ, съ дорогими камнями. Онъ набрасывалъ платки дѣвицамъ на шею. Послѣ того, какъ выборъ былъ сдѣланъ, дѣвицы отпускались съ подарками по домамъ. Такъ въ 1547 г. Иванъ выбралъ себѣ Анастасію, дочь покойнаго Романа Юрьевича Захарьина-Кошкина, происходившаго изъ стараго боярскаго рода. Среди гибели княжескихъ родовъ онъ сумѣлъ, однако, сохранить близость къ царскому трону и не принималъ участія въ ожесточенной борьбѣ за власть въ дни дѣтства Ивана. Возможно, что въ данномъ случаѣ выборъ невѣсты былъ только простой формальностью. Захарьины-Кошкины были баловнями фортуны. Одинъ изъ братьевъ Анастасіи явился основателемъ дома Романовыхъ, призванныхъ на царство. Вмѣстѣ съ Шереметевыми, Ко-

лычевыми и Кобылиными Захарьины-Кошкины слыли за потомковъ нѣкоего Андрея Кобылы, прусскаго выходца, какъ говорятъ лѣтописи. Однако, со временемъ національное самолюбіе замѣнило Пруссію Новгородомъ, что было легко сдѣлать, такъ какъ въ Новгородѣ была часть, жители которой назывались пруссами. Впрочемъ, едва ли можно оспаривать славянское происхожденіе Кобылы. Это ясно видно изъ самой фамиліи. Кромѣ того извѣстно, что современная германская столица лежитъ на землѣ, занятой раньше славянами.

Мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній о бракѣ Ивана, но то, что я сказалъ въ предыдущей главѣ, примѣнимо и къ данному случаю. Молодой царь любилъ свою жену, какъ и Василій Елену. Спустя много лѣтъ, Иванъ съ сожалѣніемъ вспоминалъ о радостяхъ и счастьи, которыя ему доставилъ союзъ съ Анастасіей. Однако, его медовый мѣсяцъ былъ вскорѣ жестоко нарушенъ. Бракъ состоялся 3-го февраля 1547 г. Не прошло и трехъ мѣсяцевъ послѣ этого, какъ вспыхнулъ пожаръ, уничтожившій цѣлую часть столицы. Иванъ былъ выведенъ изъ сладкаго покоя, въ которомъ окружающіе склонны были видѣть залогъ лучшаго будущаго. Красивая и ласковая Анастасія казалась ангеломъ хранителемъ, который удержитъ государя отъ вспышекъ гнѣва и дастъ покой подданнымъ. Но это былъ самообманъ. Вліяніе Анастасіи было преувеличено, какъ и все преувеличивалось въ этой легендарной странѣ. Въ сущности въ характерѣ Ивана не произошло никакой перемѣны. Онъ на время смягчился, но потомъ нравъ его проявился рѣшительно и бурно. 30 іюня 1547 года къ царю явились псковичи съ жалобой на своего намѣстника. Иванъ обошелся съ ними еще хуже, чѣмъ съ новгородцами. Онъ вспомнилъ жестокія потѣхи дѣтства, велѣлъ несчастныхъ псковичей облить спиртомъ и жечь ихъ, затѣмъ велѣлъ раздѣть. Они уже ожидали конца, но неожиданная случайность отвлекла вниманіе Ивана въ другую сторону. Все это происходило въ деревнѣ Островкѣ близъ Москвы. Какъ разъ въ это время прибылъ гонецъ изъ столицы съ извѣстіемъ, что въ Кремлѣ упалъ большой колоколъ. Это по мѣстнымъ понятіямъ того времени было дурное предзнаменованіе; за нимъ должны были послѣдовать несчастныя событія. На этотъ разъ примѣта оказалась вѣрной. Произошли событія, выдвинувшія новыхъ людей и придавшія царствованію Ивана новую физіономію. Иванъ тотчасъ забылъ о своихъ жертвахъ, потребовалъ коня и поскакалъ на мѣсто происшествія.

IV.

Сильвестръ и Адашевъ.

21-го іюня Москву охватилъ пожаръ такихъ размѣровъ, какого еще здѣсь не бывало. Запылалъ Кремль. Куполъ Успенскаго собора, палаты царя и митрополита, казна, арсеналъ, два монастыря и множество церквей со всѣми ихъ богатствами стали добычей огня. Митрополитъ Макарій едва не задохся: спасаясь отъ огня, онъ упалъ и сильно расшибся. Насчитывали до 1700 мужчинъ, женщинъ и дѣтей, сгорѣвшихъ живыми. Въ торговой части были уничтожены магазины. Ивану негдѣ было жить. Онъ переѣхалъ въ село Воробьево, на ту самую гору, съ которой Наполеонъ впервые смотрѣлъ на Москву — могилу своей славы. Царь устроилъ совѣщаніе. Его духовникъ Ѳедоръ Барминъ заговорилъ о колдовствѣ, какъ о причинѣ случившагося грандіознаго несчастія. По поводу этого случая уже успѣли возникнуть и распространиться слухи, что чародѣи вынимали у мертвыхъ людей сердца, мочили ихъ въ водѣ и той водой кропили городъ. Отъ этого и произошелъ пожаръ. Нѣсколько бояръ поддержали это обвиненіе. Начали разыскивать виновныхъ. Нѣсколько дней спустя, въ воскресенье, толпа народа собралась у пострадавшаго отъ огня Успенскаго собора и начала называть имена виновниковъ. Правленіе Елены оставило недобрую память. Мать и братья правительницы стали подвергаться непримиримой ненависти. Появились и свидѣтели, утверждавшіе, что они видѣли, какъ улицы и стѣны домовъ кропились колдовской водой. Князь Михаилъ Васильевичъ Глинскій, дядя царя, жилъ въ это время со своей матерью далеко, во Ржевѣ. Но братъ его Юрій былъ въ Москвѣ. Онъ думалъ было найти убѣжище въ томъ самомъ храмѣ, который пострадалъ отъ пожара, будто бы имъ вызваннаго. Но толпа ворвалась туда, убила его, а трупъ выволокла и бросила на то мѣсто, гдѣ казнили преступниковъ, затѣмъ устремилась къ его двору и и начала избивать слугъ. Спустя три дня, чернь появилась въ Воробьевѣ и начала требовать выдачи другихъ мнимыхъ виновниковъ пожара. Шуйскіе, отправленные въ ссылку послѣ казни Андрея, теперь были возвращены оттуда и вошли въ милость царя. Они находились въ свитѣ царя и совѣтовали ему казнить лицъ, на которыхъ указывала толпа.

Но Иванъ рѣшилъ показать себя. Моментъ былъ трагическій и рѣшительный. Если бы Иванъ послѣдовалъ совѣту Шуйскихъ, онъ оставилъ бы въ исторіи кровавую память. Но слѣдовать указаніямъ другихъ было не въ натурѣ

Ивана. Онъ былъ часто несправедливымъ и жестокимъ судьею, но судилъ самостоятельно. Иванъ былъ суевѣренъ, какъ и всѣ его современники, и возможно, что и онъ раздѣлялъ общій взглядъ на причину пожара и считалъ обвиненіе основательнымъ, но обвинители являлись еще большими на его взглядъ виновниками: они хотѣли и старались посягнуть на его права, навязывали ему свое рѣшеніе, свой приговоръ. Тиранъ, котораго уже знали, превратился въ государя, котораго должны были узнать. Михаилъ Глинскій бѣжалъ въ Литву, но по дорогѣ былъ схваченъ Петромъ Шуйскимъ. Иванъ велѣлъ освободить Михаила, а также и его мать Анну. Много было работы для палача, но расправа производилась съ зачинщиками безпорядковъ, съ тѣми, кто старался поживиться на пепелищѣ Москвы или свесть счеты со своими врагами.

Первый біографъ Ивана, Курбскій въ изображеніе этихъ событій ввелъ одинъ эпизодъ, к оторый далъ поводъ къ ошибочнымъ заключеніямъ позднѣйшихъ изслѣдователей. Въ тотъ моментъ, когда Ивану угрожала толпа, къ нему яился неизвѣстный священникъ. Онъ имѣлъ такой видъ, какой мѣстные иконописцы придавали изображенію пророковъ, съ поднятой къ небу рукой, съ воодушевленнымъ и суровымъ лицомъ. Онъ заговорилъ съ царемъ властнымъ голосомъ, какъ посланникъ неба, обличалъ его словами Священнаго Писанія; въ происходившихъ событіяхъ онъ видѣлъ знакъ гнѣва Верховнаго Судьи. Наконецъ, онъ свою рѣчь подкрѣпилъ знаменіями и чудесами. Эта послѣдняя черта показываетъ, какую оцѣнку должны мы давать разсказу. Впрочемъ, мы имѣемъ другія указанія, позволяющія выяснить историческую истину. Уже нѣсколько лѣтъ до указаннаго времени Сильвестръ, авторъ *Домостроя,* былъ настоятелемъ церкви Благовѣщенія и состоялъ духовникомъ государя. Поэтому священникъ, которому Курбскій приписываетъ такую необыкновенную роль, не могъ быть неизвѣстнымъ Ивану. Сильвестръ былъ въ дружбѣ съ Владиміромъ Андреевичемъ, однимъ изъ дядей Ивана, и за него онъ ходатайствовалъ съ успѣхомъ передъ царемъ еще въ 1541 г. Такимъ образомъ ему еще гораздо раньше приходилось оказывать на царя вліяніе, которое, правда, ограничивалось узкой сферой. Его невысокое положеніе простого священнослужителя, а также и невысокій интеллектуальный уровень не давали ему возможности широко распространять свое вліяніе. Курбскій, вѣроятно, вспомнилъ явленіе Нафана къ Давиду. Но языкъ *Домостроя* не имѣлъ ничего пророческаго. Наступалъ просто-на-просто моментъ, когда при государѣ должны были выдвинуться

новые люди безъ какого бы то ни было чуда. Иванъ понималъ необходимость измѣненія старыхъ пріемовъ управленія. Новое направленіе требовало и новыхъ дѣятелей. Безсознательно онъ послѣдовалъ примѣру Людовика XI: „не безъ основанія не довѣрялъ онъ образованнымъ и честнымъ людямъ; онъ искалъ себѣ сотрудниковъ въ безвѣстной толпѣ; выбиралъ людей, которые ничему не учились и въ своихъ успѣхахъ руководились лишь инстинктомъ". Какъ и другой Грозный, французскій король, Иванъ предпочиталъ людей, которыхъ самъ выводилъ изъ ничтожества. Наступленіе этого момента было, несомнѣнно, ускорено катастрофой 1547 года, и вполнѣ естественно, что Сильвестръ выдвинулся во время безпорядковъ. Ничто не указываетъ на то, что онъ съ этого момента пріобрѣлъ надъ духомъ молодого царя ту власть, о которой говоритъ Курбскій, а вслѣдъ за нимъ и другіе историки.

Съ другой стороны, былъ ли Сильвестръ настолько крупной личностью, чтобы играть видную роль при такомъ человѣкѣ, какъ Иванъ? Домострой не обнаруживаетъ въ немъ ни дальновиднаго политика съ широкими планами, ни высокаго моралиста. Кромѣ Домостроя, до насъ дошли еще три посланія Сильвестра, но и въ нихъ нѣтъ ничего, кромѣ чистѣйшей чепухи. Одно изъ нихъ адресовано Ивану. Подлинность его сомнительна, но глупость несомнѣнна. Наставленія его сводятся къ проповѣди воздержанія отъ содомскаго грѣха.

Иванъ имѣлъ другаго наставника нравственности—митрополита Макарія. Сильвестръ далеко уступалъ ему въ знаніяхъ. Онъ не могъ равняться по нравственной возвышенности и съ избранной группой, державшейся около Максима Грека. Однимъ словомъ, Сильвестръ не имѣлъ ничего, что могло бы оказывать на другихъ сильное вліяніе и увлекать ихъ за собой. Послѣ 1547 г. ему приписываютъ еще другую роль. Возможно, что онъ въ это время могъ оказать вліяніе на молодого государя. Послѣ пожара покои великокняжескаго дворца рѣшено было заново разукрасить. Во всѣхъ странахъ и во всѣ времена стѣнная живопись являлась точнымъ отраженіемъ идей и понятій вѣка. Въ XVI в. на Руси не было различія между картинами, украшавшими стѣны церквей и дома мірянъ. Стиль и сюжеты были одни и тѣ же. Мотивы заимствовались главнымъ образомъ изъ Библіи и священныхъ преданій. Сильвестру былъ порученъ надзоръ за работой художниковъ. Появились картины, сохранившіяся до конца XVII вѣка. Забѣлинъ даетъ точное описаніе ихъ въ своемъ трудѣ: „Домашній бытъ русскихъ царей" (стр. 149). И въ порученной

Сильвестру работѣ онъ обнаружилъ только способности придворнаго льстеца, черта, проглядывающая уже и въ Домостроѣ. Картины, за исключенiемъ той, которая изображала кающагося грѣшника, представляли то побѣжденнаго воина, въ родѣ Iисуса Навина, берущаго городъ, то мудраго и благодѣтельнаго царя Соломона въ роли судьи. И все это представляло Ивана и символизировало его славныя дѣянiя. Быть можетъ, Иванъ находилъ въ этихъ изображенiяхъ кое-что назидательное для себя, но они главнымъ образомъ льстили его честолюбiю. Нечего и говорить о сценахъ истребленiя „всякой души живой“ во взятомъ Iерихонѣ. Едва ли могли быть исправлены подобными примѣрами жестокiе инстинкты Ивана.

Защитники Сильвестра указываютъ, что онъ ввелъ въ эту странную живопись нѣкоторое новшество, о которомъ свидѣтельствовала картина неизвѣстнаго худвжника, изображавшая традицiонную фигуру Христа и рядомъ съ нимъ женщину въ такой позѣ, точно она плясала. Картина эта вызвала скандалъ и церковное слѣдствiе. Но самъ Макарiй выступилъ на защиту искусства, указывая на то, что художникомъ недопущено никакого кощунства: на картинѣ изображенъ порокъ, посрамленный словами Божественнаго учителя. Правда, въ эту эпоху въ русское пластическое искусство проникаютъ вмѣстѣ съ влiянiемъ Запада новыя вѣянiя. Но для Сильвестра они были совершенно чуждыми. Тогда же для Благовѣщенской церкви были написаны псковскими художниками двѣ иконы. Ровинскiй видитъ въ нихъ подражанiе итальянцамъ Чимабуэ и Перуджино.

Перiодъ преобразованiй въ управленiи открывается Иваномъ созывомъ собора. До настоящаго времени не удалось установить ни времени созыва, ни характера его совѣщанiй. Можно только сказать, что онъ былъ созванъ нѣсколько лѣтъ спустя послѣ катастрофы 1547 г. Въ этотъ моментъ на сцену выступаетъ и Алексѣй Адашевъ и вступаетъ въ тѣсный союзъ съ Сильвестромъ. Но главнаа роль на этомъ соборѣ принадлежала Макарiю. Только неправильное толкованiе документальныхъ данныхъ могло присвоить ему и Адашеву руководящую роль, для которой не былъ созданъ ни тотъ, ни другой. Личность Адашева окружена легендами, и его фигура въ глазахъ нѣкоторыхъ историковъ совершенно заслоняетъ Ивана Грознаго. Многiе изъ нихъ были введены въ заблужденiе какъ пристрастными показанiями политическаго союзника Адашева—Курбскаго, такъ и свидѣтельствомъ самого царя. Это именно и дало поводъ думать, что этотъ простой слуга сталъ на мѣсто государя, думалъ и дѣйствовалъ за него. По представленiю нѣкоторыхъ истори-

ковъ, Адашевъ съ Сильвестромъ образовали дуумвиратъ, болѣе десяти лѣтъ правили государствомъ и обезпечивали благосостояніе страны.

Я постараюсь дальше изобразить положеніе вещей въ настоящемъ видѣ и поставлю этихъ людей на надлежащее мѣсто. Свидѣтельство Курбскаго, какъ и Грознаго, относится уже къ тому времени, когда обоихъ любимцевъ постигла царская немилость. Курбскій въ это время былъ добровольнымъ изгнанникомъ и онъ старался смягчить ударъ, нанесенный его честолюбію, придумывая болѣе или менѣе удачныя оправданія. Иванъ же всегда отличался замѣчательнымъ умѣньемъ въ измышленіи фактовъ, помогавшихъ перенесть вину съ себя на своихъ враговъ. Какъ извѣстно, политика вовлекла Ивана въ ожесточенную борьбу, не прекращающуюся въ продолженіи всего его продолжительнаго и бурнаго царствованія. Трудно опредѣлить, къ какой партіи примыкали въ этой борьбѣ или, по крайней мѣрѣ, какой стороны держались Сильвестръ съ Адашевымъ. И тотъ и другой были выскочками, и многіе склонны были видѣть въ нихъ тѣхъ новыхъ людей, которыхъ Иванъ выдвинулъ въ борьбѣ съ боярскимъ самовластіемъ. Но Курбскій всецѣло принадлежалъ къ этому старому боярству и въ то же время онъ былъ другомъ и единомышленникомъ Сильвестра и Адашева. Нѣтъ другого способа примирить эти безвыходныя противорѣчія, какъ только признать обоихъ царскихъ любимцевъ тѣмъ, что они были въ дѣйствительности. Иванъ пользовался ими въ борьбѣ съ боярствомъ. Но сами они предпочитали служить боярамъ, которые по своему усмотрѣнію двигали эти пѣшки. Замѣтивъ это, Иванъ удалилъ отъ себя Сильвестра и Адашева и на ихъ мѣсто призвалъ другихъ. Возвратимся къ фактамъ.

V.

Первый соборъ.—Русскій парламентаризмъ.

Въ 1547 г. Иванъ расправился съ черныо и съ подстрекателями, толкавшими его самого на путь преступленій. Онъ произвелъ свой судъ и кое-кого лишилъ головы. Но правленіе по-прежнему оставалось въ рукахъ бояръ и безпорядки, вспыхнувшіе въ Москвѣ, были ничто по сравненію съ другими, отъ которыхъ страдало и рушилось все государство. Иванъ далъ пройти еще двумъ-тремъ годамъ, чтобы убѣдиться въ необходимости покончить съ этимъ положеніемъ и положить конецъ злоупотребленіямъ. Въ

1549 или 1550 г. (послѣдній годъ болѣе вѣроятенъ) былъ созванъ, по словамъ лѣтописей, соборъ въ Москвѣ. Въ немъ участвовали представители всѣхъ сословій и областей. Собраніе происходило подъ открытымъ небомъ на Красной площади, возлѣ Кремля. Царь обратился къ собравшимся съ рѣчью и началъ съ обличенія бояръ. Онъ перечислялъ ихъ злодѣянія и обѣщалъ положить имъ конецъ, чтобы дать мѣсто торжеству справедливости и любви. Заканчивая свою рѣчь, онъ обратился къ митрополиту: „Молю тебя, святой владыко, будь моимъ помощникомъ и опорой въ этомъ дѣлѣ любви. Ты самъ знаешь, что я остался послѣ смерти моего отца 4 лѣтъ. Родственники не заботились обо мнѣ. Сильные бояре только знали злоупотреблять властью... И въ то время, какъ они расхищали мои сокровища, я былъ точно нѣмъ и глухъ, благодаря своей молодости. Они правили самовластно моимъ именемъ. Лихоимцы и хищники и судьи неправедные, какой дадите вы теперь намъ отвѣтъ за тѣ слезы и кровь, которыя пролились благодаря вашимъ дѣяніямъ! Я чистъ отъ крови. Но вы ждите заслуженнаго вами воздаянія!“ Затѣмъ царь поклонился на всѣ четыре стороны и просилъ народъ забыть тѣ вражды и тягости, которыя были причинены боярами, просилъ обождать, такъ какъ сразу исправить все нельзя, и обѣщалъ быть впредь судьей и заступникомъ.

Въ тотъ же день Адашевъ былъ пожалованъ въ окольничіе и ему было поручено принимать челобитныя. При чемъ Иванъ приказалъ ему съ особымъ вниманіемъ относиться къ просьбамъ простыхъ людей и не бояться сильныхъ, притѣсняющихъ бѣдныхъ и слабыхъ.

Этотъ разсказъ нуждаетя въ поясненіи. Иванъ всегда любилъ театральность, хотя, быть можетъ, на соборѣ онъ и не предавался тѣмъ лирическимъ изліяніямъ, которыя въ его уста вложены лѣтописцами, но все-таки возможно, что онъ нѣчто подобное высказалъ на Красной площади при этой благопріятной для любителя краснаго словца обстановкѣ. Но какой смыслъ имѣли эти рѣчи? Въ появленіи юнаго царя предъ собраніемъ своего народа славянофилы видѣли поразительный примѣръ идеальныхъ отношеній, основанныхъ на взаимной любви между подданными и ихъ государемъ. Славянофилы склонны были видѣть въ этомъ характерную особенность славянской рассы, которая одна способна воспринять и сохранить подобныя основы государственнаго устройства. Другіе историки въ соборѣ видѣли средства обращенія государя къ народу съ призывомъ поддержать его въ борьбѣ съ боярами. Но все это плодъ чистѣйшихъ измышленій.

Мы не имѣемъ никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній о составѣ собора 1550 г. Но мы можемъ судить о немъ по составу соборовъ позднѣйшаго времени. Народныя массы врядъ ли были на немъ представлены. Даже нѣтъ указаній на то, что при созывѣ собора проводился принципъ представительства. Въ этомъ смыслѣ нѣкоторые старались истолковать одно мѣсто такъ называемой *Хрущевской* лѣтописи. Она извѣстнаго происхожденія и хранится въ московскомъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Какъ и сборникъ Макарія, это *степенная книга*, довольно распространенный въ то время родъ компиляціи. Но Платоновъ доказалъ, что истолковывшееся мѣсто Хрущевской лѣтописи представляетъ вставку позднѣйшаго времени. Сдѣлана она, вѣроятно, во второй половинѣ XVII в. подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ идей, распространившихся въ эту эпоху. Приходится видѣть въ этой вставкѣ какъ бы отраженіе практики позднѣйшихъ соборовъ, созывавшихся преемниками Ивана уже совершенно при другихъ условіяхъ.

По вопросу о соборѣ 1550 года самъ Иванъ оставилъ намъ свѣдѣнія совершенно иного характера. Произнося рѣчь уже на другомъ соборѣ, созванномъ годомъ позже, онъ вспоминалъ то, что говорилось на Красной площади. Подъ пышнымъ покровомъ и цвѣтами обманчивой риторики можно немного разглядѣть интересующую насъ истину. Нужно замѣтить, что въ Москвѣ никогда на слова не скупились и часто разплачивались этой монетой въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось улаживать непріятные счеты. Нѣтъ другого народа, который питалъ бы такое пристрастіе къ выдумкѣ и изворотливости въ рѣчи. На этотъ разъ Иванъ остался вѣренъ себѣ и выразился неясно. Онъ только сказалъ, что имъ повелѣно боярамъ, правителямъ и намѣстникамъ *примириться со всѣми христіанами державы*. Сопоставляя и сближая тексты, можно прійти къ слѣдующему вѣроятному заключенію: соборъ 1550 г. былъ не болѣе, какъ простое совѣщаніе должностныхъ лицъ, эпизодомъ административной жизни той организаціи, черты которой мною отличены были выше. Иванъ, быть можетъ, никогда и не думалъ измѣнять характеръ этого строя.

Аппелировать къ народу противъ бояръ значило возбуждать его противъ должностныхъ лицъ. Иванъ на это никогда бы не рѣшился. Порицая бояръ, онъ главнымъ образомъ къ нимъ же самимъ и относился. Его рѣчь на Красной площади была обращена ad homines въ третьемъ лицѣ. Какъ бы понялъ и принялъ сразу народъ эту рѣчь? Я имѣю въ виду тѣхъ представителей, которые хотя что-нибудь смыслили въ дѣлахъ государственнаго порядка. И

много ли можно было найти среди этого народа людей, способныхъ исправить зло, сдѣланное другими?

Въ такомъ случаѣ. каковы же были намѣренія Ивана? Очевидно, таковы: Грозный вовсе не хотѣлъ касаться системы *службы* и *служилыхъ людей*, которые въ теченіи многихъ лѣтъ производили ужасныя злоупотребленія. Онъ надѣялся улучшить работу административной машины, принять управленіе нѣкоторыхъ колесъ ея въ свои руки, а управленіе второстепенныхъ поручивъ новымъ лицамъ по своему выбору. Этимъ объясняется и его обѣщаніе быть главнымъ судьей для народа и призваніе на службу Адашева; это дѣлалось для будущаго. Что касается прошлаго, котораго „нельзя было исправить", то Иванъ старался ликвидировать съ нимъ счеты. Тысячи жалобъ оставались безъ разсмотрѣнія. Груды бумагъ ожидали своего движенія. Разобрать все это въ обычномъ порядкѣ не было возможности, такъ какъ производство дѣлъ совершалось съ невѣроятной сложностью и медлительностью. „Торжество добра и любви", какъ и „примиреніе со всѣми христіанами державы", по фразеологіи того времени, означало просто-на-просто, что нужно устроить всѣ дѣла полюбовно. Для этого, повидимому, былъ установленъ довольно короткій срокъ: такъ уже въ 1551 году Иванъ могъ объявить объ успѣшномъ разрѣшеніи всѣхъ дѣлъ, накопившихся отъ прошлаго времени.

Созывъ народнаго собора не согласовался съ той системой правленія, которую Иванъ наслѣдовалъ отъ своихъ предшественниковъ. Онъ не имѣлъ намѣренія разрушать эту систему, но хотѣлъ нѣсколько усовершенствовать и приспособить ее къ новымъ государственнымъ потребностямъ. Никакому представительному учрежденію здѣсь не было мѣста; Иванъ былъ далекъ отъ мысли вводить его, что видно изъ того, что даже такой представитель олигархической аристократіи, какъ Курбскій, никогда не высказывался противъ періодическихъ собраній по образцу 1550 года, считая ихъ орудіемъ административнаго судебнаго управленія. Нѣкоторые, какъ, напр., авторъ извѣстнаго политическаго памфлета *Бесѣда валаамскихъ чудотворцевъ*, предлагали ввести въ обычное правило подобныя совѣщанія.

Однако новую попытку совѣщанія съ соборомъ мы видимъ только въ 1566 г. Какъ и раньше, собору была постановлена опредѣленная цѣль: онъ долженъ былъ разобрать запутавшіяся отношенія съ Польшей. До насъ дошелъ оффиціальный списокъ членовъ этого собора. Онъ состоялъ изъ 32 представителей высшаго духовенства, 258 бояръ и боярскихъ дѣтей, высшихъ и низшихъ должно-

стныхъ лицъ, 9 земельныхъ собственниковъ, 53 московскихъ купцовъ, 22 смоленскихъ купцовъ или имѣющихъ занятія въ этомъ городѣ. Никакихъ слѣдовъ участія другихъ элементовъ населенія мы не находимъ въ этомъ спискѣ, Это совѣщаніе „служилыхъ людей“ при участіи нѣкоторыхъ компетентныхъ спеціалистовъ. Польскія отношенія интересовали торговые круги и особенно пограничныхъ купцовъ. Никакихъ намѣреній вернуться къ вѣчевымъ порядкамъ или усвоить начала западноевропейскаго представительства не было. Мы знаемъ, что на Руси существовали *освященные соборы*—совѣщанія іерарховъ, созывавшіяся періодически еще въ глубокой древности для обсужденія тѣхъ или иныхъ вопросовъ, касавшихся какъ церковныхъ, такъ и государственныхъ дѣлъ. Быть можетъ, эти освященные соборы и подали мысль о созывѣ аналогичныхъ совѣщаній, получившихъ впослѣдствіи названіе земскихъ соборовъ.

Старое *вѣче* отошло въ область преданій. Въ политической и соціальной организаціи московской державы не было основанія для развитія представительныхъ началъ, имѣвшихъ мѣсто у другихъ славянскихъ и германскихъ народовъ. Для перехода отъ вѣча къ народному представительству здѣсь не было такихъ промежуточныхъ формъ, какъ съѣзды дворянства, magna consilia, Herrentage. Подобно боярской думѣ, земскій соборъ явился видоизмѣненнымъ старымъ русскимъ обычаемъ. Русскіе князья совѣщались нѣкогда со своей дружиной, на мѣсто которыхъ впослѣдствіи стали служилые люди. Съ расширеніемъ административной дѣятельности, явилась необходимость въ служебномъ представительствѣ. Всѣхъ служилыхъ людей вѣдь нельзя было собрать въ Москвѣ. Правительство и прибѣгло къ выборному началу для распредѣленія служебныхъ функцій. Съ другой стороны, эти избранные представители служилаго сословія оказались какъ бы его депутатами. Такъ и установился обычай созывать въ столицѣ совѣщанія избранныхъ должностныхъ лицъ. Задачей ихъ было обсужденіе очередныхъ вопросовъ администраціи или совмѣстное рѣшеніе какихъ-нибудь общихъ дѣлъ. Доступъ на собранія опредѣлялся особой системой. Какова же была эта система? Производились ли выборы и въ какой формѣ? Мы объ этомъ ничего не знаемъ. Во всякомъ случаѣ можно полагать, что должностныя лица являлись на соборы только какъ представители администраціи, и забота о соціальныхъ нуждахъ ихъ не касалась. Они возвышали свой голосъ не какъ защитники какихъ-нибудь корпоративныхъ группъ, но какъ органа правленія. Центральная власть

призывала ихъ, чтобы получить отъ нихъ свѣдѣнія и вручить имъ свои инструкціи. Это все. Никакого дѣйствительнаго обсужденія вопросовъ не было. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда правительство дѣлало видъ, что спрашиваетъ совѣта у собранія, оно въ сущности только давало ему свои приказанія.

О какихъ-либо политическихъ правахъ этихъ мнимыхъ представителей и ихъ избирателей никогда не возникало существеннаго вопроса. Московское правительство иногда какъ бы заигрывало съ соборами, пользуясь неопредѣленностью ихъ положенія. Ни одно изъ этихъ совѣщаній не оставило послѣ себя слѣдовъ законодательной работы и даже никакого самостоятельнаго рѣшенія. Переходъ князей съ одного мѣста на другое, и связанный съ этимъ неустойчивый характеръ русскихъ учрежденій мѣшалъ развитію корпоративныхъ началъ и образованію классовъ. Группировка разрозненныхъ общественныхъ силъ поэтому сдѣлалась задачей центральной власти, которая, естественно, не думала о правахъ народа, а заботилась главнымъ образомъ о томъ, чтобы положить на него разнаго рода обязанности. Впослѣдствіи въ своемъ основаніи новый строй свелся къ принципу повинности, *тяглу*. Введеніе выборнаго начала въ эту систему нисколько не поколебало ея основаній. Въ обществѣ мало были развиты соціальные интересы, его элементы, можно сказать, недостаточно понимали свои нужды. Благодаря этому, выборы и депутатскія полномочія были просто новой повинностью, присоединявшейся къ общему тяглу. Выборная основа соборовъ, какъ мы видѣли, не доказана, но если даже допустимъ ея существованіе, то все-таки она будетъ представлять не завоеваніе стремящагося къ свободѣ народа, а правительственнымъ зданіемъ, вызваннымъ нуждами государства. Земскіе соборы были продуктомъ административнаго творчества, а не плодомъ продолжительной національной работы. Ихъ можно назвать надстройкой, механически добавленной къ старому неуклюжему зданію, но никакъ нельзя считать слѣдствіемъ внутренняго развитія. Это эпизодъ эфемернаго свойства въ исторіи русскаго государства. Съ 1550 по 1653 г. было созвано 16 соборовъ, и послѣ закрытія послѣдняго изъ нихъ, не осталось ни живой памяти, ни сожалѣній о нихъ. Соборы были вызваны къ жизни произвольнымъ рѣшеніемъ правительственной власти и произвольно той же властью были уничтожены. Ни существованіе, ни исчезновеніе ихъ не оставило никакого слѣда въ судьбѣ русскаго народа. Пусть даже не правы тѣ историки, которые утверждаютъ, что эта вѣтвь славянства не способна къ свободнымъ фор-

мамъ политической жизни, пусть кажется клеветой ихъ положенiе, что русская нацiя обречена на вѣчное рабство абсолютизму, все-таки въ XVI в. не было никакой серьезной попытки въ стѣнахъ Кремля ввести парламентарный строй.

Историческое значенiе собора 1550 г. обусловливалось важностью заботъ, заставившихъ правительство прибѣгнуть къ этому средству. За созывомъ собора послѣдовали важныя государственныя мѣропрiятiя. Царь доказалъ, что онъ знаетъ, какiя язвы разъѣдаютъ государственный организмъ. Онъ смѣлой рукой сорвалъ съ нихъ покровъ. Теперь ему оставалось для врачеванiя его примѣнить лучшiя средства, чѣмъ тѣ, которыми пользовались до той поры. Уже слѣдующiй годъ открываетъ собой эру преобразованiй.

ГЛАВА II.

Первыя преобразованія.

I. Преобразовательныя теченія.—II. Новый законъ.—III. Реорганизація службы.—IV. Религіозная реформа.

I.

Преобразовательныя теченія.

Изъ среды образованнаго класса, въ количественномъ отношеніи еще ничтожнаго при Иванѣ IV, а въ умственномъ мало развитаго, но уже заинтересованнаго нѣкоторыми политическими и соціальными вопросами; изъ среды людей мыслящихъ, спорящихъ, пишущихъ, исходило два преобразовательныхъ теченія. Отправныя ихъ положенія рѣзко отличались другъ отъ друга, но въ конечныхъ цѣляхъ они сходились весьма близко. И то и другое направленіе выдвигало новыя понятія и планы. Оба они были связаны съ великимъ вопросомъ современности, съ вопросомъ касавшимся правъ владѣнія землей. Читатели уже знаютъ, какую позицію въ этомъ остромъ вопросѣ заняли послѣдователи Нила Сорскаго и Вассіана Патрикѣева. Новый толчокъ къ развитію идей *нестяжателей* сообщилъ упомянутый выше памфлетъ—*Бесѣда Валаамскихъ чудотворцевъ*. Отличаясь причудливой формой, порой совершено затѣмняющей мысль автора, этотъ памфлетъ производилъ большое впечатлѣніе благодаря силѣ и выразительности языка. Въ этомъ произведеніи выводятся фантастическія старцы, Валаамскіе чудотворцы—Сергій и Германъ. Личность автора остается неизвѣстной. Нѣкоторые приписывали это произведеніе перу Патрикѣева, но оно написано слишкомъ запальчиво и дерзко. Едва ли какой-либо монахъ рѣшился бы съ такой смѣлостью возстать противъ накопленія богатствъ въ рукахъ чернаго духовенства. Правда, политическія воззрѣнія автора могутъ напомнить какого-нибудь монаха своей стран-

ной наивностью. Такъ, по его мнѣнію, главной заботой правительства должно быть наблюденіе за точнымъ исполненіемъ постовъ. Авторъ требуетъ, чтобы совѣтниками царя были только міряне, а не духовенство, неправильно присваивающее себѣ подобное положеніе. Жить въ бѣдности и молиться—это удѣлъ духовенства. Трудно допустить, чтобы подобные взгляды высказывались Патрикѣевымъ. Его честолюбіе врядъ ли бы примирилось съ этимъ.

Въ такой постановкѣ земельный вопросъ расширялся, затрагивалъ другіе интересы и вызывалъ цѣлый рядъ новыхъ требованій. Если скопленіе земель въ рукахъ монастырей есть зло, то не будетъ ли такимъ же зломъ и раздача земель служилымъ людямъ, постепенный захватъ ея этими привилегированными элементами, неправды которыхъ самъ Иванъ недавно такъ изобличалъ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ явился новый памфлетъ, въ формѣ посланія царю. Авторомъ его былъ Ивашко Пересвѣтовъ,—собственное ли это имя или псевдонимъ, неизвѣстно.

Произведеніе Пересвѣтова явилось настоящимъ обвинительнымъ актомъ противъ служилаго класса землевладѣльцевъ. По его словомъ, они волшебствомъ и интригами приворожили сердце царя и заставляютъ его выполнять ихъ волю. Они чрезвычайно разбогатѣли, обирая безжалостно разоренныхъ крестьянъ. Они проводятъ жизнь въ лѣности и развратѣ. Трусость ихъ также велика, какъ и жадность. Когда они идутъ на войну, то губятъ царскую армію, а въ мирное время они присваиваютъ себѣ громадную часть собирающихся съ народа въ царскую казну податей. Они повинны во всѣхъ бѣдствіяхъ государства.

Что же изъ этого вытекало? Секуляризація церковныхъ имуществъ давно уже занимала московское правительство. Иванъ III занимался этимъ вопросомъ. При немъ дѣлались нѣкоторыя попытки въ этомъ направленіи. Теперь возникалъ вопросъ о служиломъ землевладѣніи. Какъ же Ивашко Пересвѣтовъ разрѣшалъ эту проблему? Онъ предлагалъ радикальную мѣру—уничтожить систему кормленія, отобрать земли, розданныя служилымъ людямъ; взамѣнъ земель онъ рекомендовалъ платить годовое жалованье за службу. Такимъ образомъ въ рукахъ государя окажутся послушные исполнители. Земля освободится и вернется къ своимъ законнымъ владѣльцамъ, и это освободитъ народныя массы отъ невыносимой тираніи.

Оба эти произведенія съ литературной точки имѣли большое родство между собою. Въ одномъ изъ нихъ выступали вымышленные старцы; въ другомъ они были замѣне-

ны какимъ-то волошскимъ воеводой, у котораго будто бы авторъ имѣлъ свое пребываніе. Стиль произведенія Ивашки Пересвѣтова также причудливъ. Несмотря на загадочную форму этихъ произведеній, разныя околичности, неясныя и прямо темныя мѣста, столь характерныя для всей фразеологіи того времени, въ нихъ рекомендовались такіе революціонные планы реформъ, какихъ мы нигдѣ въ другихъ источникахъ не встрѣчаемъ. Ни въ одной странѣ не было такихъ рѣшительныхъ сторонниковъ теоретическаго радикализма, какъ въ Россіи. Новѣйшій русскій нигилизмъ имѣетъ свои корни въ отдаленномъ прошломъ. Но между теоріей и практикой тогда, какъ и теперь, была большая дистанція. Въ обоихъ произведеніяхъ рѣчь шла не болѣе, не менѣе, какъ о полной перестройкѣ политическаго и соціальнаго зданія. Обѣ программы реформаторовъ касались двухъ категорій земельной собственности. Оба проэкта дополняли другъ друга, между ними нѣтъ противорѣчія. Оба они представляютъ собой революціонныя и демократическія рѣшенія одной и той же задачи.

Что думалъ объ этомъ Иванъ? Какъ относился онъ къ этому двойному теченію? Что касается вопроса о церковныхъ имуществахъ, то въ немъ онъ являлся послѣдователемъ своего дѣда. При всѣхъ своихъ измѣненіяхъ и колебаніяхъ московская политнка оставалась въ этомъ вопросѣ устойчивой. Преемство ея сохранялось въ продолженіи многихъ царствованій. Однако, какъ дѣду, такъ и внуку приходилось считаться съ извѣстными препятствіями, которыя могли быть ослаблены и устранены только лишь продолжительнымъ временемъ. Реформа свѣтскаго землевладѣнія должна была считаться съ большими затрудненіями. Кѣмъ бы ни былъ Ивашко Пересвѣтовъ и откуда бы ни заимствовалъ свои идеи, онъ долженъ былъ чувствовать за собой могущественную поддержку, чтобы говорить такъ смѣло. Нѣкоторыя мѣста этого памфлета звучатъ, какъ эхо рѣчи, произнесенной молодымъ царемъ на Красной площади. Нѣкоторые склонны были видѣть въ немъ оффиціознаго писателя, быть можетъ предположеніе это было близкимъ къ истинѣ. Хотя и недостойны были служилые люди, противъ которыхъ самъ царь обѣщалъ дѣйствовать со всею строгостью, но проэктъ Пересвѣтова предлагалъ прямо экспропріировать ихъ земли, втиснуть ихъ въ узкія рамки. Эти мѣры рекомендовались по отношенію къ арміи и чиновникамъ—этимъ двумъ столбамъ государственнаго устройства. Иванъ очень много думалъ о замѣнѣ ихъ. Но для этого раньше нужно было найти тысячи Адашевыхъ, а жить вѣдь нужно было. И для того, чтобы продолжать существованіе, нужно было не только

отказаться отъ мысли измѣнить существующій порядокъ въ ущербъ служилымъ людямъ, но напротивъ, скорѣе упрочить ихъ положеніе. Еще никакая реформа не коснулась положенія служилыхъ людей, когда ихъ привилегіямъ грозилъ сильный ударъ. На владѣльцевъ раздавались сильныя нареканія, но они, съ своей стороны, могли выставить вѣскія оправданія. Они угнетали сверхъ мѣры крестьянъ, но тѣ вѣдь разоряли помѣщиковъ, покидая ихъ земли. Раньше правительство благосклонно относилось къ крестьянскимъ переходамъ и даже имъ содѣйствовало, видя въ нихъ могущественное средство колонизаціи окраинъ. Теперь же сама власть почувствовала въ этихъ переходахъ большую опасность, чѣмъ злоупотребленія *кормленщиковъ*. Палачъ всегда можетъ усмирить строптивыхъ. Но что дѣлать, если для войска и администраціи не хватитъ силъ? Что дѣлать, если помѣщики, и безъ того плохо надѣленные землей, останутся безъ куска хлѣба? Государство окажется въ безвыходномъ положеніи.

Въ своихъ обличеніяхъ и планахъ Ивашко Пересвѣтовъ рекомендовалъ примѣнить однѣ и тѣ же мѣры и къ крупнымъ, и къ мелкимъ собственникамъ. Онъ не находилъ разницы между временными владѣльцами небольшихъ участковъ и собственниками обширныхъ вотчинъ. Пренебрегая достижимыми цѣлями, онъ уходилъ слишкомъ далеко отъ реальныхъ условій. Земля въ московскомъ государствѣ была единственнымъ фондомъ, которымъ располагало правительство. Естественно, что, за неимѣніемъ другихъ средствъ, оно пользовалось ею для вознагражденія лицъ, состоявшихъ на государственной службѣ. Нахожденіе земли въ рукахъ помѣщиковъ не представляло ни общественнаго зла, ни политической опасности. Дѣйствительно привилегированный и опасный элементъ представляли владѣльцы старыхъ вотчинъ. Они одни сохраняли свое богатство и даже часто увеличивали свое состояніе, пользуясь кризисами и разореніемъ мелкихъ землевладѣльцевъ. Въ ихъ распоряженіи всегда находились въ достаточномъ количествѣ рабочія руки, которыя или привлекались ими лучшей оплатой труда, или же силой переводились на ихъ земли. Вотчины росли. Крестьянское населеніе въ нихъ увеличивалось, а вмѣстѣ съ этимъ увеличивалась и независимость ихъ хозяевъ. Они также служили государству, но по своему желанію, и они составляли недисциплинированную, строптивую массу, непривыкшую повиноваться и почти недоступную карамъ.

Правительство постоянно заботилось о государственныхъ интересахъ. Оно не могло обойтись безъ помѣщи-

ковъ и безъ вотчинниковъ. Поэтому оно не могло думать о немедленномъ уничтоженіи ихъ интересовъ. Для него было болѣе удобнымъ противоставить другъ другу обѣ эти стороны и, ослабляя болѣе сильную и опасную, тѣмъ самымъ укрѣпить слабую, менѣе угрожающую. Достигнувъ этой цѣли, надо было скорѣе устранить враждебные элементы. И, такимъ образомъ, сохраняя неприкосновеннымъ зданіе государственнаго строя, удержать на мѣстѣ полезныя колонны и удалить ненужныя. Это приводило къ завершенію историческаго процесса, длившагося уже болѣе вѣка: медленно, но неуклонно вытѣснялись удѣльные князья и вотчины, и укрѣплялись самодержавный царь и *помѣстная* система. Иванъ долженъ былъ остановиться именно на этой программѣ. Только она одна соотвѣтствовала традиціямъ и насущнымъ потребностямъ его державы.

До послѣдняго времени этого не понимали; между тѣмъ здѣсь вся исторія опричнины.

Иванъ, конечно, къ этому пришелъ не сразу. Въ тотъ моментъ, къ которому мы теперь подошли, онъ, быть можетъ, самъ блуждалъ между двумя теченіями идей, новизна и смѣлость которыхъ могли увлечь его пытливый и предпріимчивый духъ. Онъ внимательно прислушивался къ *нестяжателямъ* и, вѣроятпо, поддерживалъ Ивашку Пересвѣтова. Онъ искалъ своей дороги, вступалъ на нее осторожно, пробуя почву и, когда нужно, отступая назадъ. Такова исторія 1550—1551 годовъ съ событіями, относящимися къ этому времени. Какъ, напр., редакція новаго закона, созывъ церковнаго собора. Благодаря тому, что на этотъ соборъ былъ введенъ свѣтскій элементъ и на немъ обсуждались государственные вопросы, этотъ соборъ создалъ цѣлую эпоху и въ политической жизни страны.

II.

Новый законъ.

Людовикъ XI передъ смертью мечталъ собрать и объединить обычаи Франціи. Эта мысль была осуществлена только при Генрихѣ III. Но здѣсь еще не было кодификаціи. Русскимъ законодателямъ 1550—1551 г. пришлось переработать существовавшій уже раньше кодексъ—*Судебникъ* 1497 г. Въ этомъ кодексѣ обнаруживалось стремленіе къ установленію въ государственной жизни единообразія и попытка ввесть общій для всѣхъ порядокъ судопроизводства. Русскіе законодатели по сравненію съ западноевропейски-

ми какъ будто имѣли первенство на своей сторонѣ. Но это только кажущееся преимущество 1497 г. въ сущности почти не измѣнило юридическихъ понятій и формы *Русской Правды* XI в. Только въ отдѣльныхъ случаяхъ оно попыталось приспособить ихъ къ условіямъ своего времени. За исключеніемъ отдѣла о судопроизводствѣ и судоустройствѣ *Судебникъ* представлялъ копію древняго русскаго юридическаго памятника. Судебникъ Ивана III проникнутъ духомъ политической централизаціи. Въ закодательной дѣятельности Ивана IV проявилось два какъ будто противорѣчащія другъ другу направленія. Судебникъ 1550 г. въ нѣкоторомъ смыслѣ дѣлаетъ шагъ назадъ: онъ передаетъ судебныя функціи старымъ мѣстнымъ организаціямъ. Но въ то же время съ чисто юридической точки зрѣнія онъ представляетъ собой хотя и робкое, но несомнѣнное движеніе впередъ.

Изъ этихъ двухъ сторонъ новаго кодекса первая имѣетъ несравненно большее значеніе. Задача тогдашней администраціи цѣликомъ сводилась къ отправленію судебныхъ обязанностей. Поэтому новый кодексъ проводилъ общую коренную реформу управленія, правда, въ очень смутныхъ и неопредѣленныхъ положеніяхъ. Но отъ литературныхъ произведеній того времени вообще нельзя ожидать большей опредѣленности.

Реформа не явилась произвольнымъ измышленіемъ самого Ивана или его совѣтниковъ. Программа Ивана III была проникнута духомъ централизаціи, однако онъ уже допускалъ населеніе къ нѣкоторому участію въ судѣ. Населеніе принимало участіе въ немъ чрезъ своихъ выборныхъ представителей—старостъ, сотскихъ, добрыхъ людей. Подобная уступка со стороны правительства была вызвана, очевидно, живучестью нѣкоторыхъ мѣстныхъ традицій. Однако роль этихъ выборныхъ отъ народа лицъ ограничивалась простымъ контролемъ судопроизводства и оставалась факультативной. Это были какъ бы обложки уничтоженныхъ древнихъ учрежденій, а потому и рамки дѣятельности ихъ были слишкомъ сужены. Старосты, сотскіе, добрые люди были не вездѣ, государство не заботилось ввесть ихъ повсемѣстно. Новый кодексъ провозглашалъ намѣреніе провесть выборное начало и сдѣлать его обязательнымъ. Выборные люди должны были быть во всѣхъ судебныхъ округахъ. Даже больше того. Во время малолѣтства Ивана центральное управленіе создавало большіе безпорядки въ областяхъ: должностныя лица часто пренебрегали своими обязанностями; силой вещей создались новыя судебныя власти. Кому-нибудь нужно же было задерживать и судить на-

полнявшихъ въ то время страну бродягъ и разбойниковъ. Сельскія и городскія общины разныхъ областей ходатайствовали предъ правительствомъ о разрѣшеніи имъ выполнять судебныя функціи чрезъ выборныхъ лицъ. Правительство предоставляло населенію эти судебныя права особыми грамотами. А выборные органы этого новаго типа учрежденій стали именовиться *губными старостами. Губой* назывались части областей, т. е. округа. Такъ, на губы раздѣлялись Псковская и Новгородская области. Сначала эти новые мѣстные суды не касались уголовныхъ дѣлъ. Но съ теченіемъ времени и дѣла послѣдняго рода наравнѣ съ другими перешли въ ихъ вѣдѣніе, и судебникъ 1550 года даетъ только формальную санкцію совершившемуся факту. Однимъ росчеркомъ пера уголовная юрисдикція была возложена на мѣстныя общины. И это былъ только первый шагъ. Наступившія вскорѣ войны мобилизовали служилыхъ людей, и за отсутстіемъ ихъ казалось естественнымъ и удобнымъ административныя обязанности возложить на новые общинные выборные органы. Цѣлымъ рядомъ грамотъ, изданныхъ послѣ 1555 г., правительство преобразовало свою финансовую организацію: теперь какъ распредѣленіе, такъ и сборъ налоговъ передавались общинамъ.

Это было ни болѣе, ни менѣе какъ частичное осуществленіе программы Ивашки Пересвѣтова. *Кормленіе* уничтожалось устраненіемъ самихъ *кормленщиковъ*. Послѣ 1552 г. Иванъ и не скрывалъ своихъ намѣреній реорганизовать систему администраціи на этихъ началахъ. Служилые люди при этомъ должны были утратить существенную основу своихъ правъ на землю. Характерно, что служилые люди и не протестовали противъ этого плана, съ ихъ стороны не слышится никакихъ жалобъ. Они, очевидно, охотно соглашались отказаться отъ своихъ привилегій на землю даже при скромной денежной компенсаціи, но болѣе вѣрной, чѣмъ непостоянный доходъ съ ихъ приходившихъ въ разореніе помѣстій. Казалось, реформа дастъ общинамъ полную автономію и произведетъ коренную перемѣну въ хозяйственномъ, соціальномъ и политическомъ строѣ государства. Но она пріостановилась. Какъ и слѣдовало ожидать, люди оказались ниже идеала. Населеніе во многихъ мѣстахъ оказалось не подготовленнымъ къ выполненію возложенныхъ на него обязанностей и не могло воспользоваться благами оказавшагося ему не по плечу самоуправленія. Съ правомъ собственнаго суда была связана тяжелая отвѣтственность. Нѣкоторыя области были очень рѣдко населены, общинная организація поэтому встрѣчалась съ непреодолимыми препятствіями, даже самые подготовленные къ общественной

работѣ элементы не могли проявлять свою дѣятельность, благодаря разбросанности на огромныхъ пространствахъ. Кромѣ того населеніе боялось отвѣтственности и уклонялось отъ осуществленія предоставленныхъ ему правъ самоуправленія. Да и само правительство смотрѣло на общинную автономію, какъ на привилегію, а по старымъ традиціямъ всякая привилегія должна быть оплачена. Поэтому грамоты, устанавливавшія общинное самоуправленіе, сдѣлались предметомъ торговли. Общины должны были покупать судебныя права, которыхъ лишались прежнія должностныя лица. Одни не рѣшались на подобныя денежныя жертвы, другіе не могли ихъ произвесть по бѣдности. Въ этомъ отношеніи населеніе края раздѣлилось на двѣ части. На сѣверъ по среднему и нижнему теченію Оки населеніе было промышленнымъ, болѣе сплоченнымъ. Оно воспользовалось реформой. На югѣ недостатокъ матеріальныхъ средствъ и низкій культурный уровень населенія мѣшалъ ея проведенію. Съ теченіемъ времени, съ ростомъ населенія и развитіемъ его благосостоянія, самоуправленіе могло распространиться повсемѣстно. Однако развитіе общинъ скоро пріостановилось: петля крѣпостного права все туже затягивалась и душила ихъ. Съ другой стороны, укоренялся бюрократическій режимъ и въ центрѣ, и въ нѣкоторыхъ провинціяхъ. Правительство налогало свою руку на новыя учрежденія и искажало ихъ. Въ концѣ XVI вѣка губные старосты обратились въ простыхъ чиновниковъ, назначавшихся правительствомъ и зависѣвшихъ отъ Москвы.

Неудачная попытка Ивана IV очень напоминаетъ реформу, проводившуюся во Франціи въ XII—XIII в. Филиппомъ-Августомъ и Людовикомъ Святымъ. Этой реформой были созданы городскія общины. Еще большую близость мы замѣчаемъ между преобразовательными попытками Грознаго и мѣропріятіями X—XI в. во Франціи, гдѣ путемъ грамотъ, даровавшихся крестьянамъ отдѣльныхъ феодаловъ, было положено начало образованію сельскихъ общинъ. Но между этими двумя явленіями есть существенная разница. Во Франціи реформа была направлена на освобожденіе крестьянъ, въ Россіи же, напротивъ, она способствовала ихъ закрѣпощенію. Русскіе крестьяне были уже болѣе несвободны въ то время, когда Иванъ Грозный хотѣлъ воспользоваться ихъ стремленіемъ къ независимости для своей госудударственной реформы, и они остались безучастными въ намѣреніяхъ царя.

Иванъ также слѣдовалъ примѣру Эдуарда 1-го, англійскаго короля, возложившаго на *gentry* полицейскія и судебныя обязанности. Но въ Англіи въ теоріи и на практикѣ

невинность неразрывно связана была съ привилегіей. На Руси же между тѣмъ и другимъ не было связи. Среди крестьянъ не было подходящихъ кандидатовъ на должности по самоуправленію или же правительство не хотѣло ихъ найти. Такъ эта выборная должность стала привилегіей служилыхъ людей въ томъ смыслѣ, что крестьяне должны были выбирать кандидатовъ на должности изъ этого класса людей. На ихъ же долю оставались только тяжелыя обязанности. Однако и сами служилые люди скоро почувствовали, что и ихъ положеніе незавидно. Имъ недоставало самаго существеннаго — независимости. Здѣсь передъ нами вскрывается самая характерная черта московской политики; мы видимъ если не единственный, то, по крайней мѣрѣ, главный мотивъ преобразованій Ивана IV. Цѣлью ихъ меньше всего было усиленіе централизаціи. Безъ сомнѣнія, эти попытки реформы имѣли совершенно противоположную тенденцію.

Здѣсь рельефно выступаютъ роль и фикціи внѣшнихъ пріемовъ московской политики. Реформа имѣла только одинъ прочный результатъ: она способствовала разложенію тѣхъ независимыхъ элементовъ, которые еще существовали въ московскомъ государствѣ. Политическая программа Ивана ставила своей задачей централизацію власти. Но осуществленіе ея встрѣчало препятствіе въ лицѣ владѣтелей наслѣдственныхъ вотчинъ. Они еще пользовались широкими правами и полнотой власти на своихъ земляхъ. Молодой царь рѣшилъ покончить съ этими остатками прошлаго времени. Средствомъ для этого и явилась новая правительственная система, объединявшая разнородные элементы. Ея дѣйствія онъ самъ направлялъ полновластной рукой хозяина. На Западѣ централизація опиралась на освобождавшіеся зависимые классы. Старыя феодальныя формы разрушались и уничтожался мѣстный партикуляризмъ. На Руси классовыхъ дѣленій не существовало; городъ, монастырь, деревня со своимъ владѣльцемъ, уѣздъ, населенный свободными крестьянами, представляли рядъ не связанныхъ другъ съ другомъ общими интересами мірковъ. Государственная власть дѣлала попытку искусственно создать отсутствующіе элементы. Оно образовало мѣстныя общины, между которыми распредѣляло повинности. Но указы безсильны создать подлинную жизнь. Задуманная реформа оказалась мертворожденной. Впрочемъ, она имѣла значеніе въ томъ смыслѣ, что она уничтожила слѣды стараго и подготовила торжество новаго порядка, при которомъ совершилось всеобщее порабощеніе.

Судебникъ 1550 г. съ большой осторожностью касается

вопроса о правѣ собственности на землю. Во всякомъ случаѣ законодатель становился въ оппозицію къ передовымъ теченіямъ того времени. Консервативные элементы могли быть удовлетворены его мѣропріятіями. Обычай, закрѣплявшій право собственности на землю, пріобрѣталъ теперь силу закона и получалъ нѣкоторую устойчивость. Онъ признавалъ право выкупа наслѣдственныхъ владѣній, т.-е. продавецъ, или, за его отсутствіемъ, родственники могли во всякое время вернуть себѣ отчужденную недвижимость, возвративъ купившему стоимость его. Правда, дѣйствіе этого закона было ограничено сорокалѣтнимъ срокомъ со времени его изданія, и воспользоваться правомъ выкупа могли лишь только ближайшіе родственники; но все же законодатель укрѣплялъ одинъ изъ самыхъ ненавистныхъ пережитковъ, препятствовавшихъ свободѣ обмѣна и экономическому развитію.

Въ другомъ пунктѣ, затронутомъ законодательствомъ Ивана Грознаго, сталкивались два противоположныхъ принципа и два враждовавшихъ между собой общественныхъ элемента. И здѣсь Ивану пришлось сдѣлать отступленіе. Мы знаемъ, какіе источники рабства на Руси устанавливалъ обычай и судебникъ 1497 г. Въ судебникѣ 1550 г. число ихъ было нѣсколько ограничено тѣмъ, что признавались свободными дѣти, рожденные до перехода родителей ихъ въ холопы, родителямъ запрещалось продавать въ рабство дѣтей, рожденныхъ ими въ свободномъ состояніи. Договоры о переходѣ въ холопы должны были представляться на разсмотрѣніе высшимъ должностнымъ лицамъ и при томъ только въ такихъ городахъ, какъ Москва, Новгородъ, Псковъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы встрѣчаемъ въ томъ же новомъ судебникѣ постановленія иного характера. Такъ, разрѣшалось крестьянину оставить занимаемый имъ земельный участокъ во *всякое время* года въ томъ случаѣ, если онъ желалъ отказаться отъ свободы и продавалъ себя въ холопы. Съ другой стороны, увеличивалась плата за *пожилое.* Такимъ образомъ, новый законъ сильнѣе затягивалъ на шеѣ крестьянъ петлю, и безъ того душившую уже ихъ.

Въ этомъ послѣднемъ мѣропріятіи личныя склонности государя, безъ сомнѣнія, не играли никакой роли. Цѣлый рядъ предложеній, приготовленныхъ отъ его имени для собора, свидѣтельствуютъ о иномъ настроеніи царя. Но тотъ, кто впослѣдствіи издѣвался надъ Баторіемъ, терпѣвшимъ ограниченіе своей власти, не рѣшился на этотъ разъ воспользоваться своимъ всемогуществомъ. Онъ былъ еще слишкомъ молодъ и мало увѣренъ въ своихъ идеяхъ и намѣреніяхъ.

Въ области гражданскаго права новый судебникъ оставилъ неприкосновеннымъ порядокъ наслѣдованія. Только въ 1562 г, было сдѣлано значительное измѣненіе, упрочившее торжество политической программы, о характерѣ которой я уже говорилъ раньше: за отсутствіемъ наслѣдниковъ мужского поколѣнія, княжескія и боярскія наслѣдственныя вотчины переходили къ государству, если о нихъ не было сдѣлано завѣщательнаго распоряженія. Спустя 10 лѣтъ право наслѣдованія было сохранено только по отношенію къ жалованнымъ вотчинамъ, о которыхъ въ жалованной грамотѣ было сказано, что они даются во владѣніе получившему лицу и его роду. При томъ право наслѣдованія могли осуществлять только прямые потомки, а боковые — лишь до второй степени родства.

Судебникъ 1550 г., какъ и 1497 г., главнымъ образомъ касался вопросовъ судопроизводства. Но онъ выгодно отличался отъ прежняго кодекса. Въ немъ заключаются мѣры упорядоченія судебнаго разбирательства, полагаются строгія наказанія недобросовѣстнымъ судьямъ, преслѣдуется ябедничество, подчиняются извѣстнымъ правиламъ примѣненіе пытокъ и судебныхъ поединковъ. Въ немъ ничего не оставлено безъ вниманія. Въ этой спеціальной области было сдѣлано все, чтобы исправить глубоко вкоренившіеся недостатки судопроизводства. Кромѣ того, въ этомъ судебникѣ были затронуты факты другого порядка, и это было важнымъ нововведеніемъ: въ немъ устанавливалось наказаніе за безчестіе, различались и степени его. Но въ общемъ судебникъ проникнутъ духомъ консерватизма. Иванъ стоялъ лицомъ къ лицу съ торжествовавшей арміей своихъ непокорныхъ бояръ. Они все еще сохраняли всѣ свои преимущества, всѣ права, привилегіи и по прежнему злоупотребляли ими.

Однако Ивашка Пересвѣтовъ говорилъ не попусту. Въ томъ же 1550 г. Иванъ сдѣлалъ рѣшительный шагъ по тому единственному пути, который онъ могъ выбрать. Онъ началъ борьбу, въ которой шансы на побѣду были на его сторонѣ. Онъ попытался примирить необходимую реформу со старой правительственной системой, которую нельзя было уничтожить. 10 октября былъ изданъ указъ, реорганизовавшій высшій классъ служилыхъ людей.

III.

Реорганизація службы.

Запомните это заглавіе: въ немъ зародышъ *опричнины* и всей внутренней исторіи царствованія Ивана Грознаго.

Было отдано приказаніе собрать 1000 дѣтей боярскихъ изъ лучшихъ людей и дать имъ помѣстья въ московскомъ и въ сосѣднихъ съ нимъ уѣздахъ. Эта 1000 отборныхъ людей должна была составить высшую столичную знать и составить главный контингентъ послушныхъ лицъ для несенія разнаго рода службы и преимущественно военной. Къ этому разряду были причислены также аристократическіе фамиліи, еще раньше размѣстившіяся близъ Москвы, а также и высшіе чиновники. Послѣдніе получали земельные участки, если еще не имѣли ихъ. Вся эта аристократія раздѣлялась на три класса—„*статьи*“. Не рѣшаясь совершенно уничтожить мѣстничество, законодатель ввелъ его въ опредѣленныя границы. Всякому земельному надѣлу соотвѣтствовала строго опредѣленная служба: съ каждой сотни четвертей посѣва (около 50 десятинъ) землевладѣлецъ долженъ былъ выставить въ военное время коннаго человѣка и, кромѣ того, дать еще запасную лошадь, если походъ предполагался продолжительнымъ. Человѣкъ и лошадь могли быть замѣнены опредѣленной суммой денегъ. Государь съ своей стороны гарантировалъ денежное вознагражденіе за каждаго постановленнаго на войну сверхъ требованія человѣка, не зависимо отъ жалованья, уплачивавшагося всѣмъ участникамъ похода.

Въ установившейся такимъ образомъ іерархіи, смѣшивавшей всѣ званія и преимущества, идея службы занимала первое мѣсто. Въ протоколахъ собора 1566 года мы находимъ указаніе, что развитіе новой системы имѣло успѣхъ: въ спискѣ знатныхъ лицъ нѣтъ ни одного княжескаго имени. Сословіе правительственныхъ чиновниковъ заняло теперь первенствующее положеніе. Оно заслонило собой и поглотило княжескіе роды. По крайней мѣрѣ, оффиціально послѣдніе, какъ будто, не существуютъ. Иногда они еще заявляютъ и поддерживаютъ свои права на существованіе. Но законъ ихъ игнорируетъ. Иногда они и сами забываютъ о себѣ. Уже въ 1554 г. одинъ изъ потомковъ древнихъ удѣльныхъ князей Воротынскихъ Михаилъ Ивановичъ величаетъ себя только именемъ *дворянина*—именемъ, ставшимъ выше всѣхъ другихъ. Московская политика неуклонно стремится удалить послѣдніе остатки родовыхъ притязаній изъ области служебной іерархіи. Въ 1566 г. изъ 94 дворянъ

перваго ранга только 33 оказываются членами старыхъ княжескихъ родовъ.

Таковы были послѣдствія указа 1550 г. Новая система нѣсколько лѣтъ спустя нашла себѣ еще болѣе широкое примѣненіе въ сторожевой службѣ, организованной въ 1571 г. на южной и юго-западной границѣ и возложенной на землевладѣльцевъ пограничныхъ областей. Еще во время дѣтства Ивана въ Темниковѣ на Мокшѣ было сооружено укрѣпленіе и одновременно съ этимъ вдоль линіи естественныхъ границъ государства были размѣщены вооруженные отряды для наблюденія за движеніями татаръ. Въ 1555 г. была организована впервые регулярная охрана изъ *стрѣльцовъ*, размѣщенныхъ вдоль Волги и казаковъ—*Хоперскій полкъ*, до настоящаго времени хранящій обрывки знамени, переданнаго ему самимъ Иваномъ IV.

Кромѣ того, въ областяхъ, угрожаемыхъ нападеніемъ враговъ были даны помѣстья боярскимъ дѣтямъ. Они были сами заинтересованы въ защитѣ границъ и обязывались за пожалованныя земли нести постоянную службу. Такъ возникла двойная цѣпь порубежныхъ укрѣпленій, тянувшихся отъ Алатыря и Темникова къ Путивлю и отъ Нижняго Новгорода къ Звенигороду. Подобная же организація распространилась на восточной и западной границѣ. Постепенно образовалось обширное кольцо укрѣпленій, обезпечивавшихъ государству, недостававшую до того времени безопасность.

Реформа службы была широко задумана и проводилась съ необыкновенной энергіей, несмотря на тяжелыя внутренія потрясенія. Это одно является уже достаточнымъ оправданіемъ Ивана отъ тѣхъ обычныхъ и неосновательныхъ обвиненій, которыя и относятся главнымъ образомъ къ этому періоду его царствованія. Грозный не только рубилъ головы, онъ дѣлалъ и кое что иное. Не его вина въ томъ, что соборъ 1551 г., которому былъ представленъ его судебникъ не вписалъ въ исторію государства еще болѣе блестящую страницу.

IV.

Религіозная реформа.

Соборъ 1551 г. въ исторіи извѣстенъ по именеиъ *Стоглаваго собора*. Такое названіе получилъ онъ отъ совершенно произвольнаго дѣленія его постановленій на 100 главъ. Соборъ состоялъ изъ митрополита, архіепископовъ новгород-

скаго и ростовскаго, большого числа епископовъ, архимандритовъ и игуменовъ.

Мірской элементъ былъ представленъ на немъ высшими придворными чинами и боярской думой въ полномъ составѣ. Иванъ не упустилъ случая произнесть рѣчь и на этомъ соборѣ. Здѣсь было и покаяніе и обращеніе къ молитвамъ и мудрости присутствующихъ — всѣ эффекты риторики. Затѣмъ соборъ занялся разсмотрѣніемъ и утвержденіемъ новаго закона. Все это было простой формальностью. Если даже и возникали какія-либо пренія, то они были еще раньше исчерпаны государемъ съ его совѣтниками—мірянами, которые одни только и могли интересоваться вопросами законодательства. Соборъ представлялъ собой моральный авторитетъ всего государства. Иванъ ожидалъ получить отъ него санкцію уже совершеннымъ или еще только провозглашеннымъ реформамъ. Это было обычнымъ пріемомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, характерной чертой русской политики, прибѣгавшей къ игрѣ въ парламентаризмъ. Впрочемъ, государь рѣшилъ воспользоваться сотрудничествомъ собора и для обсужденія нѣкоторыхъ законопроектовъ, для которыхъ ему нужно было не только согласіе, но и опытность собравшихся.

Таковы были законопроекты о запрещеніи мѣстническихъ счетовъ во время войны, о пересмотрѣ пожалованныхъ правительствомъ помѣстій, чтобы установить соотвѣтствіе между величиной земельныхъ участковъ и служебными повинностями, о мѣрахъ противъ постояннаго передвиженія тяглаго населенія съ одного мѣста на другое и о упорядоченіи налоговой системы, объ уничтоженіи кабаковъ, о надѣленіи землей боярскихъ вдовъ и сиротъ и о всеобщей переписи земель.

Отъ законодателей того времени нельзя ожидать ни ясности изложенія, ни опредѣленности плана. Работа ихъ полна загадокъ и случайностей. Соборъ приложилъ стараніе въ выполненіи возложенныхъ на него задачъ. Трудно было подыскать средство противъ передвиженія тяглыхъ элементовъ, и соборъ его не указываетъ. Проектъ объ уничтоженіи кабаковъ возникъ подъ вліяніемъ религіозныхъ теченій, но онъ шелъ въ разрѣзъ съ интересами фиска, поэтому и остался въ области благихъ пожеланій. Что касается мѣстничества, то оно было запрещено во время походовъ. Перепись земель и пересмотръ положенія пожалованныхъ помѣстій рѣшено было произвесть немедленно. Наконецъ, было постановлено надѣлять боярскихъ вдовъ и осиротѣвшихъ дочерей землей для временнаго пользованія; при вступленіи же въ бракъ или при постриженіи въ монастырь

онѣ лишались права на свои участки. Впрочемъ, все это явилось лишь добавленіемъ къ программѣ собора, и потому мы не находимъ ни въ одной изъ ста главъ его постановленій никакого слѣда этихъ рѣшеній. На этомъ соборѣ, гдѣ преобладалъ церковный элементъ, иные вопросы занимали умы его участниковъ. Хотя программа Ивашки Пересвѣтова была отвергнута или, по меньшей мѣрѣ, сведена къ такому миниму, что ее трудно было и узнать, однако вопросы, выдвинутые Валаамскими чудотворцами, волновали умы. Требованія *нестяжателей* стояли на очереди.

Въ этомъ направленіи Иванъ первоначально обнаружилъ какъ будто нѣсколько больше энергіи и иниціативы. Несомнѣнно, онъ находился подъ вліяніемъ ученія Нила Сорскаго. Противнику осифлянъ Артемію, поставленному вскорѣ игуменомъ Троицкой лавры, было поручено сдѣлать государю докладъ, въ которомъ опредѣленно говорилось о секуляризаціи монастырскихъ имуществъ. Дошедшее до насъ одно изъ писемъ этого монаха ясно свидѣтельствуетъ о его планахъ. Среди членовъ собора между прочимъ былъ епископъ рязанскій Кассіанъ. Онъ былъ, какъ полагаютъ, авторомъ сочиненія, въ которомъ рѣзко осуждалось растлѣніе нравовъ среди бѣлаго и чернаго духовенства. Хотя Россія въ то время была изолирована, но и сюда проникали тѣ теченія, которыя въ то время на Западѣ производили полный переворотъ. Митрополитъ Макарій оказался достойнымъ ученикомъ своей alma mater — Волоколамской обители, онъ самымъ энергичнымъ образомъ возсталъ противъ радикальныхъ мѣръ. Въ одномъ посланіи, явившемся, быть можетъ, отвѣтомъ на какой-нибудь проектъ молодого царя, онъ доказывалъ, ссылаясь на греческихъ императоровъ, русскихъ государей и даже татарскихъ хановъ, что всѣ они уважали собственность церкви. На соборѣ осифляне составляли подавляющее большинство. Ивану пришлось идти на уступки. Онъ ограничился только лишь укоризненнымъ указаніемъ собору на безпорядки въ завѣдываніи монастырскими имуществами и на чрезмѣрную алчность чернаго духовенства.

Теоретически соборъ высказался за преслѣдованіе злоупотребленій въ этой области монастырской дѣятельности, но практическія мѣры принялъ только послѣ нѣкоторой борьбы. Онѣ сводились къ возвращенію государству тѣхъ боярскихъ вотчинъ, которыя перешли къ монастырямъ безъ „государева доклада"; эта мѣра распространялась и на всѣ земли, полученныя церковью такимъ путемъ, сюда входили даже тѣ земельныя дары, которыя были получены ею въ періодъ малолѣтства Ивана. На будущее время монасты-

рямъ запрещалось покупать старинныя княжескія вотчины. Вмѣстѣ съ тѣмъ духовенство лишалось права пріобрѣтать всякія вотчины безъ согласія на то государя. На церковь были возложены нѣкоторыя новыя повинности, несмотря на то, что она уже, какъ указывалось на соборѣ, выставляла ратныхъ людей и участвовала въ несеніи расходовъ по содержанію укрѣпленій въ нѣкоторыхъ городахъ. Теперь она должна была помогать своими средствами выкупу плѣнныхъ. За этими уступками со стороны церкви должны были послѣдовать и другія. Въ 1573 г. по указу царя *освящснный соборъ* постановилъ въ пользу богатыхъ монастырей вотчинъ не завѣщать. Въ 1580 г. какъ черному, такъ и бѣлому духовенству было запрещено пріобрѣтать какія бы то ни было земли ни за деньги, ни въ качествѣ дара.

Ростъ земельныхъ владѣній духовенства прекратился.

Въ 1551 г. въ другой сферѣ жизни Иванъ рѣшилъ въ преобразовательной дѣятельности пойти дальше. Его намѣренія обнаруживались въ цѣломъ рядѣ запросовъ, съ которыми онъ обращался къ собору. Тонъ чрезвычайно горячъ и рѣзокъ. Порой они кажутся эхомъ англійской Blacklook 1534 г. или же обвинительнаго акта, составленнаго сподвижниками Томаса Кромвеля противъ сомнительной нравственности и грубой жестокости монаховъ. Иногда запросы Ивана напоминаютъ анекдоты, которыми оживлялъ свою переписку Лейтонъ. Характерно, что и эти порой очень обидные вопросы царя и отвѣты на нихъ собора вмѣстѣ съ дополнительными замѣчаніями Ивана вошли въ составъ *Стоглава* и составляютъ существенную часть его. Встрѣчаются весьма любопытные діалоги. На первыхъ порахъ соборъ, очевидно, уклонялся отъ обсужденія щекотливыхъ вопросовъ. Въ первыхъ 40 главахъ идутъ непрерывной чередой нескромные вопросы царя. Затѣмъ слѣдуетъ общій отвѣтъ собора, но въ немъ нѣтъ ничего цѣльнаго. Иванъ настойчиво указываетъ на дурное пользованіе монастырскими имуществами. Соборъ дѣлаетъ видъ, что не понимаетъ упрека, и въ отвѣтъ выдвигаетъ разные вопросы, относящіеся къ богослуженію. Съ 41-й главы дѣло принимаетъ другой оборотъ. Быть можетъ, самъ царь призналъ необходимымъ нѣсколько измѣнить планъ обсужденія вопросовъ. Вопросы и отвѣты правильно чередуются, но духовные отцы все еще ограничиваются недомолвками и избѣгаютъ опредѣленныхъ рѣшеній. Нѣкоторые уже затрагивавшіеся раньше пункты снова ставятся на очередь, но безъ значительнаго успѣха. Заходитъ, напримѣръ, рѣчь о распущенности духовенства, соборъ, не безъ нѣкотораго

лукавства, подымаетъ жалобы о процвѣтающемъ среди мірянъ содомскомъ грѣхѣ и неожиданно переходитъ съ самымъ серьезнымъ видомъ къ обсужденію какихъ-нибудь проблемъ аскетической жизни, въ родѣ того, если какая-нибудь монахиня заболѣетъ, можетъ ли она исповѣдываться у кого-нибудь изъ свѣтскаго духовенства? Иногда діалогъ переходилъ въ бранчливый тонъ и сводился на личную почву. Иванъ указываетъ, напримѣръ, на нѣкоторые недостатки въ иконописи. Соборъ отвѣчаетъ: „Обратите вниманіе на то, что дѣлается въ Кремлѣ!“ Намекали на знаменитую картину Рублева, художника XV вѣка. Она была замѣнена образомъ сомнительнаго православія. Благодаря этимъ увերткамъ и отклоненіямъ, общая идея церковной реформы терялась, не выливаясь въ опредѣленныя формы. Мы видимъ только частичныя улучшенія: учрежденіе духовныхъ старостъ и десятниковъ, на обязанности которыхъ лежало наблюденіе за нравственнымъ поведеніемъ духовенства, предписаніе монастырямъ строго соблюдать обособленность обоихъ половъ и выполнять общежительный уставъ. Все это было принято въ принципѣ, но на практикѣ оставалось мертвой буквой. Соборъ былъ вынужденъ признать существованіе извѣстныхъ безпорядковъ, порочившихъ русскую церковь и даже угрожавшихъ ея будущему. Онъ сознавалъ, что причиной этихъ неустройствъ было главнымъ образомъ невѣжество, въ которомъ коснѣло и бѣлое, и черное духовенство. Соборъ призналъ необходимымъ завесть возможно больше школъ, гдѣ будущіе священники могли бы получать образованіе, но онъ не сдѣлалъ ничего для выполненія своего плана. Онъ воображалъ, что для этой цѣли достаточно будетъ усердія и пожертвованій бѣдныхъ священниковъ, жившихъ въ большинствѣ случаевъ чуть ли не милостыней. Епископы и архимандриты сами были недостаточно образованы и отказывались отъ всякаго содѣйствія осуществленію намѣченнаго плана. Они не понимали, что нужно было бы начать съ поднятія умственнаго уровня высшаго духовенства. Въ толкованіи и выборѣ текстовъ самъ Макарій дѣлалъ грубыя ошибки.

Быть можетъ, подъ вліяніемъ Максима Грека соборъ занялся вопросомъ объ искаженіи священныхъ книгъ и постановилъ въ Москвѣ открыть типографію, гдѣ должны были печататься книги, исправленныя по наиболѣе точнымъ образцамъ. Но эта типографія просуществовала недолго. Другое постановленіе собора касалось осужденія безбожныхъ и еретическихъ книгъ. И этими книгами были *Secreta secretorum*, сборникъ средневѣковой мудрости, извѣстной на

Руси подъ именемъ *Аристотеля*, астрономическія картины Эммануила Бена Якоба, называвшіяся здѣсь *Шестокрыломъ*. Это была вся свѣтская литература въ странѣ. Чтобы спасти свое внѣшнее достоинство, соборъ рѣшилъ дать отвѣтъ на обвиненіе въ безнравственности духовенства, и въ духѣ суроваго ригоризма, соотвѣтствовавшаго аскетическимъ стремленіямъ времени, снова подтвердилъ церковное осужденіе всякихъ мірскихъ удовольствій.

Новый законъ предлагалъ подобіе административной реформы въ церковной жизни. Начала самоуправленія должны были лечь въ ея основу. Церковный судъ, ввѣрявшійся епископами боярамъ, дьякамъ, десятникамъ, вызывалъ постоянныя жалобы. Объ упраздненіи этихъ должностей нечего были и помышлять — онѣ вѣдь существовали и при митрополитахъ Петрѣ и Алексѣѣ! Рѣшено было дать священникамъ право участія въ судахъ чрезъ своихъ выборныхъ старостъ и сотскихъ. Но при этомъ совершенно позабыли опредѣлить роль этихъ представителей.

Предъ нами выступаютъ слабыя стороны и недостатки церковной реформы 1551 г., но она, по моему мнѣнію, не заслуживаетъ того пренебрежительнаго отношенія, какое она вызываетъ въ наше время. Анаѳема, постигшая ее позднѣе на соборѣ въ 1667 г., указываетъ на сравнительную смѣлость этой попытки. Въ самомъ дѣлѣ, не слишкомъ ли много было бы требовать еще большаго отъ этой незначительной кучки людей, которая появилась среди невѣжественнаго, развращеннаго, безъ всякихъ идеаловъ общества, и добилась кое-чего положительнаго? Нѣкоторые ученые уменьшали и даже совершенно отрицали личныя заслуги Ивана въ этомъ дѣлѣ. Все сдѣлано Сильвестромъ или Адашевымъ, Максимомъ Грекомъ или Макаріемъ; говорятъ, что даже знаменитые вопросы, предложенные Иваномъ на обсужденіе собору, были внушены и даже продиктованы Ивану этими лицами. Несомнѣнно, что молодой царь самъ не задумывалъ и не проводилъ всего самъ, но считать его пассивнымъ орудіемъ въ рукахъ другихъ—заблужденіе. Во время занятій собора первыя рѣшенія его были отосланы въ Троицкую лавру, гдѣ находились тогда бывшій митрополитъ Іоасафъ, епископъ ростовскій Алексѣй и нѣкоторыя другія духовныя лица. Имъ было предложено дать свое заключеніе по вопросамъ, затронутымъ на соборѣ. Возможно, слѣдствіемъ этого было извѣстное намъ рѣшеніе вопроса о монастырскихъ земляхъ. Но Іоасафъ и другіе были опальными сторонниками Нила Сорскаго и не могли быть привлечены къ участію въ трудахъ собора иначе, какъ верховной властью. Среди духовенства, возвратившa-

гося изъ Троицкаго монастыря съ заключеніями Іоасафа, упоминаетъ между прочимъ и Сильвестръ. Трудно предположить, чтобы онъ за свой страхъ поддерживалъ подобныя мнѣнія. Вообще сомнительно, чтобы онъ былъ заодно съ *заволжскими старцами.* На его Домостроѣ лежитъ отпечатокъ грубоватаго аскетизма, но осифляне провозглашали то же самое. Это было господствующее направленіе въ официальной церкви. Къ тому матеріалу, который послужилъ основаніемъ Стоглава, нѣкоторые относятъ и письмо Ивану священника Благовѣщенской церкви. Какъ уже было замѣчено раньше, сомнительно, что это письмо написано Сильвестромъ. Соборъ коснулся лишь одного вопроса, затронутаго этимъ письмомъ — о ношеніи мірянами бороды. Этотъ вопросъ связывался у Сильвестра съ борьбой противъ содомскаго грѣха, который, очевидно, особенно занималъ автора Домостроя. Но точно такъ же смотрѣли и другіе моралисты. По ихъ мнѣнію, безбородые мужчины, уподобляясь женщинамъ, легко могли возбудить порочныя желанія.

Хотя Иванъ былъ еще очень молодъ, но по своему развитію и образованію онъ стоялъ на болѣе высокомъ уровнѣ. Вопросы, предложенные на обсужденіе собора, были не только внесены отъ имени царя, но частью и *написаны его собственной рукой.* Сравнивая ихъ съ позднѣйшими произведеніями того же автора, мы ясно видимъ въ нихъ отпечатокъ своеобразной его личности. Въ нихъ не только его мысли, но и стиль, его выраженія, порывистыя, рѣзкія, язвительныя и колкія. Здѣсь нѣтъ ничего, напоминающаго Сильвестра, этого убогаго писателя и ничтожнаго мыслителя. Даже въ вопросахъ, касавшихся богослуженія, гдѣ Макарій могъ и долженъ былъ руководить Иваномъ, онъ обнаруживаетъ весьма обширныя познанія.

Добавимъ, что изученіе Стоглава началось сравнительно недавно. При чемъ текстъ его былъ не полнымъ, что часто приводило ко многимъ недоразумѣніямъ. Преданный въ 1667 г. запрещенію, какъ еретическое произведеніе, Стоглавъ въ теченіи почти двухъ столѣтій былъ недоступенъ для историковъ. Вѣроятно, Макарій былъ главнымъ виновникомъ неудачи реформы 1551 г., онъ былъ вдохновителемъ противодѣйствія, оказаннаго соборомъ какъ преобразовательнымъ идеямъ сторонниковъ Нила Сорскаго и Іоасафа, такъ и личнымъ стремленіямъ государя. Митрополитъ, правда, былъ самъ сторонникомъ реформы, но онъ ее понималъ совершенно иначе. Поворачиваясь спиной къ прогрессу, онъ видѣлъ спасеніе только лишь въ покаянномъ возвращеніи къ прошлому, въ возстановленіи его забытыхъ

и нарушенныхъ традицій. Онъ стремился къ осуществленію идеаловъ первоначальнаго христіанства, понимавшагося имъ совершенно произвольно. Благочестіе основывалось на мелочномъ соблюденіи всевозможныхъ обрядностей. Строго іерархическая церковь составляетъ своего рода аристократію, увеличивавшую изъ года въ годъ богатства, посылаемыя ей Богомъ. Церковь входитъ въ союзъ съ государствомъ на основаніи взаимной поддержки. Безпощадное преслѣдованіе ересей. Школы не нужны. Таковы идеалы Макарія. Что касается заключеній Іоасафа, то соборъ самъ не обратился бы къ нему и не принялъ бы ихъ къ руководству. Для этого нужна была верховная воля, которая одна только была въ состояніи сдѣлать собору подобный вызовъ. Заключенія эти были вписаны въ Стоглавъ и подали поводъ къ естественнымъ недоразумѣніямъ. Нѣкоторые полагали, что соборъ присоединился къ нимъ и, такимъ образомъ, принялъ идеи нестяжателей. Въ дѣйствительности же это только частичная капитуляція собора. Честь этой побѣды принадлежитъ Ивану.

Сама по себѣ эта побѣда была незначительна и еще болѣе ослаблена усиліями противной стороны. Во многихъ мѣстахъ рѣшенія собора оставались долго неизвѣстными. Вездѣ оффиціальная церковь старалась помѣшать ихъ осуществленію. Въ 1554 г. былъ созванъ новый соборъ для осужденія ереси Матвѣя Башкина и его послѣдователей. На немъ церковь вознаградила себя за понесенное ею пораженіе: въ дѣло Башкина были впутаны выдающіеся сторонники реформы. Кромѣ того, пораженные въ болѣе важныхъ своихъ интересахъ, нѣкоторые изъ духовныхъ консерваторовъ вступили въ союзъ съ другими недовольными элементами. Слѣдуя своей преобразовательной программѣ, Иванъ объединялъ оппозиціонные элементы и, смѣшивая религіозные интересы съ политическими, началъ безпощадную борьбу противъ одной и другой стороны. Изъ этой борьбы онъ вышелъ побѣдителемъ, но зато его имя и память до настоящаго времени вызываютъ содроганіе.

Религіозная реформа оказалась неудачной, и тѣмъ рѣшительнѣе Грозный принялся за реформу политическую, вызвавшую терроръ.

Впрочемъ, Ивану еще прежде предстояло рѣшить нѣкоторыя важныя проблемы. Расширеніе территоріи крѣпнувшей державы призывало Ивана, какъ и его предшественниковъ, къ границамъ государства. Законодатель долженъ былъ стать завоевателемъ.

ГЛАВА III.

Движеніе на Востокъ.—Взятіе Казани.

I. Остатки монгольскаго царства.—II. Войско Ивана.—III. Взятіе Казани.—IV. Послѣдствія.—V. Взятіе Астрахани.—VI. Казаки.—VII. Крымъ и Ливонія.

I.

Остатки монгольскаго царства.

Во время вступленія Ивана на престолъ татарское иго было только тяжелымъ воспоминаніемъ. Монгольское царство распалось на части. На восточной и южной границѣ еще существовали остатки Золотой Орды. Въ Казани, Астрахани, крымскихъ степяхъ были еще почти независимыя ханства или царства, простиравшіяся до границъ Московскаго государства. Отливая къ азіатскимъ плоскогоріямъ, монгольское море оставляло за собой какъ бы озера, все еще волнующіяся и принимающія иногда угрожающій характеръ, но сила ихъ все болѣе и болѣе ослабѣваетъ. Теперь ни одной пяди русской земли не оставалось во власти татаръ. Какъ сказано было раньше, наплывъ ихъ сюда не имѣлъ сокрушающей силы океана. Теперь начинается русская колонизація и завоеванія. Русскіе съ каждымъ годомъ, почти съ каждымъ днемъ подвигаются все дальше и дальше въ глубь громаднаго пространства, занятаго финно-татарами. Медленно, но вѣрно московскіе государи расширяютъ свои владѣнія, увеличиваютъ сферу вліянія. Прежде они были вассалами, теперь же стали сюзеренами хановъ. Казанскій ханъ Сафа-Гирей сдѣлался ихъ данникомъ.

Однако, въ Крыму татары образовали новый центръ своего господства. Здѣсь они создали болѣе сильную политическую и военную организацію, основанную на старинныхъ началахъ, и имъ удалось объединить подъ своей

властью сосѣднія ханства и порвать узы зависимости отъ Москвы. Сначала это было для Москвы только непріятностью, но скоро стало угрожающей опасностью. Въ 1539 г. крымскому хану Саипъ-Гирею удалось утвердить свое вліяніе въ Казани и даже оставить тамъ свой гарнизонъ. При его дворѣ появился русскій бѣглецъ Симонъ Бѣльскій, искавшій тамъ убѣжища или же привлеченный самимъ ханомъ. Послѣ этого Саипъ-Гирей отправилъ московскому правительству посланіе, тонъ котораго напоминалъ о прежнемъ татарскомъ могуществѣ: „Я открыто иду противъ тебя... Возьму твою землю, а если ты окажешь сопротивленіе, въ моемъ государствѣ не будешь". Москва обѣщала не трогать Казани. Но ханъ этимъ не удовлетворился, онъ требовалъ ежегодной дани, что было возвращеніемъ къ прежнему позору. Съ 1539 до 1552 г. шла непрерывная борьба съ татарами. Въ Казани сторонники Сафа-Гирея, а потомъ его сына Утелишъ-Гирея возстали противъ московской партіи, замѣнившей при помощи знаменитаго въ то время военными подвигами князя Булата, ставленника Саипъ-Гирея кандидатомъ Ивана Шахомъ-Али, или Шигъ-Алеемъ. Но вскорѣ Саипъ-Гирей съ Бѣльскимъ угрожалъ самой Москвѣ. Турція дала ему военныя подкрѣпленія и снабдила ружьями и пушками. Въ Москвѣ создалось такое положеніе, что въ одно время даже обсуждался вопросъ, долженъ ли молодой царь остаться въ столицѣ и принимать участіе въ ея защитѣ. Только вмѣшательство митрополита Іоасафа заставило восторжествовать болѣе мужественныхъ людей. Въ подобныхъ обстоятельствахъ даже взрослые предки Ивана старались скрыться куда-нибудь въ безопасное мѣсто. Но по мнѣнію Іоасафа, Москва теперь была чѣмъ-то большимъ, чѣмъ простая столица: она стала митрополіей, святымъ городомъ, гдѣ православная Русь хранила все, что было у нея лучшаго — свою вѣру, святыя мощи, свои надежды и гордость.

Иванъ остался въ Москвѣ, и это заставило Саипъ-Гирея отступить. Онъ вообразилъ, что за этимъ царемъ-дитятей сплотилась сильная армія, могущая уничтожить его татаръ, которые далеко не напоминали сподвижниковъ Батыя. Это были больше грабители, чѣмъ воины, любители легкой наживы. Придя въ возрастъ, Иванъ сдѣлалъ еще лучше. Два раза, въ 1548 и 1549 г., предпринималъ онъ безуспѣшные походы на Казань. Выступалъ онъ поздно осенью. Его застигала зима. Войско вязло въ снѣгу. Пушки тонули въ Волгѣ. Служилыя люди въ спорахъ изъ-за первенства забывали свои обязанности. Два раза со слезами безсильнаго гнѣва Иванъ приказывалъ своему войску отступать,

а крымцы и казанцы становились болѣе дерзкими и опустошали лучшія московскія области.

Впрочемъ, при второмъ походѣ удалось достигнуть коекакихъ результатовъ: былъ основанъ на вражеской землѣ городокъ Свіяжскъ, недалеко отъ Казани, при сліяніи Свіяги съ Волгой. Скоро этотъ городокъ сдѣлался центромъ притяженія для сосѣднихъ племенъ — черемисовъ, чувашей, мордвы, и татары увидѣли, что это московское пріобрѣтеніе имѣетъ такой характеръ, что съ нимъ приходится серьезно считаться. Между тѣмъ это ханство разлагалось. 300 человѣкъ крымцевъ покинули Казань, оставивъ тамъ своихъ женъ и дѣтей, произведя предварительно грабежъ въ городѣ. Казанцы были недовольны Утелишемъ и выдали его Москвѣ, но ихъ мало удовлетворялъ и Шигъ-Алей, поэтому они просили русскаго царя назначить имъ правителя по своему выбору. Иванъ думалъ, что такимъ образомъ совершилась безкровная побѣда. Въ февралѣ 1552 г. князь Семенъ Ивановичъ Микулинскій, назначенный намѣстникомъ, подходилъ въ сопровожденіи Адашева къ Казани. Но благодаря интригамъ Шигъ-Алея, съ притворной покорностью удалившагося въ Свіяжскъ, и подстрекательству агентовъ Саипъ-Гирея, дѣло приняло неожиданный оборотъ. Ворота оказались запертыми. Въ городѣ вооружались. Въ Крымъ летѣли гонцы съ просьбой о подкрѣпленіи. Предпріятію грозилъ печальный конецъ.

Микулинскій удалился въ Свіяжскъ и заперся въ немъ со своими ничтожными силами. Ему уже казалось, что его окружаютъ, и онъ погибаетъ. Къ тому еще въ его войскѣ появился моръ, а съ нимъ и безпорядки. „Мужчины брѣютъ бороды... и содѣеваютъ грѣхъ съ молодыми юношами", разсказываетъ лѣтопись. Въ Москвѣ были собраны бояре на совѣтъ, но они могли предложить только весьма сомнительныя средства спасенія: совершить торжественное перенесеніе мощей изъ Благовѣщенскаго въ Успенскій соборъ, послать въ Свіяжскъ воды, освященной надъ этими мощами, и поученіе новаго митрополита Макарія. Но Иванъ со своими ближайшими совѣтникаки рѣшилъ, что нужно дѣлать что-то другое. Дѣло шло о престижѣ Москвы и всей будущей политики ея. Нужно было или побѣдить теперь, или отказаться навсегда отъ завоеваній. Въ случаѣ неудачи Москвы, можетъ быть, угрожало новое иго. Саипъ-Гирей сдѣлался слишкомъ смѣлымъ и не отступалъ. Опытъ прошлаго говорилъ, что нужно поспѣшить. 16 іюня 1552 года, передавъ правленіе на время своего отсутствія царицѣ Анастасіи, освободивъ изъ тюремъ многихъ заключенныхъ и совершивъ еще другія дѣла благочестія, Иванъ высту-

пилъ изъ Москвы со всѣми своими военными силами, имѣвшимися въ его распоряженіи.

II.

Войско Ивана.

Въ этой странѣ, не знавшей феодализма, военная организація въ своихъ существенныхъ чертахъ была феодальной. Во Франціи отъ подобной организаціи осталось такъ-называемое народное ополченіе—тысячъ двѣ-три человѣкъ, что въ сравненіи съ постояннымъ регулярнымъ войскомъ составляетъ сущіе пустяки. На Руси Иванъ впервые началъ формировать новый типъ войска, постояннаго. Ядромъ его должны были послужить *стрѣльцы*, впервые упоминающіеся въ походѣ на Казань въ 1552 г. Стрѣльцы набирались изъ свободныхъ людей и должны были служить всю жизнь. Въ большинствѣ случаевъ они были женаты и составляли сословіе, въ которомъ военное занятіе сдѣлалось наслѣдственнымъ. Вооруженные и экипированные по западно-европейскому образцу, стрѣльцы получали по рублю на постройку дома и столько же годового жалованья. Кромѣ того имъ выдавалась одежда, порохъ, нѣсколько муки и крупы. Когда этого оказалось недостаточнымъ для содержанія срѣльцовъ, правительство рѣшило надѣлить ихъ землей, разрѣшить заниматься разными промыслами, до нѣкоторой степени слить со служилыми людьми. Подъ конецъ царствованія Ивана Грознаго число ихъ достигало до 12 000 человѣкъ. Изъ нихъ въ Москвѣ находилось 7 500. Вмѣстѣ съ городовыми казаками они образовали первую пѣхоту, какой обладали русскіе цари. Одновременно было организовано и постоянное артиллерійское войско, раздѣлявшееся на *пушкарей* (канонировъ), крѣпостныхъ артиллеристовъ—*защинщиковъ* и *гранатчиковъ*. Также былъ образованъ особый отрядъ *пищальниковъ*.

Но все это еще не составляло арміи. Главныя военныя силы по прежнему составляли служилые люди и такъ-называемая *рать*, другой эмбріонъ регулярнаго войска. Въ военное время правительство призывало подъ оружіе служилыхъ людей и отдавало приказъ произвесть наборъ. Каждый городъ или уѣздъ долженъ былъ выставить опредѣленное количество пѣшихъ и конныхъ людей, вербовавшихся не изъ военнаго сословія. Это и была *рать* или *посоха*. Въ походѣ, предпринятомъ Иваномъ противъ поляковъ для возвращенія Полоцка, этихъ *посошниковъ* было 80 000.

Это не было дисциплинированное войско, которое могло бы обезпечивать военные успѣхи, поэтому ихъ употребляли главнымъ образомъ для производства земляныхъ работъ и приготовленія припасовъ. Московское правительство съ большой охотой освобождало за деньги этихъ ратныхъ людей отъ службы. Платили по 2 рубля за человѣка. Это стало своего рода налогомъ.

Мобилизація производилась по предписанію *разряднаго приказа* областнымъ воеводамъ. Обыкновенно указывалось мѣсто сбора войска, число людей и родъ вооруженія. При Иванѣ Грозномъ служилые люди, бояре, дѣти боярскія и дворяне раздѣлялись на 5 полковъ: большой полкъ, передовой, правая рука, лѣвая и сторожевой полкъ. Если въ походѣ принималъ участіе и царь, то прибавлялся еще и шестой „государевъ полкъ". Большой полкъ дѣлился на три, остальные на двѣ части, подраздѣлявшіяся въ свою очередь на сотни. Полкомъ командовалъ воевода, а частями помощники его то же въ чинѣ воеводъ, сотнями—дворяне перваго ранга. Въ отсутствіе царя все войско подчинялось дворцовому воеводѣ. Это былъ *magister militum* римлянъ или современный генералиссимусъ. Его окружалъ многочисленный штабъ. Здѣсь были *сборщики*, собиравшіе войско, *окладчики*, распредѣлявшіе его, *посыльные люди*, нѣчто въ родѣ адъютантовъ, *становщики*, инженеры, иностранцы, спеціалисты по осадному дѣлу, судьи, лекаря, духовенство.

Какова же была численность этого войска? Для 1552 г. мы не имѣемъ указаній. Въ 1556 г. передовой полкъ въ полномъ своемъ составѣ заключалъ всего лишь 1.500 конныхъ людей. Въ 1578 году, во время похода на Литву, въ войскѣ, подкрѣпленномъ татарами, было 39 681 человѣкъ. Распредѣлялось оно такимъ образомъ.

Русскихъ и черкесскихъ князей.	212
Бояръ и боярскихъ дѣтей московск. области	9,200
Служилыхъ людей новгородскихъ и юрьевскихъ.	1.109
Татаръ и мордвы	6,461
Дворцовыхъ стрѣльцовъ	2,000
Стрѣльцовъ и казаковъ изъ областей . .	13,119
Посошныхъ людей изъ сѣверн. областей .	7.580
	39.681

Во всякомъ случаѣ часть наличныхъ войскъ Ивану, вѣроятно, пришлось оставить для охраны границъ, но съ другой стороны, каждый бояринъ приводилъ съ собой по меньшей мѣрѣ двухъ, а нерѣдко пятьдесятъ и болѣе человѣкъ. Путешественникъ того времени Клементъ Адамсъ гово-

ритъ, что царь собралъ до 90 000 войска, но въ походъ онъ взялъ только одну треть его, а остальныя двѣ трети оставлялъ въ укрѣпленныхъ пунктахъ для ихъ защиты. Цифры эти вполнѣ совпадаютъ со списками 1578 г.

За исключеніемъ стрѣльцовъ, спеціальныхъ отрядовъ, посошныхъ людей, все войско состояло изъ конницы. Вооруженіе его было весьма разнообразно. Во времена Ивана вмѣстѣ съ кривой саблей, похожей на турецкую, лукъ былъ любимымъ оружіемъ многихъ москвичей. Но нѣкоторые уже замѣнили его пистолетомъ или длиннымъ мушкетомъ. Топоръ, висѣвшій на сѣдельной лукѣ, кинжалъ, а иногда и копье дополняли походное вооруженіе. Броня употреблялась весьма немногими. Только знатные вельможи иногда щеголяли въ великолѣпныхъ латахъ и кольчугахъ, а на голову надѣвали шлемы, или шишаки. Шпоръ не было. Ихъ замѣняла плеть. Всадникъ держалъ въ лѣвой рукѣ поводья и лукъ, а въ правой саблю и плеть. При стрѣльбѣ онъ выпускалъ изъ руки саблю и плеть, висѣвшія на ремешкѣ. Какъ только непріятельское войско приближалось на выстрѣлъ, русскіе осыпали его тучей стрѣлъ и тотчасъ же отступали назадъ не дожидаясь встрѣчи, независимо отъ того, держится ли противникъ или подался. Поэтому русская конница никогда не могла устоять передъ польскими эскадронами, пріученными ударять на врага со всей силой. Главнымъ достоинствомъ ея была выносливость и легкость передвиженія. На маленькихъ, безъ подковъ и съ плохой сбруей лошадяхъ московскіе всадники совершали огромные переходы, подвергаясь большимъ лишеніямъ и усталости. Клементъ Адамсъ и Ченслеръ разсказываютъ, какъ они располагались на отдыхъ въ глубокомъ снѣгу, разводили огонь и приготовляли себѣ кушанье изъ горсти муки, растворенной въ кипящей водѣ, спали подъ открытымъ небомъ, завернувшись въ свою одежду и подложивъ подъ голову камень вмѣсто подушки. Англійскій путешественникъ спрашиваетъ себя, многіе ли изъ воиновъ его страны, за исключеніемъ самыхъ доблестныхъ изъ нихъ, могли бы вынесть хоть одинъ мѣсяцъ войны съ этими закаленными людьми, и приходитъ къ заключенію, что если бы русскіе знали свои силы, никто въ мірѣ не могъ бы устоять передъ ними.

Но одна выносливасть еще не составляетъ всего, что нужно для войска. Плохо обученные и недисциплинированныя войска Ивана въ сущности не знали даже элементарныхъ началъ своего дѣла. Напасть на врага и окружить его въ два или три раза большими силами, оглушить криками и шумомъ музыки—это было боевой тактикой русскихъ. По

своему храбрые, они даже тогда, когда ихъ силы были сломлены, рѣдко просили пощады. Но опрокинуть ихъ было легко. Они не имѣли понятія о правильныхъ стратегическихъ пріемахъ и были безпомощны. Къ веденію осады, которая предстояла имъ подъ стѣнами Казани, они были приготовлены не лучше. Въ защитѣ же укрѣпленій они не имѣли соперниковъ. Будучи заключены въ стѣнахъ города, они не могли спасаться бѣгствомъ и обнаруживали рѣдкую стойкость, безропотно переносили голодъ и холодъ, тысячами погибали въ своихъ деревянныхъ и земляныхъ укрѣпленіяхъ, постоянно возобновлявшихся ихъ усиліями, и сдавались только доведенные до послѣдней крайности. Вотъ почему въ московскихъ войскахъ были въ употребленіи переносныя укрѣпленія, состоявшія изъ досокъ съ отверстіями для ружейныхъ дулъ. Назывались они *гуляй-городами*. Этимъ объясняется и очень раннее развитіе сильной артиллеріи у русскихъ.

Первыя пушки были привезены изъ заграницы. Но уже при Иванѣ III иностранные мастера отливали ихъ въ Москвѣ. Въ петербургскомъ арсеналѣ до сихъ поръ сохранилось одно орудіе этого производства, съ датой 1485 г. При Иванѣ IV русское производство орудій усвоило себѣ западно-европейскую технику. Производились серпантины, называвшіеся здѣсь *змѣями*, и разнаго калибра мортиры, среди которыхъ встрѣчались *гауфницы*, *гаубицы* позднѣйшаго времени, и волкометки. По свидѣтельству Флетчера, ни одинъ христіанскій государь той эпохи не имѣлъ такого множества орудій. Дженкинсъ любовался въ 1557 г. упражненіями русскихъ канонировъ, соперничавшихъ въ быстротѣ метанія ядеръ и вѣрности прицѣла.

Лѣтописи говорятъ, что Иванъ привезъ въ 1552 г. къ стѣнамъ Казани 150 пушекъ. Безъ сомнѣнія, цыфра эта преувеличена, какъ и число войска, сопровождавшаго эту артиллерію, будто бы равнявшагося 150.000. Но безспорно, на этотъ разъ царь долженъ былъ выступить съ значительными силами. Чтобы рѣшиться на это, нужны были серьезныя усилія воли. Не зависимо отъ характернаго для Рюриковичей нерасположенія къ случайностямъ войны, Ивана удерживали другіе мотивы. Супруга его въ скоромъ времени должна была произвесть на свѣтъ перваго ребенка. Просьбы казанцевъ о помощи отъ крымцевъ оказались не напрасными, полчища новаго хана Девлетъ-Гирея уже подступили къ Тулѣ. Молодой царь не измѣнилъ своего рѣшенія. Тула держалась стойко. 13 августа Иванъ былъ уже въ Свіяжскѣ. Его присутствіе здѣсь оказалось болѣе полезнымъ, чѣмъ кропленіе святой водой и поученіе Макарія. 23 августа онъ былъ подъ Казанью.

III.

Взятіе Казани.

Городъ былъ защищенъ только деревянными и земляными укрѣпленіями. Но гарнизонъ его, по словамъ лѣтописцевъ, съ первыхъ дней приготовился къ отчаянной защитѣ. Осажденные правильно разсуждали, что имъ пощады не ожидать. Они понимали, что въ борьбѣ двухъ расъ, двухъ государствъ, двухъ религій наступаетъ рѣшительный моментъ. До того времени Москва ограничивалась возвращеніемъ русскихъ земель, если не считать кое-какихъ передовыхъ укрѣпленныхъ постовъ и Свіяжска. Со взятіемъ Казани она брала въ свои руки одинъ изъ древнѣйшихъ оплотовъ мусульманства. Царя Эдигеръ-Магомета поддержалъ Крымъ присланнымъ полководцемъ и отрядомъ отборнаго войска. Татары вспомнили свои былыя доблести и побѣдоносно отбили первые приступы русскихъ. Иванъ боялся, что дѣло можетъ снова затянуться до зимы, что было такъ нежелательно.

Въ сентябрѣ разразилась сильная буря. Много шатровъ въ лагерѣ Ивана было разбросано. На Волгѣ были разбиты лодки съ провизіей для войска. Осажденные ликовали и съ высоты своихъ укрѣпленій, которыхъ не могла разрушить артиллерія Ивана, издѣвались надъ „*бѣлымъ царемъ*“. Съ безстыдными тѣлодвиженіями, повернувшись спиной и подымая свое платье, какъ разсказываетъ лѣтописецъ, они кричали: „Смотри, царь! вотъ какъ ты возьмешь Казань“... Кривляньями и неистовыми криками, точно производя заклинанія, татары вызвали смущеніе въ суевѣрныхъ душахъ русскихъ воиновъ.

Иванъ не падалъ духомъ. Колдовство татаръ вызвало сильные ливни, онъ велѣлъ привезть изъ Москвы чудотворный крестъ, съ которымъ пришла и хорошая погода. Татары искусно поддерживали свои сооруженія. Иванъ прибѣгъ къ знанію иностранныхъ инженеровъ, которые при помощи разныхъ сооруженій увеличили разрушительное дѣйствіе артиллеріи и приблизили роковую развязку. Въ народной поэзіи эта осада разукрашена вымысломъ и превращена въ нѣчто подобное взятію Трои. Она продолжалась 8 и даже 30 лѣтъ. Въ дѣйствительности же въ концѣ сентября пушечный огонь сдѣлалъ возможнымъ произвесть рѣшительный приступъ. Онъ начался 2 октября 1552 г. Онъ давалъ осаждающимъ заранѣе обезпеченную побѣду, но на этотъ разъ Иванъ не проявилъ своей настойчивости и энергіи. Войска привыкли видѣть его передъ собой и

повиноваться его командѣ. Они его боялись и повиновались. Теперь же его напрасно искали во главѣ рати. Вождь исчезъ, остался только *Рюриковичъ*, избѣгающій опасности кровавой сѣчи; онъ медлилъ и припадалъ къ алтарю съ горячими молитвами. На зарѣ князь Михаилъ Воротынскій готовился взорвать послѣднія укрѣпленія. Въ это время въ церкви, устроенной среди русскаго стана, шло торжественное богослуженіе. Преданіе говоритъ, что успѣхи работъ въ подкопахъ увеличивались во время совершенія самыхъ торжественныхъ мѣстъ православной литургіи. Когда діаконъ провозгласилъ: „Воеже покорити подъ нози его всякаго врага и супостата", послѣдовалъ первый взрывъ. Послѣ произнесенія имъ евангельскаго стиха: „И будетъ едино стадо и единъ пастырь", послѣдовалъ другой болѣе сильный взрывъ. Діаконъ и саперы сдѣлали свое дѣло, теперь нужно было ворваться въ городъ чрезъ образовавшуюся брешь. Стрѣлы и пули, призывы христіанскаго и магометанскаго Бога смѣшивались въ воздухѣ. Къ Ивану прискакалъ запыхавшійся бояринъ: „Государь, время ѣхать. Твои люди вступаютъ въ сраженіе съ татарами, и твой полкъ ожидаетъ тебя"... Но Иванъ съ важностью отвѣчалъ однимъ изъ тѣхъ текстовъ священнаго писанія, запасъ которыхъ люди его времени и умственнаго развитія хранили въ своей памяти. Онъ говорилъ о пользѣ продолжительныхъ молитвъ и не двигался съ мѣста. Явился новый гонецъ. Наступающіе войска ослабѣваютъ; татары берутъ верхъ; присутствіе государя во главѣ войска необходимо... Иванъ испустилъ глубокій вздохъ, изъ глазъ его полились обильныя слезы, и онъ громкимъ голосомъ просилъ о небесной помощи.

Въ этомъ поведеніи молодого царя сказался характеръ его націи; многое, конечно, зависѣло и отъ его личныхъ особенностей, отъ чрезвычайной нервности, которой онъ, какъ мы знаемъ, страдалъ. Нельзя сказать, чтобы это была трусость, такъ какъ скоро этотъ человѣкъ начнетъ подчинять своей несокрушимой волѣ огнемъ и мечомъ окружающихъ его, несмотря на ихъ ненависть, и это будетъ дѣлать двадцать лѣтъ подрядъ. Будущій глава опричнины не былъ трусомъ. Онъ былъ просто достойнымъ потомкомъ московскихъ князей, собиравшихъ Русь, но не на полѣ битвы, не подвигами храбрости, а путемъ темныхъ интригъ, торгашества и скопидомства, путемъ хитростей и стоическихъ униженій. Ученики восточныхъ государей усвоили азіатскія наклонности къ нѣгѣ, презрѣніе къ тѣлеснымъ усиліямъ. Сражаться, наносить удары и рисковать въ свою очередь подвергнуться имъ — это не дѣло государя, для

этого у него есть подчиненные. Онъ повелѣваетъ, посылаетъ людей на смерть и—молится.

Бояре же, окружавшіе Ивана, смотрѣли нѣсколько иначе. Вполнѣ возможно, что кто-нибудь изъ нихъ пытался даже силой вовлечь государя въ битву. Но ему еще нужно было приложится къ чудотворному образу Сергія, выпить святой воды, съѣсть просфоры, получить отъ своего духовника благословеніе, испросить у священнослужителей отпущенія грѣховъ, прежде чѣмъ „идти пострадать за истинную вѣру“. Наконецъ царь сѣлъ на коня и поскакалъ къ своему полку, чтобы присоединить и его къ сражающимся. Битва теперь уже подходила къ концу, и нечего было бояться осажденныхъ. Но и теперь, по свидѣтельству Курбскаго, противъ котораго самъ Иванъ не нашелъ возможнымъ возражать, насилу удалось заставить царя двинуться впередъ: бояре должны были взять лошадь его подъ уздцы...

Уже московскія знамена развѣвались надъ непріятельскими укрѣпленіями, и первыя колонны проникли въ городъ. Началась рѣзня. Шесть тысячъ казанцевъ напрасно пытались спастись, пустившись въ бродъ чрезъ рѣку Казанку. Иванъ и не думалъ останавливать избіеніе. Въ то время даже на западѣ городъ, взятый приступомъ, обрекался на смерть. Однѣ только женщины и дѣти спаслись и были уведены въ плѣнъ. Послѣ этого при пѣніи „Тебѣ Бога хвалимъ“ царь водрузилъ большой крестъ на томъ мѣстѣ, гдѣ во время битвы развѣвалось знамя послѣдняго казанскаго хана. Здѣсь должна была появиться церковь, и чрезъ два дня она уже была выстроена и освящена. Въ концѣ недѣли два правителя, князья Александръ Борисовичъ Горбатый и Василій Семеновичъ Серебряный были оставлены въ покоренномъ городѣ, а побѣдитель поспѣшилъ въ Москву къ Анастасіи.

По дорогѣ въ столицу во Владимірѣ онъ получилъ радостную вѣсть: царица разрѣшилась отъ бремени сыномъ, котораго назвали Димитріемъ. Въ одномъ изъ древнѣйшихъ селъ въ окрестностяхъ Москвы, Тайнинскомъ, куда Иванъ долженъ былъ удалиться впослѣдствіи, въ дни испытаній, ожидавшихъ его послѣ этихъ успѣховъ, братъ его Юрій съ знатнѣйшими боярами принесли ему первыя поздравленія. Въ Москвѣ вышедшій на встрѣчу ему съ духовенствомъ митрополитъ сравнивалъ его съ Димитріемъ Донскимъ, Александромъ Невскимъ и Константиномъ Великимъ, а затѣмъ, поклонившись до земли, благодарилъ государя за торжество, доставленное имъ отечеству и Церкви.

И въ самомъ дѣлѣ побѣда была велика; по своимъ непосредственнымъ или отдаленнымъ послѣдствіямъ болѣе

значительная, чѣмъ пріобрѣтеніе Трехъ Епископствъ, сдѣланное въ томъ же году Генрихомъ II на противоположномъ концѣ Европы.

IV.

Послѣдствія.

Въ 1555 году первый архіепископъ казанскій и свіяжскій Гурій отправился на мѣсто своего назначенія въ сопровожденіи цѣлой свиты священнослужителей. Это напоминало то отправленіе духовенства изъ Византіи, которое при Владимірѣ принесло проповѣдь истинной вѣры въ Корсунь. Послѣ освященія храма Заступницы Богоматери, выстроеннаго въ Кремлѣ въ память новой побѣды, Гурій сѣлъ на лодку, гдѣ продолжалось пѣніе и молитвы. По пути отъ Москвы до Волги громадныя толпы народа, охваченнаго энтузіазмомъ, привѣтствовали представителя истинной вѣры. Россія приступала къ апостольской дѣятельности. На стѣнахъ Казани исламъ потерпѣлъ пораженіе, нанесшее непоправимый ущербъ нарождавшемуся могуществу крымскихъ хановъ. Теперь уже не было и рѣчи о томъ, чтобы Иванъ „билъ челомъ", какъ это дѣлалъ онъ еще недавно въ сношеніяхъ съ опасными сосѣдями, въ то же время претендуя на равенство съ германскимъ императоромъ и султаномъ! Въ матеріальномъ отношеніи Казань представляла цѣнное пріобрѣтеніе. Если она раньше и не угрожала Москвѣ, то все же, находясь на среднемъ теченіи Волги, она преграждала путь на востокъ и препятствовала естественному развитію ея. Нѣкогда здѣсь произошло первое столкновеніе христіанства съ исламомъ въ сраженіяхъ магометанъ, болгаръ съ первыми христіанскими князьями новой сѣверо-восточной Руси. Для Азіи Казань продолжала быть центромъ торговли и промышленности, а для монгольскаго царства послѣднимъ оплотомъ, удержаннымъ имъ въ Европѣ. Стѣсненное крымское ханство представляло лишь станъ кочевниковъ, бродившихъ въ южныхъ степяхъ. Оставалась еще Астрахань, но, послѣ паденія Казани, эта преграда для московскаго движенія обречена была на неизбѣжную гибель. Начавшаяся колонизація и завоеванія съ непреодолимой силой распространялись въ богатомъ краѣ, орошенномъ западными притоками Волги и восточными—Дона.

Наконецъ Казань была естественнымъ центромъ для многочисленныхъ дикихъ народностей—черемисовъ, мордвы,

чувашей, вотяковъ, башкиръ, занимавшихъ оба берега Волги—нагорный и луговой. Привлеченный къ Свіяжску нагорный берегъ уже входилъ въ составъ московскаго государства. Теперь наступала очередь и для низменнаго.

Въ своемъ нетерпѣніи вернуться къ радостямъ семейной жизни и насладиться славой, ожидавшей его въ Москвѣ, Иванъ слишкомъ поторопился покинуть покоренную область. По словамъ Курбскаго, бояре настаивали, чтобы онъ остался до весны. Но возможно, что они сами посовѣтовали ему принять противоположное рѣщеніе. Если они, его „служилые люди", въ послѣдній моментъ подъ Казанью увлекали его въ битву, таща коня за поводъ, то раньше, еще не дойдя до нея, они не одинъ разъ, казалось, выражали намѣреніе покинуть царя, жалуясь на истощеніе силъ и средствъ. Между ними и царемъ уже завязалась глухая борьба. Царь чувствовалъ, что бояре не въ его рукахъ; послѣдніе, въ свою очередь, сознавали, что государь недолго будетъ оказывать имъ послушаніе, правда и такъ уже довольно ненадежное, непостоянное и капризное. Произведенныя или еще готовившіяся реформы вызвали среди высшей аристократіи недовольство, обнаруживавшееся ею при всякомъ удобномъ случаѣ, и среди этихъ воиновъ, которые руководили имъ въ ней и указывали ему его мѣсто, Иванъ чувствовалъ себя не вполнѣ спокойно.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ побѣдители почувствовали угрозу лишиться плодовъ своего завоеванія. Въ Казани и ея окрестностяхъ появились симптомы безпокойства. Казаки и стрѣльцы оккупаціоннаго отряда потеряли при одномъ столкновеніи съ племенами *горной стороны* 1000 человѣкъ. Эти возмутившіяся племена основали даже новый городъ на Мешѣ въ 70 верстахъ отъ Казани. Въ 1554 г. пришлось прибѣгнуть къ настоящей правильной войнѣ противъ непокорныхъ. Прошло еще 5 лѣтъ, прежде чѣмъ стало возможнымъ болѣе или менѣе обезпеченное владѣніе краемъ. За это время Москва уже сдѣлала новый и великій шагъ въ другомъ мѣстѣ.

V.

Взятіе Астрахани.

Весной того же 1554 г. 30.000 московскаго войска подъ начальствомъ князя Юрія Ивановича Пронскаго отправились на судахъ внизъ по Волгѣ. 29 августа, когда Иванъ праздновалъ въ Коломнѣ свои именины, гонецъ привезъ

вѣсть о взятіи Астрахани. Но это еще не было окончательнымъ завоеваніемъ. Пронскій ограничился тѣмъ, что возвелъ на престолъ по своему выбору Дербишъ-Али, обязавъ его платить ежегодную дань и гарантировать русскимъ свободное плаваніе по Волгѣ отъ Казани до Астрахани. Московская политика начинала игру, которая ей удалась въ Казани съ Шигъ-Алеемъ. Результаты ея оказались тождественными. Между новыми покровителями, мѣстными татарами, оказывавшими свое вліяніе, крымскимъ ханомъ и турками, готовыми вмѣшаться въ распри, положеніе Дербишъ-Али было незавиднымъ. Скоро онъ вошелъ въ сношеніе съ сосѣднимъ племенемъ ногайскихъ татаръ, въ которомъ два брата, Измаилъ и Юсуфъ, враждовали изъ-за власти, и при поддержкѣ одного изъ соперниковъ хотѣлъ добиться независимости. Возникла необходимость въ новой военной экспедиціи. Дербишъ соединился съ Юсуфомъ, а когда тотъ былъ убитъ своимъ братомъ, съ его дѣтьми, Москва заключила союзъ съ Измаиломъ, расположивъ его въ свою пользу скромными подарками. Онъ просилъ дать ему три охотничьихъ птицы — кречета, сокола и голубятника, а также большое количество свинцу, шафрана, цвѣтныхъ матерій и 500.000 гвоздей... Дербишъ былъ изгнанъ. Его замѣстилъ Измаилъ, который, въ свою очередь, долженъ былъ за непослушаніе уступить мѣсто своимъ племянникамъ. Москва еще долго ссорилась съ этими непокорными вассалами. Но устья Волги все-таки были ею пріобрѣтены. Въ то же время сосѣднія маленькія кавказскія княжества, вмѣшивая ее въ свои споры или ища у нея поддержки, незамѣтно, почти противъ ея желанія, увлекали ее все дальше и дальше на востокъ въ новыя предпріятія, расширявшія границы ея гегемоніи.

Колонизація слѣдовала шагъ за шагомъ за успѣхами этой политики, а иногда даже опережала ее. Отъ береговъ Дона и Терека, гдѣ она уже стала на прочную почву, она распространялась до Крыма, до воротъ Азова, постепенно расширяя владѣнія такъ называемой *казатчины*, образовавшейся изъ вѣчно подвижныхъ слоевъ неустоявшагося еще населенія. Казаки представляли неоцѣнимую силу для осуществленія правительственной программы, ставившей своей задачей расширеніе государственной территоріи. Но сила эта была и опасной.

VI

Казаки.

Власть метрополіи надъ этимъ непостояннымъ и буйнымъ элементомъ долгое время была чисто номинальной. Только въ 1570 г. одинъ изъ намѣстниковъ Грознаго Новосильцевъ сумѣлъ придать казакамъ на берегахъ Дона болѣе опредѣленную организацію. Современное Донское войско праздновало свой трехсотлѣтній юбилей въ 1870 г. Однако въ 1577 году Иванъ долженъ былъ отправить цѣлую армію подъ начальствомъ Мурашкина, чтобы прекратить разбои и насилія этихъ непокорныхъ подданныхъ. И тогда, полагаютъ, будущій завоеватель Сибири Ермакъ и его товарищи, спасаясь отъ заслуженнаго наказанія, отправились искать убѣжища у Строгановыхъ, колонизаторовъ другого типа. Ихъ безпредѣльныя владѣнія простирались вплоть до Азіи.

Такъ было подготовлено новое и еще болѣе знаменитое завоеваніе. Но, предоставляя пока идти своимъ чередомъ жизни и самовольнымъ предпріятіямъ казаковъ, Москва должна была начать борьбу съ послѣднимъ остаткомъ татарскаго величія. Не имѣя возможности подчинить своей власти тысячи вооруженныхъ Ермаковъ, обитавшихъ въ области, сопредѣльной съ Крымомъ, Иванъ долженъ былъ начать борьбу, которая закончилась только при Екатеринѣ II.

Въ 1555 г. было отправлено туда въ походъ 13.000 человѣкъ подъ начальствомъ Шереметьева. Это была прелюдія экспедицій Голицына и Миниха. Какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, болѣе подвижной и отважный—ханъ. Онъ отступилъ передъ силой царя, но все-таки нанесъ серьезный ущербъ его полководцу. Въ слѣдующемъ году отрядъ казаковъ подъ предводительствомъ дьяка Ржевскаго произвелъ рекогносцировку до самого Очакова, вызвалъ большое возбужденіе и подъемъ воинственнаго духа въ приднѣпровской Малороссіи. Послѣ этого одинъ изъ подданныхъ польскаго короля князь Дмитрій Вишневецкій занялъ и укрѣпилъ одинъ изъ островов на Днѣпрѣ—Хортицу и бросилъ вызовъ сосѣднему ханству, заключивъ союзъ съ царемъ. Въ 1557 г. онъ былъ прогнанъ съ Хортицы, но въ слѣдующемъ году отплатилъ за это подъ стѣнами Азова, когда начальникъ московскаго войска Даніилъ Адашевъ достигъ устья Днѣпра, захватилъ два турецкихъ корабля и, высадившись въ Крыму, навелъ ужасъ на его обитателей.

Казалось, наступилъ моментъ покончить борьбу съ Крымомъ, и окружающіе Ивана склоняли его рѣшиться на это. Но молодой государь измѣнилъ свои стремленія. Его предпріимчивый духъ переносился съ Востока на Западъ, куда его манили болѣе соблазнительныя перспективы. Его занимали дѣла Ливоніи. Они долгіе годы поглощали его дѣятельность. Это было уже начало исторіи Петра Великаго.

VII.

Крымъ и Ливонія.

Весть одновременно два предпріятія было невозможно. Какъ бы ни была справедлива та критика, которой Грозный подвергался тогда и впослѣдствіи, онъ остановился на правильномъ рѣшеніи. Идти на Крымъ было не то, что идти на Казань или Астрахань. Съ береговъ Москвы до береговъ Волги переправа войска и провіанта совершалась по сѣти рѣчныхъ путей, пересѣкавшихъ относительно заселенныя мѣста. Дорога въ Крымъ уже отъ Тулы и Пронска шла чрезъ пустынныя мѣста, гдѣ нельзя было ни встрѣтить пристанища, ни найти средствъ пропитанія. Здѣсь до восемнадцатаго столѣтія разбивались усилія лучшихъ русскихъ полководцевъ. Кромѣ того нужно было считаться еще съ тѣмъ, что изъ-за Крыма пришлось бы столкнуться съ Турціей XVI вѣка, съ Турціей Солимана Великаго!

Съ другой стороны, выборъ Ивана не былъ вполнѣ свободнымъ. Съ 1554 г. онъ велъ войну со шведами изъ-за этой самой Ливоніи. Изъ-за нея же шли постоянныя войны съ Польшей. Прерывались онѣ только непрочными перемиріями. Разрѣшеніе этихъ двухъ проблемъ подсказывалось необходимостью. Какъ ни былъ безпокоенъ Крымъ, но съ нимъ можно было еще обождать. Въ Ливоніи же ни поляки, ни шведы не ждали. Они не могли отложить до другого момента вмѣшательство въ дѣла Ливоніи, чтобы не дать Москвѣ утвердиться на берегахъ Балтійскаго моря. Старая колонія тевтонскихъ рыцарей приходила въ то состояніе, какое пережила въ послѣдствіи Польша, она возбуждала алчность сосѣдей: домъ горѣлъ, онъ долженъ былъ достаться тому, кто первый придетъ тушить его. Отказаться отъ участія въ этомъ Иванъ и не думалъ. Даже Казань была покорена имъ при содѣйствіи Запада, при помощи инженеровъ и мастеровъ, которые набирались въ Германіи, Венгріи и Италіи. Но если Италія, а отчасти и Германія склонны были помочь, другія европейскія государства и особен-

но ближайшія относились недовѣрчиво и враждебно: задерживали, препятствовали покупкѣ болѣе совершенныхъ военныхъ матерьяловъ и старались сохранить между собой и весьма предпріимчивымъ сосѣдомъ вѣковую стѣну обособленности. Ливонія была тѣмъ окномъ, которое впослѣдствіи прорубилъ сильными ударами своего топора Петръ Великій. Случай представлялся сдѣлать это теперь и безъ большихъ усилій. Отказываться было бы безуміемъ.

Но развѣ Иванъ не могъ воспользоваться для той же цѣли принадлежавшей уже ему частью Финскаго залива отъ устья Сестры до впаденія въ него Наровы? Возраженіе это дѣлалось, но оно не убѣдительно. Иванъ не имѣлъ намѣренія основывать Петербургъ. Даже если бы онъ обладалъ геніемъ Петра Великаго, онъ, вѣроятно, не нашелъ бы возможнымъ возложить на своихъ подданныхъ гигантское и пародоксальное бремя подобнаго сооруженія. Чтобы осуществить это дѣло спорной цѣнности, нужна была полуторавѣковая борьба, обезпечивавшая побѣду абсолютной власти и давшая Петру орудія, которыми не обладалъ Иванъ IV. Самъ Петръ не удовольствовался этимъ портомъ въ болотистой, негостепріимной мѣстности. Чтобы найти лучшее мѣсто Ивану, казалось, для этого нужно только протянуть руку.

И въ самомъ дѣлѣ, если его предпріятіе и не удалось, то только лишь потому, что онъ натолкнулся на непредвидѣнное препятствіе. Это препятствіе создала фантастическая карьера Баторія, настоящаго короля въ государствѣ, гдѣ короли давно уже были только для смѣха. Этотъ венгерскій рыцарь укротилъ польскаго коня и стремительно бросился на немъ, чтобы преградить дорогу московскому всаднику. Скачка продолжалась всего лишь 10 лѣтъ, но этого достаточно было, чтобы измѣнить взаимное положеніе и шансы на успѣхъ, чтобы замѣнить Польшу Ягеллоновъ, которую Москва знала, другой Польшей, силъ которой она не подозрѣвала и не могла угадать. Тріумфъ, который, казалось, покоритель Казани и Астрахани уже одерживаетъ, обратился въ его пораженіе.

Онъ начиналъ это предпріятіе съ блескомъ славы и популярности, которой превосходилъ его одинъ только изъ его преемниковъ. Побѣды и реформы Петра Великаго, какъ менѣе понятныя, должны были получить и меньшую оцѣнку. Побѣдитель Ислама, законодатель, усердно пекущійся объ интересахъ нисшихъ слоевъ населенія, грозный судья только для „великихъ“, Иванъ вызывалъ удивленіе даже у иностранцевъ. По мнѣнію Дженкинса, высказанному въ 1557 г., ни одинъ изъ христіанскихъ государей не былъ

такъ страшенъ для подданныхъ, какъ Иванъ, и въ то же время такъ ими любимъ.

Говоря съ похвалой о правосудіи, совершаемомъ этимъ несравненнымъ государемъ при помощи простыхъ и мудрыхъ законовъ, о его привѣтливости, гуманности, разнообразіи его познаній, о блескѣ двора, о могуществѣ арміи, венеціанскій посолъ Фоскарини отводитъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди властителей того времени будущему противнику Баторія. Съ чувствомъ удовольствія перечисляетъ онъ его *военныхъ людей*, обмундированныхъ по-французски, пушкарей, обученныхъ своему дѣлу по-итальянски, пищальниковъ и утверждаетъ, что ни одно европейское государство не обладаетъ такой страшной военной силой. Ослѣпленный призракомъ побѣды, онъ уже видитъ двѣ арміи въ 100.000 каждая, готовыхъ двинуться по знаку великаго царя. „Все это почти невѣроятно,—прибавляетъ онъ,—но это совершенно вѣрно“.

Дѣйствительность, которую я пытался выше выяснить, не обезпечивала въ данный моментъ Ивану перевѣса надъ сосѣдями—поляками и шведами. Онъ имѣлъ многочисленную армію, полную казну, преимущество сильно укрѣпленной власти и увѣренность въ себѣ, что обезпечиваетъ успѣхъ. Но его могущество, слава, популярность, все это низвергнулось въ бездну, опасность которой никто не предвидѣлъ и никто не могъ измѣрить ея глубину.

Глава IV.

Завоеваніе Ливоніи.

I. Историческіе прецеденты.—II. Ливонія въ XVI вѣкѣ.—III. Московское завоеваніе.—IV. Вмѣшательство Европы.

I.

Историческіе прецеденты.

Борьба изъ-за обладанія Балтійскимъ моремъ въ XVI в. была споромъ между наслѣдниками. Наслѣдство это осталось отъ Ганзы, великой политической и торговой конфедераціи, разоренной открытіемъ Новаго Свѣта и безоружной передъ алчностью сосѣдей. Столкновеніе имѣло грозный характеръ благодаря тому, что притязаніе предъявили такія державы, какъ Швеція, Данія, Россія и Польша. На карту ставились торговые, промышленные, культурные и религіозные интересы. До 1540 г. Москва играла подчиненную роль, выступая только помощницей двухъ скандинавскихъ державъ. Но въ это время общій врагъ—ганзейцы—были почти побѣждены, и недавніе союзники начали неизбѣжную борьбу изъ-за дѣлежа добычи.

Историческія основанія московскихъ домогательствъ были самыми древними. Въ лѣтописи Нестора можно найти указаніе на то, что Ливонія и Эстляндія составляли часть древней Руси. Перечисляя народы, подчиненные власти варяжскихъ князей, лѣтописецъ говоритъ о *ливахъ* и *чуди*, обитавшихъ на побережьи Балтійскаго моря. Указанія эти, впрочемъ, весьма проблематичны. Первая достовѣрная попытка русскихъ утвердиться въ Ливоніи относится къ 1030 г., когда Ярославъ Мудрый основалъ въ странѣ Чуди Юрьевъ. Но скоро здѣсь пришлось столкнуться съ сосѣдями—семигалами, и владѣніе стало непрочнымъ, а въ слѣдующемъ столѣтіи съ появленіемъ нѣмцевъ возникло болѣе опасное соперничество.

Исторія нѣмецкой колонизаціи въ Ливоніи связана съ основаніемъ Любека Генрихомъ Львомъ въ 1158 г. Купцы новаго города въ поискахъ пути въ скандинавскія земли и на далекій востокъ стали Колумбами этой второй Америки. Тогда и возникло соперничество между нѣмцами, русскими и скандинавами изъ-за обладанія устьями Двины, связанной уже съ рѣчной сѣтью Руси и даже съ бассейномъ Днѣпра. Ключъ находился въ Ливоніи, и здѣсь началась нѣмецкая колонизація при помощи тевтонскихъ миссіонеровъ. Во второй половинѣ XII в. августинскій монахъ Мейнгардъ построилъ около города Юкскюль церковь, гдѣ появилась резиденція епископства и новый военный центръ. Преемникъ Мейнгарда, епископъ Бертольдъ цистерціанецъ, былъ прелатомъ въ духѣ Барбарусы: опоясанный мечомъ, онъ больше служилъ ему, чѣмъ кресту. Въ 1198 г., получивъ папскую буллу на крестовый походъ, онъ появился въ устьѣ Двины во главѣ флота и арміи. Послѣ цѣлаго ряда успѣховъ и неудачъ, окончательную побѣду одержалъ только третій епископъ, Альбертъ, происходившій изъ одной знатной бременской фамиліи. Онъ основалъ Ригу и орденъ меченосцевъ. Организованные по образцу тампліеровъ, меченосцы были въ меньшей непосредственной зависимости отъ папы. Со своимъ гросмейстеромъ, жившимъ въ Ригѣ, капитуломъ, состоявшимъ изъ 5 главныхъ начальниковъ, и со всѣми своими рыцарями, одинаково подчиненными власти епископа, новое братство образовало весьма централизованную организацію. Однако свѣтскій и монашескій элементы недолго жили въ согласіи; въ завязавшейся скоро борьбѣ орденъ развилъ матеріальную и политическую стороны своей организаціи въ ущербъ своему духовному назначенію. Это принесло ему гибель при встрѣчѣ съ другими соперниками.

Рядомъ съ этими рыцарями въ бѣлыхъ плащахъ съ краснымъ крестомъ въ сосѣдней Пруссіи появились черные кресты рыцарей Германа Зальца. Это была вѣтвь ордена госпиталя святой Маріи въ Іерусалимѣ, преобразованныхъ въ 1191 г. папой въ орденъ госпитальеровъ и обращенныхъ въ 1198 г. германскими князьями въ духовно-рыцарскій орденъ. В 1225 г. герцогъ Мазовецкій и Куявецкій Конрадъ призвалъ этотъ орденъ себѣ на помощь, чтобы обратить въ христіанство язычниковъ пруссовъ, и надѣлилъ его славянской землей. Въ слѣдующемъ столѣтіи святая Бригитта открыла злодѣянія этихъ лжеапостоловъ, „сражающихся только для того, чтобы питать свою гордость и дать просторъ своимъ страстямъ“. Гордость и алчность дѣлали тѣсной для нихъ ихъ область, и сосѣдняя

Ливонія казалась имъ желанной добычей. Въ 1236 г. неожиданный случай создалъ для осуществленія ихъ намѣреній благопріятныя условія. Меченосцы были почти совершенно уничтожены въ битвѣ съ ливонцами. Желанное для обоихъ орденовъ сліяніе было рѣшено въ Римѣ, и красные кресты исчезли.

Но и при этой новой комбинаціи все-таки пришлось подѣлиться съ сосѣдями. Въ 1238 г. Данія получила Ревель, Гаррьенъ и Вирландъ. Въ 1242 г. послѣ кровопролитнаго столкновенія на Чудскомъ озерѣ съ войсками Александра Невскаго, черные кресты, распространившіеся уже вдоль Финскаго побережья, должны были отступить и оставить свои недавнія пріобрѣтенія. Въ концѣ XIII вѣка орденъ долженъ былъ считаться съ другимъ враждебнымъ элементомъ: развившаяся къ этому времени буржуазія выступила противъ рыцарей въ защиту епископовъ. Но она была побѣждена, и въ половинѣ XIV в. рыцари торжествовали еще болѣе славную побѣду: подъ ихъ исключительной властью объединились Ливонія, Курляндія и Эстонія. Данія сохранила права на свои старыя пріобрѣтенія только номинально и заставила ихъ признать позже.

Однако, торжество продолжалось недолго. Въ слѣдующемъ вѣкѣ на сцену выступила Польша. 1 сентября 1435 г. войска ордена и русско-литовскіе отряды Свидригайла нанесли другъ другу полное пораженіе. Эта братоубійственная борьба была искусно вызвана Польшей. Въ то же время прусскіе черные кресты подверглись большой опасности 15 іюля 1410 г. въ достопамятной битвѣ была утолена двухсотлѣтняя вражда, чтобы, возродившись потомъ, вѣчно существовать въ другой формѣ. На этотъ разъ болѣе правильно раздѣленный германскій міръ и славянскій выставили одинъ передъ другимъ лучшихъ своихъ воиновъ. Это былъ великій день Грюнвальдскаго боя, когда цвѣтъ тевтонскаго рыцарства палъ подъ напоромъ польско-литовской арміи Ягелло и Витольда. Могущество ордена разсыпалось въ прахъ на кровавомъ полѣ этой эпической битвы.

Польша подвергала большому риску свою судьбу. Орденъ былъ готовъ заключить союзъ противъ нея даже со славянами, хотя отъ нея получилъ все, чѣмъ обладалъ, онъ обращался съ ней, какъ съ наслѣдственнымъ врагомъ и не останавливался ни передъ какими средствами, чтобы погубить ее. Еще въ предыдущемъ вѣкѣ онъ уже работалъ надъ тѣмъ, чтобы склонить Швецію, Венгрію и Австрію принять планъ раздѣла Польши—первый планъ этого рода. Орденъ всѣми силами старался воспрепятствовать сліянію Польши съ Литвой и усвоилъ политику, которой потомъ

держалась свѣтская Пруссія. Онъ находилъ средство отплатить своему благодѣтелю союзомъ съ Москвой.

Грюнвальдская битва на нѣкоторое время ликвидировала эти счеты. Принужденные въ слѣдующемъ году въ Торнѣ принять условія мира, по которому сокращались ихъ прусскія владѣнія, рыцари почувствовали, что имъ и въ Ливоніи угрожаетъ то же самое польско-литовское соглашеніе, которое они пытались разрушить, а союзъ съ Москвой былъ лишь мечтой отдаленнаго будущаго. А теперь нужно было оказать сопротивленіе усиленію московскаго вліянія въ Ливоніи. Въ 1483 г. было заключено перемиріе между воюющими, но прежде чѣмъ истекъ срокъ его, русскіе начали строить у устья Наровы, на восточномъ берегу, Ивангородъ, свою Нарву, угрожающую тевтонской, расположенной на другой сторонѣ.

Въ то же время орденъ переживалъ состояніе разложенія въ своей внутренней организаціи, чему оказала большое содѣйствіе реформація, особенно послѣ перехода на ея сторону Альберта Бранденбургскаго, бывшаго гроссмейстеромъ съ 1510 г. Въ 1525 г., когда послѣ одной неудачной войны Альбертъ призналъ надъ своимъ секуляризованнымъ государствомъ сюзеренитетъ Польши, Ливонія на Вольмарскомъ ландтагѣ обнаружила подобное же намѣреніе. Но у главы ливонскихъ рыцарей Вальтера Плеттенберга не хватило на это рѣшимости. Въ то же время протестантизмъ распространялся изъ городовъ съ неудержимой силой, потрясая устои братства, проникая даже до епископскихъ дворовъ и оставляя въ странѣ только внѣшность католическихъ установленій. Страна впала въ анархію. Катастрофа была неизбѣжна. Въ 1554 г. преемникъ Плеттенберга Фюрстенбергъ заключилъ союзъ съ Москвой. Но въ 1557 г., несмотря на обнаруживаемое имъ презрѣніе къ Польшѣ, онъ долженъ былъ явиться въ Позволъ къ королю Сигизмунду-Августу и заключить съ нимъ оборонительный и наступательный союзъ противъ Москвы. Тогда стало ясно, что Ливонія сдѣлается ареной, на которой сосѣди будутъ оспаривать другъ у друга свои интересы. Ей уже больше нечего было спасать, даже чести.

II.

Ливонія XVI вѣка.

Въ нѣмецкой литературѣ и въ народной поэзіи того времени подготовлявшееся московское нашествіе изображалось, какъ Божіе наказаніе. Страна въ то время предста-

вляла дѣйствительно печальную картину. Орденъ приходилъ въ полное разореніе. Воинственный духъ древнихъ рыцарей исчезъ; его не замѣнили гражданскія доблести. Обязательное безбрачіе выродилось въ разнузданный развратъ. Женщины дурного поведенія массами селились у замковъ; постоянныя оргіи и выставлявшаяся рыцарями на показъ роскошь повергали народъ въ ужасную нищету. Въ своей „Космографіи“ опубликованной въ 1550 г., Себастьянъ Мюнстеръ изъ этихъ пировъ и вызываемой ими нищеты создалъ мрачную, отталкивающую картину. Тильманъ Бракель Анверскій, проповѣдникъ того времени, изобразилъ нравы высшаго духовенства, окруженнаго наложницами и незаконными дѣтьми.

Распущенность тогда была общимъ явленіемъ во всей Европѣ. Но одной этой черты недостаточно для объясненія разложенія всѣхъ мѣстныхъ установленій. Ему способствовали и другіе причины. Съ XII в. Ливонія представляла парадоксальное зрѣлище нѣмецкой колоніи, преслѣдовавшей, по примѣру греческихъ колоній на берегахъ Малой Азіи и Сициліи, образованіе независимаго государства безъ національной основы. Мѣстное населеніе финскаго и литовскаго племени, подчиняясь иноземнымъ господамъ, наложившимъ на него тяжелое ярмо, не имѣло съ ними ничего общаго — ни языка, ни нравовъ, ни религіи. Обращенное насильно въ католицизмъ и принуждаемое затѣмъ къ переходу въ протестантизмъ, оно оставалось индифферентнымъ или враждебнымъ. Здѣсь отсутствовали устои, опирающіеся на народныя массы и не было связи съ метрополіей—источникомъ направляющей власти. Императоръ сохранялъ только номинальную власть надъ орденомъ, какъ и папа надъ церковью. Централизація и единство отсутствовали. Шла постоянная борьба между свѣтской и духовной властью за владѣнія, границы которыхъ были неопредѣлены и постоянно измѣнялись. Города обнаруживали общее стремленіе сбросить съ себя власть этихъ соперничавшихъ между собою силъ. Вездѣ антагонизмъ.

Противъ угрозы нашествія четырехъ государствъ — Польши, Россіи, Швеціи, Даніи—у Ливоніи не было никакихъ собственныхъ средствъ. Какъ военная организація, орденъ потерялъ всякое значеніе, а чтобы набрать армію со стороны, недоставало денегъ, да ихъ и не могло быть тамъ, гдѣ не было желанія ихъ платить. Не на что было надѣяться и извнѣ. Разсчитывали въ моментъ опасности объявить себя частью Германіи, но уже въ теченіе двухъ вѣковъ Ливонія изъ-за высокомѣрнаго партикуляризма требовала отъ Германіи признанія своихъ правъ и вольностей.

Польша предлагала и даже навязывала свою поддержку. Но происходившія въ ней неурядицы и заботы объ объединеніи съ Литвой скорѣе вызывали страхъ, какъ передъ враждебной силой, чѣмъ надежду на безопасность, какъ союзницы. Въ 1554 г. Густавъ I шведскій хотѣлъ воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Ивана во время восточныхъ военныхъ предпріятій. Но союзъ, къ которому онъ склонялъ Ливонію, Польшу и Литву, не осуществился, онъ остался одинъ въ борьбѣ съ Москвой и долженъ былъ въ 1557 г. согласиться на сорокалѣтнее перемиріе. Такимъ образомъ несчастная Ливонія осталась одна лицомъ къ лицу съ этимъ четвертымъ хищникомъ, у котораго не было недостатка ни въ побужденіяхъ, ни въ предлогахъ къ нападенію.

Мотивы? Въ молчаливомъ соглашеніи части западно-европейскихъ государствъ держать на западѣ двери, ведущія къ могущественному сѣверо-восточному сосѣду, прибалтійскія провинціи добровольно брали на себя роль сторожа. Знаменитое дѣло Ганса Шмитта свидѣтельствовало о ихъ усердіи въ это время. Въ 1548 году Шмиттъ получилъ разрѣшеніе Карла V вербовать въ Германіи ремесленниковъ и ученыхъ на службу царю, но онъ былъ въ Ливоніи задержанъ вмѣстѣ съ набранными людьми и посаженъ въ тюрьму, гдѣ его продержали до тѣхъ поръ, пока всѣ его спутники не разбѣжались.

Другая причина: разъ Новгородъ былъ включенъ въ составъ Московскаго государства, завоеваніе Ливоніи сдѣлалось необходимостью. Новые хозяева начали съ того, что разрушили въ Новгородѣ *нѣмецкій дворъ,* но отнятая такимъ способомъ у ганзейцевъ торговля сейчасъ же перешла въ ливонскіе города—Ригу, Нарву и другіе центры. И теперь Москва подвергалась ихъ эксплоатаціи. Въ этихъ враждебныхъ городахъ иностранцамъ запрещалось учиться русскому языку, производить непосредственно торговыя сдѣлки съ русскими и открывать русскимъ кредитъ подъ страхомъ денежнаго штрафа.

Предлогомъ къ войнѣ послужило слѣдующее: между ливонскимъ городомъ Нейгаузеномъ и Псковомъ издавна существовала спорная область, надъ которой Москва добилась нѣкотораго рода верховенства. Ливонскіе землевладѣльцы этой области должны были ежегодно московскому правительству подать въ размѣрѣ 10 фунтовъ меда съ каждаго. Когда пчелы начали исчезать вслѣдствіе истребленія лѣсовъ, подать эта была замѣнена незначительной суммой денегъ, а потомъ и совсѣмъ забыта. Въ 1503 году Москва вспомнила объ этомъ старинномъ доходѣ, соединяя

возстановленіе этой подати съ притязаніями на Дерптъ, прежній русскій Юрьевъ. Въ 1554 году, вскорѣ послѣ покоренія Астрахани, Иванъ ко всему этому прибавилъ еще недавнія обиды: нарушеніе границъ и конфискацію церквей протестантскими фанатиками. Въ 1556 году, упрочивъ свое новое владѣніе на востокѣ, онъ заговорилъ болѣе рѣшительно. Одинъ изъ его предшественниковъ уже отправилъ однажды ливонцамъ кнутъ въ видѣ предостереженія. Казалось, царскій посолъ теперь вдохновился этимъ прецедентомъ. Подать въ 10 ф. меду или взамѣнъ его деньги превратилась въ его устахъ въ оброкъ, равный маркѣ съ каждой души населенія. Недоимка же за прежнее время достигла крупныхъ размѣровъ.

Епископъ дерптскій думалъ было вывернутся изъ затруднительнаго положенія путемъ дипломатической ловкости. Онъ обѣщалъ заплатить все, если одобритъ германскій императоръ, которому ливонцы писали, не трудно догадаться въ какомъ духѣ. Посолъ Терпигоревъ сдѣлалъ видъ, что совершенно не понимаетъ этой хитрости. „Какое отношеніе имѣетъ императоръ къ этому дѣлу? Будете платить деньги или нѣтъ?“ Вмѣсто денегъ ему вручили письмо для Ивана.—„Ого!“ воскликнулъ онъ, пряча старательно документъ въ шелковую сумку, „этотъ теленокъ обѣщаетъ стать большимъ и жирнымъ,“ и, приказавъ угостить изумленныхъ представителей города, онъ началъ весело прыгать, вскакивая на столы. Испуганные представители города заявили, что нельзя въ короткое время собрать требуемую крупную сумму денегъ.

— Ладно! Вѣдь въ кладовыхъ ратуши есть 12 бочекъ серебра.

—Возможно, но ключи отъ нихъ находятся только не въ нашихъ рукахъ. Однимъ владѣетъ Рига, другимъ Ревель.

—Хорошо, хорошо! Если вы не хотите дать денегъ, царь самъ придетъ за ними.

И царь готовился идти. Развѣ Макарій не сравнивалъ его съ Александромъ Невскимъ послѣ взятія Казани? Эта лесть задѣла самую чувствительную струнку у Ивана, и онъ хотѣлъ оправдать данное ему названіе. Онъ пошелъ по тому пути, который былъ оставленъ русскими въ XIII вѣкѣ благодаря необходимости защищаться на востокѣ отъ татаръ. Но времена перемѣнились. Вмѣстѣ съ Польшей, Швеціей и Даніей въ эту борьбу должна была теперь вмѣшаться вся Европа. Даже Испанія, мечтавшая о всемірной монархіи, стремясь завладѣть и далекимъ Сѣверомъ и Зундомъ, оспаривая у Даніи союзъ съ Маріей Стюартъ, претендовала на вмѣшательство.

III.

Московское завоеваніе.

Въ февралѣ 1557 года въ Москвѣ появилась ливонская депутація снова просить объ отсрочкѣ. Иванъ отказалъ имъ въ пріемѣ, поручилъ Адашеву отправить ихъ обратно и началъ готовить карательную экспедицію. Это было просто и ужасно. Въ концѣ года армія, состоявшая въ значительной части изъ татаръ, подъ командой казанскаго ех-хана Шахъ-Али, напала на Ливонію и произвела тамъ страшныя опустошенія. Тутъ было все: и женщины, изнасилованныя до смерти, и дѣти, вырванныя изъ чрева матерей, и сожженныя жилища, и уничтоженные урожаи. Быть можетъ, въ мѣстныхъ лѣтописяхъ есть нѣкоторое преувеличеніе. Но войны того времени вездѣ были отвратительнымъ варварствомъ, и черемисы Шахъ-Али ни въ чемъ не уступали болѣе дисциплинированнымъ разбойникамъ герцога Альбы. По словамъ одного лѣтописца, они выбирали наиболѣе красивыхъ плѣнницъ и, насытивъ съ ними свои похотливыя желанія, они привязывали ихъ къ дереву и упражнялись въ стрѣльбѣ по этимъ живымъ мишенямъ. Все это возможно, хотя присутствіе въ арміи двухъ русскихъ начальниковъ—Михаила Васильевича Глинскаго и Даніила Романовича, брата царицы Анастасіи, Захарьина, должно было нѣсколько сдерживать этихъ дикарей. Впрочемъ, здѣсь дѣло шло не столько о завоеваніи, сколько о *manu militari*. Какъ уже заявлялъ Терпигоревъ, русскіе пришли за деньгами, и террористическіе пріемы оправдывались до нѣкоторой степени.

Сопротивленіе не было почти никакого. На протяженіи почти 200 верстъ завоеватели встрѣчали только слабые отряды, которые безъ труда были разбиваемы и обращаемы въ бѣгство. Результаты этой кампаніи опредѣлились не сразу. Весьма вѣроятно, что Иванъ не остановился на опредѣленномъ планѣ и шелъ наугадъ. Въ январѣ 1555 г. Шахъ-Али, собравъ громадную добычу, согласился на перемиріе, и новая депутація отправилась въ Москву. Она везла съ собой нѣкоторую сумму денегъ и была принята. Посредничество московскихъ купцовъ, заинтересованныхъ въ торговлѣ съ Дерптомъ, быть можетъ, и деньги, данныя кому слѣдуетъ, казалось, обѣщали депутаціи такія условія мира, на которыя она раньше никакъ не могла разсчитывать. Иванъ согласился отказаться отъ взысканія контрибуціи въ виду истощенія края. Однако новая неожиданность разстроила переговоры: Нарва отказалась отъ перемирія и

продолжала перестрѣлку съ Ивангородомъ. Въ 1558 г. городъ сдался, но крѣпость продолжала оказывать сопротивленіе. 11 мая она была взята приступомъ. Послѣ этого Адашевъ, ведшій переговоры, сразу измѣнилъ тонъ. До этого момента ставился въ довольно неопредѣленныхъ выраженіяхъ вопросъ лишь объ уплатѣ дани дерптскимъ епископомъ. Теперь же потребовали уплаты отъ всей Ливоніи, вмѣстѣ съ признаніемъ ею московскаго сюзеренитета на тѣхъ основаніяхъ, на какихъ находились Казань и Астрахань. Гроссмейстеръ Фюрстенбергъ, епископы дерптскій и рижскій должны были отправиться въ Москву и тамъ выполнить обязанности новыхъ вассаловъ. Наконецъ Нарва и другіе покоренные уже города просто присоединялись къ московскому государству.

Эта манера идти этапами, послѣдовательными скачками была традиціонной чертой московской политики. Иванъ, вѣроятно, не думалъ, что эти условія будутъ приняты. Онъ пускался въ авантюру. Послѣ экзекуціи онъ устраиваетъ завоеваніе. Война продолжалась. Несчастная Ливонія обнаруживала неспособность къ защитѣ. Только одни города на нѣкоторое время задерживали нашествіе. Отчаявшійся Фюрстенбергъ, успѣвшій собрать только 8000 человѣкъ, предоставилъ командованіе своему помощнику Готтгарду Кеттлеру, который не обнаружилъ предпріимчивости. Крѣпости стали сдаваться: сначала Нейхаузенъ, потомъ Маріенбургъ. Малодушіе и предательство обнаруживалось вездѣ. Даже нѣмецкіе лѣтописцы съ этимъ согласны.

Въ іюлѣ 1558 г. Дерптъ былъ осажденъ. Епископъ и его приближенные торопились сдать городъ, чтобы получить кое-какія личныя выгоды. Въ войнахъ XVI вѣка эта капитуляція представляла исключительное явленіе, говорящее въ пользу Москвы. Русскій воевода князь Петръ Ивановичъ Шуйскій далъ жителямъ этого города полную амнистію, свободное исповѣданіе ихъ вѣры, сохранилъ прежнее городское управленіе и судебную автономію, свободную, безпошлинную торговлю съ Россіей. Сначала эти условія соблюдались добросовѣстно. Шуйскій держалъ свое войско въ строгой дисциплинѣ и не допускалъ насилій. Москва измѣнила тактику, измѣнивъ намѣренія. Въ Нарвѣ послѣ приступа былъ организованъ правильный грабежъ, слѣды котораго до сихъ поръ хранятся въ петербургской *Кунсткамерѣ*. Хотя Ливонія и не нашла денегъ для своей защиты, но она была все-таки богата. У одного горожанина Тизенгаузена нашли до 80.000 марокъ золотой монетой. Полагаютъ, что даже могилы были разрыты. Правда, законы войны того времени допускали еще и другія оскверненія!

Но какъ только мѣшокъ былъ наполненъ деньгами, побѣдители смягчались и проявляли большую мудрость. Привилегіи, которыхъ добился Дерптъ, были распространены и на Нарву. Тотчасъ же принялись за возстановленіе города, начали поощрять къ занятіямъ окрестныхъ земледѣльцевъ и даже помогать имъ.

По мнѣнію Ивана, для побѣжденныхъ дѣлалось слишкомъ много. Онъ утвердилъ договоръ, на который согласился Шуйскій, съ нѣкоторыми ограниченіями. Напримѣръ, въ муниципальный судъ долженъ былъ войти представитель Москвы. Аппеляціи на рѣшенія суда рижской палатой передавались на разсмотрѣніе воеводы или направлялись царю. Торговля съ русскими городами стѣснялась введеніемъ пошлинъ на товары. Отъ пошлинъ освобождались торговыя сношенія съ Новгородомъ, Псковомъ, Ивангородомъ и Нарвой. Жители Дерпта получали право селиться въ предѣлахъ Московскаго государства, гдѣ имъ заблагоразсудится. Повидимому, эти льготы казались соблазнительными, такъ какъ до наступленія осени выразили покорность еще 20 городовъ.

Но до окончанія войны было еще далеко. Ревель продолжалъ сопротивленіе. Въ сентябрѣ, съ приближеніемъ зимы, Шуйскій, по обычаю русскихъ военачальниковъ, отступилъ. Кеттлеръ этимъ воспользовался и началъ наступленіе. Собравъ 10.000 человѣкъ, онъ взялъ приступомъ, стоившимъ ему 2.000 душъ, Рингенъ. Затѣмъ подошелъ къ Себежу и Пскову, гдѣ сжегъ пригороды. Крымскіе татары съ своей стороны угрожали Ивану, и онъ, скрѣпя сердце, долженъ былъ въ маѣ 1559 г. заключить съ ливонцами перемиріе. Но на слѣдующій годъ, 2 августа, лишь только миновала опасность, Курбскій настигъ подъ стѣнами Феллина ливонскую знать, сплотившуюся для общаго дѣла, и разбилъ ее однимъ ударомъ. Взятый Феллинъ выдалъ Курбскому Фюрстенберга, который уже отказался отъ власти въ пользу Кеттлера. Вмѣстѣ съ другими знатными плѣнниками: *ландмаршаломъ* Филиппомъ Шальфонъ-Белль, его братомъ Вернеромъ, *комторомъ* Гольдрингена Генрихомъ фонъ-Галенъ, судьею Баушенбурга, бывшій гроссмейстеръ былъ отправленъ въ Москву. По свидѣтельству лѣтописцевъ, съ плѣнниками тамъ обошлись слишкомъ жестоко. Они были будто бы проведены по городу подъ ударами желѣзныхъ прутьевъ, затѣмъ подвергнуты пыткѣ, убиты и выброшены на съѣденіе хищными птицами. По отношенію къ Фюрстенбергу это чистѣйшій вымыселъ. Онъ остался живъ. Въ Ярославской области ему дана была земля. Въ 1575 г. въ письмѣ къ своему

брату онъ заявляетъ, что не имѣетъ основанія жаловаться на свою судьбу. Во время прибытія его въ Москву, тамъ находились датскіе послы. Они удостовѣрили, что онъ встрѣтилъ въ Москвѣ хорошій пріемъ. На обратномъ пути они объ этомъ сообщили ревельскому магистрату, прибавивъ, что остальные плѣнники были казнены. Казни эти, съ точки зрѣнія Ивана, были вполнѣ умѣстны и послѣдовательны. Военные успѣхи въ Ливоніи воскрешали старыя воспоминанія, вызываемыя чувствомъ національной гордости. Естественно, что царь началъ смотрѣть на эту землю, какъ на свою законную собственность, а на ея жителей, какъ на подданныхъ, возмутившихся противъ него, своего законнаго государя. Отвѣтилъ же онъ датскому королю, предъявлявшему права на Эстонію, что 500 лѣтъ тому назадъ Ярославъ пріобрѣлъ болѣе серьезныя права, построивъ Юрьевъ и покрывъ всю страну православными храмами. Для установленія событій этой войны ливонскіе или нѣмецкіе источники не внушаютъ къ себѣ довѣрія, русскіе же, къ сожалѣнію, не достаточны. Даже въ народной поэзіи эти событія не нашли отзвука. Взятіе Казани, завоеваніе Сибири — все это дѣйствовало на воображеніе русскаго народа, склоннаго и къ мистицизму и реализму въ одно и то же время: онъ ясно видѣлъ религіозные и экономическіе интересы, которые были тѣсно связаны съ этими событіями. Въ ливонской рѣзнѣ, лишенной обаянія военныхъ подвиговъ, народъ ничего не понималъ. Эти убійства были далеки и чужды его уму и сердцу.

Для Ивана же они были совершенно ясны.

Дѣло покоренія Ливоніи было уже на три четверти закончено. Будучи въ состояніи поддерживать лишь защиту нѣкоторыхъ крѣпостей, унижаемые въ Эстоніи, Кеттлеръ и его сотрудники обращались за помощью то къ германскому императору, то къ Даніи, Швеціи и Польшѣ. Однако возможность вмѣшательства съ ихъ стороны оставалась весьма проблематичной.

IV.

Вмѣшательство Европы.

Впечатлѣніе, произведенное ливонскими событіями на всѣ государства Западной Европы, было громадно. Внимательно слѣдя за интригами Испаніи, протестантскіе публицисты съ самаго начала войны были освѣдомлены относительно участія въ событіяхъ Филиппа II, вдвойнѣ заинте-

ресованнаго въ этихъ распряхъ: во-первыхъ, чтобы нанести ударъ протестантизму, во-вторыхъ, чтобы получить на берегахъ Балтійскаго моря спорный пунктъ. Въ этой игрѣ, несомнѣнно былъ заинтересованъ и папа. Пришлось вмѣшаться и императору. Императоромъ въ это время былъ Фердинандъ I, склонный къ бюрократизму и обнаруживавшій въ политикѣ пассивность. Онъ заставилъ присылать ему донесенія, завязалъ переписку съ Иваномъ, обмѣнивался взглядами съ польскимъ, финскимъ и шведскимъ королями. Но къ активнымъ дѣйствіямъ не приступалъ.

Съ другой стороны, Иванъ умѣлъ обходиться съ этимъ высокимъ авторитетомъ. Отношенія Москвы съ домомъ Габсбурговъ завязались въ концѣ XIV вѣка. Они поддерживались постоянными уступками Москвы. На этотъ разъ Иванъ пошелъ дальше своихъ предшественниковъ въ самоуниженіи и приписывалъ несчастія Ливоніи отступничеству ея отъ католицизма.

Приморскіе города и германскіе князья казались надежнѣйшей опорой для Ливоніи: и тѣ, и другіе заявили о своемъ желаніи придти на помощь своимъ братьямъ, находящимся въ крайности. На аугсбургскомъ рейстагѣ въ 1559 г., это расположеніе привело лишь къ тому, что Ливонія получила субсидію въ 100.000 флориновъ. Депутатское собраніе въ Спирѣ обнаружило еще больше безпокойства. Оно объявило всю Германію угрожаемой, а Мекленбургъ—находящимся въ непосредственной опасности. Но и результаты и здѣсь были не велики: субсидія въ 400.000 флориновъ, наложеніе запрещенія на торговлю съ Москвой и проектъ отправки въ Москву чрезвычайнаго посольства. Одновременно съ этимъ сдѣланное запрещеніе ливонцамъ поддерживать отношенія съ Польшей и другими сосѣдними державами выдавало истинныя заботы собранія. Ни одно изъ принятыхъ имъ рѣшеній не было осуществлено. 26 ноября 1561 г. Фердинандъ, наконецъ, обнаружилъ активность, опубликовавъ знаменитый манифестъ, запрещавшій навигацію по Наровѣ. Этимъ была сдѣлана попытка запретить ввозъ въ Москву западно-европейскихъ товаровъ, особенно военныхъ припасовъ. Однако Англія нашла другой путь и пользовалась имъ, хотя это и отрицалось лукавой Елизаветой, занявшей въ 1558 г. престолъ послѣ Маріи Тюдоръ. Да и Ганза, вопреки болѣе или менѣе искреннимъ симпатіямъ къ ливонцамъ, обнаружила склонность конкурировать съ англійской торговлей и использовать въ своихъ интересахъ постигшую Ливонію катастрофу, избавлявшую ее отъ опасныхъ соперниковъ въ лицѣ Риги, Ревеля и Дерпта.

Несчастная Ливонія была покинута всѣми. Въ отчаяніи

она усиленно стучалась въ двери иностранцевъ, доступъ къ которымъ усердно закрывали ея естественные защитники. Въ январѣ 1559 г. посланникъ ордена появился на польскомъ сеймѣ въ Петроковѣ. Но сеймъ былъ занятъ внутренними дѣлами страны, и ему пришлось обратиться къ королю Сигизмунду-Августу. Представитель истощенной рассы, лѣнивый гуляка, слабый и не заботящійся о завтрашнемъ днѣ, онъ все-таки имѣлъ въ своихъ жилахъ кровь великихъ политиковъ Италіи. Его мать Бона Сфорца вмѣстѣ съ культурой принесла въ Краковъ духъ интригъ и жестокіе инстинкты своей семьи. Въ вопросахъ внѣшней политики сынъ ея обнаруживалъ обыкновенно пониманіе интересовъ, поставленныхъ на карту. Онъ выслушалъ посланника и чрезъ два мѣсяца онъ вступилъ въ переговоры съ Кеттлеромъ и предложилъ свои услуги. Польша будетъ защищать Ливонію, несмотря на рискъ войти съ Москвой, но за это она получитъ Кокенгаузенъ, Юкскюль, Динабургъ и Ригу — ключи отъ горящаго дома. Рискъ былъ дѣйствительно великъ, но сынъ Боны Сфорца не могъ повторить ошибку своего безумнаго отца Сигизмунда I, упустившаго изъ рукъ отдавшуюся ему Пруссію и помогшаго возстановить въ интересахъ Бранденбургскаго дома рушившееся государство. Пріобрѣтеніе естсственной границы на сѣверѣ и побережья Балтійскаго моря стало для Польши вопросомъ жизни и смерти. Хотя представившійся теперь случай былъ менѣе благопріятенъ, но все-таки еще довольно заманчивъ.

Кеттлеръ нѣкоторое время колебался. Сначала онъ отправился въ Вѣну, пытаясь добиться лучшихъ условій, затѣмъ появился на аугсбургскомъ сеймѣ, но возвратился въ Вильну, въ то время какъ король велъ переговоры со своими упрямыми сенаторами. Логика фактовъ убѣдила всѣхъ. Съ 31 августа по 15 сентября 1559 г. было подписано два трактата. Польша обѣщала помощь противъ Ивана и сохраненіе въ неприкосновенности религіи и правъ жителей. За это она получала около шестой части ливонской территоріи—полосу отъ Друи до Ашерадена. Что касается возможныхъ территоріальныхъ захватовъ у Москвы, то Польша обѣщала вернуть ихъ Ливоніи по уплатѣ послѣдней вознагражденія въ размѣрѣ 700.000 флориновъ. Сигизмундъ основательно разсчитывалъ, что эта сумма никогда не будетъ уплачена. Что касается авторитета императора, то король утверждалъ, что онъ его уважаетъ. Но съ царемъ было недавно заключено перемиріе? Сигизмундъ вмѣшивался въ дѣло, какъ законный государь спорныхъ областей, и не нарушалъ принятыхъ на себя обязательствъ.

Король не торопился приводить въ исполненіе эту сложную и довольно сомнительную программу. Эта бездѣятельность не могла быть объяснена только нежеланіемъ польской шляхты сдѣлать то усиліе, котораго отъ нея ожидали. Игра была серьезная, и нужно было приготовиться къ ней основательно. Ливонія, хотя и просила помощи, но она этимъ еще не отдавалась въ чужія руки. Храбрая, но не дисциплинированная польская армія могла оказаться ниже возложенныхъ на нее задачъ. Получить Ригу было хорошо, но что дѣлать съ ней безъ морской силы, безъ военнаго и торговаго флота. Сигизмундъ мечталъ о лигѣ, объединяющей подъ его руководствомъ скандинавскія государства и ганзейскіе города. Какъ осторожный политикъ, онъ думалъ пріобрѣсти тѣ орудія, которыхъ у него не было: регулярныя войска, флотъ и гавани. Но ошибся и въ разсчетахъ времени и въ надеждахъ, возлагавшихся имъ на своихъ предполагаемыхъ союзниковъ. У Ганзы были свои намѣренія. Скандинавскія же государства сами мечтали получить то, чего добивалась Польша. Тотчасъ же послѣ взятія Дерпта ревельская знать обратилась къ шведскому королю. Умирающій Густавъ Ваза помнилъ униженіе, виновницей котораго была Ливонія. Она бросила его и тѣмъ самымъ заставила заключить въ 1557 г. миръ, переговоры о которомъ вести непосредственно съ нимъ отказался московскій царь. Достаточно и воеводъ новгородскихъ, чтобы вести переговоры съ „ничтожнымъ королемъ Стокгольма!“ Этотъ обычай вести переговоры чрезъ посредниковъ, восходитъ еще ко времени новгородской вольности. На возраженія противъ этого способа вести переговоры, Иванъ отвѣтилъ: „Что такое *Стекольна* (sic) и ея господинъ? Городишка, сдѣлавшій своимъ государемъ купеческаго сына. Слишкомъ много для него чести!“... Поэтому Ливонскіе послы должны были дождаться восшествія на престолъ сына Густава, честолюбиваго и горячаго Эрика XIV, принявшаго ихъ съ большимъ вниманіемъ. Въ маѣ 1561 г., несмотря на нѣкоторую оппозицію со стороны Кеттлера, Ливонія заключила новый трактатъ, по которому Ревель и территорія Харріена, Вирланда и Іервена подчинялись Швеціи. Въ Ревелѣ былъ польскій гарнизонъ, но флотъ Эрика и нѣмецкіе наемники быстро съ нимъ справились. 4 іюня гарнизонъ капитулировалъ. Это было началомъ вѣковой борьбы, разорившей впослѣдствіи Рѣчь Посполитую и подготовившей побѣду Москвы истощеніемъ силъ обѣихъ враждовавшихъ сторонъ.

Данія въ свою очередь выступила на сцену. Въ 1558 г. Король Христіанъ III, отправивъ въ Москву посольство заключить миръ и требовать возвращенія Эстоніи ея за-

конному государю, одновременно началъ переговоры съ Эзельскимъ епископомъ Іоганномъ Мюнгаузеномъ. Это было отвѣтомъ на просьбы ливонцевъ о помощи. Христіанъ, однако, скоро умеръ, и съ его преемникомъ скоро удалось достигнуть соглашенія. Фридрихъ II имѣлъ двадцатилѣтняго брата Магнуса, который долженъ былъ получить въ наслѣдство Шлезвигъ-Голштинію. По своему ли побужденію или же по совѣту брата, эзельскаго епископа Христофора Мюнгаузена, человѣка предпріимчиваго, король рѣшилъ предложить Магнусу Ливонію въ видѣ компенсаціи. Не имѣя никакихъ правъ, Іоганнъ Мюнгаузенъ уступилъ епископство за 30.000 талеровъ. Королева Даніи Доротея дала эту сумму, и въ апрѣлѣ 1560 г. Магнусъ высадился въ Аренсбургѣ. Епископскій довѣренный передалъ ему замокъ, гдѣ съ нимъ встрѣтились нѣкоторые ливонцы. Въ то же самое время Христофоръ Мюнгаузенъ самовольно назвалъ себя намѣстникомъ короля Даніи въ Эстоніи, Гарріи, Эзеля и проч. Предназначенный къ фантастической карьерѣ, законченный типъ князей-авантюристовъ того времени, Магнусъ принялъ титулъ короля Ливоніи.

Такимъ образомъ подготовлялась запутанная борьба, въ которой будущее оспаривавшихся областей и шансы соперниковъ оставались болѣе 20 лѣтъ неопредѣленными. Сигизмундъ-Августъ былъ принужденъ дѣйствовать скорѣе, чѣмъ подсказывала ему его политическая мудрость. Въ августѣ 1560 г. виленскій воевода Николай Радзивиллъ Черный во главѣ польской арміи появился въ Ригѣ. Онъ объявилъ подчиненіе всей Ливоніи Польшѣ и аннексію и секуляризацію областей по правому берегу Двины.

Кеттлеръ прослылъ предателемъ между своими соотечественниками, но въ сущности онъ былъ только плохимъ игрокомъ. Онъ искалъ союзника. Но никто не заключаетъ союза съ трупомъ, сказалъ одинъ писатель, оправдывая Сигизмунда-Августа. Съ другой стороны, несчастный преемникъ Фюрстенберга истощилъ всѣ средства для сопротивленія и, насколько было возможно, отсрочилъ конецъ. Только въ концѣ этого рокового года онъ уступилъ, когда явилась необходимость, благодаря Польшѣ, бороться вмѣсто одного съ тремя противниками. Признавъ актомъ 21 ноября 1561 г. какъ глава тевтонскаго ордена соединеніе Ливоніи и Литвы и принявъ вмѣстѣ съ наслѣдственнымъ титуломъ герцога въ обладаніе Курляндію и нѣкоторыя другія сосѣднія области, Кеттлеръ 5 марта 1562 г. передалъ Радзивиллу свой крестъ, мантію и ключи отъ Рижскаго замка.

Въ этотъ моментъ балтійскія провинціи представляли не-

обыкновенное зрѣлище даже для той эпохи непрерывнаго территоріальнаго соперничества. Миланъ и Фландрія были превзойдены. Блѣдная копія перваго герцога Пруссіи, новый герцогъ Курляндскій и семигальскій, начиналъ управлять областью, лежавшей къ югу отъ Двины. Польскій король утверждалъ свое господство надъ сѣверной частью прежнихъ владѣній ордена и объявилъ свое верховенство надъ всей Ливоніей. Подчиненная той же власти, но юридически оставаясь свободнымъ имперскимъ городомъ, Рига сохраняла лишь видимость независимаго города. Шведы удерживали за собой Ревель и Харріенъ. Эзель, Викъ и Пильтенъ признавали Магнуса. Русскіе же, основавшись въ дерптскомъ епископствѣ, въ Вирландѣ и на латышской границѣ, были склонны оспаривать обладаніе всей страной.

„Теперешняя Ливонія, что дѣвица, вокругъ которой всѣ танцуютъ“, писалъ одинъ современникъ. Одно явленіе, характерное для цѣлой эпохи, отходило тогда въ область преданій: заканчивался періодъ крестовыхъ походовъ и рыцарскихъ орденовъ. Въ этотъ моментъ Европа соединилась съ Москвой, чтобы, ликвидируя прошлое, положить основаніе новаго политическаго порядка. Но этотъ новый порядокъ долженъ былъ еще только выйти изъ хаотической и гигантской борьбы, перипетіи которой я вкратцѣ намѣчу.

ГЛАВА V.

Борьба изъ-за господства надъ Ьалтійскимъ моремъ.

I. Швеція и Польша.—II. Коалиціи.—III. Разстройство союзовъ. Магнусъ.—IV. Кандидатура Ивана на польскій престолъ.—V. Избраніе Баторія.

I.

Швеція и Польша.

Разрѣшенъ ли окончательно въ настоящее время вопросъ объ обладаніи балтійскими провинціями? Утверждать это было очень смѣло. Возможно, что вопросъ этотъ вновь станетъ если не причиной, то объектомъ новой борьбы, которая направитъ другъ на друга силы еще болѣе грозныя, чѣмъ тѣ, столкновеніе и бѣшенныя схватки которыхъ видѣлъ XVI вѣкъ. Элементы вопроса измѣнились. Однако, эти измѣненія не такъ значительны, чтобы дѣйствительность не узнала себя въ тѣхъ воспоминаніяхъ, которыя я попытаюсь вызвать. Здѣсь главный интересъ одной странички исторіи. Физіономія Ивана отчетливо обрисуется въ нѣкоторыхъ эпизодахъ, на которые я попытаюсь бросить свѣтъ: въ этомъ ихъ единственная привлекательность. Для большей ясности я заранѣе намѣчу фазы, различаемыя въ послѣдовательномъ развитіи событій, сложность и необыкновенная запутанность которыхъ требуетъ руководящей нити. Я заранѣе призываю къ терпѣнію моихъ читателей. Думая о будущемъ, быть можетъ даже близкомъ, они съ удовольствіемъ вернутся къ поучительному прошлому и оцѣнятъ пользу этого возврата.

Первая фаза борьбы заканчивается 1564 годомъ. Колеблясь между союзомъ съ Польшей и договоромъ со Швеціей, Иванъ ведетъ осторожную политику съ Даніей и побѣждаетъ Польшу.

Вторая фаза соотвѣтствуетъ времени отъ 1564 по 1568 г.

Сигизмундъ Августъ заключилъ союзъ съ Фридрихомъ II, что вызвало сближенiе Москвы со шведами и сухопутное столкновенiе между шведами и датчанами. Въ Ливонiи Ивану удается занять преимущественное положенiе. Но всѣ силы правительства, какъ и въ Польшѣ, были поглощены внутренними смутами. Борьба Ивана съ боярами отвлекала его отъ ливонской войны. Это былъ *перiодъ Опричнины.* Въ 1568 г. наступаетъ третья фаза. Въ этомъ году Эрикъ XIV былъ низложенъ съ трона и на его мѣсто возведенъ шуринъ Сигизмунда-Августа, Iоаннъ III. Между Швецiей и Данiей заключается перемирiе при посредничествѣ Польши. Видя угрозу новой коалицiи, Иванъ старается привлечь на свою сторону Магнуса. Со смертью Сигизмунда-Августа въ 1572 г. наступаетъ четвертый перiодъ войны. Польша на время была выведена изъ строя. Иванъ заявилъ свои притязанiя на наслѣдiе Ягеллоновъ. Наконецъ, съ избранiемъ на польскiй престолъ Баторiя наступаетъ пятый перiодъ войны. Польша снова выступаетъ на сцену и рѣшаетъ исходъ борьбы почти исключительно въ своихъ интересахъ.

Несмотря на то, что борьба велась изъ-за нѣмецкихъ земель или, по крайней мѣрѣ, изъ-за областей, подвергшихся германизацiи, сама Германiя не принимаетъ никакого участiя въ войнѣ. Она занимала нейтральное положенiе, хотя отъ времени до времени и дѣлала безсильныя попытки вмѣшаться въ споръ. Она оставалась въ сторонѣ, ожидая своего часа. Она ничуть не отказывалась отъ своихъ правъ и ничѣмъ не поступалась въ своемъ честолюбiи.

Въ 1514 г. Москва отняла у Польши Смоленскъ. Съ тѣхъ поръ въ теченiи полувѣка отношенiя между обоими государствами имѣли колеблющiйся характеръ. Они то воевали, то мирились. Формально споръ шелъ какъ будто только объ одномъ Смоленскѣ и прилегающей области, но въ сущности дѣло касалось болѣе крупныхъ вопросовъ. Переговоры постоянно возобновлялись и оставляли послѣ себя документальный слѣдъ. Но Польша при этомъ уже требовала не только Смоленска, но и Новгорода со Псковомъ, какъ старыхъ владѣнiй литовскаго княжества. Съ другой стороны Москва не ограничивалась этими городами и предъявляла требованiя на Кiевъ и всѣ русскiя земли, подпавшiя подъ польскос владычество. На этомъ переговоры обрывались. Польскiе или русскiе послы объявляли, что мирныя сношенiя прекращаются, что правительство отзываетъ ихъ обратно. Иногда они внезапно уѣзжали, но всякiй разъ охотно уступали просьбамъ вернуться обратно и соглаша-

лись на какую-нибудь временную уступку. Вопросъ о владѣніяхъ оставался открытымъ. Къ тому еще возникъ новый споръ. Польша не хотѣла признать царскаго титула за Московскимъ государемъ, а Иванъ прямо отказывался величать Сигизмунда-Августа королемъ. Наконецъ, чтобы выйти изъ за-трудненія, составляли договоръ въ двухъ редакціяхъ—на польскомъ и на русскомъ языкахъ, и послы подписывали перемиріе.

Въ эти затруднительныя отношенія между Польшей и Москвой ливонскій вопросъ внесъ новое осложненіе. Впрочемъ, въ 1560 г., въ то время когда по договору съ магистромъ Кеттлеромъ Польша собиралась рѣшительно вмѣшаться въ русско-ливонскую войну, Иванъ снаряжалъ въ Варшаву чрезвычайнаго посла, который долженъ былъ сдѣлать королю весьма миролюбивыя предложенія. Но произошло неожиданное событіе, значеніе котораго многими преувеличивалось, хотя оно и повліяло на настроеніе государя, на его характеръ и до нѣкоторой степени даже на самую его политику. Царь лишился супруги Анастасіи. Мы видѣли, что молва создала изъ нея какого-то ангела-хранителя при Грозномъ. Къ сожалѣнію, я вынужденъ былъ отнестись къ этой легендѣ нѣсколько скептически. Иванъ горячо любилъ ее, тихія семейныя радости, которыми онъ наслаждался только съ ней одной, сдерживали его жестокіе и грубые порывы. Быть можетъ, горе, вызванное утратой подруги, произвело на характеръ Ивана обратное дѣйствіе. Ничего болѣе точнаго сказать объ этихъ отношеніяхъ нельзя. Но во всякомъ случаѣ ни любовь, ни печаль Ивана не могли быть особенно глубокими: мы знаемъ, что первой заботой Ивана послѣ смерти Анастасіи было найти другую жену.

У Сигизмунда-Августа было двѣ незамужнихъ сестры. Поэтому главной цѣлью посольства, снаряженнаго Иваномъ въ Польшу въ лицѣ окольничаго Ѳедора Ивановича Сукина, было добиться руки одной изъ нихъ для московскаго государя. Король принялъ это предложеніе довольно нелюбезно. Послѣ долгихъ переговоровъ онъ разрѣшилъ послу тайкомъ посмотрѣть въ костелѣ обѣихъ сестеръ. Случайно или же съ намѣреніемъ младшая изъ сестеръ Екатерина обернулась лицомъ къ Сукину. Это послужило прологомъ одной изъ печальныхъ трагедій того времени. Сукинъ постарался расписать царю прелести королевы въ самыхъ яркихъ краскахъ. Помимо того, въ глазахъ Ивана эта невѣста имѣла особую привлекательность. Братъ ея Сигизмундъ-Августъ не оставлялъ по себѣ прямого наслѣдника. Поэтому Екатерина являлась представительницей дома, на наслѣдствен-

ныхъ правахъ владѣвшаго Литвой. Съ ея рукой царь получалъ право заявить притязанія на свою вотчину—литовскія земли. Своенравный и пылкій характеръ Ивана заставлялъ его все болѣе и болѣе увлекаться этимъ замысломъ. Въ слѣдующіе годы эта идея является руководящимъ началомъ всей внѣшней политики Грознаго.

Вполнѣ естественно, что единственной цѣлью Сигизмунда-Августа въ этомъ сватовствѣ было затянуть дѣло подъ какимъ-нибудь предлогомъ. Затрудненія создавались уже различіемъ вѣры между царемъ и его невѣстой. Но самымъ серьезнымъ препятствіемъ къ браку Ивана съ Екатериной казался для Польши о наслѣдственныхъ правахъ на литовскія земли. Бракъ этотъ угрожалъ цѣлости польскаго государства. Онъ могъ погубить дѣло польско-литовскаго объединенія, завершить которое такъ стремился послѣдній изъ Ягеллоновъ. Кромѣ того, Екатерина чуть ли не была уже помолвлена за брата шведскаго короля Іоанна, герцога Финляндскаго. Въ 1562 году сватовство это заключилось бракомъ, послѣ чего сразу между Польшей и Московскимъ государствомъ возобновились враждебныя дѣйствія.

Опять началось то, что было раньше: среди военныхъ дѣйствій шли мирные переговоры; мирные переговоры прерывались новыми вооруженными схватками. Иванъ писалъ Сигизмунду-Августу оскорбительныя посланія. Польскій король мстилъ за нихъ тѣмъ, что подстрекалъ крымскаго хана къ набѣгу на русскія земли. Въ февралѣ 1563 г. самъ царь сталъ во главѣ многочисленнаго войска, среди котораго везли гробъ, въ который, по словамъ Ивана, долженъ былъ лечь братъ Екатерины или онъ самъ. Этотъ походъ увѣнчался крупной побѣдой—въ рукахъ русскихъ оказался Смоленскъ и Полоцкъ, центръ крупнѣйшаго польско-литовскаго воеводства, являвшійся вмѣстѣ съ тѣмъ важнымъ пунктомъ торговли съ Ригой. Превосходство русской артиллеріи дало Ивану перевѣсъ. Теперь настойчивѣй, чѣмъ прежде заговорилъ онъ о возвращеніи ему Кіева. Онъ безпощадно, какъ и всегда, издѣвался надъ своимъ противникомъ, который обращался за поддержкой къ шведскому королю, называя его братомъ. Но въ слѣдующемъ году полякамъ удалось отплатить за свое пораженіе. Это произошло близъ Орши на берегу Улы, на томъ мѣстѣ, гдѣ уже два раза—въ 1508 и 1514 г.—русское войско потерпѣло пораженіе. Здѣсь князь Николай Радзивиллъ Рыжій наголову разбилъ князя Петра Ивановича Шуйскаго.

Царь тотчасъ же забылъ о своемъ презрѣніи къ шведскому королю и сталъ искать сближенія съ Эрикомъ XIV. Еще при вступленіи на престолъ этотъ король отправилъ

въ Москву чрезвычайное посольство. Отъ русскаго же правительства онъ видѣлъ потомъ самое оскорбительное отношеніе. Но несмотря на это и не слушая своего совѣтника Филиппа де Морнэ, указывавшаго на преимущество союза съ Польшей, онъ упорно слѣдовалъ своей первоначальной политикѣ. Одновременно съ этимъ онъ старался расширить свои владѣнія въ Ливоніи. Въ 1563 г. при содѣйствіи помощника рижскаго епископа Кристофа, добивавшагося руки сестры короля Елизаветы, Эрикъ XIV сдѣлалъ въ Ливоніи крупное пріобрѣтеніе. Онъ получилъ города Вольмаръ, Венденъ, Кексгольмъ, Пернау и Падисъ. Послѣ пораженія на Улѣ царь сдѣлалъ ему неожиданное предложеніе. Эрикъ рѣшилъ, что дѣло его выиграно. Сначала былъ возбужденъ вопросъ о дѣлежѣ ливонскихъ земель между ними, но скоро шведскому королю пришлось уступить. Иванъ требовалъ себѣ львиную часть, предоставляя Эрику лишь Ревель, Пернау и Виттенштейнъ. Потомъ совершенно неожиданно онъ снова заговорилъ о польской королевнѣ Екатеринѣ. Теперь она была уже герцогиней финляндской. Но Иванъ когда-то надѣялся обладать ею и теперь не хотѣлъ отказаться отъ своихъ притязаній, Ему нужна была почти вся Ливонія и въ придачу къ ней злополучная Екатерина. Ивану не было дѣла до того, что она была замужемъ. Онъ тоже былъ женатъ, но и это не служило препятствіемъ: супруга была его подданная, раба. Впослѣдствіи Иванъ старался оправдать свое покушеніе на свободу желанной женщины и на святость ея брачныхъ узъ и своего семейнаго очага. По его словамъ, онъ думалъ, что Іоаннъ ужъ умеръ. Онъ увѣрялъ, что у него и на умѣ не было жениться на Екатеринѣ или сдѣлать ее своей наложницей. Онъ просто хотѣлъ въ ея лицѣ имѣть заложника... Онъ давалъ самыя неправдоподобныя объясненія своихъ дѣйствій. Но во всякомъ случаѣ налицо оставался возмутительный фактъ: Иванъ безъ всякаго стыда упорно заявилъ требованіе о выдачѣ ему этой новой Елены, изъ-та которой собирались воевать народы. Намѣренія его, конечно, были далеко не чистыми, это ясно. Бѣшеный деспотъ добивался женщины, но еще въ большой степени предметомъ его властныхъ желаній была его вотчина—Литва.

На первыхъ порахъ король Эрикъ XIV проявилъ почти геройское мужество. Онъ не хотѣлъ ни выдать свою невѣстку, ни отказаться отъ Ливоніи, и онъ заговаривалъ о союзѣ съ Польшей, съ императоромъ, со всѣми нѣмецкими князьями для расправы съ московскимъ варваромъ. Но скоро дѣйствительность заставила его отказаться отъ этихъ намѣреній. Еще съ 1561 г. между Польшей и Даніей нача-

лись переговоры. Теперь они пришли къ концу. 5 октября 1563 г. обѣ стороны подписали въ Штетинѣ условія оборотельнаго и наступательнаго союза. Потомъ послѣдовало соглашеніе съ Любекомъ, послѣ чего къ коалиціи долженъ былъ присоединиться весь Ганзейскій союзъ. Иванъ, съ своей стороны, также началъ переговоры съ Даніей и 7 августа 1562 г. въ Можайскѣ имъ былъ подписанъ договоръ, въ силу котораго оба государства обязывались совмѣстно дѣйствовать противъ Польши и Швеціи. При этомъ Иванъ призналъ права Даніи на Эстонію, Эзель и Пильтенъ. Швеція осталась одинокой. Ей пришлось уступить. Быть можетъ, она обнаружила излишнюю готовность идти на жертвы. Послы Эрика отправились въ Дерптъ и выразили согласіе сноситься съ московскимъ правительствомъ чрезъ намѣстника Новгорода и русской Ливоніи Ивана Яковлевича Морозова. Они согласились почти на всѣ тѣ условія, которыя Иванъ ставилъ еще раньше. Они отказались отъ Ливоніи въ его пользу, за исключеніемъ Ревеля, Пернау, Виттенштейна и Каркгуза, и по тайному договору они, повидимому, обязывались выдать царю Екатерину. По крайней мѣрѣ, впослѣдствіи Иванъ неотступно требовалъ выполненія этого условія. Правда, достаточныхъ свидѣтельствъ, могущихъ подтвердить существованіе этого договора у насъ нѣтъ, хотя Эрикъ былъ противникомъ того брачнаго союза, который дѣлалъ его брата естественнымъ сторонникомъ Польши. И съ другой стороны, въ то время, когда совершалось бракосочетаніе герцога Іоанна съ Екатериной въ Польшѣ находились датскіе послы. Это свидѣтельствуетъ о томъ, что дипломатическія комбинаціи, поставившія Швецію въ затруднительное положеніе, намѣчались еще тогда. Вѣроятно, тогда же былъ возбужденъ и вопросъ о независимости Финляндіи. Какъ бы то ни было, Эрикъ рѣшилъ воспрепятствовать своему непокорному брату выполнить его тайные планы. Послѣ непродолжительной борьбы Іоаннъ былъ захваченъ и заключенъ въ замокъ Грисгольмъ. Екатерина раздѣлила участь своего мужа. Теперь король могъ поступить съ ней такъ, какъ требовалъ его грозный союзникъ.

Таковы ли были истинныя намѣренія самого Эрика или его послы превысили полномочія? Этотъ вопросъ еще ждетъ своего разрѣшенія. Но въ Стокгольмѣ дерптскій трактатъ не былъ удостоенъ утвержденія. Начались новые переговоры, закончившіеся лишь временнымъ перемиріемъ. Эрикъ оказался лицомъ къ лицу съ Польшей и Даніей, что заставило его волей-неволей стать союзникомъ Ивана. Этотъ союзъ ставилъ его на скользкій путь, который долженъ былъ при-

весть его рано или поздно къ гибели. Такимъ образомъ образовалось двѣ коалиціи. Что касается Магнуса, владѣнія котораго ограничивались теперь Эзелемъ, Даго и нѣкоторыми укрѣпленіями, то онъ держался въ сторонѣ отъ борьбы и ждалъ удобнаго случая, чтобы занять въ ней наиболѣе выгодное положеніе.

II.

Коалиціи.

Сигизмундъ-Августъ пытался даже привлечь на свою сторону Нидерланды. Однако онъ только вызвалъ неудовольствіе ихъ мѣрами, направленными къ подрыву нарвской торговли. Въ Ливоніи обѣ стороны дѣйствовали съ перемѣннымъ успѣхомъ. Въ 1565 г. поляки взяли Пернау, зато шведы опустошили Эзель. Впрочемъ Швеція скоро подверглась двумъ ударамъ. Въ январѣ Фридрихъ II заперъ Зундъ, чтобы изолировать ее отъ Европы. Въ ноябрѣ же, по настоянію Августа Саксонскаго, Императоръ Максимиліанъ, игравшій въ этой войнѣ роль Агамемнона, издалъ манифестъ, въ которомъ о-суждалъ шведовъ, какъ нарушителей мира и союзниковъ варварской державы. Этотъ манифестъ парализовалъ успѣхи Эрика въ Ливоніи, партія его брата подняла голову. Но скоро на Максимиліана успѣли оказать вліяніе представители торговыхъ германскихъ домовъ, имѣвшихъ сношенія съ Москвой. Особенно усердно хлопоталъ о томъ, чтобы мнѣніе императора о Москвѣ измѣнилось, уполномоченный по торговымъ дѣламъ герцога Баварскаго въ Любекѣ Вейтъ Ценге. Развѣ Иванъ не гордился своимъ нѣмецкимъ происхожденіемъ? Это была одна изъ его причудъ. Вейтъ Ценге увѣрялъ даже, что въ жилахъ Грознаго течетъ баварская кровь, что московскій государь горячо желалъ установить тѣсныя сношенія съ императоромъ и получить отъ него какой-нибудь знакъ отличія, что за эту честь онъ будто бы даже готовъ дать въ его распоряженіе 30.000 своей лучшей конницы для дѣйствій противъ турокъ и даже согласенъ уплатить большую сумму денегъ. Кромѣ того, онъ откажется отъ Ливоніи и подчинитъ свою церковь власти римскаго папы. По словамъ Ценге, этому, столь желанному для всего христіанскаго міра, сближенію можно содѣйствовать брачными союзами. У Ивана сынъ и дочь на возрастѣ, и въ московскихъ теремахъ скрываются такія сокровища, о которыхъ и не грезилось нѣмецкимъ государямъ. Выдумки Ценге подвер-

гались обсужденію на нѣсколькихъ съѣздахъ германскихъ князей, и всѣ они оказали вліяніе на настроеніе имперіи и ея главы, и безъ того склоннаго къ осторожному нейтралитету.

Въ 1566 г. Магнусъ, прижатый шведами, попытался сблизиться съ Польшей. Его притязанія были значительны: онъ требовалъ руки второй сестры Сигизмунда-Августа, а вмѣстѣ съ ней и Ливонію въ качествѣ приданаго. Послѣдній изъ Ягеллоновъ пренебрежительно отнесся къ этимъ предложеніямъ. Въ 1567 г. онъ намѣрился нанесть врагу рѣшительный ударъ и двинулся съ войскомъ въ Ливонію. Ближайшей цѣлью похода былъ Данцигъ. И раньше этотъ городъ былъ весьма слабо связанъ съ Польшей и неохотно мирился со своимъ зависимымъ положеніемъ, въ началѣ же войны онъ довольно ясно обнаружилъ тяготѣніе къ враждебной сторонѣ. Агенты Данцига, жившіе въ Варшавѣ, поспѣшили успокоить своихъ земляковъ, что король страдаетъ подагрой въ правой рукѣ и лѣвой ногѣ. Они увѣряли, что это ясно видно по самому вооруженію Сигизмунда-Августа. Дѣйствительно походъ закончился плачевной неудачей. Сигизмундъ-Августъ разсчитывалъ собрать подъ своими знаменами 200.000 поляковъ и 170.000 литовцевъ. Но въ дѣйствительности ему удалось собрать какую-нибудь десятую часть этого количества. Къ счастію Сигизмунда-Августа, русскіе потерпѣли пораженіе отъ одного польскаго отряда въ Руннаферѣ, что заставило Ивана завязать мирные переговоры, такъ какъ онъ былъ занятъ внутренней смутой—въ это время нарождалась *опричнина.* Въ Польшѣ также желали мира: соединеніе Польши съ Литвой еще ждало своего завершенія, и королевское правительство приступало къ пересмотру законодательства. Кромѣ того, отношенія Польши къ прусскимъ городамъ носили натянутый характеръ. Ко всѣмъ этимъ затрудненіямъ присоединялись еще внутреннія неурядицы. Иванъ требовалъ себѣ Ревель и Ригу. Одновременно съ этимъ онъ началъ полемическую переписку съ литовскими вельможами, что менѣе всего могло способствовать мирному улаженію конфликта.

Раньше князь Курбскій сражался въ Ливоніи во главѣ царскихъ войскъ и одерживалъ побѣды. Но въ 1562 г. онъ потерпѣлъ пораженіе подъ Невелемъ. Быть можетъ, эта неудача была подготовлена какими-то подозрительными сношеніями его съ Польшей. Съ тѣхъ поръ бывшій любимецъ Ивана впалъ уже на-половину въ царскую немилость, что способствовало тому, что онъ возсталъ противъ деспотическихъ замашекъ московскаго государя. Наконецъ въ

1564 г. раздражительный и крутой бояринъ открыто возсталъ противъ Ивана и обнаружилъ это совершенно по-московски—бѣжалъ за предѣлы своего государства. Его бѣгство вызвало въ Польшѣ предположеніе, что опричнина создастъ множество такихъ недовольныхъ. Для поляковъ было соблазнительно завязать сношенія съ такими лицами. Иванъ вскорѣ узналъ, что нѣкоторые изъ его подданныхъ получили письма отъ литовскаго гетмана Григорія Хоткевича, нѣкоторыхъ литовскихъ вельможъ и даже отъ самого короля. Въ страхѣ и гнѣвѣ Иванъ созвалъ соборъ въ 1566 г., единодушно высказавшійся противъ какихъ бы то ни было уступокъ въ Ливоніи. Владѣльцы земель, расположенныхъ по литовской границѣ, заявили Ивану, что они скорѣе умрутъ, чѣмъ уступятъ хоть одну пядь земли своему непріятелю. Утѣшенный и ободренный этимъ царь принялся диктовать отвѣты на польскія письма. Сигизмундъ-Августъ въ письмѣ къ князю Ивану Дмитріевичу Бѣльскому предлагалъ богатыя земли въ Литвѣ. Въ своемъ отвѣтѣ Сигизмунду-Августу князь Бѣльскій называлъ его „*братомъ*“, говорилъ ему, вполнѣ что доволенъ своимъ положеніемъ и совѣтовалъ ему уступить Литву московскому царю и, ставъ подданнымъ, подобно ему, Бѣльскому, лучшаго изъ государей, сохранить за собой Польшу подъ верховнымъ покровительствомъ Ивана. Легко представить, что писалъ Иванъ въ другихъ отвѣтахъ. Они могли бы служить образцомъ эрудиціи, которой Иванъ такъ щеголялъ, сводя счеты со своими врагами. Онъ называлъ ихъ то *Сеннахерибами*, то *Навуходоносорами*.

Счастье въ это время возвращалось къ Ивану. Эрикъ возобновлялъ попытки соглашенія и готовъ былъ пойти на всякія уступки. Онъ хотѣлъ только, чтобы Иванъ не мѣшалъ ему свести счеты съ Польшей. Если вѣрить Дальману, изслѣдовавшему подлинные дипломатическіе документы, Эрикъ даже обѣщалъ выдать Ивану Екатерину. Еще въ 1556 г. король будто бы предлагалъ этотъ вопросъ на обсужденіе своего совѣта, но члены его отказались одобрить выдачу финляндской герцогини. Тогда король предписалъ своему посланнику Гилленстирна оказывать царю сопротивленіе въ этомъ требованіи. Король разрѣшалъ уступить въ этомъ требованіи только лишь въ томъ случаѣ, если только исключительно отъ этого будетъ зависѣть союзъ съ Москвой. Есть основаніе довѣрять Дальману, такъ какъ трудно допустить, чтобы Гилленстирна превысилъ на этотъ разъ свои полномочія. 16 февраля 1567 г. въ Александровской слободѣ, гдѣ опричнина начинала уже свои кровавыя оргіи, шведскій посолъ под-

писалъ союзный договоръ съ Москвой. Всѣ пункты этого договора были обусловлены выдачей Екатерины. Договоръ признавалъ всѣ наличныя владѣнія Швеціи и Москвы въ Ливоніи. На будущее время онъ разрѣшалъ обѣимъ сторонамъ свободу новыхъ пріобрѣтеній. Однако Иванъ настоялъ, чтобы Рига принадлежала только ему одному. За это онъ обѣщалъ свое посредничество для примиренія Швеціи съ Даніей и Ганзейскимъ союзомъ, а если это не удастся, то онъ окажетъ вооруженную поддержку. Все это зависѣло отъ выдачи герцогини. Въ случаѣ же ея смерти, весь договоръ терялъ силу, такъ какъ самая важная статья не могла быть выполнена Швеціей.

Восхищеніе нѣкоторыхъ русскихъ историковъ договоромъ 16 февраля 1567 г. едва ли вполнѣ основательно. Иванъ создавалъ для себя довольно выгодное положеніе. Удерживая за собой Ригу, онъ до нѣкоторой степени уничтожалъ Ревель, принадлежавшій шведамъ, и тѣмъ самымъ устранялъ предлогъ для Польши оспаривать Ливонію у Швеціи и Москвы. Предполагаемая поддержка ганзейскихъ городовъ обѣщала русско-шведскому союзу значительное преимущество предъ польско-датской коалиціей. Но Иванъ не довольствовался выгодами этого положенія. Онъ подчинялъ осуществленіе его трудно выполнимому и недостойному условію. Онъ добивался не одной женщины, ему нужна была наслѣдница Ягеллоновъ, другими словами, часть Польскаго королевства. Иванъ стремился къ этому, не считаясь съ доводами здраваго разума и дѣйствительностью. Дѣло касалось замужней женщины, которая врядъ ли согласилась бы стать женой своего похитителя, даже овдовѣвъ. Но Иванъ упорно добивался своего. Это доказываетъ, что жестокая внутренняя смута не такъ ужъ тревожила его, какъ принято думать. Въ его головѣ идея принимала формы, свидѣтельствующія о нѣкоторомъ ослабленіи его умственныхъ способностей. Вѣроятно, въ этомъ сказывалось также вліяніе самыхъ темныхъ инстинктовъ его натуры, рѣзко обнаружившихся въ эту пору его царствованія. У людей съ сильнымъ темпераментомъ опьяненіе часто вызываетъ какъ бы частичное помѣшательство. Иванъ былъ во власти опьяненія уже нѣсколько лѣтъ. Онъ былъ захваченъ ожесточенной борьбой, привыкъ постоянно злоупотреблять силой, былъ распаленъ свирѣпыми казнями, совершавшимися чуть не ежедневно по его приказанію. Онъ былъ опьяненъ гнѣвомъ, гордостью и кровью. Но это не мѣшало ему идти своей дорогой, сознавать свою роль, интересы и обязанности, несмотря на припадки слабости и безумія.

Случайность помѣшала выполненію договора, заключеннаго въ Александровской слободѣ. Въ маѣ 1567 г. въ Упсалу прибыло московское посольство съ требованіемъ ратификаціи договора и выдачи Екатерины Ивану. Между прочимъ царь уже надумалъ просить руки одной изъ сестеръ Эрика для своего восемнадцатилѣтняго сына. Невѣстѣ было 16 л., и молва превозносила ея красоту. Въ приданое за ней царь требовалъ Ревель. Это требованіе казалось чрезвычайнымъ. Къ тому московскимъ посламъ пришлось найти въ Швеціи своего рода опричнину, ни чуть не уступавшую насиліями и безумствами московской. Эрикъ отчаянно боролся съ аристократіей, возмущенной его деспотизмомъ и не прощавшей ему его происхожденія. Въ этой борьбѣ „коронованный купеческій сынъ“, какъ называлъ его Иванъ, терялъ послѣднюю долю разума. Между тѣмъ въ Гринсгольмскомъ замкѣ происходила ужасная драма. Бывшій герцогъ финляндскій нѣкоторое время ожидалъ неизбѣжной смерти. Судъ вынесъ ему въ 1563 г. смертный приговоръ, и любимецъ короля Персонъ, впослѣдствіи также обреченный на гибель, настаивалъ на выполненіи казни. Уже въ 1562 г. кровь лилась въ Швеціи, но въ данномъ случаѣ совѣсть мѣшала Эрику лишить жизни брата. Желая удовлетворить требованіямъ Ивана, онъ потребовалъ разлучить Екатерину съ супругомъ. Но наслѣдница Ягеллоновъ обнаружила сильное мужество, она устояла какъ передъ ужасными угрозами, такъ и передъ самыми соблазнительными предложеніями. Она показала посланнымъ короля кольцо, на которомъ были вырѣзаны слова: „Ничто, кромѣ смерти“. Исчерпавъ безуспѣшно всѣ средства для убѣжденія Екатерины и видя, что ему самому угрожаетъ большая опасность, Эрикъ думалъ уже искать убѣжища въ Московскомъ государствѣ. Наконецъ, онъ рѣшилъ, какъ признаютъ и самые горячіе защитники его, что совѣтъ Персона дастъ выходъ изъ затруднительнаго положенія Смерть Іоанна должна была устроить все. Московскіе послы уже готовились получить свою добычу, когда разсудокъ Эрика окончательно измѣнилъ ему, онъ упалъ въ темную бездну, вообразилъ себя самого плѣнникомъ, вернулъ свободу Іоанну и умолялъ его о помилованіи. Это болѣзненное состояніе продолжалось до конца слѣдующаго года. Послы Ивана разсчитывали извлечь изъ него нѣкоторыя выгоды для себя. Но совѣтъ короля упорно стоялъ на своемъ, отказываясь выдать Екатерину. Самъ Эрикъ въ моментъ просвѣтленія не только отказалъ выдать за московскаго царевича какую-нибудь изъ своихъ сестеръ, но предложилъ ему руку нѣкоей Виргиніи Перcдоттеръ, дочери

одной изъ своихъ многочисленныхъ наложницъ. Иванъ пришелъ въ невыразимую ярость, но вмѣшательство Сигизмунда-Августа въ сентябрѣ 1567 г. измѣнило положеніе вещей въ Швеціи. Супругъ Екатерины вступилъ на королевскій тронъ. Эрикъ былъ заключенъ въ тюрьму. Началась новая эра въ исторіи все усложнявшагося конфликта, предметомъ котораго была Ливонія. Теперь главная роль должна была перейти къ Магнусу.

III.

Разстройство союзовъ.—Магнусъ.

Женатый на одной изъ представительницъ дома Ягеллона, новый шведскій король естественно являлся союзникомъ Сигизмунда-Августа и орудіемъ католической реакціи противъ протестантизма. Договоръ 1563 г., заключенный между Польшей и Даніей, теперь фактически терялъ свою силу, такъ какъ Швеція переходила въ противоположный лагерь. Король Іоаннъ былъ искусный полководецъ. Борьбой противъ Москвы, защитой Ревеля въ 1570—1571 г., блестящей побѣдой при Венденѣ въ 1577 г. онъ положилъ основаніе военному могуществу своего государства, сохранявшаго его болѣе столѣтія, до злополучнаго дня Полтавской битвы. Въ ноябрѣ 1568 г. были уже закончены въ Рескильде условія мира Іоанна съ Даніей и Любекомъ. Но Іоаннъ не соглашался на тѣ уступки, на которыя пошли его уполномоченные. Посредничество приняли императоръ и польскій король. Переговоры затянулись до 1570 г. Дѣло датчанъ было испорчено договоромъ Магнуса съ Москвой. Съ другой стороны, Сигизмундъ вмѣшательствомъ въ переговоры и стремленіемъ принудить Швецію къ отказу отъ всѣхъ пріобрѣтеній въ Ливоніи и къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ противъ Москвы еще болѣе усложнилъ дѣло. Самъ онъ заключилъ съ Иваномъ перемиріе на 3 года. При этомъ предоставилъ послѣднему право поддерживать Магнуса противъ шведовъ.

Вопросъ о томъ, дѣйствовалъ ли Магнусъ въ Ливоніи въ качествѣ представителя Даніи, остается не выясненнымъ. Въ то время о немъ спорили много. Съѣзжались отдѣльные дипломаты и даже конгрессы. Спорили о dominium maris baltici и морскихъ сношеніяхъ съ Нарвой. Наконецъ, въ февралѣ 1571 г. въ Штеттинѣ былъ подписанъ новый договоръ. Здѣсь выступала на ряду съ обѣими сторонами почти вся Европа — Германская Имперія, Франція,

Испанія, Англія, Шотландія и Ганзейскіе города. Послѣдніе не вполнѣ были довольны договоромъ. Но всѣ государства выразили согласіе на условія трактата, что, впрочемъ, не помѣшало ему оставаться только на бумагѣ.

Договоръ 1571 г. ставилъ Ивана лицомъ къ лицу со шведами и поляками. Теперь они могли дѣйствовать противъ него совмѣстными силами. Данія соглашалась открыть для шведскихъ судовъ Зундъ и предлагала свое посредничество между царемъ и Магнусомъ. Швеція съ своей стороны обязывалась не препятствовать морской торговлѣ Даніи съ Нарвой. Но благодаря вмѣшательству польскаго короля, Іоаннъ въ скоромъ времени нарушилъ свои обѣщанія. Императоръ соглашался выкупить у Швеціи занятыя ею въ Ливоніи земли, но ни онъ, ни его преемники выкупа не производили. Ливонія съ своей стороны была далека отъ мысли признать надъ собой верховныя права имперіи. Данія выходила побѣдительницей изъ борьбы и сохранила за собой преобладаніе на Балтійскомъ морѣ. Но ключъ къ dominium maris baltici все же оставался въ Ливоніи, гдѣ преимущество оставалось за Москвой, благодаря помощи, оказываемой Ивану Магнусомъ.

Ни поляки, ни шведы не могли сокрушить могущества московскаго государства. Польскій флотъ, о которомъ мечталъ Сигизмундъ-Августъ, такъ и остался мечтой. Онъ направилъ противъ Ивана нѣмецкихъ и фламандскихъ корсаръ. Иванъ съ своей стороны пригласилъ себѣ другихъ, и тѣ подъ начальствомъ знаменитаго Керстена Роде угрожали даже Данцигу. Данія распорядилась схватить отважнаго пирата, но попытки ея утвердиться на Ливонскомъ берегу не увѣнчались успѣхомъ. Иванъ отправилъ войско въ Финляндію, гдѣ между русскими и шведами то летали ядра, то разъѣзжали посланники для переговоровъ. Уполномоченные шведскаго короля неизмѣнно слышали требованіе Ивана о выполненіи договора 1567 г. Шведскіе послы сначала были задержаны въ Новгородѣ, потомъ ихъ повезли изъ Москвы въ Муромъ, а изъ Мурома въ Клинъ. Они оказались въ положеніи военноплѣнныхъ. По ихъ словамъ, ихъ подвергали возмутительнымъ насиліямъ. Московское правительство оправдывало свой образъ дѣйствій тѣмъ, что шведы нарушили договоръ 1567 г. Наказывало оно, по его словамъ, шведскихъ пословъ за то, что московскіе послы будто бы подверглись обидамъ по прибытіи въ Стокгольмъ. Шведскихъ пословъ водили со связанными руками по улицамъ города при издѣвательствахъ толпы. Имъ грозили кнутомъ, если они не согласятся на всѣ требованія царя. Конечно, на первомъ мѣстѣ снова стояла

выдача Екатерины. Герцогъ Финляндскій не умеръ. Онъ теперь былъ королемъ Швеціи, а супруга его стала королевой. Но Иванъ дѣлалъ видъ, будто не знаетъ этого. Это такъ себѣ болтаютъ!

Царь боролся въ это время съ внутренними смутами, явившимися послѣдствіемъ его реформъ. Вскорѣ его постигло ужасное несчастіе. Съ 1563 по 1570 г. Иванъ напрасно старался предотвратить татарское нашествіе, которымъ ему угрожала Польша. Безуспѣшно послы его, какъ Нагой и Ржевскій, являлись къ хану съ миролюбивыми рѣчами и великолѣпными подарками. То же самое дѣлала и Польша. Кромѣ того султанъ, раздраженный взятіемъ Казани и Астрахани, былъ на сторонѣ Сигизмунда-Августа. Въ 1569 г. Астрахани угрожало нашествіе татаръ, соединившихся съ турками. На одномъ изъ судовъ, прибывшихъ съ мусульманами, былъ Семенъ Мальцевъ, отправленный Иваномъ къ Ногайскимъ татарамъ и перехваченный казаками. Въ 1570 г., желая задобрить султана, Иванъ срылъ крѣпость, недавно выстроенную на Терекѣ. Но султанъ потребовалъ возвращенія Казани и Астрахани и признанія Московскаго государства подвластнымъ Портѣ. Переговоры съ нимъ, конечно, были прерваны. Въ маѣ 1571 г. татары безпрепятственно перешли Оку и появились подъ Москвой. Иванъ послѣдовалъ примѣру предковъ: сперва скрылся въ Серпуховъ, потомъ въ Александровскую слободу и, наконецъ, переѣхалъ въ Ростовъ. Оставленная на произволъ Москва сдѣлалась добычей огня и мѣстомъ ужаснаго кровопролитія. Свидѣтельства современниковъ, конечно, преувеличиваютъ число жертвъ, они говорятъ о 800.000 душъ, погибшихъ въ пламени. Митрополитъ вмѣстѣ съ остальнымъ духовенствомъ ожидалъ смерти, запершись въ Успенскомъ соборѣ. Князь Иванъ Дмитріевичъ Бѣльскій, которому была поручена оборона Москвы, задохся въ погребѣ, гдѣ искалъ спасенія. По своему обыкновенію, татары отказались отъ приступа на Кремль и ушли, уведя съ собой 150.000 плѣнныхъ. Цыфра эта тоже, вѣроятно, преувеличена, хотя нужно помнить, что въ такихъ случаяхъ все окрестное населеніе сбѣгалось въ Москву.

Разореніе было ужасно, но еще больше было униженіе. Уходя, ханъ писалъ царю: „Я разграбилъ твою землю и сжегъ столицу за Казань и Астрахань. Ты не пришелъ защищать ее, а еще хвалишься, что ты московскій государь! Была бы въ тебѣ храбрость и стыдъ, ты бы не прятался. Я не хочу твоихъ богатствъ, я хочу вернуть Казань и Астрахань. Я видѣлъ дороги твоего государства“... Иванъ проглотилъ обиду. Какъ видно, онъ не въ одномъ только бѣг-

ствѣ слѣдовалъ примѣру своихъ предковъ. Отвѣтъ его хану былъ полонъ смиренія. Онъ просилъ хана о перемиріи и предлагалъ ему Астрахань. Но въ письмахъ къ Нагому, жившему въ Крыму, царь придавалъ своей уступкѣ двусмысленный характеръ. Онъ хотѣлъ, чтобы ханъ посадилъ въ Астрахани одного изъ своихъ сыновей, а при немъ былъ бы бояринъ царя, какъ въ Касимовѣ. Касимовъ былъ небольшимъ татарскимъ ханствомъ. Оно подчинялось верховенству Москвы и было почти поглощено ею. Мирныя предложенія Ивана подкрѣплялись обѣщаніемъ денегъ. Иванъ даже готовъ былъ унизиться до уплаты ежегодной дани.

Начались переговоры. Ханъ ни о чемъ не хотѣлъ слышать, если ему не возвратятъ Казани и Астрахани. Такъ какъ сношенія съ Москвой затягивались, ханъ потребовалъ отъ Ивана 2.000 рублей въ счетъ будущей дани. Деньги ему нужны были, какъ онъ говорилъ, для покупки нѣкоторыхъ вещей и товаровъ по случаю семейныхъ торжествъ. Однако Иванъ уже успѣлъ принять кое-какія мѣры и спѣшно собиралъ войска. Ссылаясь на истощеніе казны, благодаря татарскому набѣгу, онъ послалъ хану „все, что оказалось“—200 рублей! Магометъ-Гирей понялъ, что царь старается лишь оттянуть время. Въ 1572 г. онъ опять двинулся черезъ Оку, но на берегу Лопасни, въ 50 верстахъ отъ Москвы, онъ столкнулся съ войскомъ князя Михаила Ивановича Воротынскаго. Ханъ отступилъ. Иванъ сразу измѣнилъ тонъ. Онъ отказывался отъ всѣхъ уступокъ, сдѣланныхъ хану, и уже не унижался передъ нимъ, а издѣвался надъ нимъ.

Жестокія смуты поддерживали въ Иванѣ постоянное возбужденіе, съ которымъ онъ уже не могъ справиться. Онъ обвинялъ бояръ въ несчастіи, постигшемъ Москву, онъ готовъ былъ ихъ заподозрить въ сношеніяхъ съ татарами. Одинъ изъ бояръ, Мстиславскій повинился въ этомъ передъ царемъ. Подозрѣнія усилились, казни участились. Несчастнымъ шведскимъ посламъ пришлось на себѣ испытать тяжесть царскаго гнѣва. Въ 1571 г. Иванъ двинулся на Новгородъ. Здѣсь онъ пожелалъ видѣть шведскихъ пословъ и поговорить съ ними на-счетъ Екатерины. Аудіенція происходила на улицѣ. Иванъ сказалъ посламъ, что все было бы хорошо, если бы ему во-время выдали Екатерину. Бракъ герцога Іоанна съ ней испортилъ все дѣло въ Ливоніи. Царь при этомъ увѣрялъ, что давно считалъ Екатерину вдовой, иначе ему бы не пришла мысль въ голову разлучать жену съ мужемъ, а мать съ дѣтьми. Но того, что было сдѣлано, не поправишь, а ему нужна теперь вся Ливонія, въ противномъ случаѣ война будетъ продолжаться. Когда царь

вернулся изъ Новгорода, послѣ пролитія крови, онъ немного смягчился. Послы были приглашены къ царскому столу и были совершенно неожиданно запрошены чрезъ уполномоченныхъ Ивана о дочери Іоанна. О ней сказали, что она красива, и царь пожелалъ видѣть ея портретъ.

Это уже, вѣроятно, царь заботился не о сынѣ. Нѣсколько разъ женатый, послѣ смерти Анастасіи, Иванъ до конца своихъ дней былъ поглощенъ заботами о подысканіи жены, чѣмъ напоминаетъ исторію Генриха VIII или сказку о *Синей Бородѣ*. Донесеніе шведскаго посольства, составленное Паулемъ Юнстеномъ, изобилуетъ любопытными подробностями. Выражая теперь свое расположеніе къ Швеціи, Иванъ прибѣгъ къ своей излюбленной эпистолярной полемикѣ и разошелся во всю ширь.

„Скажи намъ, кто былъ твой отецъ и какъ звали твоего дѣда? Король ли онъ былъ? Какіе государи тебѣ братья и союзники? Намъ братъ римскій императоръ и другіе государи. Можешь ли ты ихъ назвать своими братьями“?

Далѣе шли новыя объясненія насчетъ Екатерины.

„Если бы было извѣстно, что Іоаннъ живъ, онъ, Иванъ, и не подумалъ бы отнимать ее у него. Онъ имѣлъ въ виду возвратить ее брату ея, королю польскому и получить отъ него Ливонію. Къ сожалѣнію, благодаря этой лжи было пролито много крови и посламъ царя въ Стокгольмѣ чинили обиды, а это были важныя особы, а не какія-нибудь мужики, въ родѣ пословъ Іоанна“. Іоаннъ отвѣчалъ. Онъ умѣлъ и любилъ писать ядовито, но это не смущало русскаго царя и онъ снова писалъ:

„Совершенно вѣрно, что ты мужичій сынъ“..., и снова принимался за свой допросъ: „Твой отецъ Густавъ, чей былъ сынъ?.. Развѣ не бывало въ его царствованіе, что русскіе купцы придутъ въ его страну съ саломъ и воскомъ, и онъ надѣнетъ рукавицы и пойдетъ до самого Выборга щупать товары и торговаться?.. И ты еще говоришь о короляхъ, твоихъ предшественникахъ! Какіе короли? Откуда ты ихъ берешь? Не изъ своего ли чулана?“

Впрочемъ, царь объявлялъ, что онъ готовъ примириться съ сыномъ торговца саломъ при условіи, что онъ повинится и почтитъ, чѣмъ слѣдуетъ. Тогда онъ обойдется съ нимъ по-родственному. Въ противномъ случаѣ пусть онъ узнаетъ, что случилось крымскому хану отъ царскихъ воеводъ: царю не пришлось даже меча обнажать, достаточно было бояръ справиться съ нимъ. Письма летѣли одно за другимъ. Иванъ писалъ королю строгіе приказы и угрожалъ ему рѣшительными мѣрами. Наконецъ Иванъ объявилъ, что онъ не намѣренъ больше продолжать споръ

на бумагѣ, вѣроятно, послѣ какого-нибудь слишкомъ острато отвѣта, такъ какъ онъ писалъ, что король лаетъ на него, какъ песъ. Царю не пригоже связываться съ ругателемъ, писалъ Иванъ, если же король непремѣнно хочетъ проявить себя въ подобныхъ спорахъ, то пусть онъ поищетъ какого-нибудь мужика вмѣсто московскаго царя.

Письма эти, конечно, не внушали королю охоты продолжать переговоры и не подавали надеждъ на успѣхъ сношеній. Кромѣ того король зналъ, что Иванъ старается вступить въ сношенія съ заключеннымъ Эрикомъ и заключить союзъ съ Магнусомъ.

Соглашеніе явилось благодаря двумъ ливонскимъ регентамъ—Таубе и Краузе. Одинъ изъ нихъ былъ совѣтникомъ дерптскаго епископа, а другой членомъ ливонскаго посольства, отправленнаго въ Москву въ 1557 г. Они перешли на сторону царя и стали орудіемъ его политики. Въ 1568 г. они вспомнили о старой попыткѣ сближенія между Альбертомъ прусскимъ и отцомъ Ивана. Они создали дипломатическую комбинацію, къ которой тогдашній вассалъ Польши отнесся довольно благосклонно. Несмотря на неудачу, впослѣдствіе оба они были награждены царемъ—одинъ княжескимъ титуломъ, а другой боярскимъ званіемъ,

Еще въ 1567 г. Иванъ думалъ сдѣлать правителемъ Ливоніи кого-нибудь изъ бывшихъ членовъ ордена. Кеттлеръ и Фюрстенбергъ отказывались. Въ 1570 г. ренегаты указывали на Магнуса.

Въ 1560 г. Магнуса прогнали изъ Ревеля. На слѣдующій годъ братъ его думалъ устроить помощникомъ епископа въ богатой гильдесгеймской епархіи, но и отсюда его удалили, послѣ чего онъ снова отправился въ Ливонію, гдѣ на его глазахъ шведы и поляки дѣлили между собой земли, о которыхъ онъ самъ мечталъ. Онъ безуспѣшно пытался вступить въ союзъ съ той или другой стороной. Легко представить его радость, когда Таубе и Краузе предложили ни болѣе, ни менѣе, какъ королевскую власть подъ верховенствомъ московскаго царя. Магнусъ испросилъ для соблюденія формы согласіе своего брата Фридриха II, увѣряя его, что новое королевство останется въ полной зависимости отъ Даніи. Также для соблюденія формы старшій братъ сдѣлалъ нѣкоторыя возраженія, и дѣло было рѣшено. Уполномоченные Магнуса привезли изъ Москвы неожиданныя, великолѣпныя условія. Ливонская корона должна была стать наслѣдственной въ роду новаго короля. Въ томъ случаѣ, если все мужское потомство его вымретъ, она переходитъ къ датскому королю. Москва отказывалась отъ всѣхъ своихъ завоеваній въ Ливоніи и обѣщала Магнусу

помощь для взятія Риги, Ревеля и другихъ городовъ. Магнусъ за это долженъ былъ служить царю въ военное время. Въ маѣ 1570 г. Магнусъ лично отправился въ Москву въ сопровожденіи свиты въ 400 человѣкъ. Вмѣстѣ съ короной Магнусъ получилъ и руку племянницы Ивана Евфиміи. Въ приданое за ней царь обѣщалъ 5 бочекъ золота. Ливонія сохраняла свою вѣру и порядокъ, царь отказывался посылать туда русскихъ должностныхъ лицъ.

Все это казалось сномъ. Вся Европа начала обнаруживать безпокойство. Тогда Фридрихъ поспѣшилъ сложить съ себя всякую отвѣтственность за происшедшее. По его словамъ, Магнусъ дѣйствовалъ безъ его вѣдома. Между тѣмъ агенты Фридриха старались измѣнить общественное мнѣніе. Они говорили, что самъ императоръ виноватъ въ томъ, что Ливонію захватываетъ кто хочетъ, и указывали на примѣръ Альберта Прусскаго. Когда Магнусъ увѣдомилъ брата о принятіи короны, тотъ письменно поздравилъ его. Первые же шаги новаго короля оказались неудачными. Съ помощью наемнаго войска и при поддержкѣ московскихъ силъ онъ попытался отнять у шведовъ Ревель. Осада длилась съ 21 августа 1570 г. до 11 марта 1571 г. Магнусъ въ концѣ концовъ долженъ былъ отступить, при чемъ онъ сжегъ свой лагерь и распустилъ свои войска. Таубе и Крузе бѣжали въ Дерптъ, гдѣ вступили въ сношеніе съ поляками, подготовляя удачное нападеніе на русскій гарнизонъ.

Карьера этихъ плутовъ довольно поучительна: послѣ ряда интригъ, измѣнъ и предательствъ они удостоились милостей самого Баторія. Впослѣдствіи Таубе былъ назначенъ въ ливонскій ландтагъ, отказавшійся принять его въ свою среду.

При осадѣ Ревеля Магнусъ напрасно ожидалъ помощи отъ датчанъ. Какъ разъ въ это время подготовлялся штеттинскій договоръ. Послѣ его заключенія Сигизмундъ-Августъ потребовалъ помощи отъ Даніи противъ Московскаго царя. 17 сентября 1571 г. онъ извѣщалъ манифестомъ о прекращеніи торговыхъ сношеній съ Нарвой и о блокадѣ этого города, предоставляя большую свободу дѣйствій и средствъ своимъ корсарамъ. Казалось, что король осуществитъ, наконецъ, то чего такъ долго отъ него ждали. Таубе и Крузе уже учитывали послѣдствія этого выступленія. Однако неожиданное событіе обмануло ихъ разсчеты. Сигизмундъ-Августъ простудился и скончался 7 іюля 1572 гога. Прекращеніе династіи въ Польшѣ и установленіе избирательной монархіи снова измѣнили условія борьбы и взаимоотношенія участниковъ.

IV.

Кандидатура Ивана на Польскій престолъ.

Какъ въ Ливоніи, такъ и въ Польшѣ Сигизмундъ-Августъ оставилъ запутанное наслѣдство. Хотя его дипломатія дѣлала большіе успѣхи въ сношеніяхъ съ Кеттлеромъ, скандинавскими государствами и ханомъ, но изнѣженность самого короля, безпечность и духъ анархіи, царившій среди его подданныхъ, парализовали эти успѣхи. Въ Польшѣ не было реальной силы, которая могла бы сообщить имъ дѣйствительную цѣну. Хотя польско-литовская унія представляла сама по себѣ торжество надъ Москвой, но въ Польшѣ шла борьба католичества противъ протестантизма и другихъ исповѣданій. Такая религіозная политика вызвала реакцію православнаго населенія и бросила его въ объятія Москвы. Пропаганда утвердившихся уже въ виленской епархіи іезуитовъ только усиливала русофильское движеніе. Въ Ливоніи она также вызывала осложненія. У Польши не было флота. Блокада Нарвы могла остаться фикціей, а между тѣмъ она портила отношенія съ сосѣдними морскими государствами и даже съ Данцигомъ. Успѣхъ борьбы съ сухопутными военными силами Ивана былъ сомнителенъ благодаря отсутствію регулярной арміи. Поэтому послѣ смерти Сигизмунда-Августа въ Польшѣ обнаружилось стремленіе обезпечить судьбу государства такимъ способомъ, который былъ бы прочнѣе условій самаго выгоднаго мира. Въ Москву явился уполномоченный польско-литовской державы Воропай съ извѣщеніемъ о смерти Сигизмунда-Августа и сказалъ, что многіе въ Польшѣ желали бы видѣть русскаго царевича замѣстителемъ покойнаго короля.

Такое желаніе было далеко не единодушнымъ и искреннимъ. Выборъ Θедора являлся компромиссомъ. Нѣкоторые весьма горячо поддерживали кандидатуру самаго Ивана. Высшая аристократія въ Польшѣ и Литвѣ не мирилась съ этой кандидатурой. Она была не совмѣстима съ ихъ олигархическими стремленіями. По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, Радзивиллы даже составили заговоръ съ цѣлью отравить царскаго посла, прибывшаго на сеймъ. Мелкое дворянство, конечно, не могло руководиться подобными соображеніями, они напротивъ скорѣе заставляли остановиться на московскомъ кандидатѣ. Шляхта съ энтузіазмомъ встрѣтила мысль объ избраніи Ивана. О характерѣ его, какъ свидѣтельствуютъ избирательные манифесты, издававшіеся тогда, она хорошо знала. Даже вопросъ объ опричнинѣ обсуждался го-

рячо. Это вполнѣ естественно: у поляковъ былъ Курбскій и другіе бѣглецы изъ московскаго государства. Они могли обо всемъ освѣдомить. Иванъ представлялся суровымъ государемъ. Но вѣдь въ Москвѣ онъ имѣлъ дѣло съ такими подданными, которые заслуживали такого отношенія своими измѣнами. Въ Польшѣ дѣло будетъ обстоять иначе, здѣсь народъ обезоружитъ царя своей преданностью порядку, да и самъ Иванъ смягчится подъ вліяніемъ высшей культуры. Въ лицѣ московскаго царя Польша пріобрѣтетъ энергичнаго, твердаго и отважнаго государя. Поляки были увлечены этой идеей. Поэтому, когда московскіе послы прибыли въ Варшаву, то они увидѣли, что еще до рѣшенія вопроса здѣсь распространилась мода на все московское. Въ Литвѣ настроеніе избирателей было менѣе единодушнымъ. Тамъ дворяне еще только недавно стали пользоваться привилегіями и вольностями, обезпеченными польскимъ режимомъ, и боялись ихъ утерять. Но и на нихъ производила впечатлѣніе недавняя блестящая побѣда, одержанная Иваномъ подъ Полоцкомъ. Они колебались: съ одной стороны, боялись подчиниться Ивану, съ другой же боялись навлечь на себя его гнѣвъ. Въ концѣ-концовъ и литовская знать примирилась на кандидатурѣ Ивана, надѣясь на его неудачу и видя въ этомъ средство продолжить, какъ можно болѣе, миръ съ Москвой. Во всякомъ случаѣ Иванъ имѣлъ на своей сторонѣ большинство. Мелкое дворянство, представителемъ котораго былъ Воропай, обнаружило въ этотъ критическій моментъ много политическаго смысла и широту взгляда. Еще раньше это сословіе одними своими усиліями содѣйствовало реформѣ литовскаго строя, теперь оно надѣялось завершить эту преобразовательную работу при помощи грознаго, могучаго государя. Оно мечтало о созданіи великой славянской державы, центръ которой будетъ Польша, и надѣялось, что эта держава выполнитъ тѣ историческія задачи, которыя были не подъ силу ни Польшѣ, ни Москвѣ въ отдѣльности.

Идея подобной уніи была далеко не нова. Въ 1506 г. послѣ смерти Александра Ягеллона происходило нѣчто въ родѣ выборовъ короля. Тогда отецъ Ивана, Василій выступилъ претендентомъ на польскій престолъ. Иванъ помнилъ объ этомъ и теперь радушно принялъ Воропая. Ему казалось только непонятнымъ, почему говорятъ о кандидатурѣ Өедора. Избраніе его на престолъ не прекратило бы соперничества между обоими государствами. Царь защищалъ свою собственную кандидатуру. „Я имѣю двухъ сыновей,- говорилъ онъ.-Они для меня, какъ два глаза, зачѣмъ же вы хотите сдѣлать меня кривымъ. Въ Польшѣ и Литвѣ я

пріобрѣлъ репутацію злого. Но съ кѣмъ я золъ?“ Воропаю пришлось при этомъ выслушать подробнѣйшій разсказъ о боярской измѣнѣ. Затѣмъ Иванъ говорилъ, что поляки, конечно, не будутъ ему измѣнять и онъ будетъ обходиться съ ними иначе. Онъ сохранитъ всѣ ихъ права и привилегіи и даже дастъ новыя. Онъ золъ только для злыхъ, а для добрыхъ согласенъ отдать свою одежду и при этомъ сдѣлалъ такой жестъ, точно дѣйствительно собирался снять ее съ себя. Если его и не изберутъ польскимъ государемъ, то онъ все-таки готовъ заключить съ Польшей миръ и согласенъ уступить ей Полоцкъ, лишь бы за нимъ осталась Ливонія по Двину. Избраніе же Ѳедора ни къ чему не послужитъ.

Польскіе и Литовскіе олигархи знали Ивана слишкомъ хорошо, поэтому они и поддерживали нелѣпое предложеніе объ избраніи на польскій престолъ русскаго царевича. Но масса избирателей рѣшительно давала предпочтеніе Ивану. Тогда аристократія отправила въ Москву новаго посла Михаила Гарабурда съ предложеніемъ Ивану выбора между собственной кандидатурой и кандидатурой царевича. При этомъ онъ ставилъ условія, о которыхъ Воропай ничего не говорилъ. Гарабурда требовалъ установленія новыхъ границъ. Къ Польшѣ долженъ былъ отойти не только Полоцкъ, но также Смоленскъ, Усвятъ и Озерище. А въ Варшавѣ въ это время уже открылся торгъ изъ-за престола. Посолъ Генриха Валуа готовился посрамить всѣхъ своихъ соперниковъ.

Вдругъ произошло нѣкоторое недоразумѣніе. Оно затянулось и стало препятствіемъ для успѣха московской кандидатуры. Иванъ не могъ себѣ представить, что онъ долженъ хлопотать о голосахъ польскихъ избирателей да еще платить за нихъ. Очень нужна ему Польша! Вѣдь ей нуженъ король по вкусу. Если Иванъ подходитъ, пусть Польша и дѣйствуетъ, какъ должно. Пусть является къ нему и бьетъ челомъ, какъ всѣ тѣ, которые являются къ нему ежедневно просить какой-нибудь милости. Иванъ не стѣснялся говорить Гарабурдѣ, что онъ никогда не отступитъ отъ своего обычая. Свое нежеланіе поступать иначе онъ объяснялъ совершенно неубѣдительными соображеніями. Онъ говорилъ, что для него не примѣръ то, что императоръ и король французскій присылаютъ подарки избирателямъ въ Варшаву. Въ дѣйствительности въ Европѣ нѣтъ государей, которые вели бы свой родъ отъ непрерывно царствовавшаго дома въ теченіе болѣе 200 лѣтъ, кромѣ его, потомка римскихъ кесарей и турецкаго султана. Это всѣ знаютъ, и Ивану нѣтъ надобности выпрашивать себѣ милости подобно другимъ.

Однако самая идея избранія на польскій престолъ нравилась Ивану. Нѣкоторое время онъ, казалось, готовъ былъ уступить требованіямъ поляковъ и согласиться на избраніе Ѳедора. Но, наконецъ, царь снова вернулся къ прежнему—по его словамъ, дѣйствительное объединеніе государствъ могло бы произойти только подъ его рукой. Онъ соглашался на удовлетвореніе обѣихъ сторонъ уступками. Польша получитъ Полоцкъ и Курляндію, а Россіи уступитъ Кіевъ и откажется отъ Ливоніи. Кромѣ того Иванъ требовалъ, чтобы титулъ царя всея Руси онъ могъ ставить впереди своего новаго королевскаго титула.

Быть можетъ, Иванъ требовалъ многаго. Но возможно, что при своемъ тонкомъ умѣ онъ отлично угадывалъ скрытую игру польскихъ магнатовъ и онъ предвидѣлъ, что повлечетъ за собой вступленіе его на тронъ, которымъ торговала эта знать. Польскіе вельможи заботились только о своихъ привилегіяхъ. Теперь они только занимали царя, боясь возобновленія враждебныхъ дѣйствій съ его стороны противъ королевства, пока оно оставалось безъ главы. Но какъ бы чувствовалъ себя Иванъ передъ ними, если бы и достигъ престола, уступивъ ихъ надменнымъ требованіямъ? Послѣднія слова, съ которыми онъ отпустилъ Гарабурда, ясно обнаруживали его заднюю мысль. Онъ сказалъ, что лучше бы было, если бы Польша взяла себѣ въ короли сына императора. Французскаго принца выбирать ей не слѣдуетъ, потому что онъ будетъ скорѣе другомъ турецкаго султана. По дорогѣ Гарабурду догналъ посолъ Ивана и предложилъ еще менѣе пріемлемыя условія. Въ Польшѣ думали, что московскій государь приметъ католическую вѣру при вступленіи на престолъ, Иванъ же теперь заявилъ, что онъ будетъ короноваться только русскимъ митрополитомъ, католическіе епископы никакого участія въ церемоніи принимать не будутъ. Кромѣ того онъ оставлялъ за собой право строить въ Польшѣ столько православныхъ церквей, сколько пожелаетъ, и на старости лѣтъ можетъ уйти въ монастырь.

Этимъ былъ подготовленъ успѣхъ Генриха Валуа. Хотя по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, кандидатура Ивана была очень популярна еще наканунѣ выборовъ. Мелкое дворянство крѣпко держалось за своего кандидата, и исходъ выборовъ зависѣлъ отъ него. Все дѣло было испорчено рѣчами царскаго посла, который рѣзко подчеркнулъ надменность и непримиримость Ивана. О Иванѣ сложилось мнѣніе, что это варваръ, вполнѣ заслуживающій дурной славы. Французскій претендентъ воспользовался этимъ.

Поступилъ ли бы Иванъ лучше, если бы проявилъ боль-

ше податливости и, оставаясь Московскимъ царемъ, сталъ польскимъ королемъ? Баторій сразу выказалъ много уступчивости; но онъ вѣдь не имѣлъ дѣла съ боярами и ему не приходилось отстаивать въ своемъ государствѣ усиливавшуюся самодержавную власть. Въ поведеніи Ивана сказалась эксцентричность, свойственная его темпераменту. Но образъ дѣйствій главы опричнины и завоевателя Полоцка вполнѣ понятенъ.

Какъ бы то ни было, а избраніе Генриха Валуа было для Ивана чувствительнымъ ударомъ. Царь намѣренно преувеличивалъ характеръ и важность дружескихъ отношеній его къ султану. Его избраніе смѣшивало шашки въ той политической игрѣ, гдѣ Ивану было не легко разобраться. Скоро должны были возникнуть новыя осложненія. Уже Иванъ III чувствовалъ себя обособленнымъ, благодаря расторженію семейныхъ узъ, обезпечивавшихъ союзъ съ Польшей. Теперь Иванъ искалъ себѣ поддержки въ сближеніи хотя бы съ Испаніей. Франція старалась ослабить Московское государство съ помощью Даніи. Она хотѣла установить свой протекторатъ надъ Ливоніей и тѣмъ подорвать торговлю Нидерландовъ со всѣми восточными рынками. Поэтому она выказывала готовность поддержать Фридриха II въ его начинаніяхъ, но здѣсь она не имѣла успѣха и перенесла всѣ свои планы въ Стокгольмъ, женивъ одного изъ Валуа на шведской принцессѣ.

Въ оцѣнкѣ создавшагося положенія и въ попыткахъ использовать его въ своихъ интересахъ Иванъ обнаружилъ дальнозоркость и большія способности политика. Съ Польшей можно было не считаться. Новый король былъ занятъ своимъ упроченіемъ на престолѣ. Въ Ливоніи его полководецъ не имѣлъ и 200 лошадей и напрасно ждалъ ассигновки въ 3000 флориновъ. Освѣдомленный обо всемъ царь рѣшилъ не терять времени. Первой его задачей было разгромить шведовъ въ Эстоніи, послѣ чего можно было направить свое вниманіе и на поляковъ. Впрочемъ, пока войска двигались по спорной польско-русской границѣ, царь готовъ былъ начать переговоры съ новымъ королемъ, но бѣгство Генриха Валуа разстроило всѣ планы.

Нужно было все начинать сначала. Иванъ не могъ оставаться равнодушнымъ къ новымъ выборамъ короля. Повидимому, поляки и литовцы также склонны были возобновить переговоры съ царемъ и снова начать игру, которая разъ уже оказалась такой удачной. Въ Литвѣ и русскихъ областяхъ, находившихся подъ владычествомъ Польши, движеніе въ пользу Москвы все усиливалось. Этому много способствовала католическая пропаганда. Магнусъ въ Ливоніи старал-

ся дѣлать все, что могло навесть страхъ на Польшу. Но Иванъ выказалъ по отношенію къ этому авантюристу слишкомъ мало царственнаго великодушія и щедрости. Правда, 12 апрѣля 1573 г. онъ выдалъ за него одну изъ своихъ племянницъ, Марью Владиміровну, сестру предназначавшейся раньше ему въ жены, но умершей Евфиміи. Отецъ Маріи, двоюродный братъ царя недавно былъ казненъ по приказанію Ивана. Свадьба была отпразднована торжественно. Иванъ самъ управлялъ хоромъ пѣвчихъ, стоя на клиросѣ. Вмѣсто регентской палочки онъ пользовался своимъ жезломъ съ желѣзнымъ наконечникомъ, порой отбивая имъ тактъ по головамъ исполнителей. Петръ Великій впослѣдствіи такимъ же способомъ выражалъ свою царскую виртуозность. Но приданное въ 5 бочекъ золота и прочее такъ и осталось только лишь обѣщаніемъ. Магнусу пришлось удовлетвориться очень скромнымъ удѣломъ: Иванъ отдалъ ему городокъ Каркгузъ. Онъ, очевидно, долженъ былъ още выслужить и деньги, и корону, которой его соблазняли. Онъ и старался выслужить. Подкрѣпивъ нѣмецкія войска отрядомъ татаръ, онъ оставилъ сравнительно хорошо защищенныя шведскія владѣнія и направилъ всѣ свои усилія на польскую область, стараясь принудить къ сдачѣ замокъ Салисъ и угрожая Пернау и Ригѣ. Для польскихъ и литовскихъ вельможъ это было лишь лишнимъ доводомъ въ пользу испытанной уже ими политики. Они старались подольше занять своего страшнаго сосѣда обѣщаніями короны, которую вовсе не намѣрены были ему вручить. Мелкое дворянство было настроено иначе, оно уже сложило даже пословицу: „*By byl Fiodor jak Jagiello-dobrze by nam bylo*“. Донесенія папскаго нунція Винцента Лаурео ясно изображаетъ такое настроеніе. Съ ними совпадаютъ и показанія данцигскихъ агентовъ, отличавшихся хорошей освѣдомленностью.

Иванъ не достаточно зналъ ту среду, въ которой онъ долженъ былъ дѣйствовать, чтобы воспользоваться выгоднымъ для него настроеніемъ. Онъ не понималъ различія между нравами обоихъ государствъ. Онъ по-своему, какъ настоящій полуазіатскій властелинъ, понималъ свою популярность въ Польшѣ. Онъ думалъ, что тѣ гонцы, которые являлись къ нему, отдавали ему государство въ полное его распоряженіе. Вмѣсто того чтобы послать въ Варшаву своихъ уполномоченныхъ, которые постарались бы обезпечить ему какъ можно больше голосовъ, онъ самъ ждалъ пословъ изъ Варшавы. На предварительномъ сеймѣ въ Стезигѣ въ 1575 г. всѣ были удивлены прибытіемъ отъ царя простого вѣстника, который ничего положительнаго не

привезъ и ничего не обѣщалъ. Всѣ надѣялись, что на избирательномъ сеймѣ въ ноябрѣ Иванъ проявитъ больше готовности идти на встрѣчу націи. Самъ архіепископъ Уханскій, являвшійся главой королевства въ эпоху междуцарствія, былъ на сторонѣ Ивана и даже посылалъ ему образцы грамотъ, которыя тотъ долженъ былъ отправить важнѣйшимъ магнатамъ. Уханскій не сомнѣвался, что Иванъ объявитъ прежде всего о своемъ обращеніи въ католицизмъ. Депутаты и сенаторы были въ напряженномъ ожиданіи и разсылали гонцовъ по дорогамъ навстрѣчу тому московскому посольству, которое, по ихъ мнѣнію, должно было привезть щедроты и выгодныя предложенія царя. Но ихъ ожидало горькое разочарованіе. Въ рѣшительный моментъ Иванъ ограничился только присылкой письма, составленнаго въ самыхъ высокомѣрныхъ выраженіяхъ. Въ немъ извѣщалось, что позже будетъ прислано посольство средняго ранга, какъ полагается для страны безъ государя.

Что же происходило въ Москвѣ? Упоминаемое Иваномъ посольство было снаряжено въ августѣ 1575 г. съ Лукой Захарьевичемъ Новосильцевымъ во главѣ. Оно должно было явиться на сеймъ предложить и поддержать кандидатуру царевича Ѳедора, обѣщая отъ имени царя почести и денежныя награды вельможамъ. Однако, по приказанію самого царя, посольство было задержано по пути. Иванъ рѣшилъ отправить одного изъ своихъ довѣренныхъ людей, Скобельцына, въ Вѣну узнать, какъ отнесется императоръ къ соглашенію московскаго царя относительно польско-литовскаго наслѣдія. Дѣло въ томъ, что условія, на которыхъ предлагалась Ивану польская корона, казались ему не вполнѣ удовлетворительными. Поэтому онъ дѣлалъ видъ, что идетъ навстрѣчу польской и литовской знати; въ дѣйствительности его занималъ другой вопросъ, вопросъ, уже не разъ возбуждавшійся и не въ одной только Москвѣ. Онъ касался раздѣла выморочнаго польско-литовскаго наслѣдства. Однимъ изъ кандидатовъ на польскій престолъ являлся и сынъ императора Эрнестъ. Царь готовъ былъ уступить ему Польшу, а себѣ получить Литву, снявъ свою кандидатуру. Скобельцынъ вернулся въ Москву ни съ чѣмъ. Въ Вѣнѣ были увѣрены, что побѣда Эрнеста въ Польшѣ уже вполнѣ обезпечена. Но потомъ Иванъ узналъ, что вѣнскій дворъ раскаивался, что недостаточно привѣтливо принялъ Скобельцына и что императорское посольство уже ѣдетъ въ Москву. Поэтому Новосильцеву и приходилось ожидать по дорогѣ въ Польшу окончанія переговоровъ между Вѣной и Москвой.

На этотъ разъ Иванъ хотѣлъ распорядиться тѣмъ, на

что не распространялась его самодержавная власть, и онъ ошибся въ своихъ разсчетахъ. Сеймъ не хотѣлъ ждать. Въ сентябрѣ 1575 г. турецкій султанъ съ своей стороны высказался противъ кандидатуры Ивана. Онъ совѣтовалъ избрать Баторія и для подкрѣпленія своей рекомендаціи двинулъ къ Польшѣ 120.000 татаръ. Въ Варшавѣ царила паника. 12 декабря Баторій былъ избранъ польскимъ королемъ. На этихъ выборахъ онъ побѣдилъ самого императора Максимиліана, получившаго часть голосовъ, помимо Эрнеста.

Это разрѣшеніе голосовъ подкрѣпляло до нѣкоторой степени комбинацію, предложенную Вѣнѣ Иваномъ. Въ январѣ 1576 г. начались новые переговоры въ Можайскѣ. Вѣна прислала сюда въ качествѣ уполномоченныхъ императора Кобенцля и принца фонъ-Бухау. Но переговоры не привели ни къ чему. Максимиліанъ самъ хотѣлъ опередить Баторія въ Польшѣ. Онъ навязывалъ ей своего сына и требовалъ, чтобы царь поддержалъ эту кандидатуру. Кромѣ того онъ хотѣлъ, чтобы Иванъ вывелъ свои войска изъ Ливоніи и заключилъ союзъ противъ турокъ. За это онъ обѣщалъ ему Константинополь и весь Востокъ.

Игра была кончена и проиграна.

V.

Избраніе Баторія.

Иванъ еще разъ попытался начать игру, но на этотъ разъ безъ достаточной ловкости. Опричнина ему уже вскружила голову въ этотъ моментъ. Онъ принялся писать отдѣльно польской и литовской знати. Однимъ онъ рекомендовалъ Эрнеста, угрожая жестокой местью, если они будутъ поддерживать ставленника султана—Баторія. Другимъ онъ предлагалъ себя, то въ качествѣ короля, то въ качествѣ государя, который будетъ владѣть Литвой, уже отдѣленной отъ Польши. Новосильцевъ, которому, наконецъ, было разрѣшено ѣхать дальше, укрѣплялъ Ивана въ заблужденіи. Хоткевичъ и Радзивиллъ объявили московскому послу, что они ни за что не хотятъ избранія *Обатуры* (sic) только лишь потому, что ничего не видѣли со стороны царя. Иванъ рѣшилъ, что дѣло его еще не проиграно. Нунцій Лаурео въ апрѣлѣ 1576 г. сообщалъ въ Римъ, что новые выборы, повидимому, неизбѣжны благодаря раздѣленію голосовъ и что при создавшихся условіяхъ кандидатура Ивана имѣетъ больше шансовъ на успѣхъ, чѣмъ кандида-

тура Эрнеста. Иванъ, какъ и Максимиліанъ, теряли драгоцѣнное время. Императоръ велъ сношенія съ поляками, а царь послалъ въ Вѣну князя Захара Ивановича Сугорскаго возобновить прерванные можайскіе переговоры. Пользуясь этимъ, *Обатура* спѣшилъ въ Варшаву, чтобы тамъ короноваться.

Иванъ не терялъ надежды расположить императора къ общимъ дѣйствіямъ противъ *„узурпатора"*. Но когда съ Максимиліаномъ заговаривали о Польшѣ, онъ неизмѣнно вспоминалъ о Ливоніи. Послѣ смерти императора, случившейся въ томъ же году, его преемникъ Рудольфъ держался той же тактики. О законномъ избраніи на польскій престолъ теперь уже не приходилось мечтать. Царь опять вернулся къ ливонской проблемѣ. Ему казалось, что разрѣшеніе ея теперь можетъ совершиться болѣе успѣшно. Баторій былъ уже королемъ, но ему, какъ и Генриху Валуа, было много дѣла въ своемъ государствѣ. Въ Данцигѣ вспыхнулъ мятежъ. Этотъ городъ отказывался признать вновь избраннаго короля, что осложняло положеніе Баторія. Ударъ, нанесенный Франціи въ Варшавѣ, ослаблялъ ея положеніе и въ Стокгольмѣ. Къ Ивану вернулись блестящія способности политика. Годъ тому, желая развязать себѣ руки въ Польшѣ, онъ заключилъ странное перемиріе со Швеціей. По условіямъ, его враждебныя дѣйствія прекращались только въ Финляндіи и въ Новгородской области. Иванъ осадилъ Пернау, важный стратегическій пунктъ, предоставленный Сигизмундомъ-Августомъ его корсарамъ для стоянки. При осадѣ Иванъ потерялъ 7.000 человѣкъ, но городъ былъ взятъ. Затѣмъ были взяты Гельменъ, Эрмесъ, Руженъ, Пуркель. Теперь оставивъ поляковъ въ сторонѣ, Иванъ вернулся къ своему старому плану, состоявшему въ томъ, чтобы прежде всего справиться со шведами. Онъ двинулся въ Эстонію. Чрезъ нѣсколько недѣль, весной 1576 г. Леаль, Лоде, Фикель, Гапсаль сдались безъ сопротивленія. Эзель былъ опустошенъ. Падисъ сдался послѣ мѣсячной осады. Шведы безуспѣшно пытались взять его обратно.

Но скоро насталъ конецъ этимъ побѣдамъ. Въ 1577 г. русскія войска подъ начальствомъ князя М. Ф. Мстиславскаго и Шереметьева подступили къ Ревелю. Послѣ шестинедѣльной осады имъ пришлось отступить передъ геройскимъ сопротивленіемъ шведовъ. Шереметьевъ былъ убитъ. Иванъ рѣшилъ, что ему нечего упорствовать. Можно было въ крайнемъ случаѣ подѣлиться добычей съ такимъ соперникомъ, который ни за что не хотѣлъ уступить своей доли. Тотчасъ же собравъ свои войска въ Новгородѣ, онъ

самъ повелъ ихъ въ походъ, но уже не возобновлялъ неудачной попытки взять Ревель, а напалъ на польскую Ливонію. Вся область, за исключеніемъ Риги, въ нѣсколько дней была въ рукахъ завоевателя.

Торжество его было ужасно. Мстя за двойное посрамленіе—подъ Ревелемъ и въ Варшавѣ, Иванъ далъ волю своей ярости. Въ Леневарденѣ онъ велѣлъ ослѣпить старика маршала Гаспара фонъ Мюнстера. Затѣмъ его били кнутами, отчего онъ и умеръ (Карамзинъ, Исторія, IX, 465). Военачальники другихъ городовъ подверглись четвертованію, были посажены на колъ или изрублены топоромъ. Въ Амераденѣ, съ одного берега Двины на другой, въ продолженіи 4 часовъ можно было слышать крики 40 дѣвушекъ, которыхъ русскіе насиловали въ саду. (Форстенъ, Балтійскій вопросъ, I, 697). Новые подвиги Магнуса еще болѣе вывели царя изъ себя. Иванъ готовъ былъ заподозрить своего союзника въ тайномъ соглашеніи съ Польшей. Это свидѣтельствовало о прозорливости Ивана, но „Король Ливоніи еще не дошелъ до этого. Онъ только видѣлъ, что ливонцы, дѣлая выборъ между нимъ и царемъ, останавливались на меньшемъ злѣ". Пользуясь такимъ настроеніемъ, Магнусъ начиналъ дѣйствовать самовластно. Онъ хотѣлъ создать себѣ положеніе настоящаго короля. Безъ всякихъ приказаній царя онъ занялъ Кокенгаузенъ, Амераденъ, Ленверденъ, Роннебургъ и Вольмаръ, тоже ожидало и Дерптъ. Магнусъ сталъ настолько смѣлымъ, что даже потребовалъ отъ русскихъ не безпокоить его „вѣрноподданныхъ". Онъ дѣйствовалъ точно во снѣ, но тѣмъ непріятнѣй было его пробужденіе. Иванъ направился къ Кокенгаузену и тамъ казнилъ 50 нѣмцевъ изъ свиты „Короля". Послѣ этого онъ приказалъ Магнусу явиться къ нему. Злополучный „король" попробовалъ было завязать съ Иваномъ миролюбивые переговоры, но царь велѣлъ высѣчь его пословъ и вновь повторилъ свое приказаніе. На другой день Магнусъ былъ у ногъ Ивана. „Глупецъ!-воскликнулъ царь,-я тебя принялъ въ свою семью, одѣлъ, обулъ, и ты возсталъ противъ меня!" Послѣ этого онъ приказалъ запереть Магнуса и продержалъ его въ лачугѣ на соломѣ нѣсколько дней. Оставивъ Амераденъ, гдѣ войска чинили насилія, онъ потащилъ его за собой въ Венденъ. Городъ сдался. Гарнизонъ крѣпости взорвалъ себя. Иванъ приказалъ посадить на колъ одного изъ знатныхъ плѣнниковъ, Георга Вике. Изъ Вендена Иванъ направился со своимъ плѣнникомъ въ Дерптъ, готовившійся къ печальной участи.

Но вопреки ожиданіямъ Иванъ помиловалъ городъ. Чувствуя себя полнымъ побѣдителемъ, онъ склоненъ былъ къ

мягкости. Былъ прощенъ и Магнусъ, ему даже было предоставлено нѣсколько городковъ, онъ долженъ былъ заплатить царю 40.000 золотыхъ флориновъ, но у него не было ничего. Скоро послѣднiй оплотъ его эфемернаго королевства, Оберпаленъ, оказался въ рукахъ шведовъ. Это было концомъ фантастической авантюры Магнуса. Онъ бѣжалъ въ Пильтенъ и передался со всѣми своими задвинскими владѣнiями, принадлежавшими ему только номинально, Баторiю, отказавшемуся однако заключить съ нимъ какой-нибудь окончательный договоръ. До самой своей смерти — въ 1583 г. — онъ жилъ въ бѣдности. Порой ему помогали то братъ его, курфюрстъ саксонскiй, то польскiй король. Несчастная вдова его, о которой Фридрихъ II говорилъ, что ее можно сдѣлать счастливой нѣсколькими кусками сахару и яблокомъ, возвратилась въ Москву и въ царствованiе Ѳедора умерла вмѣстѣ со своей дочкой въ Троицкомъ монастырѣ.

Иванъ скоро убѣдился, что онъ сдѣлалъ большую ошибку. Онъ думалъ, что уже окончательно раздѣлался съ поляками и что теперь нужно только сговориться со шведами. Но нужно было бы поступить наоборотъ. Первоначальный планъ Ивана былъ болѣе вѣренъ. Баторiй, вѣроятно, охотно согласился бы на миръ: при его вступленiи на тронъ образовался заговоръ, имѣвшiй цѣлью вручить ему венгерскую корону. Для трансильванскаго воеводы Венгрiя была дороже Ливонiи. Но Иванъ своими нападенiями заставилъ Баторiя забыть объ этой соблазнительной перспективѣ, чего онъ никакъ не могъ простить; да къ тому въ противномъ случаѣ и положенiе его въ Варшавѣ пошатнулось бы. Счастливый соперникъ долженъ былъ принять вызовъ, брошенный Москвой. Обезпечивъ себя со стороны Данцига покоренiемъ этого города, онъ рѣшилъ бросить на вѣсы судьбы свой мечъ, свой генiй, свое счастье выскочки, добившагося короны.

Для оправданiя политики Ивана можно сказать, что ни въ прошломъ Польши, ни въ дѣятельности ея новаго главы ничто не предвѣщало того рѣзкаго перехода къ наступленiю, которое обрушилось на московское государство, какъ буря, въ тотъ моментъ, когда Польша и Россiя только начали оправляться отъ пережитаго внутренняго кризиса. Влiянiе внутренней смуты, безъ сомнѣнiя, было значительно и оказало свое влiянiе какъ на ходъ борьбы, клонившейся къ концу, такъ и на ея развязку. Теперь намъ еще нужно выяснить, что ослабило и обезоружило Ивана въ предѣлахъ его собственнаго государства.

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ.

Кризисъ.

ГЛАВА I.

Интеллектуальная и политическая эволюція.

. Конфликтъ идей и принциповъ. — II. Опала Сильвестра и Адашева.—III. Бѣгство Курбскаго.

I.

Конфликтъ идей и принциповъ.

Послѣ битвы при Монлери (1465 г.) епископъ парижскій, совѣтники, духовенство явились къ Людовику XI въ Турнель и смиренно просили его предоставить управленіе дѣлами государства *доброму совѣту*. Въ этомъ совѣтѣ должны были засѣдать 6 горожанъ, 6 совѣтниковъ изъ парламента, 6 представителей университета. 16 лѣтъ спустя въ 1481 г. графъ дю-Першъ былъ арестованъ по приказанію Людовика XI и заключенъ въ самую тѣсную тюрьму, какая когда-либо существовала. Длина ея полтора шага. Такое наказаніе графа постигло за то, что онъ хотѣлъ покинуть Францію. Нѣчто подобное этой драмѣ разыгралось и въ Москвѣ въ періодъ времени съ 1551 до 1571 года при нѣсколько иныхъ обстоятельствахъ, но во многомъ сходныхъ съ тѣми, какія были во Франціи. Я уже отмѣтилъ то идейное теченіе, которымъ сопровождалось начало личнаго правленія Ивана. Ливонская война и вызванныя ею дипломатическія осложненія болѣе подвинули Россію къ Западной Европѣ, что усилило это теченіе. Уже при отцѣ Ивана IV въ Москвѣ образовалась цѣлая слободка, населенная иностранцами, призванными будто бы для охраны князя. Скоро поляки и литовцы, жившіе здѣсь, слились съ мѣстнымъ населеніемъ. Но спустя немного времени въ Москву прибыли новые иностранцы:

военно-плѣнные побѣдоносныхъ войскъ Ивана и невольные переселенцы изъ городовъ и селъ Ливоніи. Имъ было отведено мѣсто на правомъ берегу Яузы, гдѣ они и впослѣдствіи пользовались нѣкоторой автономіей и образовали очагъ европейской культуры и дали людей, которымъ суждено было сыграть видную роль въ исторіи русскаго государства. Мы познакомились съ карьерой Таубе и Крузе. Другіе выходцы Нѣмецкой Слободы—ливонцы Клоссъ, Бекманъ и другіе—заняли мѣсто въ кругу приближенныхъ царя и стали дѣятельными агентами его дипломатіи.

Случайная высадка англійскихъ мореплавателей въ 1554 г. на крайнемъ сѣверѣ московскаго государства положило начало новой эпохи проникновенія сюда европейскаго вліянія. Одновременно съ этимъ Иванъ послалъ въ Германію нарвскаго воеводу Михаила Матвѣевича Лыкова, который долженъ былъ во время своего путешествія ко всему присматриваться и учиться. Даже поѣздки русскихъ людей на Востокъ, предпринимавшіяся съ благочестивыми цѣлями, принимали теперь нѣсколько иной характеръ. Въ 1560 г. изъ Москвы выѣхалъ купецъ Василій Поздняковъ. Ему было поручено передать денежную помощь патріарху александрійскому и архіепископу Синайской горы. Между прочимъ онъ долженъ былъ описать нравы тѣхъ странъ, по которымъ ему придется ѣхать. Этотъ отчетъ Позднякова о путешествіи подъ чужимъ именемъ перешелъ къ потомству и пріобрѣлъ исключительную извѣстность.

XV вѣкъ обогатилъ русскую литературу нѣсколькими разсказами паломниковъ къ святымъ мѣстамъ. Эти вещи по своему интересу, какъ говоритъ извѣстный лингвистъ Срезневскій, не уступаютъ описаніямъ путевыхъ впечатлѣній Васко де-Гама. Однако они оставались неизвѣстными для широкаго круга читателей. Около двадцати лѣтъ по возвращеніи Позднякова въ Москву его отчетъ былъ такъ же мало извѣстенъ, какъ и другіе. Но паломнику Трифону Коробейникову удалось привлечь къ себѣ общее вниманіе. Разсказъ о его путешествіи извѣстенъ болѣе чѣмъ въ 200 спискахъ. Онъ выдержалъ 40 послѣдовательныхъ изданій и до настоящаго времени является одной изъ распространенныхъ книгъ. Его можно найти и въ лѣтописяхъ, и даже въ сборникахъ житій святыхъ. А между тѣмъ Поздняковъ и Коробейниковъ представляютъ одно и то же. Разсказъ второго былъ копіей съ перваго. Хотя Коробейниковъ посѣтилъ Константинополь два раза, въ 1582 и въ 1593 г., но до святыхъ мѣстъ онъ ни разу не добрался. Подобное недоразумѣніе обидно для памяти болѣе достойнаго изъ двухъ путешественниковъ. Главное вниманіе Поз-

днякова было направлено на религію и на страданіе христіанъ подъ игомъ мусульманъ. Но тотъ интересъ и сочувствіе, которые были вызваны его разсказомъ у читателей, вскрываютъ передъ нами новую черту ихъ любознательности. Общество начинало выходить изъ берлоги, въ которой оно спало сряду пять вѣковъ, и стремилось на свѣжій воздухъ. То, что происходило тамъ, вдали, его и тревожило, и манило къ себѣ. Упомянутая мною исторія Ганса Шлитте, имѣла въ этомъ смыслѣ особую, нѣсколько загадочную сторону. Но этотъ вербовщикъ иностранныхъ мастеровъ для царя весьма широко понималъ свою миссію. Онъ мистифицировалъ и Карла V, и папу Юлія III, выдавая себя за московскаго посла, которому поручено вести переговоры о соединеніи церквей. Иванъ, вѣроятно, ничего и не подозрѣвалъ объ этомъ. Во всякомъ случаѣ ганноверскій авантюристъ сумѣлъ воспользоваться покровительствомъ императора и былъ весьма радушно принятъ въ Римѣ. Вокругъ его миссіи создался шумъ, привлекшій къ нему вниманіе Германіи и Италіи и взволновавшій Польшу. Исторія Шлитте, безъ сомнѣнія, представляетъ одинъ изъ любопытныхъ эпизодовъ въ сближеніи Россіи съ Европой.

Шлитте потерпѣлъ неудачу даже въ той части своей миссіи, выполняя которую онъ никого не обманывалъ. Однако, эта неудача имѣла послѣдствія, оказавшіяся небезполезными. Иванъ, узнавъ, какъ обошлись ливонцы съ его агентомъ, издалъ указъ, распространявшійся на Новгородъ и его области и запрещавшій продавать въ Германію и Польшу военноплѣнныхъ нѣмцевъ. Они должны были отправляться на московскіе рынки. Одновременно съ этимъ царь требовалъ, чтобы въ Москву присылали всѣхъ плѣнниковъ, знающихъ рудное дѣло или мастерство металлическаго производства.

Въ одномъ изъ своихъ донесеній извѣстный уже намъ баварскій агентъ Вейтъ Ценге въ 1567 г. отмѣчалъ необыкновенную способность русскихъ усваивать иноземную цивилизацію. Послѣ взятія Нарвы русскіе тотчасъ же завели сношенія съ Нидерландами и Франціей. Какъ только имъ показывали какую-нибудь новинку, они тотчасъ же съ легкостью перенимали ее. Иванъ не хотѣлъ, чтобы эта способность его подданныхъ ограничивалась только областью матеріальныхъ благъ. Начало книгопечатанія у славянъ относится къ 1491 г. Иванъ пожелалъ, чтобы Шлитте въ числѣ мастеровъ доставилъ и книгопечатниковъ. Въ 1550 г. онъ обратился съ такой же просьбой къ датскому королю, который спустя два года прислалъ ему печатника и вмѣстѣ съ тѣмъ миссіонера Ганса Яна Миссенгейма, привез-

шаго съ собой протестантскую библію и книги религіозно-полемическаго содержанія. Миссенгеймъ не оставилъ никакихъ слѣдовъ своей дѣятельности, но у него оказались ученики. Въ 1553 г. въ Москвѣ появляются два русскихъ печатника, Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Тимофеевъ. Въ 1556 г. въ Новгородѣ живетъ литейщикъ буквъ Василій Никифоровъ. Въ 1564 г. было закончено печатаніе перваго произведенія русскаго типографскаго искусства. Это были Дѣянія Апостоловъ и Посланія Апостола Павла. Это изданіе страдаетъ многими орѳографическими недостатками, но внѣшность его была прекрасна. Къ сожалѣнію, работа московскихъ печатниковъ была прервана бунтомъ черни. Какъ извѣстно, и Людовику XI пришлось защищать печатниковъ, вызванныхъ имъ изъ Страсбурга и обвиненныхъ въ колдовствѣ. Ѳедоровъ и Никифоровъ бѣжали въ Польшу. Въ 1568 г. у нихъ нашелся подражатель Андроникъ Невѣжа, возобновившій ихъ дѣло въ Москвѣ. Онъ напечаталъ Псалтирь. Второе изданіе этой книги появилось въ 1578 г. въ Александровской слободѣ.

Все это были книги церковныя, но тогдашніе читатели, даже на Западѣ, умѣли находить въ нихъ массу вещей, которыя мы уже разучились отыскивать. Впрочемъ, наряду съ перепиской Ивана съ Курбскимъ и разсказами о путешествіяхъ, въ эту эпоху на Руси зарождалась и чисто мірская литература, доходившая до попытокъ романическаго творчества.

Національное русское творчество началось съ переработки чужестранныхъ литературныхъ произведеній. Старые мотивы были дополнены и пріурочены къ текущей современности. Такой передѣлкѣ, между прочимъ, подверглось сказаніе о князѣ Волошскомъ, Дракулѣ. Разсказъ о томъ, какъ воевода велѣлъ прибить гвоздями шапки иностранныхъ пословъ къ ихъ головамъ, относился теперь къ Ивану. Въ своемъ знаменитомъ посланіи къ царю, Ивашка Пересвѣтовъ упоминаетъ о двухъ небольшихъ книжкахъ, переданныхъ имъ государю. Одна изъ нихъ остается неизвѣстной. Другая представляетъ нѣчто въ-родѣ романа полуполитическаго, полуисторическаго содержанія. Въ ней приводятся рѣчи воеводы Волошскаго, Петра, повторяющіяся и въ посланіи Ивашки. Далѣе идетъ разсказъ о тѣхъ казняхъ, которымъ подвергалъ султанъ Магометъ несправедливыхъ судей и ябедниковъ. Все это, вѣроятно, имѣло своей цѣлью оправдать режимъ Ивана. Разсказъ этотъ воспроизведенъ въ Запискахъ Казанскаго Университета за 1865 г.

Иностранное вліяніе, проникая всѣми указанными путями въ русское общество XVI вѣка, вызывало реакцію въ

разныхъ формахъ. Наиболѣе доступнымъ для идейнаго воздѣйствія былъ верхній слой общества — боярство, выдающимся представителемъ котораго былъ Курбскій. Здѣсь новыя теченія создавали такое же оппозиціонное настроеніе, съ какимъ Людовикъ XI боролся во Франціи въ XV в. Неся съ собой жажду свободы и независимости, это умственное теченіе вело къ конфликту съ самодержавіемъ, крѣпнувшемъ на почвѣ старыхъ традицій. Глава государства былъ не чуждъ умственной пищи, шедшей съ Запада, но онъ старался использовать ее для своихъ практическихъ цѣлей. Онъ старался къ преобразованію своего государства на новыхъ, но наименѣе либеральныхъ началахъ. Война ясно обнаружила недостатки финансовой, военной и административной организаціи его государства. Онъ видѣлъ, что ему не сравняться со своими западными соперниками. Когда же онъ хотѣлъ вооружить свое государство на европейскій ладъ, ему препятствовали наслѣдственныя привилегіи и родовыя преимущества. Власть стараго порядка чувствовалась даже на полѣ битвы, гдѣ она мѣшала успѣху и вносила разладъ въ распоряженія Ивана.

Иванъ не былъ противникомъ родового начала, на которое онъ самъ опирался въ своихъ правахъ и притязаніяхъ. Но онъ склоненъ былъ имѣть сотрудниковъ незнатнаго происхожденія, чтобы они ему служили и повиновались. Когда одинъ изъ такихъ сотрудниковъ попалъ въ руки татаръ и просилъ Ивана выкупить его, тотъ, посылая ему 200 рублей, писалъ: „Раньше подобные тебѣ больше 50 рублей не стоили!“ Высшее боярство, занесенное въ списки служилыхъ людей, не умѣло служить и повиноваться. Научиться же этому у другихъ оно не имѣло ни малѣйшей склонности. Ливонская война требовала мобилизаціи всѣхъ наличныхъ силъ и постояннаго содержанія ихъ въ боевой готовности. Это неизбѣжно должно было привесть къ конфликту, въ которомъ старая удѣльная Русь и государственный порядокъ должны были возобновить свою вѣковую борьбу въ болѣе современной формѣ. Старая Русь представляла соединеніе большихъ и малыхъ княжествъ. Въ основѣ ихъ политическаго порядка лежалъ свободный договоръ между княземъ и его вольными слугами. Здѣсь не было принужденія, но не было ничего прочнаго, постояннаго. Московское же государство представляло совершенную противоположность, его сковывалъ принципъ централизаціи, всѣ подданные, раздѣленные на группы, несли строго опредѣленныя обязанности. Тяглые люди, занятые земледѣліемъ и промыслами, давали доходъ государственной казнѣ. Служилые люди несли военныя и адми-

нистративныя обязанности, отдавая царю всю свою жизнь чуть ли не съ дѣтства до послѣдняго издыханія. Одни изъ нихъ были потомками когда-то свободныхъ крестьянъ, другіе—дружинниковъ. Но и тѣ, и другіе теперь были послушными колесами правительственной машины. Воеводы, губернаторы, старосты выкачивали источники народнаго благосостоянія. Служебный долгъ и дисциплина господствовали надъ всѣмъ, вездѣ царилъ духъ рабства и подавленія свободы.

Въ XV вѣкѣ дѣдъ Ивана Грознаго разгромилъ два крупнѣйшихъ рода — Ряполовскихъ и Патрикѣевыхъ. Это только обострило оппозиціонное настроеніе, очагомъ котораго была келья Максима Грека.

Вражда двухъ религіозныхъ и умственныхъ теченій того времени находилась въ соотвѣтствіи съ враждой двухъ политическихъ партій. Іосифъ Волоцкій и его послѣдователи являлись проводниками византійскихъ взглядовъ на самодержавную власть государя. Зашитники же стараго свободно-договорнаго порядка находили поддержку въ *заволжскихъ старцахъ*. Какъ политическій, такъ и оппозиціонный лагери сходились въ вопросѣ о раздѣленіи власти. Одни требовали для бояръ права участія въ совѣтѣ царя, другіе требовали для духовенства права представительства и защиты обвиняемыхъ предъ верховной властью.

Такія задачи стояли предъ Иваномъ. Разрѣшая ихъ, онъ опирался частью на историческіе прецеденты, частью же дѣйствовалъ подъ вліяніемъ личныхъ склонностей и настроеній. Во всякомъ случаѣ, его нельзя назвать ни первымъ самодержцемъ, ни первымъ сторонникомъ террора, еще съ XV вѣка ставшего обычнымъ средствомъ политики русскихъ государей.

Иванъ IV былъ борцомъ самодержавной, централизованной государственной власти. Онъ наслѣдовалъ эту власть отъ прошлаго и старался сообщить ей новую силу. Можно ли его признать разочарованнымъ идеалистомъ—какимъ онъ представлялся нѣкоторымъ славянофиламъ,—поражающимъ своей рукой въ порывѣ отчаянія то, что не поддавалось его преобразовательной дѣятельности? Принять такое мнѣніе безъ оговорки невозможно.

Въ дѣятельности Ивана Грознаго было много похожаго на опьяненіе и даже на безуміе. Нѣтъ ничего удивительнаго, что какъ личность, такъ и политика этого государя до сихъ поръ встрѣчали лишь отрицательную оцѣнку. Все дѣло Грознаго едва не было предано забвенію. Но вліяніе его реформъ чувствуется въ Россіи и до нашего времени. Оно сообщаетъ политическому и соціальному строю госу-

дарства особый отпечатокъ, бросающійся въ глаза постороннему наблюдателю.

Было бы несправедливостью признавать Ивана IV, подобно Константину Аксакову, трагическимъ лицедѣемъ, искавшимъ живописныхъ позъ и драматическихъ положеній. Также невозможно согласиться и съ мнѣніемъ Костомарова, клеймившаго Ивана, какъ самаго низменнаго деспота, какъ нельзя признать правильной и точку зрѣнія Михайловскаго, считавшаго Ивана обыкновеннымъ маніакомъ. Иванъ получилъ въ наслѣдство отъ своихъ предшественниковъ государство съ архаическимъ устройствомъ. Но оно уже начинало преобразовываться, освобождаясь отъ нѣкоторыхъ началъ стараго удѣльнаго порядка, стараясь другія развить и приспособить къ новымъ потребностямъ жизни. Духовными наставниками Ивана были Іосифъ Волоцкій и Вассіанъ Топорковъ. Они внушили ему идею божественности его власти, которая не можетъ быть ни раздѣлена, ни ограничена, ни подчинена какому бы то ни было контролю. Многое Иванъ получилъ и отъ природы. Она дала ему деспотическій, своенравный и раздражительный характеръ, пылкое, необузданное воображеніе и тонкій, живой, проницательный умъ. Но умъ его страдалъ неуравновѣшенностью, постоянно впадалъ въ преувеличенія и крайности. Въ его пониманіи и выполненіи своей роли сказывались всѣ эти свойства его натуры. Онъ ставилъ себя на недосягаемую высоту, полагая, что все должно ему повиноваться. Сталкиваясь съ препятствіями, онъ ломалъ ихъ такъ же, какъ его предшественники. Но ему приходилось затрачивать больше силъ, такъ какъ оказываемое ему сопротивленіе было болѣе упорнымъ. Благодаря своему темпераменту, онъ дѣйствовалъ болѣе насильственно.

Иванъ не допускалъ никакого посягательства на свою волю даже въ видѣ непрошеннаго совѣта. Какъ и другіе московскіе государи, Иванъ правилъ самовластно, но онъ вносилъ больше эксцентричности и жестокости, что зависѣло отъ его характера и ума, склоннаго ко всему фантастическому. Однако Иванъ оставался послѣдовательнымъ. Онъ подчинялъ своихъ подданныхъ суровымъ законамъ, нерѣдко навязывалъ имъ такія задачи, отъ которыхъ многіе старались уклониться. Единственной задачей его было просвѣтить своихъ подданныхъ свѣтомъ божественной истины. Противъ его власти возставали, но злоумышлявшіе противъ него были слѣпыми безумцами. Его правленіе было деспотическое, но оно не было дѣломъ исключительно его личной воли. Силы, руководившія его политикой были — милосердіе Божіе, милость Пресвятой Богородицы, молитвы

всѣхъ святыхъ и благословеніе прежнихъ государей. Самъ царь являлся лишь живымъ орудіемъ всѣхъ этихъ высшихъ началъ. Какое же мѣсто должны были занять при немъ бояре? Люди, дающіе вѣроломные совѣты, эти предатели, псы, раскрывающіе пасть свою на господина, должны были совершенно стушеваться. Царь, слушалъ того, кого хотѣлъ, награждалъ того, кого ему было угодно, и наказывалъ, когда считалъ нужнымъ это сдѣлать.

Съ человѣкомъ, такъ понимавшимъ свою власть и миссію споръ, очевидно, былъ невозможенъ, раздѣленіе власти немыслимо.

II.

Опала Сильвестра и Адашева.

Много спорили и спорятъ до настоящаго времени о характерѣ тѣхъ двухъ лицъ, вліянію которыхъ Иванъ какъ будто подчинялся нѣкоторое время. Въ дѣятельности и во взглядахъ Сильвестра съ Адашевымъ можно отмѣтить немало противорѣчій. Сначала они колебались между двумя враждебными сторонами. Потомъ у нихъ взяли верхъ тѣ склонности, которыя обусловливались ихъ происхожденіемъ, идейными симпатіями и политическими связями. Они примкнули къ оппозиціонному лагерю, гдѣ было пытались составить свою особую избранную группу, въ которой присвоивали себѣ руководящую роль. Оба эти дѣятеля были предметомъ горячей защиты со стороны Курбскаго. Это устраняетъ сомнѣніе въ дѣйствительной политической роли Сильвестра и Адашева.

Съ 1551 г. главное совѣщательное учрежденіе государства, боярская дума, дѣйствовало не регулярно, съ перерывами. На первый планъ выступилъ личный совѣтъ царя. Въ Западной Европѣ можно было найти подобныя учрежденія. Таковы были consistorium principis или consilium aulicum въ Германіи, commune consilium норманскихъ королей въ Англіи, consilium regium во Франціи. Адашевъ и Сильвестръ вмѣстѣ съ Курбскимъ, нѣкоторыми боярами и представителями духовенства, принимали участіе въ этомъ совѣтѣ. Курбскій упоминаетъ митрополита Макарія и трехъ Морозовыхъ — Михаила, Владиміра и Льва. Другіе документы указываютъ еще Дмитрія Курлятева и Семена Ростовскаго. До ливонской войны Сильвестръ занималъ въ совѣтѣ если и не исключительное положеніе, то во всякомъ случаѣ довольно видное. Его чисто церковное направленіе, властный характеръ и мелочной педантизмъ вмѣстѣ съ

качествами тонкаго и ловкаго царедворца сообщали ему извѣстное обаяніе въ глазахъ молодого государя. Иванъ былъ очень религіозенъ и еще недостаточно увѣренъ въ себѣ. Въ 1553 г. началось охлажденіе между воспитанникомъ и его наставникомъ. Иванъ тяжело заболѣлъ и позаботился назначить себѣ преемника. Наслѣдованіе престола въ порядкѣ первородства установилось еще недавно. Поэтому онъ счелъ необходимымъ привести подданныхъ къ присягѣ своему малолѣтнему сыну Димитрію. Но тутъ заявилъ свои права на московскій престолъ двоюродный братъ царя Владиміръ Андреевичъ. Иванъ былъ сильно разгнѣванъ, когда на его глазахъ большинство бояръ примкнуло къ Владиміру Андреевичу. Мотивы, которыми они руководились, вѣроятно, была привязанность къ прошлому, къ тому порядку, когда дяди имѣли преимущество предъ племянниками въ наслѣдственныхъ правахъ. Но еще большее значеніе тутъ имѣла оскорбленная гордость этой знати. Ей пришлось бы отнынѣ служить родственникамъ молодого царевича. Царствованіе дитяти надолго обезпечивало господство олигархіи. Но вопросъ въ томъ, кто станетъ у власти. Шуйскіе съ Бѣльскими хотя и оспаривали другъ у друга власть въ правленіи Елены, но они были потомками древнихъ княжескихъ родовъ. Теперь наступала очередь простыхъ выскочекъ. У самаго ложа больного царя вельможи спорили и заявляли: „Не хотимъ цѣловать крестъ Захарьинымъ!“ Владиміръ же и его мать не теряли времени. Они раздавали деньги своимъ сторонникамъ и обѣщали имъ разныя милости. Захарьины, повидимому, оробѣли и готовы были отказаться отъ своихъ правъ.

Иванъ надѣялся, что въ этотъ критическій моментъ Сильвестръ и Адашевъ поддержатъ слабѣйшую сторону законнаго наслѣдника. Но онъ ошибся. Только князь Владиміръ Воротынскій да дьякъ Иванъ Михайловичъ Висковатый энергично проявили свою преданность и имъ удалось привлечь къ себѣ нѣкоторыхъ бояръ. Сильвестръ и Адашевъ не отказывались принесть присягу царевичу, но они сохранили полнѣйшій нейтралитетъ, не вмѣшиваясь въ страстные споры, нарушавшіе тишину въ покояхъ больного Ивана. Отецъ царскаго любимца Ѳедоръ Адашевъ прямо высказался въ пользу Владиміра. Весь день прошелъ въ бурныхъ спорахъ. На утро царь почувствовалъ себя лучше. Число сторонниковъ Дмитрія сразу увеличилось. Обезпокоенный Владиміръ Андреевичъ прибѣжалъ во дворецъ и хотѣлъ было проникнуть въ комнату царя, куда даже наканунѣ не пожелалъ даже заглянуть. Преданные Ивану бояре задержали его на порогѣ. Въ защиту его раздался

только одинъ голосъ Сильвестра, связаннаго съ нимъ старинной дружбой.

Иванъ выздоровѣлъ, но не забылъ происшедшаго. Желая выполнить данный во время болѣзни обѣтъ, онъ отправился въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. По словамъ Курбскаго, Максимъ Грекъ пытался воспрепятствовать выполненію этого намѣренія. Дѣло въ томъ, что монахи этого монастыря были сторонниками Іосифа Волоцкаго. Кромѣ того, по дорогѣ Иванъ хотѣлъ заѣхать въ Пѣсношскій монастырь на Яхромѣ, гдѣ жилъ одинъ изъ выдающихся представителей того же направленія—Вассіанъ Топорковъ, заточенный сюда боярами еще въ 1542 г. Курбскій разсказываетъ, что Максимъ Грекъ даже предсказалъ Ивану, что его сынъ умретъ по дорогѣ. Это пророчество сбылось. Быть можетъ, слабый ребенокъ не вынесъ суровой зимы или погибъ отъ какой-нибудь случайности. Одно преданіе говоритъ, что онъ утонулъ. Какъ бы то ни было, но царь вѣрнулся съ трупомъ младенца. Онъ видѣлся съ Топорковымъ и, по словамъ Курбскаго, обратился къ нему за совѣтомъ, какъ царствовать, чтобы держать своихъ вельможъ въ послушаніи, на что Топорковъ отвѣтилъ: „Не держи при себѣ ни одного совѣтника, который былъ бы умнѣе тебя". Трудно допустить, чтобы этотъ совѣтъ, граничащій съ дерзостью, былъ данъ въ такой формѣ. Впрочемъ, этотъ эпизодъ воспроизводится въ одномъ изъ писемъ Курбскаго, и Иванъ оставляетъ его безъ возраженій. Можно думать, что въ основѣ его лежитъ истина. Естественно, что послѣ пережитыхъ событій между Иваномъ и боярами должно было воцариться взаимное недовѣріе. Непокорные вельможи отказывались цѣловать крестъ Дмитрію и этимъ выражали свой протестъ противъ новаго порядка вещей. Вступленіе на престолъ малолѣтняго царевича освящало собой ненавистный имъ государственный строй.

Въ слѣдующіе годы боярская оппозиція еще усилилась. Нѣкоторые историки склонны были отрицать существованіе боярской оппозиціи на томъ основаніи, что открытое сопротивленіе, съ оружіемъ въ рукахъ, не имѣло мѣста здѣсь. Они, очевидно, смѣшивали Московское государство XVI в. съ французской монархіей Людовика XI. Какъ извѣстно, въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ не существовало прочной организаціи соціальныхъ элементовъ, и борьба здѣсь имѣла совершенно особый характеръ: она не была коллективной и не могла силѣ противопоставить силу. Но тамъ уже были такіе, какъ Бѣльскій, предлагавшій помощь внѣшнимъ врагамъ государства, надѣясь при ихъ поддержкѣ вернуть свои прежнія утраченныя права, такіе, какъ Мсти-

славскій, показывавшій татарамъ дорогу на Москву. Эти перебѣжчики и предатели были мятежниками.

Уже съ 1554 г. эмиграціонное движеніе русскаго боярства принимаетъ угрожающіе размѣры. Въ іюлѣ былъ схваченъ по дорогѣ въ Литву князь Никита Дмитріевичъ Ростовскій. Выяснилось, что вся его семья съ обширной родней—Лобановыми, Пріимковыми—вступила въ сношенія съ польскимъ королемъ. Съ точки зрѣнія старыхъ удѣльно-княжескихъ нравовъ, въ подобномъ образѣ дѣйствій не было ничего преступнаго. Князь Ростовскій только воспользовался своимъ правомъ *отъѣзда*. Повидимому, старыя понятія еще сохраняли силу, такъ какъ царь не рѣшился примѣнить къ виновному слишкомъ суровыя мѣры; по настоянію многихъ вліятельныхъ лицъ, Ростовскій былъ просто посланъ въ Бѣлоозеро. Царь не особенно доволенъ былъ этимъ вмѣшательствомъ. Въ числѣ заступниковъ Ростовскаго былъ и Сильвестръ.

Возможно, что положеніе Сильвестра и Адашева съ этого момента поколебалось. Когда началась война, Сильвестръ и Адашевъ стали на сторону бояръ, высказавшихся противъ этого предпріятія Ивана. Московской знати хотѣлось избѣжать безпокойствъ, связанныхъ съ войной. Кромѣ того, она была недовольна отступленіемъ московской политики отъ старыхъ традицій. Впрочемъ, Адашевъ еще игралъ нѣкоторую роль въ дипломатіи до іюля 1560 г., когда былъ удаленъ отъ двора и посланъ въ почетную ссылку: его отправили въ Ливонію въ качествѣ третьяго воеводы большого полка. Одновременно съ этимъ Сильвестръ добровольно удалился въ Бѣлоозерскій монастырь. Излагая исторію Грознаго, Курбскій путаетъ событія и даты. По его изображенію, опала Сильвестра и Адашева совпала съ болѣзнью и смертью царицы Анастасіи. По его словамъ, оба царскіе любимца были обвинены въ отравленіи царицы. Но Анастасія заболѣла въ ноябрѣ 1559 г., а умерла 10 мѣсяцевъ спустя, слѣдовательно, уже послѣ удаленія Адашева и Сильвестра. Царица болѣла долго, что исключаетъ мысль объ отравленіи. Если бы открылась ихъ виновность въ подобномъ преступленіи, они понесли бы другое наказаніе. Правда, Сильвестръ съ Адашевымъ были привлечены къ суду, но немилость никогда не постигаетъ сразу. Иванъ не рѣшился сразу обрушить на бывшихъ своихъ любимцевъ всю тяжесть гнѣва. Они отдѣлались легко. Одинъ былъ посланъ въ болѣе отдаленный Соловецкій монастырь, другой былъ на короткое время заключенъ въ тюрьму послѣ недолгаго пребыванія въ Феллинѣ, въ Ливоніи, куда былъ посланъ сперва воеводой, но не сумѣлъ

вести себя съ должной осторожностью. Очевидно, судьи отвергли обвиненіе въ отравленіи царицы. Быть можетъ, этотъ вопросъ вовсе и не обсуждался. Вѣдь судъ того времени предъявлялъ не слишкомъ большія требованія по отношенію къ достаточности уликъ. Въ припадкахъ ярости Иванъ самъ впослѣдствіи обвинялъ своихъ невѣрныхъ друзей въ томъ, что они разлучили его съ его „юницей„. Но и тогда Иванъ призывалъ Сильвестра на судъ божественнаго Агнца, не желая, по его словамъ, вступать съ нимъ въ тяжбу здѣсь на землѣ. Въ самыхъ обвиненіяхъ Ивана было слишкомъ много противорѣчій. То онъ упрекалъ своихъ незнатныхъ друзей за то, что они стараются возвысить своихъ клевретовъ изъ аристократіи до одного уровня съ царемъ, то, напротивъ, корилъ ихъ за то, что они стараются унизить ихъ до собственнаго уровня. Иногда онъ даже поносилъ ихъ за то, что они содѣйствовали его реформамъ, и при этомъ указывалъ на самыя дорогія для него преобразованія, какъ, напримѣръ, на обращеніе вотчинъ въ помѣстья. Очевидно, всѣ эти упреки, встрѣчающіеся и въ перепискѣ съ Курбскимъ, являются лишь полемическимъ пріемомъ, а въ полемикѣ Иванъ не заботился ни о точности выраженій, ни о правдѣ. Онъ всѣми способами старался доказать, что въ его правленіи принимали участіе постороннія руки, что уменьшало его отвѣтственность за то, что происходило въ его царствованіе, Для достиженія этой цѣли Иванъ преувеличивалъ и извращалъ факты. Если вѣрить ему, то Сильвестръ и Адашевъ держали его подъ такой опекой, что даже устанавливали число часовъ, потребныхъ для его сна! Онъ былъ, какъ младенецъ, не имѣющій своей воли. Этимъ Иванъ старался отразить упреки Курбскаго, жаловавшагося на непосильные труды, которые онъ несетъ. Кто же заставляетъ князя нести эти труды? Развѣ онъ самъ не былъ вмѣстѣ съ попомъ и съ „собакой Адашевымъ, поднятымъ изъ гноища“, полновластнымъ государемъ?

Ливонская война началась и продолжалась по волѣ Ивана, вопреки желаніямъ всей знати. По свидѣтельству Курбскаго, послѣ взятія Казани „всѣ разумные люди“ совѣтовали Ивану остаться на нѣкоторое время въ покоренномъ городѣ. Но царь принялъ совершенно иное рѣшеніе. Сопоставляя эти факты, мы видимъ, какъ подчинялся Иванъ вліянію своихъ приближенныхъ. Что касается Сильвестра, то его роль опредѣляется указаніемъ, которое мы находимъ въ его письмѣ къ митрополиту Макарію. Царь далъ порученіе Сильвестру сдѣлать характеристику кандидатовъ

въ игумены. Когда онъ это сдѣлалъ, царя не было въ Москвѣ, и дѣло оставалось безъ движенія.

Съ того самаго дня, когда Сильвестръ и Адашевъ отказались выступить на защиту Димитрія, они потеряли расположеніе царицы Анастасіи. Возможно, что преждевременная смерть молодой государыни оказала свое вліяніе на ихъ судьбу. Быть можетъ, паденіе ихъ было вызвано какой-нибудь другой, неизвѣстной намъ причиной. Этотъ періодъ царствованія Ивана остается довольно темнымъ.

Послѣдніе годы жизни Сильвестра покрыты неизвѣстностью. Чрезъ два года послѣ заключенія въ тюрьму Адашевъ умеръ. Курбскій разсказываетъ, что одну польскую вдову заподозрѣли въ преступныхъ сношеніяхъ съ Адашевымъ. Она была предана смерти вмѣстѣ съ пятью своими сыновьями. Были казнены также братъ Адашева Даніилъ вмѣстѣ со своимъ сыномъ и тестемъ Туровымъ, трое братьевъ Сатиныхъ, сестра которыхъ была замужемъ за Алексѣемъ Адашевымъ. Иванъ начиналъ проводить свою систему массовыхъ казней. и истреблялъ своихъ враговъ цѣлыми семьями. Жестокость была свойственна той эпохѣ даже на Западѣ, но въ казняхъ Ивана сказывался его темпераментъ и причуды полуазіатскаго деспота. Курбскій упоминаетъ о князѣ Михаилѣ Рѣпнинѣ, который однажды былъ приглашенъ въ царскій дворецъ на пиръ и отказался раздѣлять общее веселье, сорвавъ съ себя и растоптавъ ногами надѣтую на него маску. Чрезъ нѣсколько дней послѣ этого князь былъ убитъ по приказанію Ивана въ церкви во время чтенія Евангелія. Такая же участь постигла и Юрія Кашина. Не отрицая этихъ фактовъ, Иванъ утверждалъ, что никогда не оскверняля храмовъ Божьихъ. Въ ту же пору, по словамъ Гуаньино, погибъ еще одинъ членъ аристократическаго рода, молодой князь Дмитрій Оболенскій-Овчининъ, который повздорилъ съ новымъ любимцемъ царя, Ѳедоромъ Басмановымъ, и сказалъ ему: „Предки мои и я всегда служили государю достойнымъ образомъ, а ты служишь ему содоміей". Показанія итальянца объ этомъ случаѣ расходятся со свидѣтельствомъ Курбскаго.

Опала Сильвестра и Адашева распространилась и на ихъ друзей, между прочимъ на князя Дмитрія Курлятева и другихъ менѣе знатныхъ представителей той же группы, ихъ казнили и цѣлыми десятками отправляли въ ссылку. Въ числѣ ихъ Курбскимъ упоминается и князь Михаилъ Воротынскій, сосланный въ 1550 г. въ Бѣлоозеро. Въ 1564 г. онъ былъ вызванъ оттуда, но вскорѣ снова былъ отправленъ на прежнее мѣсто. По словамъ Курбскаго, этотъ вельможа, прославившійся во многихъ битвахъ, былъ подверг-

нутъ пыткѣ при допросѣ. Его жгли на медленномъ огнѣ. Самъ царь подгребалъ своимъ посохомъ къ его тѣлу горящіе угли. Послѣ этого Воротынскій будто бы умеръ по дорогѣ въ Бѣлоозеро. Въ нашихъ рукахъ находятся оффиціальные документы, изъ которыхъ видно, что этотъ заточникъ жилъ въ довольно комфортабельной обстановкѣ. Онъ жалуется, что ему не присылаютъ рейнскихъ и французскихъ винъ, полагающихся ему по праву. Требуетъ себѣ различныхъ припасовъ: свѣжей рыбы, изюму, лимонъ, черносливу. Это нужно ему для него самого, его семьи и двѣнадцати слугъ, содержащихся, какъ и онъ, на государственный счетъ. Какъ видимъ, заточеніе Воротынскаго мало напоминало адскія муки. Правительство Ивана съ подобными людьми обходилось слишкомъ гуманно. Трудно допустить, чтобы до ссылки ихъ подвергали такимъ страшнымъ мученіямъ.

Документы, относящіеся къ многочисленнымъ процессамъ, связаннымъ съ дѣломъ Сильвестра и Адашева, нигдѣ не упоминаютъ ни о пыткахъ. ни о казняхъ. Главнымъ мотивомъ обвиненія чаще являются попытки къ „отъѣзду". Но дѣло обыкновенно оканчивалось предупредительными мѣрами. Обвиняемый обязывался не покидать государства и представить поручителей. Такъ было, напримѣръ, съ княземъ Василіемъ Михайловичемъ Глинскимъ въ 1561 г., въ слѣдующемъ году съ Иваномъ Дмитріевичемъ Бѣльскимъ, представившемъ письменное поручительство 29 знатныхъ лицъ, за которыхъ ручались въ свою очередь 120 другихъ лицъ.

Въ разбирательствѣ подобныхъ дѣлъ заключалось скрытое признаніе стариннаго права, на которое могли ссылаться обвиняемые. Въ принципѣ это право оставалось какъ бы не нарушеннымъ, хотя въ дѣйствительности оно уже утеряло свой смыслъ, но оно все еще продолжало существовать, являясь аналогіей той свободы, которую еще сохраняли вѣчно переходившіе съ одного мѣста на другое крестьяне. Съ XV вѣка стало развиваться широкое эмиграціонное движеніе, увлекавшее всѣ классы общества. Совершалось оно изъ Московскаго государства въ Польшу и обратно.

При дворѣ Ивана было много потомковъ Гедимина, при варшавскомъ же дворѣ находился цѣлый легіонъ Рюриковичей. Женою князя Ольгерда была тверская княжна, поэтому множество польскихъ родовъ, происходившихъ отъ этого литовскаго князя, было связано узами родства съ извѣстными русскими домами. Предки князей Одоевскихъ, Бѣльскихъ, Воротынскихъ дѣлились между обоими государ-

ствами. Одни изъ нихъ служили Казиміру, другіе—Ивану III. Мстиславскіе выѣхали изъ Литвы только въ 1526 г. Тамъ на ихъ мѣсто водворились Чарторижскіе, одинъ изъ родственниковъ которыхъ былъ нѣкогда намѣстникомъ псковскимъ. Въ 1521 г. въ Литву бѣжалъ послѣдній рязанскій князь. За нимъ послѣдовали представители знатнѣшихъ московскихъ родовъ—Бѣльскій, Ляцкій, Вишневецкій, Шереметьевъ.

Это движеніе непрерывно продолжалось, и Грозный нѣкоторое время колебался принять противъ него рѣшительныя мѣры. Иванъ Дмитріевичъ Бѣльскій былъ отпущенъ на поруки, но скоро снова возобновилъ попытку бѣжать. Царь простилъ его и на этотъ разъ. Въ 1464 г. Иванъ Васильевичъ Шереметьевъ пытался сдѣлать то же самое. Курбскій говоритъ, что его за это подвергли пыткѣ и заковали въ желѣзо, а его братъ Никита былъ задушенъ по повелѣнію Ивана. О Никитѣ мы ничего не знаемъ, а что касается Ивана Васильевича, то нѣкоторое время спустя онъ снова исполнялъ свои служебныя обязанности. Только много лѣтъ спустя онъ былъ дѣйствительно сосланъ въ Бѣлоозеро, гдѣ, повидимому, онъ устроился довольно комфортабельно.

Всѣ эти подробности необходимы для того, чтобы понять эпизодъ, тождественный съ вышеприведенными случаями, но имѣющій большую важность, потому что героемъ его явился недюжинный человѣкъ.

III.

Бѣгство Курбскаго.

Родившійся въ 1528 г. князь Андрей Михайловичъ Курбскій происходилъ отъ старыхъ смоленскихъ и ярославскихъ князей, велъ свою родословную отъ Владиміра Мономаха и принадлежалъ къ старшей вѣтви Рюриковичей. Опала друзей Курбскаго, Сильвестра и Адашева, отразилась и на его судьбѣ. Послѣ пораженія при Невелѣ, неудачныхъ и даже нѣсколько подозрительныхъ сношеній со шведами по поводу уступки Гельмета, заставило Курбскаго подумать объ отъѣздѣ изъ предѣловъ Московскаго государства. Въ 1564 г. онъ рѣшился на такой шагъ, увѣряя, какъ и другіе, что сдѣлалъ это подъ угрозой неминуемой бѣды. Оставаясь во власти Ивана, онъ рисковалъ своей головой. Польскій король принялъ знатнаго перебѣжчика радушно. Онъ занялъ въ Польшѣ видное положеніе, вполнѣ соотвѣтство-

вавшее его происхожденію. Курбскій, находясь на службѣ у своего новаго государя, рѣшился поднять оружіе противъ своей родины. Онъ прожилъ въ Польшѣ 19 лѣтъ, но не пріобрѣлъ ничьего расположенія. О немъ сложились легенды. Всѣмъ извѣстенъ разсказъ о Василіи Шибановѣ, привезшемъ будто бы царю первое письмо князя.

Быть-можетъ, нѣкоторые даже видѣли картину, изображающую Ивана, который принимаетъ гонца: царь слушаетъ чтеніе письма, опершись на свой посохъ, наконечникомъ котораго онъ пригвоздилъ къ полу ногу Шибанова. Въ Москвѣ есть книгопродавецъ, носящій это имя, прославленное легендой. Онъ и теперь еще печатаетъ на своихъ изданіяхъ оттискъ съ этой картины. Но, къ сожалѣнію, въ историческихъ фактахъ она не находитъ никакого подтвержденія. Курбскій бѣжалъ въ Польшу безъ Шибанова. Шибановъ вмѣстѣ съ другими слугами бѣжавшаго князя былъ схваченъ и подвергнутъ пыткѣ. На эшафотѣ онъ выказалъ преданность своему господину и геройское мужество, онъ не только не отрекся отъ него, а даже выступилъ на его защиту. Письма Курбскаго доставлялись, вѣроятно, инымъ способомъ. Трудно было бы найти гонцовъ, которые рискнули бы передать письмо царю. Эти посланія, какъ и отвѣты царя, предназначались для широкой гласности. Одно изъ писемъ царя заключаетъ въ себѣ 60 страницъ. Ради одного Курбскаго царь не сталъ бы тратить столько энергіи. Этотъ публичный характеръ переписки Ивана съ Курбскимъ возвышаетъ ее надъ уровнемъ банальности и составляетъ главный ея интересъ, не теряющій силы и до настоящаго времени.

Въ Польшѣ, пріютившей князя, у него было достаточно досуга. Онъ и пользовался имъ для того, чтобы написать упомянутую уже исторію Ивана. Сочиненіе это представляетъ сплошной обвинительный актъ противъ личнаго управленія Грознаго и панегирикъ совѣту царя. Курбскій съ опредѣленнымъ разсчетомъ дѣлитъ все царствованіе Ивана на двѣ части. Первый, блестящій, періодъ простирается до опалы Сильвестра, Адашева и Курбскаго, послѣ чего начинается второй — пора несчастій, преступленій и безславія. Для своихъ цѣлей Курбскій прибѣгаетъ къ вымысламъ. Въ перечисленіи злодѣйствъ Ивана можно отмѣтить не мало ошибокъ. Впрочемъ нѣкоторую часть обвиненій признавалъ молчаливо или открыто и самъ Иванъ. Нѣкоторыя же подтверждаются свидѣтельствомъ другихъ документовъ Курбскій пробовалъ свои силы даже въ области церковной исторіи. Направленіе этихъ попытокъ было нѣсколько неожиданнымъ, если принять во вниманіе прошлое русскаго вель-

можи. На родинѣ онъ былъ связанъ узами дружбы не только съ Максимомъ Грекомъ, но и съ тѣмъ самымъ Артеміемъ, который былъ уличенъ въ ереси на соборѣ въ 1531 г. Въ Польшѣ Курбскій сталъ лицомъ къ лицу съ католической пропагандой, угрожавшей его единовѣрцамъ. Это сдѣлало его самымъ непримиримымъ и мрачнымъ сторонникомъ православія.

Одновременно съ религіознымъ настроеніемъ въ Курбскомъ проявилось національное чувство. Одинъ польскій поэтъ въ своихъ стихахъ сравниваетъ родину со здоровьемъ: ее начинаешь цѣнить только тогда, когда утратишь. Разъ Курбскій послалъ князю Острожскому славянскій переводъ одной рѣчи Ивана Златоуста. Каково же было его негодованіе, когда этотъ магнатъ, будучи православнымъ, несмотря на подданство королю, перевелъ эту рѣчь на „варварскій“ польскій языкъ! Курбскій вступилъ въ ожесточенную полемику съ литовскими сторонниками Ѳедора Косого и другихъ русскихъ ересіарховъ, бывшихъ когда-то его друзьями. Онъ боролся и съ іезуитами, называя ихъ волками, которыхъ пускаютъ въ овчарню, и не хотѣлъ примириться съ ними даже тогда, когда они выступали противъ протестантовъ. Чтобы лучше бороться съ „волками“, онъ, хоть и поздно, принялся изучать латынь. По его настоянію одинъ изъ его товарищей по изгнанію молодой князь Оболенскій оставилъ жену и дѣтей и уѣхалъ учиться сначала въ Краковъ, а потомъ въ Италію. До насъ дошли нѣкоторые плоды многообразной дѣятельности Курбскаго— переводы отрывковъ изъ твореній Ивана Златоуста и Евсевія, а также предисловіе къ *Новому Маргариту*.

Прежде чѣмъ написать всѣ эти вещи, Курбскій началъ переписку съ Иваномъ, напоминалъ ему о своихъ заслугахъ и обидахъ, упрекалъ его въ злоупотребленіи властью, обличалъ его порочную жизнь и недостойныхъ любимцевъ, развратниковъ, какъ Басмановъ, кровопійцъ, какъ Малюта Скуратовъ. Но главный вопросъ, заключавшійся въ несогласіи между царемъ и извѣстной общественной группой, оставался въ сторонѣ незатронутымъ, что значительно ослабляетъ историческую цѣнность переписки Курбскаго. Нужно помнить, что этотъ изгнанникъ вызвалъ на литературный поединокъ самого царя всея Руси. Онъ обобщилъ значеніе постигшей его опалы и питаемыхъ имъ мстительдыхъ чувствъ. Личный конфликтъ съ царемъ пріобрѣлъ въ его изображеніи значеніе великой борьбы между прошедшимъ и будущимъ, между старымъ и новымъ порядкомъ, между враждующими двумя линіями дома Рюрика. Этотъ литературный памятникъ открываетъ собой цѣлую

эпоху въ русской исторіи. Вмѣстѣ съ нимъ великая сѣверная держава выступаетъ на сцену новой исторіи.

Иванъ могъ и пренебречь вызовомъ Курбскаго. Казалось, что его гордость и должна была заставить его принять именно такое рѣшеніе. Однако, темпераментъ и стремленіе новаго человѣка вовлекли его въ полемику, благодаря чему мы имѣемъ не только важный историческій документъ, но и знакомимся съ замѣчательнымъ писателемъ, какимъ былъ Иванъ. Правда, онъ очень словоохотливъ, часто неясенъ, говоритъ о посторонниxъ предметахъ. Нельзя говорить о красотѣ его стиля, но онъ вноситъ въ полемику вдохновеніе, пылъ, силу. Его слова и замѣчанія бьютъ въ цѣль, какъ стрѣла. „Зачѣмъ ты за тѣло продалъ душу? Побоялся смерти по ложному слову твоихъ друзей?“ Прибавьте къ этому обширную эрудицію, которую Иванъ проявляетъ въ своей перепискѣ. Вы чувствуете въ немъ ученаго. Доказывая, что государь долженъ слушать своихъ совѣтниковъ, Курбскій ссылается на Священное Писаніе, а развѣ онъ забылъ Моисея? Курбскій объявляетъ преступными казни, совершающіяся по повелѣнію Ивана, а что дѣлалъ царь Давидъ? Относительно отъѣзда и другихъ привилегій, защищаемыхъ Курбскимъ, какъ достояніе всѣхъ людей его круга, Иванъ благоразумно не говорилъ ничего. Онъ свое вниманіе обращаетъ лишь на политическую теорію абсолютной власти государя. „Мы свободны наказывать и награждать, кого хотимъ, и ни одинъ государь русскій никогда никому не давалъ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ“.

Я уже отмѣтилъ въ политической жизни Москвы XVI в. явленіе, къ которому мнѣ еще придется вернуться. Я говорю о молчаливомъ соглашеніи, которое какъ бы заключили дѣятели той эпохи съ цѣлью прикрывать дѣйствительность пріемами показной политики. Такая система часто спутываетъ событія, лица и роли. Иванъ и Курбскій, вступивъ въ публичный поединокъ, старались не отступать отъ тактики умолчаній. Они не хотѣли снимать съ дѣйствительности тѣ покровы, подъ которыми наносили другъ другу жестокіе удары. Защищаясь противъ массы цитатъ, которыми царь засыпаетъ своего противника, Курбскій ссылается на превосходство своего литературнаго образованія. Онъ стыдилъ царя, что тотъ шлетъ неграмотныя посланія въ страну, гдѣ много людей, хорошо знающихъ грамматику, риторику, діалектику и философію. Въ этомъ можно видѣть указаніе на гласный характеръ переписки царя съ Курбскимъ, но оба они тщательно избѣгали называть главные предметы спора своими именами.

Неизвѣстны даты первыхъ трехъ посланій. Четвертое же самъ Иванъ помѣтилъ Вольмаромъ. Очевидно, оно было написано сразу послѣ взятія этого города въ 1577 году. Царь не упустилъ случая извлечь изъ этой побѣды аргументъ для себя. Ему очень хотѣлось подчеркнуть, что она досталась ему безъ всякой помощи Курбскаго и его друзей. Въ отвѣтномъ письмѣ Курбскій ссылался на Цицерона, но противникъ молчалъ. Курбскій шлетъ новое посланіе. Отвѣта нѣтъ. На сцену выступилъ Баторій: у царя явились новые заботы.

Среди своихъ соотечественниковъ противникъ Грознаго находилъ какъ защитниковъ, такъ и обвинителей. Въ настоящее время первые преобладаютъ въ Россіи. Въ ожиданіи статуи, которая, безъ сомнѣнія, украситъ со временемъ какую-нибудь московскую площадь, они сооружаютъ литературный памятникъ въ честь этого героя. Къ числу апологетовъ Курбскаго относится ученый авторъ „Исторіи русской литературы“ Пыпинъ (II, 171—2), а также болѣе ранній его біографъ (П....скій, Казань, 1873 г.). Для нихъ Курбскій при всѣхъ его недостаткахъ является выдающимся представителемъ идей, усвоенныхъ Россіей XVI в. Онъ служитъ показателемъ культурнаго уровня, до котораго могъ подняться русскій человѣкъ того времени. Не нужно забывать, что русское общество жило въ отдаленіи отъ источниковъ западной цивилизаціи и въ своихъ исканіяхъ истины было подавлено правительственнымъ терроромъ. Какъ воинъ, Курбскій не щадилъ своей крови на защиту родины. Но онъ былъ къ тому же и образованнымъ человѣкомъ, старавшимся расширить тотъ кругъ познаній, которымъ довольствовались его соотечественники. Онъ былъ первымъ русскимъ публицистомъ и первымъ гражданиномъ своего отечества въ полномъ смыслѣ этого слова; его увлекала идея прогресса, и онъ смѣло возвышалъ свой голосъ противъ грубаго деспотизма.

Эти мнѣнія лестны для Курбскаго, но они нуждаются въ критической провѣркѣ. Дѣятельность Курбскаго въ московскомъ государствѣ далеко еще не выяснена полностью. Лучше извѣстно то, что относится къ его пребыванію въ Польшѣ, а то, что знаемъ мы о Курбскомъ изъ этой эпохи, далеко не говоритъ въ его пользу. Въ своемъ изгнаніи онъ былъ обезпеченъ приличными владѣніями и доходами. Какъ господинъ, онъ былъ ненавидимъ своими слугами. Какъ сосѣдъ, онъ былъ самымъ несноснымъ, какъ подданный— самымъ непокорнымъ слугой короля. Онъ переводилъ Златоуста и возставалъ противъ деспотизма, но себѣ позволялъ злоупотребленія властью не менѣе чудовищныя, чѣмъ тѣ,

въ которыхъ былъ повиненъ Иванъ. Напримѣръ, онъ сажалъ евреевъ въ темницы, наполненныя водой съ піявками. Вздорилъ онъ со всѣми, не исключая даже короля, который вовсе не былъ тираномъ. Онъ постоянно противился всякой власти даже тогда, когда ему приходилось платить налоги.

Курбскій воплощалъ въ себѣ ту группу московскихъ людей, съ которой пришлось бороться Ивану. Эти люди были доступны культурнымъ вліяніямъ, имъ были свойственны нѣкоторыя стремленія къ свободѣ, но то и другое они понимали въ узкомъ смыслѣ, примѣнительно къ своимъ эгоистическимъ интересамъ привилегированнаго сословія. Нѣкоторые отрицали, что Курбскій примыкалъ къ боярству, защищавшему свои устарѣлыя права и привилегіи. Но разразвѣ самъ Курбскій не заявлялъ своихъ правъ на Ярославское княжество? Переходя въ Польшу, онъ являлся корыстолюбивымъ карьеристомъ. Король предоставилъ ему Кревскую старостію, десять селъ съ 4000 десятинъ земли въ Литвѣ, городъ Ковель съ замкомъ и 28 селеній на Волыни. Король думалъ, что этимъ возмѣщаетъ потери, понесенныя вслѣдствіе бѣгства съ родины Курбскаго.

Допустимъ, что опальный вельможа Ивана стремился лишь защитить противъ посягательства государственной власти и расширить свои наслѣдственныя права — участіе въ совѣтѣ царя или подача голоса при обсужденіи государственныхъ дѣлъ, право боярина служить царю лишь въ той мѣрѣ, въ какой ему угодно было. При всемъ своемъ сочувствіи прогрессу Курбскій, такимъ образомъ, является политически отсталымъ человѣкомъ: онъ защищалъ начала, „завѣщанныя глубокой стариной“. У него были свои идеалы, но въ нихъ онъ сходился, быть можетъ и не замѣтно даже для самого себя, съ Польшей, которую онъ ненавидѣлъ и презиралъ, не смотря на то, что ѣлъ ея хлѣбъ. Эти идеалы оказывались уже анархическими даже на ихъ родинѣ — Польшѣ. Они были опасны и гибельны. Перенести ихъ на московскую почву было невозможно. Здѣсь они сталкивались съ другими понятіями и нравами и превращались въ полное отрицаніе государства, что выражалось въ отказѣ отъ службы, бѣгствѣ за границу и предательствѣ родины. Курбскій напрасно старался представить Ивана гонителемъ угнетенной невинности. Въ народномъ же творчествѣ Иванъ и до-нынѣ остается искоренителемъ крамолы на русской землѣ. Истребляя бояръ, онъ казался защитникомъ убогихъ и немощныхъ. Эта легенда требуетъ объясненій. Большинство русскихъ историковъ не хотѣло допустить и мысли, что на сторонѣ Грознаго

былъ самъ русскій народъ. Что же сдѣлалъ Иванъ для крестьянской массы? До него люди эти были свободными земледѣльцами, теперь они оказались полурабами, въ скоромъ времени окончательно утратившими свободу. Прикованные къ жалкому клочку земли, они при Иванѣ несли болѣе тяжелое бремя, чѣмъ раньше. Государство все болѣе и болѣе эксплоатировало крестьянскую массу, благодаря непрерывно растущимъ потребностямъ его. Но этотъ народъ, нищету и безправіе котораго увеличилъ Иванъ, воспѣвалъ и превозносилъ его. Когда страданія становятся невыносимыми, всякая перемѣна кажется благодѣяніемъ, хотя бы она и ухудшала положеніе. Въ 1582 г. крестьяне польскихъ владѣній, предоставленныхъ Курбскому, открыто заявили жалобу на своего новаго господина. Жалоба была признана справедливой. Это было въ Польшѣ. Можно представить себѣ, какъ онъ пользовался своей властью и распоряжался судьбой крестьянъ въ своихъ родовыхъ вотчинахъ у себя на родинѣ! Такихъ владѣльцевъ были тысячи. Курбскій вѣдь еще слылъ либеральнымъ человѣкомъ! На этой ненависти народа къ притѣснителямъ—боярамъ и созидалась популярность Ивана среди угнетенныхъ массъ.

Курбскій умеръ въ Ковелѣ въ маѣ 1583 г. Его семья уже успѣла принять католичество въ Польшѣ. Вернувшись на родину, она снова приняла православіе и вымерла въ 1771 г. Въ борьбѣ между старымъ и новымъ порядкомъ Курбскій былъ самымъ блестящимъ защитникомъ прошлаго. Но признать его героемъ или мученикомъ нельзя. Я хотѣлъ показать, съ какими противниками пришлось мѣряться Ивану своими силами.

Глава II.

Опричнина.

I. Вымыселъ и дѣйствительность драмы.—II. Терроръ.—III. Царь Симеонъ.—IV. Историческая оцѣнка опричнины.

I.

Вымыселъ и дѣйствительность драмы.

Многіе изъ моихъ русскихъ и нѣкоторые изъ французскихъ читателей знакомы съ приключеніями князя Серебрянаго по разсказу гр. Алексѣя Толстого. Возвращаясь въ Россію изъ посольства въ другое государство, герой романа встрѣчается съ отрядомъ вооруженныхъ людей, по внѣшности и поступкамъ представляющихъ настоящихъ разбойниковъ. На глазахъ князя Серебрянаго они грабятъ деревню, подвергаютъ людей насиліямъ и убиваютъ ихъ. Князь вмѣшивается въ побоище. Скоро его самого схватываютъ, и онъ узнаетъ, что его обвиняютъ въ преступленіи противъ царскихъ людей. Воображаемые разбойники оказываются царскими слугами, а ихъ безчинства обычнымъ явленіемъ новаго политическаго строя. Провинившагося князя приводятъ въ новую резиденцію царя, въ Александровскую слободу, гдѣ онъ дѣлаетъ новыя ужасныя открытія. На царскомъ дворѣ онъ видитъ медвѣдей, которыми травятъ пришлый людъ. Наконецъ, избѣжавъ пытки, онъ попадаетъ на царскій пиръ. Въ столовой залѣ засѣдаютъ царскіе клевреты, переодѣтые чернецами, самъ царь, зловѣще усмѣхаясь, надѣляетъ гостей кубками съ отравой. Нога скользитъ въ крови. Воздухъ насыщенъ опьяняющимъ запахомъ бойни. Гулъ веселыхъ голосовъ охмелѣвшихъ гостей смѣшивается съ раздирающими душу воплями жертвъ, мучимыхъ тутъ же рядомъ въ застѣнкахъ. Этотъ дворецъ напоминалъ адъ или бойню. Серебряный начинаетъ догадываться, что это царь тѣшится такими страшными забавами.

Изображая эту картину, авторъ не создавалъ ее своимъ воображеніемъ. Гр. Алексѣй Толстой заимствовалъ у исторической науки, въ лицѣ самыхъ блестящихъ ея представителей, и свой рисунокъ, и краски. Въ изображеніи Карамзина, Соловьева, Костомарова, Ключевскаго, Михайловскаго опричнина является кровавой эпопеей безсмысленныхъ убійствъ, совершавшихся по повелѣнію царя для его забавы. Исполнителями его приказаній являлись люди безъ стыда и совѣсти. Со своими страшными эмблемами — собачьей головой и метлой у луки сѣдла—они скачутъ по большимъ дорогамъ, грабятъ и убиваютъ. Обрызганные кровью, они везутъ свою богатую добычу въ Александровскую слободу. Здѣсь ко всѣмъ своимъ преступленіямъ они прибавляютъ еще одно—кощунство: облекшись въ черныя рясы, они вмѣстѣ со своимъ игуменомъ—царемъ предаются самымъ гнуснымъ оргіямъ.

На смѣну указаннымъ историкамъ явились другіе, занявшіеся тѣмъ же вопросомъ. Они пришли къ совершенно иному пониманію опричнины. Эта волнующая историческая загадка нашла у нихъ новое объясненіе. За ошеломляющей обстановкой и ужасными формами они увидѣли нѣкоторую руководящую идею, зрѣло обдуманный планъ, проводимый съ послѣдовательностью и настойчивостью. Въ дѣятельности создателя опричнины Грознаго они увидѣли обширную программу хозяйственныхъ, соціальныхъ и политическихъ преобразованій. Осуществлялась эта программа недостойными средствами, но это, быть можетъ, было неизбѣжно. Надо замѣтить, что вопросъ объ опричнинѣ до сихъ поръ такъ и остается загадкой. Историки старой школы въ пониманіи опричнины допустили тройную ошибку: они приняли внѣшнюю сторону ея за дѣйствительность, подробности за существенное, часть за цѣлое.

Для поясненія этой мысли возьмемъ примѣръ. Допустимъ, что вся исторія французской революціи сведена къ изображенію отдѣльныхъ сценъ или личностей изъ клуба Якобинцевъ, тюрьмы Тампль и Національной площади. Такое поясненіе эпохи великихъ событій вполнѣ бы соотвѣтствовало изображенію десятилѣтняго періода въ правленіи Ивана Грознаго. Самый необходимый документъ для исторіи этой эпохи остается для насъ неизвѣстнымъ. Я говорю объ учредительной грамотѣ опричнины. Она хранится въ государственномъ архивѣ, но до сихъ поръ не издана и даже недоступна для изслѣдователей. Другіе документы частью затеряны, частью также неизвѣстны. Обратимся къ установленнымъ фактамъ.

Бѣгство Курбскаго не было единичнымъ явленіемъ. Какъ

до него, такъ и послѣ него мы видимъ подобныя же попытки—однѣ удачныя, другія оставшіяся только покушеніями на бѣгство. Отъѣздъ Курбскаго не могъ не смутить Грознаго. Онъ потерялъ увѣренность въ завтрашнемъ днѣ. Задачи, поставленныя Иваномъ во внутренней и внѣшней политикѣ, требовали людей и средствъ. Гдѣ же ихъ взять? Если люди Ивана не проигрывали сраженій изъ-за мѣстническихъ споровъ или не измѣняли въ пользу враговъ государства, то бѣжали заграницу, заботясь больше о своихъ выгодахъ, чѣмъ о благѣ родины. Что касается средствъ, то ими распоряжались тѣ же ненадежные слуги. Служилые люди стояли во главѣ государственнаго управленія и владѣли главнымъ богатствомъ страны—землею. Все въ государствѣ совершалось при ихъ участіи: воеводы, намѣстники, судьи, члены боярской думы, начальники приказовъ держали все въ своихъ рукахъ. Нечего и говорить о старыхъ вотчинникахъ, которые, сидя на своихъ наслѣдственныхъ земляхъ, гдѣ у нихъ были собственныя военныя силы и свой дворъ, обладали безапелляціонной судебной властью и были почти совершенно свободны отъ налоговъ. Въ своихъ владѣніяхъ они разыгрывали роль настоящихъ государей. Опираясь на формальное превосходство своей знатности, они предъявляли къ своему *младшему* родичу такія притязанія, которыя не могли его не безпокоить, хотя въ сущности они были безсмысленны и безсильны.

Мысль раскассировать всю эту военную и правительственную организацію никогда не приходила въ голову Ивану. Московское государство XVI в. жило извѣстными традиціями. Съ отдѣльными лицами царь могъ сдѣлать, что хотѣлъ, но передъ существующимъ порядкомъ онъ оставался безсильнымъ. Онъ самъ со своей властью являлся лишь составной частью этого порядка.

По привычкѣ смотрѣть на управленіе государствомъ, какъ на свое достояніе, принадлежащее по праву, князья и бояре считали свою службу вполнѣ независимой отъ государя. Въ мѣстничествѣ они видѣли нѣкоторую гарантію своихъ привилегій. И царь не могъ протестовать противъ этого взгляда, такъ какъ его собственная власть исходила изъ того же источника и опиралась на такія же точно права. Потомки Рюрика или Гедимина когда-то правили Русью всѣ врозь, каждый въ своемъ удѣлѣ. Теперь приходилось править ею сообща, при чемъ одинъ сидѣлъ на тронѣ, а другіе завѣдывали какимъ-нибудь приказомъ или цѣлой областью государства. Но вся эта правящая группа представляла одно цѣлое, какъ бы одну семью. Иванъ могъ справиться съ отдѣльными боярами и князьями, но кѣмъ

было замѣнить ихъ? Послѣ Сильвестра и Адашева онъ набралъ „изъ грязи" Скуратовыхъ и Грязныхъ, возвысилъ до перваго ранга, отыскивая новыхъ слугъ по большей части среди *поповичей,* которые и до настоящаго времени играютъ замѣтную роль въ жизни русской интеллигенціи. Но они не могли замѣнить ни матеріальной, ни моральной силы, какую представляли князья и бояре. Политика Ивана приводила его въ столкновеніе съ аристократіей; но отбрасывая отъ себя знать, царь оказывался въ пустынномъ пространствѣ. Боярство и самодержавіе являлись неразрывно связанными силами. Приходилось думать о компромиссѣ; на немъ и остановился Иванъ. Но онъ не говорилъ о томъ, что рѣшилъ сдѣлать. Русское государство XVI в. было царствомъ тайны. На всѣхъ лицахъ были маски, на всѣхъ вещахъ—покрывало

3 декабря 1564 г. Иванъ вдругъ оставилъ столицу. Вмѣстѣ съ собой онъ увезъ свою жену, черкешенку родомъ, Марью Темрюковну, полудикарку, жестокую и вспыльчивую, какъ самъ Иванъ. За государемъ слѣдовали сотни возовъ, нагруженныхъ его сокровищами. Этотъ обозъ сопровождала огромная свита, состоявшая изъ бояръ, набранныхъ въ разныхъ городахъ, всего двора и челяди Ивана. Нѣкоторое время никто въ Москвѣ не зналъ, куда и зачѣмъ уѣхалъ царь. Царскій обозъ потянулся въ село Коломенское, гдѣ дурная погода задержала его на двѣ недѣли. Затѣмъ онъ простоялъ нѣсколько дней въ другомъ подмосковномъ селѣ, Тайнинскомъ, и въ Троицѣ. Наконецъ онъ расположился въ одномъ изъ предмѣстій маленькаго городка Александровска, къ сѣверу отъ Владиміра. Только тогда царь рѣшилъ объявить о причинахъ и цѣли своего необыкновеннаго отъѣзда. 3 января 1565 году въ Москву прибылъ гонецъ отъ царя съ письмомъ къ митрополиту. Царь много говорилъ о всевозможныхъ злодѣяніяхъ, совершаемыхъ воеводами и всякими должностными лицами, а также высшимъ и низшимъ духовенствомъ, и въ заключеніе объявлялъ, что „опалился" на всѣхъ въ своемъ государствѣ—отъ перваго до послѣдняго человѣка. Опалой въ то время называлось нѣчто въ родѣ отлученія. Лица, которыхъ она постигала, лишались права на какую бы то ни было дѣятельность при дворѣ, а также и на государственную службу. Объявляя о своей опалѣ, Иванъ сообщалъ митрополиту, что покидаетъ свое государство и поселится, гдѣ Богъ укажетъ. Между двумя частями посланія было противорѣчіе — царь отказывался отъ престола и въ то же время, опираясь на свою власть, налагалъ кару на своихъ подданныхъ. За первымъ посланіемъ послѣдовало другое, адресованное

купцамъ и всему православному народу московскому. Царь заявлялъ, что на этихъ людей онъ не жалуется и не имѣетъ никакого гнѣва.

Возможно, что и тогда какъ и послѣ, никто не зналъ, что думать объ этомъ. Но въ Московскомъ государствѣ привыкли къ загадкамъ подобнаго рода и поняли, что надо дѣлать. Царь, очевидно, былъ недоволенъ нѣкоторыми лицами и таилъ противъ нихъ какой-то замыселъ, но пока по своей привычкѣ онъ создавалъ эффектную, театральную обстановку. Москва рѣшила поддерживать зловѣщую комедію. Бояре пришли въ смятеніе. Народъ волновался. Купцы заявили, что готовы пожертвовать деньгами, что было краснорѣчивой формой сочувствія общему горю. Митрополиту было поручено умолить государя смѣнить гнѣвъ на милость. Царя упрашивали не покидать своего народа и править государствомъ, какъ ему угодно, и пусть судитъ тѣхъ, противъ кого онъ опалился. Въ Александровскую слободу отправилась депутація. Царь, конечно, склонился на ея мольбы, но поставилъ нѣкоторыя условія. Онъ заявилъ, что будетъ держать въ опалѣ всѣхъ крамольниковъ и предателей, нѣкоторые бояре будутъ казнены, а имущество ихъ конфисковано, и обѣщалъ вернуться въ Москву тогда, когда устроитъ свою *опричнину*.

Опричниной на языкѣ того времени называлась вдовья часть, дававшаяся женамъ умершихъ знатнѣйшихъ вельможъ. На пирахъ тѣмъ же именемъ назывались лучшія блюда, которыя хозяинъ оставлялъ при себѣ, чтобы дѣлиться ими съ избранными гостями. Опричниками (опричь-кромѣ) назывались крестьяне одной категоріи, поселившіеся на монастырскихъ земляхъ. Указъ 10 октября 1550 г. создалъ для Московскаго уѣзда особое территоріальное и политическое устройство. Въ этотъ уѣздъ переселялись отборные служилые люди, набранные со всѣхъ областей московскаго государства. Существовавшій порядокъ вещей не былъ затронутъ и измѣненъ этимъ мѣропріятіемъ. Однако этимъ Иванъ создавалъ ядро придворной знати, войска, администраціи на новыхъ началахъ. Опричнина 1565 г. была ни чѣмъ инымъ, какъ болѣе широкимъ осуществленіемъ этого плана.

Все свое государство Иванъ раздѣлилъ на двѣ части. Въ одной долженъ былъ сохраниться прежній строй и старое управленіе. Тамъ продолжали управлять воеводы, намѣстники, судьи разнаго рода, кормленщики вмѣстѣ съ вотчинниками и помѣщиками. Съ цѣлью централизировать это управленіе въ Москвѣ было создано особое учрежденіе подъ руководствомъ двухъ бояръ. Въ составъ другой половины

государства входили разныя области и города и даже нѣкоторыя части столицы. Царь оставлялъ для себя, такимъ образомъ, нѣчто въ родѣ упомянутой вдовьей доли или удѣла. Здѣсь, съ тысячей бояръ и боярскихъ дѣтей по выбору, Иванъ намѣревался продолжать опытъ 1550 г.

Въ этомъ опытѣ мы должны отмѣтить два главныхъ момента—преобразованіе вотчиннаго землевладѣнія въ помѣщичье и перенесеніе слугъ государя въ новую для нихъ среду. У вотчинника отбиралась его земля, свободная отъ повинностей, его самого отрывали отъ родного гнѣзда, гдѣ вѣками создавалось его благосостояніе и общественное значеніе. Его связи съ зависимымъ отъ него населеніемъ расторгались. Его надѣляли новымъ участкомъ земли, но условно и временно, заставляя его за это служить и нести наравнѣ со всѣми общія повинности. Такъ создавались новые люди безъ прошлаго, безъ почвы и безъ защиты. Можно предположить, что созданіе опричнины преслѣдовало именно такую цѣль, хотя самъ Иванъ ничего объ этомъ не сказалъ. До настоящаго времени не обращали вниманія на тѣсную связь между актами 1550 и 1565 г. То, что мы знаемъ о характерѣ и примѣненіи обѣихъ мѣръ, оправдываетъ извѣстную гипотезу Платонова и отчасти Милюкова, который въ преобразованіяхъ Ивана, какъ и Петра Великаго, видитъ мѣропріятія чисто финансоваго характера.

Политическій кругозоръ Ивана былъ значительно шире, но какъ при его жизни, такъ и послѣ смерти, объ опричнинѣ не распространялись. Въ 1565 г. въ Польшу отправлялось посольство. Московская дипломатія предвидѣла, что тамъ могутъ задать нескромный вопросъ объ опричнинѣ и приняла мѣры противъ излишней откровенности своихъ представителей. Послы должны были отвѣчать, что они не понимаютъ даже, что такое опричнина. Царь живетъ, гдѣ хочетъ, и при немъ находятся слуги, которыми онъ доволенъ. Большинство изъ нихъ тутъ же, по-близости, владѣетъ землей. Если невѣжественный народъ и болтаетъ о какой-то опричнинѣ, то на это не стоитъ обращать вниманія. Такой же приказъ молчать былъ данъ и другимъ посольствамъ въ 1567 и 1571 г. (Сборникъ Имп. Истор. Общ., т. 71, стр. 461 и 777).

Но факты говорятъ сами за себя. Территорія, занятая опричниной, постепенно увеличивалась и захватила большую часть государства. Число опричниковъ возросло съ одной до шести тысячъ человѣкъ. Въ 1565 г. къ опричнинѣ были присоединены области Вологодская, Устюжская, Каргопольская, Можайская и Вяземская. Въ 1566 г. сюда отошли всѣ земли Строгановыхъ, въ 1571 г.—часть Новгородской области.

Расширеніе территоріи опричнины сопровождалось раздачей новыхъ вотчинъ и помѣстій, отбиравшихся у прежнихъ владѣльцевъ. Послѣдніе награждались землей въ другихъ областяхъ. Поэтому всякій, не попадавшій въ опричнину, подвергался или экспропріаціи, или ссылкѣ. Правительство Ивана намѣренно отбирало для опричнины тѣ части центральныхъ областей государства, гдѣ пережитки удѣльной системы сохраняли наибольшую силу. Новый порядокъ коснулся наслѣдственныхъ владѣній князей ростовскихъ, стародубскихъ, суздальскихъ, черниговскихъ, а также и заокскихъ земель, вотчинъ другой группы князей—Одоевскихъ, Воротынскихъ, Трубецкихъ. Нѣкоторые изъ этихъ князей, впрочемъ, стали подъ знамя Ивана и доказали свое вѣрноподданническое усердіе. Таковы были князья Өедоръ Михайловичъ Трубецкой и Никита Ивановичъ Одоевскій. Князь Михаилъ Ивановичъ Воротынскій вмѣсто Одоева получилъ Стародубъ—Ряполовскій, на нѣсколько сотъ верстъ дальше къ Западу. Другіе владѣльцы изъ той же области получили земли рядомъ съ Москвой, въ окрестностяхъ Коломны, Дмитрова и Звенигорода.

О практическихъ послѣдствіяхъ всей этой перетасовки можно судить по слѣдующему примѣру. До Ивана IV 53 вотчинника изъ 272, находившихся въ Тверской области, не несли никакой государственной службы. Одни изъ нихъ служили двоюродному брату царя Владиміру Андреевичу, другіе—потомкамъ прежнихъ удѣльныхъ князей: Оболенскихъ, Микулинскихъ, Мстиславскихъ, Голицыныхъ, Курлятевыхъ и даже боярамъ. Опричнина совершенно измѣнила это положеніе, заставивъ служить всѣхъ одному государю. Кромѣ того опричнина уничтожила частныя военныя силы, опираясь на которыя непокорные вотчинники были часто для царя опаснѣе внѣшнихъ враговъ. Она провозгласила принципъ личной службы и установила на всей территоріи государства систему прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, взимаемыхъ въ казну.

Нельзя отрицать того, что опричнина имѣла въ виду нѣкоторыя экономическія и финансовыя задачи. Этимъ объясняется стремленіе захватить тѣ города, которые имѣли важное торговое значеніе. Замѣчательно, что купцы такихъ городовъ не заявляли недовольства такой перемѣной режима. Представители англійской торговой компаніи даже добивались, какъ милости, чтобы ихъ подчинили опричнинѣ. О томъ же просили и Строгановы. Изъ всѣхъ путей, связывавшихъ столицу съ порубежными областями, опричнина не захватывала только южныхъ, шедшихъ чрезъ Тулу

и Рязань. Повидимому, присоединеніе ихъ къ опричнинѣ не представляло для правительства никакихъ выгодъ.

Благодарю отсутствію документальныхъ свѣдѣній съ трудомъ удается установить, какое количество земли въ общемъ отошло къ опричнинѣ съ 1570 по 1580 г. Къ опричнинѣ относились Поморье, всѣ области Замосковья, Заокскія земли, Обонежская и Бѣжецкая пядины Новгородской области. На югѣ территорія опричнины простиралась до Оки, на востокъ до Вятки, на западъ до Литовско-Нѣмецкой границы. Внѣ опричнины остались на востокѣ Пермская и Вятская область съ Рязанью, а на западѣ земли, подчиненные Пскову и Новгороду съ пограничными городами Великіе Луки, Смоленскъ и Сѣверскъ. На югѣ раздѣленныя опричниной области *земщины* примыкали къ Украинскимъ землямъ и къ „дикому полю".

Въ центрѣ дѣйствіе опричнины распространялось только на нѣкоторыя части территоріи. Подчиненные ей города и участки смѣшивались въ хаотическомъ безпорядкѣ съ элементами земщины. Изъ крупныхъ городовъ за земщиной оставались Тверь, Владиміръ и Калуга. При чемъ области земщины располагались на окраинахъ. Это устройство представляло полную противоположность древнимъ римскимъ порядкамъ, гдѣ вся сила сосредоточивалась на территоріи съ яснымъ разсчетомъ сковать центръ желѣзнымъ кольцомъ легіоновъ.

Въ 1572 г. опричнина утратила свое первоначальное имя и стала называться *дворомъ*. Она уже къ этому времени успѣла усвоить признаки правильно организованнаго государственнаго учрежденія. Но въ своихъ дѣйствіяхъ новая система сохранила прежній характеръ управленія. При изслѣдованіи какого нибудь оффиціальнаго документа той эпохи съ трудомъ можно рѣшить, исходитъ онъ отъ опричнины или отъ земщины. Формально опричнина не уничтожала даже мѣстничества. Она только уничтожала счеты его въ собственныхъ предѣлахъ. Опричнина дѣйствовала наравнѣ съ земщиной, при чемъ та и другая были подчинены центральнымъ учрежденіямъ, вѣдавшимъ финансы и воинскія дѣла государства. Въ обѣихъ системахъ администраціи дѣйствовали дьяки. Въ ихъ рукахъ находилось все дѣлопроизводство земщины и опричнины. Такую организацію можно предположить, опираясь на несомнѣнный фактъ одновременнаго существованія согласованной работы обѣихъ системъ. Этого достаточно, чтобы разрушить легенду, по которой роль опричнины ограничивалась политической полиціей. Въ 1570 г., какъ свидѣтельствуютъ оффиціальные документы, опричнина вмѣстѣ съ земщиной были со-

званы для совмѣстнаго обсужденія вопросовъ, касавшихся литовской границы. Та и другая сторона были представлены своими боярами—делегатами. Обсужденіе вопросовъ представителями земщины и опричнины происходило отдѣльно. Но рѣшенія ихъ вполнѣ совпали, что свидѣтельствуетъ о томъ, что между обѣими этими силами не было вражды и треній. Въ томъ же и слѣдующемъ годахъ военные отряды опричнины и земщины дѣйствуютъ сообща и безъ вражды противъ татаръ.

Задача, поставленная Иваномъ, не нашла себѣ въ опричнинѣ полнаго разрѣшенія. Для достиженія цѣли Иванъ долженъ былъ устранить существовавшее въ его государствѣ противорѣчіе, заключавшееся въ томъ, что государь, сдѣлавшійся носителемъ самодержавной власти на демократическихъ началахъ, долженъ былъ осуществлять ее при помощи аристократіи. Соціальное противорѣчіе сводилось къ тому, что государь, въ поискахъ необходимыхъ ему для удовлетворенія честолюбивыхъ замысловъ средствъ, сковывалъ цѣпями рабства производительный классъ людей, отданныхъ служилому элементу — воинамъ и собирателямъ налоговъ.

Опричнина была безсильной уничтожить аристократію, она только нанесла ей чувствительный ударъ. Возможно, что намѣренія самого государя дальше этого не шли. Нѣкоторые вельможи стали въ ряды опричниковъ и были обезоружены. Но помимо нихъ система Ивана пощадила очень немногихъ представителей стараго боярства. Напримѣръ, во главѣ земщины Иванъ поставилъ двухъ князей: Ивана Ѳедоровича Мстиславскаго и Ивана Дмитріевича Бѣльскаго. Оба они были совершенно безобидны и даже полезны Ивану. Что касается политическаго значенія бояръ, то оно было уничтожено опричниной. Это сказалось послѣ смерти Ивана, когда руководящая роль перешла къ такимъ безроднымъ фамиліямъ, какъ Захарьины и Годуновы. Система переселеній въ опричнинѣ была связана съ массовыми казнями и конфискаціями имущества. Чтобы пополнить образовавшуюся пустоту, правительство изъ крестьянъ, казаковъ и даже татаръ образовало значительный контингентъ служилыхъ людей, явившихся могущественнымъ орудіемъ демократической нивелировки. Иванъ не даромъ писалъ Васькѣ Грязному, что его бояре, какъ и его отца, привыкли измѣнять государю, поэтому онъ обращается къ нимъ, мужикамъ, надѣясь на ихъ вѣрность и преданность, на что Грязной отвѣчалъ, что царь, какъ Богъ, можетъ изъ малаго великаго человѣка сотворить.

Опричнина произвела цѣлую революцію, которая не

могла совершиться безъ нѣкоторыхъ потрясеній. Она произвела измѣненія даже въ положеніи низшихъ классовъ. расторгая вѣковыя отношенія, существовавшія между ними и старыми господами. Въ городахъ и деревняхъ она ввела новый элементъ и создала сельско-хозяйственный и промышленный пролетаріатъ, раздробивъ крупныя земельныя владѣнія. Зависѣвшіе раньше только отъ государства крестьяне теперь должны были подчиниться новымъ землевладѣльцамъ. Такимъ образомъ, опричнина содѣйствовала косвеннымъ образомъ развитію крѣпостного права. Ближайшимъ послѣдствіемъ было оскудѣніе массъ и усиленіе эмиграціи ихъ. Съ этой точки зрѣнія созданіе Ивана не выдерживаетъ критики. Въ скоромъ времени, при столкновеніи съ Польшей, обнаружились неблагопріятныя послѣдствія его реформы, хотя въ нѣкоторомъ отношеніи она была необходима.

На практикѣ опричнина привела къ различнымъ злоупотребленіямъ, что всегда бывало при кризисахъ подобнаго рода. Трудно указать въ исторіи хоть одну такую эпоху, которая избѣжала бы ихъ. Нельзя разсматривать опричнину подъ этимъ угломъ зрѣнія и произносить надъ ней суровый приговоръ. Многими жестокостями запятнано и опозорено дѣло опричнины, что впослѣдствіи закрыло и извратило въ сознаніи потомства дѣйствительный характеръ и подлинную цѣль реформы. Касаясь этой стороны дѣла, историкъ долженъ заранѣе ожидать. что встрѣтитъ извѣстныя преувеличенія. Нельзя принимать безъ критической оцѣнки тѣ свидѣтельства, въ которыхъ изображаются ужасы опричнины. Эти свидѣтельства большею частью исходятъ или отъ заинтересованныхъ лицъ, какъ Курбскій, или отъ предубѣжденныхъ недоброжелателей, какими являются многіе иностранцы. Къ сожалѣнію, намъ не достаетъ средствъ для провѣрки всего этого матеріала. Однако я попытаюсь, если не установить истину, то хотя подойти къ ней поближе.

II.

Терроръ.

Иванъ оставилъ за собой право наказать нѣкоторыхъ бояръ. Всѣ понимали, что онъ это выполнитъ. Курбскій былъ далеко, царь обрушился на его дѣйствительныхъ и мнимыхъ сообщниковъ. Былъ казненъ князь Александръ Борисовичъ Шуйскій со своимъ сыномъ Петромъ и нѣкорые изъ ихъ родственниковъ: двое Ховриныхъ, князь Иванъ

Сухой-Кашинъ, князь Дмитрій Шевыревъ. Другіе, какъ князь Иванъ Куракинъ и князь Дмитрій Нѣмой, поплатились головой за вину, о которой у насъ нѣтъ свѣдѣній. За казнями послѣдовали ссылки и конфискаціи. Удовлетворивъ такимъ образомъ чувство гнѣва, Иванъ возвратился въ столицу. По словамъ лѣтописца, царь измѣнился до неузнаваемости, лицо его казалось чужимъ, волосы на головѣ и на лицѣ выпали. Это извѣстіе есть плодъ воображенія, старавшагося усилить мрачное впечатлѣніе страны. Подобно всѣмъ своимъ современникамъ, царь брилъ себѣ голову. Поэтому его плѣшивость врядъ ли могла кого-нибудь поразить. Кромѣ того, до пріѣзда въ Москву, царь пользовался хорошимъ здоровьемъ и не обнаруживалъ слабости.

Какъ уже упоминалось, царемъ были перехвачены письма изъ Польши, благодаря чему были скомпрометированы и взяты на подозрѣніе нѣкоторыя лица, къ которымъ направлялись эти письма. Между ними были старый Иванъ Петровичъ Челядинъ съ женой, князь Иванъ Куракинъ-Булгаковъ, три князя Ростовскихъ и нѣсколько бояръ. Ихъ предали палачу, подвергли жестокимъ пыткамъ и казнили. Церковь, въ свою очередь, подверглась общей участи. Единство интересовъ ее связывало съ нѣкоторыми жертвами новаго порядка. Кромѣ того, ужасы опричнины давали ей часто поводъ къ заступничеству за несчастныхъ, что было правомъ, драгоцѣнной привилегіей и заслугой Церкви. Одинъ изъ преемниковъ Московскаго митрополита Макарія навлекъ гнѣвъ Ивана. Самъ Макарій также ходатайствовалъ предъ царемъ за нѣкоторыхъ лицъ, подвергавшихся его гнѣву. Онъ дѣйствовалъ съ большой осторожностью и имѣлъ успѣхъ. Онъ выступалъ на защиту Воронцова и, вѣроятно, Сильвестра. Ближайшимъ преемникомъ Макарія былъ Аѳанасій изъ Чудова монастыря. Онъ не имѣлъ смѣлости выступить на защиту несчастныхъ и оставался безучастнымъ зрителемъ первыхъ звѣрствъ опричнины. Въ 1566 году по болѣзни онъ уступилъ свое мѣсто архіепископу казанскому Герману. Но онъ не удержался на каѳедрѣ. Любимцы Ивана добились его удаленія и назначенія желательнаго для нихъ кандидата.

Представитель знатнаго рода Колычевыхъ, удалившійся отъ двора вслѣдствіе опалы своихъ родственниковъ и принявшій монашество, Филиппъ былъ настоятелемъ Соловецкаго монастыря. Здѣсь онъ пріобрѣлъ извѣстность своими нравственными качествами и выдающимися способностями администратора. По мнѣнію нѣкоторыхъ, Иванъ еще съ дѣтства зналъ и любилъ Филиппа. Теперь ему предложили за-

нять постъ московскаго митрополита. Филиппъ долго не соглашался принять предложенный санъ. Онъ ставилъ условіемъ своего согласія уничтоженіе опричнины. Однако, онъ уступилъ и даже письменно обязался не вмѣшиваться ни въ дѣла управленія, ни въ личную жизнь царя. Между тѣмъ жизнь его становилась все безпорядочнѣй и разнузданнѣй, вызывая всеобщее осужденіе. Но Иванъ самъ призналъ за новымъ митрополитомъ право заступничества за виновныхъ, заявивъ ему, что долгъ святителя смягчать гнѣвъ царя. Между тѣмъ царь скоро началъ избѣгать митрополита. Но они жили близко другъ подлѣ друга. Даже проживая въ Александровской слободѣ, царь считалъ необходимымъ иногда наѣзжать въ Москву и молиться у ея святынь. Встрѣчи при этомъ были неизбѣжны.

Въ воскресенье, 31 мая 1568 года, царь вошелъ въ Успенскій соборъ съ опричниками, переодѣтыми монахами. Царь по обыкновенію попросилъ благословеніе у митрополита. Филиппъ молчалъ. Царь три раза повторилъ просьбу, но не получилъ отвѣта. Къ митрополиту обратились бояре. Филиппъ прервалъ свое молчаніе, и между нимъ и царемъ завязался къ ужасу присутствовавшихъ трагическій діалогъ. Филиппъ въ длинной рѣчи обличалъ преступленія и пороки Ивана. Царь напрасно старался прервать эти укоризны.

— Если души живыя будутъ молчать, камни храма этого возопіютъ и осудятъ тебя,—говорилъ святитель.

— Молчи! тебѣ я говорю. Молчи и благослови насъ,—повторялъ царь.

— Мое молчаніе грѣхъ на душу твою налагаетъ и смерть наноситъ.

— Молчи! Подданные мои и ближніе возстали противъ меня и замышляютъ гибель мою... Перестань противиться державѣ нашей или оставь твой престолъ.

— Я не добивался сана, не пользовался деньгами и интригами, чтобы достигнуть его, зачѣмъ ты лишилъ меня моей пустыни?

Иванъ овладѣлъ собой. Казалось даже, что въ немъ проснулись человѣческія чувства. Но на другой день по его приказу былъ замученъ въ страшныхъ пыткахъ князь Василій Пронскій, а въ іюлѣ мѣсяцѣ произошло новое столкновеніе царя съ митрополитомъ у Новодѣвичьяго монастыря. Это рѣшило судьбу Филиппа. Епископы Новгородскій, Суздальскій и Рязанскій выразили постыдное желаніе устроить надъ Филиппомъ судъ. Главнымъ свидѣтелемъ противъ митрополита выступилъ его преемникъ въ Соловецкомъ монастырѣ игуменъ Паисій. Филиппъ хотѣлъ

было сложить съ себя знаки своего достоинства, не дожидаясь рѣшенія этого суда. Иванъ воспротивился.

— Обожди! Ты не долженъ быть самъ себѣ судьею!— сказалъ онъ ему.

На другой день онъ повелѣлъ ему служить обѣдню, какъ и всегда. Это было въ Михайловъ день. Между тѣмъ судъ уже приговорилъ митрополита къ вѣчному заточенію въ монастырь. Царь остался вѣренъ своей привычкѣ къ эффектамъ и готовилъ театральную сцену. Во время богослуженія опричники ворвались въ соборъ, сорвали съ митрополита облаченіе, надѣли на него рваную рясу и увезли. При этомъ заметали за нимъ слѣдъ своими метлами и хлестали ими Филиппа. Онъ былъ заточенъ въ Тверь. На слѣдующій годъ по пути въ Новгородъ Иванъ послалъ къ нему самаго кровожаднаго изъ своихъ приспѣшниковъ— Малюту Скуратова. Царь еще осмѣливался просить благословенія у узника! Никто не знаетъ, что тогда произошло. Нѣкоторые утверждаютъ, что Скуратовъ положилъ конецъ бурной сценѣ тѣмъ, что задушилъ бывшаго митрополита. По другимъ свѣдѣніямъ, узникъ былъ увезенъ въ Александровскую слободу и тамъ былъ сожженъ живымъ. Послѣ смерти Ивана тѣло его было перевезено въ Соловецкій монастырь и сдѣлалось предметомъ поклоненія. Въ 1652 г., при Алексѣѣ Михайловичѣ онъ былъ причисленъ къ лику святыхъ. До настоящаго времени стекаются толпы поклонниковъ его мощамъ въ Успенскій соборъ, гдѣ началось его мученичество.

Рѣшеніе Ивана поражать и не щадить никого все усиливалось. Онъ уже не могъ допустить, чтобы кто-нибудь становился между нимъ и тѣмъ, кто мѣшалъ ему. Онъ начинаетъ наносить удары даже собственной семьѣ.

Когда онъ упоминалъ въ спорѣ съ Филиппомъ о возставшихъ противъ него родныхъ, онъ имѣлъ въ виду двоюроднаго брата Владиміра Андреевича. Еще въ 1563 г. Иванъ заподозрилъ его въ заговорѣ, сдѣлалъ ему публичный выговоръ и заставилъ отказаться отъ всѣхъ приближенныхъ. Даже мать его Евфросинію постригли насильно въ монахини. Въ 1566 г. онъ лишилъ его удѣла, давъ ему за Старицу два неважныхъ мѣстечка—Дмитровъ и Звенигородъ. По утвержденію иностраннаго лѣтописца, этотъ князь въ 1569 г. собирался поступить на службу къ польскому королю. Послѣ этого онъ исчезъ. Былъ ли онъ задушенъ, обезглавленъ или отравленъ со всѣми своими домочадцами тѣмъ ядомъ, который будто бы приготовилъ для царя,— неизвѣстно, свидѣтельства не согласуются. Таубе и Крузе утверждаютъ, что Иванъ присутствовалъ при агоніи всей

семьи Владиміра Андреевича. Потомъ онъ забавлялся тѣмъ, что смотрѣлъ, какъ дворовыхъ женщинъ раздѣвали, выгоняли на улицу ударами плетей, стрѣляли по нимъ и рубили ихъ палашами, оставляя тѣла ихъ на растерзаніе птицъ. Это свидѣтельство весьма сомнительно. Старшій сынъ Владиміра былъ живъ еще въ 1572 г. О немъ упоминаетъ Иванъ въ завѣщаніи, относящемся къ тому времени. Что касается Евфросиніи, то Иванъ не возражаетъ Курбскому, который говоритъ, что она была взята изъ монастыря и утоплена.

Закономъ всякаго террора является его прогрессивное возрастаніе. Разгорающіяся страсти вмѣстѣ съ притупившейся воспріимчивостью требуютъ все болѣе сильныхъ и ужасныхъ эффектовъ. Владиміръ, быть можетъ, былъ изобличенъ въ какихъ-нибудь преступныхъ переговорахъ съ Польшей. Въ слѣдующемъ году цѣлый городъ поплатился за подобное подозрѣніе. Какой-то бродяга Петръ, по прозванію Волынецъ, имѣвшій непріятности съ новгородскими властями, донесъ на жителей этого города, что они хотятъ предаться Сигизмунду - Августу и написанный договоръ хранится за иконой Божіей Матери въ храмѣ св. Софіи. На Руси до XVIII в. охотно прибѣгали къ подобнаго рода тайникамъ. Петръ Волынецъ хотя и не заслуживалъ довѣрія, но случаи прежнихъ временъ придавали его доносу нѣкоторое значеніе. Вольный Новгородъ еще раньше проявлялъ тяготѣніе къ Литвѣ и Польшѣ. Когда дѣло коснулось его независимости, онъ сталъ подъ покровительство короля Казимира, выразивъ ему свою покорность. Дѣйствительно, въ указанномъ мѣстѣ былъ найденъ документъ, о которомъ говоритъ доносчикъ, и на немъ были подлинныя подписи архіепископа Пимена и многихъ именитыхъ гражданъ. Началось слѣдствіе. Подробности его приведены у Карамзина (Истор. Гос. Рос., т. IX, прим. 299). Оно обнаружило сообщниковъ, между которыми были даже новые любимцы царя, какъ, напр., Басмановъ, казначей Фуниковъ и дьякъ Висковатый. Заговорщики задумали передать Литвѣ Псковъ и Новгородъ, а потомъ съ помощью Польши посадить на московскій престолъ вмѣсто Ивана Владиміра. Самое дѣло едва ли было въ рукахъ Карамзина. Въ его время оно лишь упоминается въ архивныхъ инвентаряхъ. Надо полагать, что оно уже тогда исчезло. Предъ нами новая загадка. На этотъ разъ Иванъ мстилъ ужаснѣйшимъ образомъ, онъ превзошелъ все, что въ этомъ родѣ было на Руси до него и въ его царствованіе. Месть эта, если не имѣла оправданія, то имѣла объясненіе.

Царь нерѣдко посѣщалъ Новгородъ, и его отношенія къ

духовенству и особенно къ архіепископу не оставляли желать ничего лучшаго. Пименъ только что гостилъ въ Москвѣ 15 недѣль и увезъ съ собой значительную сумму денегъ, даръ царя на обновленіе одного храма. Ничто не предвѣщало грозы, разразившейся надъ городомъ въ январѣ 1570 г. Въ холодное зимнее время Иванъ собрался въ походъ, взявъ съ собой опричниковъ и цѣлое войско. Уже на границѣ Тверской губерніи началась военная экзекуція, предъ которой блѣднѣли ужасы перваго ливонскаго похода. Послѣдовалъ систематическій разгромъ всей области: отъ Клина до Новгорода царь оставилъ за собой пустыню. 2 января его передовые отряды показались подъ стѣнами города и окружили его со всѣхъ сторонъ. Пригородные монастыри были преданы разграбленію и до 500 монаховъ были уведены. На другой день опричники проникли въ городъ, собрали всѣхъ священниковъ и дьяконовъ и поставили ихъ рядомъ съ монахами на правежъ. Ихъ били съ утра до вечера, требуя по 20 р. выкупа за каждаго. Какъ можно судить по документамъ, между ними нашлись счастливцы, которые избѣжали пытки, уплативъ требуемую сумму. Другихъ ждала страшная участь. Царскіе пристава рыскали по домамъ и сгоняли жителей въ мѣсто, обнесенное оградой и охраняемое войсками. Въ пятницу 6 января прибылъ самъ Иванъ съ сыномъ и 500 стрѣльцовъ. Онъ приказалъ бить палками до смерти всѣхъ монаховъ, стоявшихъ на правежѣ. Трупы ихъ были развезены по монастырямъ и тамъ погребены.

Наступала очередь бѣлаго духовенства. Въ воскресенье утромъ передъ обѣдней архіепископъ вышелъ съ крестнымъ ходомъ на-встрѣчу царю на волховскій мостъ и собирался благословить его. Иванъ не принялъ благословенія и назвалъ его „волкомъ хищнымъ“. Но все-таки приказалъ ему служить обѣдню у св. Софіи. Онъ намѣревался повторить сцену расправы съ Филиппомъ. Царь принялъ даже приглашеніе отобѣдать у владыки. Онъ казался веселымъ и кушалъ съ охотой. Вдругъ среди трапезы онъ громко вскрикнулъ. По этому знаку опричники принялись исполнять то, что имъ было заранѣе приказано. Весь домъ архіепископа подвергся разгрому. Съ него самого сорвали одежду и вмѣстѣ съ челядью бросили въ темницу. Въ слѣдующіе дни терроръ достигъ ужасающихъ размѣровъ. На главной городской площади было сооружено подобіе трибунала, окруженное орудіями пытокъ. Царь приступилъ къ быстрому суду. Горожанъ приводили сотнями, пытали, жгли на маломъ огнѣ съ утонченными пріемами, затѣмъ почти всѣхъ приговаривали къ смерти и везли топить. Окровав-

ленныя жертвы привязывались къ санямъ и ихъ по крутому откосу спускали къ быстринѣ, гдѣ Волховъ никогда не замерзалъ. Несчастные погружались въ пучину. Младенцевъ топили, привязавъ ихъ къ матерямъ. Опричники съ пиками стояли на лодкахъ и наблюдали, чтобы никто не спасся.

По словамъ третьей новгородской лѣтописи избіеніе длилось пять недѣль, и рѣдкіе дни на тотъ свѣтъ не отправлялось человѣкъ 500—600. Иногда число жертвъ возрастало до полуторы тысячи въ день. Первая псковская лѣтопись говоритъ, что въ общемъ погибло около 60.000 человѣкъ обоего пола. Цыфры эти кажутся неправдоподобными. Для статистики Ивановыхъ казней можно пользоваться документами, исходящими отъ него самого. Документы согласуются съ показаніями Курбскаго и нѣкоторыхъ лѣтописцевъ. Документы, о которыхъ идетъ рѣчь,—это синодики, родъ поминаній, разсылавшіеся Иваномъ по монастырямъ, чтобы монахи молились по убіеннымъ. Подобно Людовику XI, Иванъ проявленіе своей свирѣпости всегда сопровождалъ педантичнымъ соблюденіемъ обрядовыхъ формъ. Что касается Новгорода, то списокъ, сохранившійся въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ приводитъ только полторы тысячи именъ. Другой синодикъ, принадлежащій Спасскому монастырю въ Прилукахъ, говоритъ намъ о томъ, что сохранившіяся такимъ образомъ имена принадлежали только именитымъ гражданамъ. Гуаньино и Одерборнъ говорятъ въ томъ же смыслѣ о 2.780 убитыхъ новгородцахъ, не считая простонародья.

Какъ бы то ни то было, отвратительная рѣзня достигла ужасающихъ размѣровъ, и когда Ивану больше некого было убивать, онъ обратилъ свою ярость на неодушевленные предметы. Съ особымъ звѣрствомъ обрушился онъ сначала на монастыри, предполагая тамъ измѣну. По той же, вѣроятно, причинѣ онъ принялся уничтожать торговлю и промышленность этого большого города. Всѣ лавки въ городѣ и въ пригородахъ, а вмѣстѣ съ ними и дома были разграблены и разрушены до основанія. При этомъ разрушеніи присутствовалъ самъ царь. Опричники же, если вѣрить лѣтописямъ, рыскали кругомъ верстъ за 200—250 отъ Новгорода и вездѣ дѣлали тоже самое.

Наконецъ, когда уже больше было нечего уничтожать, Иванъ приказалъ привесть къ нему именитѣйшихъ новгородцевъ, оставшихся въ живыхъ, по опредѣленному числу душъ отъ каждой улицы. Перепуганные предстали они предъ государя, ожидая для себя неслыханныхъ казней. Но царь взглянулъ на нихъ милостивымъ окомъ и обра-

тился съ рѣчью, предлагая имъ отбросить всякій страхъ и жить мирно, моля Бога о томъ, чтобы Онъ хранилъ царя и его державу отъ измѣнниковъ, подобныхъ Пимену.

Это было прощанье Грознаго съ Новгородомъ. Въ тотъ же день онъ отбылъ и увезъ съ собой архіепископа, всѣхъ священниковъ и діаконовъ. Хотя они и не откупились отъ правежа, но все-таки избѣжали участи, постигшей монаховъ.

Новгородъ никогда уже не оправился отъ нанесеннаго ему удара. Вмѣстѣ съ лучшей частью его населенія погибло и его благосостояніе. Иванъ преступилъ всякую мѣру. Правда, аналогичные случаи имѣли мѣсто приблизительно въ ту же эпоху и на Западѣ. Возьмемъ, напримѣръ, повѣствованіе о разгромѣ Льежа Карломъ Смѣлымъ въ 1468 г. Можно подумать, что Иванъ былъ только подражателемъ. Мы читаемъ у Мишле: „Самымъ ужаснымъ въ уничтоженіи цѣлаго племени было то, что это не была рѣзня послѣ приступа, вызванная яростью побѣдителя, а длительная экзекуція. Находящихся въ домахъ людей сторожили, а потомъ бросали въ Мезу. Прошло три мѣсяца, а людей все еще топили... Городъ былъ сожженъ въ большомъ порядкѣ“. (Hist. de France, VIII, 148).

Вотъ что говоритъ Анри Мартенъ, ссылаясь на Комминъ, Жана де-Труа и Оливье де-ла Маршъ: „Женщинъ-монахинь насиловали, а потомъ убивали. Убивали священниковъ передъ алтаремъ... Всѣ плѣнники, которыхъ пощадили солдаты, были повѣшены и утоплены въ Мезѣ“. (Hist. de France, VII, 44).

Копія походила на оригиналъ. Даже число жертвъ указано — болѣе 50.000. Сходна даже внѣшняя обстановка: рѣзня происходила зимой—въ ноябрѣ и декабрѣ.

Изъ Новгорода Иванъ двинулся къ Пскову и остановился въ одномъ пригородѣ. Всю ночь звонили въ колокола. Зловѣщее бодрствованіе! Однако на этотъ разъ наказаніе ограничилось общимъ грабежомъ. Народное воображеніе приписало неожиданную милость царя заступничеству одного блаженнаго, которыми тогда была полна московская земля. Юродивый Николай Салосъ будто-бы протянулъ Ивану кусокъ сырого мяса. „Постъ!“—закричалъ ему Иванъ.—„Постъ ?.. А ты собираешься пожирать человѣческое мясо!“—Вѣроятнѣе то, что пресыщеннаго казнями Ивана обезоружила покорность жителей. Но и изъ Пскова, какъ изъ Новгорода, многія семьи были переселены во внутрь страны. Въ этомъ Иванъ опять-таки только подражаетъ своимъ знаменитымъ предшественникамъ. „Людовикъ XI поклялся, что не будетъ больше Арраса, что всѣ жители его будутъ изгнаны и имъ позволятъ

даже увезти съ собой ихъ добро, а изъ другихъ провинцій, до самаго Лангедока, будутъ взяты семьи и разные ремесленники и ими будетъ заселена страна". Мишле. (Ibid. VIII, 322).

Я долженъ прибавить, что вскорѣ послѣ описанныхъ событій поляки осадили Псковъ и встрѣтили геройское сопротивленіе. Не поступилъ ли бы городъ иначе безъ этого урока вѣрности? Сомнѣніе вполнѣ позволительно. Насильно присоединенные къ Москвѣ, нарушившей ихъ обычаи и интересы, оба города только изъ страха исполняли свои новыя обязанности.

Возвращаясь въ Москву, Иванъ пожелалъ устроить себѣ торжественный въѣздъ въ столицу, какъ послѣ счастливаго похода. Ко всему былъ присоединенъ шутовскій маскарадъ, подобный тѣмъ, какіе любилъ впослѣдствіи Петръ Великій. Впереди ѣхалъ верхомъ на быкѣ шутъ, за нимъ слѣдовалъ во главѣ опричниковъ царь, украшенный ихъ эмблемами—метлой и собачьей головой. Въ Москвѣ Иванъ занялся разборомъ дѣла многочисленныхъ соучастниковъ новгородской и псковской измѣны. На это ушло немало времени. Только 25 іюля 1570 г. царь со своими подданными долженъ былъ присутствовать на Красной площади при пыткѣ виновныхъ. Ихъ насчитывали до трехсотъ. Замученные и истерзанные, еле живые вышли они изъ застѣнка. Къ удивленію Ивана площадь была пуста. На этотъ разъ противъ обыкновенія ничто не привлекало зрителей: ни жаровни, ни раскаленныя клещи, ни желѣзныя когти и иглы, ни веревки, которыми перетирали тѣло пытаемыхъ, ни котлы съ кипящей водой. Въ Москвѣ и Петербургѣ до XVIII в. ни одно зрѣлище не привлекало столько любопытныхъ, какъ пытка. Но при Иванѣ зрѣлище это повторялось слишкомъ часто, рука палача становилось очень длинной. Всѣ стали прятаться. Царь разослалъ по городу глашатаевъ, выкрикивавшихъ: „Идите! не бойтесь! Никому ничего не будетъ! ".. Изъ подваловъ и чердаковъ появились наконецъ необходимые зрители. Иванъ начинаетъ длинную рѣчь.. „Могъ ли онъ не карать измѣнниковъ?.. Но онъ обѣщаетъ быть милостивымъ—и пощадитъ изъ 300—180 осужденныхъ".

Остальные же пусть поплатятся за всѣхъ. Грозный былъ виртуозомъ въ искусствѣ пытки и умерщвленія. Но и въ этомъ онъ только слѣдовалъ примѣру людей его времени, воображеніе которыхъ вдохновлялось произведеніями духовной литературы, образчикомъ которой могутъ служить житія святыхъ, изданныя въ 1902 г. братьями Успенскими. Они особенно возбуждали чувство жостокости. Гуаньино подробно говорить о мученіяхъ, которымъ въ этотъ

день былъ подвергнутъ дьякъ Висковатый. Его повѣсили за ноги и разрубали, какъ мясную тушу. Казначея Фуникова обливали поочередно то кипяткомъ, то ледяной водой. Кожа съ него сошла, какъ съ угря.

Прежде, чѣмъ вернуться въ свой новый дворецъ, гдѣ онъ теперь жилъ, предоставивъ Кремль Земщинѣ, Иванъ заѣхалъ въ домъ Фуникова и увелъ оттуда жену казначея, молодую и красивую сестру князя Аѳанасія Вяземскаго. За то, что она не хотѣла или не могла сказать, гдѣ мужъ ея спряталъ деньги, царь велѣвъ раздѣть ее на глазахъ ея пятнадцатилѣтней дочери, посадить верхомъ на веревку, протянутую между двумя стѣнами, и протащить ее нѣсколько разъ отъ одного конца до другого. Послѣ этого ее отправили въ монастырь, но она не могла пережить ужасной пытки и умерла. Братъ ея былъ нѣсколько лѣтъ довѣреннымъ лицомъ при царѣ, который только изъ его рукъ соглашался принимать лекарство. Теперь и его отдали въ руки палача. Главный любимецъ царя—Басмановъ также не избѣжалъ насильственной смерти. По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ онъ былъ убитъ по приказанію Ивана царевичемъ Ѳедоромъ, будущимъ наслѣдникомъ престола. Пимена увезли сначала въ Александровскую слободу, гдѣ имъ забавлялись опричники нѣкоторое время, а потомъ онъ былъ отправленъ въ городъ Веневъ Рязанской области.

Итальянецъ и католикъ Гуаньино, собиравшій свѣдѣнія для своей скандальной хроники въ Польшѣ, мало заслуживаетъ довѣрія. Но и англичанинъ Горсей даетъ намъ такія же подробности ужасныхъ пытокъ. Онъ видѣлъ, какъ князя Бориса Телепнева посадили на колъ. Онъ мучился на немъ въ теченіи пятнадцати часовъ, а передъ его глазами стрѣльцы насиловали его мать, пока она не умерла тутъ же. Но тотъ же Горсей говоритъ и о 70.000 убитыхъ въ Новгородѣ! Дальше я выскажу нѣсколько соображеній относительно этихъ иностранныхъ свидѣтельствъ, которыми мы принуждены пользоваться за неимѣніемъ другихъ. Многіе историки, довѣряя имъ, пришли къ заключенію, что Иванъ превзошелъ Нерона и Калигулу и что онъ въ эту пору былъ на краю безумія и даже сумасшествія. Я высказалъ уже свое мнѣніе относительно послѣдняго пункта. Прибавлю, что самъ Грозный далъ намъ указаніе на состояніе его души въ это время. Я уже упоминалъ о его завѣщаніи 1572 г. Это произведеніе глубоко и болѣзненно пораженнаго въ своихъ чувствахъ человѣка, но далеко не безумнаго. Какъ всегда, онъ ищетъ лирическихъ эффектовъ, видитъ вещи и передаетъ впечатлѣнія въ преувеличенномъ видѣ. Его слова нельзя принимать въ буквальномъ смыслѣ.

Но его стараніе и искусные пріемы, къ которымъ онъ прибѣгаетъ, исключаютъ, по крайней мѣрѣ въ этотъ моментъ, предположеніе о безуміи. Слишкомъ умѣло онъ жалуется, горюетъ, защищается, чтобы его можно было считать лишеннымъ разсудка. Онъ не чувствуетъ себя въ безопасности на престолѣ и не увѣренъ въ будущемъ своего рода. Онъ чувствуетъ себя изгнанникомъ въ своемъ царствѣ и не видитъ конца борьбы съ лютыми врагами. Силы его ослабѣли, раны душевныя и тѣлесныя безчисленны и нѣтъ у него никого, кто бы ихъ исцѣлилъ, утѣшилъ и пожалѣлъ бы его. Ему заплатили зломъ за добро и ненавистью за любовь. Онъ склоненъ видѣть въ этомъ проявленіе гнѣва Божія, поразившаго его за частое попраніе закона и осуждающаго на скитаніе вдали отъ столицы, откуда *выгнали его себялюбивые бояре.* Быть можетъ, его сыновьямъ и посчастливится пережить это тяжелое время. Составляя свое завѣщаніе, онъ желаетъ дать имъ нѣсколько полезныхъ совѣтовъ. Собственно, онъ еще и не собирается умирать, хотя смерть была бы для него сладкой и желанной. Онъ не предполагаетъ, что ему суждено вкусить этого блаженства раньше, чѣмъ онъ нищенской жизнью искупитъ свои грѣхи. Не бредъ ли это? Нѣтъ. Его совѣты носятъ на себѣ печать свѣтлаго и твердаго ума. Иванъ вездѣ видитъ враговъ и старается своихъ сыновей предостеречь отъ ихъ козней, совѣтуетъ имъ лично входить во всѣ дѣла и никогда ни въ чемъ не довѣрять *другимъ*, потому что *другіе* будутъ сами властвовать, а имъ останется только видимость власти. Такъ говорить можетъ только великій мастеръ въ искусствѣ властвованія, а не безумецъ. (Завѣщаніе это было напечатано въ Историческихъ актахъ, дополн. I 222).

Но вотъ еще болѣе сильное доказательство не только полной ясности, но и необыкновенной гибкости ума, проявленнаго этимъ человѣкомъ въ такую минуту, когда самый сильный характеръ могъ бы обнаружить признаки смущенія и слабости. На другой же день послѣ Московскихъ казней, служившихъ продолженіемъ новгородскихъ, Иванъ принимаетъ участіе въ богословскомъ спорѣ. Онъ самъ началъ его и велъ безъ смущенія и утомленія. Казалось, что подобный споръ и во всякое другое время долженъ былъ поставить въ тупикъ профана.

Въ это именно время онъ велъ свой знаменитый публичный диспутъ съ Яномъ Рокитою, однимъ изъ членовъ общества моравскихъ и богемскихъ братьевъ.

Протестанты тогда пользовались сравнительно привилегированнымъ положеніемъ. Въ нихъ видѣли союзниковъ въ борьбѣ съ ненавистными латинянами. Лютеранамъ и каль-

винистамъ позволено было строить въ Москвѣ свои храмы. Иванъ ласково принималъ представителей англійской и нѣмецкой реформаціи. Онъ даже любилъ слушать поученія капеллана Магнуса, Христіана Бокборна. Онъ даже говорилъ, что, если бы Лютеръ, нападая на папство, не затронулъ древней іерархіи и не осквернилъ бы своего ученія тѣмъ, что отрекся отъ монашескихъ правилъ и одежды, его ученіе было бы пріемлемо. Но Бокборнъ и его единовѣрцы, поглощенные интересами карьеры, не извлекали никакой пользы изъ своего выгоднаго положенія. Проповѣдь Миссенгейма является чуть ли не единичнымъ фактомъ. Одинъ изъ сотрудниковъ датскаго миссіонера Гаспаръ Эберфельдъ, которому приписываютъ попытку обратить царя въ протестантство, кажется, одно и то же лицо съ Гаспаромъ Виттенбергскимъ. По словамъ Одерборна, послѣдній самъ перешелъ въ православіе и сталъ ярымъ хулителемъ своей прежней вѣры. Въ областяхъ, лежавшихъ пососѣдству съ Швеціей и Ливоніей, велась протестантская пропаганда, терпѣвшаяся изъ политическихъ видовъ. Въ другихъ областяхъ терпимость была равнозначуща выраженію презрительнаго равнодушія.

Рокита сопровождалъ въ Москву польское посольство и задумалъ идти по стопамъ Миссенгейма. Онъ былъ чехъ и слылъ за дѣятельнаго члена Богемскаго братства. Въ его перепискѣ есть указанія на миссію, на которую онъ и его единомышленники возлагали честолюбивыя надежды. Посольство прибыло въ Москву въ февралѣ 1570 г., въ то время, когда Иванъ былъ занятъ новгородскими казнями. До 4 мая оно должно было дожидаться возвращенія царя. 7 мая посламъ былъ назначенъ пріемъ. Три дня спустя послѣ этого, Рокитѣ было предложено говорить всенародно. Возражать ему будетъ самъ царь.

Диспутъ происходилъ въ Кремлѣ въ присутствіи большого собранія свѣтскихъ и духовныхъ лицъ. Иванъ началъ говорить первымъ. Онъ обрушился, какъ на основные принципы новаго ученія, такъ и на его примѣненіе, и обнаружилъ близкое знакомство съ предметомъ спора. По обыкновенію, не обошлось и безъ нѣкотораго увлеченія, выразившагося въ грубостяхъ. Иванъ между прочимъ замѣтилъ, что судя по дѣламъ, послѣдователи евангелической вѣры—свиньи. Это начало предвѣщало плохой конецъ диспута, однако дѣло обошлось благополучно. Иванъ обѣщалъ не прерывать оппонента и сдержалъ слово. Рокита въ своемъ отвѣтѣ, сказанномъ по-славянски, сохранилъ чувство мѣры и проявилъ ловкость, намѣренно нападая только на римскую церковь. Царь слушалъ его внима-

тельно и терпѣливо, похвалилъ его краснорѣчіе, выразилъ желаніе имѣть его рѣчь написанной и сказалъ, что онъ отвѣтитъ на нее. Чрезъ нѣсколько недѣль, прощаясь съ Рокитой, онъ велѣлъ вручить ему свой отвѣтъ въ роскошномъ переплетѣ. Этимъ все и ограничилось.

Читая это произведеніе, оригинальный текстъ котораго былъ недавно открытъ и напечатанъ, Рокита могъ убѣдиться, что онъ напрасно потерялъ время. Съ литературной точки зрѣнія отвѣтъ не дѣлаетъ чести государю. Очень плоско, во вкусѣ того времени, Иванъ играетъ именемъ Лютера, называя его *Лютымъ*, подобно тому, какъ въ Германіи Мюнцеръ называлъ его Luegner (лгунъ). Къ самому Рокитѣ и его единомышленникамъ онъ также примѣняетъ разные бранные эпитеты. Произведеніе это не отличается ни ясностью мысли, ни логичностью разсужденій. Но въ немъ обнаруживается масса знаній, богатство памяти, живость ума, сила діалектики. Иванъ проявляетъ всѣ присущія ему способности. Пріемы вездѣ тѣ же, что и въ перепискѣ съ Курбскимъ. Словомъ, предъ нами произведеніе самоучки и нервнаго человѣка, не получившаго систематическаго образованія, но не лишеннаго ума и много думавшаго.

Исторія опричнины содержитъ одинъ эпизодъ, могущій заставить усомниться въ душевномъ здоровьи Ивана. Это одинъ изъ самыхъ загадочныхъ моментовъ драмы и мы на немъ должны остановиться. Въ 1574 или въ 1575 г., время точно не установлено, на Руси явился новый царь.

III.

Царь Симеонъ.

Царь довѣрилъ управленіе земщиной Мстиславскому и Бѣльскому. Въ 1571 г. Мстиславскій признался въ измѣнническихъ сношеніяхъ съ татарами, но былъ прощенъ, благодаря ходатайству митрополита Кирилла. За него поручились три знатныхъ боярина, представившихъ съ своей стороны 285 поручителей. Они внесли большую по тому времени сумму денегъ въ 20.000 р. Но чрезъ нѣсколько времени Мстиславскій снова попался вмѣстѣ съ двумя сыновьями въ подобномъ же преступленіи. Онъ и на этотъ разъ избѣжалъ смерти. Но его измѣна повлекла за собой многочисленныя казни, при чемъ, по словамъ иностраннаго лѣтописца, съ 1574 г. повелѣно было бросать головы казненныхъ подъ окна Мстиславскаго. Въ то же время казан-

скій царевичъ Симеонъ Бекбулатовичъ, находившійся въ Касимовѣ въ качествѣ государя, былъ провозглашенъ „царемъ всея Руси“ и поселенъ въ Кремлѣ. Настоящій же царь отказывался отъ всѣхъ своихъ титуловъ и почестей, приказалъ называть себя просто Иваномъ Московскимъ и ѣздилъ на поклонъ къ новому государю въ маленькомъ экипажѣ—„въ оглобляхъ“, какъ послѣдній бояринъ.

Что означала эта комедія?

Въ московской политикѣ вошло въ привычку устраивать прежнихъ татарскихъ царей на новыя мѣста, давать имъ земли, гдѣ они управляли и продолжали называться царями. Этимъ Москва привязывала ихъ къ себѣ и подчеркивала передъ крымскими ханами свое доброе отношеніе къ магометанству. Другой казанскій царевичъ, Кайбулъ, былъ такимъ царемъ въ Юрьевѣ, прежній астраханскій царь Дербишъ-Али — въ Звенигородѣ. Симеонъ Бекбулатовичъ и умеръ бы въ Касимовѣ, если бы не принялъ православія и не женился на дочери того самаго Мстиславскаго, о которомъ я говорилъ. Благодаря этому, онъ не могъ быть царемъ въ Касимовѣ, такъ какъ тамъ преобладали магометане и требовали себѣ царя одной съ ними вѣры. Но въ Москвѣ не было мѣста для царя, хотя бы и лишеннаго трона. Иванъ разрѣшилъ этотъ вопросъ, уступивъ зятю Мстиславскаго свой престолъ и титулъ. Зачѣмъ онъ это сдѣлалъ — осталось тайной. Отъ 1575 г. мы имѣемъ много документовъ, гдѣ Симеонъ Бекбулатовичъ именуется царемъ всея Руси. Изъ другихъ же документовъ видно, какъ Иванъ расточалъ этому своему двойнику знаки глубокаго почтенія, обращаясь къ нему съ просьбами, какъ всякій изъ подданныхъ, выходилъ изъ саней, не доѣзжая до дворца, гдѣ жилъ новый государь. Симеонъ чуть ли даже не былъ коронованъ. Однако Иванъ, обмолвившійся объ этомъ въ разговорѣ съ англійскимъ агентомъ Даніиломъ Сильвестромъ, опровергалъ потомъ свои слова. Это дѣло нерѣшенное, говорилъ онъ и указывалъ на семь вѣнцовъ и другіе знаки царскаго достоинства, остававшіеся у него. Однако, восьмой вѣнецъ, кажется, нѣкоторое время красовался на головѣ Симеона.

Комедія тянулась до 1576 г. Нечего и говорить о томъ, что Грозный вовсе не думалъ передавать своему замѣстителю что-нибудь, кромѣ внѣшнихъ знаковъ власти. Въ это время велись переговоры, касавшіеся польскаго наслѣдства, и мы ни разу здѣсь не встрѣчаемся съ именемъ Симеона Бекбулатовича. Въ 1576 г., во время пребыванія въ Москвѣ императорскихъ пословъ Кобенцля и принца фонъ-Бухау, Иванъ держалъ себя такъ, какъ будто бы новаго царя во-

все и не было. Вскорѣ послѣ этого онъ его отпустилъ, отдавъ ему Тверское княжество. Оно недавно было разорено и заключалось всего лишь въ двухъ городахъ—Твери и Торжкѣ съ пригородами. Жители этой области были рады, что такимъ образомъ имъ возвращаютъ хоть остатки прежняго самоуправленія. Но Симеонъ и не думалъ держать себя самовластнымъ государемъ, какъ прежніе удѣльные князья. Въ бумагахъ, отсылавшихся къ Ивану, онъ подписывался „вашъ холопъ". Во время ливонскаго похода онъ командовалъ войскомъ и принималъ участіе въ войнахъ съ Польшей, но нигдѣ не отличился. Онъ пережилъ Ивана и испыталъ при его преемникѣ превратности судьбы. Ѳедоръ лишилъ его княжества. Борисъ Годуновъ ослѣпилъ его, видя въ немъ соперника. По однимъ свѣдѣніямъ, онъ скончался въ 1611 г. въ Соловкахъ, по другимъ—въ Москвѣ послѣ того, какъ Михаилъ Ѳедоровичъ вызвалъ его сюда.

Но для чего, все же, была устроена эта комедія?

Горсей объясняетъ ее побужденіями финансоваго характера. Иванъ прибѣгъ къ этому пріему, чтобы оказаться банкротомъ, сложивъ на царя Симеона нѣкоторыя обязательства. Нѣчто подобное имѣетъ въ виду и Флетчеръ. По его словамъ, при царѣ Симеонѣ была произведена конфискація церковныхъ земель. Послѣ чего Иванъ немедленно принялъ власть въ свои руки и возвратилъ церквамъ и монастырямъ отчужденное у нихъ имущество, удержавъ за собой нѣкоторую его часть и заставивъ заплатить себѣ значительную сумму въ благодарность. Тотъ же Флетчеръ увѣряетъ, что Иванъ, дѣлая Симеона царемъ, хотѣлъ наглядно показать, что можетъ быть еще худшее правленіе, нежели его, казавшееся многимъ невыносимымъ.

Догадки эти фантастичны и опровергаются фактами. Симеонъ въ дѣйствительности не былъ ни хорошимъ, ни дурнымъ правителемъ, такъ какъ онъ вовсе не управлялъ государствомъ. Вполнѣ возможно, что онъ сталъ на мѣсто Мстиславскаго и Бѣльскаго во главѣ Земщины и его облекли царскимъ титуломъ, отъ котораго Иванъ отказался. Возможно, что у Грознаго были и нѣкоторыя заднія мысли. Можно предположить, что, провозглашая царемъ Симеона Бекбулатовича, Иванъ хотѣлъ придать больше правдоподобія своему воображаемому „изгнанію" и такимъ образомъ хотѣлъ заранѣе оправдать свой гнѣвъ противъ бояръ и свои карательныя мѣры. Вспомнимъ, что и Петръ Великій жилъ въ деревянномъ домикѣ, при чемъ на долю Меньшикова, обитавшаго рядомъ съ нимъ въ роскошномъ дворцѣ, выпали всѣ заботы и расходы, связанные съ представительствомъ власти. Добавимъ, что послѣ Полтавской битвы

„полковникъ Петръ“ представлялъ свой рапортъ „кесарю“ Ромодановскому, сидѣвшему при этомъ на особомъ тронѣ. Принято думать, что Великій Преобразователь хотѣлъ дать подданнымъ примѣръ покорности, съ которой всѣ должны выполнять возложенную на нихъ службу. Однако кто же, какъ не Иванъ, установилъ этотъ законъ служебной повинности? Заглянемъ въ исторію Западной Европы. Тамъ мы найдемъ также попытки поставить государя на одинъ уровень съ подданными, подчиняя его обязательной для всѣхъ дисциплинѣ. Вспомнимъ Людовика XV наканунѣ битвы при Фонтенуа. Конечно, нельзя молодого французскаго короля, повинующагося распоряженіямъ своего полководца, сравнивать съ московскимъ государемъ, устраивающимъ невѣроятный маскарадъ съ какимъ-то татарскимъ князькомъ. Какими бы тайными побужденіями ни диктовалась эта комедія, она была бы рискованной во всякомъ другомъ государствѣ. Но предшественнику Петра Великаго, повидимому, суждено было извѣдать всю мѣру безграничной власти, испытывая ее надъ народомъ, воспитаннымъ въ духѣ терпѣнія и безпредѣльной покорности.

Можетъ быть, какъ нѣкоторые и предполагали, комедія съ татарскимъ „царемъ“ была связана съ сношеніями, которыя Иванъ заводилъ въ то время съ Англіей. Иванъ искалъ союза съ королевой Елизаветой. Чтобы обезпечить этотъ союзъ, онъ даже готовъ былъ отправиться за море. Иногда онъ даже подумывалъ заручиться согласіемъ королевы дать ему при случаѣ убѣжище у себя. Для роли временнаго правителя, который могъ бы замѣстить царя въ его отсутствіе, Симеонъ представлялся наиболѣе подходящимъ. Оставивъ его въ Москвѣ, Иванъ не рисковалъ по возвращеніи найти свой тронъ дѣйствительно занятымъ новымъ государемъ. Симеонъ былъ совершенно ничтожной личностью. Онъ не интересовался ни-чѣмъ и ни-кѣмъ, и ни-кто бы за него не постоялъ. Въ 1576 г. надежды Ивана на Елизавету рухнули. За-то прибытіе императорскихъ пословъ нѣсколько успокоило царя и онъ тогда же покончилъ комедію.

На своемъ тронѣ Симеонъ оставался простой куклой, онъ ни въ чемъ не высказалъ своихъ административныхъ способностей и не проявилъ самостоятельности. Документы, исходившіе отъ его имени, сообщаютъ намъ о самыхъ мелкихъ мѣропріятіяхъ. Послѣ его удаленія дѣла шли такъ, какъ и раньше. Впрочемъ, въ послѣдніе восемь лѣтъ царствованія Ивана казни происходили съ болѣе или менѣе продолжительными перерывами. Пережила ли опричнина царя Симеона, намъ неизвѣстно, но, повидимому, терроръ уже сказалъ свое послѣднее слово.

Исторія еще не произнесла надъ опричниной своего окончательнаго приговора. Мнѣ остается просмотрѣть свидѣтельства и сужденія, относящіяся къ этому загадочному эпизоду изъ исторіи царствованія Ивана.

IV.

Историческая оцѣнка опричнины.

Въ оцѣнкѣ опричнины Соловьевъ примыкаетъ къ точкѣ зрѣнія Карамзина. Но онъ попытался уловить извѣстный политическій смыслъ тамъ, гдѣ авторъ Исторіи Государства Россійскаго видитъ рядъ ужасовъ и безумствъ. Соловьевъ характеризуетъ главу опричнины, какъ преобразователя государства. То же самое мы находимъ и у Кавелина (сочин. I). Однако Погодинъ (историко-крит. отрывки, М., 1846 г.), Юрій Самаринъ (соч. V, 203) и Константинъ Аксаковъ (сочиненія, I),—хотя съ нѣкоторыми оговорками, повторяютъ мнѣніе Карамзина. По ихъ представленіямъ, опричнина представляетъ собой созданіе капризнаго деспота, прихоть новаго Нерона, являющагося настоящимъ художникомъ всякихъ злодѣйствъ. Бестужевъ-Рюминъ присоединился къ мнѣнію Соловьева (Исторія Россіи, II). Этимъ онъ навлекъ на себя рѣзкую критику Костомарова (В. Е. 1871 г., № 10) и Иловайскаго (Русскій Архивъ, 1889, 363). Оба эти историка примыкаютъ къ точкѣ зрѣнія Карамзина. Въ самомъ бѣгствѣ Курбскаго Иловайскій видитъ послѣдствіе жестокостей Ивана. Онъ никакъ не хочетъ допустить, что въ этомъ бѣгствѣ заключается одна изъ причинъ установленія опричнины.

Всѣ эти приговоры грѣшили излишней суровостью и категоричностью. Естественно, что они вызвали нѣкоторую реакцію, ударившуюся, какъ это всегда бываетъ, въ противоположную крайность. Нѣкоторые изъ апологетовъ Ивана пришли къ такимъ заключеніямъ, подъ которыми едва ли можно подписаться. Въ основаніе одной изъ своихъ статей Бѣловъ положилъ тезисъ, который съ нѣкоторыхъ поръ въ большомъ ходу у нѣмецкихъ теоретиковъ государственнаго права. Онъ заявилъ, что новгородская бойня можетъ найти объясненіе въ общемъ возбужденіи умовъ, характерномъ для этой эпохи. Что касается мученической смерти Филиппа, то она явилась неизбѣжнымъ слѣдствіемъ вмѣшательства его въ политику. Другіе историки пошли еще дальше въ этомъ направленіи. Одинъ изъ біографовъ Курбскаго — Горскій рѣшился прямо оправдывать осужденье

Сильвестра и Адашева, не выслушавъ объясненій обвиняемыхъ. По мнѣнію Горскаго, бывшіе царскіе любимцы все равно не признали бы за собой вины. Я упоминалъ о казни Пронскаго. По свидѣтельству Курбскаго, его утопили, а по словамъ Таубе и Крузе—растерзали на части. Изъ этихъ противорѣчій Горскій заключаетъ, что Пронскій мирно скончался на своемъ одрѣ. Что касается архіепископа новгородскаго Леонида, то всѣ свидѣтельства согласны. Его зашили въ медвѣжью шкуру и затравили собаками. По мнѣнію Горскаго, пастырь этотъ былъ, несомнѣнно, виновенъ, и Иванъ поступилъ съ нимъ согласно требованіямъ справедливости. Такія извращенныя сужденія, связанныя съ недостаткомъ нравственнаго чувства, производятъ удручающее впечатлѣніе. Оставимъ въ сторонѣ апологетовъ и противниковъ Грознаго. Подойдемъ къ вопросу съ объективной стороны. Для этого проанализируемъ всѣ элементы опричнины и выяснимъ историческія условія, при которыхъ создалось это любопытное явленіе.

Нужно отмѣтить, что среди современниковъ Ивана даже иностранцы не смотрѣли на него, какъ на преступное чудовище. Я не говорю о тѣхъ свидѣтеляхъ защиты, которыхъ Форстенъ отыскалъ въ Любекѣ (Борьба изъ-за господства надъ Балтійскимъ моремъ, СПБ. 1884, 467). Ихъ показанія слишкомъ ужъ снисходительны. Они превозносятъ гуманность Грознаго, увѣряя, что онъ искренно стремился къ соединенію церквей. Все это дѣло торговой рекламы. Если венеціанскій посолъ Липпомано въ 1575 г. представлялъ Ивана праведнымъ судьей, то онъ, очевидно, руководился подобными же побужденіями. Обратимся къ польскимъ избирателямъ 1572 и 1575 г. Они были склонны поддерживать кандидатуру Ивана, что является болѣе вѣскимъ показаніемъ въ пользу московскаго государя.

Иностранные лѣтописцы и историки той эпохи нарисовали страшную и отвратительную картину жизни опричнины и ея создателя. Но можно ли довѣрять, напримѣръ, разсказу Таубе и Крузе? Повѣствуя объ убійствахъ въ Новгородѣ, какъ очевидцы этого событія, они помѣщали городъ на берегу Волги. Ливонскій историкъ Геннингъ разсказываетъ, какъ одного ребенка опричники взяли изъ колыбели и принесли къ Ивану. Царь сначала ласкалъ его и цѣловалъ, а потомъ зарѣзалъ ударомъ кинжала и трупъ его выбросилъ чрезъ окно на улицу. Поступокъ отвратительный, но Геннингъ почерпаетъ свои свѣдѣнія либо отъ Магнуса, либо отъ виленскаго воеводы Радзивилла. Источники эти нельзя считать надежными. Одерборнъ приписываетъ Ивану проявленіе еще болѣе сильной жестокости въ

связи съ садизмомъ. Женщинъ хватали въ ихъ домахъ, тащили къ царю для удовлетворенія его похоти, а также и его сподвижниковъ. Потомъ ихъ душили, волокли обратно въ ихъ дома и вѣшали на цѣлыя недѣли надъ столами, за которыми мужья ихъ должны были обѣдать. Въ другихъ случаяхъ дѣвушекъ и почтенныхъ женщинъ, изнасилованныхъ при встрѣчахъ въ городахъ или деревняхъ, обнажали на жестокомъ холодѣ и ставили въ снѣгъ на позоръ предъ проходящими. Одерборнъ былъ протестантскимъ пасторомъ. Онъ составилъ и отпечаталъ свой трудъ на польской территоріи и въ ту эпоху, когда протестантизмъ утратилъ въ московскомъ государствѣ свои прежнія привилегіи. Въ то время Польша подготовляла завоеваніе Москвы и пускала въ ходъ всякое оружіе, не пренебрегая прибѣгать и къ помощи прессы. Еще за нѣсколько лѣтъ до этого не менѣе тенденціозное произведеніе Гуаньино уже фигурировало въ качествѣ средства борьбы въ рукахъ Баторія.

Для оцѣнки книги Одерборна мы имѣемъ критерій, который можно приложить и къ другимъ подобнымъ писаніямъ. Померанскій историкъ посвятилъ одну изъ наиболѣе сенсаціонныхъ страницъ своей книги описанію сопровождавшагося убійствами разграбленія, положившаго конецъ благополучію Нѣмецкой слободы въ Москвѣ въ 1578 или 1580 г. Во время этого погрома насиловали дѣвушекъ, а затѣмъ убивали ихъ на глазахъ царя. Самъ Иванъ поражалъ несчастныхъ копьемъ и сбрасывалъ ихъ въ рѣку. Два сына государя были при этомъ ужасномъ зрѣлищѣ, младшій изъ нихъ не могъ видѣть происходившаго и убѣжалъ оттуда, рискуя подвергнуться гнѣву царя. Тутъ было все. Богатые купцы предлагали выкупъ за своихъ близкихъ. Царь отказалъ имъ. Тогда они начали поносить его. Въ гнѣвѣ Иванъ подвергъ несчастныхъ нѣмокъ ужасной пыткѣ. Ихъ били кнутами, вырывали у нихъ ногти, а, когда они начали молиться, призывая имя Іисуса Христа, у нихъ вырвали языки. Наконецъ ихъ убили и, пронизывая до бѣла накаленными копьями, сожгли. Сохранились и другіе разсказы объ этомъ событіи. Разсказъ Горсея долженъ быть отнесенъ къ другому событію такого же рода. Авторъ не былъ въ Россіи въ 1578 г., къ которому Одерборнъ пріурочиваетъ разгромъ. Нельзя допустить, чтобы одна и та же страна подверглась разгрому два раза. Какъ англійскій писатель, такъ и французъ Маржеретъ относятъ событіе къ 1580 г. Версіи какъ того, такъ и другого разсказа въ своихъ ужасныхъ деталяхъ далеки отъ передачи Одерборна. Маржеретъ упоминаетъ только о разрушеніи двухъ протестантскихъ церквей и о грабежѣ въ нѣмецкихъ

домахъ. При этомъ обитатели ихъ, несмотря на зимнюю стужу, безразличія возраста и пола, были раздѣты до гола. Горсей говоритъ, что нѣкоторыя дѣвушки и женщины были изнасилованы, другія уведены опричниками. Нѣсколько же голыхъ женщинъ укрылись въ домѣ одного изъ соотечественниковъ. Маржеретъ и не думалъ оправдывать пострадавшихъ: „они не могли обвинять никого, кромѣ самихъ себя. Ихъ поведеніе было такъ гордо, манеры такъ надменны, одежда такъ нарядна, что всѣхъ ихъ можно было принять за принцевъ и принцессъ.“ Обвинители слободы накопляли себѣ богатства, продавая крѣпкіе напитки. Они злоупотребляли предоставленной имъ монополіей и накопляли громадные барыши.

Въ заключеніи намъ остается сослаться на свидѣтеля, наиболѣе заслуживающаго довѣрія. Въ одномъ небольшомъ латинскомъ сочиненіи Psalmorum Davidis parodia авторъ Бохъ или Bochius, родомъ изъ Любека, дѣлаетъ замѣчанія, относящіяся ко времени его пребыванія въ Москвѣ въ 1578 г. Возможно, что его пребываніе тамъ было связано съ переговорами, начавшимися тогда между Римомъ и Москвой. Онъ былъ въ Москвѣ, когда тамъ разыгрались событія, описанныя Одерборномъ. Онъ воспользовался гостепріимствомъ одного своего соотечественника, жившаго по сосѣдству съ Нѣмецкой слободой. Однажды въ часъ обѣда слобода была занята воинами, одѣтыми въ черное. Во главѣ ихъ былъ царь. Его сопровождали сыновья и многіе представители знати. Дома были разграблены, а жители раздѣты и выгнаны на улицу.

Мужчины, женщины и дѣти, совершенно голые, бѣгали при сильномъ морозѣ, ища себѣ крова. Ихъ преслѣдовали и били безъ жалости. Хотя, по словамъ автора, приказано было только грабить, а не бить, но онъ самъ былъ избитъ кулаками по лицу и плетью по спинѣ. Раздѣтый, какъ и другіе, онъ былъ вытащенъ изъ найденнаго имъ убѣжища. Его мучили цѣлую ночь. Нѣсколько разъ били кнутомъ. На другой день одинъ ливонскій дворянинъ вступился за него, избавилъ отъ мучителей и призвалъ ему на помощь врача.

Эта сцена возмутительна, но сразу бросается въ глаза отличіе ея отъ описаній другихъ авторовъ. Здѣсь не было ни изнасилованій, ни убійствъ. Мы видимъ довольно грубый полицейскій пріемъ, въ духѣ того времени. Бохъ утверждаетъ, что этотъ погромъ вызвалъ митрополитъ, указавъ царю на то, что иностранцы развращаютъ его воиновъ въ своихъ кабакахъ.

Строгій, жестокій и сумасбродный судъ Грознаго не

имѣетъ никакихъ оправданій. Въ одномъ только синодикѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря записано 3470 жертвъ царя. Тамъ же встрѣчаемъ приписки: „съ женой и дѣтьми,— съ дочерями,—съ сыновьями“, или такія записи: „Казаринъ Дубровскій съ двумя сыновьями и болѣе 10 человѣкъ, пришедшихъ ему на помощь. Двадцать человѣкъ села Коломенскаго.—80 человѣкъ изъ Матвѣихи.“ Подъ новгородской рубрикой читаемъ: „Помяни, Господи, души рабовъ твоихъ, числомъ 1500, жителей сего города“.

Людовикъ XI также молился за своего брата, герцога Беррійскаго.

Въ другомъ мѣстѣ, уставъ перечислять убіенныхъ мужей, женъ, младенцевъ, Иванъ обращается къ Богу помянуть тѣхъ, имена которыхъ только ему извѣстны. Въ синодикѣ Свіяжскаго монастыря упомянуты — княжна монахиня Евдокія, монахиня Марія, монахиня Александра, утопленная въ Шекснѣ, притокѣ Бѣлоозера. Княгиня Евдокія приходилась Ивану теткой. Александра была одной изъ его невѣстъ. Марія—сестра Владиміра. Грозный не щадилъ своихъ близкихъ.. Если разсчетъ заставляли его миловать виновныхъ, онъ казнилъ ихъ родственниковъ. „На чернеца нечего опаляться, писалъ онъ игумену Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря по поводу Шереметьева, развѣ нѣтъ въ міру его родственниковъ?“

Все это дѣлала опричнина или, по крайней мѣрѣ, принимала во всемъ этомъ участіе. Но по донесенію политическаго агента польскаго короля (Schlichting, Scriptores rer, pol, 1, 145—147) безъ такихъ пріемовъ террора Иванъ не могъ бы удержаться на престолѣ. Когда царь собственной рукой поразилъ Ивана Петровича Шуйскаго, онъ имѣлъ въ рукахъ документъ, уличавшій этого боярина въ томъ, что онъ въ сообществѣ съ другими обязался предать его польскому королю, какъ только послѣдній проникнетъ на московскую территорію.

Нѣкоторыя отрицали существованіе борьбы между царемъ и защитниками стараго порядка. Но подготовленіе подобныхъ покушеній и есть борьба. Иначе слова не имѣютъ никакого смысла. Эта упорная и дикая борьба была доведена до крайности и съ той, и съ другой стороны. Одна сторона утеряла чувство долга и чести, другая чувство жалости.

Однако, ожесточенность борьбы не исключала примиренія съ совершившимся фактомъ, покорности передъ силой, что составляетъ характерную черту русскаго національнаго духа. Это обмануло многихъ наблюдателей. Отправленный Иваномъ въ 1576 г. къ Императору Максимиліану князь

Сугорскій былъ задержанъ въ пути тяжелой болѣзнью и говорилъ: „Если бы я могъ подняться!.. Жизнь моя ничто, царствовалъ бы мой государь!“.

— Какъ вы можете служить такъ усердно тирану?—спросилъ его герцогъ Курляндскій.

Сугорскій отвѣтилъ:

— Мы, русскіе, преданы царямъ и милостивымъ, и жестокимъ.

Для поясненія онъ разсказалъ, какъ одинъ бояринъ былъ посаженъ по приказанію царя на колъ. Въ теченіи 24 часовъ онъ терпѣлъ эту ужасную пытку, не переставая говорить съ женою и дѣтьми и все время повторялъ: „Господи, помилуй царя!“ Карамзинъ передаетъ этотъ фактъ (IX, глава IV).

Противники Ивана, мѣтя ему въ сердце, попадали въ тылъ. Царь не довольствовался тѣмъ, что отражалъ ударъ за ударомъ. Даже въ народной поэзіи, относящейся къ Грозному съ большимъ снисхожденіемъ, часто подчеркивается, что царь не соразмѣрялъ ни своихъ милостей съ заслугами, ни казней съ преступленіями. (Кирѣевскій, Собраніе пѣсенъ. Москва 1860—62 г. VI выпускъ, стр. 2015). Какъ призракъ, стоящій надъ грудой труповъ на кровавомъ фонѣ сѣвернаго сіянія, Иванъ не представлялъ собой исключительнаго явленія. Въ своей странѣ онъ лишь продолжалъ традиціи прошлаго, воскрешая пріемы Ниневіи и Вавилона, когда съ жестокостью переселялъ массами народъ изъ Новгорода въ Москву, изъ Пскова въ Рязань. Уже Василій практиковалъ эти пріемы по отношенію къ нѣкоторымъ семьямъ, переселяя ихъ изъ тѣхъ же областей въ центральныя части государства, посылая на ихъ мѣсто другія семьи изъ бассейна Волги. За тридцать лѣтъ до опричнины Максимъ Грекъ уже говорилъ о мнимыхъ преступленіяхъ, вмѣняемыхъ невиннымъ, и о наказаніи ихъ. Когда хотѣли обвинить кого-нибудь, агенты государевы подбрасывали ему въ домъ трупъ убитаго или краденыя вещи, и судъ произносилъ свой приговоръ.

Въ свой вѣкъ Иванъ имѣлъ примѣръ и подражателей въ 20 европейскихъ государствахъ. Нравы его эпохи оправдывали его систему. Посмотрите на Италію. Прочтите Бурхарда, хладнокровно писавшаго свои протокольныя замѣтки въ средѣ Александра VI и семьи Борджіа. Прочтите иронически — снисходительныя донесенія венеціанскаго посланника Джустиньяни или циничные мемуары Челлини. Перенеситесь въ Феррару, къ наиболѣе цивилизованному двору всего полуострова. Тамъ вы увидите кардинала Ипполита д'Эсте, соперничающаго въ любви со сво-

имъ братомъ Джуліо и приказывающаго вырвать ему глаза въ своемъ присутствіи. Просмотрите протоколы giustizie того времени. Ужасы Красной площади покажутся вамъ превзойденными. Повѣшенные и сожженные люди, обрубки рукъ и ногъ, раздавленныхъ между блоками... Все это дѣлалось средь бѣла дня, и никого это ни удивляло, ни поражало. Перенеситесь въ противоположную сторону материка, въ Швецію. Тамъ вы увидите Эрика XIV съ его Малютой Скуратовымъ, любимцемъ Персономъ, выходящими изъ знаменитой кровавой бани 1520 г., когда 94 епископовъ, сенаторовъ и патриціевъ были казнены въ Стокгольмѣ. На престолѣ, наконецъ, Іоаннъ III. Персонъ надѣлалъ много зла. По приказу новаго короля его вѣшаютъ, не сразу душатъ и при этомъ дробятъ ему руки и ноги и, въ концѣ концовъ, пронзаютъ грудь ножемъ. Не забывайте и о Нидерландахъ. Хотя погромъ Льежа, о которомъ я уже говорилъ, произошелъ столѣтіемъ раньше, но онъ все-таки могъ быть урокомъ для Ивана. Онъ могъ даже на такомъ разстояніи вдохновиться примѣрами Хагенбаха, правителя Эльзаса, дѣйствовавшаго въ духѣ системы Карла Смѣлаго. Быть можетъ царю разсказали о знаменитомъ праздникѣ, на которомъ приглашенные мужчины должны были узнать своихъ женъ, раздѣтыхъ до нага и съ лицами, закрытыми вуалью. Тѣхъ, кто ошибался, сбрасывали внизъ съ лѣстницы. Можно напомнить капитуляцію Монса, условія которой были нарушены въ 1572 г. намѣстникомъ Альбы Нуаркармомъ. 11 мѣсяцевъ побѣдители предавались тамъ кровавымъ эксцессамъ. Можно напомнить о 20.000 гражданъ Гарлема, переколотыхъ въ слѣдующемъ году герцогомъ, въ то время, какъ Филиппъ II въ оффиціальномъ письмѣ предлагалъ награду за убійство Вильгельма Оранскаго. Не забудьте и инквизиціи и 40 протестантовъ, сожженныхъ 12 марта 1559 г. въ Велладолидѣ, а также Варѳоломеевскую ночь во Франціи. Вспомните Генриха VIII англійскаго, его казематы и висѣлицы. Голова епископа рочестерскаго Фишера гнила на рѣшеткѣ лондонскаго моста въ то время, какъ король въ бѣломъ шелковомъ одѣяніи велъ къ алтарю Анну Сеймуръ на другой день послѣ того, какъ онъ приказалъ обезглавить Анну Болейнъ!

Въ той исторической средѣ, изъ которой вышли эти кровавые призраки, они получаютъ свое воплощеніе въ русскомъ царѣ. Если мы примемъ въ разсчетъ различіе въ культурѣ, Иванъ не покажется слишкомъ далекимъ отъ цивилизованнаго христіанскаго міра Европейской эпохи.

Если нравы эпохи оправдывали жестокость на Западѣ, то тоже приложимо и къ Ивану. Курбскій, задавшій тонъ

хулителямъ царя, былъ заинтересованной стороной въ этомъ дѣлѣ. Онъ былъ представителемъ непокорнаго меньшинства. Масса же выражала свое настроеніе при помощи поэтическаго народнаго творчества, и мы уже знаемъ духъ его. Народъ не только терпѣлъ Ивана, но восхищался имъ и любилъ его. Изъ толпы его сотрудниковъ онъ удержалъ только два имени—Никиты Романовича Захарьина и палача Малюты Скуратова. Исторія мало знаетъ о первомъ. Братъ царицы Анастасіи, какъ и Сейсъ, свидѣтель террора во Франціи въ XVIII вѣкѣ, умѣлъ жить. Легенда сдѣлала изъ него героя, изобразивъ его отказывающимся отъ милостей царя и заботящимся объ установленіи болѣе мягкихъ законовъ для народа. Та же легенда отдаетъ предпочтеніе Малютѣ Скуратову, какъ истребителю бояръ и князей.

Этотъ демократическій инстинктъ властно обнаруживается во всѣхъ воплощеніяхъ народнаго слова и раскрываетъ намъ тайну опричнины, ея идею и легкость, съ которой Грозный навязалъ ее однимъ и вызвалъ сочувствіе большинства. Въ сценахъ народнаго творчества, гдѣ встрѣчаются бояре и крестьяне, первые играютъ всегда незавидную роль — это или плуты, или дураки. Въ одной легендѣ разсказывается о загадкѣ, которую долженъ былъ разгадать государь. Отъ этого зависѣла его судьба. Вельможи, призванные царемъ на помощь, не могли ему помочь, выручилъ же его крестьянинъ. Легенда производитъ царя изъ простой семьи и придаетъ его власти народное происхожденіе. Послѣ смерти одного царя, народъ идетъ на рѣку со свѣтильниками, чтобы окунуть ихъ въ воду и потомъ зажечь. Царство достанется тому, кто первый зажжетъ свой свѣтильникъ. „Пойдемъ на рѣку, говоритъ Ивану одинъ *бояринъ,* если я стану царемъ, я дамъ тебѣ волю".— „Пойдемъ отвѣчаетъ Иванъ, если я стану царемъ, велю снять тебѣ голову". Иванъ получаетъ корону и сдерживаетъ свое слово.

Въ этомъ вся народная философія. О войнахъ, которые велъ Грозный, народъ, повидимому, не сохранилъ никакихъ воспоминаній. Въ административныхъ же реформахъ народное сознаніе подмѣтило только нивелирующую тенденцію.

Въ народныхъ пѣсняхъ говорится, что царь обѣщаетъ содрать кожу съ бояръ и князей и сварить ихъ живьемъ.

Грозный очень религіозенъ, но, выслушавъ обѣдню, онъ велитъ рубить головы князьямъ и боярамъ.

Это самое существенное въ народной поэзіи, относящейся къ личности и дѣятельности Ивана. Быть можетъ, ошибаютсѣ тѣ, кто думаетъ, что въ борьбѣ съ боярами

Иванъ защищалъ основныя начала русской жизни—православіе, самодержавіе, народность. Во всякомъ случаѣ, онъ боролся за единство русской земли. Какъ мы уже видѣли, Курбскій въ своей привязанности къ православію и національности не уступалъ самому ярому фанатику изъ своихъ крестьянъ. Преданность самодержавію врядъ ли можно признать характерной чертой русскаго духа того времени. Память о прежнемъ вѣчевомъ устройствѣ еще не могла окончательно исчезнуть въ XVI вѣкѣ. Но Курбскій и подобные ему, заводя сношенія съ Польшей, измѣняли своему государю и отечеству. Измѣна является основнымъ мотивомъ народной поэзіи, воспѣвающей Ивана. Измѣна вездѣ преслѣдуетъ царя и, раздавленная двадцать разъ въ крови, она снова возрождается, принимая различныя формы.

Оправдывая всеобщимъ предательствомъ жестокости Ивана, народная легенда по-своему объясняетъ происхожденіе зла. Народная логика не послѣдовательна. Покоривъ себѣ всѣхъ земныхъ царей, Иванъ требуетъ отъ нихъ дани. Тѣ отвѣчаютъ: „Мы дадимъ тебѣ дань и еще пришлемъ двѣнадцать бочекъ золота, только отгадай три загадки". Мудрость обычныхъ царскихъ совѣтниковъ, бояръ и князей, оказывается безсильной. Царю помогаетъ въ его затрудненіи простой плотникъ. За находчивость Иванъ обѣщаетъ ему бочку золота. Но вмѣсто золота Иванъ насыпаетъ въ бочку песку. Тогда плотникъ, угадавшій обманъ также легко, какъ онъ разрѣшилъ заданныя царю загадки, предсказываетъ Ивану заслуженное наказаніе. Онъ сказалъ, что царя постигнетъ то, въ чемъ онъ самъ согрѣшилъ. Отъ него пошла измѣна по русской землѣ и самъ онъ будетъ больше всего отъ нея терпѣть. (Рыбниковъ, Сборникъ народныхъ пѣсенъ, II, 232—236).

Я еще сошлюсь на одно вѣское показаніе. Свидѣтелемъ кровавыхъ казней Ивана былъ англійскій мореплаватель Ченслеръ. Разсуждая практически, онъ пришелъ къ заключенію, въ которомъ выразился взглядъ просвѣщенныхъ, культурныхъ современиковъ Ивана. „Дай Богъ, писалъ онъ, чтобы и нашихъ упорныхъ мятежниковъ научили такимъ же способомъ обязанностямъ по отношенію къ государю". (Collect., Hakluyt, I, 240).

Я намѣренно не касался до сихъ поръ сношеній Ивана съ Англіей. Ихъ можно понять лишь при свѣтѣ вышеизложенныхъ фактовъ. Теперь обратимся къ этому вопросу, имѣющему большое значеніе какъ въ жизни Ивана, такъ и въ исторіи его царствованія.

ГЛАВА III.

Англоманія Грознаго.—Иванъ и Елизавета.

I. Первые англичане въ Россіи.—II. Проекты союза.—III. Проектъ брака.—IV.—Марія Гастингсъ.—V. Голландское соперничество и разрывъ.

I.

Первые англичане въ Россіи.

Въ тотъ моментъ, когда Иванъ старался вступить въ сношенія съ Западной Европой чрезъ Ливонію и Балтійское море, въ разныхъ государствахъ Запада нашлись люди, которые пошли ему навстрѣчу. Это была героическая эпоха путешествій и открытій. Увлеченіе смѣлыми морскими предпріятіями изъ Испаніи и Португаліи перешло уже на берега Ламанша, побуждая французовъ съ Жаномъ де-Лери проникнуть въ Бразилію, а съ Жакомъ Картье въ Канаду, съ первыми колонистами—протестантами во Флориду. За ними, по слѣдамъ Колумба, Кортеца и Васко де-Гама, двинулась цѣлая армія англійскихъ мореплавателей. Всѣ они были увлечены желаніемъ открыть путь въ Индію или увеличить колоніальныя владѣнія своего государства. Всѣ эти Каботы, Ралей, Дрэки, Девисы, Флобишеры отправлялись изслѣдовать Лабрадоръ, открывали Луизіану, совершали по примѣру Магеллана чудесное путешествіе вокругъ свѣта или углублялись въ снѣжныя равнины Сѣверной Америки.

Во всѣхъ этихъ предпріятіяхъ Англія была заинтересована больше другихъ странъ: тогда, какъ и теперь, ея индустрія переживала кризисъ. Пріобрѣтеніе новыхъ рынковъ для нея становилось вопросомъ жизни и смерти.

Въ 1552 г. въ Лондонѣ начаты были переговоры между группой коммерсантовъ и знаменитымъ венеціанскимъ мореплавателемъ Себастьяномъ Кабота. На слѣдующій годъ они закончились проектомъ экспедиціи для открытія земель

на сѣверо-востокѣ. По подпискѣ было собрано 6000 ливровъ, и 23 мая 1553 г. три корабля отплыли изъ гарвичскаго порта. Это были Bona Esperanza, подъ командой сэра Гюга Уилльуби, Bona Avantura, подъ командой Ригарда Ченслера, и Bona Confidenza, подъ начальствомъ Корнеліуса Дерфорса. Кабота былъ рѣдкимъ знатокомъ космографіи. Такъ какъ экспедиціей интересовались важнѣйшіе англійскіе сановники—казначей, маркизъ Винчестеръ, гофмейстеръ, графъ Арундель, хранитель печати, графъ Пемброкъ,—то можно предполагать, что ей былъ приданъ и научный характеръ. Хотя случай сыгралъ важную роль въ перипетіяхъ этого путешествія, но присутствіе на корабляхъ русскихъ переводчиковъ, въ моментъ ихъ прибытія къ берегу Бѣлого моря, даетъ поводъ намъ думать, что они попали туда не случайно.

Мартенсъ (собраніе трактатовъ, IX, введ., ст. VI) упоминаетъ о документахъ, свидѣтельствующихъ о болѣе раннихъ дипломатическихъ сношеніяхъ Ивана съ Эдуардомъ VI. Намъ неизвѣстно, въ чемъ они заключались. Во всякомъ случаѣ они не послужили распространенію топографическихъ свѣдѣній о великой сѣверной державѣ. Двадцать лѣтъ спустя Герберштейнъ говорилъ о ней, какъ о странѣ чудесъ. Онъ серьезно повторяетъ нелѣпыя сказки о громадномъ идолѣ—„*Золотой бабѣ*“, передъ которымъ вѣчно трубятъ вставленныя въ землю мѣдныя трубы. Онъ говоритъ о племенахъ, умирающихъ осенью, чтобы воскреснуть весной, упоминаетъ о большой рѣкѣ, гдѣ водятся рыбы, имѣющія человѣческую голову, глаза, носъ, ротъ, руки и ноги. Рыбы эти нѣмы, но пріятны на вкусъ...

Болѣе реальныя испытанія ожидали Уилльуби и его спутниковъ, чѣмъ встрѣча съ этими чудовищами. Буря разсѣяла эскадру, Ченслеръ потерялъ изъ виду другія суда. Онъ напрасно прождалъ ихъ въ условленномъ пунктѣ, въ Вардегузѣ, на норвежскомъ берегу и одинъ отправился въ путь. 24 августа онъ зашелъ въ какую-то бухту, гдѣ его появленіе обратило въ бѣгство нѣсколько рыбачьихъ лодокъ. Онъ послѣдовалъ за ними, догналъ ихъ, и неизвѣстные ему люди сообщили, что онъ у береговъ Московскаго государства. Холмогорскія власти извѣстили Ивана, и онъ пригласилъ иностранцевъ въ Москву, предоставляя имъ право и не предпринимать этого дальняго пути, а начать торговлю, если они только за этимъ пріѣхали. Не дожидаясь этого извѣщенія, Ченслеръ прибылъ въ Москву, пробылъ тамъ 13 дней, видѣлся съ царемъ и возвратился на родину. Онъ везъ дружественный отвѣтъ

государя на циркулярное посланіе, которымъ были снабжены начальники экспедицій.

На слѣдующую зиму въ Москвѣ распространился слухъ, что на берегу Бѣлаго моря найдены два судна. На нихъ было много товаровъ, а также и трупы людей. Это были „Bona Esperanza“ и „Bona Confidenza“ со своимъ экипажемъ. Здѣсь было 83 человѣка изъ 125, сѣвшихъ въ Гарвичѣ. Уилльуби былъ занесенъ бурею въ одну изъ бухтъ, и передъ его глазами погибли одинъ за другимъ всѣ его спутники. Изъ записокъ, которыя онъ имѣлъ мужество весть, видно, что онъ пережилъ ихъ всѣхъ и умеръ въ январѣ 1554 г.

Когда Ченслеръ вернулся въ Англію, Эдуарда VI уже не было въ живыхъ. Послѣ сдѣланнаго имъ доклада, Марія и Филиппъ Испанскій отправили его снова въ Москву представителемъ „Товарищества англійскихъ купцовъ для открытія новыхъ рынковъ“. На самомъ дѣлѣ эта компанія называлась Московской или Русской. Два спеціальныхъ агента—Ричардъ Грей и Джоржъ Киллинворсъ—были прикомандированы къ представителю новой миссіи. Имъ была вручена инструкція, обнаруживающая тонкое пониманіе руководящихъ интересовъ. Агенты должны были познакомиться съ нравами населенія Московскаго государства, изучить налоговую и денежную систему, употребляющіяся въ странѣ мѣры вѣса. Они должны были слѣдить, чтобы ихъ соотечественники строго соблюдали русскіе законы. Имъ поручалось основать въ Москвѣ и другихъ городахъ торговыя конторы и магазины. Узнать качество товаровъ, которые могли бы найти тамъ сбытъ, и въ то же время заняться изысканіемъ удобнѣйшихъ путей на крайній Востокъ, главнымъ образомъ въ Китай. Инструкція указывала на русскіе продукты—сало, воскъ, деготь, коноплю, ленъ, мѣха, вывозъ въ Англію которыхъ былъ желателенъ. Она предлагала взять образцы руды, которую можно было бы разрабатывать на земляхъ царя, и поручала навесть справки о нѣмецкихъ и польскихъ тканяхъ, которыя можно было замѣнить англійскими. Она предполагала возможность монополизаціи нѣкоторыхъ отраслей внѣшней русской торговли. Выработана была обширная программа, и слѣдовавшіе ей Ченслеръ, Грей, Киллингворсъ и ихъ преемники оказались на должной высотѣ.

Ченслеръ благополучно прибылъ въ Москву и вступилъ въ переговоры съ дьякомъ Висковатымъ. Ему удалось получить грамоту, обезпечивавшую за компаніей важныя привилегіи: полное освобожденіе отъ пошлинъ, спеціальный судъ для всѣхъ живущихъ въ Россіи англичанъ, со-

вершенно автономный, когда дѣло касалось однихъ англичанъ, и зависящій только отъ царя, когда дѣло касалось лицъ обѣихъ національностей. Прибыли, получавшіяся компаніей, были громадны. По донесенію одного изъ агентовъ, въ Новгородѣ она продавала штуку сукна за 17 р., въ то время. какъ она стоила съ перевозкой 6. Но это скоро породило опасную конкурренцію. Норвежскія, а быть можетъ и голландскія суда, шли по пути, проложенному англійскими мореплавателями. Монополіи англичанъ грозила опасность. Начались пререканія, и Иванъ послалъ въ Англію посредника, чтобы положить конецъ осложненіямъ.

21 іюля 1556 г. Осипъ Григорьевичъ Непѣя, вологодскій намѣстникъ, выѣхалъ въ Англію съ цѣлымъ флотомъ, нагруженнымъ товарами и шедшимъ подъ командой Ченслера. Между судами находились *Bonaventure*, два корабля Уилльуби, починенныхъ русскими, и *Филиппъ-Марія*, только что прибывшій изъ Англіи. Увы! чрезъ годъ англійская экспедиція, во главѣ со Стефеномъ Борро, отправилась на поиски трехъ изъ этихъ судовъ. Но они погибли безслѣдно. Послѣ трехъ мѣсяцевъ бурнаго плаванія, „Bonaventure" одинъ достигъ Англіи и разбился у береговъ Шотландіи. Бывшій на немъ, вмѣстѣ съ Непѣей, Ченслеръ погибъ со своимъ сыномъ и частью экипажа, спасая московскаго посла. 7 человѣкъ русскихъ, сопровождавшихъ его, также погибли. Товары, стоившіе 7.000 ф. стерлинговъ и поглотившіе все состояніе Непѣи, утонули и частью были разграблены мѣстными жителями. Разслѣдованіе, назначенное королевой Маріей, вырвало изъ ихъ рукъ только жалкіе остатки. Самъ Непѣя спасся, но разслѣдованіе его задержало, и онъ прибылъ къ воротамъ столицы только въ февралѣ 1557 г. Въ видѣ вознагражденія ему была устроена торжественная встрѣча. Сто сорокъ купцовъ со своими слугами составляли его свиту. Для въѣзда ему подвели роскошно убраннаго коня. Лордъ-мэръ вышелъ ему навстрѣчу. Филиппъ принялъ русскаго посла въ мартѣ, по возвращеніи изъ Фландріи. Въ маѣ Непѣя могъ считать свою миссію счастливо законченной. Онъ получилъ для своей страны почти тѣ же привилегіи, какія даны были въ ней англичанамъ: безпошлинную торговлю для русскихъ подданныхъ, живущихъ въ Англіи, спеціальный, подчиненный лорду-канцлеру судъ, позволеніе набирать для царской службы мастеровъ, инженеровъ, лѣкарей. Не рѣшеннымъ окончательно остался главный вопросъ—о коммерческомъ соперничествѣ на московской территоріи, но Филиппъ и Марія разсчитывали на командира корабля, съ которымъ Непѣя отплылъ на родину. Дѣйствительно, этотъ ко-

мандиръ сыгралъ важную роль въ исторіи сближенія двухъ государствъ.

Его звали Антоніемъ Дженкинсомъ, и онъ поступилъ на службу московской компаніи на 40 фунтовъ стерлинговъ жалованья, хотя онъ заслуживалъ больше. Съ 1546 г. онъ объѣздилъ почти всю Европу, а также берега Африки и Азіи. Въ Россіи онъ высадился въ іюнѣ 1557 г., долго присматривался къ русской жизни въ Холмогорахъ и Вологдѣ и въ Москву прибылъ только въ декабрѣ. Иванъ его встрѣтилъ хорошо, а узнавъ его ближе, онъ не хотѣлъ имѣть ни съ кѣмъ другимъ дѣла, кромѣ него. Повидимому, онъ представлялъ собой образчикъ расы, такъ называемый *busines-men*, которымъ Великобританія обязана современнымъ положеніемъ въ свѣтѣ. Отличительной чертой ихъ является хорошее знаніе дѣла, широта взглядовъ, предпріимчивость и желѣзная воля. На слѣдующій годъ, проведя зиму въ Москвѣ, онъ уже появляется въ Астрахани. Въ августѣ онъ первый изъ англичанъ подымаетъ свой національный флагъ на волнахъ Каспійскаго моря. Въ сопровожденіи только двухъ товарищей онъ везетъ огромный грузъ, состоящій изъ товаровъ. Ими онъ навьючиваетъ тысячу верблюдовъ, нанятыхъ у туркменъ, и отправляется чрезъ Туркестанскія степи въ Бухару и, если будетъ возможно, дальше, въ самый Китай, но въ Бухарѣ застаетъ его война. Самаркандскій ханъ угрожаетъ городу. Дженкинсъ осмотрителенъ, онъ во время ретировался, избѣжалъ засады и грабежа, и въ сентябрѣ 1559 г. снова появляется въ Москвѣ, а съ нимъ бухарское посольство и 25 русскихъ плѣнниковъ, отбитыхъ у туркменъ. Царь милостиво принимаетъ его подарки—хвостъ бѣлаго буйвола и турецкій барабанъ. Въ Англію онъ везетъ съ собой молодую азіатку, султаншу Ауру, которую онъ предназначаетъ для новой королевы Елизаветы. Изъ своего путешествія онъ вынесъ впечатлѣніе, что видѣнныя имъ страны дальняго востока съ коммерческой точки зрѣнія не представляютъ никакого интереса, но все же онъ предлагаетъ начать сношенія съ Персіей. Въ 1561 г. онъ снова покидаетъ Англію. Его ласково принимаетъ въ Казбинѣ шахъ Тамасъ. Владыка Ширвана Абдулъ-Ханъ вступаетъ съ нимъ въ личную дружбу.

Заботясь о пріобрѣтеніи этого новаго рынка и объ укрѣпленіи за своей родиной привилегій, данныхъ Москвой, онъ не на шутку борется съ итальянскими и брабантскими конкурентами. Итальянскому агенту Рафаэлю Барберини удалось добыть у королевы Елизаветы патентъ на торговлю съ Россіей. Онъ старается распространить убѣжденіе, что англичане служатъ лишь посредниками по доставкѣ на мо-

сковскій рынокъ продуктовъ голландскаго и французскаго производства. Дженкинсъ отвѣчаетъ тѣмъ, что добываетъ новую грамоту для московской компаніи, она подтверждаетъ прежнюю монополію и распространяетъ ее отъ устьевъ Сѣверной Двины до береговъ Оби, включая сюда Холмогоры, Колу, Мезень, Печору и Соловки. Она предоставляетъ право ему одному держать дворъ въ Москвѣ и устраивать склады на Двинѣ, въ Вологдѣ, Ярославлѣ, Костромѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Казани, Астрахани, Новгородѣ, Псковѣ, Нарвѣ, Юрьевѣ. Кромѣ того, она даетъ ему право свободнаго провоза товаровъ, отправляемыхъ въ Бухару и Самаркандъ.

Несомнѣнно, подобныя уступки были слишкомъ большія и неожиданныя. Основаны онѣ были, вѣроятно, на соображеніяхъ другого порядка, и Дженкисъ служилъ лишь объектомъ для выраженія новыхъ отношеній, возникавшихъ между Англіей и Россіей.

II.

Проекты союза.

Иванъ былъ сильно пораженъ величіемъ и геніемъ англійской націи. Судить объ этомъ онъ могъ благодаря сношеніямъ съ англійскими гостями въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Съ другой стороны, его удручало сознаніе своего одиночества при постоянной борьбѣ съ внѣшними и внутренними врагами. И вотъ въ его пылкомъ и упорномъ умѣ родилась идея, не покидавшая его до смерти. Онъ началъ мечтать о пріоорѣтеніи для борьбы съ внѣшними врагами, съ ихъ арміями, флотомъ и богатствами, сильную союзницу, торговля, морскія силы и кредитъ которой начали уже покорять міръ. Не дурно было и противъ своихъ внутреннихъ враговъ имѣть сильную поддержку, а для себя пріютъ! Иванъ въ своемъ вообраденіи, пожалуй, уже видѣлъ себя въ изгнаніи, но благодаря поддержки своей сильной союзницы, онъ самъ назначитъ часъ своего побѣдоноснаго возвращенія. Быть можетъ, къ этому примѣшивались и нѣкоторые планы болѣе романтическаго характера. Елизаветѣ суждено было быть предметомъ болѣе или менѣе лестныхъ исканій, къ политикѣ примѣшивалась любовь. Быть можетъ, несмотря на свой преклонный возрастъ, на преувеличиваемые имъ, но все же дѣйствительные недуги, не смотря на четыре или пять живыхъ и умершихъ женъ, онъ захотѣлъ увеличить собой число претен-

дентовъ. Елизавета же усвоила искусство увертываться отъ матримоніальныхъ объясненій, не оскорбляя и не отнимая надежды у искателей. Дженкисъ, какъ хорошій дипломатъ, могъ проникнуться идеями и тактикой своей повелительницы. Когда онъ возвращался въ 1567 г. въ Англію, ему было дано какое-то тайное порученіе, содержаніе котораго намъ неизвѣстно. По всей вѣроятности, оно было довольно щекотливаго свойства, такъ какъ отвѣтъ на него послѣдовалъ не скоро.

Онъ замедлилъ до такой степени, что это отразилось на англійской торговлѣ въ московскомъ государствѣ. Нарвская гавань была открыта для иностранныхъ судовъ, въ Антверпенѣ и даже въ самой Англіи возникли общества, которыя могли оказаться опасными конкурентами московской компаніи. Они угрожали ея монополіи. Въ 1568 г. Елизавета увидѣла себя поставленной въ необходимость исправить свою ошибку. Такъ какъ она не могла въ это время прибѣгнуть къ помощи Дженкинса, она замѣнила его важнымъ посломъ, начальникомъ королевской почты Томасомъ Рондольфомъ. По даннымъ ею инструкціямъ мы можемъ угадать смыслъ тайныхъ предложеній Грознаго. Рондольфу было поручено оффиціально „возстановить порядокъ въ англійской торговлѣ", но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ былъ отклонить, по возможности, предложенія царя, увѣривъ его, однако, что въ случаѣ бѣды, королева не откажетъ ему въ гостепріимствѣ. Какъ видно, Иванъ серьезно думалъ объ Англіи. Но хуже всего было то, что онъ условно соглашался воспользоваться пріютомъ, желая заплатить той же услугой. Его гордость не позволяла ему принимать болѣе того, чѣмъ онъ могъ дать самъ. Онъ требовалъ, чтобы королева, которая должна была бороться съ мятежниками и подвергаться опасностямъ, согласилась считать оффиціальнымъ прибѣжищемъ для себя Кремль. Легко себѣ представить, какъ должна была отнестись къ подобному условію дочь Генриха VIII.

Рондольфъ прибылъ въ Москву въ октябрѣ, въ неудобный моментъ, когда Филиппъ досаждалъ Ивану. Грозный былъ раздраженъ. Можно предположить, что агенты московской компаніи позволили какую-нибудь рѣзкость по отношенію къ своимъ конкурентамъ или даже по отношенію къ самому царю. Они, вѣроятно, не приняли никакихъ мѣръ для обезпеченія успѣха возложеннаго на нихъ порученія. Продолжительное молчаніе Елизаветы оскорбило самолюбиваго монарха. Слѣдствіемъ всего этого былъ пріемъ, часто практиковавшійся въ то время въ Москвѣ при дипло-

матическихъ сношеніяхъ. До февраля 1569 г. посланника продержали какъ въ плѣну въ отведенномъ для него домѣ. Къ нему никого не допускали и онъ былъ поставленъ въ невозможность исполнить возложенное на него порученіе. Чрезъ четыре мѣсяца ему удалось добиться аудіенціи, но онъ былъ принятъ безъ обычныхъ почестей и не былъ приглашенъ къ царскому столу, какъ это полагалось. О томъ, что происходило на этомъ свиданіи, намъ ничего неизвѣстно. Но, повидимому, посолъ нѣсколько смягчилъ Ивана, такъ какъ чрезъ нѣсколько дней онъ снова былъ приглашенъ къ царю. Свиданіе было обставлено большой тайной, происходило ночью, и Рондольфъ долженъ былъ идти въ чужомъ платьѣ. Аудіенція длилась три часа. О ея содержаніи можно лишь дѣлать предположенія. На другой день царь уѣхалъ въ Александровскую слободу и вернулся только въ апрѣлѣ. Его отношенія къ послу сильно измѣнились. Онъ не только соглашался возстановить права англійской торговой компаніи на пользованіе прежними льготами, но далъ еще новыя привилегіи. Онъ предоставилъ ей право свободной торговли съ Персіей, разрѣшилъ открыть въ Вычегдѣ разработку желѣзной руды и производить на свой страхъ перечеканку денегъ въ Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ, обѣщалъ закрыть Нарвскій портъ для новой торговой компаніи, организованной въ Англіи, московской же компаніи разрѣшалъ съ оружіемъ въ рукахъ преслѣдовать въ Бѣломъ морѣ суда другихъ націй.

Рондольфъ, повидимому, внушилъ царю какія-то новыя надежды. Въ Лондонъ былъ отправленъ новый посолъ.

Этотъ преемникъ Непѣи носилъ фамилію Савина. Проживши десять мѣсяцевъ на берегу Темзы, онъ возвратился въ Москву только съ письмомъ Елизаветы, очень туманнымъ и неопредѣленнымъ. Къ обѣщанію помощи, на которую, правда, трудно было разсчитывать, она прибавляла увѣренія въ своей дружбѣ къ царю. Она писала, что, когда ему заблагоразсудится воспользоваться ея гостепріимствомъ, она приметъ его съ подобающими почестями, приметъ на себя заботу и всѣ расходы по его содержанію. Такимъ образомъ, она предлагала ему не союзъ, о которомъ онъ мечталъ, а милостыню.

Иванъ казался проснувшимся отъ сладкаго сна и былъ очень не въ духѣ. Утративъ всякую мѣру чувства, онъ написалъ Елизаветѣ отвѣтъ въ духѣ тѣхъ посланій, какими онъ въ то время честилъ шведскаго короля. Онъ писалъ ей, что не допускаетъ мысли, чтобы она сама отнеслась такъ неуважительно къ потомку римскихъ кесарей. Онъ думалъ, что она госпожа себѣ и свободна въ своихъ дѣй-

ствіяхъ, но теперь видитъ, что ею управляютъ другіе, и кто же? Простые мужики! Сама она *„пошлая дѣвица“* и ведетъ себя соотвѣтствующимъ образомъ. Онъ не желаетъ больше поддерживать съ ней никакихъ отношеній. Москва обойдется и безъ англійскихъ мужиковъ.

На ругательства не стоило обращать вниманія. Привыкшая къ мадригаламъ Елизавета могла только улыбнуться, прочтя письмо Ивана. Но прежде чѣмъ оно пришло въ Лондонъ, тамъ была получена вѣсть, что царь отобралъ у московской компаніи всѣ льготы и привилегіи, отобралъ у нея всѣ товары и наложилъ запретъ на ея торговлю. Закрывались пути, пріобрѣтенные такими усиліями! Погибла надежда отнять у венеціанцевъ и португальцевъ восточные рынки. Нужно было постараться избѣжать этого несчастія. Казалось, одинъ только человѣкъ былъ въ силахъ это сдѣлать. Поставивъ во главѣ новаго почетнаго посольства Роберта Беста, Елизавета отправила съ нимъ Дженкинса.

Но даже и этому смѣлому изслѣдователю пришлось испытать перемѣну обстоятельствъ. Въ 1571 г. онъ высадился въ бухтѣ Святого Николая на островѣ, названномъ англійскимъ мореплавателемъ Rose-Island, благодаря найденнымъ тамъ дикимъ розамъ. Отсюда онъ сообщилъ въ Москву чрезъ прежняго переводчика при Савинѣ, Даніила Сильвестра. Но онъ не могъ ни самъ проѣхать, ни переслать вѣсть, такъ какъ свирѣпствовала чума и по дорогамъ устраивались карантины. Одинъ гонецъ пытался пробиться силой и чуть не былъ сожженъ живымъ. Кромѣ того Иванъ отправился въ походъ противъ шведовъ и, по словамъ русскихъ властей, нечего было и думать догнать его. Къ этому еще прибавляли, что если бы Дженкинсъ и рѣшился на это, его жизнь была бы въ опасности. Царь обвинилъ его въ крушеніи своихъ плановъ и объявилъ, что отрубитъ ему голову, если онъ посмѣетъ явиться въ Россію.

Англичанинъ нисколько не испугался. Хотя холмогорскій воевода отказывалъ ему въ помѣщеніи, провіантѣ и покровительствѣ, а мѣстное населеніе относилось враждебно, онъ пробылъ здѣсь до января 1572 г. Затѣмъ, миновавъ заставу, онъ смѣло явился къ Грозному въ его убѣжище — Александровскую слободу. Онъ, вѣроятно, успѣлъ оправдаться еще заранѣе, такъ какъ царь принялъ его очень милостиво. Иванъ поспѣшилъ окончить обычныя церемоніи пріема и быстро перешелъ къ конфиденціальной бесѣдѣ, въ присутствіи только двухъ своихъ приближенныхъ. По обыкновенію къ дѣлу, интересовавшему его, онъ прибавилъ еще десять другихъ. Онъ долго говорилъ о какихъ-то англійскихъ купцахъ, привозившихъ будто бы ему письма, позо-

рящія его имя. Послѣ долгихъ предисловій онъ приступилъ къ главному вопросу, спросилъ, какъ обстояло дѣло съ „тайными порученіими", извѣстными Дженкинсу, по поводу которыхъ Рондольфъ принялъ нѣкоторыя обязательства. Дженкинсъ отвѣтилъ, что онъ слово въ слово передалъ королевѣ адресованныя чрезъ него порученія и что королева, *милостиво выслушавъ* ихъ, поручила Рондольфу вести дальнѣйшія переговоры. Онъ же увѣряетъ, что никакихъ обязательствъ онъ на себя не принималъ. По винѣ этого посредника и произошло недоразумѣніе. Чтобы подкрѣпить свои завѣренія, онъ вручилъ Ивану письмо Елизаветы.

Ивана пріятно удивило то, что въ письмѣ Елизаветы не было отвѣта на его дерзости. Она съ большимъ достоинствомъ говорила, что ея подданные не даютъ повода къ неудовольствіямъ, и ей нечего опасаться, что придется искать пристанища въ чужой странѣ. Она пребываетъ въ наилучшихъ чувствахъ по отношенію къ царю. Если онъ согласенъ забыть свое *законное* неудовольствіе противъ англійскихъ купцовъ и вернуть имъ льготы, она готова дать ему самыя очевидныя доказательства своей дружбы. Дженкинсъ повелъ дѣло такъ, что Грозный принялъ за уступчивость то, что было выраженіемъ презрѣнія. Онъ опять далъ Дженкинсу аудіенцію въ Старицѣ и послѣ нѣкоторыхъ колебаній согласился вернуть свои милости московской компаніи и ея главѣ Вильяму Гаррету. Онъ теперь отказывался отъ всякихъ тайныхъ соглашеній. Когда Дженкинсъ спросилъ о именахъ англійскихъ подданныхъ, давшихъ поводъ къ неудовольствію, царь отвѣтилъ съ достоинствомъ, что если онъ ихъ простилъ, то не для того, чтобы наказала ихъ королева.

Мы не можемъ сказать, какія заднія мысли были у царя въ этотъ моментъ, но только успѣхъ Дженкинса сказался личнымъ и переходящимъ. Въ іюлѣ 1572 г. искусный дипломатъ навсегда покинулъ Москву, а въ слѣдующемъ году Сильвестръ привезъ оттуда печальныя вѣсти. Ссылаясь на отношенія, завязанныя англійскими купцами съ Польшей, Иванъ наложилъ нѣкоторыя пошлины. Хотя онѣ и не превышали тѣхъ, которыми облагались товары всѣхъ другихъ иностранцевъ, но все-таки это нарушало дарованныя льготы. Бывшій посредникъ между двумя націями понялъ, что возобновленіе непріязненныхъ отношеній было вызвано разочарованіемъ царя въ надеждахъ на союзъ. Елизавета рѣшила возложить на самого Сильвестра новое порученіе. Она соглашалась вести съ Иваномъ тайные переговоры, какіе будетъ угодно ему начать. Она только не можетъ дать понять своимъ подданнымъ, что среди нихъ чувству-

етъ себя въ опасности, чтобы дѣйствительно не вызвать чего-нибудь. Сильвестръ долженъ былъ постараться внушить это Ивану.

Въ 1575 г. Сильвестръ нашелъ Ивана въ новомъ дворцѣ въ Кремлѣ. Онъ жилъ тамъ, какъ частное лицо, предоставивъ тронъ Симеону. „Вы видите,—сказалъ онъ англійскому послу,—что не даромъ я обращался къ вашей королевѣ. Она поступила не умно, отвергнувъ мои предложенія". Сильвестръ не могъ выяснить, какъ онъ долженъ отнестись къ этому непредвидѣнному въ Лондонѣ положенію вещей. Онъ ничего не рѣшилъ до того времени, когда царь оставилъ Москву и поѣхалъ навстрѣчу императорскимъ посламъ. По возвращеніи онъ заговорилъ уже совершенно иначе. Онъ сказалъ, что если не получитъ отъ Елизаветы полнаго удовлетворенія, вся торговля будетъ предоставлена нѣмцамъ и венеціанцамъ.

Посолъ съ этимъ ультиматумомъ долженъ былъ возвратиться въ Лондонъ. Мы не знаемъ, каковъ былъ отвѣтъ, такъ какъ на обратномъ пути въ Москву, онъ былъ убитъ молніей въ Холмогорахъ. Всѣ его бумаги сгорѣли вмѣстѣ съ домомъ, въ которомъ онъ жилъ. Сдѣлала ли уступку Елизавета? Русскій историкъ, наиболѣе основательно изучившій эту главу исторіи, склоненъ допустить возможность уступки. (Толстой, Первыя 40 лѣтъ сношеній Россіи съ Англіей, стр. 31). Однако это мало вѣроятно, такъ какъ въ слѣдующее трехлѣтіе прекратились всякія сношенія между обоими государствами. Возобновились они тогда, когда Иванъ былъ увлеченъ новой несбыточной мечтой, внушенной ему однимъ изъ иностранцевъ, жившихъ со времени посольства Савина въ нѣкоторой близости къ государю.

III.

Проектъ брака.

Онъ назывался Елисѣемъ Бомель или Бомеліусъ и былъ родомъ изъ Везеля въ Вестфаліи, изучалъ медицину въ Кембриджѣ, но занимался главнымъ образомъ астрологіей. Благодаря извѣстности, пріобрѣтенной имъ на этомъ поприщѣ, онъ по приказанію лондонского архіепископа находился въ тюрьмѣ, когда въ Лондонъ пріѣхалъ Савинъ. Такъ какъ его обѣщали освободить отъ заключенія, если онъ уѣдетъ изъ Лондона, то онъ согласился отправиться вмѣстѣ съ московскимъ посломъ въ Россію, чтобы поступить на службу къ царю. Въ Москвѣ онъ пріобрѣлъ въ корот-

кое время большое состоянiе и дурную славу. Его считали приготовителемъ ядовъ, которыми Иванъ пользовался для умерщвленiя своихъ жертвъ. Его обвиняли также въ томъ, что онъ растлѣваетъ разумъ царя кощунственными разговорами и уговариваетъ его искать убѣжища въ чужихъ земляхъ.

Еще до появленiя этого авантюриста Иванъ обратилъ свои взоры на Англiю, а можетъ быть, и на Елизавету. Но Бомель постарался направить его честолюбiе въ другую сторону. Самому ему не пришлось присутствовать при развитiи начатой имъ интриги. Въ 1579 г. онъ былъ вовлеченъ въ заговоръ. Зависть и злоба, возбужденныя имъ во многихъ, помогли установить его вину, и онъ погибъ въ ужаснѣйшихъ пыткахъ. Но жена его, Анна Ричардсъ, родомъ англичанка, осталась въ Россiи. Только послѣ смерти Ивана она вмѣстѣ со своими соотечественниками, лекаремъ Ричардомъ Эльсисъ и аптекаремъ Френшемъ была выслана въ Англiю. Подобная участь постигла тогда всѣхъ иностранцевъ.

Ненавидимый всѣми Бомелiусъ былъ выданъ скорѣе въ качествѣ нѣмца, чѣмъ англичанина. Предавъ несчастнаго астролога пыткѣ, Грозный выразилъ желанiе снова начать переговоры съ Англiей.

Въ 1580 г. Иванъ поручилъ агенту Московской компанiи Джерому Горсей выхлопотать у Елизаветы присылку военныхъ припасовъ—свинца, мѣди, селитры, сѣры, пороху. Царь собирался начать войну съ Баторiемъ. Но инструкцiи, спрятанныя Горсемъ въ сосудѣ съ водкой, этимъ не ограничились. Подъ влiянiемъ Бомелiуса царь болѣе, чѣмъ когда-либо, желалъ найти въ Англiи нѣчто другое. Если Елизавета отклоняла упрямо всѣ исканiя, то у нея были родственницы—невѣсты.

Въ 1581 г. Горсей привелъ съ собой три судна, нагруженныя просимыми предметами. Съ нимъ вмѣстѣ прiѣхало не мало цырюльниковъ и аптекарей. Взамѣнъ Бомелiуса Елизавета прислала царю лекаря, котораго она очень цѣнила. Въ Россiи онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Романа Елизарьева, хотя его имя было Джекъ Робертсъ. Онъ постарался обратить вниманiе царя на одну изъ родственницъ королевы.

Въ томъ же году московскiй посланникъ Ѳедоръ Ивановичъ Писемскiй отправился въ Англiю съ порученiемъ начать переговоры о союзѣ и приступить къ сватовству. Иванъ остановилъ свой выборъ на племянницѣ королевы, дочери князя Титунскаго (sic). Дѣло шло о Марiи Гастингсъ, дочери лорда Гонтингдонъ. Ея бабка приходилась двоюродной сестрой Елизаветѣ.

IV.

Марія Гастингсъ

Иванъ только что вступилъ въ шестой бракъ съ дочерью одного изъ своихъ думныхъ дворянъ Маріей Нагой. Но это ничего не значило. Самому отцу царицы Аѳанасію Нагому было поручено съ другими боярами распросить Робертса о новой невѣстѣ. Еще до отъѣзда Писемскаго, въ іюлѣ 1581 г., въ Архангельскѣ высадился представитель англійскихъ купцовъ, торговавшихъ съ Россіей. Онъ привезъ съ собой письмо Елизаветы, данное въ Вестминстерѣ 23 января 1581 г. Въ немъ говорилось о датскомъ королѣ, препятствовавшемъ веденію торговли англичанами. Владѣя Норвегіей и Исландіей, онъ предъявлялъ свои права на всѣ суда, плавающія между этими землями. Посолъ долженъ былъ отвезть отвѣтъ царя по этому вопросу. Иванъ предлагалъ королевѣ конвоировать военными судами товары, направляемые въ русскіе порты подъ англійскимъ флагомъ. Но прежде всего Писемскій долженъ былъ добиться у Елизаветы позволенія повидать *Титунскую княжну*. Послу поручалось разсмотрѣть ее хорошенько, замѣтить, какого она роста, красива ли, бѣла, дородна, узнать какова ея семья. Наконецъ онъ долженъ былъ привезть ея портретъ и точную *мѣрку на бумагѣ*. Если ему укажутъ на недавнюю женитьбу царя, онъ долженъ былъ отвѣтить, что это не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ новая царица простого боярскаго роду. Это не помѣшаетъ Маріи стать царицей. Что касается дѣтей, которыя могутъ родиться отъ этого брака, то они получатъ соотвѣтствующіе удѣлы. Престолъ же перейдетъ къ царевичу Ѳедору. Будущая царица должна принять православную вѣру, какъ и тѣ изъ ея приближенныхъ, которые захотятъ при ней остаться. Помолвкѣ должно было предшествовать заключеніе союза. Англія должна была помочь Ивану своей арміей и флотомъ въ борьбѣ съ Баторіемъ. Но онъ не хотѣлъ пользоваться одолженіемъ, за политическую услугу онъ предлагалъ самого себя.

Для рѣшенія вопросовъ, касавшихся торговли, къ Писемскому былъ присоединенъ агентъ Московской компаніи Эгидъ Крью. Въ качествѣ переводчика ѣхалъ лекарь Робертсъ. Ему было дано особое порученіе—сообщить Елизаветѣ о намѣреніи царя тайно посѣтить Англію. Иванъ готовился къ серьезной атакѣ, которая, по его мнѣнію, должна была увѣнчать успѣхомъ его завѣтную мечту.

Писемскій прибылъ въ Англію въ сентябрѣ 1582 г. Пер-

вая аудіенція дана была ему въ Виндзорѣ лишь 11 ноября. Въ этотъ моментъ часть его порученія потеряла свое значеніе. Иванъ уже былъ разбитъ Баторіемъ и принялъ условія мира. Московскій посолъ притворился, что не знаетъ объ этомъ событіи. Возможно, что его уже снабдили новыми инструкціями, предписывавшими ему добиться заключенія союза, чтобы явилась возможность начать новыя военныя дѣйствія противъ Польши. Но онъ очутился въ смѣшномъ положеніи, такъ какъ не хотѣлъ выступать открыто въ то время, когда и посолъ Баторія былъ въ Лондонѣ и не терялъ времени даромъ. Польшѣ, казалось, суждено было побѣдить Россію и на поприщѣ дипломатическихъ сношеній. Какъ ни старался Писемскій ускорить начало переговоровъ, они откладывались со дня на день подъ разными предлогами. То придворные празднества мѣшали, то чума. „Не мѣшаетъ же вамъ чума вести переговоры съ поляками", ворчалъ русскій посолъ. Онъ дождался отъѣзда поляковъ, и только тогда догадался, что его хотятъ вѣжливо спровадить. Торжественно введенный къ королевѣ графомъ Лейчестеръ, лордомъ Говардъ, серомъ Кристофомъ Геттонъ и самимъ графомъ Гонтингдонъ, онъ вручилъ Елизаветѣ подарки отъ имени царя и отъ своего. Подарки заключались въ дюжинахъ куньихъ шкурокъ. По донесеніямъ посла, Елизавета была очень милостива, стала веселой и спрашивала о здоровьѣ царя, сказала, что она его любитъ, какъ брата, рада будетъ его видѣть и заключить съ нимъ союзъ. Но послѣ аудіенціи о переговорахъ долго не было рѣчи. Только въ концѣ мѣсяца Писемскій былъ приглашенъ на охоту—бить оленей! Онъ отвѣтилъ немного рѣзко, что ему теперь некогда забавляться и что по случаю поста русскіе теперь мяса не ѣдятъ, но все-таки онъ принялъ приглашеніе. 13 декабря онъ узналъ, что графу Лейчестеръ, лорду Генсдонъ, сэру Кристофу Геттонъ и секретарю Френсису Уольсингему было поручено вести съ нимъ переговоры. Совѣщанія должны были происходить въ Гринвичѣ. На нихъ имѣли право присутствовать и заинтересованные въ торговлѣ съ Россіей купцы.

Съ самаго начала возникли несогласія относительно предмета переговоровъ. Предлагая Англіи пропускать всѣ русскіе товары, вывозимые ею, безъ пошлинъ, Писемскій требовалъ союза противъ польскаго короля, которому помогаютъ папа, императоръ и другіе государи. Московскій посолъ упрямо стоялъ на своемъ. Нечего было и думать придти къ какому-нибудь заключенію. Елизавету болѣе всего интересовало защитить свою торговлю на Бѣломъ морѣ отъ Даніи. Чтобы добиться отъ царя необходимаго

содѣйствія, она согласилась дать Писемскому въ январѣ 1583 г. тайную аудіенцію. Онъ со своей стороны надѣялся заговорить о сватовствѣ. Но былъ очень удивленъ, когда, прибывши въ Ричмондъ, засталъ во дворцѣ празднество— гремѣла музыка, шли танцы. Ему объяснили, что здѣсь такъ бываетъ ежедневно. Королева, впрочемъ, оставила балъ, чтобы поговорить съ нимъ на единѣ, въ присутствіи только одного Робертса, бывшаго въ качествѣ переводчика.

Разговоръ шелъ о Маріи Гастингсъ. Писемскій выразилъ желаніе видѣть молодую дѣвушку и списать съ нея портретъ. Королева казалась очень смущенной. По ея словамъ, она была очень рада быть въ родствѣ съ царемъ, но она слыхала, что царь любитъ красивыхъ женщинъ, а племянница ея некрасива. Кромѣ того она только что болѣла оспой и теперь нечего и думать списывать съ нея портретъ. Однако лукавая королева сдѣлала видъ, что интересуется условіями брачнаго союза и выразила безпокойство за участь будущихъ дочерей ея племянницы. „Наши государи, отвѣтилъ гордо Писемскій, выдаютъ своихъ дочерей за иностранныхъ властителей“, и онъ привелъ примѣръ—единственный за нѣсколько вѣковъ—брака княжны Елены съ польскимъ королемъ Александромъ въ 1495 году. Но раньше, чѣмъ думать о свадьбѣ, нужно заключить союзъ. Посолъ представилъ записку по этому вопросу. Елизавета обѣщала ускорить дѣло, и тѣмъ все кончилось.

Прошло еще два мѣсяца, когда посолъ получилъ отвѣтъ. Онъ былъ разочарованъ. Королева соглашалась вступить въ союзъ съ царемъ и помогать ему противъ его враговъ, но за это она требовала для Англіи монополіи на всю внѣшнюю торговлю Россіи. Писемскій еще разъ обнаружилъ дѣтскую наивность и не понялъ, что надъ нимъ и надъ его повелителемъ смѣются. Онъ сталъ спорить и торговаться изъ-за выраженій документа, точно онъ былъ непріемлемъ безъ этого. Тамъ предложенія были названы просьбами и царь именовался племянникомъ королевы. Англійскіе дипломаты соглашались перемѣнить стиль, но не условія документа. Въ апрѣлѣ посла пригласили на банкетъ, гдѣ присутствовало 17 сановниковъ. Королева пила за здоровье Ивана. Когда пиръ кончился, русскому послу объявили, что королева дастъ ему прощальную аудіенцію. Такъ какъ у него не было инструкцій для принятія англійскихъ предложеній, то ему, пожалуй, лучше возвратиться на родину и запастись новыми полномочіями.

Несчастный даже воскликнулъ: „А, сватовство?“

Ему сказали, что по дошедшимъ свѣдѣніямъ у Маріи Нагой родился сынъ отъ государя. „Пусть королева этому не

вѣритъ, возразилъ Писемскій, это лихіе люди хотятъ поссорить ее съ государемъ,“ при этомъ онъ такъ волновался и сердился, что Елизавета рѣшилась на комедію, способную обмануть посла и поддержать царя въ его иллюзіяхъ. 17 мая Писемскому было предложено отправиться въ сопровожденіи только Робертуса въ лѣтнюю резиденцію канцлера, лорда Бромлей. Послѣдній встрѣтилъ его любезно и церемоніально и повелъ въ садъ, гдѣ было приготовлено угощеніе. Вскорѣ въ одной изъ аллей показалась группа женщинъ. Впереди между леди Бромлей и леди Гонтингдонъ шла та, которую посолъ уже называлъ царской невѣстой. Онѣ раскланялись издали, и канцлеръ сказалъ Писемскому, что королева приказала ему показать свою племянницу не въ комнатѣ, а на свѣжемъ воздухѣ, чтобы онъ могъ ее хорошенько разсмотрѣть. Ему предложили пройтись по парку, чтобы онъ нѣсколько разъ могъ встрѣтиться съ интересовавшей его особой, разсмотрѣть ее хорошенько. Бромлей, наконецъ, спросилъ: „Хорошо ли вы ее разглядѣли?“ — „Я сдѣлалъ, что приказано.“ Въ своемъ донесеніи онъ писалъ: „Княжна Гунтинскъ, Марія Гантисъ (sic), роста высокаго, тонка, бѣла лицомъ. Глаза у нея сѣрые, волосы русые, носъ прямой, пальцы на рукахъ тонкіе и длинные“.

Горсей иначе говоритъ объ этой сценѣ встрѣчи посла съ „царской невѣстой.“ Увидѣвъ ее, онъ сталъ пятиться назадъ, говоря, что можетъ только одинъ разъ взглянуть на *ангела*, которому суждено стать женой его государя. Но Горсей при этомъ не былъ, и надо добавить, что „ангелу“ въ это время было уже подъ тридцать лѣтъ.

Елизаветѣ захотѣлось довести комедію до конца. Она позвала Писемскаго и выразила свое сожалѣніе, что ея племянница недостаточно красива, чтобы понравиться царю. „Да и вамъ, я думаю, она не понравилась,“ сказала королева. Но посолъ отвѣтилъ:

— Мнѣ она показалась красивой. Остальное — дѣло Божіе.

Онъ началъ настаивать, чтобы королева открыла свои намѣренія на этотъ счетъ. Но Елизавета придумала новое средство затянуть дѣло. Она хотѣла вмѣстѣ съ Писемскимъ отправить въ Россію довѣренное лицо, которому будутъ даны инструкціи и необходимыя полномочія. Скоро послѣдовала прощальная аудіенція. Писемскій выслушалъ много лестныхъ рѣчей и увѣреній въ дружбѣ. Королева обѣщала пропустить чрезъ свою землю русскихъ пословъ ко всѣмъ государямъ, кромѣ папы. „Только бы вашъ государь не выдалъ меня папѣ!“ будто бы сказала Елизавета.

Повидимому, и на этотъ разъ Робертсъ оказался невѣрнымъ посредникомъ. Въ половинѣ іюня портретъ Маріи Гастингсъ былъ готовъ. Писемскій послѣ присутствія на смотрѣ англійскаго флота, состоявшаго изъ 24 судовъ съ 70—80 пушками и 1000 матросовъ на каждомъ, отплылъ въ Россію. Съ нимъ ѣхалъ Джеромъ Боусъ, посолъ королевы. Хотя она отправляла дипломата, подававшаго надежды, ея выборъ оказался не особенно удачнымъ.

V.

Соперничество Голландіи и разрывъ.

Боусу предстояла трудная задача: говорить о торговлѣ съ человѣкомъ, который не о чемъ, кромѣ политическаго и матримоніальнаго союза, и слышать не хотѣлъ. Между тѣмъ торговля переживала критическій моментъ. Владѣя номинально льготами, англійскіе купцы должны были платить все возраставшіе, произвольно налагаемые на ихъ товары сборы. Происходило это благодаря войнѣ, истощавшей средства страны. Въ то же время конкурренція другихъ странъ становилась все опаснѣе. Для пополненія опустѣвшей казны льготы продавались. Щедрыми подарками голландцы пріобрѣтали сторонниковъ среди приближенныхъ государя. Три главныхъ совѣтника Ивана—Никита Романовичъ Захарьинъ, котораго преданіе считаетъ неподкупнымъ, Богданъ Бѣльскій и Андрей Щелкаловъ—были всецѣло на ихъ сторонѣ. Возможно, что въ этой конкурренціи Иванъ видѣлъ средство оказать давленіе на Елизавету и сдѣлать ее болѣе сговорчивой. Съ 1578 г. антверпенскія суда регулярно посѣщали берега Бѣлаго моря. Какъ разъ въ это время капитанъ Карлейль готовилъ Московской Компаніи записку, въ которой онъ вычислилъ, что поддержаніе ускользающей монополіи уже стоили 80.000 фунтовъ стерлинговъ. Онъ предлагалъ направить на Америку тѣ усилія, которыя, очевидно, окажутся безплодными въ Россіи.

Боусъ ничѣмъ не походилъ на Дженкинса. Онъ былъ высокомѣренъ, рѣзокъ, невѣжливъ и неловокъ, и съ такой же полностію воплощалъ въ себѣ всѣ отрицательныя черты національнаго характера, какъ Дженкинс положительныя. Онъ началъ съ непріятнаго спора изъ-за предложеннаго ему для въѣзда въ столицу коня, показавшагося ему неважнымъ. Привезенныя имъ инструкціи не могли загладить неудачное его выступленіе. Елизавета не только настаивала на исключительной монополіи, но придавала свое-

образный характеръ союзу, который являлся условіемъ sine qua non для осуществленія этой монополіи. Она соглашается поддержать Ивана противъ его враговъ только съ тѣмъ условіемъ, что прежде употребитъ всѣ усилія для достиженія мира.

Объ этихъ переговорахъ мы знаемъ изъ двухъ источниковъ—донесеній Боуса и протоколовъ московскаго приказа. Документы эти противорѣчатъ другъ другу. Англійскій посланникъ, сообщая о нѣкоторыхъ недоразумѣніяхъ, хвалится своей ловкостью и удачей. Иванъ будто бы готовъ былъ вернуть англичанамъ всѣ льготы и даже увеличить ихъ. Въ то же время онъ рѣшилъ окончательно искать себѣ жену въ Англіи, и, въ случаѣ отказа Маріи Гастингсъ, согласенъ остановить свой выборъ на какой-нибудь другой родственницѣ Елизаветы. Онъ даже готовъ ѣхать въ Лондонъ съ этой цѣлью и ознакомиться прежде съ основными принципами протестантизма. Царь строго наказывалъ тѣхъ изъ своихъ бояръ, которые враждебно относились къ Боусу. Но вѣнцомъ всѣхъ успѣховъ былъ договоръ, будто бы уже составленный и подписанный. Оставалось только вручить его посланнику, какъ вдругъ царь умеръ, и такъ счастливо доставшееся торжество рухнуло.

Русская версія совершенно иная. Иванъ будто бы сказалъ англійскому послу, что польскій король нарушилъ договоръ, захвативъ у него Полоцкъ и Ливонію. Королева должна помочь ему арміей возстановить свое нарушенное право. Взамѣнъ она получитъ торговую монополію въ нѣкоторыхъ гаваняхъ. Права брабантскихъ и французскихъ купцовъ останутся все-таки за ними. Французскій король послалъ нѣсколько судовъ въ Кольскую гавань. Онъ ищетъ государевой дружбы и предлагаетъ ему прислать посольство во Францію. Этимъ Иванъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать Боусу, что у него нѣтъ недостатка въ выгодныхъ связяхъ.

Боусъ отговаривался недостаткомъ полномочій. Тогда русскіе посредники—Захарьинъ, Бѣльскій, Щелкаловъ и Фроловъ приступили къ „тайному дѣлу“. Но Боусъ сказалъ, что по этому вопросу онъ можетъ говорить только съ самимъ царемъ. Ему обѣщали аудіенцію и приступили къ переговорамъ о предстоящемъ союзѣ. Елизавета разрѣшила свободный проѣздъ чрезъ ея территорію русскимъ посламъ, за исключеніемъ тѣхъ, которыя отправлялись къ враждебнымъ ей государствамъ. Нужно было выяснить причину. „Царь не выдастъ королевы папѣ“. Съ своей стороны, онъ считалъ врагами королей польскаго, датскаго и шведскаго. Согласіе тотчасъ же было нарушено, какъ только высказался Боусъ. По его словамъ, королева считала импе-

ратора своимъ врагомъ, а короля испанскаго другомъ, котораго можно купить за деньги. Королей же датскаго и шведскаго она считаетъ лучшими своими друзьями. Когда перешли къ торговымъ монополіямъ, Иванъ въ видѣ последней уступки, соглашался, чтобы англичане входили въ 5 бѣломорскихъ пристаней. Исключались Кола и Пудожерскъ, при устьѣ Сѣверной Двины, гдѣ Жанъ де Валле, прозванный въ Россіи Бѣлобородымъ, имѣлъ свои склады.

Боусъ запротестовалъ, указывая на прежнія льготныя грамоты. Ему отвѣтили, что англійскіе купцы Томасъ Гловеръ и Родольфъ Риттеръ заслужили немилость государя тѣмъ, что составляли противъ царя заговоръ съ его врагами и служили имъ доносчиками. Кромѣ того русскіе жаловались, что англичане доставляли плохой товаръ и показывали образчики суконъ.—„Я въ сукнахъ ничего не понимаю", возразилъ съ видомъ оскорбленнаго достоинства Боусъ.

Двадцать пять совѣщаній не привели ни къ чему.

Особая аудіенція дана была 13 декабря 1583 года. Боусъ долженъ былъ отправиться безъ оружія и свиты. Царь хотѣлъ говорить съ нимъ съ глазу на глазъ о „тайномъ дѣлѣ". Однако, бесѣда происходила въ присутствіи цѣлой дюжины людей, между которыми былъ и Борисъ Годуновъ, любимецъ государя, въ будущемъ—царь. Передъ ними продолжалась комедія, начатая Елизаветой. Иванъ хотѣлъ знать намѣренія королевы относительно Маріи Гастингсъ, а Боусъ утверждалъ, что онъ пріѣхалъ за тѣмъ, чтобы слышать, что будетъ говорить царь объ этомъ. Припертый къ стѣнкѣ, посланникъ запутался въ уверткахъ и сказалъ, что Марія Гастингсъ была больна и очень больна. Кромѣ того, врядъ ли согласится она перемѣнять свою религію, да при томъ изъ племянницъ королевы она является самой отдаленной. У королевы есть еще цѣлый десятокъ родственницъ, болѣе близкихъ и болѣе красивыхъ.

— А кто онѣ?—съ живостью прервалъ его царь.

— Я не уполномоченъ объ этомъ говорить, — отвѣтилъ Боусъ.

Иванъ не могъ сдержать своего гнѣва. Боусъ имѣлъ съ русскими купцами нѣсколько столкновеній, во время которыхъ у него вырвались какія-то неосторожныя слова. Царь теперь напомнилъ ему объ этомъ и сильно разгорячился, когда тотъ началъ отпираться. Русскіе протоколы только упоминаютъ объ этомъ эпизодѣ; Боусъ же распространяется о немъ подробно. Въ его докладѣ былъ записанъ такой разговоръ:

Царь, обращаясь къ Боусу. Вы обращались съ моими упол-

номоченными свысока, чего не должно было быть, такъ какъ между равными мнѣ государями я знаю такихъ, которымъ не чета ваша королева.

Боусъ. Моя повелительница такая же великая государыня, какъ каждый изъ христіанскихъ государей. Она равна считающимъ себя наиболѣе сильными и можетъ преодолѣть всѣхъ.

Царь. Вы говорите о короляхъ французскомъ и испанскомъ?

Боусъ. Я думаю, что королева можетъ считать себя равной съ ними.

Царь. А съ императоромъ?

Боусъ. Король, отецъ моей повелительницы, нѣкогда держалъ императора на жалованьи во время войнъ съ Франціей.

Если вѣрить посланнику, эти слова привели Ивана въ такую ярость, что онъ погрозилъ выбросить его въ окно. Боусъ будто бы сказалъ на это, что царь можетъ сдѣлать это, но его повелительница умѣетъ мстить за обиды, наносимыя ея уполномоченнымъ. Послѣ этого Грозный грубо приказалъ своему смѣлому собесѣднику удалиться. Когда тотъ вышелъ, онъ будто бы отозвался о немъ съ похвалой, говоря, что желалъ бы имѣть у себя такихъ слугъ.

Русскіе тексты объ этомъ умалчиваютъ. Изъ нихъ видно, что споръ начался изъ-за того, что Боусъ сталъ отпираться отъ своихъ дерзкихъ словъ, за которыя его упрекали русскіе купцы. Царь положилъ конецъ препирательствамъ длинной рѣчью, въ которой говорилъ о томъ, какъ началась торговля съ Англіей, почему пришлось отнять у нея часть льготъ и почему ихъ нельзя вернуть теперь. Англичане не хорошо обслуживаютъ русскіе рынки. Иванъ снялъ съ руки перстень и увѣрялъ, что де-Валле взялъ за него только 60 рублей, а за большой изумрудъ на шапкѣ 1000 р., между тѣмъ какъ перстень стоилъ по меньшей мѣрѣ 300 р., а изумрудъ тысячъ 40. Боусъ привужденъ былъ согласиться съ этимъ. Черезъ Писемскаго царь приказалъ привезть суконъ, шелковыхъ тканей высокаго качества и кружевъ. Кружевъ онъ вовсе не получилъ, а сукна и шелкъ никуда не годятся. Польское лучше. По знаку государя, принесли тканей. Щупая ихъ и сравнивая, Иванъ продолжалъ говорить. Боусъ отговаривался тѣмъ, что ничего въ этомъ дѣлѣ не смыслитъ. Царь выражалъ свое недоумѣніе: какую это дружбу предлагала ему королева, желая, чтобы торговали только съ нею и соглашаясь заключить союзъ только на словахъ!

Посолъ только ссылался на свои инструкціи. Новое, бо-

лѣе конфиденціальное свиданіе, происходившее 18 декабря, ни къ чему не привело. Этотъ разъ присутствовали только Трубецкой, Бѣльскій, Захарьинъ, Щелкаловъ и Фроловъ; они находились въ другомъ концѣ залы. Между тѣмъ Иванъ узналъ отъ Джека Робертсона, служившаго, вѣроятно, переводчикомъ при этихъ свиданіяхъ, что Боусъ имѣетъ желаніе говорить съ царемъ совершенно наединѣ. Но посолъ сталъ отказываться отъ этого. Онъ будто бы только сказалъ, что будучи посломъ при другихъ государяхъ, напримѣръ, при французскомъ королѣ, онъ говорилъ съ ними о важныхъ дѣлахъ безъ свидѣтелей.

— Французскій дворъ для насъ не примѣръ,—проворчалъ Иванъ.— Лучше скажи намъ, что можешь, относительно нашего брака.

— Я знаю, что моя повелительница вашу дружбу предпочитаетъ дружбѣ всѣхъ государей, и я лично не имѣю другого желанія, кромѣ желанія нравиться вамъ и служить.

— Ты назови намъ по именамъ и скажи, каковы собой тѣ племянницы королевы, о которыхъ ты говорилъ, и я пошлю съ тобой въ Англію посла посмотрѣть ихъ и попросить ихъ портреты.

— Я могу вамъ въ этомъ оказать свою службу...

Я привожу здѣсь русскую версію. Судя по этому документу, Боусъ отпирался и увѣрялъ, что ничего не говорилъ о другихъ родственницахъ королевы, которыхъ царь могъ предпочесть Маріи Гастингсъ. Онъ лгалъ и ссылался на свои новыя инструкціи, принималъ таинственный видъ и давалъ понять, что онъ скоро сумѣетъ угодить государю. Онъ испрашивалъ разрѣшенія послать въ Англію сухимъ путемъ гонца за болѣе широкими полномочіями. Подымалъ мальчишескіе споры изъ-за качества и количества отпускаемыхъ ему припасовъ, требовалъ до 10 пудовъ масла въ день, просилъ царя *собственной рукой* наказать Щелкалова, вызвавшаго его неудовольствіе. Въ концѣ-концовъ Грозный обратился къ нему съ рѣчью, состоящей изъ пяти частей и оканчивавшейся слѣдующимъ заключеніемъ: „Ты не имѣешь представленія о томъ, какъ долженъ вести свое дѣло посолъ“.

Казалось, что послѣ этого говорить больше не о чемъ. Но Иванъ слишкомъ привязался къ своей идеѣ. Съ упрямствомъ маніака онъ преслѣдовалъ ускользающую мечту и снова предлагалъ Боусу поговорить конфиденціально и повторялъ ему свои однообразные доводы. „Ты намъ говорилъ о десяти или двадцати дѣвушкахъ твоей страны, среди которыхъ мы могли бы выбрать себѣ жену, и ты отказываешься назвать ихъ имена. Какъ же свататься къ

дѣвицѣ, не зная ея имени. Въ Англіи тысячи невѣстъ, среди которыхъ не мало простыхъ кухарокъ. Не свататься же ко всѣмъ имъ!"

Эти разговоры постоянно возобновлялись въ началѣ 1584 г. и привели къ новому столкновенію 14 февраля. Боусъ предложилъ взять съ собой посла, котораго царь назначалъ къ французскому королю, но при этомъ настаивалъ на своемъ: „королева приказала ѣхать сухимъ путемъ".

— Чтобы продать меня моимъ врагамъ!—внѣ себя отъ гнѣва вскричалъ Иванъ.—Не потерплю этого!

Послѣ потери Ливоніи ѣхать сухимъ путемъ—значитъ ѣхать черезъ Польшу.

Овладѣвъ собой, Иванъ сказалъ Боусу, что онъ пришелъ безъ серьезныхъ намѣреній. Съ чѣмъ пришелъ, съ тѣмъ можетъ и возвратиться домой. Его больше не удерживаютъ, можетъ ѣхать сейчасъ же. Боусъ уже зналъ, какъ относиться къ вспышкамъ царскаго гнѣва, и, даже по свидѣтельству русскихъ документовъ, нисколько не оробѣлъ. Его и не думали отпускать, а чрезъ три дня позвали прослушать проектъ договора, въ которомъ царь излагалъ минимумъ своихъ требованій. О содержаніи этого документа можно судить только по тѣмъ возраженіямъ, которыя сдѣлалъ Боусъ. Иванъ хотѣлъ заключить наступательный союзъ, чтобы вернуть Ливонію. Посолъ, какъ всегда, отвѣчалъ увертками. Повелительница его набожна и не гонится за побѣдами. Она не взяла Нидерландовъ. которыя ей отдавались, и Франціи, которая охотно признала бы ея власть...

— Дѣло идетъ не о побѣдахъ,—возразилъ царь,—Ливонія наша старинная вотчина.

— Вѣрно ли это?

Иванъ вскипѣлъ.

— Мы просимъ вашу государыню не въ судьи между нами и польскимъ королемъ!

Этотъ разъ прощальный пріемъ былъ назначенъ на 20 февраля, но былъ отложенъ вслѣдствіе болѣзни государя, а 18 марта Щелкаловъ велѣлъ сказать Боусу, что его „англійскій царь померъ". Какъ было и съ Рондольфомъ, англійскій посолъ очутился плѣнникомъ въ своемъ домѣ и терпѣлъ разныя обиды. Такъ продолжалось до мая, когда сынъ Ивана отослалъ его обратно въ Англію съ письмомъ, гдѣ не было рѣчи ни о союзѣ, ни о торговыхъ льготахъ для англійскихъ купцовъ.

По увѣренію Горсея, Щелкаловъ и другіе враги посла, замышляли покушеніе на его жизнь, и только вмѣшатель-

ство его соотечественника предотвратило эту катастрофу. Горсей, вѣроятно, просто хвастался. Настоящимъ государемъ въ то время былъ Борисъ Годуновъ, а намъ извѣстно, что онъ, хотя и тайно, отправилъ Боусу подарокъ съ увѣреніями въ своей преданности. Несмотря на самохвальство Боуса, на правомъ берегу Сѣверной Двины, по-сосѣдству со стариннымъ монастыремъ, росъ новый городъ и укрѣплялась гавань. Голландцы сами указали мѣсто, гдѣ они обѣщали русскимъ создать новую Нарву. Благодаря имъ, здѣсь сконцентрировалась вся морская русская торговля, окончательно освобождавшаяся отъ англійской монополіи. Это былъ Архангельскъ. Англичане попали туда позже и заняли второе мѣсто. Побѣда въ этой борьбѣ осталась за Голландіей, что и отразилось впослѣдствіи на исторіи Петра Великаго.

Въ 1838 г. графъ Віельгорскій въ Италіи собиралъ старинные предметы для возникавшаго русскаго музея. Здѣсь онъ натолкнулся на портретъ Ивана, хорошо написанный и сохранившійся. Портретъ этотъ, вѣроятно, былъ посланъ въ Лондонъ въ 1570 г. (Русск. Архивъ, 1888 г. I, 123). Единственный образчикъ русскаго искусства XVI в., этотъ портретъ принадлежалъ русскому консулу въ Генуѣ г. Смирнову. Онъ купилъ его у Лондонскаго антикварія. Къ сожалѣнію, я не могъ узнать, что сталось съ этимъ полотномъ. Если портретъ является дѣйствительно подлиннымъ, то онъ драгоцѣненъ, какъ для исторіи русскаго искусства, такъ и для исторіи своеобразнаго дипломатическаго эпизода, съ которымъ я только что познакомилъ моихъ читателей. Ни русскіе, ни англійскіе источники ничего не говорятъ о портретѣ, отправленномъ царемъ въ Лондонъ.

Итакъ, мы видѣли, что Иванъ страстно желалъ заключенія союза съ Англіей подъ вліяніемъ кризиса во внутренней жизни и во внѣшнихъ отношеніяхъ.

Перехожу къ послѣдней фазѣ его царствованія.

ЧЕТВЕРТАЯ ЧАСТЬ.

Окончаніе.

ГЛАВА I.

Польское нашествіе. — Баторій.

I. Баторій.—II. Столкновеніе.—III. Польская армія.—IV. Московская армія — V. Взятіе Полоцка. — VI. Поляки въ Московскомъ государствѣ.—VII. Дипломатическое посредничество.—VIII. Осада Пскова

I.

Баторій.

Польская монархія, бывшая избирательной фиктивно до 1572 г., въ этомъ году стала таковой въ дѣйствительности, и собранія на полѣ Воли стали мѣстомъ азартной игры. Въ этой игрѣ принимала участіе вся Европа. Но въ продолженіе двухъ вѣковъ игрокамъ удалось одинъ разъ выбрать настоящаго короля. Онъ былъ незнакомцемъ. Баторій былъ чистой венгерской расы, какъ по своему отцу Этьену Баторію Сомліо, такъ и по матери Катеринѣ Телегда, и происходилъ изъ хорошаго дворянскаго рода. Онъ съ честью служилъ въ императорскихъ войскахъ и съ большимъ успѣхомъ подвизался за дипломатическими кулисами Константинополя и Вѣны. 38 лѣтъ въ 1571 г. онъ сдѣлался воеводой Трансильваніи благодаря расположенію къ нему императора и султана. Въ Польшѣ о немъ мало знали. Онъ считался хорошимъ правителемъ маленькой страны. Позже утверждали, что онъ учился въ Падуѣ въ академіи, гдѣ впослѣдствіи, въ 1789 послѣдній изъ его преемниковъ на тронѣ Ягелло поставилъ ему памятникъ—посредственное произведеніе Карло или Феррари. Вновь избранный король не зналъ по-польски. Онъ говорилъ со своими подданными по латыни или молчалъ, что стоило еще больше въ странѣ, гдѣ всѣ говорили слишкомъ много. На выбо-

рахъ въ 1575 г. кандидатура его была выставлена султаномъ противъ кандидата императора. Иванъ устранился отъ выборовъ. Что касается сына Максимиліана, то его избраніе обѣщало союзъ съ Австріей противъ Турціи. Вступать въ войну съ Турціей въ союзѣ съ Австріей или вести борьбу съ Москвой при поддержкѣ или, по крайней мѣрѣ, нейтралитетѣ Турціи—такова была дилемма. Но польскіе избиратели были поглощены другими соображеніями и раздѣлились—аристократія поддерживала Максимиліана, такъ какъ онъ могъ предложить ей титулы и деньги, мелкое дворянство стояло за венгерца, полагая, что это незначительное лицо будетъ ихъ королемъ и рабомъ, будетъ править при ея помощи и шляхта начнетъ борьбу противъ магнатовъ.

Оказалось, что этотъ незнакомецъ хотѣлъ быть королемъ всѣхъ и умѣлъ достигать того, чего хотѣлъ. Онъ началъ съ того, что появился въ Варшавѣ раньше своего противника. Максимиліанъ не могъ спѣшить безъ риска. Его подстерегали турки. Смерть императора въ октябрѣ 1576 г. сдѣлала Баторія единственнымъ кандидатомъ. Ему оставалось разобраться въ томъ положеніи, въ какомъ Генрихъ-Валуа и не думалъ разбираться. Онъ быстро обнаружилъ дальновидность и умѣнье управлять. По внѣшности, какъ онъ изображенъ на портретѣ, сдѣланномъ въ 1583 г. и хранящемся въ костелѣ отцовъ миссіонеровъ въ Краковѣ, онъ былъ типичнымъ мадьяромъ. Низкаго роста, коренастый, съ выдающимися скулами, длиннымъ носомъ и низкимъ лбомъ. Лицо его массивно, энергично и сурово. Никакой заботы о внѣшности. Никакого изящества. Взглядъ неопредѣленный и дикій. Онъ велъ простой образъ жизни, какъ по необходимости, такъ и благодаря своимъ вкусамъ. Онъ не думалъ оставлять теперь свои привычки и не представлялъ, что его короновали для того, чтобы онъ жилъ въ свое удовольствіе. Онъ не носилъ перчатокъ. Обуваясь по-польски, онъ пренебрегалъ чулками, входившими тогда въ моду. Здоровье его было не важно. Онъ уже давно страдалъ какой-то болѣзнью. На лѣвой ногѣ у него была никогда незакрывавшаяся рана. Болѣзнь эта прогрессировала. Многіе вспоминали, что этотъ на видъ здоровый человѣкъ еще во время службы при императорскомъ дворѣ страдалъ припадками апоплексіи или эпилепсіи—врачи того времени плохо различали болѣзни. Но по прибытіи въ Польшу новый король не обнаружилъ ничего. Онъ засадилъ за работу своихъ секретарей, самъ же цѣлые дни проводилъ на конѣ, показывая себя неустрашимымъ охотникомъ.

Въ моральномъ отношеніи Баторій представлялъ любопытную смѣсь гибкости и твердости, самодержавныхъ наклонностей и либерализма, жестокости и мягкости. Одному депутату, повысившему голосъ на сеймѣ, онъ крикнулъ, схватившись за саблю: „Tace nebulo!“ Тотъ же жестъ онъ повторилъ по поводу непріемлемыхъ требованій шведскаго короля, сказавъ: „Docebo istum regulum“. Вопреки обычаямъ, онъ осудилъ и велѣлъ обезглавить одного буйнаго дворянина изъ вліятельнѣйшей семьи. На всѣ просьбы и угрозы онъ отвѣчалъ: „Canis mortuus non mordet, plectatur!“

Съ возмутившимися казаками онъ поступалъ такъ, какъ сдѣлалъ бы самъ Грозный. Какъ передаютъ, онъ приказалъ казнить ихъ десятками и трупы рубить на части. Разъ во время аудіенціи, данной одному иностранцу, его разсердила собака. Ударомъ сапога со шпорой онъ отшвырнулъ ее въ противоположный конецъ комнаты. Но со своимъ старымъ сюзереномъ въ тюрбанѣ онъ умѣлъ обходиться деликатно. Выражая сочувствіе протестантизму въ Трансильваніи, онъ былъ ярымъ католикомъ въ Польшѣ. Онъ устроилъ такъ, что былъ представленъ избирательному сейму аріанцемъ Бландрата. Послѣ же избранія въ короли совѣтниками его стали іезуиты.

Онъ хотѣлъ быть господиномъ въ своемъ королевствѣ и не дѣлалъ разницы между старостой и простымъ евреемъ, хотя это было въ XVI вѣкѣ. Онъ думалъ уничтожить барщину и замѣнить наказаніе кнутомъ—денежнымъ штрафомъ. На полѣ сраженія онъ часто жаловалъ дворянствомъ простыхъ крестьянъ. Этотъ строгій къ другимъ и къ себѣ человѣкъ, былъ нѣженъ и даже сентименталенъ съ друзьями и при ихъ потерѣ могъ даже заболѣть отъ огорченія.

При дворѣ, который послѣдніе Ягеллоны итальянизировали, въ странѣ, широко охваченной умственными теченіями вѣка, онъ производилъ на первыхъ порахъ впечатлѣніе простого крестьянина. Но придя въ соприкосновеніе съ этой средой, онъ сталъ впереди просвѣщеннѣйшихъ государей эпохи, хотя и отказался отъ утонченностей, чуждыхъ его темпераменту. Онъ основалъ виленскую академію, былъ сторонникомъ и проводникомъ календарной реформы, организаторомъ почты и финансовъ, создателемъ новой судебной организаціи.

Онъ дѣйствительно управлялъ страной, внеся въ испорченный механизмъ порядокъ. Будучи чуждымъ странѣ по своему происхожденію, языку и нравамъ, Баторій представлялъ собой Польшу въ ея живыхъ силахъ. Польшу XVI вѣка, которая была и остается—я надѣюсь никого не

оскорблю этимъ утвержденіемъ—высшимъ историческимъ выраженіемъ славянской расы, какое только было извѣстно до сего времени міру. Страна, надорванная монархіей, но еще неистощенная матеріально, собиралась въ скоромъ времени проявить сильный и грозный подъемъ духа. Морально она была еще способна къ благороднымъ завоеваніямъ человѣческаго духа. Это была страна воиновъ, вдохновенныхъ поэтовъ, пылкихъ политическихъ писателей и ораторовъ, поднимавшихся до вершины свѣтскаго и духовнаго краснорѣчія. Это была страна, гдѣ Фрицъ Моджевскій, провозглашая въ программѣ соціальныхъ реформъ всеобщее равенство правъ, опередилъ всѣхъ публицистовъ эпохи. Кохановскій соперничалъ по увлекательности и изяществу съ Ронсаромъ, а Скарга предвосхищалъ Боссюэта. Грубый съ виду Баторій былъ истиннымъ представителемъ этой страны благодаря своему генію. Какъ истинный представитель интересовъ своей страны онъ подготовилъ борьбу съ Москвой прежде всего изъ-за Ливоніи, а потомъ изъ-за самого существованія государства. Онъ понялъ, что Польша, какой онъ ее видѣлъ—цивилизованная, гражданственная, либеральная, буйная, католическая,—должна поглотить свою великую сосѣдку и навязать ей свою культуру, свой поличическій строй и свою религію. Въ противномъ случаѣ ей угрожала опасность самой быть поглошенной и подчиниться чужимъ порядкамъ.

Существованіе двухъ великихъ славянскихъ государствъ, развивающихся независимо другъ отъ друга, не представляло ничего невозможнаго. Но для этого нужно было, чтобы Польша Пястовъ и Ягеллоновъ развивалась согласно своему происхожденію, т.-е., чтобы, оставаясь въ сторонѣ отъ Запада, притягивала къ себѣ западныхъ и южныхъ славянъ. Однако, вытѣсненная отсюда германскимъ движеніемъ, она направила свою дѣятельность на Востокъ, основала большое государство, полупольское, полурусское, полукатолическое, полуправославное. Она соединяла въ себѣ элементы монархіи и республики, цивилизацію и варварство.

Здѣсь была одна орбита и два центра притяженія, два государя всея Руси для одной державы.

Послѣ избранія на престолъ Баторій долженъ былъ подавить возстаніе Данцига. Онъ обладалъ нѣкоторой опытностью въ осадныхъ войнахъ, однако въ этой компаніи онъ не обнаружилъ блеска; поляки еще не были въ его рукахъ. Впрочемъ, его права на почетное мѣсто среди великихъ полководцевъ его времени оспариваютъ нѣкоторые. Конечно, ошибочно приписывать ему изобрѣтеніе каленыхъ ядеръ, давшее у Данцига ничтожные результаты. Мейнертъ утвер-

ждаетъ, что употребленіе этихъ снарядовъ восходитъ къ первымъ годамъ XV столѣія. Возможно, что польская армія, какъ говоритъ одинъ изъ біографовъ короля Альбетранди, была обязана Баторію усовершенствованіемъ пушекъ и полезными измѣненіями въ обмундировкѣ и вооруженіи кавалеріи. Въ теченіе его царствованія была создана военная организація казаковъ. Въ 1576 г. онъ создалъ королевскую гвардію. Въ 1578 г. сформировалъ пѣхоту, при помощи рекрутскаго набора въ королевскихъ владѣніяхъ, что является вѣрнымъ основаніемъ его военной славы. Присоединивъ къ созданному имъ войску значительное количество иностранныхъ полковъ—венгерскую пѣхоту и нѣмецкую кавалерію, онъ произвелъ въ своемъ новомъ отечествѣ революцію, которая еще раньше измѣнила на Западѣ основы военнаго могущества. Онъ далъ Польшѣ армію, организованную и вооруженную по-европейски. Наконецъ, три войны, приведшія его въ сердце московскаго государства, признаны спеціалистами столь же удачно задуманными, какъ и выполненными. Компаніи эти, правда, имѣютъ нѣкоторыя слабыя стороны. Если и пытались ограничить роль его личной инціативы въ этомъ, то успѣха достигали небольшого. Баторій, можетъ быть, не обнаружилъ высшихъ талантовъ, но съ другой стороны, возможно, что ему не давала развернуть ихъ тактика Ивана. Заслуга же его въ томъ, что онъ былъ дѣйствительно главой дѣла съ геніемъ руководителя. Пріемы, употребленные имъ для обезпеченія возможныхъ выгодъ въ борьбѣ съ московскимъ государемъ, можно разсматривать какъ высшее обнаруженіе искусства.

II.

Столкновеніе.

Въ это столкновеніе оба врага шли съ одинаковой рѣшимостью. До смерти Максимиліана Иванъ, отправляя въ Вѣну гонца за гонцомъ, держался плана, выработаннаго въ Можайскѣ. Послѣ же его смерти Иванъ выпроводилъ оба польскія посольства, присланныя одно за другимъ Баторіемъ къ царю для выигрыша времени, предъявивъ невозможныя требованія. Заявляя притязанія на Кіевъ послѣ Витебска, Иванъ думалъ только о томъ, какъ бы воспользоваться преимуществами, достигнутыми въ Ливоніи. Въ мартѣ 1578 г. царь согласился подписать перемиріе на три года. Но пріостановка враждебныхъ дѣйствій не относилась къ территоріи, гдѣ обѣ стороны чувствовали себя

дома, что замѣчалось въ Ливоніи. Болѣе того, въ русскій текстъ договора Иванъ произвольно включилъ статью, запрещавшую полякамъ вмѣшиваться въ ливонскія дѣла.

Въ результатѣ уже весной того же года произошло столкновеніе изъ-за обладанія Венденомъ. Иванъ отправилъ туда армію въ 18.000 человѣкъ, болѣе чѣмъ достаточно, по его мнѣнію, чтобы одолѣть полки Сапѣги и Ходкевича, не столь многочисленные и лишенные до той поры всего необходимаго. Когда къ Ивану явился посолъ Баторія, онъ велѣлъ ему подождать: „Скоро будутъ вѣсти изъ Ливоніи!“ Онѣ пришли и Иванъ узналъ, что кое что измѣнилось въ Варшавѣ.

Въ началѣ своего царствованія Баторій поспѣшилъ послать въ Стокгольмъ каштеляна Санокскаго, Ивана Гербурта. Онъ привезъ изъ Швеціи оборонительный и наступательный договоръ для захвата Ливоніи. Теченіе Нарвы должно было служить линіей раздѣла между захваченными уже владѣніями и тѣми, которыя будутъ пріобрѣтены послѣ этого. Поляки подъ начальствомъ Андрея Сапѣги и шведы подъ начальствомъ Боэ объединились и, заставивъ московскихъ военачальниковъ принять бой въ открытомъ полѣ, доказали свое превосходство въ такихъ сраженіяхъ. Въ этомъ бою русскихъ пало 6000 человѣкъ, погибло 4 воеводы, четыре было взято въ плѣнъ, пушкари Ивана сами себя задушили на своихъ пушкахъ. Таково было донесеніе, полученное царемъ. Только татарская конница его подъ начальствомъ Голицына избѣгла разгрома. По польскимъ источникамъ, Голицынъ обратился въ бѣгство, чѣмъ ускорилъ пораженіе русскихъ. Вмѣстѣ съ ними бѣжали старый воинъ окольничій Ѳедоръ Шереметьевъ и довѣренный царя, дьякъ Щелкаловъ, врагъ Боуса.

Послѣ этого уже не могло быть больше рѣчи ни о перемиріи, ни о переговорахъ. Иванъ отпустилъ польскаго посла, по своему взявъ съ него реваншъ. Еще по восшествіи на престолъ Баторія Иванъ отказался назвать его братомъ. „Если бы вы захотѣли избрать въ короли Ивана Костку, сказалъ онъ полякамъ, я и его долженъ былъ бы назвать братомъ?“ Костка былъ простой дворянинъ. „Что такое вашъ трансильванскій князь? Никто объ этомъ княжествѣ до сихъ поръ ничего не слыхалъ.“ Гарабурда слышалъ отъ царя много ѣдкихъ колкостей въ этомъ родѣ. Въ то же самое время послы Ивана Карповъ и Головинъ были въ Варшавѣ. Баторій ихъ третировалъ, слѣдуя примѣру Ивана. Какъ говоритъ протоколъ, на ихъ пріемѣ Баторій не всталъ и не спросилъ о ихъ государѣ, послѣ чего послы объявили, что не могутъ выполнить возложенную на нихъ миссію.

Они видѣли, что страна охвачена воинственнымъ воодушевленіемъ. Собравшійся 19 января 1578 года сеймъ вотировалъ на 2 года экстраординарный налогъ. Доходъ съ него исчисляли въ 800.000 и даже въ 1.200.000 флориновъ. Безъ сомнѣнія, это было немного. Ежегодный расходъ на содержаніе испанской арміи въ Голландіи въ ту же пору поднимался до 7.000.000 дукатовъ. Но Рѣчь Посполитая до сихъ поръ никогда еще не шла на такія жертвы. Если бы поступленія шли согласно исчисленіямъ—этого было бы достаточно. Однако разсчеты не оправдались. Но Баторій сумѣлъ добыть денегъ и подчинить своей волѣ сеймъ. Не дѣлая большихъ расходовъ на себя, онъ могъ обратить на военныя надобности всѣ доходы со своихъ помѣстій. Кромѣ того онъ получилъ кредитъ заграницей, а получивъ деньги, нашелъ и людей.

III.

Польская армія.

Польская знать составляла отличную кавалерію, недавно доказавшую свои достоинства подъ Венденомъ. Но можно было полагать, что русскіе воспользуются опытомъ и теперь будутъ ждать поляковъ подъ защитой своихъ крѣпостей. Польская пѣхота, по свидѣтельству историка Длугоша, существовала съ начала XV вѣка. Однако она едва достигала 2.000 и была вооружена только пиками. Баторій далъ ей болѣе современное вооруженіе—мушкеты, сабли, топоры и утроилъ ея численность крестьянами, принадлежавшими коронѣ. Кто шелъ въ ряды арміи добровольно, освобождался отъ всѣхъ повинностей. Въ добровольцахъ не было недостатка, и они отличались большой храбростью. Кромѣ того король имѣлъ около 5.000 венгерской пѣхоты, польскій отрядъ, обмундированный по-венгерски и составленный изъ нестроевыхъ, и еще отрядъ, набранный изъ знати. Эти силы онъ подкрѣпилъ нѣмцами, шотландцами, казаками. Въ кавалерію онъ ввелъ нѣмецкихъ и польскихъ пищальниковъ.

Общее количество организованнаго войска, включая и литовскія силы, не превышало 20.000 человѣкъ. Замѣчательно, что литовская знать — наполовину русская, православная, была всецѣло на сторонѣ Баторія въ этой войнѣ. Съ этимъ согласны даже русскіе историки (Лаппо, Великое княжество Литовское въ 1569—1586 г., СПБ., 1901 г., стр. 179). Литва дала, что имѣла—нѣсколько тысячъ всадниковъ, представлявшихъ цѣнную силу, особенно въ зим-

нее время. Лучше перенося суровый климатъ, отъ котораго польская армія больше страдала, и менѣе удаленные отъ своихъ очаговъ, литовцы представляли противовѣсъ дезорганизованной главной арміи. Эта армія была горстью людей, но она была первой арміей по качеству. Въ ней былъ иноземный элементъ, но въ XVI вѣкѣ это не было исключеніемъ. Въ сраженіи при Дрё (12 декабря 1562 г.) армія Гиза насчитывала въ своихъ рядахъ 12.000 нѣмцевъ, швейцарцевъ и испанцевъ, при 6.000 французовъ. Такой же составъ былъ и арміи противниковъ.

Слаба была у поляковъ въ эту, какъ и въ послѣдующія войны, артиллерія. Несмотря на старанія Баторія набрать въ Германіи и даже Италіи хорошихъ литейщиковъ пушекъ и на просьбы у курфюрста Саксонскаго доставить осадныя орудія и артиллерійскіе матеріалы, его артиллерія была все время слаба и недостаточна. Количество артиллеристовъ въ 1580 г. не превышало 73, а въ слѣдующемъ году равнялось 20.

Послѣ этихъ разсчетовъ ясно, что королю нужно было очень много смѣлости, чтобы начать войну съ такими средствами. Дѣло шло не о повтореніи Венденскаго сражеиія и не о продолженіи враждебныхъ дѣйствій въ истощенной пятнадцатилѣтней борьбой Ливоніи, гдѣ почва уходила изъ-подъ ногъ соперниковъ. Въ этой опустошенной странѣ, усѣянной развалинами, не представлялось возможности добиться въ будущемъ опредѣленнаго успѣха и даже вести болѣе или менѣе продолжительную кампанію. Сигизмундъ-Августъ еще въ 1562 г. разсудилъ, что ключъ отъ этой провинціи въ другомъ мѣстѣ. Его надо искать въ Москвѣ, напавъ на главнаго соперника въ его жилищѣ. Но у него не было средствъ выполнить этотъ смѣлый наступательный планъ. Теперь на это рѣшился Баторій. Онъ задумалъ сдѣлать нашествіе на Москву въ этой борьбѣ, гдѣ ставка превысила первоначальный предметъ спора. Сражаясь за Ливонію, на дѣлѣ боролись изъ-за обладанія сѣверо-востокомъ и изъ-за гегемоніи надъ славянскимъ міромъ.

Въ этомъ предпріятіи Польша могла разсчитывать только на собственныя силы. Швеція заключила съ ней союзъ только для Ливоніи. Въ новомъ планѣ Баторія она видѣла лишь средство развязать себѣ руки и сдѣлать свое дѣло, держась буквы договора. Данія также уклонялась. Ея отношенія къ Ивану становились миролюбивыми. Ханъ предложилъ свою помощь, обѣщая двинуть своихъ татаръ въ августѣ 1578 г., но и пальцемъ не пошевелилъ. Баторій посвятилъ въ свои планы великаго визиря Магомета Со-

колли, но этотъ полководецъ отвѣтилъ, что царь страшенъ, и съ нимъ помѣриться силами можетъ только лишь одинъ султанъ. Султанъ хотѣлъ остаться нейтральнымъ. Безъ сомнѣнія, король предвидѣлъ эти неудачи, дѣлая свои разсчеты.

Оставалось выбрать пунктъ атаки. Литовцы хотѣли, чтобы Баторій шелъ на Псковъ, и такимъ образомъ захватить въ свои руки единственный путь изъ Москвы къ Прибалтійскому побережью. Но для этого нужно было пересѣчь Ливонію и доканать страну, которую хотѣли пощадить, или двинуться по русской территоріи и оставить за собой рядъ русскихъ крѣпостей и незащищенную Литву. Баторій рѣшилъ первое усиліе направить на Полоцкъ, расположенный на Двинѣ и имѣвшій большое значеніе для путей, шедшихъ въ Ливонію и Литву. Оттуда рѣшено было идти на Псковъ.

Остановившись на этомъ планѣ, Баторій выбралъ Свиръ мѣстомъ концетраціи. Здѣсь можно было до послѣдняго момента скрывать истинную цѣль экспедиціи. Онъ искусно распредѣлилъ свои силы между путями, ведущими къ этому мѣсту соединенія, и съ умѣньемъ произвелъ фланговое движеніе отъ Свира къ Деснѣ, въ то же время прикрывая Вильну и обозы, сопровождавшіе главную армію. Онъ воспользовался водными путями и понтонными мостами для переправы большихъ грузовъ. Спеціалисты утверждаютъ, что методъ дѣйствія на коммуникаціонныя линіи противника возникъ въ Европѣ только въ концѣ XVII вѣка. Возможно. Но изобрѣтатели методовъ часто идутъ за людьми практики.

Баторію, однако, не удалось осуществить свой планъ въ томъ видѣ, какъ онъ его задумалъ. Соединеніе въ Свирѣ было назначено на 4 мая 1579 г., но не смотря на энергію короля, опоздали. Не было ни денегъ, ни снаряженія для войска. Благодаря этому и пословъ московскихъ переводили изъ одного города въ другой, назначая имъ аудіенціи, и отпустили ихъ только въ іюнѣ мѣсяцѣ, и тогда же польскій курьеръ отвезъ въ Москву формальное объявленіе войны. Спустя нѣсколько дней Баторій началъ военныя дѣйствія. Армія перешла Десну по понтонному мосту, сооруженному въ 3 часа. Въ этой арміи было 6517 всадниковъ польскаго войска, изъ нихъ 1338 были нѣмцы и венгры, и 4830 чел. пѣхоты, между ними 3451 нѣмцевъ и венгровъ. Въ литовскомъ отрядѣ было 4.000 всадниковъ. Среди иностранныхъ офицеровъ находился Георгъ Фаренсбахъ. Раньше онъ былъ полковникомъ на службѣ у датскаго короля и еще недавно служилъ воеводой у царя. Его

совѣты принесли большую пользу. 15.000 человѣкъ—было все, чѣмъ располагалъ Баторій, чтобы вторгнуться въ московское государство.

Поляки начали войну соотвѣтственно европейскимъ нравамъ той эпохи. Прежде чѣмъ заговорить языкомъ пороха, истратили немало чернилъ и даже типографской краски. Объявленіе войны, отправленное Баторіемъ въ Москву, сопровождалось длиннымъ историческимъ обзоромъ, напичканнымъ датами, дипломатическими текстами и ѣдкими замѣчаніями. Не забыли даже Пруса, знаменитаго брата цезаря Августа, отъ котораго Иванъ пытался вывести свое происхожденіе. Въ 1580 году въ Нюренбергѣ была издана брошюра, воспроизводящая неточно этотъ документъ и сохранившаяся въ ограниченнномъ числѣ экземпляровъ. На ней есть виньетка, изображающая посла Баторія Венцеслава Лопацинскаго выполняющимъ свою миссію. Съ обнаженной саблей за поясомъ онъ вызывающимъ жестомъ подаетъ царю письмо. Картина эта такъ же фантастична, какъ и текстъ, сопровождающій ее и недавно исправленный аббатомъ Польковскимъ. (Acta historica, Краковъ 1887 г., XI, 162). Иванъ не допустилъ къ себѣ Лопацинскаго. Баторій, желая произвесть впечатлѣніе своей деклараціей, разсчитывалъ главнымъ образомъ на гласность. Онъ приказалъ отпечатать ее на польскомъ, нѣмецкомъ и венгерскомъ языкахъ на станкахъ, которые сопровождали его въ продолженіе всей войны. Въ Свирѣ, куда онъ прибылъ 12 іюня 1579 г., онъ выпустилъ манифестъ съ цѣлью оправдать свое предпріятіе и примирить съ нимъ общественное мнѣніе какъ внутри страны, такъ и заграницей. Никогда еще полководецъ въ подобнаго рода документахъ не вдохновлялся столь благородными идеями. Тутъ были обѣщанія уважать личность, собственность и привилегіи мирнаго населенія, запрещать и подавлять всякаго рода насилія. Здѣсь были всѣ формулы, сдѣлавшіяся впослѣдствіи банальными и лживыми, но въ то время онѣ были новинкой, и Польща XVI вѣка имѣла право гордиться ими. Баторій проявилъ много заботы, чтобы найти моральную поддержку въ недовѣрчивой публикѣ. Всѣ событія этой войны стали предметомъ подобныхъ же декларацій. Библіографія той эпохи содержитъ много брошюръ, отпечатанныхъ либо оффиціально, либо оффиціозно; въ нихъ оцѣниваются малѣйшія событія этой войны. Эта литература отправлялась въ Польшу, Германію и даже въ Римъ, гдѣ посланникъ короля полоцкій епископъ Петръ Дунинъ-Вольскій перепечатывалъ ее. Произведенія эти не отличались вниманіемъ къ исторической правдѣ. Они руководили нѣмецкой прессой,

старавшейся удовлетворить любопытству своихъ читателей, жадныхъ до новостей. Одинъ листокъ (Zeitung), описывавшій побѣду Баторія, въ короткое время выдержалъ четыре изданія. Съ 1581 г. король ввелъ цензуру. Одинъ нѣмецкій историкъ утверждаетъ, что указъ, изданный въ это время, угрожалъ смертной казнью авторамъ враждебныхъ сочиненій. Одинъ памфлетъ, напечатанный въ Краковѣ, вызвалъ такое наказаніе. Нѣмецкіе законы о печати того времени также не отличались мягкостью.

Я отмѣчаю эти подробности, чтобы обрисовать завязавшуюся борьбу въ истинномъ видѣ. Хотя вели борьбу два народа одной семьи, но все же они были представителями двухъ различныхъ міровъ. Смѣсь солдатъ всѣхъ странъ, двигавшихся въ сопровожденіи писакъ и типографщиковъ, представляла латинскій западъ. Подъ славянскимъ знаменемъ повторялись восточныя нашествія только въ обратномъ направленіи. Эта побѣдоносная война можетъ разсматриваться, какъ завѣтъ Польши, и историческое изученіе ея представляетъ большой интересъ

Манифесты нападающей арміи не внушаютъ намъ довѣрія, но Баторій остался вѣренъ своему слову. „Никогда еще война не велась съ большей умѣренностью и гуманностью по отношенію къ земледѣльцамъ и мирнымъ гражданамъ.“ Такое свидѣтельство о королѣ даетъ русскій историкъ Карамзинъ. Это отмѣчаютъ и два другихъ документа: циркуляръ 7 мая 1580 г., съ которымъ Баторій обращался къ дворянству Полоцкой земли, и военный регламентъ, примѣнявшійся во время этой компаніи. Циркуляръ былъ настоящей хартіей, обезпечивающей наиболѣе заинтересованнымъ лицамъ ихъ льготы и привилегіи. Регламентъ запрещалъ убивать дѣтей, стариковъ, духовныхъ лицъ, насиловать женщинъ, уничтожать и портить посѣвы даже для корма лошадей. Этотъ регламентъ примѣнялся, несмотря на разные эксцессы, допускавшіеся со стороны русскихъ. Русскіе источники упоминаютъ о вызывающихъ поступкахъ московской арміи. Карамзинъ говоритъ объ убійствѣ нѣкотораго числа плѣнниковъ при осадѣ Полоцка. Трупы ихъ были брошены въ рѣку и плыли предъ глазами осаждающихъ. Несморя на это, польская армія прибѣгала къ репрессіямъ очень рѣдко, давая такимъ образомъ урокъ цивилизованному міру. Военные судьи, снабженные широкими полномочіями, сумѣли поддержать въ польской арміи строгую дисциплину. Король давалъ лучшій примѣръ, изгоняя безпорядокъ и ненужную роскошь. Онъ спалъ часто на кучѣ сухихъ листьевъ, ѣлъ на скамьѣ безъ скатерти. Онъ былъ безжалостенъ къ мародерамъ. Опи-

раясь на религіозное чувство, столь сильное у грубой массы, онъ поднималъ моральное чувство у солдатъ. Даже для пароля служили такія выраженія: „Боже прости насъ грѣшныхъ“, „Господь наказываетъ злыхъ“.

Все это однако не исключало нѣкоторыхъ жестокостей, считавшихся необходимыми въ то время. Такъ, напр., подвергали пыткѣ плѣнниковъ, добывая отъ нихъ свѣдѣнія. Сначала трудно было сдерживать пылъ воиновъ, доходившихъ до безумія. Они иногда разгоняли лошадей и ломали копья о стѣны осажденныхъ городовъ. Венгерская пѣхота, опытная въ осадныхъ дѣйствіяхъ, первой была на приступѣ и первой въ грабежѣ, часто обнаруживая неповиновеніе. Шляхта въ промежуткахъ между сраженіями подымала споры о важности достигнутыхъ выгодъ. Но все-таки, принимая во вниманіе варварство, никогда не отдѣлявшееся отъ той кровавой игры, которая именуется войной, мы можемъ утверждать, что со стороны поляковъ война эта велась благородно. Лѣтописи XVI в. не отмѣтили ни одной такой войны. При одинаковой храбрости противники имѣли разныя физіономіи.

IV.

Московская армія.

Если Баторій потерпѣлъ неудачу въ Стокгольмѣ, пытаясь привлечь шведовъ къ этой борьбѣ, то не большій успѣхъ имѣлъ и Иванъ въ Вѣнѣ. Отправленный въ 1578 г. къ Рудольфу Квашнинъ напрасно старался добиться заключенія союза, предположеннаго еще при Максимиліанѣ. Императоръ требовалъ верховенства надъ Ливоніей какъ перваго условія договора. Неудача постигла Ивана и въ переговорахъ съ ханомъ, требовавшимъ себѣ Астрахань и большую сумму денегъ. Былъ моментъ, что татары даже чуть не стали противниками Ивана, какъ этого желалъ Баторій. Посланникъ короля Иванъ Дрогойовскій пытался вести переговоры въ Константинаполѣ о союзѣ, въ который вошелъ бы и ханъ. Но Портѣ нужно было направить татаръ противъ персовъ. Въ результатѣ король и царь остались въ войнѣ одни другъ противъ друга. Разница въ ихъ положеніи заключалась въ томъ, что Иванъ не имѣлъ необходимости ни выпрашивать у сейма средствъ, ни взывать къ доброй волѣ своихъ подданныхъ, чтобы пополнить армію. Личность и имущество его подданныхъ были въ его власти. При извѣстіи о наступленіи поляковъ, Иванъ велѣлъ оставить гарнизонъ въ 80 городахъ по Окѣ, Волгѣ,

Дону и Днѣпру и концентрировать военныя силы въ Новгородѣ и Псковѣ.

Свѣдѣнія о значительности этихъ силъ противорѣчивы. Оцѣнка Карамзина какъ польскихъ, такъ и русскихъ силъ, не точна. Хорошо освѣдомленный Флетчеръ принимаетъ составъ русской арміи въ 300.000 человѣкъ, но Бѣляевъ недавно поднялъ эту цыфру до милліона. Утвержденіе Карамзина, что Иванъ могъ потопить польскую армію въ волнахъ своего войска и направить его теченіе на Вильну и Варшаву, получило, такимъ образомъ, новое подтвержденіе. Позднѣйшія изслѣдованія, однако, обнаружили ошибку знаменитаго историка. Исчисленія Павлова - Сильванскаго (служилые люди, стр. 117 и дальше), показываютъ, что за вычетомъ изъ общей суммы гарнизоновъ, приблизительно равной 23.000 бояръ, боярскихъ дѣтей и дворянъ, у царя оставалось около 10.000 служилыхъ людей. Каждый изъ нихъ приводилъ съ собой двухъ вооруженныхъ всадниковъ. Это составитъ 30.000 всадниковъ или по точнымъ вычисленіямъ автора 31.596. Кромѣ того, у царя было 15.119 стрѣльцовъ и казаковъ, пѣшихъ и конныхъ, 6461 челов. татаръ и 4513 челов. различныхъ родовъ оружія. Среди нихъ было неизвѣстное количество иностранцевъ—голландцевъ, шотландцевъ, датчанъ и грековъ. Въ общемъ это составляло 57.689 челов. изъ приблизительной цыфры 110.000, которой равнялись всѣ вооруженныя силы государства. Посошные люди, набиравшіеся въ разныхъ количествахъ, сообразно нуждамъ войны, значительно увеличивали общее количество войска. Однако, эти люди могли употребляться только для земляныхъ работъ и для нѣкоторыхъ услугъ въ лагерѣ. Польская армія вела съ собой также большое число этихъ нестроевыхъ. Въ общемъ силы противниковъ относились какъ одинъ къ четыремъ.

Повидимому, попытка Баторія при такомъ превосходствѣ силъ Ивана была безразсудной. Но это только такъ казалось. Нѣкоторые историки, подъ вліяніемъ Курбскаго, полагали, что на положеніи царя въ этотъ моментъ тяжело отзывалось отсутствіе лучшихъ его полководцевъ, которыхъ онъ лишился благодаря опричнинѣ. Безъ сомнѣнія, на ходѣ и результатахъ этой войны сказались слѣдствія крупнаго политическаго, соціальнаго и экономическаго кризиса, пережитаго страной. Но этимъ однимъ нельзя объяснять всѣхъ неудачъ Ивана. Лучшимъ его полководцемъ, съ самаго начала царствованія его, былъ Петръ Шуйскій, но и онъ не отличился подъ Оршей. Страна была истощена и скоро обнаружила свою неспособность къ продолжительному усилію. Для начала кампаніи, однако, еще оставались

силы, не тронутыя опричниной. За исключеніемъ русской артиллеріи и нѣсколькихъ сотенъ иностранныхъ солдатъ и офицеровъ, противъ *европейской* арміи Баторія стояла старая московская армія, слабость которой Иванъ уже испыталъ въ битвахъ со шведами и поляками. Личныя качества начальниковъ и рядовыхъ, ихъ героическая выносливость и самоотверженность не искупали недостатка вооруженія этой арміи. Дисциплина, даже простая дрессировка и порядокъ командованія отсутствовали.

Рѣшеніе Ивана въ этотъ критическій моментъ опредѣлилось столько же его темпераментомъ, сколько и отчетливымъ пониманіемъ причины слабости своего войска. Иванъ не былъ храбрымъ воиномъ. При создавшихся условіяхъ ему не могла прійти въ голову мысль во главѣ своихъ бояръ броситься на встрѣчу Баторію. Въ Москвѣ это не практиковалось съ отдаленной и легендарной эпохи Дмитрія Донского. Уже сынъ этого національнаго героя бѣжалъ предъ новымъ нашествіемъ татаръ въ Кострому. Это стало традиціей, и царь на этотъ разъ долженъ былъ болѣе чѣмъ когда бы то ни было слѣдовать ей. Опричнина не отняла у Ивана арміи, но эта армія обречена была на пораженіе при встрѣчѣ съ поляками и венграми Баторія въ открытомъ полѣ.

Иванъ сначала ошибся въ намѣреніяхъ противника, предполагая, что онъ направитъ свои усилія, какъ и прежде, на Ливонію. Прибывъ въ Новгородъ въ іюлѣ 1579 г., онъ отдѣлилъ часть своей азіатской конницы въ нѣсколько тысячъ человѣкъ принять первый ударъ врага. Не встрѣчая никакого сопротивленія, этотъ отрядъ возобновилъ подвиги Шигъ-Алея. Между тѣмъ, предоставивъ провинцію собственнымъ силамъ и ограничившись нѣкоторыми мѣрами предосторожности для прикрытія своей арміи съ фланга, Баторій двинулся на Полоцкъ. Пока русскіе выяснили планъ его дѣйствій, было уже поздно приводить городъ въ оборонительное положеніе. Иванъ не думалъ преграждать путь Баторію. Онъ раздѣлилъ свою армію на двѣ части и отправилъ одну часть къ Феллину противъ шведовъ, другую къ Острову, поручивъ князьямъ Лыкову и Палецкому идти на помощь Полоцку. Но при этомъ онъ предупредилъ ихъ, что они ограничатся тѣмъ, что будутъ тревожить врага и перехватятъ его обозъ. Грозный остановился на системѣ слабой защиты, прерываемой дипломатическими попытками улаженія спора. Онъ и долженъ былъ держаться этой системы. Безъ сомнѣнія, Грозный надѣялся истощить поляковъ осадной войной, въ которой онъ имѣлъ бы преимущества, благодаря своей артиллеріи и упорству русскихъ.

Какъ и предвидѣлъ Баторій, ему приходилось вести осадную войну. Но и здѣсь его геній и счастье парализовали стратегію и дипломатію Ивана.

V.

Взятіе Полоцка.

Въ началѣ августа 1579 г. Полоцкъ былъ осажденъ. Гарнизонъ держался храбро. 107 орудій отражали поляковъ. Но въ концѣ третьей недѣли городъ долженъ былъ сдаться благодаря отсутствію помощи. Епископъ Кипріанъ отказался признать сдачу и съ нѣкоторыми боярами онъ заперся въ церкви святой Софіи, гдѣ ихъ взяли силой. Эта подробность свидѣтельствуетъ объ отчаянномъ сопротивленіи. Добыча, взятая въ этой церкви, и добро, награбленное въ городѣ, обманули ожиданія побѣдителей. Самой цѣнной частью добычи была библіотека, содержавшая многочисленныя лѣтописи и славянскій переводъ отцовъ церкви. Она была сожжена. Успѣхъ поляковъ все-таки былъ большой, и Баторій не остановился на немъ. Послѣ ужаснаго кровопролитія онъ взялъ Соколъ и занялъ нѣкоторыя сосѣднія крѣпости. Въ это же время князь Константинъ Острожскій опустошалъ Сѣверскую землю до Стародуба, а староста Орши Кмита дѣлалъ то же самое въ Смоленской области. Иванъ не препятствовалъ имъ.

Царь бѣжалъ. Покинувъ Новгородъ, онъ прибылъ въ Псковъ, откуда, какъ настоящій восточный дипломатъ, не выдавая своего положенія, онъ вступилъ въ переписку съ двумя главнѣйшими литовскими магнатами—виленскимъ воеводой Радзивилломъ и канцлеромъ Литвы Воловичемъ. Онъ писалъ имъ, что отказался отъ защиты Полоцка по настоянію бояръ, желавшихъ прекратить пролитіе христіанской крови, и выражалъ надежду, что Радзивиллъ и Воловичъ по тѣмъ же побужденіямъ съ своей стороны приложатъ усилія для возстановленія мира.

Можно себѣ представить, какой пріемъ встрѣтили эти письма. Впрочемъ, Баторій готовъ былъ поддержать дипломатическія сношенія, чтобы выиграть время для подготовки къ новой компаніи. Посолъ Лопатинскій, привезшій объявленіе войны, силой удерживался въ Москвѣ. Король потребовалъ его освобожденія. При этомъ гонецъ побѣдителя, простой курьеръ былъ принятъ Иваномъ съ большой предупредительностью и даже приглашенъ къ царскому столу. Лопатинскій былъ освобожденъ, и царь выразилъ же-

ланіе принять польскихъ пословъ для мирныхъ переговоровъ, хотя онъ еще не отказывался отъ своихъ притязаній. Легко догадаться, каковъ былъ отвѣтъ Баторія: теперь не его очередь посылать пословъ!

Смущенный Иванъ снова обратился къ Вѣнѣ, отправивъ туда Аѳонасія Рѣзанова съ новымъ, еще болѣе настоятельнымъ призывомъ. Однако со стороны царя еще не было самоуниженія.

Посолъ имѣлъ приказъ отъ царя, если его пригласятъ къ столу императора, согласиться занять только первое мѣсто, хотя бы ему пришлось столкнуться съ послами французскаго короля или султана. На вопросъ, какъ случилось, что король взялъ Полоцкъ, посолъ долженъ былъ отвѣтить, что произошло это благодаря неожиданному нападенію и нарушенію королемъ перемирія, заключеннаго на три года. Рѣзановъ прибылъ по назначенію въ мартѣ 1580 г. и былъ также выпровоженъ, какъ и его предшественники. Въ Вѣнѣ не намѣрены были ссориться съ Баторіемъ, у котораго было много средствъ революціонизировать Венгрію. Съ другой стороны, онъ держалъ въ своихъ рукахъ Вѣну при помощи Рима, а Римъ—посредствомъ іезуитовъ. Послѣ взятія Полоцка папа отправилъ королю саблю и копье, освѣщенныя на Рождественской мессѣ. Они должны были быть врученными королю съ большей пышностью. Въ Вѣнѣ Рѣзанову наговорили только много хорошихъ словъ, выражая мнѣніе, что у Баторія скоро истощатся средства. „Ему не прокормить солдатъ своими венгерскими вшами",— сказалъ графъ Кинскій.

Иванъ понялъ, что нужно понизить тонъ по отношенію къ Польшѣ. Посылая въ Варшаву курьера за курьеромъ, онъ проявлялъ готовность сдѣлать первый шагъ для предупрежденія войны, если Баторій ее замышлялъ. Послы его теперь не обращали больше вниманія, поднимается ли король при ихъ пріемѣ и справляется ли о здоровьѣ царя. Баторій хорошо принималъ посланниковъ мира, но военныхъ приготовленій не прекращалъ. Въ іюнѣ онъ далъ царю 5 недѣль для присылки посольства, въ противномъ случаѣ онъ грозилъ „сѣсть на коня". Иванъ отправилъ посольство въ путь, „принимая во вниманіе желаніе своего сосѣда, удовлетворить его требованіямъ", какъ было сказано въ инструкціяхъ, данныхъ царемъ. Посольство, со своей громадной свитой въ 500 человѣкъ, не успѣло добраться и до половины дороги, какъ узнало, что ему нечего дѣлать въ дорогѣ, такъ какъ король, не дожидаясь его прибытія, „сѣлъ на коня" и выступилъ изъ Вильны во главѣ своей арміи.

———

VI.

Поляки въ Московскомъ государствѣ.

Взятіе Полоцка не нанесло еще серьезнаго удара Московскому государству. Это было не больше, какъ обратный захватъ раньше отнятаго у Польши города. Теперь же Баторій готовъ былъ проникнуть со своей арміей въ сердце непріятельской страны. Мнѣнія въ польскомъ лагерѣ раздѣлились. Часники, мѣсто сбора войскъ, находились на равномъ разстояніи отъ Смоленска и отъ Великихъ Лукъ. Одни хотѣли идти на Смоленскъ, другіе на Псковъ. Баторій рѣшилъ двигаться на Великія Луки. Этотъ городъ служилъ для русскихъ складочнымъ мѣстомъ военныхъ припасовъ и былъ центромъ богатой и населенной области.

Подкрѣпленная пѣхотой, набранной въ королевскихъ владѣніяхъ, польская армія была сильнѣе, чѣмъ въ прошломъ году. Она состояла приблизительно изъ 17.500 человѣкъ. 8.321 приходилось на польскую и венгерскую пѣхоту и до 10.000 на литовцевъ. Походъ на Великія Луки былъ тяжелъ. Чтобы не переходить Двину подъ пушками крѣпости Велижа, поляки пошли дремучими лѣсами и раздѣлили свои силы на двѣ части. Эта операція подвергалась критикѣ, но удаленность московскихъ силъ, сконцентрированныхъ въ Новгородѣ, Псковѣ и Смоленскѣ, повидимому, оправдывала этотъ рискъ. Отрядъ въ 6.000 человѣкъ, отдѣлившійся отъ главной арміи, имѣлъ во главѣ новаго начальника, въ которомъ Баторій нашелъ одного изъ лучшихъ полководцевъ. Это былъ Янъ Замойскій, замѣнившій военачальника старой школы Николая Мелецкаго, который въ предшествующую кампанію обнаружилъ больше храбрости, чѣмъ военныхъ талантовъ. Прежній ректоръ Падуи Замойскій, повидимому, былъ предназначенъ превзойти Мелецкаго. Въ то время какъ король занялъ на своемъ пути Усвятъ, Замойскій обошелъ Велижъ, взялъ его и соединился съ главной арміей передъ Великими Луками.

У Великихъ Лукъ поляковъ ожидалъ сюрпризъ — прибытіе московскаго посольства. Нѣкоторое время Иванъ колебался, какъ поступить съ этимъ посольствомъ. Приказать посольству слѣдовать за арміей нападающихъ для него было жестокимъ униженіемъ. Послѣ взятія Велижа Иванъ созвалъ одинъ изъ тѣхъ соборовъ, о которыхъ я уже говорилъ раньше. Соборъ высказался за рѣшительное сопротивленіе, и царь велѣлъ приказать Ивану Сицкому, Роману Михайловичу Пивову и Ѳомѣ Палентелееву вернуться. Но скоро пришли тревожныя вѣсти, что поляки много-

численны, и Грозный далъ своимъ уполномоченнымъ новыя инструкціи, обнаружившія, что онъ лучше защищается на дипломатическомъ полѣ, чѣмъ на другомъ. Онъ предлагалъ Баторію Курляндію, которая никогда не принадлежала Москвѣ, и больше шестидесяти пяти ливонскихъ городовъ, искусно выбранныхъ, а тридцать пять другихъ оставлялись за нимъ. Кромѣ того, Сицкій и Пивовъ начали просить немедленно снять осаду Великихъ Лукъ и назначить аудіенцію *на польской территоріи*, на томъ основаніи, что царь никогда не договаривался на своей землѣ. Имъ дали довольно суровый отвѣтъ, и они согласились начать переговоры на мѣстѣ. Баторій требовалъ всей Ливоніи, Великихъ Лукъ и Смоленска. Переговоры затянулись. Въ это время Замойскій окружилъ городъ. Какъ большинство русскихъ городовъ, Великія Луки были окружены стѣной, состоявшей изъ двухъ рядовъ толстыхъ дубовыхъ бревенъ, между которыми была насыпана земля. Стѣны эти оказались непроницаемы для раскаленныхъ ядеръ. Недостаточная и плохо обслуживаемая польская артиллерія слабо поддерживала канонаду. Однако, гарнизонъ города запросилъ капитуляціи, когда одинъ изъ мазовецкихъ крестьянъ съ опасностью для собственной жизни поджегъ крѣпостную башню. Пока спорили объ условіяхъ сдачи, венгры, подъ начальствомъ своего вождя Гаспара Бекеши, бывшаго политическаго соперника Баторія, ворвались въ городъ, боясь, какъ бы добыча не ускользнула изъ ихъ рукъ или не досталась полякамъ. Въ бѣшенной схваткѣ на этотъ разъ не былъ пощаженъ никто, перебили даже монаховъ, вышедшихъ съ крестнымъ ходомъ. Замойскій напрасно старался возстановить порядокъ. Ему удалось спасти только двухъ воеводъ.

Послѣ взятія этого города вся область оказалась во власти побѣдителя. Князь Хилковъ, оперировавшій въ ней во главѣ сильнаго отряда, былъ разбитъ польской, венгерской и нѣмецкой кавалеріей подъ начальствомъ князя Збаражскаго. Подожженный Невель въ свою очередь сдался, и поляки оказались далекими отъ соблюденія принятыхъ условій, что въ то время въ европейскихъ войнахъ было почти правиломъ. Для нарушенія условій всегда находили предлогъ. Озерище отдалось почти безъ сопротивленія. Лучше защищенный городъ Заволочье, представлявшій собой какъ бы островъ, окруженный водами озера Подсоха, отразилъ первый приступъ. Подъ нападающими провалился мостъ, и шляхта послѣ этого заговорила объ отступленіи отъ города. Ей хотѣлось вернуться домой къ Рождеству. Но Замойскій показалъ себя такимъ же лов-

кимъ дипломатомъ, какъ и полководцемъ. Онъ вызвалъ соревнованіе въ храбрости между поляками и венграми. Разрушенный мостъ былъ замѣненъ двумя новыми. Послѣ соотвѣтствующей проповѣди и причастія волонтеры согласились идти въ атаку. 23 октября 1580 г. городъ былъ взятъ. По свидѣтельству польскаго лѣтописца, воеводы, рѣшившіеся держаться во что бы то ни стало, принуждены были сдаться благодаря неповиновенію гарнизона.

Успѣхъ одного изъ полководцевъ царя, Ивана Михайловича Бутурлина, не вознаградилъ этихъ потерь. Онъ врасплохъ напалъ у литовской границы на воеводу Смоленска Филона Кмиту, перебилъ у него 600 человѣкъ и отнялъ артиллерію въ составѣ 10 пушекъ.

Поляки пріобрѣли большую русскую область и вернулись на свои зимнія квартиры. Литовцы же продолжали кампанію и захватили Холмъ, сожгли Старую Русу, даже проникли въ Ливонію, гдѣ завладѣли замкомъ Шмильтенъ и вмѣстѣ съ Магнусомъ разорили дерптскую область до самыхъ московскихъ границъ.

Не остались спокойными зрителями и шведы. Въ ноябрѣ 1580 г. Понтусъ-де-ла Гарди ворвался въ Карелію и взялъ Кексгольмъ, гдѣ погибло при этомъ 2000 русскихъ. Другой шведскій отрядъ осадилъ Падисъ, расположенный въ шести миляхъ отъ Ревеля. Послѣ 13 недѣль отчаяннаго сопротивленія гарнизона подъ начальствомъ Чихачева городъ былъ взятъ. Говорятъ, что осажденнымъ приходилось ѣсть кожи, солому и даже человѣческое мясо. Наступила очередь Ливоніи. Весною 1581 г. Понтусъ-де-ла Гарди захватилъ Везенбергъ.

Между тѣмъ Баторій готовился уже къ третьей кампаніи, добившись въ февралѣ 1581 г. новой субсидіи, вотированной сеймомъ еще на два года. По слѣдамъ короля шла другая армія. Іезуиты вели религіозную пропаганду, успѣхи которой уже чувствовались въ литовско-русскихъ областяхъ до самой Ливоніи. Съ 1576 года Баторій имъ покровительствовалъ, надѣясь при ихъ помощи разорвать узы, связывавшія населеніе этихъ областей съ православной Москвой и протестанской Германіей. Отцы іезуиты въ Вильнѣ могли отпраздновать обращеніе 80 лютеранъ и 50 православныхъ.

Эта миссіонерская работа охватывала широкіе горизонты. Движеніе католицизма черезъ Ливонію должно было достигнуть Швеціи, гдѣ Римъ имѣлъ точку опоры благодаря Екатеринѣ изъ дома Ягеллоновъ. Возвращеніемъ потерянной земли католики думали замкнуть реформацію въ тѣсный кругъ, гдѣ она задохнется, и побѣжденная Москва въ свою

очередь не устоитъ подъ натискомъ латинства. Отдавши себя въ руки героическаго вождя, наиболѣе развитое славянское племя разрѣшило бы двойную проблему—политическую и религіозную. Отъ разрѣшенія этихъ проблемъ зависѣло будущее сѣверо-восточной Европы. Это было бы созданіемъ „Третьяго Рима“ и осуществленіемъ самыхъ честолюбивыхъ надеждъ.

Грозный не предвидѣлъ этого и онъ чувствовалъ безсиліе отразить опасность вооруженной рукой. Поясъ крѣпостей, за которымъ онъ чувствовалъ себя въ безопасности, былъ разорванъ. Нашествіе подвигалось впередъ медленно, но вѣрно. Послѣ Великихъ Лукъ передъ побѣдителями открыли свои ворота Новгородъ и Псковъ. Царь теперь меньше, чѣмъ когда-либо, думалъ противопоставлять плохо вооруженныя, плохо обученныя, разрозненныя толпы своей милиціи грознымъ полкамъ поляковъ, передъ которыми не могли устоять и его крѣпости. Въ его рукахъ теперь были только дипломатическія средства.

VII.

Дипломатическое посредничество.

Въ сентябрѣ 1580 г. Иванъ, не дожидаясь даже возвращенія Рѣзанова, рѣшилъ апеллировать къ Риму. Новому посланнику Истомѣ Шевригину было поручено добиться посредничества папы и представить „Батуру“ какъ союзника султана. Иванъ коверкалъ имя короля отчасти по незнанію, отчасти изъ презрѣнія къ нему. Результаты новой попытки пока не обнаруживались, а послы царя въ это время переѣзжали съ мѣста на мѣсто въ свитѣ короля, дѣлая уступки и терпя обиды. Въ январѣ 1581 г. имъ было приказано отправиться въ Варшаву. Тамъ они разсчитывали добиться перемирія, увеличивъ число ливонскихъ городовъ сравнительно съ тѣмъ, что они предлагали раньше. Но они получили такой отвѣтъ: „Или вся Ливонія, или война“. Они сообщили царю, что угрозами ихъ заставили цѣловать руку короля, что послѣдній не поднялся при имени ихъ государя и даже не поручилъ привѣтствовать его отъ себя. Послы должны были уйти съ пустыми руками.

Иванъ понялъ, что надо сдѣлать уступку и написалъ „Батурѣ“ смиренное письмо, впервые называя его братомъ. Онъ извѣщалъ о присылкѣ новаго посольства. Послы Евстафій Михайловичъ Пушкинъ, Ѳедоръ Андреевичъ Писемскій и Андрей Трофимовъ получили приказъ безъ жа-

лобъ перенести всѣ униженія и даже побои. Вотъ до чего дошелъ царь! Онъ предлагалъ теперь всю Ливонію, за исключеніемъ четырехъ городовъ. Онъ даже отказывался отъ своего титула. Но онъ не смогъ удержаться, чтобы не прибавить къ выраженіямъ своей кротости желчнаго, ѣдкаго замѣчанія. Послы должны были заявить, что ихъ господинъ-„государь не со вчерашняго дня". На вопросъ, что они подъ этимъ разумѣютъ, они должны были отвѣтить, что тотъ, кто со вчерашняго дня государь, самъ это знаетъ.

Темпераментъ Грознаго всегда былъ опаснымъ врагомъ его ума. Иванъ могъ отдать въ жертву своей прихоти цѣлую провинцію, а потомъ исправлять бѣду какой-нибудь новой уступкой своего достоинства.

Онъ такъ торопилъ своихъ пословъ, что они прибыли въ Вильну, гдѣ была назначена встрѣча съ Баторіемъ, раньше опредѣленнаго срока. Царь все еще надѣялся помѣшать возникновенію враждебныхъ дѣйствій. Но въ маѣ мѣсяцѣ, когда въ Вильну прибылъ король, послы узнали, что, кромѣ Ливоніи, отъ нихъ требуютъ Новгородъ, Псковъ, Смоленскъ, всю Сѣверскую область и 400.000 дукатовъ военнаго вознагражденія. Послѣ этого Пушкинъ со своими товарищами поѣхалъ въ Москву за инструкціями. Баторій отправилъ съ ними своего посла съ ультиматумомъ, въ которомъ онъ ограничилъ свои требованія Ливоніей, военнымъ вознагражденіемъ и разрушеніемъ нѣкоторыхъ пограничныхъ крѣпостей. Отвѣта онъ соглашался ждать только до 4 іюля.

Въ это время миссія Шевригина уже принесла первый плодъ. Я ниже разскажу, какъ папа далъ соблазнить себя приманкой посредничества. Если бы даже посредничество имѣло полный успѣхъ, то и тогда оно не могло бы, съ точки зрѣнія интересовъ католицизма, компенсировать тѣ выгоды, какія обѣщала ему побѣда Польши. Назначенный посредникомъ, іезуитъ Поссевинъ находился въ Вильнѣ. Одно его присутствіе здѣсь оказывало Ивану большую помощь. Roma locuta erat. Святой престолъ высказывался противъ продолженія войны. Польша будетъ остановлена въ своемъ порывѣ, а если она будетъ упорствовать, надъ ней разразятся громы Ватикана. По крайней мѣрѣ, такъ думалъ царь. Онъ сразу выпрямился и обошелся съ Дзѣржекомъ такъ, какъ Баторій съ его послами. Онъ отправилъ посла обратно къ королю съ письмомъ, которое начиналось такъ: „Мы, смиренный Иванъ Васильевичъ, царь всея Руси... по Божьей милости, а не по мятежному человѣческому хотѣнію". По этому вступленію можно догадываться и о продолженіи письма. Въ изданіи Кояловича до-

кументъ этотъ имѣетъ 23 печатныхъ страницы. Въ немъ Грозный по своему перефразировалъ псалмы Давида и называлъ Баторія Амелекомъ, Сеннахерибомъ и жаднымъ до кровопролитія Максенціемъ. Потомъ онъ объявлялъ, что, если миръ не будетъ заключенъ теперь же, онъ не пошлетъ пословъ въ Польшу и не будетъ принимать ея пословъ раньше 30 или даже 50 лѣтъ. Онъ категорически отвергалъ ультиматумъ. Возвращаясь къ прежнимъ условіямъ, онъ уже не хотѣлъ довольствоваться четырьмя ливонскими городами и требовалъ оставленія за нимъ 36 городовъ съ Нарвой и Дерптомъ. Уступалъ только Великія Луки съ 24 мелкими крѣпостями. Это была его „послѣдняя мѣра“.

У Ивана создалась нѣкоторая иллюзія на счетъ силы Поссевина. Письмо Грознаго и инструкціи уже не застали Баторія въ Вильнѣ. Онъ былъ уже въ Полоцкѣ и готовился начать новую кампанію. Іезуитъ и московскіе послы послѣдовали за нимъ туда. Посланникъ папы попытался выступить въ роли посредника, но Пушкинъ и Писемскій были теперь настолько неуступчивы, насколько сговорчивы недавно. Когда Поссевинъ спросилъ, почему царь измѣнилъ свои предложенія, „Новый завѣтъ уничтожилъ Ветхій“, высокомѣрно отвѣтилъ Пушкинъ. „Польскій король отвергъ первыя предложенія, теперь царь сдѣлалъ другія и къ нимъ ничего не прибавилъ“, добавилъ онъ небрежно, вертя между пальцами соломинку. Баторій съ своей стороны не былъ расположенъ къ переговорамъ, но такъ какъ онъ все-таки долженъ былъ считаться съ посредничествомъ папы, онъ объявилъ Поссевину, что отказывается отъ военнаго вознагражденія и разрушенія крѣпостей. Но послы Ивана были глухи къ заявленіямъ короля. Поэтому онъ рѣзко прервалъ аудіенцію и заявилъ посламъ, что немедленно начинаетъ войну и не за Ливонію, а за все достояніе ихъ государя. Іезуитъ понялъ, что ему настаивать безполезно. Когда онъ заявилъ о своемъ намѣреніи поѣхать въ Москву, чтобы расположить царя къ уступкамъ, ему пожелали счастливаго пути. Польская армія тронулась въ походъ.

Баторій хотѣлъ оставить безъ отвѣта послѣднее письмо Ивана, но окружающіе короля опасались, чтобы польскія и нѣмецкія газеты не остались подъ впечатлѣніемъ заключающихся въ нихъ оскорбленій. Проливая кровь, не жалѣли и чернилъ. Нужно было продолжать въ томъ же духѣ. Канцелярія короля принялась за дѣло и изготовила посланіе въ 40 страницъ. Чтобы дать надлежащую оцѣнку оскорбителю, Ивану напоминали, что мать его была дочерью простого литовскаго дезертира, ставили ему на видъ

его оргіи и кровавыя излишества. Царь упрекнулъ короля въ исканіи союза съ турками, ему противопоставили его бракъ съ мусульманкой Темрюковной и напомнили обычаи его предковъ, „слизывавшихъ кобылье молоко съ гривъ татарскихъ лошадей". Не забыта была и его нелюбовь показываться на поляхъ сраженія. „И курица прикрываетъ птенцовъ своихъ отъ ястреба, а ты, орелъ двуглавый, прячешься!" Слѣдовавшій за этимъ вызовъ на единоборство покажется смѣшнымъ, но нравы эпохи создали такіе прецеденты: Эрикъ XIV вызвалъ на бой Дедлея, въ которомъ онъ видѣлъ соперника по отношенію къ Елизаветѣ. Предполагали, что царь не приметъ этого вызова.

Дѣйствительно, Иванъ былъ принужденъ больше чѣмъ когда-либо „прятаться" и не думалъ о вызовѣ. Его казна была пуста, страна истощена, деморализованные бояре оставили его безъ поддержки. По свидѣтельству лѣтописца, въ этотъ моментъ съ нимъ было въ Старицѣ не болѣе 300 бояръ. Опасаясь, что Баторій направитъ свои усилія на Псковъ, Царь сосредоточилъ въ немъ сильный гарнизонъ. Тамъ была отборная часть его полковъ. Городъ былъ обезпеченъ провіантомъ и снабженъ сильной артиллеріей. Иванъ разсчитывалъ, что Псковъ надолго задержитъ поляковъ, и Баторій встрѣтитъ страшнаго союзника Москвы во всѣхъ оборонительныхъ войнахъ — зиму. Если Поссевинъ прибылъ слишкомъ поздно, чтобы удержать короля, то и король не успѣлъ начать кампанію достаточно рано.

VIII.

Осада Пскова.

Король употребилъ всю весну на переговоры съ сеймомъ. „Король далъ изъ своего кармана все, что могъ дать", кричалъ депутатамъ Замойскій „Чего же вы ждете еще отъ него? Хотите, чтобы онъ снялъ съ себя кожу? Если бы какой-нибудь алхимикъ нашелъ секретъ дѣлать золото изъ человѣческой кожи, король бы сдѣлалъ и это!" Субсидія была дана еще на одинъ годъ, только подъ условіемъ, что война на этотъ разъ будетъ закончена. Поступленіе вотированныхъ налоговъ запоздало. Пришлось заложить драгоцѣнности короны. За нихъ получили 50.000 экю отъ герцога Анспахскаго и столько же отъ курфюрста Бранденбургскаго. Армія двинулась въ путь, но на Деснѣ произошла новая задержка. Подобно тому какъ запоздали деньги, и люди не явились на призывъ короля. Баторій здѣсь узналъ

что отрядъ русскихъ войскъ, сосредоточенныхъ у Можайска, вторгся въ Литву со стороны Смоленска. Тамъ онъ сжегъ 2000 деревень, разорилъ цѣлую область между Оршей и Могилевомъ, захватилъ и переправилъ на другой берегъ Днѣпра много народа, какъ крестьянъ, такъ и дворянъ. Баторій, дѣлая по 16 миль въ день, только 15 іюля прибылъ въ Полоцкъ, гдѣ произвелъ смотръ войскамъ. 29 іюля онъ былъ въ Заволочьѣ и собралъ тамъ военный совѣтъ. Былъ поднятъ вопросъ о нападеніи на Новгородъ. Но какъ и угадывалъ Иванъ, рѣшили идти на Псковъ, такъ какъ онъ былъ ближе. Можно было предвидѣть, что городъ не сдастся раньше зимнихъ холодовъ. Переписка Баторія свидѣтельствуетъ, что онъ рѣшился на случайности зимней кампаніи, надѣясь, что въ теченіе ея либо городъ будетъ взятъ, либо Иванъ будетъ вынужденъ заключить миръ. Чтобы сохранить Псковъ, царь можетъ бросить Ливонію. Вмѣшательство Рима и настроеніе сейма дѣлали то, что король готовъ былъ въ данный моментъ не требовать больше и не идти дальше.

Захвативъ по пути Островъ, поляки 25 августа появились у Пскова. Они были поражены его размѣрами и величественнымъ видомъ. „Можно подумать, что это второй Парижъ“, писалъ секретарь королевской канцеляріи, аббатъ Піотровскій, дневникъ котораго дошелъ до насъ. Это замѣчаніе дословно повторено въ мемуарахъ другого очевидца, Мюллера. Уже съ давнихъ временъ приведенный въ оборонительное положеніе и постоянно укрѣпляемый благодаря близости нѣмцевъ, Псковъ имѣлъ каменныя стѣны. Къ нимъ недавно прибавили еще частоколъ. Руководили обороной князья Василій Ѳедоровичъ и Иванъ Петровичъ Шуйскіе. Эти храбрые и опытные военачальники имѣли подъ своей командой по русскимъ источникамъ 30.000, по польскимъ 40.000 человѣкъ. Силы дѣйствующей арміи въ собственномъ значеніи этого слова и по тѣмъ, и по другимъ источникамъ значительно преувеличены. Однако, онѣ были не меньше, если принять во вниманіе „ѣдоковъ“, какъ называлъ полковникъ польской арміи венеціанецъ Родольфини рабочихъ и слугъ, шедшихъ съ его арміей. Нѣкоторые изъ нихъ въ крайнемъ случаѣ могли быть употреблены въ качествѣ стрѣлковъ. Количество ихъ онъ исчислялъ въ 170.000 человѣкъ! Вѣроятно, и во Псковѣ было значительное количество такихъ „ѣдоковъ“. Точную цыфру ихъ установить невозможно, такъ такъ документы того времени не даютъ свѣдѣній о нихъ. Что касается польскаго войска, то источники, къ которымъ я уже прибѣгалъ, даютъ болѣе точныя свѣдѣнія. У Баторія было 21.102 чел., изъ нихъ

около половины конницы. По другимъ свѣдѣніямъ у него было 18.940 ч. и 10.000 литовцевъ.

Это было немного для осады города, походившаго на Парижъ. Гейденштейнъ, правда, говоритъ о 24.000 конницы, продефилировавшей подъ удивленными взорами псковитянъ. Но, очевидно, у него двоилось въ глазахъ, какъ и у Ивана, увѣрявшаго, что „Батура“ поднялъ на него всю Италію. Ко времени, указываемому Гейденштейномъ, въ лагерѣ Баторія оставалось только 6.469 чел. польской и 674 венгерской конницы. Участіе Италіи выразилось въ присылкѣ нѣсколькихъ инженеровъ, а изъ французовъ было 1 или 2 офицера, въ томъ числѣ капитанъ Гаронъ, „человѣкъ маленькаго роста, хорошій музыкантъ и очень храбрый“, по словамъ Піотровскаго. Онъ, „плавая, какъ лягушка“, измѣрялъ своей шпагой рвы города. Вѣроятно, это былъ смѣльчакъ гасконецъ.

Силы этой было недостаточно, чтобы взять первоклассную крѣпость, рѣшившуюся упорно защищаться. Принимая во вниманіе средства, которыми располагалъ Баторій, можно усомниться, что онъ разсчитывалъ весть продолжительную осаду. Его артиллерія состояла не болѣе какъ изъ 20 орудій. Пороху едва хватило бы на первыя недѣли. Возможно, что король думалъ принудить къ сдачѣ городъ голодомъ, но и самъ онъ не былъ склоненъ простоять подъ стѣнами города всю зиму. Онъ боялся, что духъ войска можетъ пасть при видѣ необходимыхъ приготовленій къ зимней стоянкѣ. Недостатокъ въ деньгахъ и позднее выступленіе въ походъ присоединились къ невыгоднымъ условіямъ, разбившимъ его планы и нарушившимъ разсчеты. Но его геній рѣшилъ исходъ войны.

Трудно возстановить внѣшній ходъ этой войны, но еще труднѣе понять ея моральный смыслъ, что собственно и является особенно интереснымъ. Русскіе и польскіе источники, согласные въ деталяхъ, постоянно расходятся въ своихъ показаніяхъ по существу. Одна сторона приписываетъ большое значеніе вылазкамъ осажденныхъ. Другіе утверждаютъ, что гарнизонъ не былъ столь отваженъ и даже боялся огня орудій. Польскіе документы отдаютъ должное небольшимъ отрядамъ московскаго войска. Они непрерывно тревожили осаждающихъ и мѣшали получать провіантъ. Русскіе—представляютъ намъ населеніе Пскова полными энтузіазма, равнаго доблести ихъ защитниковъ. Горожане помогали воинамъ защищаться до послѣдней капли крови. Въ польскихъ источникахъ встрѣчаемъ иную версію. Только энергія Шуйскихъ будто бы помѣшала черни пойти на довольно скорую сдачу.

На этотъ счетъ русскіе документы содержатъ, повидимому, вполнѣ достовѣрныя указанія. Послѣ назначенія на защиту Пскова оба Шуйскіе отправились съ царемъ въ Успенскій соборъ и тамъ принесли присягу, что будутъ отстаивать городъ до послѣдней возможности. Такую же клятву приносить они не разъ заставляли и псковитянъ. Послѣдніе, очевидно, не особенно были расположены выдерживать осаду. Надо замѣтить, что наиболѣе значительный документъ, относящійся къ этому эпизоду,—записка аббата Піотровскаго, принадлежитъ человѣку недовольному, выведенному изъ терпѣнія продолжительностью войны и непріятностями зимняго похода. Уже въ Полоцкѣ онъ считалъ требованія Баторія чрезмѣрными и находилъ, что пора бы кончить войну безъ дальнѣйшихъ осложненій. „Всѣмъ она надоѣла". Ему, конечно казалось, что подъ Псковомъ все идетъ не такъ, и продолжительная осада увеличиваетъ бѣдствія сражающихся.

Вѣрно только, что первый приступъ поляковъ 8 сентабря 1581 г. былъ отраженъ русскими храбро, и осаждающіе понесли страшныя потери. При этомъ погибъ Гавріилъ Бекешъ, братъ отважнаго начальника венгерской кавалеріи. Попытка эта долго не возобновлялась. Чувствовался недостатокъ боевыхъ припасовъ, а тутъ еще взорвало пороховой погребъ въ Зушѣ. Пришлось отправить за порохомъ въ Ригу. Баторій могъ на досугѣ изучать военное искуство по книгѣ графа Рейнгарта Сольмскаго, присланной ему сыномъ знаменитаго маршала Карла V. Въ это время осажденные издѣвались надъ осаждающими и кричали имъ: „Почему же вы не стрѣляете? Вѣдь, если не будете палить изъ орудій, города не возьмете, хотя бы два года смотрѣли на его валы!"

Въ концѣ октября польская армія уменьшилась на 10% благодаря голоду и стужѣ. По свидѣтельству Піотровскаго, не приходилось и 40 лошадей на эскадронъ. Литовцы грозили уйти. Баторій принужденъ былъ собрать предводителей и сказать имъ рѣчь. Дѣла пошли еще хуже, когда король отправился въ Варшаву, чтобы склонить сеймъ къ новымъ усиліямъ. Новый приступъ, назначенный послѣ прибытія обоза изъ Риги, кончился 3 ноября такъ же печально, какъ и первый. Тогда сняли орудія съ батарей и болѣе чѣмъ когда-либо начали ждать мира. Главное командованіе войскомъ теперь принадлежало Замойскому. Польскіе историки послѣдняго времени особенно восхваляютъ его достоинства въ ущербъ „мадьярскому" королю. Но былъ ли онъ въ силахъ удержать армію подъ знаменами и заставить ее переносить жестокія испытанія осады, если бы за нимъ не стоялъ государь, характеръ и сила котораго

были всѣмъ извѣстны? Это болѣе, чѣмъ сомнительно. Безъ Даву и Ланна, Нея и Массена Наполеонъ не выигралъ бы большинства своихъ битвъ и благодаря Груши онъ дошелъ до Ватерлоо. Замойскій только слѣдовалъ плану, который въ концѣ-концовъ долженъ былъ оказаться самымъ выгоднымъ при данныхъ обстоятельствахъ. Но никто не станетъ отрицать, что планъ этотъ принадлежалъ Баторію. Псковитяне готовы были придти къ убѣжденію, что городъ можно взять, *смотря на него*. Поляки не стрѣляли, но они не допускали никакого общенія между городомъ и его окрестностями. Запасы же, собранные въ немъ царемъ, истощались.

Съ другой стороны, въ Ливоніи, куда не могъ проникнуть ни одинъ русскій, шведы побѣдоносно шли впередъ. Теперь Польша скорѣе опасалась, чѣмъ желала такихъ независимыхъ союзниковъ. Но они наносили чувствительные удары общему врагу. Въ теченіе лѣта Горнъ де-ла-Гарди взялъ Лодзь, Фикель, Гапсаль. Въ сентябрѣ онъ осадилъ Нарву. Нѣмецкая часть города сдалась, по словамъ ливонскаго лѣтописца, послѣ осады, во время которой погибло до 7.000 душъ. Русская же часть была сдана Аѳанасіемъ Бѣльскимъ. Въ концѣ ноября вся береговая линія Финскаго залива была въ рукахъ шведовъ, которые могли теперь брать въ плѣнъ англійскія суда, снабжавшія Ивана военными припасами. Угрожая Пернау, Дерпту и Феллину, де-ла-Гарди готовъ былъ овладѣть послѣднимъ русскимъ оплотомъ въ этомъ краѣ.

Эти побѣды отозвались и подъ стѣнами Пскова, заставляя обѣ стороны стремиться къ заключенію мира. Въ концѣ ноября былъ перехваченъ осаждающими гонецъ отъ Шуйскаго съ письмомъ къ царю, въ которомъ онъ извѣщалъ, что начался голодъ и, если не будетъ дана помощь, городъ вынужденъ будетъ къ сдачѣ. Это вернуло мужество полякамъ. Правда, чрезъ нѣсколько дней попались въ плѣнъ къ полякамъ два боярина изъ защитниковъ Пскова и дали совершенно иныя показанія. По ихъ словамъ, у осажденныхъ есть хлѣбъ и все прочее, не достаетъ только мяса. Но въ это время уполномоченные Баторія уже направлялись въ Янъ-Запольскій, чтобы встрѣтиться тамъ съ довѣренными Ивана и заключить миръ при посредничествѣ Поссевина.

Участіе папы въ этомъ дѣлѣ учитывалось различно. Чтобы выяснить этотъ вопросъ, я долженъ вернуться назадъ и разсказать о началѣ одной миссіи, которая составила эпоху въ исторіи дипломатическихъ отношеній между Москвой и Римомъ.

ГЛАВА II.

Потеря Ливоніи.— Римъ и Москва.

I. Миссія Шевригина.—II. Папское посредничество.—III. Янъ-Запольское перемиріе.—IV. Поссевинъ въ Москвѣ.—V. Послѣ перемирія.

I.

Миссія Шевригина.

Отправленіе Шевригина въ качествѣ посла въ Римъ было событіемъ, не имѣвшимъ прецедентовъ. До сихъ поръ первые шаги всегда предпринимались папскимъ дворомъ. Польша всегда становилась поперекъ дороги къ осуществленію этихъ попытокъ. Венеція, заинтересованная въ томъ, чтобы завязать коммерческія сношенія съ Москвой, напрасно старалась побѣдить сопротивленіе подозрительной и зоркой польской дипломатіи. Посланники папы Пія IV, Канобіо, Джиральди и Бонифачіо, были перехвачены предшественниками Баторія. При Піи V, въ 1570 г., Винцентъ дель-Портико, папскій нунцій въ Польшѣ, пробовалъ было принять на себя роль посредника между Иваномъ и Сигизмундомъ-Августомъ, имѣя въ виду заключить лигу противъ турокъ. Но въ это время посолъ Ивана старался представить своего государя очень расположеннымъ къ султану. Объ этомъ узнали въ Римѣ. Кромѣ того, знакомство съ записками Альберта Шлихтинга, прусскаго солдата, бѣжавшаго изъ московскаго плѣна, еще болѣе охладило папу. Въ 1576 г. былъ произведенъ новый опытъ: нунцій Лаурео, принужденный покинуть Польшу изъ-за избранія Баторія и Максимиліана, сговорился въ Германіи съ двумя русскими послами, Сугорскимъ и Арцыбашевымъ. Новый папскій легатъ при дворѣ императора, Мароне, способствовалъ этимъ переговорамъ. Съ разрѣшенія Григорія XIII онъ выбралъ ученаго Родольфа Кленке, обладавшаго сильнымъ тѣлосложеніемъ и предпріимчивымъ ду-

хомъ, для содѣйствія давно желанному сближенію. Но Польша слѣдила за этимъ зорко, и въ послѣдній моментъ Максимиліанъ воспротивился отъѣзду указаннаго уполномоченнаго. Преемникъ Лаурео Калигари также безуспѣшно повторялъ попытку Портико.

Теперь первый шагъ дѣлалъ царь. Леонтію Истомѣ Шевригину, котораго заграницей звали Томасомъ Северингенъ, было поручено предложить тамъ союзъ противъ турокъ, на которомъ Римъ строилъ свои полурелигіозные, полуполитическіе планы. Главнымъ условіемъ этого союза было посовѣтовать, а въ случаѣ необходимости и заставить польскаго короля заключить миръ. Проѣзжая чрезъ Прагу, гдѣ императоръ встрѣтилъ его очень холодно, Шевригинъ вошелъ въ сношенія съ папскимъ нунціемъ и венеціанскимъ посломъ. Сначала думали, что у него есть нѣкоторыя порученія къ венеціанской республикѣ, но оказалось, что онъ даже не зналъ титула дожа. Онъ даже думалъ, что Венеція составляетъ часть папской области. На пути онъ присоединилъ къ себѣ двухъ спутниковъ, ливонскаго нѣмца Вильгельма Поплера и миланца Франческо Паллавичини. У нихъ больше и свѣдѣній, и изобрѣтательности. Въ сопровожденіи ихъ онъ отправился въ Венецію и вручилъ дожу царскую грамоту. По мнѣнію Пирлинга, онъ сфабриковалъ эту грамоту самъ, чтобы имѣть право пользоваться папскими милостями. По мнѣнію Успенскаго, ее сочинили въ Римѣ, чтобы привлечь республику къ налаживавшемуся на этотъ разъ дѣлу религіозной пропаганды. Импровизированный посолъ не старался быть тонкимъ дипломатомъ. Онъ съ удовольствіемъ принималъ расточаемыя ему почести, говорилъ о возможныхъ торговыхъ сношеніяхъ, указывая довольно неопредѣленно на путь водой чрезъ Каспійское море и Волгу. Излишней болтовней онъ далъ понять объ отчаянномъ положеніи своего государства и поспѣшилъ въ Римъ, куда прибылъ 24 февраля 1581 г.

Сначала его приняли очень хорошо и съ большимъ почетомъ, чѣмъ заслуживало его званіе простого *гонца*. Но чтеніе привезенной имъ грамоты, на этотъ разъ подлинной, подѣйствовало охлаждающимъ образомъ. Царь выражалъ въ ней желаніе, чтобы папа *повелѣлъ* Баторію отказаться отъ мусульманскаго союза и войны противъ христіанъ. Но о вѣрѣ не было ни слова. Иванъ просилъ много, но взамѣнъ не давалъ ничего. Однако искушеніе войти въ какія бы то ни было сношенія съ Россіей было слишкомъ велико, поэтому все-таки рѣшили отправить въ Москву посла. Онъ долженъ былъ поставить на надлежащее мѣсто условія союза: сперва религіозный союзъ, а потомъ уже поли-

тическое соглашеніе. Очень можетъ быть, какъ многими и предполагалось, что здѣсь не обошлось безъ польскаго вліянія. Во всякомъ случаѣ, этотъ планъ былъ самымъ благоразумнымъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Благодаря удачному выбору посредника пошли еще дальше. Поссевинъ былъ виднымъ дипломатомъ. Уже два раза на него возлагали порученія къ шведскому двору — въ 1578 и 1580 г. Онъ былъ назначенъ папскимъ викаріемъ всего Сѣвера, слылъ очень тонкимъ дипломатомъ и выказалъ способность не только подчинять духовные интересы свѣтскимъ, но даже и жертвовать ими въ случаѣ необходимости. Въ Стокгольмѣ, куда онъ явился въ одеждѣ дворянина, со шпагой на боку и шляпой въ рукѣ, ему не удалось добиться союза съ Римомъ. Но онъ принималъ дѣятельное участіе въ переговорахъ между Швеціей и Польшей для заключенія союза противъ Москвы. Въ 1579 г. онъ посѣтилъ въ Вильнѣ Баторія съ тою же цѣлью. Теперь онъ добился того, что римскій дворъ подъ его вліяніемъ незамѣтно отвлекся отъ религіи въ сторону политики.

Мысль о союзѣ противъ Ислама была химерой: Филиппу было много заботъ съ новымъ покореніемъ Португаліи. Венеція въ то время была очень заинтересована гаванями Леванта. Но для Рима религіозныя лиги были, какъ и для Москвы, лишь ширмами, скрывавшими интересы практическаго свойства. Если даже папѣ и не удастся поднять европейскія державы для новаго крестоваго похода, все же въ ихъ единомысліи по этому вопросу св. отецъ видѣлъ возможность вернуть хотя крупинку своего прежняго значенія. Протестантство, казалось, отступаетъ во многихъ пунктахъ. Въ Нидерландахъ вытѣснялъ его Филиппъ Фарнезе. Во Франціи подымали голову Гизы. Въ Швеціи, подъ покровительствомъ въ тайнѣ сочувствовавшаго короля, королева воспитывала наслѣдника престола въ пламенной католической вѣрѣ. Въ Польшѣ диссиденты больше уже не являлись политической партіей. Потерянная для Германіи Ливонія могла ускользнуть отъ реформаціи. Въ Римѣ полагали, что во власти ереси останется только Англія, часть имперіи и Данія. Если примирить Москву съ Польшей и подъ предлогомъ общей обороны противъ турокъ удастся заставить Габсбурговъ заключить коалицію съ Венеціей, къ Риму, пожалуй, можетъ вернуться господство надъ міромъ.

Папство дожило до того состоянія, когда за отсутствіемъ дѣйствительности большое значеніе придавалось возможностямъ.

Всѣ эти разсчеты отразились въ папской грамотѣ, от-

правленной Ивану въ отвѣтъ на его письмо. Папа принималъ какъ мысль о лигѣ, такъ и условія, предложенныя Иваномъ. Онъ соглашался быть посредникомъ между нимъ и польскимъ королемъ, но говорилъ, что миръ можетъ быть заключенъ на основаніи такого союза, который соединитъ всѣхъ въ лонѣ истинной церкви. Это было придумано довольно ловко. Однако, въ тайныхъ наказахъ, данныхъ Поссевину и разработанныхъ при его участіи, смыслъ этого отвѣта оказывался значительно мягче. Тамъ еще говорилось о возсоединеніи обѣихъ церквей, къ чему долженъ былъ стремиться іезуитъ. Но на практикѣ миссія его ограничивалась двумя пунктами чисто мірского характера: установленіемъ торговыхъ сношеній съ Венеціей и заключеніемъ мира между Польшей и Россіей.

Шевригинъ въ сущности сдѣлалъ больше, чѣмъ разсчитывалъ царь. Этого варвара Риму не удалось поразить ни чудесами искусства, ни великолѣпіемъ религіозныхъ обрядовъ. Онъ больше интересовался папскими подарками— Agnus Dei, золотой цѣпью и кошелькомъ съ 600 дукатовъ. Однако онъ не удовольствовался ими. Этому неучу удалось не только осуществить сближеніе, которому такъ усердно мѣшала Польша, но онъ даже обратилъ это сближеніе противъ нея самой. Въ то время какъ Баторій шелъ отъ побѣды къ побѣдѣ, Римъ и Москва сговаривались вырвать изъ его рукъ плоды его торжества. При чемъ царскій гонецъ не подавалъ никакихъ надеждъ на успѣхи католицизма на его родинѣ. Это доказываетъ переписка кардинала де Комо, главнаго редактора инструкцій, данныхъ Поссевину. Въ своемъ письмѣ къ Калигари онъ прямо высказываетъ мысль, что поступокъ Ивана былъ внушенъ ему не добрыми намѣреніями, которымъ могъ бы радоваться Римъ, а хорошими ударами, доставшимися на долю царя.

Шевригинъ оставилъ Римъ 27 марта 1581 г. Съ нимъ ѣхалъ и Поссевинъ. Они должны были въ Венеціи и при дворѣ императора привесть въ исполненіе задуманный планъ. Папскій легатъ формулировалъ общія предложенія предъ Совѣтомъ Десяти. Синьорія безъ дальнихъ словъ извлекла то, что ей было выгодно. Начать торговыя сношенія было ея давнимъ стремленіемъ. Помирить короля съ царемъ соглашались; торговля нуждается въ мирѣ! Остальное—дѣло Рима. Въ конфиденціальномъ разговорѣ съ Поссевиномъ дожъ Никола де Понте выразительно замѣтилъ, что со времени Лепанто онъ не вѣритъ лигамъ. Въ Вѣнѣ и Прагѣ вопросъ о Лигѣ былъ окончательно устраненъ. Кромѣ того императоръ не далъ аудіенціи, и только одинъ легатъ видѣлся съ эрцгерцогомъ Эрнестомъ, бывшимъ пре-

тендентомъ на польскій престолъ и только съ этой точки зрѣнія интересовавшимся московскими дѣлами. Австрійской дипломатіи не трудно было понять, на чемъ основывалась дружба между Римомъ и Москвой. „Хлыстъ польскаго короля“, писалъ Поссевинъ кардиналу де Комо, „можетъ быть, является наилучшимъ средствомъ для введенія католицизма въ Московіи“. Ободренный своимъ успѣхомъ Шевригинъ воображалъ, что привезетъ изъ Вѣны своему государю титулъ Императора Востока. Но онъ получилъ только кошелекъ съ сотней флориновъ, и спутники разстались. Русскій посолъ направился въ Любекъ, а іезуитъ въ Вильну, чтобы приступить тамъ къ своей миссіи посредника.

II.

Папское посредничество.

Нунцій Калигари уже поставилъ польскаго короля въ извѣстность относительно прибытія легата тѣмъ, что просилъ для него пропускъ. Его встрѣтили очень холодно. Іезуитъ Скарга, ректоръ виленской коллегіи, считалъ эту миссію совершенно излишней. Баторій имѣлъ основанія не довѣрять теперь римской политикѣ. Папа уже нѣсколько времени внушалъ ему тщеславную мысль овладѣть Валахіей, гдѣ долженъ былъ перемѣниться государь. Между тѣмъ въ Варшавѣ было извѣстно, что Григорій XIII покровительствуетъ кандидатурѣ Петра Черчеля, на сторонѣ котораго была Франція. На конгрегаціи, рѣшившей отправить въ Россію Поссевина, присутствовалъ кардиналъ Мадруччи, прежній нунцій въ Германіи. Наконецъ, совѣщаніе легата съ эрцгерцогомъ Эрнестомъ казалось польскому королю весьма подозрительнымъ.

Но пропускъ всетаки былъ выданъ, и Поссевинъ нашелъ короля въ нѣсколько лучшемъ расположеніи. Причиной этой перемѣны можно считать задержку при выступленіи въ походъ. Вокругъ себя король постоянно слыхалъ, что пора ужъ заключить какой бы ни было миръ. Когда въ концѣ іюля 1581 г. папскій легатъ отправился къ Ивану, а король двинулся къ Пскову, большинство поляковъ желало успѣха іезуиту. 20 августа, послѣ нѣсколькихъ непріятныхъ приключеній (въ Смоленскѣ, наприм., думая отправиться на обѣдъ, Поссевинъ попалъ къ обѣднѣ) онъ предсталъ въ Старицѣ предъ „ясныя царскія очи“.

Римъ сдѣлалъ все, чтобы обезпечить здѣсь своему представителю хорошій пріемъ. Къ папской грамотѣ, адресо-

ванной царю было присоединено письмо царицѣ Анастасіи, въ которомъ папа называлъ ее возлюбленной дочерью. Онъ не зналъ, что она давно уже умерла, и послѣ нея было уже нѣсколько царицъ. Кромѣ того были отправлены подарки—распятіе изъ горнаго хрусталя и золота, раскошно переплетенный греческій экземпляръ постановленій Флорентійскаго собора, четки, отдѣланныя золотомъ съ драгоцѣнными камнями, хрустальная съ золотомъ чаша и самый драгоцѣнный даръ—частица животворящаго креста Господня, заключенная въ распятіи. Иванъ объявилъ, что подарки достойны пославшаго ихъ. Въ послѣдній моментъ Поссевинъ рѣшилъ исключить изъ ихъ числа изображеніе Святого Семейства, гдѣ совершенно нагой Иванъ Креститель могъ оскорбить глаза, привыкшіе къ болѣе скромной иконописи.

Іезуитъ оказался на высотѣ своего назначенія. Съ большимъ мастерствомъ онъ пустилъ въ ходъ испытанные имъ уже въ другихъ случаяхъ пріемы. Въ своихъ рѣчахъ онъ говорилъ о великомъ значеніи общности вѣры, но не ставилъ его на первый планъ. Онъ былъ гибокъ и вкрадчивъ, краснорѣчивъ и лукавъ. Но задача его была довольно сложна. Отвѣтъ, данный легату на мирныя предложенія, является любопытнымъ памятникомъ московской дипломатіи. Шесть придворныхъ были назначены отвѣчать ему, и каждому изъ нихъ былъ данъ особый наказъ. Каждый изъ нихъ касался только одного пункта вопроса: лиги противъ турокъ, состоянія переговоровъ, уже начатыхъ съ Баторіемъ, сношеній съ Римомъ и т. д. Когда это было сдѣлано, царскіе дьяки переработали эти пункты въ рядѣ новыхъ наказовъ. Въ концѣ концовъ получилось 36 документовъ, которые Поссевинъ долженъ былъ заслушать. Каждый изъ нихъ начинался воззваніемъ къ Пресвятой Троицѣ и перечисленіемъ всѣхъ царскихъ титуловъ. Между тѣмъ это должно было служить только основаніемъ для преній въ теченіе многихъ недѣль. Предстояли споры, обмѣнъ нотами, постоянное вмѣшательство самого царя, неизбѣжныя недоразумѣнія, вытекавшія изъ обоюднаго незнанія языка противной стороны: изъ непроходимаго лабиринта воздвигалась Вавилонская башня!

Съ самаго же начала выяснилось, что существуетъ разногласіе въ отправномъ пунктѣ переговоровъ. Легатъ представлялъ Баторія склоннымъ, благодаря вмѣшательству папы, къ большимъ уступкамъ и просилъ Ивана сдѣлать съ своей стороны шагъ въ томъ же направленіи. Но именно папское вмѣшательство и дѣлало Ивана очень несговорчивымъ. Теперь царь отказывался отъ того, что обѣ-

щалъ раньше, требуя немедленнаго снятія осады съ Пскова и присылки польскаго посольства. Онъ за этимъ и обращался къ папѣ. Полученное отъ Баторія письмо съ вызовомъ на поединокъ не могло внушить ему миролюбивыхъ намѣреній. Сначала Иванъ старался говорить объ этомъ скорѣе съ грустью, чѣмъ съ гнѣвомъ. Когда Поссевинъ попросилъ сообщить ему содержаніе документа, онъ хотѣлъ дать ему только извлеченія изъ письма, гдѣ оставалась бы одна только сущность, а оскорбленія были бы изъяты. Но онъ не могъ удержаться, чтобы не показать составленнаго имъ отвѣта, въ которомъ онъ приводилъ одно за другимъ наиболѣе оскорбительныя мѣста письма, чтобы ими же поражать своего противника. При этомъ онъ прибѣгаетъ по своему обыкновенію къ самому неожиданному способу аргументаціи. Баторій упрекаетъ его въ томъ, что онъ не спѣшитъ на помощь осажденнымъ городамъ, но онъ вѣдь считаетъ себя связаннымъ перемиріемъ съ врагомъ! Какъ можетъ король отрицать римское происхожденіе царствующаго въ Москвѣ дома? Если бы не было *Пруса*, откуда бы Пруссія получила свое названіе?

За цѣлый мѣсяцъ посредникъ ни на шагъ не подвинулся впередъ. Въ сферѣ религіозныхъ вопросовъ ему удалось кое-что сдѣлать, хотя ни на постройку католическихъ церквей, ни на водвореніе іезуитовъ въ Москвѣ разрѣшенія не послѣдовало. Но тамъ соглашались на поддержаніе правильныхъ сношеній съ Римомъ и на свободный пропускъ папскихъ пословъ въ Персію. Это было только начало. Можно было надѣяться на большее послѣ заключенія мира, судя по осторожной формѣ отказовъ и по недомолвкамъ въ уступкахъ. Постоянно возвращались къ этому непремѣнному первоначальному условію и крѣпко держались за то, что царь называлъ своей „послѣдней мѣрой", отвергнутой уже Баторіемъ. Поссевинъ надѣялся заразъ уладить два дѣла одновременно: примирить Москву и со своими прежними кліентами шведами. Изъ уваженія къ папѣ рѣшились нарушить обычай вести переговоры со шведами только въ Новгородѣ. Царь согласился принять пословъ короля Іоанна въ Кремлѣ. Но послѣдній не думалъ о послахъ и продолжалъ одерживать побѣды на Балтійскомъ побережьѣ. Было ясно, что царь надѣялся заставить Іоанна дорого заплатить за эти побѣды, лишь только онъ справится съ Баторіемъ. Покончить же съ Баторіемъ онъ надѣялся при помощи папы и зимы. Платя хитростью за хитрость, онъ съ большой ловкостью добивался расположенія легата отдаленной надеждой на союзъ. Въ то же время Богданъ Бѣльскій, которому было поручено вмѣстѣ съ Никитой Захарьинымъ

вести переговоры, пытался подкупить Поссевина инымъ, болѣе грубымъ способомъ.

Въ половинѣ сентября іезуитъ понялъ, что онъ теряетъ даромъ время и рѣшилъ отправиться въ польскій лагерь. Это было Ивану особенно пріятно. Прощаясь съ нимъ, онъ сказалъ, что отпускаетъ его къ королю Стефану, шлетъ ему съ нимъ поклонъ и проситъ послѣ переговоровъ о мирѣ въ томъ смыслѣ, какъ повелѣлъ папа, вернуться въ Москву. Присутствіе посла ему пріятно ради пославшаго его и брагодаря его вѣрности царскимъ дѣламъ. Онъ звалъ іезуита къ себѣ на службу и говорилъ, что охотно платилъ бы ему. Такъ какъ папа приказалъ, чтобы миръ былъ заключенъ согласно желаніямъ царя, онъ и долженъ быть въ его интересахъ, все время твердилъ Иванъ. И это вытекаетъ изъ смысла дипломатическаго эпизода.

Поссевинъ добрался до Пскова въ первыхъ числахъ октября и на этотъ разъ очень честно выполнялъ роль посредника. Сообщивъ свои впечатлѣнія отъ пребыванія въ Москвѣ, онъ старался опровергнуть то, что внушали своими памфлетами Гуаньино и Крузе. Когда онъ писалъ въ Москву, то изображалъ положеніе выгоднымъ для осаждающихъ. Онъ сообщалъ, что поляки дѣлаютъ большія приготовленія, ожидаются подкрѣпленія, дѣла Пскова очень плохи, осада, навѣрное, продлится всю зиму, а весною ничто не удержитъ Баторія.

Все это было вѣрно и подтверждается тѣми самыми донесеніями съ мѣста, которыя внушили нѣкоторымъ польскимъ историкамъ какъ разъ обратное представленіе. Я уже приводилъ свидѣтельство аббата Піотровскаго о польской кавалеріи, которая, по его словамъ, къ октябрю почти была уничтожена. А дальше тотъ же самый очевидецъ говоритъ о смотрѣ, произведенномъ 4 декабря, гдѣ фигурировало 7000 лошадей и притомъ „хорошихъ лошадей!“ Значитъ у поляковъ потери были не такъ значительны или было чѣмъ ихъ пополнить. Сама реляція Поссевина подала поводъ къ другому заблужденію. Іезуитъ говоритъ въ ней о восторженномъ пріемѣ, который будто бы былъ устроенъ ему въ польскомъ лагерѣ. Если это и такъ, то этотъ пріемъ нужно отнести на счетъ буйнаго и непокорнаго элемента. Баторій и Замойскій старались сдержать его и подчинить суровымъ требованіямъ военной дисциплины. Вмѣшательство папскаго легата только способствовало броженію, внушая мысли о возможности прекращенія военныхъ дѣйствій. Что касается высшаго начальства, то аббатъ Піотровскій говоритъ о немъ совершенно иное. „Великій полководецъ (Замойскій) никогда не встрѣчалъ

болѣе отвратительнаго человѣка (эпитетъ этотъ относится къ Поссевину). Онъ намѣревается прогнать его палками, если будетъ заключенъ миръ“.

Предположите, что представитель какой-нибудь европейской державы явился въ 1871 г. подъ стѣнами Парижа, осажденнаго нѣмцами! Поссевинъ, казалось, долженъ былъ отстаивать польскіе интересы, такъ какъ побѣда Польши въ Ливоніи была бы въ то же время торжествомъ католичества и папства. Но сущность всякаго посредничества и состоитъ въ томъ, чтобы уговорить *сильнѣйшаго*. Сила же, несомнѣнно, была на сторонѣ поляковъ. Осада Пскова должна была длиться до 15 января 1582 г. Тогда ужъ самое трудное время было бы пережитымъ. Вмѣстѣ съ суровыми холодами прошли бы праздники Рождества и Новаго года, а съ ними и соблазнъ провесть время у домашняго очага; время клонилось бы къ веснѣ, и всѣ шансы были бы на сторонѣ Баторія. Капитуляція сдѣлалась бы неизбѣжной и повела бы за собой подчиненіе Ивана требованіямъ побѣдителя. Если Поссевинъ способствовалъ скорѣйшему разрѣшенію конфликта, онъ дѣлалъ это разрѣшеніе болѣе выгоднымъ для *слабѣйшей* стороны.

Иванъ былъ освѣдомленъ и помимо іезуита о состояніи Пскова и польской арміи. Но письма легата привели его, наконецъ, къ убѣжденію, что онъ возлагалъ на него слишкомъ большія надежды. Скоро царь понизилъ тонъ и еще разъ склонилъ голову передъ побѣдителемъ, признавая силу Баторія и его шведскаго союзника. Онъ собирался отправить пословъ для переговоровъ о мирѣ, и требованія его на этотъ разъ были значительно скромнѣе. Онъ уступалъ всю Ливонію, оставляя за собой всю долину Великой до Малыхъ Лукъ, при этомъ ставилъ условіемъ въ мирныхъ грамотахъ не писать имени короля шведскаго. Дѣло въ томъ, что часть Ливоніи находилась въ рукахъ шведовъ. Иванъ думалъ, что ее можно будетъ отвоевать впослѣдствіи. Владѣя долиной рѣки Великой, онъ будетъ имѣть на сѣверо-западной границѣ достаточно укрѣпленную линію, которая можетъ пригодиться ему въ будущемъ, когда онъ при болѣе благопріятныхъ условіяхъ вздумаетъ снова пробиться къ морю.

Какъ ни хорошо со стратегической точки зрѣнія была задумана эта уступка, все же она оставалась уступкой. Нѣкоторые русскіе историки, щадя національное самолюбіе, видѣли въ этомъ нѣчто совершенно иное. Польская армія будто бы была къ тому времени почти совсѣмъ уничтожена, и Баторій долженъ былъ заключить миръ. Теперь Россія можетъ обойтись безъ этихъ искаженій историче-

скихъ фактовъ. Въ войнѣ, исходъ которой зависитъ отъ осады, переговоры, ведущіеся подъ огнемъ орудій осаждающихъ, являются однимъ изъ видовъ капитуляціи. У осажденныхъ есть одно только средство съ честью выйти изъ борьбы. Къ этому средству Петръ Великій прибѣгъ подъ Полтавой. Несмотря на сохраненіе долины рѣки Великой, уступка Ливоніи больше чѣмъ на сто лѣтъ задержала политическое, военное и соціальное развитіе Россіи.

Иванъ отказывался отъ Ливоніи. Цѣль, къ которой стремился въ этомъ походѣ Баторій, была достигнута. Король не могъ ни отказаться отъ переговоровъ, ни отъ посредничества Поссевина. Но какого мнѣнія былъ Баторій объ этомъ посредничествѣ, доказываетъ слѣдующій фактъ. Іезуитъ самъ признавался, что онъ чуть ли не силой долженъ былъ заставить своихъ польскихъ кліентовъ сообщить ему свои намѣренія относительно мира, гдѣ онъ фигурировалъ въ качествѣ посредника.

Въ половинѣ ноября Ямъ-Запольскій—городъ, лежащій на пути къ Новгороду, между Заболочьемъ и Порховомъ, былъ избранъ по взаимному соглашенію мѣстомъ встрѣчи уполномоченныхъ. Представителями царя были незамѣтныя фигуры: князь Елецкій, которому, по словамъ Замойскаго, не доставало только княжества, чтобы быть княземъ, Романъ Олферьевъ Верещагинъ и дьякъ Связевъ. Польскій король съ своей стороны послалъ блестящихъ дипломатовъ: князя Збаражскаго, воеводу Броцлавскаго, князя Альберта Радзивилла, маршала двора и секретаря Гарабурду. Уполномоченные Баторія привезли съ собой детально разработанныя инструкціи. Каковы были эти инструкціи? Одновременно съ уполномоченными прибывшій Поссевинъ ничего о нихъ не зналъ. Причиной этого было недовѣріе короля, ясно проглядывавшее въ его письмѣ къ Поссевину, написанномъ въ это время. Баторій не безъ горечи противопоставляетъ преданность Польши Святому Престолу неожиданному усердію папскаго легата, съ какимъ онъ относится къ интересамъ третьяго лица, ничѣмъ не заслужившаго подобнаго вниманія.

Двусмысленность, на которой была основана миссія іезуита, неизбѣжно должна была привесть его къ этой немилости. Если бы онъ обманулъ надежды одного изъ противниковъ, онъ долженъ былъ внушать подозрѣніе другому. Это отзывалось на его роли до конца переговоровъ, тянувшихся отъ 13 декабря 1581 г. по 15 января 1582 г. Русскіе укоряли его, что онъ держитъ сторону поляковъ, а Замойскій называлъ его „плутомъ“ и „измѣнникомъ“.

Онъ даже сомнѣвался въ его религіозныхъ стремленіяхъ, находилъ, что онъ больше заботится о политическихъ разсчетахъ, чѣмъ о „небесныхъ силахъ“.

III.

Ямъ-Запольское перемиріе.

Я избавлю своихъ читателей отъ подробностей этихъ переговоровъ, указавъ на глубоко научный трудъ Пирлинга („La Russie et le Saint-Siège“ II, 115, etc.), въ которомъ я могъ бы лишь отмѣтить неправильности нѣкоторыхъ сужденій. Ямъ-Запольскій—полуразоренное мѣстечко въ опустошенномъ краѣ, едва могъ вмѣстить поляковъ съ ихъ многочисленной свитой. Москвичамъ пришлось искать пріюта по сосѣдству, въ деревнѣ Киверова-Гора. Такъ какъ посредникъ поселился тамъ же, то засѣданія конгресса происходили у него въ этой деревнѣ, въ курной избѣ. Подъ скромной кровлей, между импровизированнымъ алтаремъ и печью, изъ которой дымъ за неимѣніемъ другого выхода валилъ чрезъ окна и къ концу каждаго засѣданія дѣлалъ уполномоченныхъ похожими на трубочистовъ,—рѣшалась судьба двухъ государствъ.

Когда по традиціи былъ составленъ родъ протокола, обѣ стороны предъявили чрезмѣрныя требованія, что ввело Поссевина въ заблужденіе. Послѣ бесѣды съ москвичами онъ пришелъ къ заключенію, что уступка поляками русскимъ нѣсколькихъ городовъ является условіемъ sine qua non для заключенія мира. Онъ тотчасъ же обратилъ всѣ свои усилія на этотъ пунктъ и, думая, что помогаетъ одной сторонѣ, игралъ въ руку другой. Обѣ стороны остерегались сказать ему свое послѣднее слово. Поляки окончательно установили свой ультиматумъ только во второй половинѣ декабря. Пирлингъ въ данномъ случаѣ несправедливо упрекаетъ Замойскаго въ недостаткѣ проницательности. Точно также напрасно онъ предполагаетъ разногласіе между королемъ и его канцлеромъ, между канцлеромъ и уполномоченными. Ученый историкъ, кажется, положился на напечатанный Кояловичемъ русскій сборникъ польскихъ документовъ. Замойскій былъ преданъ королю. Въ качествѣ главнаго полководца и канцлера онъ могъ выбрать уполномоченныхъ только изъ круга людей своего образа мыслей. Въ половинѣ декабря Поссевину было передано письмо Замойскаго, въ которомъ онъ категорически заявлялъ, что никакія уступки относительно Ливоніи не будутъ сдѣ-

ланы. 20 декабря гонецъ привезъ уполномоченнымъ отъ канцлера другое извѣщеніе, въ которомъ онъ говоритъ о возможной уступкѣ 3 городовъ, на чемъ русскіе недавно настаивали. Іезуитъ былъ удивленъ и даже смущенъ. Но этотъ фактъ былъ естественъ. Письмо Замойскаго къ Поссевину относится къ 13 декабря 1581 г. Одновременно онъ писалъ и королю въ томъ же духѣ. Но 16 декабря пришло извѣстіе, что шведы одерживаютъ въ Ливоніи побѣду за побѣдой. Запасы пороха опаздывали въ пути. На слѣдующій день канцлеръ рѣшился измѣнить свои инструкціи. Теперь онъ указывалъ уполномоченнымъ три пути для достиженія соглашенія. Однимъ изъ нихъ была указанная уступка. Города, о которыхъ шла рѣчь, были незначительны, ими можно было пожертвовать, и Баторій выразилъ на то свое согласіе. Замойскій упоминаетъ объ этомъ фактѣ въ письмѣ къ королю отъ 26 дек. 1581 г. Слѣдовательно здѣсь разногласія не было. Что же касается разногласія между канцлеромъ и уполномоченными, то Пирлингъ сталъ жертвой той мистификаціи, что и посредникъ 1581 г. Канцлеру надлежало бы посвятить посредника въ курсъ дѣла. Но поляки условились держать его на нѣкоторомъ разстояніи отъ себя. Его терпѣли изъ уваженія къ папѣ, но охотно бы обошлись и безъ него. Кромѣ того Збаражскій и Радзивиллъ рѣшили пойти дальше того, что предполагалъ ихъ глава: они объявили легату, что считаютъ чрезмѣрными тѣ уступки, на которыя идетъ Замойскій и что они не станутъ принимать ихъ въ разсчетъ до новыхъ распоряженій. Но тутъ же они пишутъ Замойскому письмо отъ 21 декабря (оно уцѣлѣло), что этимъ хотятъ лишь „обмануть іезуита“. Поступокъ этотъ не корректенъ. Три ливонскіе города рѣшено было уступить только при послѣдней крайности, если не удадутся два другіе пріема. Дѣло шло о дипломатической тайнѣ. Открыть ее для польскихъ уполномоченныхъ было все равно, что сообщить ее русскимъ. Замойскій былъ того же мнѣнія и одобрилъ поведеніе своихъ подчиненныхъ (письмо отъ 27 дек.). Хотя онъ въ своей перепискѣ съ Баторіемъ и не лестно отзывается о „добромъ пастырѣ москвичей, старающемся превратить волковъ въ овецъ“, но ему нѣтъ необходимости, какъ то полагалъ Пирлингъ, убѣждать короля не посвящать легата въ тайны ведущихся переговоровъ. Совѣтъ былъ бы совершенно излишнимъ.

Переговоры грозили затянуться. Московскіе уполномоченные не торопились. Они легче, чѣмъ поляки, мирились съ неудобствами своихъ деревенскихъ жилищъ и лучше ихъ умѣли запастись всѣмъ необходимымъ. Съ изобрѣта-

тельностью, свойственной ихъ расѣ, они даже сумѣли извлечь выгоду изъ своего положенія. Они обратили свой лагерь въ ярмарку и между двумя засѣданіями заключали выгодныя сдѣлки. Они разсчитывали, что зимняя стужа сдѣлаетъ ихъ противниковъ болѣе сговорчивыми. Замойскій взялся вывести ихъ заблужденія. Польская сабля лучше, чѣмъ краснорѣчіе Поссевина, сумѣла преодолѣть послѣднее сопротивленіе.

Испробовавъ всѣ средства сломить героическое сопротивленіе Пскова, великій полководецъ прибѣгъ къ способу, заслуживающему порицанія. Исторія какой-то адской машины, доставленной въ городъ, довольно темна. Замойскій будто бы велѣлъ наполнить коробку порохомъ и разрывными снарядами и поручилъ московскому плѣннику передать ее одному изъ Шуйскихъ. Польскіе историки упоминаютъ о нарушеніи осажденными международнаго права. Они, будто бы стрѣляли въ парламентеровъ. Говорятъ также о ловушкѣ, въ которую завлекалъ Замойскаго Шуйскій, вызывая его на поединокъ. Это оправданіе не достаточно. Вызовъ послѣдовалъ, вѣроятно, за присылкой снаряда, не причинившаго, впрочемъ, никакого вреда. Выдумка Замойскаго оказалась неудачной. Нѣсколько дней спустя онъ придумалъ другую, болѣе удачную. 4 января 1582 г. онъ притворился невнимательнымъ, вызвалъ массовую вылазку осажденныхъ и встрѣтилъ ихъ страшнымъ огнемъ. Потомъ въ письмѣ къ уполномоченнымъ онъ совершенно напрасно утверждалъ, что его армія не продержится больше недѣли и просилъ ихъ поторопиться съ переговорами. Онъ только что доказалъ противное. Московскіе уполномоченные отлично это поняли. Одновременно съ извѣстіемъ о происшедшемъ они получили отъ Ивана наказы самаго примирительнаго содержанія. Тогда, оставивъ въ сторонѣ Ливонію, они стали спорить только о подробностяхъ.

Поссевинъ былъ виновникомъ спора, желая непремѣнно втянуть въ переговоры и Швецію. не нуждавшуюся ни въ мирѣ, ни въ его посредничествѣ. Кромѣ того у Польши и у Москвы съ ней были свои счеты. Ему пришлось отказаться отъ удовлетворенія этого желанія, но шведскія побѣды въ Ливоніи порождали другія трудности: русскіе справедливо замѣчали, что они не могутъ уступить въ этой странѣ того, что имъ уже больше не принадлежитъ. Послѣ продолжительныхъ споровъ поляки оставили за собой право дѣйствій противъ шведовъ и начали перечислять одно за другимъ всѣ владѣнія, уступаемыя Москвой. На сѣверо-западной границѣ произвели раздѣлы городовъ. Велижъ, находящійся на лѣвомъ берегу Двины и принадле-

жавшій къ группѣ городовъ, отходящихъ къ Польшѣ, былъ оставленъ за нею. Себежъ былъ возвращенъ прежнимъ владѣльцамъ, такъ какъ являлся аванпостомъ московскихъ владѣній при входѣ въ долину р. Великой. Оставался вопросъ о титулахъ. Иванъ хотѣлъ, чтобы въ договорѣ его именовали не только царемъ, но и государемъ Ливоніи. Поляки возражали и говорили: „Что значитъ этотъ новый титулъ *царь?*" Царями назывались прежде татарскіе ханы въ Казани и Астрахани. Этого мало для московскаго государя. Если же *царь* означаетъ *кесарь*—это много для него. Европа звала кесаремъ одного лишь государя, императора германскаго, и онъ могъ возразить противъ новаго титула Ивана. Этотъ вопросъ поднимался уже не разъ, и Замойскій не придавалъ ему никакого значенія. Онъ даже разсказывалъ по этому поводу объ одномъ хвастливомъ варшавскомъ шляхтичѣ, звавшемся „королемъ Захаранскимъ", давая этимъ поводъ къ шуткамъ. Оставался одинъ исходъ, къ которому уже раньше прибѣгали: писать грамоты разно для каждаго государства. Но Поссевинъ не зналъ, что это раньше практиковалось и раздулъ мелочь въ цѣлую гору. Онъ старался исправить историческіе факты, на которые опирались русскіе уполномоченные, и доказывалъ имъ, что императоры Аркадій и Гонорій, умершіе пять вѣковъ тому назадъ, не могли передать великому князю Владиміру титула кесаря. Онъ, не переставая, твердилъ, что источникомъ всякой власти является Римъ, и напоминалъ о томъ, что Карлъ Великій былъ коронованъ однимъ изъ предшественниковъ Григорія XIII. Потеряли много времени, пока пришли къ обычному компромиссу, послѣ чего іезуитъ положилъ начало новому и послѣднему спору.

Легатъ хотѣлъ, чтобы его подпись фигурировала въ договорѣ или, по крайней мѣрѣ, чтобы было упомянуто, что миръ былъ заключенъ при его посредничествѣ. Русскіе уполномоченные категорически отказали въ этомъ на томъ основаніи, что въ ихъ инструкціяхъ ничего объ этомъ не было сказано. Тогда іезуитъ вышелъ изъ себя. Онъ придрался къ одной уловкѣ въ редакціи договора. Отступая отъ принятыхъ условій, Елецкій и Олферьевъ хотѣли включить Курляндію и Ригу въ число городовъ и земель, уступаемыхъ царемъ, что по ихъ мнѣнію прибавило бы новый титулъ ихъ государю. Посредникъ сталъ грозить, что броситъ все дѣло. Онъ кричалъ на уполномоченныхъ: „Вы пришли воровать, а не вести переговоры! Убирайтесь отсюда".—Но московскіе послы были невозмутимы. Это усилило его гнѣвъ. Онъ вырвалъ у Олферьева изъ рукъ грамоту, выбросилъ ее за дверь, потомъ схватилъ князя Елецкаго за воротникъ

шубы, встряхнулъ его такъ, что пуговицы отлетѣли и вытолкнулъ изъ избы, а за нимъ и его товарищей.

Пришлось сдѣлать то, чего онъ добивался. 15 января 1582 г. былъ совершенъ обмѣнъ подписями. Съ чисто дипломатической точки зрѣнія русскіе остались въ выигрышѣ, благодаря Поссевину: они остались на позиціяхъ, занятыхъ ими при началѣ конгресса, и поступились только тѣмъ, чѣмъ поступался царь три мѣсяца тому назадъ. Правда, жертва была громадная. Послѣ двадцатилѣтнихъ усилій, готовыхъ, повидимому, увѣнчаться успѣхомъ, Московское государство было снова отрѣзано отъ Балтійскаго моря и Европы. Но въ той самой Ливоніи, отъ которой теперь отказывалась Москва, создавались два выгодныхъ для нея условія. Тамъ былъ уничтоженъ Тевтонскій орденъ, и Германія потеряла гарнизонъ, при помощи котораго поддерживала свою власть въ этой странѣ. Кромѣ того, тамъ назрѣвалъ конфликтъ между Польшей и Швеціей. Послѣ отчаянной борьбы обѣ стороны дали возможность своему общему врагу отплатить той и другой.

Даже столь непрочное и кратковременное обладаніе Ливоніей оставило прочный слѣдъ въ Россіи, важный для развитія страны. Она потопила массу чуждыхъ ей элементовъ, которые слились съ ней. Въ ней зародилась нѣмецкая колонія, которой суждено было сыграть въ русскомъ государствѣ видную роль. Культурное вліяніе ея отрицать нельзя.

Миръ не былъ однако заключенъ, ограничились десятилѣтнимъ перемиріемъ. Окончательному соглашенію помѣшали нѣкоторые вопросы, выдѣленные изъ переговоровъ и оставленные безъ разрѣшенія. Таковъ, напримѣръ, былъ вопросъ о теоретическомъ правѣ на обладаніе русско-литовскими землями. Когда поляки заняли городъ Юрьевъ, они были поражены тѣми слѣдами, которые оставило тамъ могущество побѣжденныхъ, ихъ организаторскій духъ и превосходное военное устройство. Быть можетъ, не хватало только такого генія, какимъ былъ Баторій, чтобы воспользоваться имъ. „Мы всѣ были поражены", писалъ аббатъ Піотровскій, „найдя въ каждой крѣпости множество пушекъ, пороха и пуль столько, сколько мы не могли бы собрать во всей нашей странѣ". И онъ добавляетъ: „Мы завоевали нечто въ родѣ маленькаго королевства; сомнѣваюсь, сумѣемъ ли мы имъ воспользоваться." Несмотря на духъ отрицанія, которымъ проникнуты записки аббата, его впечатлѣнія соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Исторія подтвердила это.

На стѣнахъ возстановленнаго рижскаго замка, надъ глав-

нымъ входомъ въ церковь въ Венденѣ есть латинскія надписи, такъ истолковывающія смыслъ происшедшаго:

Devicto Moscho...
Prisca religio Rigam renovato vigere...
Coeperat in templo...

И еще:

Hoeresis et Moschi postquam devicta potestas.
Livonidum primus pastor ovile rego.

Ливонцы видѣли въ нихъ доказательство того, что побѣда Баторія означала главнымъ образомъ побѣду католичества и іезуитовъ, шедшихъ по слѣдамъ побѣдителей. Новому польскому правительству пришлось считаться съ этимъ мнѣніемъ.

Что касается Поссевина, то его во всемъ происшедшемъ интересовала лишь форма договора. Въ немъ признавалась власть папы „казалось, все совершилось его именемъ". По крайней мѣрѣ, легатъ хвалился этимъ въ своемъ письмѣ къ кардиналу де Комо. Не смотря на свои ссоры съ московскими уполномоченными, онъ спѣшилъ въ Кремль продолжать начатое тамъ дѣло. Очевидно, планъ его былъ таковъ: онъ хотѣлъ снова выдвинуть вопросъ объ анти-оттоманской лигѣ, такъ какъ она подавала поводъ къ вмѣшательству папы. Потомъ онъ намѣревался поднять вопросъ о возсоединеніи церквей, такъ какъ условлено было, что рѣчь объ этомъ будетъ послѣ заключенія мира. Но онъ не возлагалъ большихъ надеждъ на эту часть своей программы. Онъ сохранялъ свою роль посредника и готовъ былъ выступить въ ней снова, если возникнутъ какія-нибудь недоразумѣнія по вопросу о Ямъ-Запольскомъ договорѣ. Наконецъ онъ хотѣлъ еще разъ сдѣлать попытку вмѣшаться въ шведскія дѣла, чтобы самому быть на виду и чтобы папа *казался* великимъ посредникомъ, къ которому прибѣгаютъ обѣ стороны. Нѣкоторыя обстоятельства способствовали тому, что этому плану соотвѣтствовало настроеніе въ Москвѣ. Хотя тамъ и были разочарованы папскимъ *могуществомъ*, но все же оно могло хоть отчасти замаскировать унизительность пораженія. Для виду не мѣшало показать, что папскій посолъ устроилъ дѣла царя и продолжаетъ стараться въ томъ же направленіи. Поссевина ожидалъ хорошій пріемъ при дворѣ Грознаго.

IV.

Поссевинъ въ Москвѣ.

Исторія той религіозной проблемы, окончательное разрѣшеніе которой было главной цѣлью путешествія Поссевина, всѣмъ извѣстна. Раздѣленіе церквей, подготовлявшееся еще съ VII в. константинопольскимъ патріархомъ Іоанномъ Постникомъ, называвшимъ себя всемірнымъ епископомъ и на соборѣ въ 690 г. установившимъ бракъ для священниковъ, произошло въ IX в. Въ это время греческая церковь достигла вершины своей славы и расцвѣта. Она дала цѣлую плеяду ученыхъ, святыхъ и поэтовъ. Судьба призывала ее къ насажденію христіанства среди славянскихъ народовъ. Фотій довелъ до крайности принципъ своихъ предшественниковъ, утверждавшихъ, что паденіе римской имперіи повлекло за собой и уничтоженіе связанной съ ея судьбами духовной власти на Западѣ. При немъ произошелъ расколъ. Послѣ него единство церкви было возстановлено на короткій срокъ, но оно было непрочно и окончательно нарушено въ 1054 г. Михаиломъ Керуларіемъ. Возстановить единство церквей стремились съ XIII в. Флорентійскій соборъ (1439) только продолжалъ попытку Ліонскаго (1274) Въ 1581 г. сама Польша, казалось, не прочь была способствовать новой попыткѣ. Но въ Москвѣ уже выросла и укрѣпилась мысль о *третьемъ Римѣ*, и она явилась неожиданнымъ препятствіемъ для осуществленія этой попытки. Лѣкарь великаго князя Василія, Николай Булевъ, или Люэо, прозванный Нѣмчиномъ, напрасно старался при дворѣ государя вести пропаганду, полемизируя съ Максимомъ Грекомъ и псковскимъ монахомъ Филоѳеемъ. Онъ нашелъ себѣ послѣдователей только въ лицѣ одного боярина Ѳедора Карпова и какого-то игумена, имени котораго исторія не сохранила.

Время управленія церковью папой Григоріемъ XIII (1572—1585), казалось, менѣе всего подходило для осуществленія притязаній Рима. Ему, правда, удалось вооружить испанскаго короля противъ еретички англійской королевы. Она поддержала во время борьбы за реставрацію баварскій Виттельсбахскій домъ, этихъ нѣмецкихъ Гизовъ. Но все же она не могла стереть позора, навлеченнаго на католицизмъ мира правленіемъ герцога Альбы въ Нидерландахъ, Варѳоломеевской ночью, ужасами инквизиціи папства, прямымъ слѣдствіемъ чего и была реформація. Иванъ направилъ своего перваго посла въ политическій, а не въ религіозный Римъ. Въ лицѣ Поссевина онъ принималъ не апостола, а дипломата, представителя свѣтской, а не духовной власти.

Іезуитъ прибылъ въ Москву 14 февраля 1582 г. Онъ нашелъ дворъ въ трауръ, а царя въ великой скорби. Въ порывѣ гнѣва царь убилъ своего старшаго сына. Я еще вернусь къ этому мрачному эпизоду. Анти-оттоманская лига была немедленно забыта. Для борьбы съ Баторіемъ Иванъ долженъ былъ заключить договоръ съ крымскимъ ханомъ. Онъ соглашался нарушить этотъ договоръ и выступить противъ турокъ, но только послѣ того, какъ папа войдетъ въ сношенія съ Имперіей, Франціей, Испаніей, Венеціей, Англіей, Даніей и Швеціей и заставитъ эти государства отправить въ Москву пословъ для окончательныхъ переговоровъ. Царь, повидимому, издѣвался, хотя и обѣщалъ отправить въ Римъ уже не простого гонца, а знатнаго посла. Онъ хотѣлъ удержать тамъ только что пріобрѣтенное расположеніе. Переговоры со Швеціей были отклонены. Мягко, но съ твердостью Иванъ отклонялъ все, пользуясь услугами Поссевина лишь для рѣшенія тѣхъ вопросовъ, которые касались Польши, установленія границъ, обмѣна плѣнными. Но при всей своей любви къ спорамъ, онъ старался избѣгать религіозныхъ вопросовъ. Пренія могли принять обидный для папы тонъ, повторялъ онъ. 21 февраля во время аудіенціи, посвященной свѣтскимъ дѣламъ, Поссевинъ попросилъ особаго разговора, чтобы приступить къ „великому дѣлу". Царь прибѣгъ къ уловкѣ другого рода—онъ-де не обладаетъ достаточными свѣдѣніями, чтобы начать подобный споръ. Но іезуитъ настаивалъ на своемъ и просилъ разрѣшенія представить свои соображенія въ письменной формѣ. Иванъ, вѣроятно, рѣшилъ съ этимъ покончить. Быть можетъ, его любовь къ спорамъ заставила его измѣнить свое рѣшеніе.

Тенденціозная передача спора ввела въ заблужденіе Пирлинга. Онъ предположилъ, что бесѣда была подготовлена заранѣе и обставлена такъ же торжественно, какъ споръ съ Рокитой. Ни даты, ни тексты, на которые ссылается этотъ ученый, не допускаютъ подобнаго предположенія. Ничего подготовленнаго не было. Засѣданіе сначала было посвящено вопросамъ другого рода, и на немъ не было духовныхъ лицъ, присутствіе которыхъ должно было бы придать диспуту серьезный характеръ. Царь рѣшилъ покончить съ вопросомъ. Онъ даже не преминулъ указать, насколько безполезно словопреніе при подобныхъ условіяхъ. Но если іезуитъ того желаетъ, съ нимъ готовы объясняться хоть сейчасъ. (Пам. диплом. снош., 1851—1871, X, 247 и слѣд.).

Поссевинъ разсыпался въ самыхъ соблазнительныхъ рѣчахъ и проявилъ тонкую ораторскую осторожность. Дѣло

идетъ вовсе не о разрывѣ съ греческой церковью, древней и достойной уваженія церковью Аѳанасія, Златоуста и Василія. Римъ чувствуетъ себя связаннымъ съ ней неразрывными узами. Надо только возстановить единство, нарушенное благодаря забвенію старинныхъ традицій. Это дѣло возстановленія было бы вѣрнымъ путемъ къ созданію новой Восточной имперіи, во главѣ которой могъ бы стать царь—новый Карлъ Великій, вѣнчанный папой.

Іезуитъ мало зналъ опаснаго противника, къ которому онъ обращался. Съ апломбомъ, обычнымъ жаромъ, во всеоружіи своихъ фантастическихъ знаній Иванъ быстро разрушилъ очаровательное сооруженіе, которымъ хотѣлъ его плѣнить римскій ораторъ. „Что говорить о Византіи и грекахъ? Греческая вѣра называется потому, что еще пророкъ Давидъ задолго до Рождества Христова предсказалъ, что отъ Эѳіопіи предваритъ рука ея къ Богу, а Эѳіопія всеравно, что и Византія“. Но ему, Ивану, нѣтъ дѣла ни до Византіи, ни до грековъ. Онъ держитъ вѣру православную, христіанскую, а не греческую. И что говорить ему о союзѣ съ людьми, которые вопреки преданіямъ брѣютъ себѣ бороду.

Поссевинъ былъ увѣренъ, что въ его рукахъ неопровержимый аргументъ: у папы Григорія XIII была великолѣпная борода.

— А у тебя самого?—возразилъ царь, указывая на бритое лицо іезуита.

Поссевинъ, какъ говорится въ протоколѣ этого засѣданія, составленномъ въ Москвѣ, рѣшился приписать естественнымъ причинамъ отсутствіе растительности на своемъ лицѣ. Онъ не брѣетъ его. Но Иванъ уже увлекся споромъ и удвоилъ силу нападенія. Противнику приходилось плохо. Онъ ловко направилъ споръ на вопросъ, гдѣ всѣ преимущества были на его сторонѣ, именно, на вопросъ о первенствѣ папы. Русская церковь по-прежнему почитала святыми папъ первыхъ вѣковъ — Климента, Сильвестра, Агаѳона. Но ихъ преемники, отвергнувъ бѣдность первыхъ христіанъ, живутъ въ роскоши, поразившей Шевригина. Они заставляютъ носить себя на престолѣ и ставятъ на своемъ *сапогѣ* знакъ святого креста. Они забываютъ всякій стыдъ и всенародно предаются разврату. Эти новые первосвященники лишились первоначальнаго достоинства. Напрасно Поссевинъ дѣлалъ отчаянные знаки, стараясь прервать потокъ обвиненій. Его предупреждали раньше. Самъ онъ виноватъ, если пренія окончились печально для него и его господина. Иванъ уже не владѣлъ собой. Когда Поссевинъ попытался было вступиться за папу, Иванъ закричалъ: „Твой римскій папа не пастырь, а волкъ!“

— Если папа волкъ, то мнѣ нечего больше и говорить.

Этотъ отвѣтъ и вызвавшее его оскорбленіе находятся въ русской версіи. Въ напечатанномъ же разсказѣ Поссевина (Moscovia) его нѣтъ, но кажется въ рукописи этотъ инцидентъ упоминается.

Согласно русской версіи, споръ на этомъ и кончился. Иванъ разстался на этотъ разъ съ іезуитомъ привѣтливо и поспѣшилъ послать ему кушанья со своего стола. Поссевинъ же утверждаетъ, что споръ продолжался и сталъ еще горячѣй. Разъ царь былъ готовъ ударить противника своимъ знаменитымъ жезломъ, а присутствовавшіе при этомъ москвичи даже говорили, не бросить ли его въ воду.

Во всякомъ случаѣ разстались подъ дурнымъ впечатлѣніемъ. Приглашенный 23 февраля во дворецъ Поссевинъ не обнаружилъ желанія продолжать споръ. Царь самъ, какъ бы желая загладить свою рѣзкость, предложилъ ему представить записку о различіи, существующемъ между обѣими церквами. Но іезуитъ убѣдился, что это будетъ напрасный трудъ, и онъ ограничился тѣмъ, что преподнесъ государю латинскій экзепляръ книги Геннадія о Флорентійскомъ соборѣ и думалъ, что этимъ покончитъ съ опаснымъ вопросомъ. Онъ не принялъ въ разсчетъ капризнаго и своенравнаго характера Ивана, который готовилъ ему сюрпризъ

Свидѣтельства, относящіяся къ этому эпизоду противорѣчатъ другъ другу. По русской версіи, Поссевинъ выразилъ желаніе посѣтить одинъ изъ столичныхъ храмовъ. Царь предложилъ ему присутствовать съ нимъ вмѣстѣ на церковной службѣ, которая будетъ обставлена ради него всей пышностью православныхъ обрядовъ. Іезуитъ охотно принялъ это предложеніе. Но осмѣлился войти въ храмъ раньше царя. Изъ-за этого поднялся споръ. Чтобы прекратить его, царь приказалъ отвезть іезуита во дворецъ и продолжать съ нимъ разсмотрѣніе очередныхъ политическихъ дѣлъ. По разсказу Поссевина, онъ отклонилъ приглашеніе и старался скрыться, тогда какъ бояре силой старались увлечь его по направленію къ церкви. Въ обоихъ разсказахъ есть своя доля правды и вымысла. Вѣроятнѣе всего, что іезуитъ высказалъ естественное любопытство, но не пожелалъ фигурировать въ компрометирующей его обстановкѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что попытка, для которой Римъ принесъ въ жертву интересы своей польской паствы, окончательно не удалась въ Москвѣ. 11 мая 1582 г. Поссевинъ простился съ царемъ. Отправившійся въ Римъ вмѣстѣ съ легатомъ русскій посолъ Яковъ Молвяниновъ, повезъ туда только привѣтствіе на словахъ, да соболей въ

подарокъ. Представитель папы былъ *на виду* во время переговоровъ между Польшей и Москвой. Онъ могъ даже приписать себѣ значительную роль въ этихъ переговорахъ. Но его дѣло носило чисто мірской характеръ и противорѣчило тѣмъ интересамъ, о которыхъ должна была заботиться церковь. Поэтому и достигнутому имъ успѣху грозила та же неудача, какая постигала раньше попытки папъ.

V.

После перемирія.

Отношенія между Польшей и Россіей скоро порвались. На этотъ разъ Римъ не сталъ вмѣшиваться. При этомъ затрудненія, которыя могли встрѣтиться при выполненіи условій Ямъ-Запольскаго мира не имѣли значенія. Спорнымъ вопросомъ являлось обладаніе маленькой крѣпостью при устьѣ Межи, на важномъ водномъ пути между Смоленскомъ и Луками. Витебскій воевода Пацъ своевольно завладѣлъ ею. Иванъ приказалъ своему послу лучше уступить всю область, чѣмъ заводить новыя враждебныя дѣйствія. Баторій велѣлъ разорить крѣпость. Обѣ стороны старались избѣжать немедленнаго столкновенія, но тѣмъ не менѣе Грозный задумывалъ рано или поздно поднять оружіе, призвавъ на помощь Англію. Исторія послѣднихъ лѣтъ царствованія Баторія доказываетъ, что онъ самъ смотрѣлъ на перемиріе 1582 г. какъ на временную остановку его побѣдоноснаго шествія. Онъ надѣялся за это время укротить буйную Польшу и повесть ее дальше Пскова. Король задумалъ и въ слѣдующіе годы началъ приводить въ исполненіе болѣе широкій планъ военныхъ дѣйствій. Ему нетрудно было добиться помощи Рима. Кромѣ того онъ надѣялся на поддержку Венеціи и Флоренціи. Преемникъ Григорія XIII Сикстъ V былъ плѣненъ геніемъ великаго полководца и онъ былъ готовъ перейти отъ фантастическихъ мечтаній къ грандіознымъ реальнымъ предпріятіямъ. Анти- оттоманская лига, ради которой Иванъ собирался соединить бракомъ Елизавету съ императоромъ, была придумана Грознымъ лишь въ насмѣшку. Только въ одной Польшѣ были еще крестоносцы. Раньше Баторій хотѣлъ доказать, что путь изъ Москвы въ Константинополь лежитъ черезъ Варшаву. Теперь же онъ желалъ попасть въ Константинополь черезъ Москву и искалъ средствъ осуществить это. Уже въ Вильнѣ въ бесѣдахъ съ Поссевиномъ онъ опередилъ Петра Великаго, указавъ на Азовъ,

какъ на необходимую опору для рѣшительныхъ дѣйствій противъ турецкаго владычества. Чтобы добраться до Азова нужно было имѣть за собой Москву, согласную стремиться къ той же цѣли. Но Москва доказала, что она этого не хочетъ. Оставалось покорить ее—и Баторій брался за это.

Что этотъ проектъ былъ осуществленъ, доказала легкая удача Димитрія и побѣдоносные, хотя и безполезные походы его покровителей при Сигизмундѣ Ш. Преждевременная смерть покорителя Полоцка разрушила этотъ планъ, а онъ былъ по силамъ только ему. Ивану оставалось жить слишкомъ недолго, чтобы онъ могъ почувствовать угрозу надвигавшихся событій. Но онъ, безъ сомнѣнія, предвидѣлъ ихъ возможность. Возможно, что это страшное видѣніе омрачило послѣдніе дни царя и повліяло на его распоряженія. Еще до 1584 г. польскій король въ четырехчасовой бесѣдѣ съ папскимъ нунціемъ Болоньети открылъ ему свои завѣтныя мечты. Онъ рѣшился пожертвовать своими видами на Венгрію и измѣнить свое отношеніе къ Турціи. Иванъ какъ будто, предчувствовалъ надвигавшуюся опасность, примирился со Швеціей. Послѣ Англіи онъ еще разъ напрасно пытался искать союза съ Германіей. Имперія была погружена въ религіозные споры, а императоръ былъ занятъ науками и искусствомъ. Въ августѣ 1583 г. по условіямъ перемирія Шведы получили занятые ими города—Ямъ, Ивангородъ и Копорье. Иванъ снова обратился къ Лондону, хватаясь за эту послѣднюю надежду, какъ утопающій за соломинку.

Среди послѣднихъ усилій онъ умеръ. Но счастье улыбалось осиротѣвшей державѣ. Баторій не надолго пережилъ своего соперника. Кромѣ того, на другомъ краю громадныхъ владѣній Ивана судьба готовила возмѣстить ему потерю Полоцка и Ливоніи. На востокѣ открывалась отдаленная таинственная, безпредѣльная Сибирь. Впрочемъ, она не была добычей маленькой кучки смѣльчаковъ-казаковъ, какъ обыкновенно предполагаютъ. Она была пріобрѣтена продолжительными и терпѣливыми усиліями цѣлой арміи мирныхъ, трудолюбивыхъ колонистовъ.

ГЛАВА III.

Покореніе Сибири.—Ермакъ.

I. Покореніе и колонизація.—II. Строгановы.—III. Казаки.—IV. Ермакъ въ Сибири.

I.

Покореніе и колонизація.

Въ русскихъ документахъ названіе Сибири появляется лишь во второй половинѣ XV вѣка, и подъ этимъ именемъ была извѣстна только часть нынѣшней Тобольской губерніи, занятой до XVI вѣка татарскими ханствами. Еще задолго до указаннаго времени русскіе открыли дорогу къ высокимъ плоскогоріямъ Уральскаго хребта. Перейдя потомъ черезъ хребетъ, они начали медленно подвигаться изъ бассейна Печоры въ бассейнъ Оби. Уже въ XI в. холопъ именитаго новгородскаго гражданина Журяты, Роговичъ, добрался до Уральскаго хребта, а въ 1364 г. экспедиція, организованная предпріимчивой новгородской республикой, добралась до Оби. Въ слѣдующемъ вѣкѣ новгородцы уже поддерживали постоянныя политическія и торговыя сношенія съ Югрой (такъ называли въ XII—XIV в. земли, лежавшія на западъ отъ Урала, а съ XV в. такъ сталъ называться и восточный склонъ хребта). Югричи платили Новгороду ежегодную дань мѣхами и даже серебромъ, добывавшимся, вѣроятно, примитивнымъ способомъ изъ копей, извѣстныхъ подъ названіемъ Чудскихъ. Ими пользовались еще недавно изыскатели при своихъ развѣдкахъ.

Послѣ присоединенія Новгорода великіе московскіе князья продолжали начатое дѣло. Но придали ему свой традиціонно-военный характеръ. Въ 1472 г. совершилось покореніе Пермской земли: Въ 1485 г. войско, во главѣ котораго стояли князь Ѳедоръ Курбскій, Черный и Иванъ Ивановичъ Салтыкъ-Правинъ, перешло черезъ Уралъ, под-

нялось по рѣкѣ Тавдѣ, впадающей въ Тоболъ, потомъ по Иртышу проникло въ Сибирь, въ бассейнъ Оби. *Югорскіе* и *Вогульскіе* князья покорились, отправились въ Москву и согласились платить дань. Великій князь прибавилъ къ своимъ титуламъ титулъ князя Югорскаго, но въ 1499 г. ему пришлось оружіемъ снова утверждать тамъ свою власть.

Всѣ эти пріобрѣтенія были пока весьма незначительны. Послѣ взятія Казани и Астрахани явилось много добровольныхъ данниковъ. Между ними былъ и сибирскій князь Ядигеръ, владѣлецъ татарской *юрты* среди нынѣшней Тобольской губерніи. Онъ насчитывалъ до 30.000 подданныхъ. Но заключенныя условія исполнялись очень плохо. Въ 1556 г. вмѣсто 30.000 куницъ, обѣщанныхъ Ядигеромъ, было прислано имъ всего только 700. Онъ ссылался на грабежи и насилія со стороны своихъ сосѣдей, противъ которыхъ царь обѣщалъ ему помощь. Татарскіе князья были неуловимы и не поддавались завоеванію. Если имъ приходилось плохо, они углублялись въ степи и достигали безнаказанности тѣмъ, что признавали надъ собой власть Москвы, брали на себя обязательства и не выполняли ихъ.

Когда Иванъ былъ занятъ Ливоніей, дѣла на востокѣ пошли совсѣмъ плохо. Послѣдній царскій не то посолъ, не то сборщикъ дани былъ убитъ. Достичь прочныхъ результатовъ въ этомъ краѣ можно было только лишь съ помощью иного рода побѣдъ, и Московское государство не было лишено средствъ для этого.

До настоящаго времени подвижность остается характерной чертой племени, заселившаго огромныя пространства европейскаго востока и азіатскаго сѣверо-запада. Я уже указывалъ на причину этого явленія. „Рыба ищетъ, гдѣ глубже, а человѣкъ, гдѣ лучше“. Въ этой пословицѣ выразительно передано то стремленіе, которымъ объясняется великое дѣло колонизаціи, совершенной подданными Грознаго и Петра Великаго.

Для колонизаціи бассейнъ Печоры не представлялся удобнымъ. Имъ могли бы воспользоваться люди торговые, а русскіе колонисты были земледѣльцами. На долю одной семьи выпала честь сообщить этому національному движенію иной характеръ. Она придала благопріятное направленіе, воспользовавшись могучимъ теченіемъ эмиграціи, несшей въ себѣ дѣйствительную силу, обративъ ее въ бассейнъ Камы.

II.

Строгановы.

Съ давнихъ временъ Строгановы пользовались особыми льготами для заселенія пустынныхъ земель въ Устюжскомъ уѣздѣ, къ сѣверу отъ Вятки. Соціальное положеніе и права Строгановыхъ до сихъ поръ являются спорнымъ вопросомъ до нашихъ дней. Преданіе связываетъ членовъ этой семьи съ знатнымъ родомъ Добрыниныхъ. Но исторія говоритъ, что она принадлежала къ сословію купцовъ или хлѣбопашцевъ, между которыми московское право XVI в. не дѣлаетъ различія (Сергѣевичъ. Лекціи по ист. р. права, СПБ. 1883 г., стр. 622, и Тыжновъ „Сибирскій Сборникъ“ 1887 г. стр. 119). „Illi vivunt sua negotiatione“, говоритъ о Строгановыхъ неизвѣстный авторъ Historia Siberiae (1681 г.). Строгановы не были ни боярами, ни служилыми людьми. Но на огромныхъ пространствахъ принадлежавшихъ имъ земель пользовались исключительными льготами. Имъ принадлежало право суда надъ мѣстными жителями. Сами же они были подсудны лишь одному царю. Они строили города и крѣпости, хотя и испрашивали разрѣшеніе государя для каждой постройки, держали войско и лили пушки, воевали съ сибирскими князьями и торговали безпошлинно съ азіатскими племенами. Это были купцы и хлѣбопашцы особаго рода, хотя въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича они и приравнивались къ *гостямъ* — первостатейнымъ купцамъ, но они только приравниваются къ нимъ, а не смѣшиваются съ ними. Въ главѣ о взысканіяхъ за нѣкоторыя оскорбленія упоминается одна и та же пошлина въ примѣненіи къ *гостямъ* и къ Строгановымъ, названнымъ по имени. Можно утверждать, что семья эта составляла отдѣльную соціальную группу.

Въ 1558 г. Григорій Аникіевъ Строгановъ просилъ у Ивана пожаловать ему 106 кв. верстъ земли, лежащей за Пермью по берегу Камы. Онъ хотѣлъ тамъ выстроить крѣпость для защиты отъ татаръ, распахать землю, завесть пастбища, устроить соляныя варницы. Просьба его была удовлетворена. Царь пожаловалъ ему землю и освободилъ его отъ всякихъ налоговъ на 20 лѣтъ. Онъ оставлялъ за собой только право на серебряную, мѣдную и оловянную руду, если она въ томъ мѣстѣ окажется. Это были обычныя условія при такого рода подаркахъ, на которые московскіе государи не скупились. Чего они не разрѣшали, такъ это была военная армія. Ихъ политическая система не допускала въ этомъ направленіи никакихъ уступокъ.

Однако, на границѣ съ Сибирью по необходимости пришлось разрѣшить и это. Строгановъ построилъ крѣпость на рѣкѣ Пискаркѣ и назвалъ ее Конкоромъ. Въ 1564 г. онъ просилъ царя построить другую крѣпость дальше на 20 верстъ на Орлѣ. Это былъ Каргеданъ. Въ 1566 г. по просьбѣ этого сильнаго рода, его городки и промыслы были включены въ опричнину. Авъ 1568 г.значительно расширены. Растянутыя владѣнія Строгановыхъ страдали отъ частыхъ набѣговъ черемисовъ, башкиръ и другихъ дикихъ сосѣднихъ племенъ. Иванъ, ознакомившись съ дѣломъ, разрѣшилъ колонизаторамъ вооружить необходимое количество остяковъ и казаковъ, чтобы отражать эти нападенія. Преслѣдуя нападающихъ, казаки скоро перешли за Уралъ, гдѣ начинается уже легендарная эпопея.

Въ это время появилось въ Сибири татарское ханство, основанное, какъ полагаютъ родомъ Тайбуговъ, враждовавшихъ съ однимъ изъ правящихъ родовъ. Онъ отдѣлился и сталъ покорять себѣ сосѣднія земли остяковъ и башкиръ. Столица этого ханства называлась Сибирь,или Искеръ. Съ 1556 г. ханомъ тамъ былъ Кучумъ—киргизъ-кайсаскаго происхожденія. Онъ свергнулъ съ престола Ядигера, прежняго данника Ивана. Успѣхи Строганова встревожили его. Боясь потерять независимость, онъ отправилъ своего сына или племянника, царевича Магметкула, напасть на новые русскіе промыслы. Враждебныя дѣйствія продолжались до 1582 г. и заставили Ивана еще больше расширить права братьевъ Строгановыхъ, Григорія и Якова. Имъ были пожалованы берега Тобола и его притоковъ за Ураломъ. Между 1574 и 1579 г. эти огромныя владѣнія перешли по наслѣдству къ третьему брату, Семену Аникіеву, и къ его двумъ племянникамъ, Максиму Яковлевичу и Никитѣ Григорьевичу. Чтобы выйти изъ опаснаго положенія, они прибѣгли къ смѣлому средству. Донскія казацкія станицы, какъ я уже указывалъ, служили убѣжищемъ для сброда со всей русской земли. Это были полувоины, полуразбойники, большею частью убѣжавшіе отъ висѣлицы и не боявшіеся ни царя, ни Бога, ни черта. Отправленное на Донъ предложеніе Строгановыхъ поступить къ нимъ на службу было полно заманчивыхъ обѣщаній. Въ числѣ другихъ оно привело на берега Камы и человѣка, который до сихъ поръ слыветъ покорителемъ Сибири. Но онъ только случайно сталъ героемъ счастливѣйшаго изъ тысячи эпизодовъ. Онъ сталъ однимъ изъ тѣхъ людей, которые своей грубой силой способствовали успѣхамъ цивилизаціи, утвердивъ на дальнемъ азіатскомъ Востокѣ московское владычество.

III.

Казаки.

Казаки составляли часть населенія на всемъ пространствѣ московской державы. На сѣверѣ они являлись бродячими хлѣбопашцами или ремесленниками. На югѣ они были большею частью военными. Но обыкновенно подъ именемъ казаковъ подразумѣвались всѣ бродяги. Самое слово —казакъ татарскаго происхожденія и обозначало первоначально крестьянина, не имѣвшаго связи ни съ землей, ни съ семьей. Затѣмъ оно стало относиться къ воину, завербованному изъ подобныхъ бродягъ. Въ поискахъ за счастьемъ эти непокорные люди шли, куда вела ихъ фантазія. Одни направлялись въ привольныя степи, гдѣ основывали военныя общины. Другіе оставались на родинѣ, образовывали шайки и занимались грабежемъ. Послѣднихъ оффиціальные документы называютъ воровскими казаками.

Благодаря географическому положенію и этнографическому характеру древней Руси съ ея неопредѣленными границами и отсутствіемъ исторически обособившихся областей, этотъ подвижной элементъ, формально зависѣвшій отъ государства, въ дѣйствительности пользовавшійся почти полной независимостью, явился авангардомъ колонизаторскаго движенія. При Василіи рязанскіе казаки нашли путь къ Дону. При его преемникѣ они уже основались на обоихъ берегахъ этой рѣки и стали опасными сосѣдями крымскихъ, азовскихъ и ногайскихъ татаръ. Сначала сѣверная украйна пополняла контингентъ ихъ смѣльчаками, храбрость которыхъ вошла въ пословицу. Потомъ потянулись со всѣхъ сторонъ городскіе и сельскіе казаки, совершившіе что-либо противозаконное. Притонъ этотъ причинялъ и Ивану нѣкоторыя затрудненія и непріятности. Когда татары жаловались на постоянныя набѣги казаковъ, Грозный отговаривался своимъ безсиліемъ, чтобы справиться съ этими „разбойниками". Въ промежуткахъ между набѣгами на орду „разбойники" отправлялись на Волгу и на своихъ легкихъ „чайкахъ" преслѣдовали русскихъ купцовъ. Иногда противъ нихъ устраивались настоящіе походы царскихъ отрядовъ.

Въ 1579 г. государь все-таки разрѣшилъ Строгановымъ взять себѣ на службу шайку этихъ разбойниковъ въ количествѣ 640 человѣкъ, подъ предводительствомъ двухъ атамановъ. Одинъ изъ нихъ, Иванъ Кольцо, только что былъ приговоренъ къ смертной казни. У другого тоже, вѣроятно, были кое-какіе грѣхи. Его звали Ермакомъ Тимоѳеевичемъ.

Происхожденіе этого популярнаго имени еще не выяснено. Одни видятъ въ немъ испорченное имя Ермолая или Германа, другіе — прозвище, полученное героемъ легенды въ то время, когда онъ несъ на себѣ скромныя обязанности кашевара въ станицѣ, гдѣ *ермакомъ* назывался котелъ для каши. На Волгѣ *ермакомъ* называютъ ручную мельницу. Никитскій нашелъ это имя, въ сокращеніи Ермашко, въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ, гдѣ оно встрѣчается часто.

1 сентября 1581 г. подкрѣпленный отрядъ казаковъ солдатами изъ строгановскихъ крѣпостей, гдѣ были русскіе, литовцы, нѣмцы и татары, двинулся въ путь подъ предводительствомъ Ермака. Въ этомъ отрядѣ было 840 человѣкъ. Ему предстояло перейти черезъ Уралъ, по слѣдамъ другихъ 20 экспедицій, направлявшихся въ ту же сторону въ разное время, и напасть на Кучума въ его гнѣздѣ. Въ тотъ же день шайка дикихъ наѣздниковъ подъ предводительствомъ татарскаго князя Пелыма напала на Пермскую землю. Напуганный воевода просилъ у Строгановыхъ подкрѣпленій, но они отказали, ссылаясь на недостатокъ въ войскѣ послѣ ухода Ермака. Воевода пожаловался въ Москву. Тамъ такъ мало были расположены видѣть что-нибудь серьезное въ новомъ Зауральскомъ походѣ, что Иванъ обозвалъ Строгановыхъ измѣнниками и послалъ въ Пермь приказъ вернуть, какъ можно скорѣе, Ермака съ товарищами. Но этотъ приказъ нельзя было исполнить. Ермакъ былъ уже далеко.

IV.

Ермакъ въ Сибири.

Посланный навстрѣчу русскому войску Магметкулъ встрѣтилъ его на берегахъ Тобола и испугался, увидѣвъ „дымящіеся и издающіе громъ луки“. Ему еще неизвѣстно было огнестрѣльное оружіе. Онъ потерпѣлъ полное пораженіе. На Иртышѣ Ермакъ побѣдилъ самого Кучума и въ октябрѣ овладѣлъ покинутой его столицей. Тамъ онъ провелъ зиму. Весной его казаки взяли въ плѣнъ Магметкула, а лѣтомъ занимали и приводили къ покорности маленькіе городки и татарскіе *улусы* по Оби и Иртышу. Ермакъ рѣшилъ извѣстить о происшедшемъ Строгановыхъ и самого царя. Онъ не побоялся отправить къ Грозному Кольцо, которому грозила смерть отъ руки палача.

Ермакъ былъ правъ, думая, что государь будетъ обезоруженъ. Дѣйствительно, никто не спрашивалъ Кольцо о

его прошломъ. Ермаку была пожалована значительная сумма денегъ. По преданію, Иванъ послалъ ему дорогіе подарки—двѣ богато украшенныя брони, серебряный кубокъ и шубу съ своего плеча. Въ то же время онъ послалъ двухъ воеводъ — Семена Болховскаго и Ивана Глухова вступить отъ его имени во владѣніе взятыми у Кучума городами. Такъ было всегда. Посылали казаковъ; если они терпѣли пораженіе, отъ нихъ отрекались, называя ихъ „разбойниками". Если же они побѣждали, ихъ побѣду приписывали себѣ.

Грозный уже не узналъ ни о судьбѣ своихъ посланныхъ, ни о трагическомъ концѣ предпріятія, въ которомъ Ермакъ стяжалъ себѣ безсмертіе.

Въ 1584 г. смѣлый атаманъ погибъ на Иртышѣ во время ночного нападенія, подробности котораго неизвѣстны. Преданіе говоритъ, что онъ хотѣлъ переплыть черезъ рѣку и утонулъ подъ тяжестью брони—рокового царскаго подарка. Татары узнали его трупъ по бронѣ, на которой сверкалъ золотой орелъ. Они его поставили на помостъ и въ продолженіи шести недѣль пользовались имъ, какъ мишенью. Хищныя птицы стаями носились надъ трупомъ, не прикасаясь къ нему. Вокругъ него появлялись страшныя видѣнія. Испуганные татары рѣшили устроить герою пышныя похороны. При чемъ было убито и съѣдено тридцать быковъ. Но и на пеплѣ храбраго воина продолжались чудеса. Поднялся къ небу огненный столбъ. Тогда мусульманскіе муллы предали его останки землѣ и скрыли его могилу, чтобы никто не нашелъ.

Исторія говоритъ только, что Болховскій умеръ еще раньше. Послѣ же смерти Ермака другой посланникъ Ивана долженъ былъ отступить за Печору. Ближайшіе результаты этого похода не отличались отъ результатовъ предыдущихъ. Но между тѣмъ произошло нѣчто иное. Народное воображеніе было поражено смѣлымъ размахомъ. Изъ среды сонма героевъ, направлявшихъ сюда свои усилія, легенда выбрала имя Ермака, шедшаго по слѣдамъ своихъ многочисленныхъ предшественниковъ. Прежняго героя воспѣли былины. Ему воздвигли памятникъ въ Тобольскѣ. Посмертная слава вознесла его на одну высоту съ Кортецомъ и Христофоромъ Колумбомъ.

Преданіе могущественно. Оно направляетъ до нѣкоторой степени стихійныя силы, которымъ принадлежитъ рѣшающая роль въ судьбахъ народа. Возвеличенный такимъ образомъ Ермакъ долженъ былъ найти подражателей. Погибая на своемъ посту, Ермакъ могъ бы сказать: *Non omnis moriar*. Онъ былъ только орудіемъ, и за нимъ стояли

другіе, готовые продолжать его работу. Снаряжались новые отряды солдатъ защищать „дымящимися и издающими громъ луками“ прогрессъ своихъ мирныхъ трудовъ. Это были настоящіе покорители Сибири—Строгановы со своей арміей промышленниковъ-колонизаторовъ.

Когда въ Москву пришла вѣсть о катастрофѣ, временно пріостановившей побѣдоносное движеніе казаковъ, Ивана уже не было въ живыхъ. Прежде чѣмъ приступить къ повѣствованію о трагической его кончинѣ, я постараюсь дать представленіе читателямъ о той средѣ, въ которой жилъ государь. Мы увидимъ его дворъ и домашній очагъ во всей ихъ пышности, со всѣми странностями и ужасами.

ГЛАВА IV.

Дворъ и интимная жизнь Грознаго.

I. Дворъ.—II. Александровская слобода.—III. Домашняя жизнь Ивана. — IV. Семья Ивана.

I.

Дворъ.

Первымъ впечатлѣніемъ Ченслера при его пріѣздѣ въ Москву была смѣсь восхищенія и изумленія. Городъ съ его предмѣстьями показался больше Лондона. Но онъ напрасно искалъ въ немъ той пышности, о которой ему говорили въ Холмогорахъ. Даже Кремль поражаетъ его только отсутствіемъ того, что онъ ожидалъ въ немъ найти. Его вводятъ въ зданіе, называвшееся „золотыми палатами", а оно въ сущности едва ли не лачуга.

Знаменитое сооруженіе уже тогда представляло нагроможденіе мелочей, представляющихъ въ общемъ громадное зданіе, сохранившее до сихъ поръ своеобразный свой видъ. Главная дворцовая палата со своими сводами, опирающимися на одну колонну, казалась совершенно не подходящей для тѣхъ пышныхъ церемоній, какія въ ней должны были совершаться. Впрочемъ, пословъ и знатныхъ иностранныхъ путешественниковъ принимали въ другомъ, еще болѣе скромномъ зданіи. Меблировка состояла изъ некрашеныхъ скамей и табуретовъ простого бѣлаго дерева. И слѣда комфорта не замѣчалось. Бросалась въ глаза роскошь ковровъ, да если вѣрить Маскевичу, мемуары котораго относятся къ 1594 г., большая печь, согрѣвавшая палату и нѣсколько сосѣднихъ горницъ. Въ XVI в., какъ и теперь, Кремль представлялъ маленькій городокъ церквей, въ немъ были—Благовѣщенскій соборъ, самый близкій ко дворцу, царь въ немъ ежедневно бывалъ на богослуженіяхъ, Успенскій соборъ, гдѣ служитъ митрополитъ, коронуются государи и

слушаютъ обѣдню въ большіе праздники; соборъ архангела Михаила съ гробницамм царствующаго дома, церковь съ высокой колокольней Ивана Великаго. До двухъ десятковъ церквей размѣщены сравнительно на небольшомъ пространствѣ, а рядомъ съ ними тѣснятся монастыри, дома придворныхъ, лавки и мастерскія.

Но первое впечатлѣніе Ченслера должно было измѣниться, когда онъ предсталъ передъ Иваномъ и увидѣлъ его дворъ. Хотя онъ и видалъ царственную пышность Валуа и Тюдоровъ, но тѣмъ не менѣе теперь онъ былъ пораженъ и очарованъ прежде всего государемъ... Да развѣ этотъ человѣкъ, возсѣдающій на тронѣ, поддерживаемомъ фантастическими звѣрями Апокалипсиса, похожъ на другихъ? Когда, двадцать лѣтъ спустя, Поссевинъ увидитъ здѣсь царя въ длинномъ далматикѣ, съ тіарой на головѣ и съ посохомъ въ рукахъ, онъ подумаетъ, что стоитъ предъ лицомъ другого папы, *rex sacrorum*. Образъ Богородицы надъ трономъ, по правую сторону его—образъ Спасителя, на стѣнахъ изображеніе библейскихъ событій придавали дворцу видъ храма. Правда, по бокамъ стояли молодые тѣлохранители съ топориками на плечахъ, но развѣ у римскихъ первосвященниковъ не было своихъ носителей алебардъ? Но что еще болѣе его поразило, такъ это видъ присутствующихъ, какъ бы застывшихъ въ своихъ позахъ. Позже Маржеретъ и Флетчеръ также были этимъ поражены. При появленіи царя въ толпѣ всевозможныхъ должностныхъ лицъ, въ рядахъ стражи, одѣтой въ бѣлыя бархатныя или атласныя платья, въ высокихъ бѣлыхъ шапкахъ—не то воиновъ, не то монаховъ, съ золотою цѣпью, скрещенной на груди, и съ сверкающими топорами, какъ бы занесенными для удара,—наступало гробовое молчаніе. Закрывъ глаза, можно было подумать, что дворецъ пустъ.

Дворъ московскаго государя пышностью и численностью превосходилъ все, что иностранцы могли видѣть въ другихъ земляхъ. Множество придворныхъ, въ золотѣ и драгоцѣнныхъ камняхъ, толпились въ тѣсныхъ палатахъ, въ сѣняхъ, наполняли пространство вокругъ дворца.

Посмотримъ, изъ кого состоялъ этотъ дворъ.

Въ русскомъ языкѣ XVI в. слово *дворъ* имѣетъ двоякое значеніе. Во-первыхъ, оно примѣняется для обозначенія самого жилища государя. Во-вторыхъ, оно относится и къ службамъ, сосредоточивавшимся около дворца и вѣдавшимъ, какъ нужды государя, такъ и потребности всей страны. Государь занималъ *верхъ* дворца. Остальную же часть его и флигели занимали должностныя лица. Они дѣлятся на разные „*приказы*“ и вѣдаютъ содержаніе двора и управле-

ніе страной. Въ слѣдующемъ вѣкѣ Котошихинъ насчитываетъ до 40 этихъ приказовъ, раздѣленныхъ на *палаты*, какъ бы отдѣльныя министерства: *разрядный приказъ, ямской*, дворцовый. Послѣдній соотвѣтствовалъ теперешнему министерству двора. Но содержаніе двора вѣдалось еще множествомъ спеціальныхъ учрежденій: *житейный* дворъ, кормовой дворъ, хлѣбный дворъ. Были дворы, вѣдавшіе царскіе погреба, гардеробъ, конюшни. Учрежденіе, вѣдавшее гардеробъ, обязано было не только заботиться о государѣ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ одѣвать весь дворцовый персоналъ, должностныхъ и сановныхъ лицъ. Оно имѣло свою мастерскую и огромные склады.

Придворные должности были многочисленны. Одни изъ нихъ были древняго происхожденія, другія—новыя. Уже Несторъ упоминаетъ о *стольникахъ*, на обязанности которыхъ было подавать кушанья, которыя раздавались уже князю и гостямъ на торжественныхъ пирахъ *кравчими и окольничими*. Но съ древнихъ временъ стольникамъ поручались и другія должности. Ихъ посылали въ чужія земли, имъ ввѣряли управленіе областями. Количество этихъ должностныхъ лицъ доходило до пятисотъ. На второмъ мѣстѣ стояли *спальники* и *постельники*, одѣвавшіе и раздѣвавшіе государя и смотрѣвшіе за его постелью. Спальникъ входилъ въ составъ ближайшихъ совѣтниковъ, а постельникъ хранилъ государственную печать. Тотъ и другой спали въ царской опочивальнѣ.

Окольничіе появляются только въ 1356 г. На нихъ также лежатъ разнообразныя обязанности, но большею частью судебнаго характера. Для веденія текущихъ дѣлъ у государя были еще *стряпчіе*. Они во время церемоніи несли его скипетръ, поддерживали верхнее его платье, смотрѣли за оружіемъ. Это были болѣе мелкія должностныя лица, но еще не послѣднія въ служебной іерархіи. Ниже ихъ стояли *дьяки* и *подъячіе*, люди ученые, т.-е. умѣвшіе писать и читать. Первоначальной ихъ обязанностью было пѣть въ церкви, отчего и произошло ихъ названіе. Позже ихъ стали брать писцами въ приказы. Въ XVI в. *дьяки* уже занимали должности нынѣшнихъ рефферендаріевъ. Нѣкоторые изъ нихъ засѣдали въ боярской думѣ и назывались *думными дьяками*. Подъячіе были ихъ помощниками. На самомъ низу іерархической лѣстницы стояли *дворецкіе* или *дворники*. Въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ, въ Польшѣ, они пользовались большимъ значеніемъ. Они были какъ бы маршалами двора, а съ XVI в. они хранили государеву казну и были близки къ западно-европейскимъ *curiales*, прошедшимъ черезъ такія же превращенія

Дворъ царицы состоялъ только изъ женщинъ, за исключенiемъ нѣсколькихъ пажей не старше 10 лѣтъ. Первое мѣсто здѣсь принадлежало *боярынѣ*, которая берегла казну и смотрѣла за постелью. На второмъ мѣстѣ стояла *кравчиня*, наблюдавшая за всѣмъ персоналомъ двора. Она управляла обширнымъ штатомъ *мастерицъ*, отдавала приказанія *постельницамъ* и по очереди съ ними спала въ опочивальнѣ царицы и сопровождала ее во время ея рѣдкихъ выѣздовъ. Въ такихъ случаяхъ *постельницы* превращались въ амазонокъ и верхомъ на лошадяхъ сопровождали коляску царицы.

Самой большой и свѣтлой комнатой въ отведенной для государыни части дворца была рабочая комната. Къ ней примыкали *свѣтлицы*. Въ нихъ помѣщалось до полусотни женщинъ, шившихъ бѣлье-бѣлошвей и вышивавшихъ золотомъ, серебромъ и шелкомъ—золотошвей. Это было нѣчто въ родѣ художественно-мастерской школы, равно какъ и помѣщавшаяся въ одномъ изъ дворцовыхъ флигелей *иконописная палата*. Она была въ одно и то же время мастерской и академiей художествъ. Въ свѣтлицахъ царицъ также вышивались иконы съ такимъ искусствомъ, которое и теперь вызываетъ удивленіе археологовъ.

Иванъ былъ очень богатымъ государемъ очень бѣдной страны. Флетчеръ глазамъ своимъ не повѣрилъ, когда увидалъ сокровища Грознаго. Цѣлыя кучи жемчуговъ, изумрудовъ, рубиновъ, горы золотой посуды, сотни золотыхъ съ драгоцѣнными камнями чашъ. Эти богатства, накоплявшiяся и возраставшія съ каждымъ царствованіемъ, хранились взаперти. Ихъ извлекали изъ хранилищъ только въ рѣдкихъ случаяхъ, главнымъ образомъ, чтобы поразить иностранцевъ. Ченслеръ видѣлъ при отъѣздѣ посольства къ польскому королю 500 всадниковъ, одѣтыхъ съ неслыханной роскошью. Одежда на нихъ была изъ золотой и серебряной парчи, сѣдла бархатныя, расшитыя жемчугомъ. Вся эта роскошь была взята изъ великокняжескихъ хранилищъ. Предъ послами Максимиліана II бояре раздѣвались, чтобы блеснуть роскошью своего нижняго платья. Но все, что на нихъ было, принадлежало государю и послѣ парада должно было быть возвращеннымъ на прежнее мѣсто „безъ пятенъ и дыръ“ подъ угрозой взысканія.

Но эта роскошь сочеталась съ большими недостатками и неудобствами. Сидя за царскимъ столомъ, Дженкинсонъ ѣлъ съ золотыхъ блюдъ и оцѣнилъ въ 400 фунт. стерлинговъ два кубка, ходившіе по рукамъ пирующихъ. Флетчеръ насчиталъ 300 служащихъ за столомъ, одѣтыхъ въ золотую и серебряную парчу. Царь ѣлъ одинъ за столомъ

литого золота. Сразу было принесено сто золотыхъ блюдъ, но не было ни тарелокъ ни приборовъ, о салфеткахъ ужъ нечего и говорить. Русскіе носили у пояса ножъ и ложку. Въ 1576 г. императорскіе послы обратили вниманіе на то, что передъ устроеннымъ для нихъ пиромъ около 200 приглашенныхъ къ обѣду отправились въ царскій гардеробъ и замѣнили кафтаны изъ золотой парчи бѣлыми съ горностаевой опушкой одеждами.

Для исторіи страны, развитія идей и нравовъ эти черты имѣютъ важное значеніе. Такими способами внушалось народу, что онъ ничто и что у него ничего нѣтъ, а у государя—все, и все ему принадлежитъ. Развитію этого представленія также способствовалъ обычный церемоніалъ пировъ. Перекрестившись, царь бралъ себѣ кусокъ мяса, нарѣзаннаго *кравчимъ*, затѣмъ давалъ нѣкоторымъ высокопоставленнымъ лицамъ и наблюдалъ, какъ подавали кушанья другимъ гостямъ. Разносящіе каждому говорили: „Царь тебѣ посылаетъ это“. Получившій подымался и благодарилъ. Та же процедура повторялась и съ напитками, нравившимися иностранцамъ. Что же касается приправъ, состоявшихъ изъ шафрана, кислаго молока и огурцовъ въ уксусѣ, то они имъ не нравились. Необходимость сидѣть за столомъ пять-шесть часовъ и пить со всѣхъ посылавшихся имъ царемъ чашъ удручала даже самыхъ выносливыхъ. Кромѣ того, былъ обычай послѣ пира посылать почетнымъ гостямъ кушанья и напитки, которыми они дѣлились съ царскими посланными. Одинъ императорскій посолъ заразъ получилъ семь чашъ романеи, столько же рейнскаго вина, мускатнаго, бѣлаго французскаго, канарскаго, аликанте и мальвазіи, двѣнадцать ковшей меду высшаго качества, семь низшаго, восемь блюдъ жареныхъ лебедей, столько же журавлей со специями, нѣсколько блюдъ изъ пѣтуховъ, жареныхъ куръ безъ костей, глухарей съ шафраномъ, рябчиковъ въ сметанѣ, утокъ съ огурцами, гусей съ рисомъ, зайцевъ съ лапшей, лосиныхъ мозговъ, множество пироговъ съ мясомъ и сладкихъ, желе, кремовъ, засахаренныхъ орѣховъ. Все это получилъ человѣкъ, только что вышедшій изъ-за стола!

При дворѣ, какъ и у частныхъ лицъ, пиры съ ихъ ужаснымъ обжорствомъ и неумѣреннымъ питьемъ были необходимымъ условіемъ всякаго празднества и самымъ любимымъ развлеченіемъ. Но существовали и другія свѣтскія развлеченія, не смотря на церковныя запрещенія ихъ. Было даже спеціальное вѣдомство по этой части, такъ называемая *потѣшная палата*. При царскомъ дворѣ играли въ шахматы, шашки и карты, занимались охотой съ гончими и борзыми

собаками. Въ большомъ ходу была охота съ соколами и кречетами. Охотились на медвѣдя. Въ первую половину своего царствованія Иванъ съ увлеченіемъ предался этимъ развлеченіямъ. Позже его поглотили заботы о государственныхъ дѣлахъ, и это отразилось на состояніи его охотничьяго двора. Когда послѣ Ямъ-Запольскаго перемирія Баторій выразилъ желаніе имѣть красныхъ кречетовъ и обратился съ просьбой къ Ивану, тотъ отвѣтилъ, что ихъ больше у него нѣтъ, такъ какъ онъ давно уже не охотился, будучи удрученъ горестями. Тогда Баторій спросилъ, не можетъ ли онъ послать Ивану что-нибудь пріятное. Ему отвѣтили, что желали бы получить добрыхъ коней, шлемовъ желѣзныхъ, мѣткихъ и легкихъ мушкетовъ.

Побѣжденный подъ Полоцкомъ и Великими Луками просилъ у своего побѣжденнаго только оружія.

Однако, несмотря на свои горести, Иванъ и въ это время еще держалъ при себѣ разныхъ *дураковъ* и *шутовъ*, которые до половины XVIII в. входили въ составъ русскаго двора. Шутки этихъ забавниковъ большею частью были непристойны. Убожество умственнаго развитія способствовало развращенности воображенія. Съ другой стороны, давленіе на умы аскетическаго ученія церкви порождало, какъ естественную реакцію, грубый цинизмъ. Кромѣ того, шутъ своими острыми рѣчами, дозволявшимися ему въ извѣстныхъ границахъ, удовлетворялъ необходимости в критикѣ и сатирѣ, свойственной всякому обществу. За отсутствіемъ литературы, сатира выл ивалась такимъ способомъ. Издѣваясь надъ совѣтами Домостроя и восточнаго этикета, шутъ такимъ образомъ разрѣжалъ тяжелую атмосферу монастыря и тюрьмы, въ которыхъ коснѣли русскіе. Онъ открывалъ двери, разбивалъ стекла оконъ и впускалъ струю свѣжаго воздуха въ душныя помѣщенія. Въ каждомъ болѣе или менѣе значительномъ домѣ тогда держали одного или нѣсколько такихъ приживальщиковъ. У Ивана ихъ были десятки. Нѣкоторые изъ нихъ поплатились жизнью за честь быть съ царемъ за панибрата. Одного изъ нихъ звали Гвоздевымъ. Онъ былъ княжескаго рода, какъ и будущій *дуракъ* императрицы Анны, и занималъ при дворѣ видную должность. Совмѣщеніе должностей тогда было обычнымъ явленіемъ. Однажды для забавы Иванъ вылилъ этому шуту миску горячихъ щей на голову. Несчастный закричалъ. Иванъ ударилъ его кинжаломъ, такъ какъ былъ въ нетрезвомъ видѣ. Шутъ упалъ на полъ обливаясь кровью. Позвали лѣкаря.—„Вылѣчи моего вѣрнаго слугу, — сказалъ ему Иванъ,—я съ нимъ неловко поигралъ“.—„Такъ неловко

что теперь уже ни Богъ, ни ваше величество не заставите его играть“,—отвѣчалъ лекарь.

Гвоздевъ умеръ.

Какъ впослѣдствіи Петръ Великій, Иванъ отводилъ этимъ шутамъ мѣсто и роль даже въ народныхъ церемоніяхъ. Благодаря этому религіозное настроеніе, овладѣвавшее въ этихъ торжествахъ присутствующими и сообщавшееся иностраннымъ свидѣтелямъ, часто уступало мѣсто другимъ впечатлѣніямъ. Грозный не всегда сохранялъ на тронѣ пастырскую позу, въ которой онъ являлся сначала восхищеннымъ взорамъ зрителей. Разъ онъ снялъ шапку съ польскаго посла, надѣлъ ее на шута и приказалъ ему кланяться по-польски. Когда тотъ заявилъ, что не умѣетъ, самъ началъ передразниваться, заливаясь громкимъ смѣхомъ и побуждая присутствовавшихъ издѣваться надъ посломъ. Подобно Наполеону, онъ иногда поражалъ какого-нибудь посла сценой гнѣва, потокомъ брани и угрозъ. Тогда ужасъ проносился подъ низкими сводами Кремля надъ толпой придворныхъ.

Но эти разнообразныя сцены придворной жизни развертывались главнымъ образомъ въ Александровской слободѣ. Онѣ являются самыми странными зрѣлищами, которыя исторія той эпохи оставила на удивленіе потомству.

II.

Александровская слобода.

Послѣ пожара 1547 г., почти совсѣмъ уничтожившаго Кремль, Иванъ жилъ нѣкоторое время въ Воробьевѣ, пока ему спѣшно строили въ Москвѣ деревянные хоромы и возстановляли сгорѣвшій кирпичный дворецъ. Въ 1565 г., когда была учреждена опричнина, Иванъ хотѣлъ было построить себѣ другой дворецъ въ кремлевскихъ стѣнахъ. Но онъ раздумалъ и рѣшилъ устроить свое новое жилище подальше отъ стараго, которое онъ уступилъ царю Симеону. Мѣсто для дворца было избрано на Воздвиженкѣ близъ нынѣшнихъ Троицкихъ воротъ. Онъ поселился тамъ въ 1567 г., но прожилъ недолго. Онъ также не любилъ жить въ Москвѣ, какъ впослѣдствіи и Петръ Великій. Онъ предпочиталъ Коломенское, любимую резиденцію своего отца, и ѣздилъ туда ежегодно 29 августа праздновать свои именины. Нравилась ему и Вологда на рѣкѣ того же имени, несмотря на ея дикій и суровый пейзажъ. Тамъ онъ приказалъ выстроить большой деревянный дворецъ на холмѣ, гдѣ до

сихъ поръ находятся казенныя зданія. Тамъ онъ выстроилъ и соборъ по образцу Успенскаго. Но впослѣдствіи ему больше всего понравилась Александровская слобода и остановила на себѣ его выборъ.

Эта знаменитая слобода была Плесси-ле-Туръ Грознаго, какъ Малюта Скуратовъ былъ его Тристаномъ Отшельникомъ. А. Толстой далъ намъ красивое, но чисто вымышленное описаніе этого мѣста. Увѣряютъ, что зданія теперешняго Успенскаго монастыря въ Александровѣ заключаютъ въ себѣ часть стариннаго дворца, безслѣдно исчезнувшаго. Какъ и Вологодскій дворецъ, монастырь стоитъ на возвышенности на берегу рѣки. Находящійся въ оградѣ соборъ относится, пожалуй, ко времени Ивана. Тамъ можно видѣть ворота, привезенныя изъ Новгорода послѣ его разгрома. Все зданіе носитъ слѣды перестройки. Въ него вошли составныя части, имѣвшія раньше другое назначеніе. Двери и окна расположены въ немъ не симметрично. Въ стѣнахъ какія-то углубленія, сдѣланныя безъ видимой необходимости. Такія же особенности мы встрѣчаемъ и въ Твери въ Отрочьемъ монастырѣ, гдѣ келья св. Филиппа передѣлана въ часовню. Въ Александровѣ, внѣ собора, сохранилась постройка, составлявшая, повидимому, часть другого зданія. Предполагали, что на этомъ мѣстѣ находились покои, занимаемые государемъ и его людьми. Это предположеніе подтверждается существованіемъ здѣсь огромныхъ подваловъ съ таинственными закоулками, съ подземными ходами, ведущими куда-то въ глубину, откуда, кажется, вотъ-вотъ поднимутся кровавые призраки...

Но эти стѣны, быть можетъ, слышавшія и видѣвшія такъ много, молчатъ. Молчитъ и мѣстное преданіе. Чтобы воспроизвесть происходившее здѣсь, мы должны полагаться на недостовѣрныя показанія лѣтописцевъ. Если провѣрить ихъ разсказы болѣе надежными документами и опереться на подлинные факты, то есть возможность представить эту слободу и бытъ ея обитателей.

Я уже высказалъ свой взглядъ на обвиненія, которымъ подвергалась опричнина. Будучи явленіемъ революціоннымъ, она породила терроръ съ его неизбѣжными крайностями. Помощники Грознаго, набиравшіеся имъ изъ подонковъ общества, были неспособны понять характеръ и реальную цѣль его предпріятія и чаще, чѣмъ онъ самъ, проявляли насиліе вмѣсто энергіи. Съ другой стороны, являясь послушнымъ орудіемъ, эти угодливые царедворцы способствовали развитію влеченій къ грубому разврату и льстили нѣкоторымъ садическимъ наклонностямъ, лежавшимъ, безъ сомнѣнія, въ его натурѣ. Лѣтопись сохранила

имена его приспѣшниковъ. На первомъ планѣ стояли—бояринъ Алексѣй Басмановъ съ сыномъ Ѳедоромъ, князь Аѳанасій Вяземскій, Василій Грязной, архимандритъ Чудова монастыря Левкій и самый знаменитый и кровожадный Григорій Лукьяновичъ Малюта-Скуратовъ. Позже—Богданъ Бѣльскій, игравшій съ Басмановымъ роль любимцевъ при царѣ, Борисъ Годуновъ, зять Скуратова, будущій царь. Эти лица пользовались расположеніемъ и довѣріемъ царя.

Изъ среды ихъ преданіе выдѣлило брата царицы Анастасіи Никиту Романовича Захарьина. Основываясь на какихъ-то иллюзіяхъ, а, быть можетъ, и данныхъ, оно приписало ему всѣ добродѣтели, надѣлило его великой и прямой душой, суровымъ, непреклоннымъ умомъ. Однако, это несовмѣстимо съ подобной средой. Я склоненъ думать, что Иванъ, по крайней мѣрѣ, въ эту пору своей жизни не потерпѣлъ бы близъ себя такого человѣка. Вѣроятно, на этомъ лицѣ отразилась идеализація, украсившая историческое происхожденіе всего рода Захарьиныхъ.

Собственно говоря, Александровская слобода не была лишь мѣстомъ разгула. Иванъ всегда проявлялъ большую наклонность къ монастырской жизни. Но его аскетическія стремленія легко уживались съ вольностью нравовъ, свойственной, впрочемъ, и всѣмъ монастырямъ того времени. Мы видѣли, что Иванъ старался провесть реформу въ средѣ духовенства, чтобы заставить его строже соблюдать правила монастырской жизни. Имъ, очевидно, руководило подать личный примѣръ при установленіи порядка при дворѣ въ Александровской слободѣ. Въ основныхъ чертахъ опричнина многимъ походитъ на монастырское братство. Опричники при поступленіи на службу произносили особую клятву, напоминавшую клятву при постриженіи въ монахи. Они отрекались отъ всѣхъ своихъ связей и въ нѣкоторомъ родѣ уходили отъ міра. Слобода по виду была монастыремъ. 300 человѣкъ, самыхъ близкихъ къ государю, подчинялись тамъ строгимъ правиламъ. На свои шитые золотомъ кафтаны они надѣвали черныя рясы и участвовали въ сложныхъ религіозныхъ обрядахъ. Царь былъ игуменомъ, Вяземскій — келаремъ, Скуратовъ — пономаремъ. Самъ царь со своими сыновьями ходилъ звонить къ обѣднѣ. Въ полночь всѣ вставали съ постели для первой церковной службы. Въ четыре часа снова всѣ собирались въ церковь къ заутренѣ, длившейся до семи часовъ. Въ восемь начиналась обѣдня. Иванъ, стараясь быть примѣромъ для другихъ, такъ усердно молился, что на лбу у него оставались слѣды поклоновъ. Въ двѣнадцать часовъ подавался обѣдъ въ общей трапезной. Царь при этомъ читалъ вслухъ

что-нибудь изъ священнаго писанія. Остатки трапезы отдавались бѣднымъ, какъ это дѣлалось въ хорошихъ монастыряхъ. Въ качествѣ игумена государь ѣлъ отдѣльно. Потомъ всѣ собирались къ нему и пили. Нѣкоторые изъ опричниковъ вмѣстѣ съ шутами старались позабавить и развеселить пирующихъ. Сюда допускались и женщины.

Для Ивана, какъ и для большинства людей его времени, идеалъ преобразованной монастырской жизни заключался въ томъ, что крайнее благочестіе искупало крайній развратъ. Внѣшніе обряды и матеріальныя лишенія возмѣщали отсутствіе истиннаго благочестія, служили оправданіемъ и искупленіемъ нравственныхъ паденій. Въ этомъ именно смыслѣ Александровская слобода строго соблюдала свой уставъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Иванъ относился серьезно къ этой пародіи. Я вижу доказательство этого въ его посланіи въ 1575 г. къ архимандриту и братіи Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. Видно, что человѣкъ, писавшій этотъ документъ, въ самомъ дѣлѣ чувствовалъ себя монахомъ, бесѣдующимъ съ другими монахами о предметахъ, относящихся къ ихъ общему служенію. Переписка эта была вызвана слѣдующими обстоятельствами: вліятельный родъ Шереметьевыхъ особенно потерпѣлъ отъ гоненій, которымъ подвергались знатнѣйшіе фамиліи страны со времени восшествія на престолъ Грознаго. Никита Васильевичъ, одинъ изъ трехъ братьевъ, пострадавшихъ первыми, былъ замученъ; другой, Иванъ, извѣстный полководецъ, подвергся пыткѣ и тюремному заключенію. Чтобы избѣжать худшей участи, онъ отправился въ Бѣлоозерскій монастырь и поступилъ тамъ въ иноки подъ именемъ Іоны. Такое вынужденное поступленіе въ монахи допускало въ ту эпоху различныя послабленія. Предоставивъ въ пользованіе монастыря часть своихъ имуществъ, Іона оставилъ себѣ значительныя средства и велъ роскошную жизнь въ своемъ домѣ, находившимся рядомъ съ монастыремъ. Онъ имѣлъ отличную кухню и обширный штатъ дворни. Онъ былъ большимъ хлѣбосоломъ. Монахи пользовались его гостепріимствомъ и, въ свою очередь, посылали ему разные подарки и лакомства. Въ монастырѣ жили также не бѣдно. Это было огромное учрежденіе. Вокругъ главнаго зданія тѣснилось одиннадцать корпусовъ, гдѣ помѣщались кладовыя, кухни, склады. Въ одной изъ сохранившихся частей зданія насчитываютъ до 700 комнатъ, предназначавшихся, по всей вѣроятности, для прислуги. Изъ знати не одинъ только Шереметевъ былъ здѣсь. Монастырь имѣлъ въ числѣ своихъ постоянныхъ обитателей Василія Степановича Собакина, въ инокахъ Варлаама, Ивана Ивановича Хабарова,

сына знамемитаго Хабара Симскаго, героя предыдущихъ царствованій, и другіе вельможи, присланные сюда Ивапомъ въ наказаніе. Между ними происходили часто ссоры. Менѣе богатые съ завистью смотрѣли на почести, оказывавшіяся Шереметеву. Ивану былъ посланъ доносъ. Онъ съ неудовольствіемъ узналъ, что люди, впавшіе въ немилость, въ изгнаніи пользуются такими преимуществами, и поспѣшилъ призвать братію къ порядку: Шереметевъ долженъ трапезовать вмѣстѣ со всѣми. Монахи указывали на слабое здоровье Шереметева. Иванъ написалъ тогда посланіе, являющееся съ литературной точки зрѣнія шедевромъ его произведеній.

Грозный начинаетъ свое посланіе исповѣдью, которая какъ бы подтверждаетъ обвиненія противъ его частной и общественной жизни. Съ своей обычной грубостью онъ называетъ себя „смердящимъ псомъ", живущимъ въ „пьянствѣ, блудѣ, убійствѣ, разбоѣ" и другихъ смертныхъ грѣхахъ. Буквально ли слѣдуетъ его понимать? Можно подумать, что ему незачѣмъ на себя клеветать. Но сейчасъ же онъ спѣшитъ заявить, что тѣ немногія истины, какія онъ считаетъ нужнымъ высказать братіи, исходятъ „отъ его скудоумія". Послѣ этого вступленія смыслъ его словъ становится яснымъ. Александровскій игуменъ просто говоритъ обычнымъ языкомъ своего времени. Онъ обвиняетъ и унижаетъ себя, смиряется и поноситъ ради антитезы, которая должна придать особую силу тѣмъ ударамъ, которые онъ будетъ наносить. Совѣсть его нечиста. Но высказываемое имъ смиреніе такъ же искренно, какъ и серьезно увѣреніе, что онъ самъ принадлежитъ къ Кирилло-Бѣлозерской общинѣ и поэтому входитъ въ подробности ея жизни. Онъ помнитъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, во время своего пребыванія здѣсь, высказалъ желаніе когда-нибудь поступить въ число членовъ обители. Теперь онъ это намѣреніе принимаетъ за совершившійся фактъ и ловко пользуется имъ для достиженія намѣченной цѣли. Онъ бичуетъ противниковъ тѣми доводами, какіе ему теперь пришли въ голову. Вотъ какъ онъ ихъ обличаетъ, уснащая свою рѣчь, по обыкновенію, текстами и примѣрами, почерпнутыми изъ Отцовъ Церкви, Священной исторіи, римскихъ и византійскихъ хроникъ:

„Есть у васъ Анна и Каіафа—Шереметевъ и Хабаровъ, есть Пилатъ—Варлаамъ Собакинъ, есть и Христосъ, распинаемый... Не Шереметевъ постригся у васъ, а вы у него. Онъ вамъ даетъ законъ. Слѣдуйте ему! Сегодня одинъ бояринъ введетъ распутство, завтра другой сдѣлаетъ вамъ послабленіе. Такъ мало-по-малу уставъ монастырскій упразд-

нится и пойдутъ у васъ обычаи мірскіе. Сперва вы дали Іоасафу (бывшій бояринъ Колычевъ) оловянную посуду и разрѣшили ѣсть въ своей кельѣ, теперь уже Шереметевъ имѣетъ и свою кухню. Въ результатѣ всѣ монахи живутъ какъ имъ хочется... Безпорядокъ, смятеніе, суета! Зачѣмъ? Для кого? Для этого плута, пса Собакина, или для этого сына дьявола Шереметева, или же для безумнаго Хабарова?..."

Письмо это было напечатано въ *Историческихъ Актахъ* (I, 204). Карамзинъ относитъ составленіе его къ 1578 году. Но, повидимому, Барсуковъ (Родъ Шереметевыхъ, I, 324), относящій его къ періоду между весной 1574 г. и весной 1575 г., стоитъ ближе къ истинѣ. Надо прибавить, что Иванъ пользовался тѣми текстами, которые встрѣчаются въ старинныхъ церковныхъ сочиненіяхъ полемическаго характера, и измѣняетъ ихъ по-своему. Это были распространенные критическіе труды, обличающіе распущенность монастырскихъ нравовъ. Они были извѣстны Бѣлозерскимъ монахамъ, такъ какъ копіи ихъ были въ ихъ библіотекѣ. Что касается того духа, которымъ Иванъ былъ проникнутъ, то слѣдующая подробность указываетъ на него ясно. Къ посланію была присоединена золотая *братина* съ рельефными изображеніями голыхъ женщинъ—подарокъ той самой общинѣ, которую онъ старался вернуть на истинный путь. Въ этомъ проявился духъ Александровской слободы.

Иванъ жилъ въ своей Александровской слободѣ, какъ въ предыдущемъ вѣкѣ Людовикъ XI жилъ въ Плесси-ле-Туръ, среди монаховъ, съ которыми король производилъ религіозныя упражненія. Тамъ были слесаря, приготовлявшіе знаменитые „fillettes du roi", тяжелыя цѣпи, въ которыя заковывали ноги узниковъ, сажаемыхъ въ желѣзныя клѣтки. Были тамъ и другія слуги, счета которыхъ попадаются въ книгахъ Его Величества подъ рубрикой „voluptés": столько-то, чтобы привезть изъ Дижона въ Туръ горожанку, понравившуюся королю, столько-то на покупку двухъ дюжинъ чижей (Henri Martin, „Histoire de France", VII, 145). Если Людовикъ XI и не превратилъ Плесси-ле-Туръ въ монастырь, то мы знаемъ, что онъ выстроилъ обитель по сосѣдству для калабрійскаго монаха Франсуа де-Поль. Онъ также любилъ окружать себя „дурными людьми низкаго происхожденія". Чтобы разсѣять грызущую тоску или прогнать страшныя видѣнія, онъ созывалъ со всѣхъ сторонъ людей, „играющихъ на тихихъ и нѣжныхъ инструментахъ". „Но ничто его не могло развеселить", прибавляетъ лѣтописецъ Сенъ-Дени.

Послѣ всенощной въ Александровской слободѣ Иванъ

отправлялся въ свою опочивальню, гдѣ три слѣпыхъ старика должны были усыплять его своими сказками. Кромѣ того, сидя у его изголовья, они, вѣроятно, оберегали его отъ ночныхъ видѣній и избавляли отъ тяжелаго одиночества. Днемъ государь имѣлъ другія развлеченія. Не отправлялся ли онъ, какъ говорили, въ застѣнокъ наслаждаться видомъ пытокъ, производимыхъ по его приказанію? Не замѣнялъ ли онъ тамъ палача? Не мѣнялось ли тогда его мрачное и угрюмое лицо, не становился ли онъ веселѣе среди этихъ ужасовъ, не сливался ли его дикій хохотъ съ криками жертвы? Все могло быть. Но государь развлекался и менѣе кровавыми играми скомороховъ, фокусниковъ и медвѣжатниковъ. Ихъ собирали для него безъ разбора по всѣмъ захолусгьямъ. Въ новгородской лѣтописи упоминается нѣкій Субота Осетръ, который сначала обругалъ и избилъ дьяка Даніила Бартенева, а потомъ спустилъ на него медвѣдя съ цѣпи. Медвѣдь бѣжалъ за нимъ до самаго приказа и привелъ въ ужасъ цѣлую толпу приказныхъ, изъ которыхъ многіе попали въ лапы разъяреннаго звѣря. Послѣ этого случая, медвѣдя и его хозяина признали годными для царской службы. Они немедленно были отправлены въ Александровскую слободу съ цѣлой ватагой скомороховъ.

Въ слободѣ видную роль играли ручные и дикіе медвѣди. Ихъ заставляли представлять смѣшныя сцены. Съ ихъ помощью мистифицировали посѣтителей и пугали ихъ. Часто травили ими не только собакъ, но и людей. Быть можетъ, Горсей и не заслуживаетъ полнаго довѣрія. Онъ разсказываетъ объ одномъ ужасномъ случаѣ, когда семь тучныхъ монаховъ были обвинены въ мятежѣ и приговорены къ борьбѣ съ шестью медвѣдями. Они разстерзали пять монаховъ и только шестой одолѣлъ своего противника. Гуаньино разсказываетъ, что, когда замерзала рѣка и на льду собирался народъ для гуляній, царь имѣлъ *привычку* выпускать на мирную толпу нѣсколькихъ своихъ медвѣдей. Единичный фактъ такого рода могъ имѣть мѣсто. Но своеобразная *привычка* царя могла помѣшать народу гулять на рѣкѣ. Въ этомъ случаѣ, какъ во многихъ другихъ, лѣтопись, очевидно, нѣсколько преувеличила. Она подчеркнула особенности, которыя принадлежали общимъ нравамъ той эпохи. Бой съ медвѣдями въ то время считался обычнымъ и любимымъ развлеченіемъ народа.

Помимо всякихъ легендъ, Александровская слобода оставила воспоминанія, довольно оскорбительныя для нравственности. Молитвенные обряды тамъ смѣнялись пирами, превращавшимися въ оргіи. Въ жизни Грознаго женщина

всегда занимала видное мѣсто. Вполнѣ возможно, что даже опричники служили для удовлетворенія такихъ наклонностей и вкусовъ его страстной и неумѣренной природы, которыхъ, повидимому, не могли ослабить въ немъ ни старость, ни болѣзни. Возможно, что этотъ привычный развратъ принималъ иногда самыя отвратительныя и жестокія формы. Мы допускаемъ, что лѣтописцы давали большой просторъ своей фантазіи, изображая, напримѣръ, какъ Скуратовы и Басмановы въ исступленіи садизма заставляли крестьянскихъ дѣвушекъ голыми гоняться за курами и пронзали ихъ стрѣлами... Впрочемъ, въ то время даже настоящіе монастыри часто походили на вертепы разврата. Не трудно представить, что происходило у Александровскихъ „иноковъ“. Самъ игуменъ—царь могъ служить живымъ примѣромъ разврата. Онъ успѣлъ удалить отъ себя трехъ или четырехъ женъ. Со времени смерти Анастасіи семейная жизнь его не представляла ничего поучительнаго. Однако, какъ же согласовать эту распущенность царя съ его постояннымъ стремленіемъ вступать въ новые брачные союзы? Повидимому, это совершенно противорѣчитъ ходячимъ легендамъ о цѣлыхъ толпахъ женщинъ, будто бы приводимыхъ въ Александровскую слободу, или о гаремѣ, повсюду сопровождавшемъ царя въ его поѣздкахъ. Иванъ былъ большимъ любителемъ женщинъ, но онъ въ то же время былъ и большимъ педантомъ въ соблюденіи религіозныхъ обрядовъ. Если онъ и стремился обладать женщиной, то только какъ законный мужъ. Поэтому онъ часто комично прикрывалъ свои вожделѣнія обрядомъ церковнаго брака.

III.

Семейная жизнь Ивана.

Второй разъ Иванъ женился въ 1561 г. на полудикой черкешенкѣ Темрюковнѣ, названной при крещеніи Маріей. Умерла она въ 1569 г. О ней ходила молва, что она была такъ же распущена по своимъ нравамъ, какъ и жестока по природѣ. Чрезъ два года послѣ ея смерти Иванъ избралъ себѣ въ жены дочь простого новгородскаго купца Марѳу Васильевну Собакину. Она прожила послѣ свадьбы всего лишь двѣ недѣли. Царь увѣрялъ, что ее отравили раньше, чѣмъ она стала его женой, т. е. она умерла дѣвственницей. Этимъ царь хотѣлъ оправдать свое намѣреніе вступить въ четвертый бракъ, о которомъ онъ сталъ думать немедленно послѣ смерти Марѳы. Церковныя правила

препятствовали царю осуществить его намѣреніе. Онъ сталъ доказывать необходимость для себя новаго союза, утверждая, что у него отравили одну за другой три жены, и говорилъ, что послѣ смерти второй супруги онъ уже былъ готовъ самъ уйти въ монастырь. Только заботы о воспитаніи дѣтей и о своемъ государствѣ, гдѣ онъ долженъ былъ по его словамъ „защищать вѣру христіанскую", удержали и теперь удерживаютъ въ мірѣ. Онъ долженъ избрать себѣ подругу, чтобы „избѣжать грѣха". Церковь уступила настоятельнымъ просьбамъ царя. Она только наложила эпитимію на этого неукротимаго жениха. Въ 1572 г. онъ повелъ къ алтарю дочь одного изъ своихъ придворныхъ вельможъ, Анну Колтовскую. Чрезъ три года онъ заточилъ ее въ монастырь. Предлогомъ къ этому послужило предъявленное къ царицѣ обвиненіе въ заговорѣ противъ царя. Разводъ сопрождался рядомъ казней, совершенно истребившихъ семью царицы. Анна прожила въ Тихвинѣ до 1626 г. подъ именемъ инокини Дарьи.

Послѣ этого царь приблизилъ одну за другой двухъ наложницъ—Анну Васильчикову и Василису Мелентьеву. Обѣ они признавались его супругами, хотя для сожительства съ ними онъ испросилъ только разрѣшенія своего духовника, понимавшаго, очевидно, что для такого человѣка, какъ Иванъ, нужно изобрѣтать болѣе эластичныя правила. Вокругъ обѣихъ наложницъ царя создалась масса легендъ. Судьба ихъ вдохновила многихъ поэтовъ и романистовъ. Въ одной извѣстной драмѣ Островскій выводитъ обѣихъ героинь и противопоставляетъ ихъ другъ другу. Онъ изображаетъ ихъ соперничество изъ-за сердца Грознаго. Можетъ быть, здѣсь много фантастическаго элемента, но авторъ дѣйствительно воскрешаетъ ту среду, въ которой жили и страдали эти женщины. Авторъ дѣлаетъ Василису служанкой Анны, которая съ ужасомъ видитъ, что ея соперница займетъ ея мѣсто въ сердцѣ царя, и говоритъ ей:

„Мнѣ страшно здѣсь, мнѣ душно, непривѣтно
Душѣ моей; и царь со мной не ласковъ,
И слуги смотрятъ исподлобья. Слышны
Издалека мнѣ царскія потѣхи,
Веселья шумъ,—на мигъ дворецъ унылый
И пѣснями, и смѣхомъ огласится;
Потомъ опять глухая тишь, какъ будто
Все вымерло, лишь только по угламъ,
По терему о казняхъ шепчутъ. Нечѣмъ
Души согрѣть. Жена царю по плоти,

По сердцу я чужая. Онъ мнѣ страшенъ!
Онъ страшенъ мнѣ и гнѣвный, и веселый,
Въ кругу своихъ потѣшниковъ развратныхъ
За срамными рѣчами и дѣлами.
Любви его не знаю я, ни разу
Не подарилъ онъ часомъ дорогимъ
Жену свою, про горе и про радость
Ни разу онъ не спрашивалъ. Какъ звѣрь,
Ласкается ко мнѣ, безъ словъ любовныхъ,
А что въ душѣ моей, того не спроситъ"...

Быть можетъ, Островскій остается историкомъ и тогда, когда изображаетъ Ивана наединѣ съ Василисой уже послѣ того, какъ она формально была приближена къ царю. Грозный уже пресытился и хочетъ ее бросить. Василиса удерживаетъ его. Ей страшно. Она говоритъ о мертвецахъ, стоящихъ между ними. Ея ужасъ передается самому царю. Василиса проситъ развлечь ее. Царь отвѣчаетъ, что онъ здѣсь не для забавы. Она зябнетъ. Иванъ уже держитъ въ рукѣ кинжалъ, готовый поразить ее, но, по ея знаку, снимаетъ съ себя кафтанъ и кутаетъ ей ноги. Василиса хочетъ, чтобы Иванъ назвалъ ее царицей. Тотъ возмущается: „Какая ты царица? Развѣ я вѣнчался съ тобой, возлагалъ на твою голову корону?" Но она отвѣчаетъ: „Зачѣмъ ты споришь съ глупой женщиной? Плюнь на нее и дѣлай то, что она хочетъ." Грозный и на этотъ разъ покоряется. Она заснула. Тогда онъ былъ увѣренъ, что она больше не слышетъ его, онъ начинаетъ говорить ей о своей любви. Онъ, отваживавшійся на все, не смѣлъ ей раньше этого сказать.

Намъ ничего неизвѣстно о причинахъ немилости, постигшей обѣихъ возлюбленныхъ царя. Быть можетъ, Островскій опять угадалъ это, вложивъ въ его уста слѣдующія слова, обращенныя къ Васильчиковой: „Ты похудѣла, я не люблю худыхъ"...

По преданію, въ 1573 г. на смѣну Василисѣ явилась новая любовница царя, Марія Долгорукая. Однако, послѣ первой же ночи Иванъ бросилъ ее. Одни говорятъ, что Грозный заподозрилъ ее въ любви къ другому. Другіе же утверждаютъ, что она оказалась уже лишенной дѣвственности. Такъ или иначе, а Долгорукая погибла: ее посадили въ коляску, запряженную лихими лошадьми, и утопили въ рѣкѣ Серѣ. Впрочемъ, эти подробности связываются съ различными именами возлюбленныхъ Ивана. По свидѣтельству нѣкоторыхъ лѣтописей, подтверждаемыхъ фонъ Бухау, Васильчикова продолжала еще три года пользоваться ласками

царя. Но умерла она всетаки насильственной смертью. Карьера Василисы была болѣе короткой. По показаніямъ лѣтописцевъ, еще совсѣмъ молодой и красивой, она была заточена въ одинъ изъ подгородныхъ монастырей. Иванъ будто бы замѣтилъ, что ей приглянулся князь Иванъ Девтелевъ, который тотчасъ же былъ казненъ.

Въ сентябрѣ 1580 г., въ то время, когда Баторій готовился къ новой побѣдоносной кампаніи, царь вступилъ въ седьмой или восьмой болѣе или менѣе законный бракъ съ Маріей Нагой, дочерью боярина Ѳедора Ѳедоровича. Она скоро стала матерью царевича Дмитрія. Въ то же время царь женилъ своего сына Ѳедора на сестрѣ Бориса Годунова Иринѣ и создалъ, такимъ образомъ, новую семью, на которой сосредоточилась его любовь. Впрочемъ, это не мѣшало ему лелѣять мечту о бракѣ съ Маріей Гастингсъ.

Легко себѣ представить, чѣмъ могла быть при такихъ условіяхъ домашняя жизнь царя. Въ 1581 г. она была взволнована и отражена новой катастрофой, о которой я уже упоминалъ выше.

IV.

Семья царя.

Отъ первой супруги Иванъ имѣлъ двухъ сыновей. Младшій изъ нихъ, Ѳеодоръ, былъ болѣзненный и слабъ умомъ. Съ нимъ не считались. Старшій, Иванъ, повидимому, и физически, и нравственно напоминалъ отца, дѣлившаго съ нимъ занятія и забавы. Подобно отцу онъ былъ не чуждъ образованія. Его рукопись о житіи св. Антонія сохранилась въ бумагахъ графа Ф. А. Толстого. Въ тридцать лѣтъ онъ былъ женатъ уже въ третій разъ. По свидѣтельству Одерборна, отецъ съ сыномъ мѣнялись своими любовницами. Одна изъ фаворитокъ царевича пожаловалась однажды царю, что нѣкоторыя лица распространяютъ обидныя для нея слухи. Царь велѣлъ разложить виновныхъ голыми на снѣгу на позоръ проходящихъ. Я привожу эту подробность, чтобы показать, каковы были отношенія между Грознымъ и его наслѣдникомъ.

Первой женой царевича была Евдокія Сабурова. Второй—Прасковья Соловая. Обѣ онѣ должны были разлучиться съ мужемъ и принять монашество. Третья супруга Елена Шереметева была беременна въ то время, когда царь въ припадкѣ гнѣва убилъ ея мужа. Существуетъ нѣсколько версій, объясняющихъ это событіе. Нѣкоторые лѣтописцы

говорятъ, что царевичъ, видя успѣхи Баторія, упрекалъ отца въ малодушіи и хотѣлъ самъ стать во главѣ арміи, чтобы отбросить опаснаго противника. Другіе источники говорятъ, что царевичъ заступился за ливонскихъ плѣнниковъ, съ которыми дурно обращались опричники. Но это вызываетъ сомнѣніе: между отцомъ и сыномъ существовало согласіе въ идеяхъ и чувствахъ. Поссевинъ, бывшій чрезъ три мѣсяца послѣ происшествія въ Москвѣ, указываетъ на иную причину. Иванъ будто бы встрѣтилъ свою невѣстку во внутреннихъ покояхъ дворца и замѣтилъ, что ея костюмъ не вполнѣ соотвѣтствовалъ требованіямъ приличій того времени. Возможно, что при своемъ положеніи она не надѣла пояса на сорочку. Оскорбленный этимъ царь-игуменъ ударилъ ее съ такой силой, что въ слѣдующую ночь она прежде времени разрѣшилась отъ бремени. Естественно, что царевичъ не воздержался отъ упрековъ по адресу царя. Грозный вспылилъ и замахнулся своимъ посохомъ. Смертельный ударъ былъ нанесенъ царевичу прямо въ високъ.

Преступленіе было совершено царемъ безъ умысла. Но оно все же перешло даже ту мѣру, къ которой привыкли его современники. По словамъ Поссевина, Иванъ былъ въ отчаяніи. Онъ проводилъ цѣлыя ночи въ слезахъ и вопилъ отъ горя. На утро онъ собралъ бояръ и заявилъ имъ, что отнынѣ онъ считаетъ себя недостойнымъ больше занимать престолъ. Указывая на неспособность Ѳедора, онъ предлагалъ имъ избрать преемника. Придворные сразу увидѣли въ этомъ маневрѣ ловушку для себя и начали умолять царя сохранить власть за собой.

Изъ всѣхъ событій царствованія Грознаго смерть его сына наиболѣе поразила народное воображеніе. На всемъ пространствѣ русской земли звучали пѣсни, навѣянныя этимъ событіемъ. Ихъ можно было слышать отъ Архангельска до Владиміра и отъ Олонецкой области до Нижняго-Новгорода. Рыбниковъ издалъ пять такихъ пѣсенъ, Безсоновъ—двѣнадцать и Гильфердингъ—одиннадцать. Въ одной изъ этихъ былинъ жертвой оказывается не Иванъ, а Ѳедоръ. Объ измѣнѣ его говоритъ царю Малюта Скуратовъ:

„Измѣна въ твоихъ царскихъ палатахъ,
Сидитъ она рядомъ съ тобой,
Пьетъ и ѣстъ изъ одного блюда,
Носитъ одежду изъ одного съ тобой сукна“..

Народный поэтъ, очевидно, вспомнилъ слова евангелія отъ Матѳея: „Омочившій со Мною руку въ блюдо предастъ Меня“. Послѣ этого въ дѣйствіе вводятся царица Анастасія

и братъ ея Никита Романовичъ. Она спасаетъ безвиннаго царевича въ ту минуту, когда ему грозитъ гибель. По нѣкоторымъ версiямъ, царь требуетъ, чтобы его сыну отрубили голову и выставили передъ дворцомъ. Онъ велитъ вырвать у него сердце и печень и принесть ему. Никита Романовичъ, любимый герой народнаго эпоса, обманываетъ царя, убивъ простого холопа вмѣсто царевича. Мы видимъ какъ бы повторенiе исторiи Кира, или сказанiе о Женевьевѣ, или, наконецъ, повѣсть о Спящей Красавицѣ. Старшiй царевичъ, несмотря на свое сходство съ царемъ, а быть можетъ, благодаря именно этому сходству, пользовался большой популярностью. Его смерть явилась какъ бы народнымъ бѣдствiемъ, что было и вполнѣ естественно, такъ какъ будущее московскаго престола представлялось весьма печальнымъ. Ѳедоръ былъ полуидiотъ, Дмитрiй—еще дитя. Отъ своихъ любовницъ царь имѣлъ нѣсколькихъ сыновей, но они не признавались его законными наслѣдниками. Въ числѣ этихъ побочныхъ сыновей считали и Ѳедора Басманова, смѣлаго и очень жестокаго молодого человѣка. Царь болѣе, чѣмъ когда-либо, привязался къ семьѣ Годуновыхъ: очевидно, этотъ человѣкъ, не знавшiй жалости, самъ испытывалъ потребность въ нѣжномъ участiи. Говоря о Борисѣ Годуновѣ и его сестрѣ Иринѣ, царь сравнивалъ ихъ съ двумя пальцами своей руки. Но въ то же время царь больше, чѣмъ когда-либо, старался заглушить свою печаль и терзанiя совѣсти въ самомъ необузданномъ развратѣ. Эти излишества окончательно подорвали и безъ того уже разстроенное его здоровье. Можно ли думать, что въ мрачномъ дворцѣ Грознаго Содомъ уживался съ Цитерой, какъ утверждало большинство лѣтописцевъ? Какъ мы знаемъ, увѣщанiя Сильвестра, направленныя по адресу его непокорнаго духовнаго чада, повидимому, подтверждаютъ эти обвиненiя. Но мы видѣли, что подлинность соотвѣтствующаго посланiя Сильвестра сомнительна. Что касается извѣстныхъ словъ Поссевина, то они совершенно неправильно понимаются въ этомъ смыслѣ. Въ подлинномъ латинскомъ текстѣ сказано: „Qui gratissimus tredecium annos apud Principem fuerat atque in ejus cubiculo dormiebat"... Это значитъ только, что Богданъ Бѣльскiй, къ которому относится указанное мѣсто, исполнялъ при царѣ обязанности спальника. Вообще можно сказать, что въ томъ обвинительномъ актѣ, который лѣтописцы, а за ними и историки составили противъ Ивана, многiе пункты обоснованы не лучше, чѣмъ только-что указанный фактъ. Мы не сомнѣваемся въ безпорядочности образа жизни Ивана, и это ускорило роковую развязку, которую его могучiй организмъ,

казалось, отдалялъ на многіе годы. Послѣ смерти Анастасіи Иванъ отправилъ въ Троицкій монастырь 1000 рублей на поминъ души. Сумма эта въ два раза превышала раньше отправленную на поминъ его отца. Послѣ смерти царицы Мароы онъ сократилъ свои щедроты до 700 руб. Что касается царевича Ивана, то, по понятнымъ причинамъ, Грозный внесъ на упокой его души 5000 руб. Такую же сумму онъ отдалъ для своего собственнаго поминовенія. Онъ очевидно готовился уже къ смерти и не ошибся: его дни уже были сочтены.

ГЛАВА V.

Личность Грознаго и его дѣло.

I. Смерть.—II. Характеръ и темпераментъ.—III. Познанія и умъ.—IV. Идеи и чувства.—V. Итоги царствованія.

I.

Смерть.

Уже въ августѣ 1582 г., давая отчетъ о своей миссіи венеціанской синьоріи, Поссевинъ высказалъ мнѣніе, что московскому царю жить недолго. Въ началѣ 1584 г. обнаружились нѣкоторые тревожные симптомы, взволновавшіе государя и весь его дворъ. Тѣло Ивана распухло и стало издавать нестерпимое зловоніе. Врачи признали въ этомъ разложеніе крови. По свидѣтельству Горсея, Богданъ Бѣльскій обратился къ астрологамъ. Тѣ указали время, когда наступитъ смерть. Любимецъ Ивана ничего не сказалъ ему объ этомъ, онъ только предупредилъ астрологовъ, что, если ихъ предсказаніе не сбудется, ихъ сожгутъ живыми. Это было равносильно назначенію преміи за убійство царя. Поэтому послѣ его смерти многими высказывались подозрѣнія, что онъ былъ отравленъ Борисомъ Годуновымъ съ сообщниками.

Горсей говоритъ о необыкновенной сценѣ, свидѣтелемъ которой будто бы онъ былъ въ сокровищницѣ Ивана. Умирающій царь приказывалъ носить себя въ помѣщеніе, гдѣ хранились его драгоцѣнности, и любовался несмѣтными богатствами, съ которыми онъ долженъ былъ разстаться. Разъ онъ пожелалъ, чтобы Горсей сопровождалъ его въ это помѣщеніе. Здѣсь онъ велѣлъ показать себѣ различные драгоцѣнные камни и съ видомъ знатока объяснялъ ихъ достоинства и цѣнность. Взявъ въ руку нѣсколько камней бюрюзы, онъ обратился къ Горсею: „Видишь, какъ она измѣняетъ цвѣтъ, она блѣднѣетъ. Это значитъ, что меня

отравили. Это предвѣщаетъ мнѣ смерть.“ Затѣмъ онъ приказалъ подать себѣ скипетръ изъ кости единорога. Подъ этимъ именемъ былъ извѣстенъ одинъ видъ слоновой кости, слывшей за цѣлебное средство. Вооружившись этимъ чудодѣйственнымъ орудіемъ, царскій лѣкарь начертилъ на столѣ окружность. Внутрь ея посадили нѣсколько пауковъ. Насѣкомыя тотчасъ же околѣли. Оставшіеся же за чертой пауки разбѣжались. „Поздно, сказалъ Иванъ, теперь меня не спасетъ и единорогъ.“ Послѣ этого онъ опять занялся камнями. „Взгляни на этотъ алмазъ,—обратился онъ снова къ Горсею,—это лучшій и драгоцѣннѣйшій изъ всѣхъ камней Востока. Но я никогда не цѣнилъ его по достоинству. Алмазъ утишаетъ гнѣвъ и гонитъ сладострастіе. Онъ даетъ человѣку власть надъ собою и цѣломудріе... Худо мнѣ... Унесите меня отсюда... Мы придемъ въ другой разъ“...

Согласно Горсею, 18 марта 1584 г. государю стало легче. Это былъ именно тотъ день, который указали астрологи для его смерти. Бѣльскій напомнилъ, что ихъ ожидаетъ. Тѣ отвѣтили, что день еще не прошелъ. Принявъ ванну, Иванъ попросилъ шахматную доску. За нѣсколько дней до того, по его приказанью, были разосланы грамоты по монастырямъ помолиться за его грѣхи. Тутъ же онъ и самъ молилъ Бога отпустить монашествующей братіи ея прегрѣшенія передъ нимъ, государемъ. Эти документы сохранились въ цѣлости до нашего времени. Изъ нихъ видно, что Грозный даже на своемъ смертномъ одрѣ одновременно заботится какъ о спасеніи своей души, такъ и о достиженіи извѣстныхъ политическихъ цѣлей. Преданіе говоритъ, что передъ своей кончиной Иванъ проявилъ необыкновенную мягкость ко всѣмъ окружающимъ. Своего сына Ѳедора онъ убѣждалъ царствовать благочестиво, съ любовью и милостью, избѣгать войны съ христіанскими государствами. Онъ завѣщалъ ему уменьшить налоги, освободить плѣнныхъ и заключенныхъ. При всемъ этомъ, его порочная природа до конца не переставала выставлять свои требованія. Одерборнъ увѣряетъ, что умирающій царь въ своей похоти посягнулъ даже на свою невѣстку Ирину, къ которой онъ постоянно проявлялъ истинно отеческую нѣжность.

Съ полной достовѣрностью мы можемъ установить только дату смерти Ивана и нѣкоторыя обстоятельства, сопровождавшія ее. Царь пригласилъ Бориса Годунова сыграть съ нимъ въ шахматы и самъ уже началъ разставлять фигуры по доскѣ, какъ вдругъ почувствовалъ себя дурно. Спустя нѣсколько минутъ онъ уже хрипѣлъ въ агоніи. Такъ исполнилось предсказаніе астрологовъ. По желанію

Ивана, послѣ совершенія надъ нимъ предсмертныхъ обрядовъ, онъ принялъ монашество. Онъ назвался Іоной и оставилъ своему сыну Ѳедору царскій вѣнецъ, а Борису Годунову государственную власть.

Таковъ былъ первый царь всея Руси. Заканчивая свой трудъ, я постараюсь нѣсколько ярче обрисовать его образъ, хотя это трудно сдѣлать благодаря окутывающей его мглы и неясности прошлаго.

II.

Характеръ и темпераментъ.

Недостатокъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ позволяетъ намъ только приблизительно намѣтить внѣшній обликъ Ивана. По показаніямъ русскихъ современниковъ, онъ былъ сухощавъ. Иностранцы изображаютъ его полнымъ человѣкомъ. Быть можетъ, такое различіе взглядовъ зависѣло отъ несходства мѣрилъ, принятыхъ тѣми и другими. Русскіе люди того времени отличались такимъ дородствомъ, которое было несвойственно иностранцамъ. О ростѣ Ивана всѣ свидѣтельства сходны. Онъ былъ очень высокъ, хорошаго сложенія, съ широкой грудью. Въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ хранится кафтанъ, по преданію принадлежавшій Грозному. Глаголевъ недавно произвелъ измѣреніе его. Полученныя данныя говорятъ не въ пользу приведенной характеристики (Русскій Архивъ, іюль 1902 г.). Что касаетсается чертъ лица Ивана, то въ нашемъ распоряженіи имѣются лишь портреты весьма сомнительной подлинности. Они не могутъ служить для насъ надежнымъ основаніемъ. По свидѣтельствамъ, онъ имѣлъ длинный, выгнутый носъ, небольшіе, но живые глаза голубого цвѣта, съ проницательнымъ взглядомъ. Онъ носилъ большіе усы и густую рыжеватую бороду, которая замѣтно посѣдѣла къ концу его царствованія. Голову свою онъ брилъ. „Capillos capitis utque plerique Rutheni novacula radit,“ говоритъ фонъ Бухау.

Наибольшее количество свѣдѣній мы имѣемъ о второй половинѣ царствованія Ивана. Въ эту пору всѣ свидѣтельства отмѣчаютъ у него мрачное, угрюмое выраженіе лица, что однако не мѣшало ему часто разражаться громкимъ хохотомъ. Но здѣсь мы уже касаемся нравственной стороны этого человѣка, который такъ и останется загадкой, несмотря на всѣ попытки раскрыть его душу.

Иванъ былъ человѣкомъ энергичнымъ до тираніи и робкимъ до трусости, гордымъ до безумія и способнымъ поступаться своимъ достоинствомъ до низости. Онъ былъ

уменъ и могъ говорить и дѣлать глупости. Непонятно, зачѣмъ онъ оскорбляетъ короля Эрика въ то самое время, когда добивается его дружбы. Онъ можетъ называть себя „псомъ смердящимъ“ и вмѣстѣ съ тѣмъ коснѣть въ тѣхъ порокахъ, которые оправдываютъ этотъ эпитетъ. Нѣкоторые пробовали найти разрѣшеніе этихъ противорѣчій въ одной изъ новыхъ дисциплинъ, открытія которой пользуются, быть можетъ, чисто эфемерной славой. Отецъ и дѣдъ Ивана, повидимому, были людьми уравновѣшенными. Но прадѣдъ его Василій Темный былъ слабъ какъ умомъ, такъ и волей. Мать его Елена Глинская отличалась болѣзненностью. Отцу его было уже 50 лѣтъ, когда у него родился наслѣдникъ. Бабка его Софья Палеологъ происходила изъ фамиліи, въ которой всегда сказывалась предрасположенность къ нервнымъ заболѣваніямъ. Братъ Ивана Юрій страдалъ слабоуміемъ. У самого Грознаго дѣтей было въ три раза меньше, чѣмъ женъ. Первенецъ его умеръ еще младенцемъ. Второй сынъ, жестокій и кровожадный Иванъ, былъ убитъ отцомъ. Третій—Ѳедоръ былъ полуидіотомъ, о Димитріи ходили слухи, что онъ былъ боленъ падучей...

Не трудно угадать выводъ изъ всѣхъ этихъ данныхъ. Грозный былъ дегенератомъ или однимъ изъ тѣхъ параноиковъ, психологію которыхъ изучалъ Ломброзо.

Самое слабое мѣсто этого заключенія состоитъ въ томъ, что оно ничего не объясняетъ. Еще задолго до итальянскаго психіатра, Ревелье Паризъ (1834) и Шиллингъ (1863) пытались доказать, что геніальный человѣкъ всегда является невропатомъ, а часто и совсѣмъ душевно больнымъ субъектомъ. Эту теорію, впрочемъ, можно найти еще у болѣе старинныхъ авторитетовъ—отъ Паскаля до Аристотеля. Сравнительно не давно одинъ аргентинскій ученый (Mejja, Nevrosis de los hombres Bercnos, Ayres, 1885) повѣдалъ намъ, что всѣ великіе люди его родины были алкоголиками, нервно-больными или помѣшанными... Для Ломброзо и его послѣдователей совершенно ясно, что геній Наполеона является ни чѣмъ инымъ, какъ формой эпилептическаго невроза. Но этотъ выводъ намъ ничего не даетъ. Эпилептическій неврозъ—это просто этикетка, ничего не объясняющая. Мы видимъ, что между такимъ дегенератомъ, какъ Наполеонъ, и такимъ, какъ Иванъ, существуетъ громадная разница. Во всѣхъ поступкахъ перваго мы замѣчаемъ логическую послѣдовательность, что отсутствуетъ у второго. Наполеонъ, если онъ даже безумецъ, можетъ дѣйствовать вполнѣ разумно; Грозный слишкомъ часто проявляетъ внѣшніе признаки душевной болѣзни. Сама по себѣ гипотеза объ однородномъ психическомъ недугѣ у обоихъ

героевъ вовсе не разрѣшаетъ нашей проблемы, а только обходитъ ее.

Въ попыткахъ истолкованія характера и темперамента Грознаго есть существенное заблужденіе. Къ нему подходятъ совершенно такъ же, какъ къ любому изъ нашихъ современниковъ. Примѣняемые къ его изученію пріемы вызываютъ его личность изъ родной ему исторической среды. Извѣстно, какими чертами отличался Людовикъ XI. Попробуйте перенесть его въ условія XIX или XX в. Могъ ли бы теперь такой осторожный король попасть въ ловушку въ Перронѣ? Могъ ли бы теперь такой дальновидный политикъ дать увлечь себя къ стѣнамъ Льежа, чтобы принять участіе въ разрушеніи города, которому онъ же самъ оказывалъ покровительство? Очевидно, этого теперь бы не было. Но почему тогда онъ совершилъ это двойное безразсудство? Во второмъ случаѣ поведеніе его было позорно. Людовикъ XI былъ сыномъ своего времени, представителемъ полуварварскаго общества, гдѣ даже у наиболѣе развитыхъ людей проявлялся недостатокъ духовной координаціи и нравственной дисциплины. Эти свойства являются плодомъ вѣкового культурнаго развитія. Людовикъ, какъ и большинство его современниковъ, былъ импульсивной натурой. Это качество теперь наблюдается лишь у болѣе эксцентричныхъ субъектовъ. Попробуйте съ этой точки зрѣнія взглянуть на личность и дѣятельность Грознаго. Это сразу подвинетъ насъ къ должному разрѣшенію вопроса.

Иванъ дѣйствовалъ еще чаще, чѣмъ Людовикъ XI, какъ импульсивная натура. Въ нѣкоторыхъ его поступкахъ сказывались вліянія его среды или событій; въ другихъ онъ слѣдовалъ внутреннимъ побужденіямъ, заложеннымъ въ немъ природой и внушенныхъ ему воспитаніемъ. Какъ и дѣдъ, Иванъ былъ уменъ, но болѣе экспансивенъ. Онъ былъ также энергиченъ, но менѣе твердъ. Ко всѣмъ этимъ свойствамъ онъ унаслѣдовалъ пылкую душу отъ своей матери Елены Глинской. Часто Иванъ дѣйствовалъ порывисто. Но создателя опричнины нельзя упрекнуть въ недостаткѣ воли или логической послѣдовательности. Я уже показалъ неосновательность мнѣнія, что Грозный всегда передавалъ власть въ руки другихъ лицъ, не умѣя пользоваться ею самъ. Сильвестръ и Адашевъ такъ же мало были правителями въ 1548—1560 г., какъ и царь Симеонъ въ 1575—1576 г. Это, конечно, нисколько не мѣшало царю изображать изъ себя жертву своихъ любимцевъ, а во-второмъ случаѣ разыгрывать комедію съ жалкимъ подобіемъ государя.

Иванъ былъ до такой степени вспыльчивъ, что при ма-

лѣйшемъ раздраженіи „покрывался пѣной, какъ конь", по выраженію фонъ-Бухау, самаго достовѣрнаго изъ всѣхъ свидѣтелей. Часто онъ не умѣлъ сдерживаться и владѣть собой. Но часто онъ проявлялъ удивительную изворотливость, что видно въ борьбѣ съ Баторіемъ. На полѣ битвы онъ оставляетъ свое государство на произволъ. За то на дипломатическомъ поприщѣ упорно оспариваетъ побѣды своего противника. Здѣсь онъ не брезгаетъ никакими средствами.

Я уже говорилъ, каково было воспитаніе Грознаго. Въ дѣтствѣ онъ не зналъ любви и даже не пользовался должнымъ вниманіемъ. Онъ жилъ всегда подъ страхомъ насилій. Неудивительно, что въ немъ развилась нѣкоторая робость, выражавшаяся то въ недовѣріи собственнымъ силамъ, то въ нервной слабости передъ лицомъ опасности. Однако тотъ, кто 20 лѣтъ боролся съ разными Курбсками въ своемъ государствѣ, не былъ трусъ душой. Изъ того же источника Грозный вынесъ презрѣніе къ человѣку, часто принимавшее форму ненависти. Воспитатели Ивана потворствовали его низменнымъ инстинктамъ и оскорбляли его лучшія чувства. Таубе и Крузе съ убѣжденіемъ говорятъ о его „коварномъ сердцѣ крокодила". Грозный былъ лукавъ и золъ. Въ дѣтствѣ его обижали и глумились надъ нимъ. Всю свою жизнь онъ старался отплатить людямъ за эти униженія. Отсюда его безумная страсть издѣваться надъ людьми, когда онъ не могъ или не хотѣлъ мучить ихъ другими способами. Онъ испытывалъ острое наслажденіе, сбивая ихъ съ толку и упиваясь сознаніемъ своего превосходства при видѣ ихъ растерянности. Жалость или сочувствіе въ немъ совершенно отсутствовали. Этимъ онъ напоминаетъ Петра Великаго. Подобная черта развилась у обоихъ подъ вліяніемъ сходныхъ причинъ. Прочтите тѣ строки, которыя Иванъ пишетъ Курбскому послѣ побѣдоноснаго похода: „Ты писалъ, что я тебя послалъ въ немилости въ дальніе города... Съ Божьей помощью мы еще дальше пришли!.. Гдѣ ты думалъ найти покой послѣ трудовъ? въ Вольмарѣ? Мы уже дошли и туда. Пришлось тебѣ дальше убѣгать"...

Вспомните далѣе случай съ Василіемъ Грязнымъ, любимымъ царскимъ опричникомъ, попавшимъ въ плѣнъ къ татарамъ. Развѣ пожалѣлъ его Иванъ? Ничуть; хотя, впрочемъ, поиздѣвавшись надъ нимъ въ своемъ письмѣ, онъ заплатилъ за него выкупъ. У Грознаго нѣтъ послѣдовательности. Онъ постоянно возвращается къ яснымъ сужденіямъ. Будучи вспыльчивымъ деспотомъ, онъ замахивается на протестантскаго пастора, осмѣлившагося срав-

нивать въ его присутствіи Лютера съ апостоломъ Павломъ, но порывъ прошелъ—и тотъ же Грозный ведетъ мирную бесѣду съ Рокитой.

Наблюдая эти постоянныя вспышки, нѣкоторые видѣли въ нихъ то самое неистовство, которое саги приписывали древнимъ норманамъ. Эти неукротимые завоеватели, когда не оказывалось подъ руками врага, наносили въ бѣшеной ярости удары деревьямъ и скаламъ. Однако Грозный, при всей своей необузданной вспыльчивости, никогда не сражался ни со скалами, ни съ вѣтряными мельницами. Онъ не норманъ, скорѣе раздражительный, жестокій и коварный монголъ. Онъ скрытенъ, но отлично знаетъ, чего хочетъ, и хочетъ разумнаго или того, что, по крайней мѣрѣ, кажется такимъ при данныхъ обстоятельствахъ. Онъ изворотливъ, тонокъ и любознателенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Порой онъ бьетъ дальше намѣченной цѣли, что зависитъ отъ его необузданнаго темперамента. У него больше жертвъ, чѣмъ дѣйствительныхъ враговъ. Нельзя не согласиться на этотъ разъ съ Ломброзо, сказавшимъ, что разъ человѣкъ отвѣдалъ крови, убійство для него становится потребностью. Кровь повелительна настолько, что ей нельзя противиться. По его словамъ, чувственная любовь нерѣдко сплетается съ жаждой крови—видъ ея сильнѣе всего возбуждаетъ половую страсть... За кровавыми сценами всегда слѣдуетъ проявленіе самаго неистоваго разврата. (Преступный человѣкъ, I, 389).

Въ этомъ объясненіе жизни Александровской слободы.

Но и здѣсь нужно принимать во вниманіе историческую среду. Оправдывая нравы той эпохи, Соловьевъ ссылался на Филиппа. Это существенная ошибка. Праведники всегда представляютъ исключеніе. Не былъ ли Иванъ исключеніемъ въ противоположномъ смыслѣ? Вѣроятно, нѣтъ, потому что народъ легко мирился съ его казнями. Грозный только увеличилъ жестокость инстинктовъ и нравовъ, господствовавшихъ въ его странѣ. Онъ бросалъ на русскую землю кровавое сѣмя. Убійство сына его Димитрія въ Угличѣ, воцареніе самозванца и ужасъ смутнаго времени явились жатвой этого посѣва. Но что же дѣлали Шуйскіе и Курбскіе? Они пожали то, что сами сѣяли. Они учили своего будущаго палача презрѣнію къ человѣческой жизни, внушали ему презрѣніе ко всякой справедливости и законамъ.

Впрочемъ, воспитаніе Ивана напоминаетъ въ большей степени, чѣмъ принято думать, юность всѣхъ государей его времени. Мы знаемъ, что представлялъ изъ себя Донъ-Карлосъ прежде, чѣмъ имъ занялись поэты и романисты:

онъ жестоко мучилъ животныхъ и даже людей, окружавшихъ его, живьемъ жарилъ птицъ, калѣчилъ лошадей изъ своей конюшни.

Въ склонности Ивана каяться въ своихъ преступленіяхъ хотѣли видѣть признаки нервной болѣзни и даже психическаго недуга. Иванъ часто впадалъ въ преувеличенія, бичуя свои пороки. Но мнѣ кажется, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ любовью къ театральнымъ эффектамъ– черта, наблюдаемая у субъектовъ, постоянно ищущихъ красивыхъ позъ, разыгрывающихъ какую-нибудь роль, при чемъ дѣйствуютъ часто вопреки собственнымъ интересамъ. Вспомнимъ хотя бы Лютера, чтобы не обращаться къ другимъ знаменитымъ современникамъ Грознаго. У героя германской реформаціи эта манія доходила до полнѣйшаго забвенія совѣсти. Никто изъ государей древней Руси не любилъ и не умѣлъ говорить такъ, какъ Иванъ. Ни одинъ изъ нихъ не отличался такимъ искусствомъ въ спорахъ устныхъ и письменныхъ съ бѣглымъ бояриномъ или съ какимъ-нибудь иностраннымъ посломъ. Иванъ постоянно ведетъ эти споры безъ отдыха и даже стыда. Обнажаетъ свою душу, сбрасывая всѣ покровы, выставляетъ свои язвы и уродства: смотрите, каковъ я отвратителенъ!.. Онъ готовъ даже преувеличить свое безобразіе. Онъ въ посланіи къ Курбскому сравниваетъ себя со смердящимъ трупомъ. Говоритъ, что онъ своими злодѣяніями превзошелъ братоубійцу Каина, какъ Рувимъ осквернилъ ложе отца своего. Но все это не мѣшаетъ ему думать и утверждать, что во всемъ этомъ виноватъ тотъ человѣкъ, передъ которымъ онъ кается. Если онъ не можетъ внушить къ себѣ уваженіе и заставить восхищаться, то пусть хоть боятся, пусть видятъ и занимаются его особой. Не изъ этой ли школы впослѣдствіи выйдетъ Жанъ-Жакъ Руссо.

Иванъ разыгрываетъ большей частью трагическія роли. Но онъ не гнушается быть и первымъ шутомъ своего двора. Для него годится всякое амплуа, только бы ему не остаться не замѣтнымъ. Часто онъ смѣшиваетъ комическій элементъ съ трагическимъ. Онъ подозрѣваетъ стараго Челяднина въ заговорѣ. Отдаетъ его въ руки палача? Нѣтъ, и этого ему недостаточно. Онъ сходитъ съ трона, сажаетъ на него опальнаго боярина, земно кланяется ему, величая его царемъ. Потомъ вынимаетъ кинжалъ и наноситъ несчастному старику ударъ... „Ты думалъ сѣсть на мое мѣсто. Такъ вотъ же тебѣ !..“ Фонъ-Бухау видитъ въ Грозномъ черты сходства съ однимъ кардиналомъ, который былъ извѣстенъ своими веселыми рѣчами и выходками, и онъ былъ пораженъ подвижностью лица Ивана. Его взглядъ и тонъ мѣ-

нялись каждую минуту. Вотъ онъ бесѣдуетъ со своими приближенными. Рѣчь его ласкова, видъ привѣтливъ. Но кто-нибудь изъ окружающихъ не сразу его понялъ. Онъ тотчасъ же становится рѣзкимъ, лицо дѣлается свирѣпымъ. Кажется, что вотъ-вотъ произойдетъ ужасный взрывъ.

Какъ у многихъ людей, страсть къ ролямъ, къ театральности у Ивана была выраженіемъ гордости. Это была неiомѣрная гордость, но въ ней не было ничего страшнаго. При своихъ познаніяхъ по исторіи и географіи Иванъ могъ считать себя выше всѣхъ государей Европы. Онъ не хотѣлъ себя равнить даже съ императоромъ, который былъ выборнымъ монархомъ, или съ султаномъ, родъ котораго не восходилъ къ древнему Риму. Но и фараонъ XX династіи именовалъ себя владыкой всего міра. И теперь мы видимъ подобныя притязанія у нѣкоторыхъ государей Востока.

Гордостью Грознаго, быть можетъ, объясняется и его нежеланіе участвовать въ битвахъ, гдѣ для него былъ большой рискъ. Въ этомъ отношеніи онъ слѣдовалъ традиціямъ своего рода. Какъ и его дѣдъ, онъ не былъ героемъ въ обычномъ смыслѣ этого слова. Александры Великіе, Ганнибалы, Густавы—Адольфы, Карлы XII и Наполеоны проносятся, какъ метеоры. Для созданія чего-нибудь прочнаго люди такого склада, какъ Рюриковичи, болѣе подходящи. Людовикъ XI, правда, не имѣлъ ничего общаго съ Александромъ Македонскимъ или Наполеономъ, но и онъ жертвовалъ собой при Монлери. Но этотъ французскій король и не былъ полуазіатскимъ деспотомъ.

Свойства восточнаго человѣка Иванъ обнаруживаетъ и въ необыкновенной легкости, съ которой онъ переходитъ отъ надменности къ крайнему униженію при неудачахъ. Но удары судьбы его не сокрушаютъ. Онъ сгибается подъ ними, ползетъ по землѣ, но всегда готовъ снова подняться на ноги. Несмотря на эти черты, Грозный оказывается до нѣкоторой степени европейцемъ, человѣкомъ извѣстной духовной культуры, и онъ не выноситъ грубой лести. Гуаньино сообщаетъ характерный эпизодъ, вполнѣ правдоподобный, если сопоставить его съ другими аналогичными случаями. Иванъ выкупилъ изъ плѣна у Баторія двухъ своихъ воеводъ—Осипа Щербатова и Юрія Барятинскаго. Когда они явились къ нему, онъ съ любопытствомъ сталъ ихъ распрашивать. Щербатовъ говорилъ искренно, признавая могущество польскаго короля. Барятинскій, желая угодить царю, говорилъ обратное. По его словамъ, у Баторія нѣтъ войска и крѣпостей, и онъ дрожитъ передъ именемъ

московскаго царя. „Бѣдный король!“ сказалъ Иванъ, „какъ мнѣ его жаль!“ потомъ схватилъ свой посохъ и началъ имъ колотить своего безстыднаго придворнаго, приговаривая: „Вотъ тебѣ награда, обманщикъ“!

Иванъ по-своему былъ образованъ и выгодно отличался не только отъ русскихъ, но и отъ современныхъ европейскихъ государей. Если онъ и не обладалъ большими научными свѣдѣніями, то во всякомъ случаѣ питалъ любовь къ знанію. Въ этомъ его существенное отличіе отъ Людовика XI, который смертельно ненавидѣлъ науку и говорилъ, что она наводитъ на него меланхолію. Больше всего напоминаетъ собой Грозный Франциска I. Каковы же собственно были его познанія?

III.

Познанія и умъ Ивана.

Иванъ почерпнулъ много свѣдѣній изъ своего разносторонняго чтенія. Но онъ не могъ привесть въ порядокъ этотъ матеріалъ въ своей головѣ. Въ первые годы царствованія Ивана правленіе бояръ оставляло ему много досуга и вынуждало замыкаться въ свой собственный внутренній міръ. Въ эту пору онъ читалъ все, что попадалось подъ руку и возбуждало его любопытство. Онъ читалъ Священное Писаніе и римскую исторію, русскія лѣтописи и византійскія хронографы, творенія отцовъ Церкви и житія святыхъ. Отсюда онъ почерпнулъ много мыслей и выбиралъ тѣ, которыя, по его мнѣнію, относились къ нему, касались его положенія и предсказывали ту роль, которую онъ мечталъ сыграть. Въ перепискѣ съ Курбскимъ мы видимъ разнообразіе этихъ познаній и то, какъ онъ пользовался ими. Его посланія къ бѣглому князю представляютъ памфлетъ въ двухъ частяхъ, удары котораго направлены противъ бояръ. Къ нему присоединяется разсужденіе о верховной власти. Иванъ аргументируетъ цитатами, приводимыми, очевидно, наизусть. Текстъ этихъ цитатъ большею частью не точенъ. Едва ли Иванъ допускалъ подобныя искаженія сознательно. Въ его изложеніи Григорій Назіанзинъ чередуется съ Иваномъ Златоустомъ, пророкъ Исаія съ Моисеемъ, библія съ греческой миѳологіей, Илліада и заимствованныя древней русской словестностью сказанія о взятіи Трои съ Евангеліемъ. Все это смѣшивается самымъ причудливымъ образомъ съ удивительнымъ сочетаніемъ именъ. Зевсъ и Діонисъ оказываются въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Авимеле-

хомъ и Гедеономъ, Энея съ Гензефихомъ, царемъ савраматовъ (sic)... Онъ пишетъ даже Зинзирихъ. Поражаютъ самые невѣроятные анахронизмы. Вмѣстѣ съ политическими афоризмами мы встрѣчаемъ философскія разсужденія. Курбскому эта литература казалась болтовней старой бабы. Но весь этотъ хаосъ идей и образовъ, несомнѣнно, слагается въ одно цѣлое. При внимательномъ разсмотрѣніи мы замѣчаемъ тонкую, но никогда не рвущуюся нить, связывающую весь этотъ матеріалъ. Она превращаетъ этотъ безпорядочный матеріалъ въ страстную защиту власти, въ томъ видѣ какъ понимаетъ ее авторъ, т. е. единой, безусловной, божественной по своей природѣ и недосягаемой для обыкновенныхъ смертныхъ. Здѣсь совсѣмъ не важно, что этотъ писатель—самоучка смѣшиваетъ событія и эпохи, говоритъ о раздѣленіи Восточной имперіи при Львѣ Армянинѣ, ошибается на два столѣтія, опредѣляя время завоеванія Персіи арабами. Вся эта варварская эрудиція не стоитъ ничего, важны тѣ идеи, которыя проникаютъ эту безпорядочную груду фактовъ. Передъ нами пылкій деспотъ, оперирующій такими данными, которыхъ не знали ни отецъ его, ни дѣдъ. Въ своихъ познаніяхъ онъ черпаетъ доводы въ пользу теоріи, о которой тѣ не имѣли представленія. Иванъ уже открываетъ новый міръ. Этого одного достаточно, чтобы прославить необыкновеннаго государя, проявившаго первымъ въ своей странѣ, если не научныя познанія, то вкусы, инстинкты и страсти новаго человѣка.

На впечатлительную натуру Ивана воспоминанія такъ же дѣйствовали, какъ и самыя событія. Они господствовали надъ его мыслью. Вся его эрудиція властвовала надъ нимъ больше, чѣмъ онъ распоряжался ею. Она заставляла его переходить отъ одного предмета къ другому и диктовала ему самыя неожиданныя отступленія. Его постоянная страстность и раздражительность, всегда пробуждавшаяся во время письма, мѣшала ему съ должнымъ разборомъ пользоваться своими знаніями. Онъ не взвѣшивалъ того, что попадало ему подъ руку, пускалъ въ ходъ всѣ средства, не задумываяся надъ тѣмъ, годны ли они.

Иванъ любилъ выставить на показъ все, что зналъ или что казалось ему знаніемъ. Съ литературной точки зрѣнія онъ представляетъ чистаго полемиста. Хотя онъ словоохотливъ и даже болтливъ, но при всѣхъ своихъ отступленіяхъ и разлагольствованіяхъ онъ умѣетъ подмѣтить какъ слабую, такъ сильную сторону своего противника и наноситъ ему ударъ въ самое слабое мѣсто. Курбскій былъ человѣкомъ начитаннымъ, по тому времени ученымъ. Иванъ старается превзойти его своей книжной мудростью, будучи

увѣреннымъ, что тотъ не сможетъ провѣрить его цитатъ. Но Курбскій не только ученъ, но и религіозенъ. Иванъ это знаетъ и старается нанесть ему ударъ и съ этой стороны. Онъ изображаетъ, какъ бѣглый бояринъ вмѣстѣ съ поляками разрушаетъ православныя церкви, упрекаетъ его въ томъ, что ногами своими попираетъ святыя иконы и, какъ Иродъ, избиваетъ невинныхъ младенцевъ. Царь льетъ слезы надъ этими жертвами и надъ самимъ палачомъ. Онъ любилъ лиризмъ и никогда не отказывалъ себѣ въ удовольствіи удариться въ пафосъ. Курскій упомянулъ о крови, пролитой имъ на службѣ царя. Иванъ возражаетъ ему: „А я развѣ не проливалъ пота и слезы благодаря вашему неповиновенію?"

Нельзя не согласиться съ Ключевскимъ, что въ этой риторикѣ меньше убѣжденія, чѣмъ желанія убѣдить, больше фосфорическаго блеска, чѣмъ настоящаго жару. Нѣкоторые склонны были видѣть въ письмахъ Грознаго коллективное произведеніе любимцевъ царя. Такую гипотезу между прочимъ поддерживалъ Михайловскій, проницательный, но тендеціозный критикъ. Онъ заимствовалъ ее у автора одного дрянного романа (Князь Курбскій, *Ѳедорова*, 1843 г.). Но эта гипотеза рушится при первомъ же знакомствѣ съ источникомъ. Самъ Михайловскій признаетъ за нимъ единство настроенія и стиля. Личность автора, его „когти" чувствуются въ каждой строкѣ.

Въ идейномъ движеніи своей эпохи Иванъ не занимаетъ перваго мѣста. Въ борьбѣ, которая шла между нравственными идеалами суровыхъ старцевъ и испорченностью большинства, онъ примыкалъ не къ достойнѣйшей сторонѣ; однако, нельзя сказать, что онъ дѣйствуетъ единодушно съ самыми худшими элементами. Въ этомъ конфликтѣ стояли другъ передъ другомъ два противоположныхъ полюса. Съ одной стороны отшельники-аскеты, съ другой—отчаянные головорѣзы, утратившіе связь съ обществомъ. Иванъ занялъ среднее положеніе. Онъ былъ богато одаренъ природой, но, чтобы быть представителемъ благороднѣйшей группы высшихъ стремленій, ему не доставало ни ума, укрѣпленнаго науками, ни чистоты сердца. На Стоглавомъ Соборѣ онъ былъ готовъ поддержать партію реформъ. Однако шаткость его убѣжденій не позволила ему этого сдѣлать. Въ религіозныхъ вопросахъ онъ оставался человѣкомъ стараго закала. Для него ношеніе бороды и однорядки имѣло такое же значеніе, какъ и догматы вѣры. Ученіе Нила Сорскаго только скользнуло по уму Грознаго, но не проникло въ его сознаніе. Пріобщиться къ болѣе широкимъ культурнымъ теченіямъ Запада въ области науки и искусства

у Ивана не было средствъ. Европа была далеко, а Москва слишкомъ отстала отъ западно европейскаго міра. Грозный рѣшилъ прибѣгнуть къ самому простому средству. Онъ захотѣлъ получить отъ своихъ сосѣдей внѣшнія блага ихъ цивилизаціи. Онъ потребовалъ отъ нихъ печатниковъ, мастеровъ и инженеровъ. Этимъ путемъ обыкновенно идутъ отсталые народы, желая наверстать упущенное. Вспомните Японію. Но усвоенная такимъ образомъ культура оказывается искусственной и поверхностной. Новая Россія представляетъ примѣръ этого.

Обвинители Грознаго склонны отрицать у него всякую оригинальность. По ихъ мнѣнію, онъ только шелъ по слѣдамъ своего дѣда Ивана III, и въ этомъ онъ не обнаружилъ ловкости. Защищаясь противъ литературной оппозиціи, онъ будто бы прибѣгалъ къ готовымъ теоріямъ и идеямъ, заимствованнымъ изъ прочитанныхъ книгъ. Боярство еще раньше лишилось своихъ историческихъ прерогативъ. Государственная власть еще до Грознаго пыталась опереться на новыя соціальныя группы. Если Иванъ и попробовалъ организовать самоуправленіе общинъ, то и въ этомъ онъ только воскрешалъ лишь порядки далекаго прошлаго Въ пониманіи своей личной роли онъ только слѣдовалъ завѣтамъ Священнаго Писанія. Этимъ суровымъ судьямъ можно напомнить, что ничто не создается изъ ничего. Наполеонъ вѣдь не изъ собственной головы почерпнулъ содержаніе своего кодекса! Они, впрочемъ, готовы признать положительное значеніе за тѣми преобразованіями, которыя были совершены въ первую половину царствованія Ивана. Но и въ этомъ они заслугу относятъ на счетъ приближенныхъ царя. Потрудились ли они прочесть въ книгѣ Стоглаваго Собора 37 вопросовъ, касающихся церковнаго строя, и десять законопроектовъ, относящихся къ государственному управленію? Нельзя вѣдь не согласиться, что авторъ этихъ страницъ одно лицо съ оппонентомъ Курбскаго. Между тѣмъ, когда Иванъ писалъ своему бѣглому боярину, Адашевъ и Сильвестръ были далеко отъ него. Тождественъ не только духъ, но и стиль этихъ произведеній. На стилѣ же Ивана лежитъ яркій личный отпечатокъ. Ясно, что въ созданіи опричнины ни Адашевъ, ни Сильвестръ, ни Курбскій не принимали никакого участія. Между тѣмъ опричнина составляла одно цѣлое съ реформами 1551 г. Біографы Грознаго совершенно не понимаютъ опричнины, если они отказываютъ ему въ томъ, что признаютъ за его сотрудниками. Петръ Великій не ошибся, назвавъ себя продолжателемъ его дѣла.

Грозный былъ первымъ русскимъ царемъ не потому,

что онъ первый принялъ царскій титулъ, а потому, что первый понялъ реальную силу своего сана. Теорія единодержавной власти явилась еще до него. Уже съ XV вѣка въ московской литературѣ она развивалась достаточно ясно и полно. Но ни Василій, ни Иванъ III не задумывались надъ ея конкретнымъ смысломъ. Они были далеки отъ понятія о государѣ, которому Богъ вручилъ его власть, и онъ несетъ лишь передъ нимъ отвѣтственность за пользованіе своими сверхъ-человѣческими правами, безъ какихъ бы то ни было обязательствъ по отношенію къ своимъ сотрудникамъ. Его дѣйствія не подлежатъ никакому контролю. Онъ воплощаетъ въ себѣ божественный разумъ и волю.

Въ эту теорію Иванъ внесъ субъективный элементъ. Его мы не находимъ ни у одного изъ его предшественниковъ, не встрѣчаемъ его даже и у его преемниковъ. Петръ Великій считалъ себя первымъ слугой своего народа. Въ глазахъ же Ивана монархъ стоитъ выше своей державы и представляетъ собой нѣчто въ родѣ какой-то божественной ипостаси. Въ оскорбительныхъ посланіяхъ къ Баторію онъ заявляетъ, что государь выше державы, которой онъ повелѣваетъ. Польша побѣдила. Московское государство вынуждено было принять ея требованія. Но царь не хочетъ подчиниться этой необходимости: онъ паритъ въ какой-то высшей сферѣ, гдѣ никто не можетъ посягнуть на его права и достоинство. Это тонкое разсужденіе было продиктовано не столько логикой, сколько непосредственнымъ чувствомъ. Впрочемъ, идеи и чувства Ивана часто такъ смѣшиваются, что необходимо ихъ подвергнуть хотя бы бѣглому анализу.

IV.

Идеи и чувства Ивана.

Грозный много страдалъ, и эти преувеличивавшіяся обыкновенно имъ страданія многіе выводили изъ глубокаго нравственнаго источника. Иванъ живо сознавалъ пороки и недостатки политическаго и соціальнаго строя своего государства и чувствовалъ свое безсиліе бороться съ этимъ зломъ болѣе или менѣе дѣйствительными средствами. Мучительное раздвоеніе ощущалось имъ въ собственномъ духовномъ мірѣ. Онъ ясно видѣлъ свои недостатки, постоянно бичевалъ себя за нихъ, но не могъ или не хотѣлъ отъ нихъ избавиться. Но было бы ошибкой считать это раздвоеніе результатомъ недовольства самимъ собой. Представители школы Юрія Самарина, склонные ви-

дѣть въ Иванѣ одинокаго и непонятаго современниками героя, конечно, заблуждались. По ихъ мнѣнію, онъ только одинъ видѣлъ зловѣщіе признаки наступающаго разложенія. Не находя никого, кто бы могъ раздѣлить съ нимъ его презрѣніе и ненависть къ существующему порядку, онъ терялъ власть надъ собой въ своемъ мучительномъ одиночествѣ, и онъ разилъ въ отчаяніи все, что окружало его. Онъ не умѣлъ разобраться между добромъ и зломъ, существовавшимъ въ немъ самомъ и внѣ его. Ему не доставало воли, соотвѣтствовавшей силѣ его ума. Подобная оцѣнка несправедлива какъ по отношенію къ государю, такъ и по отношенію къ его эпохѣ. Иванъ былъ знакомъ и встрѣчался съ такими людьми, которые лучше его понимали необходимость оздоровленія общества и знали, какими средствами оно можетъ быть достигнуто. Идеалы сторонниковъ Нила Сорскаго отличались большей возвышенностью, чѣмъ стремленія самого царя. Въ своей борьбѣ съ боярствомъ Иванъ отлично понималъ, что дѣлалъ и кому наносилъ удары. Было бы исторической ошибкой представлять его, подобно Безстужеву-Рюмину, какимъ-то Гамлетомъ, который по своему темпераменту склоненъ къ отвлеченнымъ построеніямъ, но совершенно безсиленъ сдѣлать рѣшительный шагъ въ дѣйствительной жизни. Но опричнина—не абстракція, и Гамлетъ не могъ бы вести такую тонкую игру съ выдающимися дипломатами.

Иванъ отлично зналъ, чего хотѣлъ. Нѣкоторые видѣли доказательство безволія въ томъ, какъ Иванъ обращался съ людьми, служившими ему орудіемъ для проведенія въ жизнь его плановъ. Онъ постоянно ломалъ эти орудія, не удовлетворяясь ими. Но бросая одни, онъ искалъ другія. Это свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ самъ не способенъ былъ воплотить свои идеи. Онъ былъ будто бы скорѣе человѣкомъ мысли, чѣмъ дѣла, теоретикомъ и даже художникомъ. Онъ понималъ все прекрасное и доброе, но былъ безсиленъ воплотить отвлеченныя представленія въ дѣйствительность. Онъ любилъ сильныя ощущенія и искалъ художественныхъ эффектовъ даже въ ужасахъ своихъ казней... Это—положенія Константина Аксакова. Исходя изъ этого взгляда, нужно признать, что глава государства долженъ все дѣлать самъ. Но этого не достигалъ и Петръ Великій. Не безъ основанія его упрекали въ томъ, что онъ много вниманія удѣлялъ мелочамъ. Преобразователь нуждается въ сотрудникахъ. У Грознаго въ распоряженіи были или такія ничтожества, какъ Бѣльскій, или же такія чудовища, какъ Скуратовъ. Поэтому онъ совершалъ свое дѣло

собственными силами даже тогда, когда въ этомъ не было необходимости.

Какъ и Петръ Великій, онъ былъ только продолжателемъ. Онъ шелъ по пути своего дѣда. Въ борьбѣ прошлаго съ будущимъ онъ выступилъ защитникомъ тѣхъ самыхъ нравственныхъ, интеллектуальныхъ, соціальныхъ и особенно политическихъ интересовъ, за какіе боролся и тотъ. Но въ эту борьбу онъ внесъ кое-какія новыя идеи и средства. Иванъ III дѣйствовалъ молча, однимъ топоромъ. Иванъ IV не откладывалъ въ сторону этого топора, но дополнялъ работу палача экономическими преобразованіями и рѣчами. Можно ли было молчать, когда говорили вокругъ? Время молчанія наступило послѣ, когда теорія деспотической власти одержала побѣду и покорила всю державу. Чтобы Курбскому отвѣтило хотя слабое эхо, нужно было чтобы въ Европѣ началось новое революціонное броженіе: тогда въ Россіи раздался голосъ Радищева. Въ XVI же вѣкѣ на Руси всѣ разсуждали громко: Иванъ не могъ остаться въ сторонѣ и говорилъ.

Вопреки господствующему мнѣнію, Грозный проявилъ бо́льшую силу какъ практикъ, чѣмъ какъ теоретикъ. Онъ вышелъ побѣдителемъ изъ борьбы со всѣми Курбскими и послѣдовательно провелъ намѣченную имъ политическую програму. Во внѣшнихъ отношеніяхъ онъ долженъ былъ отступить только передъ фортуной и талантами Баторія. Между тѣмъ его идеи, какъ политическія, такъ и религіозныя, оказываются часто смутными и неустойчивыми. Его мыслительныя способности большею частью уступаютъ вѣрному инстинкту. Онъ почти безсознательно стремился опереться на народныя массы и самъ же отдалъ крестьянъ во власть служилыхъ людей. Онъ былъ весьма набоженъ. Въ 1547 г. чрезъ двѣ недѣли послѣ брака онъ предпринялъ паломничество вь Троицкій монастырь и шелъ пѣшкомъ, несмотря на стужу. Диспуты съ Поссевиномъ и Рокитою свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ былъ глубоко убѣжденъ въ превосходствѣ своей вѣры надъ другими. Однако, онъ часто позволялъ шутки, граничащія съ кощунствомъ Порой онъ проявляетъ нѣкоторую терпимость, но она лишена, повидимому, принципіальной основы, она обусловливается случайными настроеніями или оппортунизмомъ. Это хорошо поняли протестанты, которымъ онъ разрѣшилъ построить въ Москвѣ двѣ церкви, а потомъ подвергъ ихъ возмутительнымъ оскорбленіямъ. При взятіи Полоцка въ 1563 году предъ глазами царя были потоплены въ Двинѣ всѣ евреи, жившіе въ этомъ городѣ. Въ то время было запрещено евреямъ торговать въ Московскомъ государствѣ. Польскіе

послы жаловались на это. Иванъ привелъ въ свое оправданіе курьезные мотивы. По его словамъ, евреи склоняютъ его подданныхъ къ отпаденію отъ православной церкви и занимаются темными дѣлами, отравляя ядовитыми травами людей.

Царь, повидимому, намекалъ на одинъ странный случай. Съ 1551 по 1565 г. въ Москвѣ жилъ флорентинскій агентъ Джіованни-Тетальди. (Его воспоминанія были изданы господиномъ Шмурло въ 1891 г. въ С.-ПБ.) Онъ разсказываетъ, что въ Московское государство была привезена мумія. Изъ-за нея начался процессъ о контрабандѣ, осложнившійся болѣе тяжелыми обвиненіями. Бальзамированные трупы привозились сюда изъ Африки чрезъ Константинополь. Они цѣнились русскими весьма высоко и представляли предметъ обширнаго обмѣна на ряду съ пряностями, которыми торговали евреи. Одинъ польскій купецъ прислалъ въ Россію трупъ недавно казненнаго человѣка. Онъ набилъ его ароматическими травами. Муміи ввозились безпошлинно. Къ евреямъ предъявили обвиненіе, что они пытались провезть черезъ границу въ этомъ трупѣ товары, обложенные высокими пошлинами. Присоединились толки о людяхъ, убиваемыхъ евреями. Толки эти распространились въ народной массѣ. Иванъ не позаботился выяснить дѣло. Онъ остался вѣренъ отвращенію, какое внушали ему евреи. Эта импульсивная натура по-своему была чувствительна.

Нельзя отрицать, что въ idée fixe о путешествіи въ Англію, о которой онъ мечталъ до послѣднихъ дней своей жизни, проявлялась именно его чувствительность. Эта поѣздка для Грознаго была своего рода романомъ. Помимо практическихъ соображеній онъ проявилъ большую долю мечтательности. Въ его грезахъ съ одинаковой привлекательностью рисовались и союзъ противъ Баторія, и бракъ съ Маріей Гастингсъ.

Иванъ былъ своеобразенъ въ пониманіи и истолкованіи своей роли. Своей страстностью и стремительной энергіей, живой мимикой, широкими жестами и свободной рѣчью нѣкоторымъ напоминалъ удалого казака, богатыря цикла Ильи Муромца. Можно согласиться, что этотъ циклъ завершился на Руси не раньше реформъ XVIII вѣка. Еще народъ Петра Великаго жилъ въ мірѣ эпоса, подъ гармоническими напѣвами своихъ сказателей. Съ Ильей Муромцомъ Ивана сближаетъ его юморъ и бѣшенная вспыльчивость. Однако, психологія Ивана уже значительно сложнѣе. Во внѣшнемъ обликѣ обоихъ этихъ героевъ довольно много общаго. Ихъ роднитъ мечтательность, но Иванъ болѣе реалистиченъ. Когда умеръ этотъ царь, передавъ свой же-

лѣзный скипетръ въ слабыя руки и унеся съ собой въ могилу тайну своего могущества, народъ въ продолженіи цѣлаго столѣтія пѣлъ и мечталъ о немъ. Онъ встряхнулъ его могучей рукой. Тѣмъ удалымъ молодцамъ, которые не хотѣли все еще пробудиться отъ своихъ сновъ и вернуться къ дѣйствительности, приходилось особенно тѣсно, и имъ не оставалось ничего, какъ бѣжать куда-нибудь въ Украину.

Воображеніе было особенно сильно развито у Ивана, чѣмъ онъ рѣзко отличается отъ Петра Великаго, который былъ однимъ изъ самыхъ положительныхъ умовъ. Еще однимъ отличіемъ Ивана отъ другого преобразователя было его преувеличенное мнѣніе о своихъ способностяхъ, хотя оно самымъ курьезнымъ образомъ сочеталось съ недовѣріемъ къ самому себѣ и ко всѣмъ окружающимъ. Если бы спросили Петра, какимъ талантамъ онъ обязанъ своими успѣхами, онъ бы, навѣрное, отвѣтилъ подобно современному намъ американцу-капиталисту: „Какими талантами? У меня нѣтъ никакихъ талантовъ. Я работаю до упаду — вотъ и все". Иванъ же считалъ себя обладателемъ если и не всѣхъ, то многихъ талантовъ. Онъ изображалъ изъ себя представителя чуждой на Руси расы завоевателя, и въ этомъ своемъ происхожденіи онъ видѣлъ свое превосходство надъ простыми смертными. Въ душѣ Петра Великаго было уже сильно развито сознаніе своей русской національности. У него національная гордость была даже нѣсколько преувеличена. Петру, конечно, никогда бы не пришло въ голову сказать иноземному мастеру: „Смотри, взвѣшивай хорошенько. Всѣ русскіе — воры!" У Ивана же подобныя фразы вырывались не разъ. При всякомъ удобномъ случаѣ онъ любилъ говорить о своихъ „предкахъ нѣмцахъ". Интересно было бы знать, сохранилось ли въ вѣнскихъ архивахъ что-нибудь похожее на завѣщаніе, въ которомъ Иванъ будто бы передавалъ все свое наслѣдіе Габсбургамъ, какъ передаетъ объ этомъ Костомаровъ (Монографіи, XIII, 304, прим.) Я не могъ провѣрить этотъ фактъ, но считаю его маловѣроятнымъ. Однако въ самыхъ нелѣпыхъ басняхъ часто содержится зерно истины. Когда Вейтъ Ценге говорилъ о баварскомъ происхожденіи Ивана, онъ лишь повторялъ слова, слышанныя имъ изъ устъ московскаго царя, который производилъ слово *бояринъ* отъ *бавареиъ* (Карамзинъ, IX, примѣчаніе 166). Во всякомъ случаѣ, подлинное завѣщаніе Ивана, какъ и наилучшее отраженіе его облика, нужно искать въ его дѣлахъ. Къ нимъ я и обращусь, чтобы въ заключеніе выяснить общій характеръ ихъ и результаты.

V.

Итоги царствованія.

Противники Ивана, а за ними и позднѣйшіе его обвинители, несомнѣнно преувеличивали размѣры его казней. По словамъ Курбскаго, царь уничтожилъ цѣлые боярскіе роды—Колычевыхъ, Заболоцкихъ, Одоевскихъ и Воротынскихъ, но эти имена мы встрѣчаемъ въ документахъ позднѣйшаго времени. Гораздо большія опустошенія въ рядахъ аристократіи произвела эмиграція, не уничтожившая однако этого сословія. Иванъ въ этомъ отношеніи не придерживался какой-либо опредѣленной, рѣшительной системы. Онъ даже самъ старался обезпечить положеніе такихъ знатныхъ родовъ, какъ Мстиславскіе, Глинскіе и Романовы. Очевидно, онъ не боялся измѣны со стороны этихъ родовъ, не имѣвшихъ большихъ связей и находившихся въ родствѣ съ царемъ. Два первыхъ рода лишь недавно переселились въ Москву изъ Литвы, а третій выдалъ за Ивана Анастасію Романовну.

Ослабленіе родовой знати зависѣло главнымъ образомъ отъ экономическихъ причинъ, тѣсно связанныхъ съ нѣкоторыми государственными мѣропріятіями. Въ теченіе XVI вѣка земельная собственность боярства раздробляется, что было вызвано задолженностью московской знати. Въ приходо-расходныхъ книгахъ одного ростовщика того времени, Протопопова, встрѣчается цѣлый рядъ громкихъ фамилій, принадлежащихъ его должникамъ. Архивы Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря даютъ намъ возможность уяснить, какъ совершался этотъ процессъ раздробленія собственности. Въ 1557 г., очевидно, исчерпавъ свой кредитъ у разныхъ Протопоповыхъ, князь Ухтомскій продаетъ братіи этого монастыря за 350 р. большое село съ принадлежащими къ нему 17 поселками. Чрезъ три года онъ уступаетъ имъ еще четыре поселка за 150 р. Одновременно съ этимъ обитель пріобрѣтаетъ у тѣхъ же Ухтомскихъ обширное помѣстье. Наконецъ въ 1575 г. ей достается значительный луговой участокъ „за обѣдни". Такимъ путемъ все имущество Ухтомскихъ переходитъ въ другія руки. (Рожковъ, Сельское хозяйство московской Руси, 1899 г., 396).

Это обѣдненіе знатныхъ московскихъ фамилій является прямымъ слѣдствіемъ новаго политическаго режима и тѣхъ обязательствъ, которыя онъ налагалъ на родовую знать. Всеобщая служебная повинность заставляла боярство жить или при самомъ дворѣ или вблизи его. Если служилый человѣкъ не находился въ войскѣ, то онъ исполнялъ какія-

нибудь государственныя должности. Проживая въ своихъ вотчинахъ, бояре извлекали изъ нихъ скудный доходъ. Теперь же, оставивъ ихъ, они пришли въ полное разореніе. Затѣмъ явилась опричнина, повлекшая за собой массовую экспропріацію, совершавшуюся правительствомъ на извѣстныхъ общихъ основаніяхъ. Этимъ былъ нанесенъ сильный ударъ экономическому благосостоянію и политическому могуществу боярства. Въ довершеніе всего Иванъ началъ примѣнять систему круговой поруки среди боярства, благодаря чему послѣдствія эмиграціи отразились очень сильно на московской знати. За одного бѣглеца платили десять, а не то и сто другихъ. За исключеніемъ Строгановыхъ, мы не можемъ указать ни одной богатой и знатной фамиліи, которая уцѣлѣла бы отъ этого разгрома. Правда, еще и донынѣ среди богатыхъ русскихъ родовъ встрѣчаются прямые потомки Рюрика или Гедимина, какъ, напримѣръ, Трубецкіе, Голицыны, Куракины, Салтыковы, Бутурлины. Но богатство ихъ создалось не раньше XVIII вѣка милостями царицъ.

Отъ западно-европейской аристократіи русская знать отличалась отсутствіемъ феодальнаго духа. Въ XVI вѣкѣ она подверглась окончательной демократической нивелировкѣ. Служебная іерархія создавала новыя званія и преимущества, облекавшіяся въ систему мѣстническихъ счетовъ. Но въ этомъ не было ничего общаго съ корпоративнымъ духомъ въ европейскомъ смыслѣ этого слова. Напротивъ, этотъ порядокъ дробилъ даже самую семью на отдѣльные атомы, надъ которыми укрѣплялъ свою власть государственный порядокъ.

Казалось бы, что народъ долженъ остаться въ выигрышѣ отъ этого измѣненія, однако на его долю достались лишь горькіе плоды. Новый режимъ представлялъ двухэтажное сооруженіе—вверху служилые люди, внизу крестьяне. Рабство было и тутъ и тамъ. Въ этомъ случаѣ Грозный впрочемъ былъ только продолжателемъ и завершалъ программу, проводившуюся московскими государями уже два вѣка. Самая опричнина была лишь болѣе широкимъ примѣненіемъ той системы, которой держались предшественники по отношенію къ вновь пріобрѣтеннымъ областямъ и городамъ. Опричнина была въ сущности колонизаціей навыворотъ. Что касается колонизаціи въ обычномъ смыслѣ, то въ XVI вѣкѣ, какъ прежде, она была дѣломъ частной иниціативы, но и для нея Иванъ открылъ новые пути.

На западѣ его политика потерпѣла пораженіе. Но было бы несправеливо возлагать въ этомъ случаѣ всю отвѣтственность на него самого. Чрезъ полтара вѣка Петръ Ве-

ликій повторилъ попытку Ивана. Если бы онъ вмѣсто безумца, какимъ былъ Карлъ XII, встрѣтилъ новаго Баторія, быть можетъ, Полтавская битва имѣла бы иной исходъ. Но на востокѣ Грозный пріобрѣлъ Казань, Астрахань и Сибирь.

Съ экономической точки зрѣнія завоеваніе Казани не дало тѣхъ результатовъ, какихъ можно было ожидать. Очевидно, татары преувеличивали значеніе своей торговли, желая, чтобы султанъ отнялъ этотъ городъ у русскихъ. Англійскіе купцы были разочарованы, познакомившись съ Казанью. Но Иванъ вознаградилъ себя въ другомъ мѣстѣ. Предоставляя шведскимъ купцамъ свободный путь чрезъ свои владѣнія, хотя бы для проѣзда въ Индію, онъ добивался передъ ихъ правительствомъ такихъ же льготъ для своихъ подданныхъ. Его цѣлью было поддержать или завязать новыя торговыя сношенія съ иностранцами отъ Любека до Испаніи. Лѣтописи упоминаютъ о путешествіи русскихъ купцовъ въ 1561 г. въ Антверпенъ и Лондонъ. Въ англійскихъ источникахъ упоминается о присутствіи въ 1568 г. на берегахъ Темзы двухъ пріѣзжихъ москвичей— Твердикова и Погорѣлова. Къ нимъ относились какъ къ пословъ. Вѣроятно, они совмѣщали въ своемъ лицѣ дипломатовъ и торговыхъ людей.

Развитіе промышленности при Иванѣ было поверхностнымъ. Расширенію ея способствовали завоеванія на востокѣ. Пріобрѣтеніе низовьевъ Волги вызвало ростъ рыбныхъ промысловъ. Въ 1562 г. въ Переяславлѣ было 99 предпріятій такого рода. Широкіе размѣры приняло добываніе соли послѣ занятія Строгановыми Камскаго бассейна и открытія соляныхъ копей близъ Астрахани.

Финансовая политика Ивана не заслуживаетъ одобренія. Она сводилась къ ряду мѣропріятій чисто хищническаго характера. Нѣкоторыя указанія на этотъ счетъ можно найти у Флетчера. По его словамъ, Московское правительство потворствовало агентамъ мѣстной администраціи. Оно давало возможность обогащаться имъ разнаго рода поборами, а потомъ силой заставляло выдать себѣ награбленную такимъ образомъ добычу. Той же системы оно держалось и по отношенію къ монастырямъ. Оно широко практиковало систему откуповъ и монополій нѣкоторыхъ производствъ и извѣстныхъ видовъ торговли, добывая этимъ путемъ значительные доходы. Часто оно прибѣгало ко взысканіямъ съ должностныхъ лицъ денежныхъ суммъ, предъявляя къ намъ вымышленныя обвиненія. Англійскій дипломатъ сообщаетъ почти невѣроятный случай: правительство однажды потребовало отъ города Москвы цѣлую шапку живыхъ мухъ.

Налоги также являлись источникомъ эксплоатаціи. Правительство пользовалось ими самымъ нераціональнымъ образомъ. Всякую потребность оно удовлетворяло введеніемъ новаго налога. Оно не задумывалось надъ вопросомъ о соотвѣтствіи между налоговымъ бременемъ и платежными средствами населенія. Ему не приходило въ голову, что оно рискуетъ зарѣзать курицу, несущую золотыя яйца. Къ концу царствованія Ивана эта курица почти уже совсѣмъ перестала нестись.

Завоеваніе Казани и Астрахани имѣло значеніе главнымъ образомъ для церкви, расширивъ ея дѣятельность. Первому казанскому архіепископу Гурію удалось обратить въ православіе значительное число татаръ. Однако, до самаго конца царствованія православію приходилось вести борьбу съ язычествомъ, уцѣлѣвшимъ даже во внутреннихъ областяхъ государства, между прочимъ даже въ нѣкоторыхъ частяхъ Новгородской земли. Что касается попытокъ религіозной реформы, то Иванъ скоро отстранился отъ нихъ и въ лучшемъ случаѣ оказывалъ только слабую поддержку. Поэтому въ этой области не произошло существенныхъ измѣненій, умственный и моральный уровень духовенства оставался такимъ же, какимъ былъ и прежде.

Впрочемъ, нельзя не отмѣтить въ эпоху царствованія Грознаго общаго умственнаго подъема. Хотя школы, которыя предполагалось устроить послѣ собора 1551 г., такъ и остались только въ проэктѣ и книгопечатаніе ограничилось примитивными опытами. Авторъ посланій къ Курбскому долженъ быть признанъ представителемъ новаго умственнаго движенія, которое покидало монастырскія кельи и изъ душной атмосферы религіозныхъ преній выходило на широкій путь свѣтскихъ интересовъ. Начало духовной спекуляризаціи явилось одной изъ самыхъ крупныхъ побѣдъ царствованія Грознаго.

Однако, вплоть до международныхъ сношеній, Иванъ не могъ или не хотѣлъ отрѣшиться отъ нѣкоторыхъ традицій варварства, плохо мирившихся съ требованіями прогресса. Часто московскій дворъ обращался съ иноземными послами такъ, какъ съ военнопленными. Судьба ихъ была обыкновенно довольно печальна. Счастливы они были, если ихъ только продавали или раздавали монастырямъ въ качествѣ холоповъ. Случалось, что ихъ просто топили въ водѣ. Въ 1581 г. Иванъ приказалъ убить по миновеніи надобности шведскихъ „языковъ“: такъ назывались люди, которыхъ захватывали во время войны, чтобы добыть отъ нихъ необходимыя свѣдѣнія. Плѣнные поляки или шведы слу-

жили обычной единицей обмѣна при торговыхъ сдѣлкахъ татарскихъ купцовъ на константинопольскомъ рынкѣ.

Какъ бы то ни было, при всѣхъ своихъ недостаткахъ и порокахъ, ошибкахъ и преступленіяхъ Иванъ пользовался большой популярностью, передъ которой оказались безсильны какъ его неудачи, такъ и вліянія времени. Это обстоятельство нужно отмѣтить какъ одинъ изъ крупныхъ результатовъ его царствованія. Въ московскихъ историческихъ пѣсняхъ Грозный занимаетъ почетное мѣсто и не характеризуется отрицательными чертами. Напротивъ, онъ хотя и строгъ, но справедливъ и даже великодушенъ. Несомнѣнно, такая высокая оцѣнка зависѣла отчасти отъ религіознаго отношенія подданныхъ Ивана къ его власти. Онъ былъ для нихъ окруженъ мистическимъ ореоломъ, охранявшимъ его особу отъ посягательствъ критики. Но и независимо отъ этого народныя симпатіи на сторонѣ царя. Предается ли онъ кровавымъ оргіямъ надъ трупами убитыхъ татаръ или по простому подозрѣнію отдаетъ въ руки палача своихъ бояръ—народъ на его сторонѣ. Онъ воспѣваетъ его забавы и казни. Если же онъ не можетъ выразить ему свои восторги, онъ почтительно потупляетъ глаза или вымысломъ прикрываетъ то, что возмущаетъ его нравственное чувство. Онъ не хочетъ, чтобы Грозный убилъ своего сына. Государь былинъ, отдавъ приказаніе казнить сына, скоро раскаивается и щедро награждаетъ Никиту Романовича, съ опасностью для собственной жизни спасшаго царевича. Этотъ царь, по народному изображенію, имѣетъ нѣкоторыя слабости. Онъ вспыльчивъ, и первое его движеніе не всегда бываетъ благороднымъ. Подъ стѣнами Казани, куда фантазія народнаго поэта приводитъ вмѣстѣ съ Иваномъ Ермака и даже Стеньку Разина, царь заподозрилъ въ измѣнѣ своихъ инженеровъ, медлящихъ дѣлать подкопы, онъ угрожаетъ имъ казнями. Трусливые, какъ всегда въ народной исторіографіи, воеводы прячутся за спинами своихъ подчиненныхъ. Но одинъ молодой ратникъ беретъ на себя отвагу защищать своихъ товарищей, подкопъ взрывается, царь признаетъ свою ошибку и награждаетъ героя. Проникнувъ во взятый городъ, Иванъ милуетъ царицу Елену, которая вышла ему навстрѣчу съ хлѣбомъ и съ солью, онъ только велитъ крестить ее насильно и заключить въ монастырь. Но онъ приказалъ выколоть глаза царю Симеону, проявившему меньше покорности и больше достоинства—народъ на сторонѣ побѣдителя и въ этомъ случаѣ.

Здѣсь вся мораль той эпохи, съ которой связано имя Грознаго: культъ матеріальнаго величія и грубой силы—

идеалъ народа. За него онъ могъ пожертвовать всѣмъ остальнымъ, создавая иллюзію цѣнностію конечныхъ стремленій и не обращая вниманія на размѣры жертвъ для ихъ осуществленія. Въ этихъ мечтахъ сливались воедино царь и его народъ. Они воплотились въ жизни, когда выступилъ Петръ, чтобы завершить дѣло, которымъ открывается исторія новой Россіи. Смерть Грознаго оставила это дѣло незаконченнымъ. Онъ разрушалъ старый порядокъ, на созданіе новаго у него не хватило времени. Продолженіе его дѣла не было обезпечено. Несчастный соперникъ Баторія и убійца царевича-наслѣдника оставилъ государству войну съ Польшей и великую смуту. Скоро новый напоръ его западныхъ соперниковъ отдалъ имъ въ руки даже Москву, открывшаю свои ворота передъ призракомъ убитаго Димитрія. Боярская олигархія подняла снова голову, пользуясь шаткостью незаконченнаго государственнаго порядка. Это стало предметомъ исторіи XVII вѣка. Но и Петру Великому не удалось гарантировать свое наслѣдіе отъ случайностей. Послѣ него снова наступилъ было мракъ, но на помощь дѣлу явилась Екатерина II. Силы были уже большія. Онѣ матеріально увеличивались и нравственно укрѣплялись и обезпечивали будущность Россіи.

Конецъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ.

Кризисъ.

ЧЕТВЕРТАЯ ЧАСТЬ.

Окончаніе.